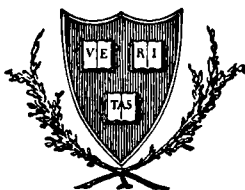

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

I 330.

Т 530

ИЗДАНИЕ

**ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ,**

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

CP 385.5

0001

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ADMIRAL CARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать
позволяется. 18 июля 1865 года.

Цензоръ Архимандритъ Фотій.

Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ.

СОВДИНЕННЫЕ АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ ВЪ РЕЛИГІОЗНО-ЦЕРКОВНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

(Продолженіе.)

II.

Съ такою же свободою относятся американскія Церкви къ догматическимъ истинамъ христіанства, съ какою держатъ себя по отношенію къ Богоучрежденной формѣ церковнаго устройства. Иначе впрочемъ и быть не можетъ, потому что и здѣсь, какъ тамъ, онѣ выходятъ изъ одного и того же принципа, — именно, что общество вѣрующихъ какъ имѣетъ право вводить у себя ту, или другую церковную форму, такъ имѣетъ право формулировать, такъ или иначе, свой символъ. Задняя мысль, скрывающаяся за этимъ принципомъ, состоитъ въ томъ, будто ни то ни другое, положительно не опредѣлено Божественнымъ Основателемъ Христіанской Церкви, а предоставлено Имъ на волю вѣрующихъ опредѣлять то и другое по своему усмотрѣнію. Слѣдствія этого отношенія къ догматическому содержанію христіанства вышли тѣ же самыя, какія произошли и отъ свободнаго, или, вѣрнѣе, произвольнаго отношенія къ исторической формѣ его церковнаго устройства; крайнее развитіе субъективизма, измѣльчаніе догматическихъ теорій, безконечная игра въ символическія формулы, или — чаще —

отрицание этихъ послѣднихъ. Какъ широко понимаютъ Американскія Церкви свое право распоряжаться догматическимъ содержаніемъ Христіанства и какъ эластичны ихъ понятія о томъ, что называется правильностью вѣроученія, его вѣрностью ученію Іисуса Христа и Апостоловъ, видно прежде всего на ихъ раздѣленіи своихъ церквей на православныя и инославныя. Мы сказали выше, что православными церквами въ Америкѣ называются тѣ, которыя принимаютъ символъ Аеанасія за основаніе своего вѣроученія, а инославными тѣ, которыя отвергають этотъ символъ; это значитъ — другими словами, — что православными церквами называются тѣ, которыя признають догматъ Троичности Лицъ и Божество Іисуса Христа, а инославными тѣ, которыя не признають этихъ догматовъ. Слѣдовательно, для того, чтобы быть православнымъ въ американскомъ смыслѣ этого слова, нужно только вѣровать въ Божество Іисуса Христа, принимать догматъ Троичности Лицъ и вѣровать признавать всѣ остальные догматы безразличными для спасенія. Понятно, что при такомъ отношеніи къ догматическимъ истинамъ отрывалась возможность самаго прихотливаго выбора и сочетанія ихъ: одно изъ двухъ было необходимо, или каждая Церковь дѣлала свой выборъ изъ догматическихъ истинъ и формулировала свой собственный символъ; или отвергала всякіе символы; предоставляя каждому изъ своихъ членовъ самому составлять для себя свой символъ. То и другое и дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ Американскихъ церквахъ. Перваго изъ этихъ методовъ держатся церкви, возникшія на Европейской почвѣ и переселившіяся на американскую уже съ установленнымъ вѣрнымъ устройствомъ и готовыми символами; послѣдняго — церкви,

образовавшихся на американской почве, ни влияния исторических преданий христианской Европы, или выродившихся из Европейских рационалистических sect.

Между церквами первого рода мы должны отличать прежде всего Лютеранскую церковь. Она аръиче вохъ другихъ держится исторической посылки. Въ Америкѣ она, какъ и всѣ другія церкви, раздѣлилася на нѣсколько вѣтвей: но всѣ эти вѣтви удерживаютъ строго сформулированный и исторически развѣщенный среди спорель, возникавшихъ въ разныя времена въ этой церкви, символъ вѣры. Это впрочемъ не значить, чтобы преда отдѣльнымъ личностямъ понимать по своему тѣ или другіе догматы, опредѣляемые лютеранскими символами, сколько нибудь стѣсняясь. На этомъ пунктѣ аръча, вѣтъ на кадомъ нибудь другомъ, отсрмывается, какъ много значить недостатокъ прочныхъ вѣчныхъ едержекъ въ той, или другой церковной общинѣ для ея вѣшняго единства и внутренняго единомыслия. Лютеранская церковь въ Швація можетъ поспорить съ Римско-католическою строгостью своей вѣшной и внутренней униформы. Между тѣмъ какъ та же Церковь въ Америкѣ напоминаетъ свою Европейскую сестру только тѣмъ, что официально хранитъ исторически сформировавшіеся символы, предоставляя своимъ должностнымъ признавать или не признавать ихъ обязательными для себя. Формы остались тѣ же, но отношеніе къ нимъ совершенно измѣнилось. Такимъ образомъ и вышло, что удержаніе историческихъ символовъ не возмѣняло возникновению внутреннихъ раздоровъ въ Лютеранской церкви и распаденію ея на нѣсколько партій. Правда, это распаденіе не всегда происходило подъ влияніемъ споровъ о догматахъ, а болышую часть

по поводу споровъ о предметахъ, относящихся къ церковному устройству и дисциплинѣ, иногда даже иъза вопросовъ политическихъ и экономическихъ, но несомнѣнно то, что оно сопровождалось умноженіемъ и догматическихъ разностей между раздѣлившимися церквами, такъ что съ каждой новой генераціей количество догматическихъ истинъ, удержанныхъ символическими формулами и книгами лютеранскими, все болѣе и болѣе уменьшалось и дробилось въ самыхъ разнообразныхъ пропорціяхъ и сочетаніяхъ между разными боковыми отраслями Лютеранской церкви. Это обстоятельство ставитъ насъ въ невозможность сдѣлать хоть сколько нибудь приблизительный очеркъ вѣроученія современныхъ лютеранскихъ церквей въ Америкѣ.

Сказанное нами о Лютеранской церкви приложимо и къ остальнымъ Американскимъ церквамъ перваго рода, т. е. Англиканской — Епископальной, Пресвитеріанской и Реформатской.

Англиканская — Епископальная церковь официально признаетъ своимъ символомъ 39 членовъ Англійской Епископальной Церкви, за исключеніемъ тѣхъ членовъ, которые касаются отношенія этой послѣдней къ государственной власти. Въ исходномъ своемъ пунктѣ эти Церкви предполагаютъ правильное понятіе о Церкви вообще, апостольское преемство церковной іерархіи, вѣру въ объективную силу таинствъ, словомъ идею посредничества Церкви между Богомъ и людьми. Но все это не помѣшало въ той и другой выдѣлиться направленію, совершенно противорѣчащему указанному характеру и стремленіямъ обѣихъ Церквей, направленію, известному въ той и другой подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ Low-Church (низкой церкви). Это направ-

леніе отражаетъ въ себѣ чистый принципъ протестанства, только замаскированное устройствомъ Епископальной церкви и ея вѣрностью многимъ историческимъ преданіямъ вселенскаго Христіанства. Отстаивая право индивидуума на непосредственное отношеніе къ своему Спасителю и Богу, право, присвоенное ему протестантствомъ, это направленіе отвергаетъ идею посредничества Церкви. Это противорѣчіе двухъ церковныхъ направленій въ нѣдрахъ Епископальной Церкви на самомъ существенномъ пунктѣ догматическаго ученія служить источникомъ постоянныхъ столкновеній, споровъ и распри между обоими направленіями. Низкая церковь постоянно требуетъ пересмотра и реформы церковнаго устройства, литургіи и церковнаго служебника, особенно въ чинѣ посвященія въ церковныя должности, въ видахъ соединенія съ другими церквами (1). Само собою понятно, какъ много должны терпѣть отъ всѣхъ этихъ споровъ знаменитые 39 членовъ Англиканскаго исповѣданія при неопредѣленности и двусмысленности своего догматическаго содержанія, при настойчивости Низкой церкви на своемъ субъективномъ протестантскомъ принципѣ и при противорѣчии этому принципу со стороны Высокой церкви.

Тѣ же явленія видимъ мы и въ Пресвитеріанской церкви. Ея общины находятся, какъ мы видѣли, въ строгомъ подчиненіи у пресвитерій и синодовъ и держатся Вестминстерскаго исповѣданія, которое служитъ официальной связію между ними. Но ни строгій порядокъ церковнаго устройства и управленія, ни единство сѣмвола не помѣшали Пресвитеріанской церкви быть

(1) Berliner Protest. Kirchen-Zeitung von 17 Jan 1857.

колеблю и независенства и кромѣ того раздѣлиться на двѣ половины съ значительными подразделениями каждой изъ нихъ на божовыя отрасли. Причиною къ раздѣленію Пресвитеріанской церкви былъ догматическій споръ, возникшій изъ-за Кальвиновской теоріи первороднаго грѣха и благодати. Подъ вліяніемъ споровъ съ унитаріями и раціоналистами мало по малу образовалась въ Сѣверной Америкѣ такъ называемая „Теологія Новой Англїи“ (New - England - Divinity). Въ противоположность ученію Кальвина (и ортодоксальной пресвитеріанской церкви), который утверждалъ, что въ паденіи силы и способности человѣка повредились физически и потому необходимо, чтобы и благодать, дарованная въ искупленіи, производила свои дѣйствія съ этой стороны (phisice); Ново-англійскіе теологи, предводительствуемые Дуайтомъ, ⁽¹⁾ объявили себя самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ вымѣненія какъ грѣха Адамова, такъ и праведности Иисуса Христа. Во всёхъ своихъ грѣхахъ и въ каждомъ въ частности виновенъ самъ человѣкъ. Силы человѣка не повреждены въ паденіи phisice и благодатныя средства, даруемыя въ искупленіи, состоятъ исключительно въ откровеніи Божественнаго владычества (by revealing the glories of the divine character). Особенно рѣзко и рѣшительно проведенъ этотъ чисто Целаганскій взглядъ въ комментарий на посланіе къ Римлянамъ доктора Барнеса. Старая пресвитеріанская партія противопоставила этому комментарийю свой комментарий на то же посланіе, составленный профессоромъ Годжемъ (Hodge). Въ этомъ

(1) Книга Дуайта Theology Dwight представляетъ полнѣйшее систематическое изложеніе Богословской системы Ново-Англійскаго Богословія.

сочинении развивалась и оправдывалась Кальвинистская теория первороднаго грѣха и благодати. Такимъ образомъ получила свое существованіе старая и новая школа въ Пресвитеріанской церкви, раздѣлившія ее на двѣ половины. Это раздѣленіе было оффициально признано на генеральномъ собраніи въ 1836 г. Съ тѣхъ поръ старую Пресвитеріанскую церковь представляетъ The orthodox General Assembly, новую The Constitutional General Assembly.

Реформатская церковь кромѣ подраздѣленій, обусловливаемыхъ разностью народностей (голландско-нѣмецко-реформатская) и разностью взглядовъ на нѣкоторые вопросы церковной практики (между прочимъ на такъ называемыя *novae mory*, о которыхъ сказано будетъ ниже) и политики (вопросъ о невольничествѣ) подраздѣляется также на нѣсколько партій изъ-за вопросовъ чисто-догматическихъ. Оставаясь вѣрною символическимъ формуламъ и книгамъ своей европейской матери, какъ и двѣ предыдущія Церкви, она не могла предохранить себя отъ раздѣленій по той же причинѣ, по которой не могли этого сдѣлать и двѣ первыя Церкви. Замѣчательнѣйшею партіею, выдѣлившеюся въ Реформатской церкви изъ-за догматическихъ вопросовъ, служитъ партія такъ называемой „высокой церковной теологіи,“ или партія Невина. Эта партія, основателемъ и главою которой служитъ докторъ Невинъ, пасторъ въ Мерсербургѣ (въ Пенсильваніи) представляетъ энергическую реакцію господствующему направденію Реформатской церкви, направденію, раздѣляемому ею со всѣми другими Американскими церквами. Она хочетъ приостановить бесполезное дробленіе всѣхъ церквей на партіи и секты, ограничивши примѣненіе субъектив-

наго принципа къ ихъ устройству, ученію и дисциплинѣ. Съ этою цѣлію она настаиваетъ на возстановленіи упавшаго значенія символическихъ книгъ, кочетъ ввести литургію, церковныя украшенія, катихизацію и под. Дѣло этой церковной партіи при умѣ, энергіи и обширномъ знакомствѣ ея главы съ древнею литературою Отцевъ ⁽¹⁾, было встрѣчено сочувственно во многихъ Американскихъ церквахъ; но разрѣшилось ничѣмъ, или почти ничѣмъ, какъ увидимъ ниже.

Помеменованныя нами церкви болѣе или менѣе, такъ, или иначе, связаны съ историческимъ христіанствомъ, и эта связь болѣе или менѣе ограничиваетъ ихъ свободу въ отношеніи ихъ къ положительному, догматическому содержанію вѣры. Отсюда ихъ колебаніе между желаніемъ удержать свои древніе символы и попользованіемъ сдѣлать практическое употребленіе изъ субъективнаго протестантскаго принципа. Это колебаніе не знакомо церквамъ втораго рода. Онѣ возникли прямо изъ субъективнаго принципа помимо всѣхъ историческихъ преданій старой Европы и прочно стоятъ на немъ. Отсюда ихъ отношеніе къ христіанскимъ догматамъ можетъ быть и есть—только чисто субъективное. Только *utilitas* опредѣляетъ это отношеніе.

Первое мѣсто между этими церквами занимаетъ Методистская церковь. Мы видѣли, что эта Церковь заимствовала у Англиканской—Епископальной церкви форму ея вишняго устройства, вмѣстѣ съ этою формою она удержала и ея символическую формулу, состоящую изъ

⁽¹⁾ Историческій смыслъ, говоритъ докторъ Шафъ, привалъ его (Невина) къ основательному изученію патристической теологіи, и тогда предъ нимъ открылось ясно огромное различіе между этой теологіей и современнымъ лютеранскимъ христіанствомъ. *Schaff Amerika* 1854 pag. 245.

знаменитыхъ 39 членовъ (съ тѣми же исключеніями, съ какими удерживаетъ эту формулу и Англиканская церковь въ Америкѣ). Но какъ въ первомъ случаѣ задача ея состояла не въ томъ, чтобы строго выдержать эту форму, ничего не измѣнить въ ней, а въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нея возможно лучшее употребленіе, такъ и во второмъ задача ея состоитъ въ томъ же самомъ. Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ и составѣ примѣнить къ дѣлу то и другое, она предоставляла рѣшить времени и обстоятельствамъ. Мы знаемъ уже, какъ время и обстоятельства разрѣшили вопросъ о формѣ церковнаго устройства; остается посмотреть, какъ рѣшенъ ими же второй вопросъ о символической формулѣ. Увы! На этотъ второй пунктъ они дали рѣшеніе еще болѣе либеральное, чѣмъ на первый.

Методизмъ поставилъ своей задачей быть такъ сказать закваской духовной жизни во всѣхъ другихъ христіанскихъ церквахъ. Эта задача нанесла смертельный ударъ его англиканской ортодоксіи. Ограничивая свое отношеніе къ другимъ церквамъ или общинамъ однимъ пробужденіемъ въ нихъ духовной жизни, онъ этимъ самымъ ставилъ первымъ членомъ своего символа вѣры полное и безусловное безразличіе всѣхъ церковныхъ общинъ и всѣхъ символовъ. По его мнѣнію, спасеніе чловѣка обуславливается не церковными формами и не символическими книгами, а его внутреннимъ возрожденіемъ, *которое, по мнѣнію методистовъ, возможно при всякой церковной формѣ и при всякомъ символѣ.* Произвести это внутреннее возрожденіе вотъ цѣль всякой Церкви. Средствами къ достиженію этой цѣли она можетъ не стѣсняться. Выборъ ихъ безусловно зависитъ отъ нея. Такой взглядъ на церковную ортодоксію ставилъ мето-

дизмъ въ странное отношеніе къ ней. Официально она влѣдѣла въ его церковную жизнь въ качествѣ одной изъ ея задачъ, на дѣлѣ иди не обратили на нее ни малѣйшаго вниманія, или тяготились ею. Официально, по крайней мѣрѣ, ортодокснн методизма служили 39 членовъ, на дѣлѣ единственнмъ символомъ былъ фактъ внутренняго возрожденія (1).

Каждъ чужда методизму ортодоксиная тенденція, видна изъ того одною, что маъ десяти (2) или шестнадцати (3) подраждателей его только одно совершилось изъ-за догматическаго вопроса, а всѣ остальные или изъ-за вопросовъ о средствахъ къ духовному возрожденію, или изъ-за вопросовъ экономическихъ и политиче-скихъ.

При всей своей безцеремонности въ обращеніи съ символическими формулами и книгами, методизмъ все еще удерживаетъ ихъ, какъ церковное преданіе. Бантизмъ дѣлаетъ шагъ впередъ и отбрасываетъ его пре-

(1) Методизмъ говоритъ докторъ Шауеръ, не довольствуется общиновенными Богоучрежденными благодатными средствами и въ собственномъ смыслѣ не знаетъ, что ему дѣлать съ таинствами, хотя и удерживаетъ по преданію крещеніе дѣтей и четыре раза въ годъ совершаетъ съ Евхаристію, не средня въ прочемъ съ нею никакого другаго значенія, кромѣ воспоминанія. Гораздо больше онъ доврѣяетъ субъективнымъ средствамъ и производимому ими впечатлѣнію, чѣмъ объективнымъ учрежденіямъ и ихъ тихому, но вѣрному дѣйствию. Методисты не только отвергаютъ муропомазаніе, какъ бесполезный или лицеярный формализмъ, но также и идею объективной благодати, сообщаемой въ таинствѣ крещенія, и часто совершенно пренебрегаютъ религознымъ воспитаніемъ дѣтей, въ суетномъ, искущающемъ Бога ожданіи, что кака nibудь потрясающая нервы проповѣдь о покаяніи на Camp-Meeting или два часа, проведенные на скорбной скамьѣ, могутъ вполне замѣнить утомительный процессъ подлельскаго воспитанія и ястворенныхъ уроковъ по всѣмъ правиламъ школы.

(2) Deutsche Briefe aus Nord-America. Письмо 8.

(3) Jakob, Handbuch des Methodismus. Bremen 1833, p. 196.

даніи; нѣтъ лишній, по его взгляду, буквистъ; нѣтъ емо- ей церкви. Онъ начинаетъ собою рядъ Американскихъ церквей, которыя считаютъ единственнымъ символиче- скимъ источникомъ библіи. Всякая Церковь имѣетъ право, по мнѣнію Баттистовъ, считать за догматъ только то, что найдется въ библіи. А такъ какъ одинъ личный смыслъ руководитъ каждою при отысканіи и опредѣленіи до- гматовъ по библіи, то и вышло, что одна въ суц- ности для всѣхъ символическая книга въ употребленіи превратилась въ такое же количество символическихъ книгъ, сколько отдѣльныхъ церковныхъ общинъ образо- валось въ вѣдѣхъ баттизма. Такъ нѣкоторыя общины открыли въ ней нѣсколько новыхъ тайствъ; неизвѣст- ныхъ дотошъ ни одной христіанской Церкви, напр. омо- вленіе ногъ и цѣлованіе мира, и провозгласилъ ихъ не- обходимыми для спасенія и такимъ образомъ облизались съ Моржовами. Другія не отыскали въ библіи ученія о Божествѣ Иисуса Христа и соединились съ Унитаріями. Третьи—такъ называемые „ученики Христовы“—выходя изъ положенія, что библія единственная символическая книга, провозгласили только два догмата необходи- мы для спасенія—прощеніе грѣховъ и возрожденіе. Об- разовавшіеся одновременно съ „учениками Христовыми“ „Христіане“ (Christian Complexion) отыскали въ библіи явнѣйшее будтобы опроверженіе троичности лицъ въ Богѣ. Замѣчательно, что эти послѣдніе образовались изъ представителей трехъ различныхъ церковныхъ об- щинъ—Методистской, Пресвитеріанской и Баттистской. Этотъ фактъ объединяетъ всѣ Американскія церкви ме- жду собою; не смотря на различіе ихъ со стороны вну- тренней организаціи и построенія догматическихъ тео- рій; здѣсь сказывается de facto общій принципъ, на ко-

торомъ опирается то и другое—автономія личности въ дѣлахъ вѣры.

Конгрегационалисты, держащіе оппозицію противъ пресвитеріамъ по вопросу о подчиненіи отдѣльныхъ церковныхъ общинъ синодамъ, держатъ оппозицію противъ нихъ и по вопросу о подчиненіи общинъ установленнымъ символамъ. Смыслъ ихъ оппозиціи какъ тамъ, такъ и здѣсь одинъ и тотъ же. Они отрицаютъ и обязательность опредѣленій синодскихъ для общинъ и опредѣленій догматическихъ, заключающихся въ символахъ. По ихъ мнѣнію, церковная община стоитъ выше тѣхъ и другихъ и можетъ относиться къ нимъ, какъ ей вздумается. Если она признаетъ ихъ обязательными для себя, то не въ слѣдствіе ихъ внутренней обязательности, а въ силу своего согласія считать за ними это свойство на извѣстное время и при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ формулировали свое отношеніе къ церковнымъ символамъ конгрегационалисты въ XVII столѣтіи при началѣ своего раздѣленія съ пресвитеріанами, и до послѣдняго времени по этому вопросу придерживались такой практики: каждая община принимала для себя свой собственный символъ по большинству голосовъ. Но въ послѣднее время конгрегационалисты начали рѣшительно склоняться въ пользу того положенія, что библія служитъ единственною и вполне достаточною книгою для церковныхъ общинъ и что символическія книги и формулы при ней совершенно излишни. Слѣдствія этого шага были тѣ же, что у Баптистовъ: уродливыя комбинаціи догматическихъ теорій, такъ или иначе сближающія церковныя общины конгрегационалистовъ съ церковными общинами почти всѣхъ другихъ исповѣданій. Значительная часть этихъ общинъ

тѣсно сблизились съ New School Пресвитерианской церкви, другая еще болѣе значительная съ унитаріями.

Полнѣйшимъ выраженіемъ характера и тенденцій церкви этого рода служить церковная община квакеровъ. Она отвергаетъ и библію въ качествѣ символической книги и ставитъ первымъ и послѣднимъ членомъ своей вѣры—непосредственное—внутреннее освященіе отъ Христа. И въ этой сектѣ образовалось два направленія мистическое и рационалистическое. Первое господствуетъ въ старой квакерской школѣ, второе въ новой. Первое опирается на просвѣщеніи свыше, второе на естественномъ свѣтѣ разума. Первое съ мечтами о просвѣщеніи свыше дошло до теософскихъ бредней, второе при свѣтѣ разума—до отрицанія Божества Иисуса Христа. Это—партія гикзитовъ, примыкающая къ унитаріямъ.

Такимъ образомъ крайній пунктъ, до котораго дошли церковныя общины, утверждающія полную достаточность библіи для опредѣленія вѣроученія Церкви, есть отрицаніе божественности лица Иисуса Христа. Это—пограничный пунктъ между христіанствомъ и антихристіанствомъ; на немъ утверждаются унитаріи и универсалисты съ гикзитами. Всѣ эти секты раскидываются уже за предѣлами историческаго христіанства и мы могли бы не заниматься ими наряду съ сектами, вращающимися внутри его, но такъ какъ съ одной стороны тѣ и другія нерѣдко переходятъ другъ въ друга, съ другой—тѣ и другія признаютъ библію символическою книгою, то мы считаемъ себя обязанными удѣлить и имъ нѣсколько словъ.

Унитаріумъ, признающій своимъ основнымъ догматомъ единство Божества, въ смыслѣ единой и един-

ственной Божественной личности, въ вопросахъ, относящихся къ ортодоксии, раздѣляетъ одну участь со всѣми безъ исключенія церковными общинами Сѣверной Америки, — т. е. распадается на нѣсколько партій. Это распаденіе начинается съ основнаго догмата, исповѣдуемаго унитаризмомъ. Однѣ общины согласно съ Соціанцами прямо отвергаютъ догматъ о Божествѣ Иисуса Христа и становятся на точку зрѣнія деистовъ, — эта школа Пристлера, возникшая въ Англіи изъ голландскаго соціанства и переселившаяся въ Америку въ началѣ текущаго столѣтія. Другія ближе подходятъ къ положительному христіанству и защищаютъ достовѣрность евангельской исторіи противъ деистовъ, какъ сдѣлалъ недавно Ларднеръ (1). Но на личность Иисуса Христа смотритъ глазами древнихъ арианъ. Во главѣ партій съ этимъ направленіемъ стоитъ Каннингъ младшій, внукъ знаменитаго унитаріанскаго проповѣдника Каннинга. Къ числу этихъ партій принадлежитъ и партія Гунтингтона. Всѣ эти партіи дѣлаютъ очень значительныя уступки положительному христіанству, — и даже называютъ Иисуса Христа Богомъ, только въ смыслѣ относительномъ. Партіи этого направленія ведутъ ожесточенную борьбу съ самою популярною изъ всѣхъ унитаріанскихъ партій въ Сѣверной Америкѣ, — именно партію Пёркера, унитаріанскаго проповѣдника въ Бостонѣ. Основное догматическое положеніе Пёркера состоитъ въ слѣдующемъ: Христосъ и апостолы были не больше какъ вдохновенные люди, какіе во всѣ времена бывали и будутъ въ человѣчествѣ. Тайна ихъ вдохно-

(1) Онъ вмѣстѣ съ другими унитаріанскими учеными принималъ также горячее участіе въ опроверженіи мнѣйскаго взгляда Штрауса на лице Иисуса Христа.

венія—въ особенностяхъ ихъ природы. Отсюда объясняется особенность аргументовъ Пэркера: тамъ, гдѣ нѣмецкій рационалистъ ссылается на философію, Пэркеръ обращается къ естественнымъ наукамъ—физикѣ, химіи, механикѣ и сдѣланнымъ изъ нихъ примѣненіямъ къ жизни.

Отрицая христіанскіе догматы, Пэркеръ хочетъ удержать „библейскую мораль“, не замѣчая, что она у него виситъ на воздухѣ безъ тѣхъ догматическихъ основаній, на которыхъ она опирается. Это различіе между христіанскими догматами и христіанскою нравственностію служитъ точкою исхода для самой рационалистической изъ всѣхъ сѣверо-американскихъ сектъ—универсалистовъ. Ихъ основное положеніе можно формулировать такъ: во что ни вѣруй, только живи, какъ подобаетъ честному человѣку и будешь спасенъ. Кто такъ живетъ, тотъ и истинный христіанинъ, къ какой-бы сектѣ не принадлежалъ;—онъ принадлежитъ къ универсальной церкви. Кто бы могъ подумать, что и эту „универсальную церковь“ постигнетъ одна участь съ „партикулярными церквами“—распаденіе на партіи. Между тѣмъ эта участь дѣйствительно ее постигла и именно въ вопросѣ о загробной участи. Одни—самые „сердобольные“ универсалисты—объявили, что всѣ люди добрые и злые по смерти будутъ блаженствовать; потому что всѣ одинаково искуплены. Другіе менѣе сердобольные—нашли нужнымъ допустить загробное наказаніе для дурныхъ людей, наказаніе впрочемъ временное, имѣющее окончиться немедленно же послѣ того, какъ грѣшныя души принесутъ покаяніе. Первые изъ этихъ сектантовъ претендуютъ на названіе „Христіанъ“.

Такимъ образомъ при всей разности воззрѣній на
Ч. II. 2

объемъ, составъ и степень обязательности для христіанъ догматическаго содержанія христіанства, воззрѣній, господствующихъ въ различныхъ Американскихъ церквахъ, всѣ онѣ сходятся въ одномъ стремленіи ограничить, на сколько можно, тѣснѣе—то и другое и третье. Это стремленіе идетъ постепенно расширяясь отъ церквей, связанныхъ съ историческимъ христіанствомъ формою своего устройства и своими символами, къ церквамъ, не связаннымъ съ нимъ ничѣмъ, кромѣ библіи. Источника этого стремленія должно искать въ основномъ принципѣ протестантства. Свобода не любитъ стѣсняться. Послѣдствія примѣненія этого принципа къ догматическому содержанію христіанства для самаго этого содержанія мы видѣли; остается сказать нѣсколько словъ о практическихъ послѣдствіяхъ того же факта для взаимныхъ отношеній между разными церквами. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя явленіями діаметрально противоположными другъ другу: съ одной стороны мы видимъ полнѣйшій индифферентизмъ, съ другой самый чудовищный фанатизмъ. Эти два явленія, не смотря на свою противоположность, вытекаютъ изъ одного и того же источника—изъ свободнаго отношенія къ содержанію вѣры. Когда человекъ выходитъ изъ того положенія, что содержаніе вѣры не опредѣлено однажды навсегда для всѣхъ, а опредѣленіе его предоставлено личному разумѣнію каждаго, то онъ или будетъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ вообще религіознымъ убѣжденіямъ, считая ихъ одинаково законными, или сдѣлается фанатикомъ *своего* убѣжденія и будетъ считать за *личное* оскорбленіе малѣйшее противорѣчіе этимъ убѣжденіямъ. Оба эти явленія мы и видимъ въ Американскихъ церквахъ. И что особенно замѣчательно, первое изъ

этихъ явленій встрѣчается чаще между духовными и въ тѣхъ церквахъ, которыя консервативнѣе другихъ, тогда какъ послѣднее всего чаще встрѣчается между мірянами (1) и въ самыхъ либеральныхъ церковныхъ общинахъ (2). Не служитъ ли этотъ фактъ доказательствомъ того, что какъ консерватизмъ не ведетъ необходимо къ нетерпимости, такъ и либерализмъ не служитъ ручательствомъ за гуманность.

III.

Изъ сферы теорій перейдемъ въ область практической церковной жизни, гдѣ эти теоріи примѣняются къ дѣлу. А такъ какъ примѣненіе какой бы то ни было теоріи къ живой дѣйствительности, обыкновенно представляющей собою очень сложную сѣть отношеній, не можетъ обойтись безъ сдѣлокъ и ограниченій, и эти ограниченія тѣмъ значительнѣе, чѣмъ большее количество теорій прилагаются вмѣстѣ, то и не мудрено, если мы встрѣчаемся здѣсь съ нѣкоторыми непослѣдовательностями и противорѣчіями, составляющими принадлежность не самыхъ теорій, а только случайнаго склада временныхъ и мѣстныхъ условій. Но для насъ важны не эти про-

(1) Въ церквахъ, удерживающихъ пресвитеріальную форму устройства подвергаютъ самому строгому богословскому экзамену того, кто желалъ бы присоединиться къ этимъ церквамъ. При этомъ, по разсказу очевидца, особенной придирчивостью къ экзаменуемымъ отличаются міряне, которые на ряду съ пасторами производятъ эти экзамены. *Thugh on the Religions State of the Country; with Reasons for preferring Episcopacy. By the Rev. Calvin Colton p. 17.*

(2) Универсаллисты, писалъ въ 1851 г. одинъ нѣмецъ изъ Детруа, вѣрують, что праведники и грѣшники, вѣрующіе и не вѣрующіе, кратко— весь міръ спасется. Какъ видите, доктрина очень любвеобильная; но нигдѣ не видалъ я такой раздражительности, какъ на диспутахъ, на которыхъ обсуждалось это мягкое ученіе. *Врагъ Minerva 1853 III. 265.*

тиворѣчія и даже не практическія подробности вообще, а отношеніе къ нимъ со стороны американцевъ. А такъ какъ это отношеніе опирается на томъ же принципѣ, на которомъ основывается ихъ отношеніе къ церковнымъ формамъ и символическимъ формуламъ, то общій характеръ и направленіе практической церковной жизни опредѣляется не ея подробностями, иногда противорѣчивыми, а принципомъ, который скрывается за ними, какъ *primus motor* и даетъ имъ жизнь и смыслъ.

Не смотря на то, что государство однажды навсегда отказалось оказывать какое-бы то ни было матеріальное или нравственное содѣйствіе Церкви, число храмовъ въ Америкѣ нисколько не меньше числа ихъ въ Европѣ, и между ними есть много такихъ великолѣпныхъ, которые и въ Европѣ встрѣчаются не часто. Въ Нью-Йоркѣ напримѣръ отъ 5 до 600,000 жителей и 450 церквей, и между ними великолѣпное готическое зданіе Trinity — Church, слава и гордость всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ. Между тѣмъ нужно взять въ соображеніе еще то обстоятельство, что Нью-Йоркъ есть центръ всевозможныхъ дѣловыхъ и коммерческихъ предприятий, городъ лавокъ, магазиновъ и конторъ, хозяева которыхъ живутъ здѣсь только по временамъ, а постоянныя жилища ихъ находятся или внутри страны, или въ близъ лежащихъ городахъ. Такимъ образомъ если имѣть въ виду только постоянныхъ жителей Нью-Йорка, то число ихъ не будетъ превышать 400 тысячъ и слѣдовательно среднимъ числомъ на 1000 челов. приходится одна церковь (1). Рочестеръ (въ штатѣ Нью-Йоркѣ)

(1) Тогда какъ въ Парижѣ въ 1855 г. на миллионъ жителей приходилось только 46 церквей — среднимъ числомъ одна церковь на 45,000 жителей; въ Берлинѣ тоже самое, въ Гамбургѣ еще меньше. См. Сол-

при 45 или 50,000 жителей имѣть 50 церквей. На равной плоскости между Филадельфией и Гаррисбургомъ на пространствахъ ста миль въ длину и ширину попадаются такія церкви, которыхъ не постыдился бы ни одинъ европейскій городъ среднихъ размѣровъ. Равнымъ образомъ въ западной Пеннсилваніи, Вестъ-Мореландѣ, Вашингтонъ-Ланкашѣ и др. есть церкви, которыя можно назвать великодушными (1). Но что особенно замѣчательно, въ маленкихъ городкахъ съ 2,000 жителей обыкновенно находится отъ 5 до 10 храмовъ.

Причина такого множества церквей заключается отчасти во множествѣ сектъ, отчасти въ простой и дешевой постройкѣ большей части этихъ церквей. Но если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что здѣсь всѣ церкви строятся исключительно на собственные средства прихожанъ, то главной причиной описываемаго нами явленія мы должны искать въ церковномъ смыслѣ и благородной щедрости американцевъ. Если община не довольно многочисленна, или недостаточно богата для того, чтобы имѣть обыкновенную церковь съ башнями и колоннами; то она не собираетъ въ цѣлые десятки дѣтъ черезъ воззванія и кружки контрибуціи со всѣхъ, а сейчасъ же открываетъ подписку между своими сочленами и выстраиваетъ небольшое каменное зданіе, въ которомъ могло бы помѣститься отъ

ference de Chretiens Evangeliques de toutes nation a Berlin 1857 г. p. 215. Притомъ великодушныя храмы Европы строились цѣлыми столѣтія и цѣлыми десятками поколѣній чуть не на средства всего міра, тогда какъ самыя великодушныя церкви Америки на средства одной, много двухъ генераций.

(1) Die Vereinigten Staaten von Nord-amerika nach ihrem politischen, religiösen und gesellschaftlichen Verhältnisse betrachtet, von Sidons, 1827. S. 120.

3 до 400 человекъ: тутъ же гдѣ нибудь въ нижнемъ этажѣ устроится помещеніе и для пастора. Эта скромная церковь, отличающаяся отъ обыкновенныхъ домовъ только бѣлыми дверями и зелеными ставнями, удовлетворяетъ религіознымъ нуждамъ прихода до тѣхъ поръ, пока онъ не умножится въ числѣ членовъ и не разбогатѣетъ; тогда онъ продаетъ старую церковь и строитъ новую. Эта безцеремонность въ отношеніи къ старому святилищу какъ разъ подѣлываетъ той безцеремонности, съ какой относятся американскіе протестанты къ историческимъ преданіямъ христіанства.

Всевозможные архитектурные стили перепробованы при постройкѣ американскихъ церквей: Византійскій, Романскій, Готическій и даже современный фантастическій. Замѣчательно, что ни одинъ изъ этихъ стилей не выдержанъ вполнѣ ни на одномъ храмѣ, а обыкновенно къ одному и тому же зданію прилагается два и даже три стили въ самыхъ своенравныхъ сочетаніяхъ. Это своенравіе искусства невольно наводитъ на сближеніе съ другимъ своенравіемъ въ комбинаціи церковныхъ формъ.

За то внутренность американскихъ церквей и ихъ Богослуженіе отличаются—какъ будто нарочно для контраста внѣшнему прихотливому разнообразію—удивительнымъ однообразіемъ. Сидѣнья для слушателей и каедрa для проповѣдника, да еще одна или нѣсколько люстръ, спускающихся съ потолка, вотъ все, что можно увидѣть во всѣхъ американскихъ церквахъ (за исключеніемъ католическихъ). Разность между богатыми и бѣдными церквами состоитъ только въ томъ, что въ однихъ всѣ эти предметы роскошнѣе устроены, въ другихъ скромнѣе. Богатыя церкви бываютъ обыкновенно

украшены великолѣпно-раззолоченными паннокадлами, разноцвѣтными коврами на полу, и бархатными подушками на сидѣньяхъ, стѣны со вкусомъ расписаны, въ окнахъ зеркальныя стекла. Священныя изображенія рѣдко встрѣчаются въ американскихъ церквахъ, и если встрѣчаются (какъ наприм. въ англійской епископальной церкви и въ реформатскихъ общинахъ, принявшихъ ученіе Невина); то ихъ обыкновенное мѣсто на оконныхъ стеклахъ.

Церковныя мѣста, устрояемыя амфитеатромъ и очень похожія на театральныя ложи, подраздѣляются на пять отдѣленій. Это подраздѣленіе обусловливается количествомъ платы, вносимой посѣтителями. Ближайшія къ каедрѣ проповѣдника стоять дороже — они и отдѣляются съ большей роскошью, такъ что самыя модныя дамы большаго свѣта найдутъ въ своей церкви тотъ же блескъ и великолѣпіе и тѣ же удобства, какія и въ своихъ богатыхъ салонахъ. Такая обстановка лишаетъ американскія церкви того священнаго характера, которымъ отличаются наши православныя церкви и дѣлаетъ ихъ очень похожими на театры. Самыя отдаленныя отъ каедры мѣста оплачиваются дешевле, но за то и отдѣляются съ меньшими удобствами. Обыкновенно они абонируются цѣлыми семействами. Заднія двѣ-три скамейки предназначаются для постороннихъ, которые за это ничего не платятъ. Лучшія мѣста, смотря по обстоятельствамъ, стоять отъ 50 до 100 долларовъ въ годъ ⁽¹⁾. Если къ этимъ расходамъ на церковь прибавимъ расходы на проповѣдниковъ и на разныя другія непредвидимыя церковныя нужды, то должны будемъ

(1) Долларъ равняется 1 руб. 33 коп.

согласиться, что въ Америкѣ не дешево стоитъ званіе члена церкви (church member): зажиточному человѣку оно обходится иной годъ въ цѣлыя сотни и даже тысячи долларовъ. На этомъ пунктѣ американская церковная свобода является намъ съ лучшей своей стороны. Конечно въ этихъ щедрыхъ тратахъ на церковь и ея проповѣдниковъ не послѣднюю роль играетъ и тщеславіе, но какое человѣческое дѣйствіе можетъ быть совершенно свободно отъ него.

Первый предметъ, прямо бросающійся вамъ въ глаза при входѣ въ американскую церковь, есть кафедръ. По ея изящной, даже роскошной орнаментовкѣ, которая особенно замѣтно выдается при отсутствіи чего-бы-то ни было похожаго на нашъ иконостасъ, вы сейчасъ же видите, что это святое святыхъ американца. И неумудрено, если американцы такъ украшаютъ свои кафедръ, вѣдь отсюда вытекаетъ для нихъ единственная благодать, въ которую большинство изъ нихъ вѣрится, именно благодать слова. Даже въ тѣхъ церквахъ, въ которыхъ нѣтъ кафедръ въ собственномъ смыслѣ, а вмѣсто ихъ возвышаются пюльпитры, они составляютъ явленіе, выдающееся изъ ряда другихъ. Эти пюльпитры обыкновенно ставятся на возвышеніи, устроенномъ прямо противъ входа у передней стѣны храма и поднимающемся отъ полу на 4—6 ступеней. На этомъ возвышеніи помѣщается маленькій диванъ, или кресло, и передъ нимъ небольшой столикъ, или пюльпитръ въ родѣ аналоя (1)

(1) Въ послѣднее время въ некоторыхъ американскихъ церквахъ стали устраивать подвижныя кафедръ. Подъ кафедрю устроятся желѣзные рельсы въ видѣ круга, на этихъ рельсахъ при помощи устроеннаго внутри кафедръ механизма проповѣдникъ можетъ совершенно незамѣтно для слушателей поворачиваться со своею кафедрю во всѣ сто-

Нѣсколько шаговъ отступя отъ кафедры направо у стѣны ставится другой диванъ, огражденный отъ зрителей ширмами. На этомъ диванѣ проповѣдникъ проводитъ то время, когда его непосредственное дѣйствіе въ церкви бываетъ не нужно. Алтарь бываетъ обыкновенно только въ епископальныхъ церквахъ. Богослуженію, совершаемое въ этихъ послѣднихъ церквахъ, до такой степени не похоже на богослуженіе, совершаемое во всѣхъ остальныхъ протестантскихъ церквахъ Америки, что нижеслѣдующее описаніе богослуженія въ послѣднихъ можетъ относиться къ нему только отчасти. Между тѣмъ богослуженіе здѣшнихъ ортодоксальныхъ церквей до такой степени похоже во всѣхъ церквахъ, что по нему трудно судить, въ какой церкви присутствуешь при богослуженіи—въ пресвитеріанской, методистской, у конгрегационалистовъ, или баптистовъ.

Составныя части богослуженія, обыкновенно продолжающагося полтора часа, суть слѣдующія: краткая входная молитва, пѣснь, чтеніе изъ библіи какойнибудь главы по выбору проповѣдника, молитва Господня, опять пѣснь, проповѣдь и снова пѣснь, и затѣмъ отпустъ, называемый здѣсь благословеніемъ. Такъ какъ всѣ американскія церкви отвергаютъ церковный кругъ праздниковъ, то ихъ богослуженію не достаетъ того глубокаго таинственнаго смысла и догматико-историческаго значенія, которое оно имѣетъ въ нашей православной Церкви. Литургии здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.

ромъ, *Amerique telle qu'elle est* 1865 p. 48. Ниже мы увидимъ еще и образчикъ такого непосредственнаго примѣненія одухотворенной современной науки и цивилизаціи къ церковному быту. Эти факты превосходно характеризуютъ возвращеніе американцевъ на свою церковность.

Практическая цѣль (молитва и назиданіе) и старые пуританскіе обычаи, вотъ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась здѣсь форма богослуженія: оттого она и вышла такою же простою, какъ и сами эти факторы.

„Въ здѣшнихъ церковныхъ пѣсняхъ, говоритъ авторъ писемъ изъ Америки (1), нѣмецъ немного найдетъ для себя привлекательнаго. Мелодіямъ, равно какъ и тексту этихъ пѣсней не достаетъ той величавой простоты и того соответствія народному духу, какими отличаются церковныя пѣсни временъ реформаціи. Есть высоко-поэтическія пѣсни и удивительные музыкальные мотивы: но въ тѣхъ и другихъ есть также много и посредственнаго, искусственнаго, — по мѣстамъ то и другое переслащено, по мѣстамъ то и другое впадаетъ въ манерный патетизмъ“.

Во время пѣнія всѣ присутствующіе въ храмѣ обыкновенно встаютъ и слушаютъ пѣніе стоя, но сами не принимаютъ въ немъ участія. Оно выполняется или особымъ хоромъ пѣвчихъ (въ богатыхъ церквахъ), или охотниками изъ прихожанъ. Многіе проповѣдники въ настоящее время стараются о перемѣнѣ этихъ порядковъ и о введеніи пѣнія въ воскресныя школы; но неспособность къ пѣнію американцевъ и недостатокъ хорошихъ учителей пѣнія мѣшаетъ успѣху ихъ начинаній.

Проповѣди здѣсь обыкновенно читаются по тетради и это тѣмъ удивительнѣе у народа, который при своихъ свободныхъ учрежденіяхъ развилъ въ себѣ до высшей степени ораторское искусство свободной импро-

(1) Deutsche Briefe aus Nord-America, Письмо 2.

визованной рѣчи. Впрочемъ здѣшнее чтеніе проповѣдей не похоже на то, которое встрѣчается въ другихъ странахъ. Проповѣдникъ такъ хорошо владѣетъ своей проповѣдью, что его чтеніе нельзя почти отличить отъ импровизаціи, — его глаза чаще бываютъ обращены на слушателей, чѣмъ на тетрадь и онъ не связываетъ себя безусловно буквой своей проповѣди (1). Это чтеніе имѣетъ ту выгоду; что даетъ проповѣднику возможность избѣгать повтореній, лишннихъ фразъ, перифразовъ и отступленій, почти неизбѣжныхъ при импровизаціи. Американскіе проповѣдники такъ хорошо рассчитываютъ свои проповѣди, что онѣ у нихъ продолжаются изъ минуты въ минуту, сколько положено. Американскій проповѣдникъ держитъ себя на кафедрѣ спокойно и увѣренно. „По приемамъ его, тону голоса и манеръ держать себя на кафедрѣ видно, что его проповѣдь не составляетъ для него предмета минутныхъ размышленій, а дѣло жизни“ (2). Съ своей стороны мы имѣемъ причины думать, что замѣтка почтеннаго путешественника допускаетъ много исключеній, — но объ этомъ послѣ.

Въ Америкѣ не услышите музыкальнаго перезваниванія нашихъ многочисленныхъ колоколовъ. Каждая церковь здѣсь имѣетъ не больше одного колокола. Этотъ однообразный звонъ колоколовъ какъ будто по волшебству оживляетъ вдругъ городскія улицы, на которыхъ въ воскресные дни до звона ни одной души не увидишь. Длинной вереницей тянутся пѣшеходы въ церковь по широкимъ тротуарамъ; между тѣмъ такая

(1) Deutsche Briefe aus Nord-Amerika. Письмо 2.

(2) Deutsche Briefe aus Nord-Amerika. Письмо 2.

же вереница царей движется туда же по срединѣ улицы. Величайшая пунктуальность царствуетъ во всемъ и вмѣстѣ съ ударами колокола въ половинѣ 11-го часа всѣ члены общины сидятъ уже на своихъ мѣстахъ въ церкви.

Въ Америкѣ празднуется одинъ только церковный праздникъ — воскресенье. За то этотъ день видѣть не празднуется такъ строго, какъ здѣсь, за исключеніемъ развѣ Англій. Въ церковныхъ кружкахъ хорошаго тона принято употреблять слово „суббота“ вмѣсто „воскресенья“. И нужно согласиться, что это ветхозавѣтное названіе лучше идетъ къ американскому воскресному дню, чѣмъ новозавѣтное его имя, если взять въ соображеніе ту ветхозавѣтную строгость, съ какой онъ празднуется здѣсь. Какъ много придають здѣсь значенія должному соблюденію воскреснаго дня, видно ужъ изъ того одного, что государство позволяетъ себѣ на этомъ единственномъ пунктѣ измѣнять своему принципу невмѣшательства въ дѣла Церкви или неучастія въ нихъ, и во многихъ штатахъ закономъ ограждаетъ покой воскреснаго дня. Въ этотъ день запрещаются всѣ работы и вообще всѣ занятія, производящія шумъ. Старые пуритане и старые голландскіе колонисты соблюдаютъ воскресный день съ особенной строгостью. Впрочемъ въ послѣдніе 30 лѣтъ гражданскіе законы относительно покоя воскреснаго дня въ большихъ американскихъ городахъ подъ вліяніемъ Европейскихъ переселенцевъ сдѣлались недѣйствительными практически. Нѣмцы, не принадлежащіе ни къ какой Церкви, этими днями пользуются для разныхъ увеселительныхъ прогулокъ по сушѣ и водамъ. Огромными толпами, въ сопровожденіи группы музыкантовъ, они отправляются

куда: вступь въ городской или загородный садъ, и открываютъ танцы и народныя театры. Эти обычаи особенно начали усиливаться съ 1848 г., когда политическіе бѣглецы изъ стараго свѣта перенесли всю свою ненависть къ религіи въ эту страну свободы и въ благодарность за оказанное имъ гостепріимство начали издѣваться надъ почтенными обычаями „лицемѣрныхъ, по ихъ мнѣнію, почитателей воскреснаго дня“. Это безцеремонное попираніе обычаевъ, священныхъ для народа, попираніе омерзительное своею грубостью и грязноватостью для приличныхъ въ высшей степени американцевъ, вызвало наконецъ въ Нью-Йоркѣ систематическую реакцію.

По американскимъ понятіямъ, отъ того, или другаго отношенія къ воскресному дню зависитъ счастье или несчастіе народа. Они съ гордостью указываютъ на связь между гражданскою свободою и празднованіемъ воскреснаго дня въ Англии и Америкѣ и ставятъ ихъ въ причинныя отношенія другъ къ другу.

Эти возрѣнія на воскресный день подали поводъ, занять лѣтъ тому назадъ, къ основанію комитета для празднованія субботы. Основатель этого комитета и теперешній секретарь его, Кукъ; настоящій Американецъ по энергіи и отвагѣ; поссорившійся съ Американскимъ обществомъ трактатовъ, гдѣ служилъ до тѣхъ поръ, изъ-за возрѣній на невольничество; избралъ это новое поприще для своей дѣятельности съ цѣлію заинтересовать общественное мнѣніе въ этомъ дѣлѣ. Съ рѣдкимъ умѣньемъ онъ преслѣдовалъ свою цѣль. Главнымъ средствомъ для ея достиженія служили ему летучіе листки. Подготовивши посредствомъ ихъ общественное мнѣніе, онъ вступилъ въ сношеніе съ важнѣйшими и вліятель-

иѣйшими гражданами и при ихъ содѣйствіи втагулъ въ свое дѣло и полицейскія власти.

По устраниеніи мелкихъ злоупотребленій, Кукъ сдѣлалъ нападеніе на главное зло—открытую торговлю питеями. Въ меморандумѣ на имя гражданъ онъ заклиналъ ихъ благомъ націи вывести торговлю крѣпкими напитками по воскреснымъ днямъ, столь оскорбительную для святости этихъ дней. Этотъ меморандумъ привелъ настоящую революцію въ Нью-Йоркѣ и полиція, уступая общественному мнѣнію, должна была запретить виноторговлю по воскресеньямъ. Атеистическіе нѣмцы попробовали обойти это запрещеніе и подъ именемъ sacred concert (священныхъ концертовъ) и публичныхъ чтеній открыли собранія, на которыхъ за кружкою пива или бутылками джина распѣвались самыя возмутительныя пѣсни и читались самыя богохульныя лекціи и рѣчи. Но Кукъ со своимъ обществомъ не дремалъ,—онъ вытребовалъ новое распоряженіе полиціи, которымъ запрещались по воскресеньямъ всѣ концерты и чтенія.

Празднованіе воскреснаго дня въ семействахъ, принадлежащихъ къ какой нибудь церкви, состоитъ въ томъ, что члены семейства ходятъ въ свою церковь, читаютъ дома библію вмѣстѣ, или порознь, отлагаютъ въ сторону всѣ мірскія занятія—даже чтеніе свѣтскихъ книгъ, обмѣниваются дружескими визитами, или прогуливаются; значительная часть дня посвящается и сну. Обычай праздновать воскресный день до такой степени распространенъ въ Америкѣ, что даже унитаріи, не имѣющіе прочныхъ основаній праздновать воскресный день, тоже дѣлаютъ свои религіозныя собранія вечеромъ въ этотъ день. Къ сожалѣнію, для многихъ воскресный

день не столько религиозный праздник; сколько день отдыха и покоя—все равно гдѣ бы ни пришлось, дома ли на *goshing—chair* (родъ кушетки) или на эластической подушкѣ въ церкви. Но гдѣ этого не бываетъ?

Благочестивое семейство рѣдко ограничивается выслушаніемъ одной проповѣди въ воскресный день. Обыкновенно если не всѣ, то многіе члены такого семейства выслушиваютъ иногда двѣ, иногда три проповѣди. Изъ Англиканской—Епископальной церкви, гдѣ проповѣдь бываетъ до полудня, отправляются послѣ полудня въ Пресвитеріанскую, и такъ какъ въ воскресенье не дозволяется ни музыка, ни пѣніе, ни другія свѣтскія занятія и увеселенія, то женщинамъ ничего не остается дѣлать, какъ идти вечеромъ на проповѣдь методистовъ. Эти проповѣди, отличающіяся всегда искусственнымъ, или неподдѣльнымъ пафосомъ, сильно дѣйствуютъ на женщинъ и часто похищаютъ у другихъ проповѣдниковъ этихъ слабыхъ овецъ ихъ стада. Но на эти переходы никто не смѣетъ жаловаться. И если бы оставленный проповѣдникъ обнаружилъ хотя малѣйшее неудовольствіе, его признали бы врагомъ свободы совѣсти и онъ потерялъ бы всякую популярность. Этотъ либерализмъ заходитъ такъ далеко, что еслибы какой нибудь проповѣдникъ въ церкви своего прихода сталъ выставить свою религію, какъ лучшую изъ всѣхъ; то и это могло бы очень вредно отозваться на его карьерѣ.—„Во всякомъ христіанскомъ вѣроисповѣданіи можно быть благочестивымъ,—всѣ мы христіане“,—сказали бы ему въ отвѣтъ и презрительно отвернулись бы отъ него. Ребенокъ въ родительскомъ домѣ выбираетъ себѣ ту религію, какая ему больше нравится и родители не скажутъ противъ его выбора ни одного слова. Бываютъ

сѣмейства, гдѣ отецъ англиканецъ, мать реформатка, сынъ баптистъ, а дочери методистки, и это не мѣшаетъ имъ жить въ полномъ согласіи другъ съ другомъ. Когда на вечернихъ собраніяхъ членовъ сѣмейства заходитъ рѣчь о религіозныхъ предметахъ, то всѣ разсуждаютъ спокойнымъ тономъ, стараюсь не затрогивать другъ друга, и по окончаніи бесѣды каждый остается при своемъ мнѣніи, нисколько не мѣшая и другимъ имѣть свое. (1) Конечно эта терпимость происходитъ не столько изъ уваженія къ религіознымъ убѣжденіямъ другаго; каковы бы они ни были, сколько отъ того, что вообще въ американскихъ церквахъ мало возбужденъ интересъ къ правовѣрію. Здѣшнія церкви заботятся не о томъ, чтобы охранять чистоту ученія, а о томъ только, чтобы одѣлать возможно лучшее практическое примѣненіе изъ той, или другой догматической теории. Эта особенность въ воззрѣніяхъ американскаго протестантства на свою церковную задачу наглядно выражается въ одномъ очень знаменательномъ фактѣ: здѣсь всѣ проповѣдники, къ какой бы церковной партіи они ни принадлежали (здѣсь разумѣются ортодоксальныя церковныя партіи), могутъ служить и говорить проповѣди въ какой угодно церкви и во время праздниковъ очень усердно помогаютъ другъ другу. Впрочемъ все это нисколько не мѣшаетъ американскому проповѣднику увеличивать свой приходъ — а слѣдовательно и средства къ содержанію на счетъ другаго. И въ этомъ отношеніи американскіе проповѣдники обнаруживаютъ изобрѣтательность, доходящую до гениальности (2). Рав-

(1) Vereinigten Staaten von Nord-amerika nach ihrem politischen, religiösen und gesellschaftlichen Verhältnisse betrachtet von C. Sidons. p. 61.

(2) Недавно одинъ проповѣдникъ Trinity Church въ Нью-Йоркѣ придумалъ провести въ эту церковь желѣзную дорогу и тѣмъ переманилъ

нымъ образомъ равнодушіе къ вѣроисповѣднымъ разностямъ не мѣшаетъ церковнымъ общинамъ враждовать другъ съ другомъ не хуже самыхъ заклятыхъ сектантовъ. И что особенно замѣчательно, поводомъ къ этой враждѣ иногда служатъ тѣ же вѣроисповѣдныя разности, къ которымъ онѣ такъ равнодушны. При разности цѣлей и интересовъ, преслѣдуемыхъ церковными общинами, все можетъ послужить поводомъ къ враждебному столкновенію между ними и принципъ свободы скоре благопріятствуетъ, чѣмъ препятствуетъ этимъ столкновеніямъ. Вся разность въ томъ, что эти столкновенія чаще происходятъ изъ-за матеріальныхъ и вообще практическихъ интересовъ, чѣмъ теоретическихъ.

Но если на вѣроисповѣдныя разности мало обращаютъ вниманія въ Америкѣ, за то обращаютъ слишкомъ много вниманія на такія вещи, на которыя во всѣхъ христіанскихъ церквахъ стараго и новаго времени стыдился обращать вниманіе, — именно на цвѣтъ кожи. Между церквами бѣлыхъ и церквами черныхъ здѣсь нѣтъ никакихъ сношеній (1). Чернаго въ церкви бѣлыхъ можно встрѣтить развѣ по какому нибудь особенному случаю. Бѣлые не хотятъ брать должностей въ церквахъ черныхъ и обыкновенно протестуютъ, если черные открываютъ свою церковь въ ихъ кварталѣ. Это отчужденіе бѣлыхъ отъ черныхъ составляетъ самую темную сторону въ церковной жизни Америки. Къ чести своей одни методисты и баптисты не допускаютъ у себя этого отчужденія.

(Продолженіе будетъ.)

къ себѣ половину города. Такая *racia fraus* очень обыкновенное дѣло въ Америкѣ.

(1) Protestantische Monatsblätter 1862. Februar. Slavery, Christenthum und Kirche in den Vereinigten Staaten. von M.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ИЗЪ ГЕРМАНИИ (1).

Тюбингенъ, 1-го августа 1864 г.

Держась обычаевъ „добраго стараго времени“, всѣ временные и постоянные жители Тюбингена встаютъ утромъ не позже 6-ти часовъ, обѣдаютъ въ 12 ч. и, поужинавъ вечеромъ часовъ въ 7, посвящаютъ затѣмъ часа полтора или два на прогулку по живописнымъ окрестностямъ города. Около 10-ти часовъ вечера все уже успокоивается и для всего Тюбингена наступаетъ время сна въ полномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь вообще не научились еще искусству превращать день въ ночь и ночь въ день по примѣру такъ называемыхъ центровъ цивилизованной жизни, и всякій прїѣзжій, хотя бы то изъ какого либо „центра“, волей-неволей подчиняется патриархальнымъ обычаямъ мѣстныхъ жителей.

Примѣнительно къ указанному распредѣленію времени университетскіе факультеты, а въ томъ числѣ и богословскіе, ежедневно открываютъ свои аудиторіи съ семи часовъ утра. Лекціи читаются (по часу) отъ 7 часовъ до 12-ти съ промежуткомъ 5-ти минутъ между каждою, и затѣмъ отъ 2-хъ часовъ по полудни до 6-ти. Само собою разумѣется, что не всѣ эти часы каждымъ

(1) Смотр. прежнія корреспонденціи въ Христ. Чтеніи за ноябрь и декабрь 1864-го г., за февраль и мартъ 1865-го г.

въ частности изъ студентовъ посвящаются на слуша-
ніе лекцій; большее или меньшее число лекцій, посъ-
щаемыхъ каждымъ студентомъ въ теченіи дня (обыкно-
венно не меньше 5-ти) зависитъ отъ количества изу-
чаемыхъ имъ въ данный семестръ научныхъ предме-
товъ. Что касается до профессоровъ, то каждый изъ
нихъ непременно *ежедневно* читаетъ лекціи и притомъ
не по одной, а по нѣскольку въ день. Эта многочис-
ленность лекцій, выпадающихъ на долю каждаго пре-
подавателя, зависитъ главнымъ образомъ отъ слѣдую-
щихъ двухъ причинъ: во первыхъ, каждый профессоръ
читаетъ въ теченіи известнаго семестра одновременно
лекціи по нѣсколькимъ отдѣламъ богословскихъ наукъ;
во вторыхъ, на прохожденіе назначенныхъ для лекцій
предметовъ употребляется не болѣе какъ по одному —
много—по два полугодія (семестра), такъ что надлежа-
щая полнота преподаванія не иначе можетъ быть до-
стигнута, какъ при 4—6 часахъ въ недѣлю по каждому
предмету (1).

(1) Вотъ программа лекцій, читаемыхъ въ теченіи настоящаго лѣтняго
семестра въ здѣшнемъ протестантско-богословскомъ факультетѣ:

1. Толкованіе книги Іова—4 раза въ недѣлю (по часу)—профессоромъ
Элеромъ (Oehler).
2. Практическія упражненія въ толкованіи ветхозавѣтныхъ свящ.
книгъ—2 раза въ недѣлю,—подъ руководствомъ того же профессора.
3. Христіанская Символика, или сравнительное изображеніе христ.
вѣроисповѣданій—6 разъ въ нед.—тѣмъ же Элеромъ.
4. Введеніе въ книги Нового Завѣта, 3 раза въ нед. — профессоромъ
Вейцсаккеромъ (Weizsäcker).
5. Новѣйшая церковная исторія (отъ реформаціи)—6 разъ въ нед.—
тѣмъ же.
6. Толкованіе Евангелія отъ Іоанна—3 раза въ нед.—профессоромъ
Ландереромъ (Landerer).
7. Первая часть христ. Догматики (о существѣ и свойствахъ Божи-
ихъ)—6 разъ въ нед.—тѣмъ же.

Увлеченный новизною своего положенія, я съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Тюбингенѣ началъ съ усердіемъ посѣщать здѣшнія богословскія лекціи. Двери аудиторій были для меня повсюду открыты и, имѣя подъ руками подробный каталогъ всѣхъ читаемыхъ лекцій, я могъ по своему личному усмотрѣнію слушать чтеніе, у кого хотѣлъ изъ профессоровъ. Конечно, подобное эпизодическое слушаніе лекцій становится, особенно по началу, болѣе предметомъ любопытства, чѣмъ средствомъ къ дѣйствительному обогащенію ума новыми взглядами и познаніями. Профессоръ, имѣя въ виду потребности своихъ постоянныхъ

8. Вторая часть исторіи христ. догматовъ (отъ 4-го до 9-го вѣка)—6 разъ въ нед.—тѣмъ же.

9. Новѣйшая исторія догматовъ (отъ 16-го вѣка)—2 раза въ нед.—тѣмъ же.

10. Толкованіе посланія къ Эфесянамъ — 2 раза въ нед.—профессоромъ *Беккомъ* (Beck).

11. Ученіе о Св. таинствахъ Церкви—2 раза въ нед.—имъ же.

12. Первая часть христ. Этики (Нравств. богословія) — 5 разъ въ нед.—имъ же.

13. Протестантское церковное право—5 разъ въ нед.—профессоромъ *Пальмеромъ*.

14. Христ. педагогика по отношенію къ народнымъ школамъ—3 раза въ нед.—имъ же.

15. Литургия и гимнологія—3 раза въ нед.—имъ же.

16. Всѣ практическія упражненія студентовъ по части гомилетики находятся подъ руководствомъ того же проф. Пальмера.

17. Толкованіе книги Притчей — 3 раза въ нед.—репетентомъ *Лэффлеромъ*.

18. Толкованіе Евангелія отъ Матоея—4 раза въ нед.—репетентомъ *Дитшемъ*.

19. Ученіе о боговдохновенности св. книгъ (исторически и догматически)—1 разъ въ нед.—имъ же.

Само собою разумѣется, что эта программа съ каждымъ семестромъ совершенно измѣняется: каждый изъ упомянутыхъ профессоровъ читаетъ съ наступленіемъ новаго полугодія толкованіе другихъ св. книгъ и другія части своихъ наукъ, и не раньше какъ чрезъ три или четыре года приступаетъ снова къ чтенію тѣхъ же предметовъ.

слушателей, часто ссылается на мысли и предметы уже раскрытые имъ прежде; каждая лекція въ частности не представляетъ собою чего либо округленнаго и цѣлостнаго, а является не болѣе какъ звѣномъ въ общей цѣпи его чтеній, — при чемъ, конечно, многое остается темнымъ, а иной разъ и совершенно непонятнымъ для прибывшаго среди семестра и на короткое время дилеттанта. Но если и нельзя многому научиться при такомъ мимолетномъ посѣщеніи лекцій, не мало еще остается въ душѣ дорогихъ и пріятныхъ впечатлѣній, которыми вознаграждается трудъ туриста, издалека прибывшаго съ цѣлю почерпнуть для себя что нибудь изъ сокровищницы германской мысли. Для насъ, русскихъ, профессорская дѣятельность германскихъ богослововъ почти столько же знакома или — точнѣе — незнакома, какъ дѣятельность какихъ нибудь древнихъ греческихъ перипатетиковъ: мы знакомы (или по крайней мѣрѣ — можемъ знакомиться) съ плодами ихъ учено-литературной дѣятельности, но съ живою личностію и съ дѣйствительнымъ бытомъ ихъ —слишкомъ рѣдко. Вотъ почему одно уже то, чтобы собственными глазами взглянуть на этотъ міръ, на эту мастерскую, ежегодно вырабатывающую такое значительное количество издѣлій человѣческой мысли, имѣть особенную заманчивость и прелесть. Но этого мало: если и нельзя при отрывочномъ посѣщеніи лекцій у какого либо германскаго профессора извлечь для себя значительный матеріалъ новыхъ научныхъ познаній, то можно по крайней мѣрѣ познакомиться съ образомъ и методомъ его преподаванія, можно узнать — такъ сказать — *формальную* сторону его преподавательской дѣятельности, другими словами, — какъ именно онъ относится къ извѣстному на-

учному матеріалу и какими правилами онъ руководствуется при разработкѣ данныхъ источниковъ. Эта сторона дѣла, по моему мнѣнію, въ высшей степени важна и приобретаетъ тѣмъ большій интересъ, чѣмъ ближе слушатель самъ предварительно уже знакомъ съ предметомъ преподаванія и его источниками. Что же касается до матеріальной стороны дѣла, до надлежащаго усвоенія сообщаемыхъ профессоромъ положительныхъ свѣдѣній, то для достиженія этой цѣли слишкомъ недостаточно *слушать* профессора; необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же въ аудиторіи и *записывать* за нимъ. Здѣсь въ Тюбингенѣ, какъ и вообще въ германскихъ университетахъ, при чтеніи профессорскихъ лекцій мало цѣнятъ силу и вліяніе устнаго слова и живой, плавной рѣчи. Не заботясь много о слогѣ и образѣ изложенія, не гоняясь ни за какими цвѣтами краснорѣчія, профессоръ заботится лишь о томъ, чтобы передать свою мысль въ возможно сжатой и точной формѣ; при этомъ лекціи часто становятся очень сухими по изложенію и совершенно чужды того свойства, которое мы привыкли обозначать именемъ „популярности“. Но этого мало: имѣя въ виду, чтобы слушатели записывали всякое слово, профессоръ собственно не говоритъ свою лекцію и даже не читаетъ ее, а диктуетъ, произнося слово за слово съ такими остановками, съ такою медленностію, которая придаетъ въѣзней сторонѣ преподаванія характеръ чего-то механическаго и почти бездушнаго. Присовокупимъ къ этому, что за немнорими исключениями сами профессора вычитываютъ свои лекціи изъ лежащихъ предъ ними записокъ. Нечего и говорить о томъ, что при такой процедурѣ аудиторія слишкомъ мало соответствуетъ своему названію: она

перестаетъ быть собраніемъ живыхъ людей, принимающихъ чрезъ живое устное слово непосредственное воздѣйствіе отъ живой личности, а превращается въ какую-то канцелярскую машину, служащую къ тому, чтобы разомъ перевести въ сотню студентческихъ—не головъ — а тетрадокъ то, что записано въ профессорской тетрадь. На посторонняго слушателя (а не писца) эта механика наводитъ въ первую пору какую-то тоску и нужна значительная доля умственного напряженія, чтобы внимательно слѣдить за мѣрнымъ, монотоннымъ чтеніемъ профессора, голосъ котораго аккомпанируется скрипомъ многочисленныхъ, борзо пишущихъ студентскихъ перьевъ. Попробовалъ было и я, по общему примѣру всѣхъ окружавшихъ меня, работать не головою, а перомъ во время лекцій, но по недостатку навыка предпріятіе это какъ-то мнѣ не удавалось и я сталъ довольствоваться однимъ „слушаніемъ“.

Помнится мнѣ, что года полтора или два тому назадъ извѣстный у насъ г. Пироговъ, подъ вліяніемъ впечатлѣній, полученныхъ имъ при посѣщеніи германскихъ университетовъ и въ виду предстоявшихъ тогда преобразованій въ уставѣ нашихъ университетовъ, выразилъ мысль, что лучше всего было бы совершенно уничтожить чтеніе профессорскихъ лекцій, какъ лишнюю трату времени и замѣнить ихъ раздачею студентамъ печатныхъ экземпляровъ тѣхъ же лекцій. Проектъ этотъ казался мнѣ тогда чѣмъ-то въ родѣ насмѣшки надъ профессорскою дѣятельностію, но нельзя не сознаться, что при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ходомъ преподаванія въ германскихъ университетахъ весьма легко придти къ упомянутому заключенію. Я убѣдился по

крайней мѣрѣ въ томъ, что есть возможность довольно удовлетворительно пройти полный курсъ богословскихъ наукъ въ Тюбингенскомъ университетѣ, живя безвыѣздно—въ Петербургѣ: такъ какъ дѣятельность студентовъ при посѣщеніи лекцій исключительно ограничивается буквальнымъ записываніемъ со словъ профессора, то стоило бы только выписать себѣ копію съ любой студентской тетради, — и приобретено было бы тоже, что приобретается студентами чрезъ ежедневное посѣщеніе лекцій на мѣстѣ. Эта мысль такъ заинтересовала меня, что я въ первые же дни своего пребыванія въ Тюбингенѣ сталъ хлопотать о наймѣ переписчика для приобретения читаемыхъ лекцій. Мнѣ особенно хотѣлось имѣть курсъ христ. символики (ученія о вѣроисповѣданіяхъ), читаемой проф. Элеромъ (Oehler), и лекціи проф. Бекка по христ. Этикѣ (нравств. богословію). Но къ сожалѣнію оказалось, что мое намѣреніе неудобно исполнимо по причинамъ, впрочемъ, только финансовымъ: за копію съ лекцій просили очень высокую плату, ссылаясь на то, что списываніе лекцій можетъ брать на себя не простой писецъ, а только студентъ и притомъ непременно тотъ же, съ тетрадки котораго предполагалось бы списывать, такъ какъ каждый студентъ записываетъ лекціи съ разными сокращеніями въ словахъ и съ самодѣльными стенографическими знаками, понятными только для него самого.—Какъ бы то ни было, но каждый студентъ, посѣщая регулярно лекціи, имѣетъ главною, если не исключительною, цѣлію—приобрѣтеніе копій съ профессорскихъ чтеній; по этимъ запискамъ онъ потомъ готовится къ экзамену, ихъ онъ хранитъ потомъ какъ памятникъ своей студентской жизни, къ нимъ же онъ по выходѣ изъ университета обращается

въ случаѣ какой-либо надобности какъ къ авторитетному для него источнику разныхъ справокъ.

Ненормальность такого образа преподаванія естественно побудила меня, при личныхъ бесѣдахъ съ профессорами, выразить нѣкоторымъ изъ нихъ мои недоумѣнія. Въ отвѣтъ мнѣ говорили, что хотя вполне сознають недостатки этой системы преподаванія, но сами студенты требуютъ именно того, чтобы дана была имъ возможность записывать, и заявляютъ сильное неудовольствіе въ случаѣ, когда кто нибудь изъ преподавателей вмѣсто диктовки начнетъ говорить лекцію живымъ словомъ, неудобнымъ по быстротѣ рѣчи для записыванія. Такова всегда и во всемъ сила обычая, освященнаго давностію; онъ приобретаетъ значеніе непреложнаго закона; владѣтельствуется деспотически надъ умомъ и волею челоуѣка и только съ большимъ трудомъ уступаетъ вліянію болѣе здравыхъ началъ.

Впрочемъ нѣкоторые изъ профессоровъ, и притомъ изъ наиболѣе авторитетныхъ (какъ наприм. Беккъ) позволяютъ себѣ во время лекцій маленькія отступленія отъ утвержденаго обычая образъ преподаванія: диктуя лекцію, они отъ времени до времени поднимають глаза съ записокъ и живою рѣчью дѣлають нѣсколько дополнительныхъ объясненій къ только-что продиктованному; но слова ихъ въ этомъ случаѣ остаются обыкновенно гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; студенты съ неудовольствіемъ кусають свои перья, пропуская очевидно мимо ушей подобныя самовольныя отступленія своего профессора отъ возложенной на него обязанности диктовать; и только тогда съ живостію хватаются за свои тетради, когда спустившіеся на кафедру глаза преподавателя и медленный тонъ его рѣчи дають знать, что наступило снова время для записыванія.

Неоднократно я спрашивал также у профессоров— по поводу тѣхъ же „порядковъ“,—почему они не издадутъ своихъ лекцій въ печати; но на этотъ вопросъ я ни отъ кого не получалъ удовлетворительнаго отвѣта. Ссылались то на недостаточность литературной отдѣлки или научной законченности читанныхъ лекцій, то на бесплодность подобной мѣры по отношенію къ нуждамъ студентовъ, „такъ какъ съ каждымъ курсомъ составъ лекцій измѣняется примѣнительно къ новымъ требованіямъ и движеніямъ науки“. Въ послѣднемъ случаѣ цѣль, конечно, не была достигнута, и отпечатаніе лекцій не освободило бы слушателей на слѣдующемъ курсѣ отъ утомительнаго и механическаго записыванія; но, какъ увѣряли меня нѣкоторые изъ молодыхъ репетентовъ университетской семинаріи, причина не въ этомъ: лекціи—по крайней мѣрѣ у большинства профессоров—мало измѣняются, и читаются или, точнѣе, диктуются изъ года въ годъ почти въ одномъ и томъ же видѣ. На значительныя передѣлки разъ составленныхъ лекцій ни у кого почти изъ преподавателей не достало бы времени, какъ по причинѣ многочисленности самыхъ лекцій, выпадающихъ на долю cadaго, такъ—въ особенности—вслѣдствіе значительнаго количества другихъ занятій, особенно по части различныхъ учено—литературныхъ предпріятій. Каждый нѣмецкій профессоръ признаетъ едва ли не первую и главную свою обязанностію вносить свою лепту въ общую современницу книжной учености германцевъ чрезъ изданіе то тѣхъ, то другихъ научныхъ монографій, нерѣдко также—чрезъ участіе въ различныхъ обширныхъ учено—литературныхъ предпріятіяхъ. Подобныя занятія въ связи съ неизбѣжными при этомъ научными изысканіями.

поглощаютъ значительную часть времени, свободнаго отъ чтенія лекцій, и потому по отношенію къ послѣднимъ не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо значительныхъ измѣненіяхъ въ каждомъ курсѣ. Если же тѣмъ не менѣе профессоръ не печатаетъ своихъ лекцій и не освобождаетъ тѣмъ слушателей отъ необходимости постоянного записыванія, то причина весьма понятна, хотя она и не высказывается: будь курсъ извѣстнаго профессора отпечатаннымъ и слѣдовательно доступнымъ всякому по сходной цѣнѣ, тогда не-изъ-за чего было бы ходить въ аудиторіи, и самыя чтенія профессора, пожалуй, были бы излишни. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и то, что мы такъ часто встрѣчаемъ въ числѣ явленій германской богословской литературы *посмъртныя* изданія разныхъ курсовъ и лекцій, читанныхъ какою-либо научною знаменитостію; такъ наприм. въ недавнее время появились лекціи Неандера о католичествѣ и протестантствѣ и лекціи Шнеккенбургера о мелкихъ протестантскихъ сектахъ и обществахъ; оба сочиненія появились въ печати уже *посль смерти* авторовъ, вѣроятно по вышеизложенной причинѣ.

Я говорилъ до сихъ поръ объ одной лишь внѣшней, довольно темной сторонѣ въ профессорской дѣятельности почтенныхъ Тюбингенскихъ ученыхъ; но есть другая сторона медали, гораздо болѣе свѣтлая и чистая, — это внутреннее, научное достоинство ихъ лекцій. Само собою разумѣется, что, говоря о внутренней сторонѣ профессорскихъ лекцій, невозможно произнести обо всѣхъ преподавателяхъ одного общаго категорическаго отзыва; здѣсь, какъ и у насъ, есть, конечно, много степеней и почти неуловимыхъ переходовъ отъ дѣйствительной даровитости до совершенной бездарности,

отъ энергіи и добросовѣстности—до совершенной апатіи и полнаго умственнаго застоя. Считаю однако долгомъ справедливости сказать, что лица, стоящія на низшихъ ступеняхъ указанной лѣстницы, встрѣчаются между преподавателями и „двигателями науки“ гораздо рѣже въ Германіи, чѣмъ у насъ на Руси. Оно, собственно говоря, иначе и быть не можетъ: когда у насъ—разумѣю ближайшимъ образомъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—молодой человѣкъ, послѣ продолжительнаго перехода изъ курса въ курсъ, наконецъ достигаетъ вождѣленной цѣли, т. е. сдаетъ удовлетворительно выпускной экзаменъ, и за тѣмъ выступить на поприще профессора или педагога, онъ—положимъ—въ первое время еще (за весьма немногими исключеніями) занимается усердно своимъ дѣломъ; при энциклопедическомъ характерѣ даннаго ему образованія, ему необходимо, уча другихъ, самому приняться за изученіе порученнаго ему предмета и, такъ или иначе, дополнить разные пробѣлы въ своемъ собственномъ образованіи. Но если за тѣмъ въ скоромъ времени, по какимъ либо житейскимъ расчетамъ, у него является желаніе оставить педагогическое поприще и замѣнить его другою служебною карьерою, болѣе выгодною въ матеріальномъ отношеніи, тогда конецъ усердію и ретивости въ исполненіи обязанностей, отъ которыхъ въ глубинѣ души уже созрѣваетъ замысль такъ или иначе освободиться. Онъ не видитъ для себя ничего утѣшительнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, если остаться при указанномъ ему училищнымъ вѣдомствомъ *statu quo*, и не смотря на громкій титулъ магистра *sanctiorum humaniorumque litterarum*, не смотря на почетное наименованіе „профессора“, онъ, на основаніи разныхъ весьма реальныхъ сооб-

ражаний, спѣшить при первомъ удобномъ случаѣ промѣнять свою профессуру на скромную, но гораздо болѣе выгодную должность приходскаго священника. При те-перешней крайне незавидной обстановкѣ духовно-училищной службы такое желаніе рождается—чуть ли не со дня опредѣленія на должность—у девяти десятыхъ выпускаемыхъ нашими академіями юныхъ семинарскихъ профессоровъ и учителей. Но предположимъ, что нашему „профессору“, волей ли или неволей, приходится на долго или на всегда посвятить свою дѣятельность науцѣ, т. е. оставаться на духовно-училищной службѣ;—и въ этомъ случаѣ онъ знаетъ, что награды и поощренія пріобрѣтаются болѣе годами службы, нежели научными трудами и усердіемъ; онъ знаетъ съ другой стороны и то, что если онъ только слегка исполнить официальные или, точнѣе, формальные свои обязанности, если не будетъ съ его стороны какихъ нибудь слишкомъ явныхъ и частыхъ опущеній, то ему нечего опасаться въ служебномъ отношеніи: мѣста не лишатъ его, а наградъ онъ и при усердной, труженической жизни не могъ бы ждать себѣ много; мало по малу онъ привькаетъ прозябать среди относительной или полной инерціи, при которой постепенно пропадаютъ и дарованія его, если они были. Конечно, такой грустный исходъ имѣетъ мѣсто не всегда, но—говоря вообще—нельзя не сказать, что богословская ученость и дѣятельность у насъ весьма далеко уступаетъ германской. Тюбингенскій профессоръ, положимъ, не много посвящаетъ времени на переработку и усовершенствованіе разъ составленныхъ имъ лекцій; но онъ не станетъ предаваться бездѣятельности и не впадетъ въ апатію: того не позволитъ самое положеніе его при университетѣ,

такъ какъ за упадкомъ его профессорскаго авторитета неизбежно послѣдуетъ уменьшеніе числа его слушателей, а за тѣмъ и увольненіе его отъ должности; званіе профессора богословія есть притомъ въ Германіи званіе въ полномъ смыслѣ почетное, и собственное самолюбіе профессора не можетъ не побуждать его къ тому, чтобы въ глазахъ образованнаго общества и самаго университета показать себя вполне достойнымъ занимаемой имъ каведры. Можно сказать вообще, что не смотря на сухость и разные внѣшніе недостатки преподаванія, лекціи Тюбингенскихъ профессоровъ отличаются (конечно въ большей или меньшей степени) двумя драгоценными качествами: *основательностію* и *самостоятельностью*.

Кто знакомъ съ образомъ преподаванія, принятымъ у насъ въ Россіи большинствомъ профессоровъ, того невольно поразитъ въ германской аудиторіи этотъ до мельчайшихъ подробностей доходящій анализъ источниковъ, который сопровождаетъ почти всякую сентенцію, всякій личный отзывъ профессора. Съ перваго раза видишь, что имѣешь предъ собою человѣка, который дѣйствительно *владеетъ* своимъ предметомъ и обращается съ его коренными источниками, какъ съ матеріаломъ давно знакомымъ и изслѣдованнымъ. Съ тономъ спокойной самоувѣренности онъ шагъ за шагомъ выводитъ свои взгляды и заключенія, постоянно изощряя рѣчь свою латинскими и греческими ссылками и цитатами на матеріалъ и источники своей науки. Тутъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы блеснуть предъ слушателями какими нибудь мнимолиберальными идеями или намеками на общественную жизнь и на ея язвы; профессоръ напротивъ какъ бы вводитъ слушате-

лей въ свою научную лабораторію, совершенно отдѣленную отъ мимолетныхъ мѣнѣй и увлеченій вѣшняго міра, онъ знакомитъ ихъ, такъ сказать, съ черновою работою, производимою въ его умственной мастерской. Предоставляя самимъ слушателямъ вѣшнюю отдѣлку и шлифование издѣлій, вырабатываемыхъ въ этой мастерской, профессоръ заботится очевидно не столько о томъ, чтобы сообщить студентамъ возможно большій запасъ положительныхъ свѣдѣній, сколько объ ознакомленіи ихъ съ самыми приемами научнаго анализа и синтеза, и такимъ образомъ приготовить ихъ къ самостоятельнымъ научнымъ изысканіямъ. При этомъ, конечно, нерѣдко случается, что взгляды различныхъ профессоровъ на одинъ и тотъ же предметъ очень расходятся; но съ явленіями этого рода германскій умъ весьма удобно и легко мирится, даже въ области предметовъ Вѣры. Притомъ, коренныя воззрѣнія каждаго профессора обыкновенно общеизвѣстны по его сочиненіямъ, и слушатели такимъ образомъ болѣе или менѣе приготовлены къ тому, чтобы изъ устъ различныхъ преподавателей слышать объ одномъ и томъ же предметѣ различные отзывы, смотря по Standpunkt'у каждаго изъ нихъ. Свободнымъ проявленіемъ разнородныхъ личныхъ мѣнѣй и воззрѣній поддерживается общая жизненность научныхъ движеній и прокладывается путь къ постепенно большому и многостороннему разъясненію научныхъ проблемъ. Что же касается до учащихся, то они—при известной степени умственной зрѣлости—приучаются къ тому, чтобы не поддаваться слѣпо и рабски авторитету профессорскихъ словъ, но воспитывать въ себѣ начало самодѣятельности и личнаго испытыванія.

Какъ далеко этотъ порядокъ дѣлъ отъ того, что мы

привыкли видѣть кругомъ себя; у насъ, какъ въ академіяхъ, такъ и въ университетахъ нашихъ, профессоры—особенно, кажется, въ послѣднее время—смотрятъ на западно-европейскую и по преимуществу на германскую научную литературу, какъ на богатый и неисчерпаемый рудникъ, изъ котораго спокойно и удобно можно черпать *готовый* матеріалъ вмѣсто того, чтобы самому выступить на трудный и подѣ—часъ тяжелый путь самостоятельныхъ научныхъ изысканій. Да и учащаяся еще молодежь наша, кажется, очень хорошо поняла, что гораздо „удобнѣе“ пользоваться вполнѣ разработанными произведеніями новѣйшихъ западныхъ ученыхъ, чѣмъ самой приняться за полновѣсные латинскіе и греческіе фоліанты; оно и легче и спокойнѣе. Такой практическій или утилитарный взглядъ на приемы, потребные для движенія отечественной науки, утверждается у нашихъ юныхъ питомцевъ просвѣщенія еще на школьной скамьѣ: онъ выражается въ томъ рѣшительномъ предпочтеніи, какое отдается ими изученію новѣйшихъ языковъ предъ изученіемъ древнихъ, онъ высказывается и во всѣхъ запросахъ ихъ объ „источникахъ“ и въ самомъ характерѣ ихъ письменныхъ упражненій. Этимъ же отсутствіемъ научной самостоятельности объясняется и то, почему многія произведенія нашей весьма впрочемъ немногосложной богословской литературы носятъ на себѣ явный отпечатокъ системъ или католическихъ, или протестантскихъ. Что дѣлать? ужъ такова, видно, участь нашей богословской литературы научной, чтобы намъ долго еще ходить большею частію на помочахъ, питаея крохами, падающими съ роскошнаго стола нашихъ западныхъ сосѣдей. Слишкомъ замѣтный, чтобы не сказать—окончательный упадокъ влас-

сическихъ занятій древними языками не предвѣщаетъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, какой ли-бо переменѣ къ лучшему въ этомъ отношеніи. Я весьма впрочемъ далека отъ мысли вдаться въ разборъ пресловутаго вопроса о классицизмѣ и реализмѣ; скажу только, что не смотря ни на какой реализмъ нашего утилитарнаго времени, нѣмцы донинѣ во всѣхъ своихъ университетскихъ факультетахъ—и прежде всего, въ богословскихъ—непоколебимо держатся убѣжденія, что первымъ и непрежѣннымъ условіемъ для успѣшнаго прохожденія высшаго курса и для самостоятельной научной дѣятельности служить по возможности *полное и основательное изученіе древнихъ языковъ* и ихъ литературы, какъ это между прочимъ видно изъ представленнаго мною (въ прошедшей корреспонденціи) программы учебныхъ занятій въ виртембергскихъ семинаріяхъ. Едва ли въ чемъ такъ рѣзко, какъ именно въ этомъ отношеніи, выражается различіе между молодыми богословами у насъ и въ Германіи. Благодаря строго классическому характеру всего общеобразовательнаго курса, студенты богословія въ Тюбингенскомъ (какъ и во всякомъ другомъ германскомъ) университетѣ вполне освоились съ древними языками, и притомъ не только съ латинскимъ и греческимъ, но и съ еврейскимъ (1). Этимъ они освобождаются отъ необходимости вѣрить на—слово какимъ либо новѣйшимъ переводчикамъ и истолкователямъ, и приобрета-

(1) При толкованіи ветхозавѣтныхъ священныя книгъ студенты исключительно пользуются еврейскою библіею, по которой всѣ свободно разбираютъ смыслъ текста. Когда я присутствовалъ на лекціяхъ и упражненіяхъ этого рода, мнѣ всегда услужливо давали въ руки экземпляръ *еврейской библіи*: для нихъ богословъ не мыслитъ безъ знанія этого языка. Признаюсь, мнѣ было стыдно признаться предъ окружающими въ крайней скудости моихъ познаній ветхозавѣтнаго священнаго языка.

ютъ возможность самобытно относиться къ оригинальному тексту слова Божія и всѣхъ драгоценныхъ памятниковъ христіанской древности.

Что касается до изученія новѣйшихъ языковъ, то на это смотрятъ здѣсь, какъ на дѣло второстепенное и неважное въ школьномъ образованіи. „Къ чему“, говорили мнѣ нѣкоторые изъ здѣшнихъ ученыхъ не безъ отѣнка національной гордости, „къ чему нашимъ воспитанникамъ и студентамъ тратить золотое время на изученіе языковъ англійскаго или французскаго; это было бы для нихъ лишнею и пустою роскошью. Когда на этихъ языкахъ является что либудь дѣйствительно заслуживающее вниманія нашихъ богослововъ, то оно немедленно сдѣлается для нихъ доступнымъ въ вѣрныхъ и точныхъ переводахъ; что же касается до умѣнья объясняться на чужихъ языкахъ, то оно у насъ не цѣнится, да ни къ чему и не послужитъ: во всѣхъ слояхъ общества у насъ говорятъ только по нѣмецки“.

Изъ всѣхъ читаемыхъ здѣсь богословскихъ лекцій наибольшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ пользуются чтенія проф. Бекка по нравственному богословію. Громадная аудиторія этого профессора всегда наполнена сплошною массою внимательныхъ слушателей, въ числѣ которыхъ—кромѣ студентовъ богословія—встрѣчается довольно значительное число молодыхъ людей изъ другихъ факультетовъ, юристовъ, филологовъ и проч., по личному внутреннему влеченію посѣщающихъ эти чуждыя ихъ специальности чтенія. Можно бы, судя по нашему, предполагать, что такая популярность приобрѣтена г. Беккомъ какими либо отступленіями отъ строго богословскаго характера преподаваемой имъ науки, или усвоеніемъ какихъ-нибудь изъ такъ называемыхъ

модныхъ идей. Однако этого сказать нельзя: Беккъ, человекъ пожилыхъ лѣтъ, свободный отъ увлеченій, съ весьма трезвыми, консервативными воззрѣніями на жизнь и на условія ея законнаго развитія; въ реченіяхъ своихъ онъ старается довести до сознанія своихъ слушателей твердое и ясное понятіе о непреложномъ и безусловномъ совершенствѣ христіанскаго нравоученія и о правильномъ образѣ приложенія сего послѣдняго къ истиннымъ потребностямъ общественной и частной жизни. Раскрывая предметъ свой на началахъ Откровенія, Беккъ въ то же время старается оправдать и уяснить нравственный законъ христіанства строгимъ анализомъ человѣческихъ чувствъ и стремленій и вообще старается слить въ одно гармоническое цѣлое положительныя данныя Откровенія и начала здоровой нравственной философіи. Не берусь судить о томъ, на сколько цѣль эта достигается почтеннымъ профессоромъ, но едва ли не въ этомъ заключается главная причина его чрезвычайнаго успѣха. Какъ бы то ни было, меня увѣряли, что въ числѣ его слушателей всегда находится не мало такихъ, которые пріѣзжаютъ въ Тюбингенъ изъ самыхъ отдаленныхъ частей Германіи и даже изъ другихъ западно-европейскихъ странъ (напр. изъ Англіи и Шотландіи), исключительно привлеченные желаніемъ выслушать или, точнѣе, описать себѣ курсъ нравственнаго богословія въ аудиторіи проф. Бекка. Какъ велико въ этомъ отношеніи различіе между положеніемъ дѣлъ въ Германіи и у насъ!

Кромѣ проф. Бекка, я съ особеннымъ интересомъ слушаю лекціи проф. Элера (Oehler) по *символикѣ*. Эта наука, замѣняющая здѣсь то, что у насъ называется полемическимъ или сравнительнымъ богословіемъ, из-

лагается въ видѣ существенно отличномъ отъ принятаго у насъ метода. У насъ, какъ извѣстно, за изложениемъ и раскрытiемъ извѣстной догматической разности слѣдуетъ ея опроверженiе, и это послѣднее—какъ бы оно само по себѣ ни было безпристрастнымъ и основательнымъ,—въ глазахъ учащихся принимаетъ видъ только чего-то обязательнаго, предписаннаго, не всегда для нихъ убѣдительнаго: отличiя извѣстнаго вѣроисповѣданiя отъ православiя *должны* быть опровергаемы,—вотъ ихъ и опровергаютъ, употребляя для этого тѣ или другiе доводы и соображенiя; студентъ знаетъ это и усвоитъ предлагаемые наставникомъ доводы, но усвоитъ часто одною памятью безъ всякаго искреннаго участiя ума и сердца. Конечно, въ этомъ случаѣ какъ и всегда—большая или меньшая степень успѣха зависитъ отъ самого преподавателя, но тѣмъ не менѣе можно сѣзать вообще, что даже при самыхъ благопрiятныхъ условiяхъ цѣль преподаванiя сравнительнаго или обличительнаго богословiя достигается у насъ только въ половину: воспитанники познакомятся съ вѣроученiемъ другихъ христіанскихъ обществъ и узнаютъ, какими доводами можно пользоваться для опроверженiя догматическихъ разностей; но полное, сознательное и *сердечное* утвержденiе въ православной истинѣ едва ли можетъ быть плодомъ преподаванiя этой науки по принятому у насъ нынѣ методу. У Элера въ Тюбингенѣ я былъ свидѣтелемъ преподаванiя той же науки по другому и, какъ мнѣ кажется, болѣе приспособленному къ цѣли методу: послѣ подробнаго изложенiя историко—догматическихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленiе символическихъ книгъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданiй, профессоръ поставилъ главною цѣлю своихъ лекцiй срав-

нительное изображеніе вѣроученія христіанскихъ обществъ на основаніи тѣхъ же символическихъ книгъ. При этомъ онъ, избѣгая всякой нарочитой полемики, всякаго явнаго опроверженія или обличенія мнѣній ино-вѣрцевъ, ведетъ однако свое дѣло такъ, чтобы изъ самаго сопоставленія сравниваемыхъ понятій объ одномъ и томъ же предметѣ вѣры то понятіе какъ бы само собою оказывалось истиннымъ, которому, по мнѣнію профессора, дѣйствительно и принадлежитъ преимущество. Истина, по его словамъ, должна говорить сама за себя и не нуждается въ искусственномъ сплетеніи защитительныхъ доводовъ. Само собою разумѣется, что такъ какъ въ устахъ Элера, эту самую за себя говорящую истину должно было быть ученіе протестантское, то дѣло у него не обходилось безъ натяжекъ, а—иной разъ—и совершенно произвольныхъ предположеній и выводовъ; но нельзя не сознаться, что въ рукахъ искуснаго и знающаго свое дѣло преподавателя этотъ методъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться могущественнымъ средствомъ не только къ уясненію догматическихъ разногласій, но и къ положительному утверженію въ истинѣ. При мнѣ Элеръ излагалъ сравнительно ученіе разныхъ христіанскихъ обществъ объ оправданіи и—подобно многимъ другимъ протестантамъ—обвинялъ символическое ученіе православной Церкви объ этомъ предметѣ—въ полупелагианизмѣ. Поэтому поводу у меня неоднократно были съ нимъ длинныя споры; мнѣ хотѣлось доказать ему, что приписывая православному ученію объ оправданіи характеръ полупелагианскій, онъ смѣшиваетъ пелагианство съ *синеризмомъ*, т. е. съ истиннымъ ученіемъ о содѣйствіи и соучастіи собственныхъ нравственныхъ силъ человека въ дѣлѣ его оправданія и благодатнаго освященія.

нія. Изъ этихъ бесѣдъ своихъ съ Элеромъ я вывелъ вообще заключеніе, что протестантскіе богословы, не смотря на всю свою ученость, еще весьма далеки отъ яснаго и правильнаго разумѣнія того *богочеловѣческаго* характера, которымъ проникнуто все дѣло строительства нашего спасенія. Монофизитскія и пантеистическія односторонности проглядываютъ въ сужденіяхъ даже самыхъ лучшихъ богослововъ, коль скоро рѣчь коснется вопросовъ о благодати, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о Церкви, таинствахъ и т. д. Такова сила преданія,— только не священнаго, а мѣстнаго, протестантскаго; и что бы ни говорили протестанты о свободномъ испытываніи истинъ вѣры, о личной независимости вѣрующаго ума отъ внѣшняго, исторически даннаго церковнаго авторитета,—во всякомъ случаѣ не трудно видѣть, что каждый протестантъ болѣе или менѣе руководствуется именно преданіемъ, которое—если и не возведено имъ формально на степень обязательнаго авторитета—тѣмъ не менѣе властвуетъ надъ его умомъ и сердцемъ. Извѣстныя догматическія возрѣнія и взгляды, нѣкогда выработанныя среди горячей борьбы съ латинствомъ, замѣнили для протестантовъ искаженное въ римской Церкви и отвергнутое реформаторами преданіе древней вселенской Церкви, и эти возрѣнія, это *новое преданіе*, съ свойственными имъ крайностями и односторонностями высказываются чуть ли не въ каждой лекціи и въ каждой частной бесѣдѣ между протестантскими учеными, лишь только рѣчь коснется догматическихъ разностей.

Послѣ прослушанныхъ мною здѣсь лекцій по библейской экзегетикѣ я не разъ въ частной бесѣдѣ съ профессорами выражалъ свое удивленіе тому, что они такъ

мало придерживаются собственного своего „формального принципа“, т. е. своего учения о Священномъ Писаніи, какъ о *единственномъ* источникѣ истиннаго богопознанія; я высказывалъ имъ, что слушая ихъ лекціи, я невольно приходишь къ заключенію, что они часто—вмѣсто того, чтобы черпать истину изъ священныхъ книгъ—сами напротивъ какъ бы влагаютъ въ слово Божіе свои предвзятые протестантскія идеи и такимъ образомъ совершенно перевернули тотъ коренной принципъ свой, во имя котораго они отказались отъ вѣшняго авторитета Церкви и ея древнихъ преданій. Само собою разумѣется, что мои собесѣдники въ подобныхъ случаяхъ старались оправдать себя и—къ чести ихъ я долженъ сказать—всегда *sine ira et studio*; но доводы ихъ, по моему мнѣнію, мало шли къ дѣлу и не имѣли доказательной силы: вдавались обыкновенно въ разсужденія о любимомъ протестантами разграниченіи между духомъ и буквою свящ. текста и т. под. Съ своей стороны мнѣ приходилось также во время подобныхъ полемическихъ бесѣдъ выслушать не мало обвиненій и нареканій на наше родное православіе, но обвиненія эти были большею частію таковы, что они могли лишь служить свидѣтельствомъ о совершенномъ незнакомствѣ ихъ съ духомъ и кореннымъ характеромъ православнаго вѣроученія; они касались всего чаще, какъ и можно было ожидать, вопроса объ устной исповѣди, о седмичномъ числѣ св. Таинствъ, о правахъ іерархіи, о почитаніи святыхъ иконъ и мощей. Въ подобныхъ случаяхъ приходилось обыкновенно слышать тѣ же возраженія противъ православнаго ученія, которыя уже давно извѣстны по книгамъ и также давно разобраны и опровергнуты защитниками православной истины; но бывали и такіе случаи,

когда предлагали мнѣ вопросы положительно для меня новые; „правда ли“, спросилъ наприм. одинъ изъ молодыхъ речетентовъ университетской семинаріи, безъ всякаго оттенка ироніи, „правда ли, что по понятіямъ болѣшинства восточныхъ христіанъ спасеніе зависитъ отъ состава принимаемой нами тѣлесной пищи?“ (вопросъ относился къ ученію о постахъ). Если разговоры, вызванные подобными вопросами, нерѣдко наводили меня на грустные размышленія о томъ, какъ мало православное ученіе въ это настоящеемъ, чистомъ свѣтѣ извѣстно западнымъ христіанамъ,—тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ этого рода бывало также не мало отраднаго и поучительнаго: взаимный, свободный обмѣнъ мыслей и убѣжденій влечетъ за собою бѣольшую ясность взгляда, бѣольшую твердость собственныхъ сужденій и даетъ возможность—по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени—исправить у лицъ, съ которыми приходится встрѣчаться, ошибочные взгляды ихъ на святую Церковь вашу и на содержимую ею апостольскую истину.

(Продолженіе будетъ.)

Осининъ.

ЦЕРКОВНЫЯ ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Протестантскія и римско-католическія воспитательныя заведенія для дѣтвей на Востоцѣ. Извѣстно, что протестанты и римско-католики давно ужъ занимаются пропагандой своего ученія на Востоцѣ и главнымъ образомъ—между восточными христіанами разныхъ вѣроисповѣданій, и давно уже обратили вниманіе на учрежденіе школъ для дѣтей обоего пола, какъ на лучшее средство къ распространенію своего ученія. По мѣстнымъ условіямъ, эти школы были до послѣдняго времени открытыми, исключительно образовательными заведеніями: мальчики и дѣвочки туземцевъ жили у своихъ родителей и родственниковъ и только ходили въ школу учиться, когда хотѣли. Такое видѣніе отношенія къ школамъ со стороны учениковъ и ученицъ не давало школамъ возможности распространять на нихъ столько вліянія, сколько предназначалось въ видахъ пропаганды. Вліяніе школы парализовалось вліяніемъ семьи, въ которой жили дѣти. Между тѣмъ учрежденіе школъ, снабженіе ихъ учебными пособиями, содержаніе учителей и проч. поглощало большія денежныя средства. Чтобы скольконибудь уравнились результаты, получаемыя отъ школъ, съ тѣми матеріальными тратами, которыя на нихъ употреблялись, оказывалось необходимымъ разобщить дѣтей съ семьей, и поставить ихъ подъ прямое и исключитель-

ное вліяніе школы. Эту необходимость давно сознавали пропагандисты и давно пробовали презратить свои образовательныя школы въ воспитательныя. Но замкнутость семейной жизни на Востокъ и отчужденность разныхъ народностей одна отъ другой долго не давали имъ возможности произвести желанную реформу въ своихъ школахъ. Наконецъ въ послѣднее время эта возможность открылась для нихъ, благодаря звѣрской рѣзни, произведенной Друзами надъ христіанскимъ народонаселеніемъ Ливана. Какъ извѣстно, эта рѣзня подала поводъ къ вступленію французскихъ войскъ въ Сирію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ усиленному проявленію западнаго филантропізма. Вслѣдъ за французскими войсками устремились въ Сирію разныя діакониссы и сестры милосердія нести двойную службу—ухаживать за ранеными и помогать миссіонерамъ въ дѣлѣ миссіи. Огромныя денежныя средства, которыми сгѣшнши подѣлиться съ этими новыми миссіонерками разныя благотворительныя и миссіонерскія общества и частныя лица на Западѣ, и которыя онѣ щедро расточали ограбленнымъ и изувѣченнымъ христіанамъ Сиріи, невольно внушали къ нимъ довѣріе. По усмиреніи мятежа онѣ открыли нѣсколько воспитательныхъ заведеній для дѣвочекъ—сиротъ, которыхъ оказалось слишкомъ много, благодаря кровавому побойцу, произведенному Друзами. Одна изъ первыхъ посѣщала открытъ такое заведеніе протестантская община діакониссъ въ Кайзервертѣ. Это заведеніе, названное Зоаремъ, было открыто въ 1860 году въ Бейрутѣ и до 1864 г. успѣло уже выпустить больше 360 дѣвочекъ. Въ прошломъ году въ немъ воспитывалось 130 дѣвочекъ—и сиротъ и не сиротъ,—изъ нихъ 4 друзянки, 13 маронитокъ, 3 римско-католички, 30 протестантскія.

стантокъ, остальныхъ православнаго исповѣданія. Въ числѣ протестантокъ находились 2 бедунки, которыя прежде были магометанками. Родина одной изъ нихъ—пустыня по ту сторону Дамаска, другой—одно изъ селеній по ту сторону Галилейскаго моря. Заведеніе находится подъ покровительствомъ прусскаго консульства. Желающіе помѣстить сюда своихъ дочерей или родственницъ заключаютъ контракты съ заведеніемъ при посредствѣ консульства и оставляютъ дѣвочекъ на полную отвѣтственность заведенія до окончанія воспитанія. Всѣ дѣвочки содержатся на счетъ заведенія, кромѣ двухъ (между ними одна дружка), за которыхъ родители вносятъ небольшую плату по собственному желанію. Годовое содержаніе дѣвочки обходится обществу въ 60 талеровъ (по нынѣшнему курсу 66 р. сер.); такимъ образомъ годовое содержаніе 130 дѣвочекъ стоитъ почти 8000 талеровъ (8.800 р. сер.). Эти деньги покрываются изъ разныхъ источниковъ. Прежде всего въ составъ этой суммы отпускается ежегодно 300 талеровъ изъ Сирійскаго комитета въ Берлинѣ (основаннаго также по случаю убійствъ въ Сиріи), 900 талеровъ ежегодно изъ Сирійскаго комитета въ Лондонѣ (основаннаго по тому же случаю), до 800 талеровъ—процентовъ съ капитала, образовавшагося изъ добровольныхъ пожертвованій въ 1860 и 1861 г. на первоначальное устройство и обзаведеніе института, остальные 6000 талеровъ собираются изъ добродетельныхъ приношеній.

Протестанты имѣютъ только одно, описанное нами, женское воспитательное заведеніе въ Сиріи. Римско-католики, располагающіе гораздо большими денежными средствами, имѣютъ такихъ заведеній нѣсколько. Эти заведенія возникли въ то же время и по тому же слу-

чаю и теперь считают своих воспитанниц сотнями. Денежныя средства на поддержаніе римско-католическихъ заведеній въ Сиріи доставляетъ главнымъ образомъ Франція. Кроме того разныя благотворительныя общества въ римско-католической Европѣ удѣляютъ ежегодно часть своихъ средствъ на поддержаніе этихъ заведеній. Такъ еще въ 1860 г. римско-католическій „Союзъ св. Гроба“, находящійся въ Кёльнѣ, основалъ у себя „вѣдомогательный фондъ для Сиріи“, который въ 1862 г. достигъ до суммы въ 31.302 талера. По годовому отчету этого общества, обнародованному въ июнѣ 1862 г., видно, что въ этомъ году общество отослало изъ своего фонда 4.200 талеравъ одному пріору іезуитовъ въ Бейрутъ и Лазаристамъ въ Антурѣ 1072 талера, не считая другихъ менше значительныхъ суммъ.

Кромѣ воспитательныхъ заведеній для дѣвицъ у римско-католиковъ есть семинарія для образованія будущихъ священниковъ въ Бейтѣ-Джъалимѣ на Ливанѣ. Іезуиты имѣютъ въ Сиріи восемь орденскихъ подворьевъ и семинарію въ Хацирѣ. Всѣ римско-католическія училища для мальчиковъ группируются вокругъ упомянутыхъ семинарій, откуда получаютъ своихъ учителей, училища и воспитательныя заведенія для дѣвочекъ, гдѣ приготовляются главнымъ образомъ будущія учительницы женскаго поколѣнія на Ливанѣ, примыкають къ общинѣ монахинь „св. сердца Іисусова“, находящейся въ Захитѣ между Ливаномъ и Антиливаномъ. Такимъ образомъ весь Ливанъ охваченъ какъ бы сѣтью весьма атипи заведеній, на которыя римско-католики и протестанты не безъ основанія возлагають большія надежды (*Allgemeine Kirchen-Zeitung* 1864. № 97).

Протестантская миссія между Несторіанами въ

Персія. Доктор Паркинсъ, одинъ изъ Американскихъ миссіонеровъ въ Персіи, рассказываетъ слѣдующее объ успѣхахъ протестантской миссіи между персидскими историками. Оставъ миссіи увеличился 60 проповѣдниками изъ туземцевъ, которые въ каждое воскресенье говорятъ проповѣди своимъ землякамъ. Число слушателей, по словамъ г. Паркинса, доходитъ до 3,000 человекъ. Зимой эта цифра удваивается. Кроме этихъ проповѣдниковъ, есть 4—5 странствующихъ проповѣдниковъ, говорящихъ проповѣди для тѣхъ семействъ, которые, по отдаленности жительства, не могутъ посещать регулярныхъ собраний въ воскресные дни. Эти собранія бывають въ 60 различныхъ мѣстахъ и насчитываютъ у себя воѣ вмѣстѣ не меньше 100,000 человекъ. Тѣмъ и другимъ въ ихъ трудахъ помогаютъ 28 читателей библии, которые съ библией въ рукахъ странствуютъ по селеніямъ и городамъ и читаютъ ее съ своими объясненіями народу на улицахъ и въ домахъ. Двое миссіонеровъ пробовали дѣлать собранія подъ открытымъ небомъ и—прибавляетъ авторъ — съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Если все эти извѣстія справедливы, то протестантство обѣщаетъ стать твердой ногой въ Персіи. (*Allgemeine Kirchen-Zeitung 1865 № 14*).

Положеніе Римско-католической церкви въ Итальянскомъ королевствѣ. Римская Церковь въ Итальянскомъ королевствѣ переживаетъ тяжелое время. Число ея противниковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ; въ такой же мѣрѣ уменьшается число ея приверженцевъ. Первыхъ можно раздѣлить на три категоріи: а) протестантовъ, б) свободномыслящихъ священниковъ и в) либераловъ. Что касается протестантства, то число его послѣдователей въ послѣднее время значитель-

но увеличилось въ Болоньи, Ливорно, Флоренци и Неаполь, особенно же въ Ливорно и Неаполь. У нихъ заведены тамъ вечернія собранія для обсужденія религіозныхъ вопросовъ. Вліяніе этихъ собраній особенно замѣтно отражается на студентахъ и рабочемъ классѣ народа. И вообще они посѣщаются очень многими. Нѣкоторые протестантскіе пропагандисты приобрѣли себѣ большую популярность и двое или трое изъ нихъ уже проповѣдуютъ своимъ слушателямъ протестантское ученіе на неаполитанскомъ діалектѣ. Но Богослуженіе свое протестанты совершаютъ пока въ частныхъ домахъ. Во всей Италіи существуетъ только одна протестантская церковь—именно въ Ливорно; она основана въ августѣ прошлаго года. Къ веснѣ текущаго года надѣялись кончить другую протестантскую церковь, спроектированную въ Неаполь. Одинъ банширъ поднесалъ 80,000 франковъ. Еще значительнѣе успѣхи протестантства въ школахъ. Въ настоящее время почти во всѣхъ большихъ городахъ существуютъ протестантскія школы. Въ протестантской школѣ, устроенной въ Неаполь, находится теперь 300 учащихся, и есть надежда, что число ихъ значительнѣе возрастетъ, потому что эта школа считается лучшею въ городѣ. По отчетамъ протестантскихъ библейскихъ обществъ видно, что въ прошедшемъ году распространено ими по Италіи 12,529 вѣз. библіи. Съ 15 октября прошлаго года Англиканскій проповѣдникъ Пигго началъ издавать первый протестантскій журналъ на итальянскомъ языкѣ подъ названіемъ *Vassoglitore evangelico* (Евангельскій собиратель). Онъ выходитъ чрезъ каждыя 14 дней и съ матеріальной стороны обезпеченъ субсидіями Англиканской церкви. Либеральные католики основали „Союзъ патріотовъ-свя-

ценниковъ“ въ Миланѣ, „Общество для взаимнаго вспоможенія“ во Флоренціи, „Союзъ эмансипаціи“ въ Неаполѣ. Первые два общества значительно ослабли въ последнее время и должны были присоединиться къ Неаполитанскому обществу для поддержанія себя. Во главѣ этого послѣдняго общества стоитъ патеръ Прота, доминиканецъ 36 лѣтъ, и самыя засѣданія общества происходятъ въ Доминиканскомъ монастырѣ. Общество твердо держится основнаго догмата Римской церкви—главенства папы; но очень свободно судитъ о предметахъ церковной дисциплины. Оно издаетъ свой журналъ, въ которомъ печатаются самыя злыя выходы противъ монашеской жизни и монаховъ. Патеръ Прота рѣшительно требуетъ закрытія монастырей, конскрипціи монастырскаго имущества и уничтоженія безнечетва священниковъ. Эти общества имѣлъ въ виду папа, издавая ихъ на ряду съ протестантскими библейскими обществами въ англійскій отъ ⁸/₂₂ декабря 1864 г. Правительство итальянское не поддерживаетъ этихъ обществъ, на народъ они также не производятъ большаго вліянія. Главы разныхъ либеральныхъ партій тоже не заботятся о нихъ. Исключеніе составляетъ Гарибальди, который громко одобряетъ ихъ стремленія. Кроме Гарибальди, они находятъ большое сочувствіе между римско-католическими священниками, въ саммеріяхъ и капитулахъ. Протестанты уклоняются отъ всякаго сношенія съ этими обществами. (Allgemeine Kirchen-Zeitung 1864 № 84).

Мѣры прусскаго правительства къ улучшенію быта протестантскихъ пасторовъ въ Силезіи. Въ Силезіи протестантское духовенство гораздо меньше обезпечено въ средствахъ жизни сравнительно съ прус-

нимъ духовенствомъ. Тамоншіе пасторы до послѣдняго времени получали среднимъ числомъ въ годъ 300 талеровъ со всеми доходами. Чтобы улучшить финансовое положеніе Силезскаго духовенства покойный прусскій король въ 1855 г. основалъ фондъ въ 20,000 талеровъ. На эти деньги предположено было приобретать выгодныя усадьбы для бѣднѣйшихъ приходскихъ церквей въ Силезіи съ тѣмъ, чтобы пасторы половину получаемыхъ съ нихъ доходовъ вносили ежегодно въ казну до тѣхъ поръ, пока не будетъ погашенъ основной капиталъ безъ процентовъ. Когда такимъ образомъ капиталъ будетъ погашенъ, — то усадьба дѣлается собственностію пастора. Теперь затрачено на этотъ предметъ 23,371 тал. 25 силлбергрочей и 10 пфенинговъ (1) (за исключеніемъ упомянутыхъ 20,000 тал. остальныхъ пожертвованій однимъ благотворителемъ) и на эти деньги приобретены выгодныя усадьбы для 25 приходовъ. Въ послѣднее время сдѣлано нѣсколько попытокъ основать мѣстные фонды изъ добровольныхъ вкладовъ частныхъ лицъ съ тою же цѣлью и на тѣхъ же условіяхъ относительно погашенія основнаго капитала, какія были предложены королевскимъ фондомъ (*Allgemeine Kirchen-Zeitung*. 1864 № 97).

Мѣры австрійскаго правительства къ улучшенію быта православнаго духовенства въ Австріи (2).
Въ *Archiv für Katholisches Kirchenrecht* 1865. März.

(1) По нынѣшнему курсу 25,700 р. сер.

(2) Въ донесеніи о религіозномъ состояніи народовъ восточной Европы и западной Азіи, представленномъ Женевскому собранію Евангелич. Союза въ 1861 г. г. Ружмонъ насчитываетъ 2,700,000 православныхъ въ Австрійской Имперіи, состоящихъ изъ чеховъ, сербовъ, валаховъ и др. Митрополитъ Карловицкій служитъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ патриархъ Константинопольскій для православныхъ жителей Турецкой Имперіи. *Les conférences de Geneve 1861 г. Прим. перев.*

Аргіт. напечатанъ слѣдующій декретъ Императора Австрійскаго отъ 5 сент. 1862 г. относительно улучшенія матеріальнаго быта православнаго духовенства въ Австріи: „Для улучшенія матеріальнаго быта греческаго-не-уніатскаго духовенства въ Буковинѣ, мы за благо признали повелѣть, чтобы оклады священниковъ, получившихъ новое образованіе (1) и служащихъ въ городахъ и пограничныхъ съ Россією протопопихъ, были возвышены до 630 гульденовъ (2), а въ пограничныхъ съ Молдавіей до 500 гульд.,—священниковъ, служащихъ въ другихъ мѣстахъ,—до 400 гульд., вмѣсто прежнихъ случайныхъ доходовъ, оказавшихся неудобными; оклады сверхштатныхъ викарныхъ священниковъ новаго образованія до 400 гульд., викаріевъ, занимающихъ приходскія мѣста въ городахъ,—до 400 гульд., въ другихъ мѣстахъ до 300 гульд. Оклады сверхштатныхъ приходскихъ администраторовъ новаго ученія, годовые доходы которыхъ въ городахъ и въ пограничныхъ съ Россією протопопихъ не достигаютъ до 400, въ другихъ мѣстахъ до 300 гульд., возвысить до этихъ цифръ.

Подобнымъ же образомъ, мы за благо признали дополнить до 300 гульденовъ содержаніе священниковъ стараго ученія (ихъ остается не болѣе 4—5), тамъ, гдѣ оно не доходитъ до этой цифры.

Что же касается священниковъ, которые уже неспособны продолжать службу и уволены на покой, равно

(1) Священниками стараго образованія называются тѣ, которые получили его въ церковномъ училищѣ, существовавшемъ до 1820 г., священниками новаго образованія называются тѣ, которые кромѣ полнаго гимназическаго курса прошли еще полный семинарскій курсъ въ богословской семинаріи, основанной въ 1828 г. въ Черновицѣ.

Примѣч. ред. архива.

(2) Австрійскій гульденъ равняется 62 к. сер.

какъ вдовъ и сиротъ священническихъ; то назначенныя имъ указами отъ 24 октября 1843, 23 и 26 мая 1857 пенсiи ⁽¹⁾ увеличить на 50⁰/₁₀₀.

Наконецъ мы даемъ право тѣмъ священникамъ, быть которыхъ окажется нужнымъ улучшить еще болѣе за ихъ прежнюю службу, или которые за свою долговременную отличную дѣятельность окажутся достойными особеннаго вознагражденiя, возвышать ихъ личныя пенсiи до 100 гульденовъ на извѣстное время или на всю жизнь.

Всѣ оклады должны быть производимы изъ греко-унiатскаго церковнаго фонда, находящагося въ Буковинѣ ⁽²⁾.

Митингъ въ Оксфордѣ для увеличенiя содержанiя бѣдныхъ пасторовъ. Allgemeine Kirchen-Zeitung № 100 1864 г. сообщаетъ слѣдующее относительно этого митинга. „28 ноября (10 декабря) былъ въ Оксфордѣ митингъ для увеличенiя содержанiя бѣдныхъ

⁽¹⁾ Сообразно съ этимъ декретомъ заштатные священники стараго ученiя получаютъ теперь годовой пенсiи 150 гульд., новаго ученiя 200, заштатные викариі стараго ученiя 100, новаго 150; вдовы священниковъ новаго ученiя 150; вдовы викарiевъ новаго ученiя 100, вдовы священниковъ и викарiевъ стараго ученiя 80; священническія дѣти—круглыя сироты 30, круглыя сироты викарiевъ 25, священниковъ и викарiевъ стараго ученiя 20; потерявшіе отца, дѣти священниковъ новаго ученiя получаютъ 20,—викарiевъ новаго ученiя 15,—священниковъ стараго ученiя 12 гульденовъ.

Примѣч. ред. архива.

⁽²⁾ Онъ обнимаетъ почти $\frac{1}{3}$ всей Буковины съ капиталомъ въ 10.000.000 гульден. *Прим. ред. архива.* Въ послѣднее время австрiйское правительство нашло возможнымъ еще болѣе увеличить оклады служащихъ священниковъ. По новому положенiю, состоявшемуся въ концѣ прошедшаго года, всѣ приходы раздѣляются на 6 классовъ и священники 1-го класса получаютъ годоваго жалованья 1000 гульд., 2-го 800, 3-го 700, 4-го 600, 5-го 500, 6-го 400 гульд. Пенсiи заштатныхъ священниковъ, вдовъ и сиротъ остаются прежними. Прибавочное жалованье покрывается изъ того же фонда.

Прим. перес.

духовныхъ лицъ Англиканской церкви. Послѣ епископа Оксфордскаго и Кардвелля поднялся съ своего мѣста г. Дизраели и съ большимъ краснорѣчіемъ, въ тонѣ глупо вѣрующаго, изобразилъ прошедшіе подвиги Английскаго государственной церкви, равно какъ и ея современное положеніе. Французская революція 1789 года была, по его мнѣнію, дѣломъ невѣрія, которое въ свою очередь было произведеніемъ нѣмецкой библейской критики прошедшаго столѣтія, которою въ наше время съюбо увлеклись нѣкоторые англійскіе нововводители (1). Но великій революціонный потокъ не могъ затопить вершинъ Синая и Голгофы, онъ долженъ былъ отступить, и двѣ-три волны, которыя тамъ и сямъ прирываются еще къ Английскаго церкви, не могутъ поколебать ее. Но прежде всего Дизраели выставляетъ на видъ политическое значеніе Англиканской церкви, напираетъ на ея единеніе съ государствомъ и настаиваетъ на томъ, чтобы это единеніе старались закрѣпить все больше и больше; за это Times и Daily News упрекнули оратора въ томъ, что онъ унижаетъ церковь до политическаго орудія и „втягиваетъ ее въ грязь политическихъ интригъ“.

Попытки Англиканской церкви къ соединенію съ сѣверными церквами — Датскою, Шведскою и Норвежскою. Allgemeine Kirchen-Zeitung 1865 № 7 сообщаетъ слѣдующія подробности относительно недавнихъ попытокъ къ соединенію между Англиканскою церковію

(1) Авторъ разуметь известныя эссеистовъ, которые въ своихъ Essays and Review (опыты и обзорнія — отъ которыхъ получали и самое названіе) примѣнили къ св. Писанію критическіе приемы германской библейской критики и низвели его въ рядъ обыкновенныхъ писаний человѣческихъ. *Прим. перев.*

и сѣверными церквами — Датскою, Шведскою и Норвежскою. Эти подробности не могутъ быть безъ значенія и для насъ въ виду предполагаемаго сближенія между православною Церковію и Англиканскою въ Англіи и Америкѣ. Сношенія Англиканской церкви съ поименованными выше церквами начались вскорѣ послѣ брака принца Валлійскаго съ дочерью Датскаго короля и не задолго до войны Германіи съ Даніей за герцогства. Онѣ шли рука объ руку съ попытками датскаго правительства заинтересовать въ свою пользу Англію и добиться отъ ней энергической поддержки въ предстоявшей войнѣ. Такимъ образомъ попытки завязать церковный союзъ служили средствомъ къ болѣе прочному закрѣпленію союза политическаго. Первые возвысили голосъ въ пользу церковнаго союза датскіе корреспонденты англійскихъ богословскихъ журналовъ Church Review (церковное обозрѣніе) и Colonial Church Chronicle (колоніальная церковная хроника). Имъ казалось, что сближеніе, или даже совершенное сліянiе сѣверныхъ церквей съ Англиканскою принесетъ неслыханныя выгоды тѣмъ и другимъ, и что для этого сближенія существуютъ уже всѣ условія, какъ въ церквахъ Датской, Шведской и Норвежской, такъ и въ Англиканской. Ихъ голоса, подхваченные единодушно въ Даніи, сначала нашли себѣ откликъ и въ Англіи. Здѣсь начали раздаваться жалобы на то, что до сихъ поръ не подумали о союзѣ съ сѣверными церквами, между тѣмъ какъ въ этихъ церквахъ во всей чистотѣ сохранилась доселѣ первоначальная организація Церкви, и что неизмѣнное Аугсбургское вѣроисповѣданіе (1), господству-

(1) Invariata Augustana Confessio — неизмѣнное Аугсбургское исповѣданіе. Такъ называется исповѣданіе вѣры, составленное сподвижникомъ

ющее въ нихъ, именно служить къ тому, чтобы содѣйствовать закрѣпленію желаемого союза. Кромѣ того сходство въ національныхъ характерахъ Датчанъ и Англичанъ существенно облегчить это дѣло. Если въ Англии съ жадностью ухватились за эту мысль; то въ Даніи, гдѣ обстоятельства располагали искать политическаго союза съ Англіей, ухватились за неѣ еще съ большимъ жаромъ. Здѣсь находили ее и въ высшей степени практической и вполне подготовленной и оправдываемою исторіей. Въ Даніи попробовали сначала провести ее путемъ практическимъ. Начали съ требованія, чтобы для Датчанъ, поселившихся въ Англии, совершалось богослуженіе на датскомъ языкѣ и датскими пасторами, и чтобы этихъ послѣднихъ въ случаѣ нужды могли замѣнять и англиканскіе духовные. Тотъ же порядокъ установить и для британскихъ колоній, — именно чтобы колоніальные англиканскіе епископы признавали ординацію датскихъ духовныхъ вполне законною. Въ Даніи ласкали себя надеждою, что въ Англии эти предположенія не встрѣтятъ ни малѣйшаго сопротивленія. Между тѣмъ опытъ показалъ, что эта надежда была тщетною. Англиканская церковь встрѣтила самымъ энергическимъ сопротивленіемъ проектъ сближенія церквей путемъ практическимъ — и именно въ формѣ, проектированной датскими духовными. Она находила, что 39 членовъ Англиканскаго вѣроисповѣданія содержатъ въ себѣ совсѣмъ другое ученіе, чѣмъ то, которое заключается въ неизмѣнномъ Аугсбургскомъ исповѣданіи,

Лютера Меланктономъ на Аугсбургскомъ сеймѣ въ 1530 г., въ отличіе отъ позднѣйшихъ его редакцій, подвергшихся болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, если не по смыслу, то по внѣшнему изложенію. Въ Даніи, Норвегіи и Швеціи это исповѣданіе удерживается въ первоначальномъ его видѣ. *Прим. норве.*

и въ упомянутыхъ выше англійскихъ богословскихъ журналахъ начали появляться статьи, въ которыхъ усиливались доказать это. Именно, указывали на то, что основной догматъ Церкви объ оправданіи вѣрою въ Аугсбургскомъ исповѣданіи изложенъ иначе, чѣмъ въ 39 членахъ Англиканской церкви (1), и что въ первомъ этотъ догматъ выраженъ не вѣрно и не ясно. Далѣе перешли къ обвиненіямъ, что это ученіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, есть ни что иное, какъ лютеранская ересь, отъ которой произошли всѣ остальные ереси. Понятно, что такое обвиненіе должно было вызвать полемику. И полемика началась. Въ Даніи потребовали доказательствъ подобнаго обвиненія; въ самой Англійи поднялись голоса въ пользу Аугсбургскаго вѣроисповѣданія и выражено было многими желаніе, чтобы назначили особую комиссію, которая основательно изслѣдовала бы препятствія къ соединенію Англиканской церкви съ сѣверными церквами.

Этимъ не окончились еще всѣ затрудненія. Вскорѣ возникло новое затрудненіе не менѣе важное. Англиканская Церковь хвалится преемствомъ своей іерархіи отъ Апостоловъ (2), между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ Церквахъ этого

(1) Въ Англиканскомъ исповѣданіи этотъ догматъ выраженъ такъ: „Мы оправдываемся предъ Богомъ только заслугами Иисуса Христа, чрезъ вѣру, а не нашими добрыми дѣлами или заслугами. Поэтому ученіе о нашемъ оправданіи одною только вѣрою есть самое истинное и основательное ученіе“. Членъ XI.

Въ Аугсбургскомъ исповѣданіи: „Люди не могутъ оправдаться предъ Богомъ собственными силами, заслугами, или дѣлами, но туне оправдываются чрезъ Христа, чрезъ вѣру, т. е. когда вѣрують, что они приняты въ благодать, и что имъ отпущены грѣхи чрезъ Христа, Который своею смертію принесъ удовлетвореніе за наши грѣхи. Сію вѣру Богъ вѣнчаетъ въ правду предъ Собою.“ Чл. IV. *Прим. перев.*

(2) Англиканская церковь, какъ извѣстно, принявши протестантское

преемства нѣтъ. Это обстоятельство дѣлало невозможнымъ церковное соединеніе на правахъ равенства, а требовало взаимныхъ уступокъ и сдѣлокъ. Относительно вопроса о томъ, дѣйствительно ли Датская церковь обладаетъ непрерывнымъ преемствомъ отъ апостоловъ, мнѣнія раздѣлялись и въ самой Даніи. Но сторонниковъ соединенія это не устрашало. Они во всякомъ случаѣ брались доказать, что апостольское преемство несомнѣнно есть достоиніе Шведской церкви (2) и что отсюда оно очень легко могло быть передано и Датской церкви. На этомъ аргументѣ въ Даніи, по видимому, и успокоились; но не въ Англии, гдѣ впрочемъ тоже образовалось посредствующее, примирительное направленіе, въ видахъ устраненія препятствій къ соединенію. Тѣ, которые придерживались этого направленія, старались отыскать средству между римско-католическимъ ученіемъ и ультра-протестантскимъ относительно оправданія вѣроу, возрожденія въ крещеніи и реального присутствія Иисуса Христа въ таинствѣ Евхаристіи. Находили также возможнымъ согласиться относительно ученія о предопредѣленіи, о духовныхъ должностяхъ и пр., такъ какъ въ ученіи объ этихъ предметахъ находятся только не существенныя различія, которыя легко могутъ быть оправданы историческими обстоятельствами каждой Церкви.

Суди по состоянію вопроса о соединеніи Англиканской

ученіе, удержала свое прежнее іерархическое устройство, наслѣдованное ею отъ церкви Римской, что придаетъ ей двойственный характеръ— протестантскій съ внутренней и римско-католическій съ внешней стороны.

Прим. перев.

(2) Шведская церковь также, какъ и Англиканская, удерживаетъ существовавшее въ ней до реформаціи іерархическое устройство при лютеранскомъ вѣроисповѣданіи. *Прим. перев.*

церкви съ сѣверными въ настоящее время, кажется, можно полагать, что упомянутое нами посредствующее направленіе было встрѣчено съ большимъ удовольствіемъ въ Англіи, гдѣ такъ же какъ и въ Даніи, не теряютъ еще надежды достигнуть предполагаемой цѣли. По крайней мѣрѣ въ синодахъ Шотландской Епископальной церкви поднимаются очень почтенные голоса за унію съ сѣверными церквами, и постановлено нѣсколько синодальныхъ опредѣленій относительно точнѣйшаго изслѣдованія этого вопроса, отысканія средствъ и путей къ сближенію и устраненію препятствій, и прежде всего тѣхъ, которыя мѣшаютъ сѣвернымъ церквамъ по прежнему имѣть законную ординацію. При всемъ томъ легко предвидѣть, что пока тѣ и другія церкви будутъ возвращаться въ сферу научнаго раскрытія своего ученія, до тѣхъ поръ онѣ не достигнутъ цѣли; равнымъ образомъ ничего не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока Англиканская церковь будетъ настаивать на томъ, что она одна сохранила вѣрно и неизмѣнно апостольское преемство. Это мнѣніе укореняется все болѣе и болѣе, какъ въ Англіи, такъ и въ Даніи, и приверженцы замыслиаемаго церковнаго соединенія, какъ въ той, такъ и въ другой странѣ снова стараются свести все это дѣло на практическую почву. Мы думаемъ, что это единственный путь, по которому можно дойти до какихъ нибудь положительныхъ результатовъ, и что всѣ другіе пути поведутъ лишь къ большому и большому внѣшнему и внутреннему отчужденію Церквей другъ отъ друга.

.... Очевидно, Датская церковь страдаетъ смѣшеніемъ церковнаго и политическаго элементовъ и должна пережить кризисъ, прежде чѣмъ ея внутреннее развитіе вступить на путь спасительнаго прогресса. Такое развитіе

прежде всего должно начаться съ ученія, которое еще до сихъ поръ не опредѣлено, окончательно въ самыхъ существенныхъ пунктахъ, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всевозможныя секты и даже самая отвратительная изъ нихъ секта Мормоновъ, находятъ еще самую плодотворную почву въ сѣверныхъ церквахъ. Извѣстно, что законченная прочная система ученія служить основаніемъ для истинной церковной свободы, и между тѣмъ такой-то именно системы и не достаетъ Датской церкви; правда у ней есть символы; но они не сдѣлались еще до сихъ поръ живымъ, сознательнымъ ея достояніемъ. Тоже самое и еще въ большей справедливости можно сказать о лютеранскихъ церквахъ Швеціи и Норвегіи.

Оставляя всѣ эти сужденія и соображенія на полную отвѣтственность редакціи *Allgemeine Kirchen-Zeitung*, прибавимъ отъ себя, что дѣло о соединеніи между Англиканскою и сѣверными церквами еще продолжается и теперь.

Статистика римско-католической церкви въ Германіи.

I. *Австрія*. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи было въ 1857 г., со включеніемъ 600 слишкомъ униатовъ изъ грековъ и армянъ, 12,094,473 римско-католика. Они дѣлились между 5 архіепископіями и 14 епископіями слѣдующимъ образомъ: а) архіепископія Вѣнская съ суффраганствами (викаріатствами) въ С. Полтенѣ и Линцѣ; б) архіепископія зальцбургская съ суффраганствами Сеггамскимъ (мѣстопробываніе въ Грацѣ), Леобенскимъ (мѣстопробываніе въ Гётѣ), гурекскимъ (—въ Клагенфуртѣ), лавантскимъ (—въ С. Андреѣ) и

бриксенскимъ; с) свободная епископія ⁽¹⁾ триентская въ Тироля; d) архіепископія герцская съ суффраганствами въ Триестъ-Капо-д'Истрія (мѣстопробываніе въ Триестъ) и въ Лайбахъ; е) архіепископія ольмуцкая съ суффраганствомъ въ Брукъ и архіепископія прагская съ суффраганствами въ Будвейсъ, Кониггрецъ и Лейгмерецъ. Кроме того находится еще 2 генераль-викаріатства ⁽²⁾ Бриксенъ-Фельдкирхское въ Фельдкирхъ и въ Бреслау-юганнесбергское въ Юганнесбергъ. Какъ велика цифра блага и монашествующаго духовенства въ этихъ провинціяхъ, по недостатку данныхъ опредѣлить невозможно, — но приблизительно можно гадать объ ней по слѣдующимъ даннымъ: извѣстно, что во всей Австрійской имперіи въ 1857 г. (за исключеніемъ Ломбардіи) насчитывалось 27,502,093 римско-католика (со включеніемъ греко-уніатовъ и армяно-уніатовъ), на нихъ приходилось 24 епископа *in partibus infidelium* ⁽³⁾, 1224 деканства ⁽⁴⁾, 11,869 приходовъ, 1085 сельскихъ кап-

⁽¹⁾ Т. е. пользующаяся правами архіепископій. *Прим. пер.*

⁽²⁾ Генераль-викаріемъ называется духовный сановникъ, которому епископъ лично передаетъ заведываніе дѣлами епархіи (*ius diocesanum*). Онъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ отъ роду, быть членомъ соборнаго капитула и докторомъ *juris canonici* (*Tridentini sess. 24 c. 12. 16 de ref.*). Въ важныхъ случаяхъ онъ долженъ испрашивать особаго разрѣшенія (*mandatum*) отъ епископа. Подъ его начальствомъ находятся административныя коллегии ординаріата. (Генераль-викаріатъ, консисторія и др.). *Прим. пер.*

⁽³⁾ Такъ называются епархіи, находящіяся подъ вѣстію невѣрныхъ правительствъ.

⁽⁴⁾ Деканами называются протоіереи или окружные викаріи — въ родѣ нашихъ благочинныхъ; — они управляютъ нѣсколькими приходами, которые своею совокупностію составляютъ деканство (благочиніе),

Прим. пер.

ланствъ (1), 1311 епископатуръ (2), 1233 куратствъ (3), 488 соборныхъ пребендуръ (4), 26,539 лицъ блага духовенства, 1778 монаховъ различныхъ орденовъ, исполнявшихъ священническія обязанности, 2386 воспитанниковъ (Alumnen), 650 клириковъ, 3222 простыхъ монаховъ (5), 337 послушниковъ (Novisen), 2119 корныхъ монахинь, 1932 простыхъ монахинь и 510 noviceвъ (6). Сюда же нужно присоединить еще и греко-уніатскую церковь, въ которой были: 1 архіепископія и 6 суфраганствъ, 29 архидіаконствъ (7), 244 декан-

(1) Капеланами называются вторые священники въ большихъ приходахъ, считающіеся помощниками перваго или главнаго священника. Обыкновенно въ такихъ приходахъ бываетъ кромѣ большой-главной церкви—еще другая небольшая называемая капеллой, при которой они и служатъ. Капеланами же называются и тѣ безприходные священники, которыхъ имѣющіе приходъ приглашаютъ служить за себя на извѣстныхъ условіяхъ во время болѣзни, отлучки и под. Иногда эту миссію налагаютъ на нихъ прямо епископы и тогда они называются *шваріями*.

Прим. пер.

(2) Это—приходы, сдѣлавшіеся самостоятельными чрезъ выдѣлъ отъ другихъ приходовъ.

Прим. пер.

(3) Куратствами называются приходы, въ которыхъ содержаніемъ церкви и духовенства заведуютъ попечители (*curatores*)—одинъ или нѣсколько, имѣющіе надъ церковью право патроната, наследственное, или приобретенное (постройкою церкви, образованіемъ прихода, учрежденіемъ фонда на содержаніе ея виѣсть съ священникомъ и подоб.)

Прим. пер.

(4) Пребендою называется совокупность доходовъ известной церкви, получаемыхъ съ приписныхъ приходовъ, недвижной собственности, капитала и пр. Соборными пребендурами называются соборные капитулы, влаждующіе численными нами и подобными статьями доходовъ.

Прим. пер.

(5) Т. е. не имѣющихъ церковныхъ степеней. *Прим. пер.*

(6) Хорыскіи монахини называются принявшія полное постриженіе, простыми—такъ называемыя у насъ рясоорныя;—новіицъ—послушницы.

Прим. пер.

(7) Архидіаконы,—важныя церковныя сановники съ VI до XVI вѣка (*ecclesiasticis negotiis praepositi*. Leo M. ср. 112), послѣ Тридентскаго собора мало по малу потеряли свое прѣжнее значеніе и теперь во мно-

ства, 3656 приходо́въ, 452 куратства и капланства, 1 архіеписко́пъ, 6 еписко́повъ, 1 еписко́пъ in partibus, 40 канониковъ (1), 4318 бѣлыхъ священниковъ имѣвшихъ приходы и 188 безъ приходо́въ, 31 монахъ съ паствами (2) и 105 безъ паствъ, 506 воспитанниковъ, 18 клириковъ, 20 простыхъ монаховъ, 11 послушниковъ и 14 хоровыхъ монахинь. Монастырей, въ которыхъ соблюдается уставъ св. Васи́лія Великаго, 27 мужскихъ и 3 женскихъ. Въ армяно-униатской церкви 1 архіеписко́пъ, 3 деканатства, 12 приходо́въ, 1 капланство, 1 ординариатство, 4 каноника и 33 священника; кромѣ того въ двухъ монастыряхъ и одной резиденціи мекхитаристовъ (3) еще: 41 священникъ, 9 клириковъ, 36 клерикальных кандидатовъ, 20 простыхъ монаховъ и 11 послушниковъ, и въ одномъ монастырѣ бенедиктинскъ 9 хоровыхъ монахинь и 5 послушницъ. Во всемъ государствѣ въ 1855 г. было: 700 мужскихъ монастырей—въ которыхъ по крайней мѣрѣ было 9562 монаха и 312 женскихъ монастырей съ 6000 монахинь (по крайней мѣрѣ), не считая греко-униатскихъ, армяно-униатскихъ и греческихъ (4) монастырей.

гихъ мѣстахъ совершенно исчезли, а тамъ, гдѣ еще уцѣлѣли, имѣютъ не одинаковый кругъ власти. Въ однихъ мѣстахъ они заведываютъ случайными дѣлами по порученію еписко́повъ, въ другихъ должность ихъ совпадаетъ съ должностью декановъ; въ третьихъ, наконецъ, они относятся къ сельскимъ деканамъ, какъ окружные благочинные къ мѣстнымъ.

Прим. пер.

(1) Канониками называются члены соборн. капитуло́въ. *Прим. пер.*

(2) Монахами, имѣющими паствы, называются тѣ, которые исправляютъ должность мирскихъ священниковъ въ деревняхъ, лежащихъ близъ ихъ монастыря, такъ что для этихъ деревень монастырская церковь служитъ приходскою.

Прим. пер.

(3) Орденъ мекхитаристовъ основанъ обратившимся въ латинство армяниномъ Мекхитаромъ съ цѣлію содѣйствовать униі армянъ съ Римомъ.

Прим. пер.

(4) Протестанты вслѣдъ за римско-католиками называютъ православ-

II. Пруссія. Между жителями Прусскаго королевства въ 1858 г. насчитывалось 6.618.979 римско-католиковъ (вообще около 7 милліоновъ). Они были раздѣлены между 8 внутренними и 3 заграничными епархіями. Внутреннія епархіи: а) архіепископство Кёльнское съ суффраганами въ Мюнстеръ, Падерборнъ и Триръ; б) архіепископство Гвизно-познанское съ суффраганомъ въ Кульмъ (мѣстопробываніе въ бывшемъ цирцеріанскомъ аббатствѣ Пёплинѣ). Здѣсь не считаются двѣ епископіи—княжества Бреславское и Эрмеландское (мѣстопробываніе и кафедральный соборъ въ Фрауенбургѣ). Кроме того графство Гладское въ Шлезвигѣ находится въ зависимости отъ князя—архіепископа Пражскаго, округъ Качерскій—отъ князя архіепископа Ольмюцскаго, и княжество Гогенцоллернское съ 4 деканствами и 74 приходами, изъ которыхъ многіе въ 1852 г. были вакантными; въ поименованномъ году насчитывалось только 79 духовныхъ лицъ, занимавшихъ дѣйствительныя должности, и изъ нихъ многіе были приглашены на время для исправленія должностей изъ Виртемберга, Тироля и Эльзаса. Вообще въ Прусскомъ королевствѣ находится 284 деканства, или протопопства. Наибольшее число римско-католиковъ приходится на Гогенцоллернъ; здѣсь на 100 протестантовъ насчитывалось 6.383 римско-католика, въ

нихъ схизматиками и—нужно сказать—еще съ большимъ безсмысліемъ, чѣмъ римско-католики. Тѣ по крайней мѣрѣ имѣютъ за себя фактъ (раздѣленіе церкви), хотя и ложно перетолкованный, а протестанты не имѣютъ и этого фиктивного основанія. Православная церковь никогда не состояла ни въ какихъ солидарныхъ отношеніяхъ съ протестантствомъ,—разрыва съ нимъ у ней не было, потому что никогда не было союза. Очевидно, протестанты, величая насъ схизматиками, становятся на точку зрѣнія римско-католиковъ. Но въ какое странное отношеніе ставить ихъ эта точка предъ самими собою! *Прим. пер.*

около Аахенскомъ на 3008 римско-католиковъ 77 протестантовъ, въ Мюнстерѣ на 937,—50. Наименьшее число ихъ находится въ округѣ Штральзундскомъ, гдѣ на 100 протестантовъ приходится 0,31 католикъ. Къ монастырямъ, существовавшимъ до 1848 г., присоединились еще слѣдующіе: а) въ *Вестфалии* 1) францисканскій монастырь (Franciscaner-Observanten-Kloster) въ Варендорфѣ; 2) капуцинскій монастырь въ Бергѣ; 3) августинскій монастырь въ Дюльменѣ; 4) францисканскій монастырь въ Реклингаузенѣ; 6) францисканскій монастырь и монастырь урсулинокъ въ Дорштегѣ; 7) францисканскій монастырь въ Варендорфѣ; 8) таковой же монастырь въ Риттбергѣ; 9)—10) таковой же и женскій монастырь въ Падерборнѣ; 11) доминиканскій монастырь въ Варбургѣ; 12) капуцинскій монастырь въ Бранкелѣ; 13) францисканскій монастырь въ Гезекѣ; 14) капуцинскій—въ Верлѣ; 15) францисканскій въ Гаммѣ; 16) капуцинскій въ Сестѣ. б) *Въ рейнскихъ провинціяхъ*: 1)—5) алексіанскій, или монастырь целитовъ, 3 таковыхъ же женскихъ монастыря для ухода за больными и 1 монастырь урсулинокъ въ Кёльнѣ; 6)—8) по одному монастырю кармелитовъ, урсулинокъ и целитинокъ въ Дюссельдорфѣ; 9) центральный францисканскій монастырь въ Гарденбергѣ; 10) францискано-миноритскій въ Ратингенѣ; 11) центральный капуцинскій монастырь въ Кайзервертѣ; 12) капуцинскій въ Эссенѣ; 13)—14) францискано-миноритскій монастырь и скитъ св. Елисаветы—бегуинокъ въ Дунзбургѣ; 15) монастырь урсулинокъ на Голгофѣ близъ Арвейлера; 16)—25) десять женскихъ монастырей въ Аахенѣ, между ними одинъ св. Елисаветы и одинъ целитинокъ; 26)—28) монастыри урсулинокъ, св. Елисаветы и целитинокъ; 29) монастырь ур-

сулинокъ въ Монттой; 30)—31) два женскихъ монастыря въ Трирѣ. с) *Въ Саксоніи*: 1) монастырь урсулинокъ въ Эрфуртѣ; 2) небольшой монастырь сестеръ милосердія въ Гейлигенштадтѣ. d) *Въ Бранденбургѣ*: 1)—2) монастырь урсулинокъ и сестеръ милосердія въ Берлинѣ. e) *Въ Силезіи*: 1)—3) три монастыря братьевъ милосердія въ Бреславль, Нейштадтѣ—въ Верхней Силезіи и въ Пильховицѣ; 4)—5) монастыри урсулинокъ въ Бреславль и Швейдницѣ; 6) бенедиктинокъ въ Либенталѣ; 7) магдалинокъ въ Лаубанѣ; 8) св. Елисаветы въ Бреславль. Въ провинціяхъ—Пруссіи и Познани должно было также существовать до 1848 г. нѣсколько монастырей; но перечислять ихъ бесполезно, потому что существованіе ихъ теперь болѣе, чѣмъ сомнительно. Такъ въ Познани должно бы существовать 5 монастырей,—въ Торнѣ 3 и въ Кульмѣ 5 и пр. Вѣрнѣе то, что въ Данцигѣ существовали и теперь еще существуютъ 4 монастыря: 1 кармелитовъ, 1 доминиканцевъ, 1 бригиттиновъ и 1 бригиттинокъ.

III *Баварія*. Въ 1852 г. Баварія считала между своими обитателями 3.176.333, а въ 1858 г. 3.241.300 римско-католиковъ. Они входили въ составъ 2 архіепископій и 6 епископій: а) архіепископія мюнхенъ-фрайсингенская съ 36 деканствами. Ей подчинены слѣдующія епископіи: 1) аугсбургская съ 40 деканствами, 2) регенсбургская съ 30, 3) пассауская съ 18; б) архіепископія бамбергская съ 20 деканствами. Ей подчинены: 1) епископія эйхштадтская—съ 17, 2) вюрцбургская съ 30, 3) шпейерская съ 11;—всего 302 деканства съ 2756 приходами и (въ 1852 г.) 5991 бѣлыми священниками. Кромѣ того въ 1856 г. существовало здѣсь 67 мужскихъ монастырей восьми различныхъ орденовъ съ 909 обитателя-

ми и 167 женскихъ монастырей и общинъ 18-ти различныхъ орденовъ съ 2130 обитательницъ.

IV. *Виртембергъ*. Въ концѣ 1846 г. въ этомъ королевствѣ было 531.566 римско-католиковъ, подчиненныхъ епископу роттенбургскому, суфрагану архіепископа фрейбургскаго. Епископія насчитываетъ 29-деканствъ, 652 прихода и 898 священниковъ. Послѣдніе получаютъ свое воспитаніе въ низшихъ конвиктахъ въ Эгингенѣ и Роттвейнѣ. Кромѣ этихъ конвиктовъ существуютъ еще для образованія духовенства высшій институтъ Вильгельма въ Тюбингенѣ и духовная семинарія въ Роттенбургѣ. Есть ли здѣсь монастыри, навѣрное мы сказать не можемъ; кажется есть нѣсколько женскихъ монастырей, какъ на прим. въ Баденѣ—подъ названіемъ „женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній“ въ Роттенбургѣ, Ротшвейлерѣ и др. мѣстахъ.

V. *Баденъ*. Баденъ насчитывалъ въ 1852 г. между своими обитателями 899,458 римско-католиковъ, подчиненныхъ архіепископу фрейбургскому въ Брейгау. Эта епархія имѣетъ 35 деканствъ съ 735 приходами. Въ 1853 г. было здѣсь не больше 664 лицъ благаго духовенства. Между тѣмъ по росписи 1852 г. насчитывалось 839 духовныхъ лицъ, считая здѣсь архіепископа, соборный капитулъ, профессоровъ, учителей школъ, бенефициатовъ и викаріевъ. Но и въ 1852 г. многіе приходы и викаріатства оставались безъ священниковъ и въ слѣдствіе этого было вызвано много духовныхъ лицъ изъ Австріи, Эльзаса, Швейцаріи, Виртемберга и др. мѣстъ на время для исправленія этихъ должностей. Въ 1852 г. было въ Баденѣ только 10 женскихъ монастырей подъ названіемъ „женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній“ и 1 сиротскій институтъ

сестеръ милосердія. Всего въ этихъ монастыряхъ насчитывается теперь 112 хоровыхъ монахинь, 12 сестеръ милосердія, 17 кандидатовъ и 27 простыхъ монахинь.

VI. *Гессенъ-Дармштадтъ*. Въ этомъ герцогствѣ 1852 г. насчитывалось 217,798 римско-католиковъ, подчиненныхъ епископу майнцкому, суффрагану архіепископа фрейбургскаго. Въ епископіи считалось 17 деканствъ, 154 прихода и въ 1854 г. 185 священниковъ. Все это дѣлилось такимъ образомъ: а) провинція Штаркенбургъ съ 5 деканствами и 48 приходами; б) провинція Оберъ-Гессенъ съ 3 деканствами и 17 приходами; в) провинція Рейнъ-Гессенъ съ 9 деканствами и 89 приходами. Изъ монастырей, сколько намъ извѣстно, находятся только въ Майнцѣ монастыри іезуитовъ, сестеръ милосердія и капуциновъ.

VII. *Бурессенъ*. Между жителями этого герцогства находится 107,700 римско-католиковъ, составляющихъ паству епископа фульдскаго, суффрагана архіепископа фрейбургскаго. Большая часть римско-католиковъ живетъ въ провинціяхъ Фульда, Оберъ-гессенъ и Ганау. Въ городѣ Фульда 4 прихода съ 9 священниками, кромѣ того 9 деревенскихъ капитуловъ съ 61 приходомъ и 87 священниками. Монастырей: 2 францисканскихъ въ Зальмюнстерѣ и Фрауенбергѣ близъ Фульды съ 14 священниками (1) и 12 простыми монахами, и 4 женскихъ монастыря: бенедиктинокъ, сестеръ милосердія и англійскихъ монахинь въ Фульдѣ, и Урсулинокъ въ Фрицдарфѣ, съ 36 хоровыми монахинями, 36 простыми монахинями и 3 новицами.

VIII. *Мекленбургъ-Шверингъ* (къ епископіи гильдесгейм-

(1) Гермонохами.

ской). Здѣсь только 882 римско-католика съ двумя приходами: въ Шверинѣ, гдѣ 2 священника и въ Людвиглюстѣ при одномъ священникѣ.

IX. *Мекленбург-Стрелица* (относится къ той же епископш). Здѣсь 120 римско-католиковъ; но они не составляютъ, кажется, прихода.

X. *Любекъ*. (тоже). Здѣсь 264 римско-католика, которые имѣютъ капеллу и священника.

XI. *Гамбургъ* (тоже). 2000 римско-католиковъ; они составляютъ приходъ при церкви св. Михаила и имѣютъ трехъ священниковъ.

XII. *Бременъ* (тоже). Здѣсь 2000 или даже 4,000 римско-католиковъ, составляющихъ одинъ приходъ св. Іоанна.

XIII. *Ольденбургъ*. Между его жителями насчитывается 73,000 римско-католиковъ, которые живутъ большею частію въ округахъ Бехта и Клоппенбургѣ и въ княжествѣ Виркенфельдѣ. Одни изъ нихъ причислены къ епархіи архіепископа мюнстерскаго, другіе (въ Виркенфельдѣ) епископа трирскаго. Первый имѣетъ епископальное оффиціальство ⁽¹⁾ въ Бехтѣ. Кромѣ того здѣсь 2 сельскихъ деканства (изъ которыхъ находящееся въ Бехтѣ называется генеральнымъ деканствомъ) въ Бехтѣ и Клоппенбургѣ съ 33 приходами и 84 священниками, 1 деканство въ Виркенфельдѣ съ 7 приходами и 7 священниками; всего 3 деканства, 40 приходовъ и 91 священникъ.

XIV. *Ганноверъ*. Здѣсь 217,453 римско-католика; они

(1) Епархіальное присутственное мѣсто въ родѣ консисторіи, заведующее тяжбыми и бракоразводными дѣлами (Juridictio contentiosa). Въ немъ председательствуетъ одинъ изъ членовъ соборнаго капитула съ титуломъ оффиціала. *Прим. пер.*

преимущественно населяют княжество оснабрюкское, ниже-линденское графство, герцогство аремберг-меппенское, княжество Гильдесгеймское и Унтерейхсфельдъ. У нихъ 2 епископа — оба суффраганы архіепископа Кёльнскаго, — одинъ въ Гельдесгеймѣ и въ его епархіи находится 12 деканствъ, 81 приходъ и 136 священниковъ, — другой въ Оснабрюккѣ и у него 11 деканствъ, 111 приходовъ и 214 священниковъ. Монастырей здѣсь до сихъ поръ было только два: Урсулинокъ въ Дудерштадтѣ и Клариссинокъ въ Газелинѣ. Но въ настоящее время въ одномъ Оснабрюккѣ должно быть опять 2 монастыря.

XV. *Брауншвейгъ* (къ епископіи гильдесгеймской). 2600 римско-католиковъ, живущихъ здѣсь, раздѣляются на 3 прихода: св. Николая въ Брауншвейгѣ съ 2 священниками, Вольфенбюттель съ 1, св. Лудгери, фонъ Гельмштадтъ съ 1, послѣднее мѣсто до 1803 г. было бенедиктинскимъ аббатствомъ.

XVI. *Вальдекъ*. Здѣсь 1000 римско-католиковъ, составляющихъ одинъ приходъ Арользенъ.

XVII. *Гессенъ-Гомбургъ*. Въ 1852 г. здѣсь было 4 римско-католическихъ прихода съ 4175 прихожанами.

XVIII. *Франкфуртъ на Майнѣ*. (къ епископіи лимбургской). Здѣсь было 10.661 римско-католикъ, раздѣленные на 2 (?) прихода съ 14 священниками. Кромѣ того здѣсь находится еще монастырь Доминиканокъ, называемый Розенталь.

XIX. *Нассау*. Въ 1858 г. здѣсь считалось 202.067 римско-католиковъ, подчиненныхъ епископу лимбургскому, суффрагану архіепископа фрейбургскаго, — 144 прихода и 15 деканствъ. Монастыря, кажется, нѣтъ и до сихъ поръ въ этой епархіи.

6*

XX. *Саксен-Веймар*. Здѣсь 10.600 римско-католиковъ, живущихъ преимущественно въ мѣстечкахъ Гейзъ и Дермбахъ. У нихъ 1 деканство въ Гейзъ, 11 приходовъ, 24 церкви и капеллы и 15 священниковъ. Все это входитъ въ составъ епископіи падерборнской.

XXI. *Кобургъ-Гота* (къ епископіи вюрцбургской). Одинъ только римско-католическій приходъ въ Кобургъ съ однимъ священникомъ и 300—400 прихожанъ.

XXII. *Мейнингенъ-Гильдбурггаузенъ* (тоже). 900 римско-католиковъ, которые живутъ преимущественно въ деревнѣ Вольфманнсгаузенъ, составляютъ 1 приходъ и имѣютъ 1 священника.

XXIII. *Альтенбургъ* (тоже). 800, или по другимъ 200 римско-католиковъ, составляющихъ одинъ приходъ въ Альтенбургъ.

XXIV. *Шварцбургъ*. Въ обѣихъ княжествахъ находится не больше 350 римско-католиковъ, составляющихъ приходъ при капеллѣ Св. Гунтера въ Арнштадтѣ.

XXV. *Аннальтъ* (титularный епископъ дрезденскій, по другимъ епископъ гильдесгеймскій). Здѣсь живетъ 11—1200, по другимъ 2000 римско-католиковъ. У нихъ приходъ въ Дессау и Гётенъ, 1 капелла въ Бернбургъ и 3 священника. Раньше жили въ Гётенъ только 3 иезуита, исправлявшіе обязанности приходскихъ священниковъ, и нѣсколько времени существовалъ даже монастырь братьевъ милосердія.

XXVI. *Королевство Саксонское*. Здѣсь 38.709 римско-католиковъ, находящихся въ церковной зависимости отъ соборнаго декана Св. Петра въ Бауценѣ, который въ то же время есть апостольскій викарій и епископъ *in partibus infidelium*. Затѣмъздъсь есть римско-католическая консисторія и соборный капитулъ въ Бауценѣ, 20

приходовъ съ 27 церквями (не считая капеллы) и два богатыхъ цистерціанскихъ аббатства въ Оберъ-Лаузитцѣ: Маріентеръ или Моргентеръ и Маріенталь, въ которыхъ больше 60 монаховъ.

XXVII. *Диктенштейнъ*. Здѣсь 7.150 римско-католиковъ и епископъ Хурекій (Churf). Дальнейшия свѣдѣнія не имѣется.

XXVIII. *Люксембургъ съ Лимбургомъ*. Въ обѣихъ этихъ земляхъ въ 1858 г. насчитывалось 410.114 жителей и между ними только въ Лимбургѣ было нѣсколько лютеранъ и реформатовъ. Римско-католики лимбургскіе подчинены епископу литтискому; люксембургскіе — апостольскому викарію люксембургскому. Въ обѣихъ епархіяхъ 13 деканствъ, 281 приходъ, 84 викарія и 357 священниковъ. Здѣсь должно быть не мало и монастырей, но объ нихъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

XXIX. *Липпе-Деммольдъ*. 2300 (?) римско-католиковъ; подчиненныхъ епископу падерборгскому; раздѣляются на 6 приходовъ и имѣютъ 7 священниковъ и коллегіатовъ.

XXX. *Шаумбургъ-Липпе*. Отъ 100 до 200 римско-католиковъ составляютъ одинъ приходъ въ Риебургѣ и имѣютъ одного священника.

XXXI. *Шлезвигъ-Гольштейнъ съ Лауенбургомъ*. Въ обѣихъ земляхъ живетъ, кажется, не больше 1200 римско-католиковъ, — изъ нихъ Гольштейнскіе составляютъ 3 прихода въ Альтовѣ, Килѣ и Глюкштадтѣ. Ихъ духовнымъ главою состоитъ епископъ Оснабрюкскій (Allgem. Kirchen-Zeitung 1865 № 8).

Отобраніе монастырскихъ имѣній и законъ относительно избранія митрополита и епископовъ въ Молдавіи. Князю Кузѣ, извѣстному своими реформаторскими затѣями;

давно хотѣлось обратить въ собственность государства богатые имѣнія греческихъ монастырей въ Молдавіи и Валахіи и поставить въ прямую зависимость отъ правительства духовенство княжествъ, находившееся до сихъ поръ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха; теперь это желаніе приведено наконецъ въ исполненіе. Законодательное собраніе княжествъ, состоявшее почти исключительно изъ бояръ, постановило 13 декабря 1863 г. отобрать монастырскія имѣнія въ пользу государства и назначило монастырямъ въ видѣ вознагражденія ничтожную сумму въ 82 милліона турецкихъ піастровъ; но изъ этихъ денегъ положено было вычесть 31 милліонъ въ видѣ налога съ духовенства (1). Князь спѣшилъ утвердить предложенный палатою законъ, сваливая всю отвѣтственность за него на бояръ и тѣмъ ставя ихъ въ непріятное положеніе въ отношеніи къ державамъ, гарантировавшимъ конституцію княжествъ. Чтобы имѣть возможность выплатить монастырямъ выкупную сумму, палата вотировала государственный заемъ, который правительство князя Кузы и произвело въ возможной скорости. Въ опредѣленіи законодательнаго собранія было выражено, чтобы деньги, добытыя посредствомъ этого займа, ни въ какомъ случаѣ не были употребляемы ни на что другое; но законодательное собраніе, постановившее это рѣшеніе, со 2 мая уже не существовало и вознагражденіе для духовенства монастырскаго—какъ мы узнаемъ изъ тронной рѣчи князя

(1) Турецкій піастръ равняется 6 к. сер. Такъ обр. 82 милліона піастровъ составятъ 4.920.000 р. сер., а за исключеніемъ 31 мил. піастровъ (1.860.000) 3.060.000 р. сер., тогда какъ общая стоимость отобранныхъ имѣній превышаетъ эту сумму по крайней мѣрѣ въ десять разъ. *Прим. перев.*

Кузы 6 октября (1864 г.)—было утверждено международною комиссіей, составленной въ Константинополѣ⁽¹⁾. Пятидесяти одного милліона на вознагражденіе монастырей во всякомъ случаѣ было недостаточно, и, поэтому правительство сочло себя вправѣ дать этимъ деньгамъ другое назначеніе. Почти половину этой суммы, именно 18.330.000 валахскихъ піастровъ отдѣлили на покрытіе убытковъ, понесенныхъ правительствомъ въ слѣдствіе уступокъ арендаторамъ государственныхъ имѣній, при введеніи закона о поземельной собственности. Что сдѣлаютъ изъ другой половины, окажется въ послѣдствіи. На самомъ дѣлѣ деньги, которыя бояре положили собрать на вознагражденіе духовенству, чтобы провести законъ противъ монастырей, послужили только къ тому, чтобы поддержать законъ о поземельной собственности, который далъ поводъ къ распусценію палаты и уничтоженію того положенія, которое до сихъ поръ занимали бояре.

(1) Турція, которой какъ державѣ, имѣющей верховныя права надъ княжествами, князь Куза представилъ это постановленіе законодательнаго собранія, предложила его въ юнѣ 1864 г. на разсмотрѣніе комиссіи, составленной въ Константинополѣ изъ повѣренныхъ пяти великихъ державъ (Россіи, Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи), имѣющихъ право протектората надъ княжествами. Представители великихъ державъ (кроме Франціи) объявили себя противъ этого постановленія на томъ основаніи, что доходы съ монастырскихъ имѣній идутъ на нужды христіанъ въ Турціи и на поддержаніе св. мѣстъ въ Палестинѣ. Соборъ восточныхъ іерарховъ въ Константинополѣ, состоявшій изъ митрополитовъ: Едесскаго, Ираклійскаго, Аморійскаго, Ларійскаго и пр. вмѣстѣ съ Патріархами Антиохійскимъ и Іерусалимскимъ также торжественно протестовалъ противъ намѣренія князя. — Но все оказалось тщетнымъ. При помощи Франціи князь добился своей цѣли. См. *Allgemein-kirchliche. Chronik, von K. Matthes. 1864 s. 155.* Желающимъ короче ознакомиться съ этимъ дѣломъ рекомендуемъ вышедшую въ прошедшемъ году здѣсь въ Петербургѣ брошюру: „Положеніе православной Церкви и монастырей въ Молдавіи“. *Прим. пер.*

Законъ относительно избранія митрополита и епископовъ состоялся 13 марта текущаго года. Онъ былъ предложенъ самимъ княземъ, — встрѣтилъ сильное сопротивление въ сенатѣ и повелъ къ ожесточеннымъ спорамъ. Сенаторы находили, что этотъ законъ совершенно противенъ каноническому праву. Тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ наконецъ сенатомъ и предлагается здѣсь въ буквальномъ переводѣ.

Чл. 1. Митрополиты и епархіальные архіереи Румынїи назначаются княземъ по предложенію министра исповѣданій, который дѣлаеть это вслѣдствіе обсуждения общаго совѣта министровъ. 2. Митрополиты и епископы назначаются изъ Румынскаго монашества; митрополитъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 40 лѣтъ отъ роду; епископы не менѣе 35; всѣ должны быть извѣстны какъ своимъ благочестіемъ, такъ и научнымъ образованіемъ и способностями. 3. Митрополиты и епископы за духовныя проступки должны быть судимы на помѣстномъ соборѣ, а за всѣ другіе въ кассационномъ судѣ. (*Allgemeine Kirchen-Zeitung* 1865 NN 11, 25).

Предлагаемое учрежденіе православной Румынской епископїи въ Темесварѣ. Православные Румыны, живущіе въ Тисскомъ банатѣ, въ настоящее время сильно хлопочуть объ учрежденіи епископїи въ Темесварѣ. Кто знаетъ близко мѣстныя обстоятельства, тотъ долженъ согласиться, что, послѣ іерархическаго раздѣленія между Румынами и Сербами, учрежденіе новой епископской катедры для первыхъ сдѣлалось необходимою. Въ самомъ дѣлѣ Сербы, живущіе въ этомъ банатѣ и его окрестностяхъ, не превышаютъ числа 200,000 душъ, и между тѣмъ у нихъ двѣ епископїи въ Темесварѣ и Вершетцѣ, получающія богатое содержаніе изъ общихъ

средствъ обѣихъ націй, тогда какъ 600,000 Румыновъ, вхопившихъ въ составъ означенныхъ епископій, не имѣютъ въ настоящее время ни одного собственнаго верховнаго пастыря. Вслѣдствіе этого румынскіе депутаты изъ бывшей темезерской епархіи подали на конгрессъ комиссару отъ правительства прошеніе на имя Е. В. императора австрійскаго. Просители испрашиваютъ у императора соизволенія на открытіе собственной національно — румынской епископіи въ Темезварѣ. Они находятъ, что все православное румынное народонаселеніе трансильванскаго комитета — всего болѣе 360,000 душъ могло бы составить епархію наравнеберскую и быть раздѣлено на сообразное количество протопопій. Съ другой стороны православное румынское народонаселеніе комитатовъ темезерскаго и торогальскаго могло бы образовать епархію темезварскую съ приличнымъ количествомъ протопопій. Для вѣрнѣшаго и скорѣйшаго учрежденія епископской резиденціи въ Темезварѣ и для ускоренія отдѣленія румынъ отъ сербовъ, равно какъ для правильнаго и практически полезнаго устройства этой епархіи можно запросить согласіе румынскаго архіепископа и митрополита (1). Когда предполагаемый провѣтъ удостоится Императорскаго соизволенія, тогда управленіе румынской греко-восточной Темезварской епископіей должно быть передано на время въ опытные руки уважаемаго всеми епископа Арадскаго, Прокенія Ивашковича. Это прошеніе съ многочисленными подписями депутаты отправили въ Карловицы и теперь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ отвѣта. (Allgemeine Kirchen-Zeitung 1865 № 81).

Дѣятельность протестантскихъ діаконесъ на

(1) Въ Бухарествѣ.

востокѣ. Дѣятельность протестантскихъ діаконовъ на востокѣ принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. У нихъ въ настоящее время тамъ много разныхъ заведеній, указывающихъ на многосторонность дѣятельности ихъ; мы скажемъ только о нѣкоторыхъ. Въ Иерусалимѣ у нихъ находится теперь госпиталь, въ которомъ въ теченіе прошедшаго года перебивало 482 больныхъ. Сначала магометане чувствовали неодолимое отвращеніе къ ихъ услугамъ. Но мало по малу это отвращеніе исчезло и изъ нихъ 278 человекъ (между ними 26 абиссинцевъ) пользовались медицинскими пособиями въ этомъ госпиталѣ. Въ Константинополѣ и Александріи у нихъ тоже есть по госпиталю, въ которыхъ въ прошломъ году перебивало до 500 больныхъ. Ихъ дѣятельность, какъ воспитательницъ, еще обширнѣе. Такъ въ Бейрутѣ у нихъ есть пансіонъ, въ которомъ воспитывается 70 дѣтей преимущественно изъ еврейскихъ фамилій подъ руководствомъ одиннадцати діаконовъ. Кромѣ пансіона эти послѣдніе имѣютъ еще нѣсколько бесплатныхъ школъ; число посѣтителей этихъ школъ въ настоящемъ году доходило до 130; это — болѣею частію — арабскія дѣвочки. Въ ихъ Иерусалимскомъ институтѣ насчитывается болѣе 50 дѣтей. Но лучший изъ всѣхъ восточныхъ институтовъ, устроенныхъ діаконами, находится въ Смирнѣ. Онъ основанъ въ 1853 г. по настоятельной просьбѣ живущихъ тамъ нѣмецкихъ, англійскихъ, голландскихъ и швейцарскихъ протестантскихъ семействъ. Число діаконовъ въ этомъ институтѣ доходитъ до 12, число воспитанницъ до 200, въ томъ числѣ 120 пансіонерокъ. Большая часть — гречанки и армянки.

О размѣрахъ дѣятельности протестантскихъ діако-

ниссъ вообще можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ цифрамъ: въ настоящее время находится въ Европѣ 30 главныхъ институтовъ, принадлежащихъ діакониссамъ; эти 30 институтовъ содержатъ въ разныхъ частяхъ свѣта до 386 становъ (боковыхъ заведеній съ разными названіями) и 1600 діакониссъ. Цифра годоваго дохода ихъ простиралась въ 1863 г. до 350.000 тал. (1) (противъ 1860 г. на 55.000 тал. больше) (*Neue Evangelische Kirchen-Zeitung* 1865 № 13). Эти цифры очень краснорѣчиво говорятъ, какія жертвы приносятъ и какія усилія употребляютъ протестанты, чтобы утвердиться на Востокѣ.

Англійскій комитетъ для изслѣдованія Палестины. Недавно образовалось въ Лондонѣ общество, которое поставило своею цѣлью изслѣдованіе Палестины въ видахъ лучшаго уясненія Библии. Эти новыя изслѣдованія должны пролить больше свѣта, чѣмъ до сихъ поръ (по крайней мѣрѣ комитетъ на это надѣется), на археологію, исторію культуры, монографію, геологію, флору и фауну св. земли. Въ спискѣ членовъ комитета стоятъ очень почтенныя имена — профессора Джемса Фергюссона, сэра Генри-Раудинсона, Антоніо Палацци, сэра Мортонна Пето, Стэнли, декана Вестминстерскаго, герцоговъ Аргильскаго и Девонширскаго, Чарльза Шефтезбури, архіепископа Іоркскаго, епископовъ Оксфордскаго и Элійскаго и др. (*Allgem. Kirchen-Zeitung* 1865 № 34). Въ слѣдующей книгѣ мы сообщимъ программу предполагаемыхъ дѣйствій комитета.

(1) По нынѣшнему курсу 385.000 руб. сер.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

«ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ»

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ 18⁸⁸ ГОДУ:

Въ іюль мѣсяцъ текущего года «Вѣстникъ Западной Россіи» будетъ праздновать четвертое свое новолѣтіе.

Намъ самимъ не приходится говорить о характерѣ и направленіи этого изданія, а тѣмъ болѣе о его заслугахъ и дѣятельности. Пусть и то и другое оцѣнятъ, по нормальной стойкости, друзья и враги «Вѣстника». Дорожа вниманіемъ первыхъ, мы не можемъ оставаться равнодушными и къ ненависти послѣднихъ. Эта ненависть есть лучшая наша аттестація, — а доказательствъ въ этомъ родѣ у насъ накопилося таки — не мало.

Поэтому, уклоняясь отъ оцѣнки самихъ себя, мы только укажемъ подписчиковъ на наше изданіе въ томъ, что съ нашей стороны будутъ приняты всѣ мѣры къ улучшенію изданія со стороны внутренней и вѣшной и къ своевременному выходу книжекъ «Вѣстника», — такъ, чтобы къ объявленному редакціею сроку, т. е. къ концу іюля мѣсяца, вышли всѣ двѣнадцать книжекъ этого журнала.

Вѣстникъ не можетъ и не желаетъ измѣнить своей программы, поэтому и въ 18⁶³/₆₆ году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ. Онъ остается вѣренъ тѣмъ же четыремъ своимъ рубрикамъ:

ОТДѢЛЪ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и бібліотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобывтовой исторіи западной и юго-западной Россіи, въ *буквальныя* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, — съ изясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ, которые составлены на древнемъ русскомъ языкѣ, и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

ОТДѢЛЪ II.

Очерки и разсказы изъ событий прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной и юго-западной Россіи, — научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

ОТДѢЛЪ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ югозападной и западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ, — опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатью врагами нашего отечества — и у насъ и за границею, — обличеніе ихъ во всякомъ несправедливомъ фактѣ, — вообще полемика со всемъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей вѣры и народности.

ОТДѢЛЪ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной и юго-западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею, — статистическія свѣдѣнія о сихъ странахъ, свѣдѣнія о заграничныхъ — славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи, — о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ юго-западной и западной Россіи, — новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ, — извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной и юго-западной Россіи, — библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

ВѢСТНИКЪ выходитъ съ іюля мѣсяца, ежемѣсячно книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

Подписка принимается: Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и книжномъ магазинѣ г. *Семковскаго*. Въ ПЕТЕРБУРГѢ, — у комисіонера „Вѣстника“ книгопродавца *А. Ф. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Ольхиной. Въ МОСКВѢ, — у такогосж комисіонера, книгопродавца *А. Н. Оерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Законодательскаго монастыря, у книгопродавца г. *Черемина*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Базунова*. Въ КИЕВѢ, — у комисіонера „Вѣстника“, книгопродавца *С. И. Литова*. Въ ВАРШАВѢ, — у книгопродавца г. *Дутова* — и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Цена „Вѣстника“ за годъ: Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 к., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб. Г г. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала „Вѣстникъ западной Россіи“, въ *Вильну*. Письма и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю „Вѣстника“ *Ксеофонту Антоновичу Говорскому*, въ *Вильну*. Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за истекшіе годы дѣлается ус-

тунка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 руб. 50 коп., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за 18⁶³/₆₄ годъ — для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп. — съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель *К. Говорскій*.
Редакторъ-Сотрудникъ *И. Эрмичъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ ПРИСВЯТЪИШЕМЪ СУНОДЪ.

Въ с. петербургскихъ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ на Петровской площади въ зданіи Святейшаго Синода и въ домѣ Православнаго Духовнаго Вѣдомства на Литейной, № 36, поступили въ продажу вновь отпечатанныя книги въ различныхъ переплетяхъ:

На славянскомъ языкѣ: 1) *Новый Заветъ*, св. Евангеліе и Псалтирь, въ 32-ю д., изънихъ: а) *Новый Заветъ*: на обыкновенной бумагѣ: въ печат. обер. — 16 к., въ папѣ съ цвѣт. бум. — 30 к., въ коленкорѣ — 40 к., и на веленовой бумагѣ: въ печатн. обер. — 28 к., въ коленкорѣ съ зол. обр. съ бум. футл. — 80 к., въ сафьянѣ съ зол. обр. съ сафьян. футл.: съ простымъ тисн. 1 р. 55 к., съ золотымъ тисн. 1 р. 75.; въ шелковомъ переплетѣ съ шелк. футл. съ прост. тисн. 2 р., съ золот. тисн. 2 р. 15 к., б) Таже книга вмѣстѣ съ Псалтирю: на обыкновенной бумагѣ: въ папѣ съ цвѣт. бум. — 35 к., въ коленкорѣ — 45 к., и на веленовой бумагѣ: въ коленкорѣ съ зол. обр. съ бум. футл. 1 р. — въ сафьянѣ съ золот. обр. съ сафьян. футл.: съ простымъ тисн. 1 р. 75 к., съ золотымъ тисн. 2 р., въ шелковомъ переплетѣ съ шелк. футл.: съ простымъ тисн. 2 р. 20 к., съ золотымъ тисн. 2 р. 50 к., и в) отдѣльно: св. Евангеліе: на обыкновенной бумагѣ: въ печ. обер. — 7 к., въ папѣ съ цвѣт. бум. — 15 к., въ коленкорѣ — 25 к. и Псалтирь: на

обыкновенной бумагѣ: въ печ. оберт. — 7 к.; въ папкѣ съ цвѣт. бум. — 15 к., въ коленкорѣ — 25 к., и на веленовой бумагѣ: въ печат. оберткѣ — 12 к., въ коленкорѣ съ зол. обрѣз. 40 к., въ сафьянѣ съ золотымъ обрѣзомъ: съ прост. тисн. — 60 к., съ золот. тисн. — 75. въ шелковомъ переплетѣ: съ прост. тисн. — 85 к., съ золот. тисн. 1 р. *На русскомъ языкѣ:* 2) Сборникъ Молитвъ на всякій день потребныхъ, въ 32 д. въ пер. бум. 7 к., и 3) Правила о православныхъ церковныхъ братствахъ и положеніе о приходскихъ Попечительствахъ при православныхъ церквяхъ, въ 8 д. въ бум. кор. 3 к.

Иногородные покупатели присылаютъ на пересылку этихъ книгъ въсовья и страховыя деньги по положенію.

РЕЛИГИЯ

ВЪ ЕЯ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ХОДѢ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХЪ ОСНОВАНІЯХЪ.

Нѣтъ, какъ извѣстно, ни одного народа безъ религіи, безъ какого нибудь понятія о Богѣ и Его отношеніяхъ къ человѣку на землѣ и за предѣлами этой жизни. Люди и народы, въ преемствѣ вѣковъ, могутъ имѣть очень несовершенныя понятія о предметахъ невидимыхъ, но они всегда имѣютъ какія нибудь вѣрованія, истинныя или ложныя, и осуществляютъ ихъ въ жизни частной и общественной. Религія не только вездѣ существуетъ, но вездѣ имѣетъ дѣйствительную власть и составляетъ нравственный принципъ, который глубоко вѣдряется во всѣ формы человѣческой дѣятельности, распространяетъ свое вліяніе на все общество. Виды религіи, въ ея естественномъ состояніи, также многочисленны, какъ расы, націи, племена человѣческаго рода. Но главныя формы ея, развѣтвляющіяся потомъ на безчисленныя отрасли, суть—фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Первая состоитъ въ обоготвореніи одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ природы, звѣздъ, животныхъ, растений, минераловъ. Вторая возвышается надъ физическимъ міромъ къ нравственному

и олицетворяетъ въ богахъ и герояхъ свойства самаго человѣка, какъ существа нравственнаго, разумнаго. Последняя, наконецъ, восходитъ отъ вселенной къ Высочайшему Существоу и состоитъ въ почитаніи Существа безконечнаго и безусловнаго, то отождествляя Его съ природой или духомъ, то отличая Его отъ всѣхъ частныхъ родовъ реальнаго міра.

Относительное значеніе этихъ обнаруженій религіозной мысли не подлежитъ сомнѣнію; но труднѣе опредѣлить порядокъ ихъ появленія на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чего начало человѣчество, съ фетишизма или монотеизма?

Защитники безпрерывнаго прогресса— философы и моралисты, усвояющіе нашимъ прародителямъ состояніе естественной простоты (*un état de nature*), предшествующее всякой цивилизаціи, и наконецъ натуралисты, которые видятъ въ человѣчествѣ только высшее звѣно въ ряду земныхъ живыхъ существъ; становятся на сторону фетишизма. Но защитники первоначальнаго откровенія имѣютъ противоположное мнѣніе: они смотрятъ на идолопоклонство и культъ боговъ, какъ на уклоненія, происшедшія вслѣдствіе первороднаго грѣха, и на христіанство, какъ на сверхъестественное возстановленіе первоначальнаго состоянія человѣческаго рода. Справедливость вынуждаетъ насъ признать, что это послѣднее мнѣніе не представляетъ такихъ затрудненій, въ какихъ запутывается обыкновенный раціонализмъ, и что оно согласно, по своимъ принципамъ и по своимъ результатамъ, какъ съ естественнымъ развитіемъ человѣчества, такъ съ несомнѣнными фактами исторіи.

Если признать, дѣйствительно, что народы въ данный моментъ не бываютъ на одной и той же степени

образованія, но что одни оканчиваютъ свое историческое поприще въ то время, когда другіе только что начинаютъ его, то невозможно утверждать, что непрерывный прогрессъ приложимъ къ каждому поколѣнію и къ каждой отдѣльной національности. Общество чело-вѣческое безсмертно, но сколько націй вымерло, сколько государствъ исчезло! Если есть прогрессъ непрерывный, то его должно искать не въ частномъ, но въ общемъ; должно преимущественно обращать вниманіе на первенствующіе народы, какъ на представителей чело-вѣчества, оставляя въ сторонѣ малыя и затерявшіяся племена; равнымъ образомъ надо обращать вниманіе на хронологію историческихъ эпохъ, когда устарѣвшая цивилизація падаетъ и на мѣсто ея медленно вырабаты-вается новая съ элементами болѣе чистыми, хотя и нѣсколько грубыми. Въ варварскомъ состояніи часто хранятся сѣмена тѣхъ прекрасныхъ учрежденій, которыя и достигаютъ полнаго развитія, послѣ долгаго періода броженія. Въ этомъ смыслѣ прогрессъ развивается не по прямой линіи, но по изогнутой, которой зигзаги увеличиваются, то подымаясь, то опускаясь. Отсюда слѣдуетъ, что прогрессъ не исключаетъ ни остановки въ развитіи цивилизаціи, ни временнаго упадка подъ тѣмъ условіемъ, что этотъ упадокъ ведетъ къ большему совершенству въ будущемъ. Примѣняя эту идею къ религіозному развитію чело-вѣчества, легко понять, что прогрессъ, въ этомъ отношеніи, не составляетъ доказательства въ пользу фетишизма: и здѣсь ничто не мѣшаетъ тому, чтобы одна религія смѣнилась другою, менѣе совершенною, лишь бы это паденіе обезпечивало возможность усовершенствованія въ будущемъ.

Состояніе первобытной естественности, утопія нѣко-

*7

торыхъ писателей двухъ послѣднихъ вѣковъ, представлять не болѣе доказательности. Многие мыслители, увлекшись этими понятіями и пораженные тѣмъ, что было неестественнаго въ соціальныхъ учрежденіяхъ ихъ времени, полагали, что надо возвратиться къ первобытному состоянію человѣчества, съ тѣмъ, чтобы въ самомъ источникѣ права найти причину существующихъ недостатковъ и возвратить своихъ согражданъ къ простому состоянію природы. Но какова бы ни была цѣль этой попытки, все же представляется страннымъ: за чѣмъ было искать основаній критики недостаточнаго настоящаго въ прошедшемъ, въ исторіи, а не въ области философіи, въ самой природѣ человѣка? Существующее общество не должно быть судимо по масштабу первобытнаго состоянія человѣчества на землѣ; оно должно быть оправдываемо и осуждаемо на томъ основаніи и въ той мѣрѣ, въ какой оно согласно или несогласно съ высшими требованіями человѣческой природы, съ ея разумными и нравственными основаніями. Такимъ образомъ точка зрѣнія была ложною. Состояніе первобытной естественности, въ томъ видѣ, какъ его представляли себѣ мечтатели, подобные Руссо, было-бы, на самомъ дѣлѣ, состояніемъ противоестественнымъ для человѣка. Они опустили изъ виду условія жизни разумныхъ существъ; по понятію ихъ люди жили въ состояніи природы, какъ звѣри,—безъ языка, безъ права, безъ религіи, безъ нравственности, безъ всякой общественной связи. Ясно, что подобное состояніе не представляетъ никакого другаго исхода для первыхъ обнаруженій религіозной мысли, кромѣ грубѣйшаго идолопоклонства. Но все же это состояніе есть чистый вымыселъ. Въ пользу его нѣтъ ни одного историческаго

свидѣтельства. Даже дикіе народы, на которыхъ ссылаются утописты, имѣютъ своего рода общественныя соотношенія. Извѣстно, наконецъ, что они, виѣ общей цивилизаціи, сами собою нейдутъ по пути прогресса, а представляютъ или обломки закончившейся и падшей, или начало зараждающей цивилизаціи. Если фетишизмъ составляетъ выраженіе ихъ религіозныхъ потребностей, то это не даетъ еще права дѣлать заключенія относительно первыхъ людей. Аналогія была бы болѣе въ пользу противоположной гипотезы, потому что народы, стоящіе на этой ступени, развиваются только подъ вліяніемъ опередившей ихъ культуры.

Остается послѣднее доказательство. Это теорія послѣдовательности въ рядахъ существъ, которая поставляетъ человѣка въ прогрессивный рядъ развитія творенія (организмовъ), путемъ непрерывнаго ряда посредствующихъ ступеней, начиная отъ тайно-брачныхъ растений,—то принимая первоначальную неизмѣнность и постоянство видовъ, то допуская превращенія однихъ въ другіе, посредствомъ родоваго подбора и подъ вліяніемъ виѣшнихъ обстоятельствъ. Эта теорія, изобрѣтенная нѣкоторыми натуралистами XVIII вѣка, опровергнута въ ея цѣлости, съ точки зрѣнія сравнительной анатоміи, палеонтологіи и опытнаго изслѣдованія. Мы ограничимся опроверженіемъ ея въ ея приложенія къ человѣческому роду, чтобы устранить всякое предположеніе въ пользу естественнаго состоянія. Положимъ, что человѣкъ не отличается отъ животныхъ по своей физической организаціи, что однакожь еще не доказано съ безусловной истиной; но онъ отличается отъ нихъ по своей духовной природѣ, которая не допускаетъ никакой параллели между ними. Онъ обладаетъ такими

свойствами, какъ самосознаніе, разумность, нравственная свобода, способность къ совершенствованію, даръ слова. Никакого слѣда этихъ свойствъ мы не замѣчаемъ у млекопитающихъ животныхъ самой высшей организаціи. Самое понятіе о нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ исключаетъ возможность приобрѣтенія ихъ внѣшнимъ образомъ и слѣдовательно отыскиванія въ животномъ царствѣ предковъ человѣка. Наука, искусство, нравственность, правосудіе, религія, однимъ словомъ,—всѣ проявленія разумной жизни человѣка безусловно не мыслимы въ царствѣ низшихъ существъ. Не забудемъ, наконецъ, что никакое существо не можетъ быть причиною самого себя, тѣмъ болѣе не можетъ быть причиною бытія существъ высшаго порядка существо низшаго порядка.

Такимъ образомъ доказательства въ пользу фетишизма оказываются мало убѣдительными и основываются на томъ парадоксальномъ предположеніи, что первоначальное состояніе человѣка было близко къ состоянію животного, и что человѣкъ жилъ въ началѣ одною чувственною жизнью. Натуралисты упустили изъ виду, что чувственная жизнь человѣка существенно соединяется съ элементами нечувственными и что мы не можемъ имѣть никакого знанія о внѣшнихъ предметахъ, не опираясь при этомъ на высшія идеи разума.

Напротивъ мнѣніе о старшинствѣ монотеизма утверждается на болѣе вѣрныхъ основаніяхъ, какъ въ области исторіи и преданія, такъ и въ области философіи. Вопросъ о происхожденіи религіи такой же вопросъ, какъ вопросъ о происхожденіи языка и образованіи общества. Натурализмъ имѣетъ какою нибудь силу для критики, но не имѣетъ никакой силы для

построенія. Стоит только потребовать отъ него опредѣленной формулы его нравственной и религіозной доктрины, какъ тотчасъ онъ впадаетъ въ нелѣпости. Чего можно ожидать, противопоставляя Гоббеса или Гельвеціуса лучшимъ представителямъ философіи и христіанскаго преданія? Надо расширять, но не суживать горизонтъ мысли. Если довѣриться лучшимъ требованіямъ человѣческой природы, и изслѣдовать законы и условія нравственнаго и религіознаго порядка и въ этомъ направленіи подвергнуть критикѣ проблемы, которыя пытались разрѣшить одною мечтательностію, основываясь только на авторитетѣ чувствъ, то можно достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ.

Состояніе естественной непосредственности есть химера. Человѣкъ не могъ развиваться на землѣ внѣ общества. Человѣкъ изолированный не способенъ къ развитію: опытъ и разумъ доказываютъ намъ это. Никакое конечное существо не можетъ само собою удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ; никакое разумное существо не можетъ обойтись безъ помощи или соревнованія себѣ подобныхъ. Нужны, по крайней мѣрѣ, два существа, но двухъ уже достаточно для того, чтобы установился взаимный обмѣнъ мыслей и чувствъ, чтобы общество возникло изъ нѣдра семейства, чтобы личность человѣка и его характеристическія свойства могли развиваться. При этихъ условіяхъ языкъ рождается самъ собою, какъ доказываетъ это примѣръ глухо-нѣмыхъ, которые, подъ однимъ вліяніемъ сообщества другъ съ другомъ и не смотря на несовершенство въ организаціи ихъ чувственныхъ органовъ, могутъ объясняться и понимать другъ друга, и даже увеличивать средства взаимнаго общенія, безъ помощи наставника.

Наши прародители воспитывались подъ тѣми же образовательными условіями, не говоря о непосредственномъ руководствѣ самаго Творца. Языкъ также естественъ въ человѣкѣ, какъ крикъ въ животныхъ. Но мысль предшествуетъ слову: языкъ возможенъ только при жизни духовной, въ которой онъ получаетъ свое начало и служить ея выраженіемъ. Первобытный человѣкъ, одаренный всѣми свойствами разумнаго существа, владѣетъ сознаніемъ и самоощущеніемъ. Онъ учится самосознанію, онъ размышляетъ объ испытываемыхъ имъ ощущеніяхъ, истолковываетъ ихъ и относитъ къ внѣшней причинѣ, онъ водворяется въ міръ и, по естественному любознанію, не медлитъ задавать себѣ вопросы— *какъ* и *почему* существуютъ поражающія его явленія. Съ этого момента начинается для него знаніе и истина отдѣляется отъ лжи. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ обнаруживаетъ свою дѣятельность во внѣ, сообразно съ тѣми понятіями, которыя онъ себѣ составилъ, и тѣми чертами, которыя онъ нарисовалъ въ своемъ воображеніи; онъ творитъ искусство или ремесло, смотря по тому, что онъ старается осуществить,—прекрасное или полезное. Всякій человѣкъ способенъ чувствовать прекрасное. Всякій человѣкъ имѣетъ потребности, которыя требуютъ удовлетворенія, и всякій старается своею предусмотрительностію предотвратить зло, которое причиняютъ ему враждебныя силы. Наука, искусство и промышленность, осуществляющіяся вначалѣ въ ихъ простѣйшихъ элементахъ, развиваются постепенно при общемъ взаимодѣйствіи, подъ вліяніемъ инстинктовъ подражанія и соревнованія, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ народонаселеніе.

Такимъ образомъ человѣкъ уже въ началѣ представ-

лется болѣе или менѣ развитымъ. Къ жизни разумной присоединяется нравственная. Различіе между добромъ и зломъ, между справедливостію и несправедливостію, предшествуетъ всякому писанному закону и внѣшнему обнаруженію: оно неразлучно съ совѣстію. Благосклонность, любовь, покровительство, вѣрность, стыдливость суть чувства столько же естественныя между разумными существами, какъ заботы матери о своихъ дѣтяхъ между животными. Человѣкъ наввно предается своимъ влеченіямъ, и эти влеченія, живыя и справедливыя, чуждыя еще предразсудковъ, объясняютъ его назначеніе и указываютъ ему его положеніе и его права въ ряду существъ. Наконецъ, онъ разсуждаетъ, обличаетъ и, съ инстинктивною предусмотрительностію, познаетъ связь вещей и ихъ взаимныя отношенія. Частныя понятія, познаніе отдѣльныхъ существъ и границъ между ними, уже неудовлетворяютъ его разума. Отъ частнаго онъ восходитъ къ общему, отъ дѣйствія къ причинѣ, отъ конечнаго къ безконечному, отъ множества къ единству, и то, что онъ представляетъ себѣ какъ высочайшее Существо, которое составляетъ причину всѣхъ другихъ существъ въ мірѣ, онъ называетъ Богомъ. Вотъ естественное происхожденіе религіи подъ формою монотеизма. Богъ, идея котораго присуща человѣческому разуму, никогда не оставляетъ человѣка. Онъ помогаетъ ему въ его добрыхъ дѣйствіяхъ и ведетъ по пути усовершенствованія въ нравственной жизни. Едва вышедшій изъ рукъ Творца, человѣкъ уже стремится къ Нему своею душою. Только что родившійся левъ удаляется въ пустыню, орелъ взлетаетъ на вершину горы; такъ и человѣкъ стремится къ обществу, къ человѣчеству, къ Богу. Наконецъ произнесено ве-

ликое ими, и если вы не признаете нѣкотораго божественнаго внушенія въ сердцѣ народовъ, въ ихъ младенческомъ состояннн, то все останется необъяснимымъ. Таково, въ его простѣйшей формѣ, всеобщее преданіе о золотомъ вѣкѣ или земномъ раѣ. Это преданіе сохранено, какъ мифъ, въ воспоминаннн древнихъ народовъ и не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Оно можетъ быть объяснено въ своихъ главныхъ чертахъ познаниемъ неизмѣнной природы человѣка, постояннымъ ходомъ развитія духовнаго, дальнѣйшими событіями исторнн и наконецъ самыми законами, которые управляютъ жизнью въ преемствѣ вѣковъ.

Всякое живое существо проходитъ или переживаетъ три преемственныхъ фазы въ своемъ послѣдовательномъ развитнн: періодъ зарожденія, который обнимаетъ его существованнн въ состояннн зачатія, когда всѣ органы находятся еще въ неразвитомъ и смѣшанномъ видѣ, и не обособились явственно; сѣмени или зародышу еще недостаетъ самопроизвольности и онъ остается связаннымъ съ существомъ, которому одолженъ жизнь; періодъ дѣтства и юности, который обнимаетъ свободное развитнн, когда органы обнаруживаются поочередно, обособляются и возрастаютъ въ силѣ до такой степени, что индивидуумъ получаетъ всѣ необходимыя средства для достиженія своего назначенія; наконецъ, періодъ зрѣлости, который обнимаетъ время полного разцвѣта жизни, когда всѣ органы, вполне развитые, своею разнообразною дѣятельностію содѣйствуютъ единству цѣлаго, способствуютъ къ осуществленню цѣли природы, во всей полнотѣ общихъ и индивидуальныхъ свойствъ каждаго органическаго существа. Эти законы примѣняются въ различныхъ видахъ, опредѣляемыхъ собственной при-

родою каждаго существа, къ жизни растенія, животнаго и человѣка и по аналогіи могутъ быть приложены къ жизни человѣчества на землѣ.

Первый періодъ человѣчества относится къ жизни въ раю, гдѣ первые люди жили въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ, съ природой и Богомъ, наслаждаясь всѣми дарами Его, какъ умственными такъ и нравственными; не зная еще ни сомнѣнія, которое беспокоитъ мысль, ни ненависти, которая отравляетъ чувство, ни преступленія, которое поработщаетъ свободу, ни рабства, которое насилуетъ справедливость, ни суевѣрія, которое унижаетъ религію. Сказаніе Моисея вполне подтверждаетъ естественное гаданіе ума. Позднѣйшіе классическіе писатели (Овидій, Плутархъ) прибавляютъ къ этимъ чертамъ, примѣнительно къ своему времени, что въ вѣкъ Сатурна не было ни рабовъ, ни господъ. Свобода не была еще произволомъ; чувство личности не принесло своихъ горькихъ плодовъ—гордости, эгоизма, мстительности.

Періодъ послѣдующаго развитія, обнимающій дѣтство и юность человѣчества, принадлежитъ собственно исторіи. Этотъ продолжительный періодъ насильственно открывается страстнымъ увлеченіемъ человѣка своею самопроизвольностію; человѣкъ выступаетъ изъ нормальной колеи порядка и мира и прерываетъ надлежащія отношенія свои къ подобнымъ себѣ существамъ, къ природѣ и Богу. Въ гордомъ сознаніи своей свободы, человѣкъ преувеличиваетъ свое значеніе и свое положеніе, и вмѣсто того, чтобы подчиниться общему порядку міра, часть котораго онъ составляетъ, онъ самаго себя дѣлаетъ центромъ міра и стремится все приносить въ жертву своему эгоизму. Семейства, народы,

племена отдѣляются другъ отъ друга, какъ это показываетъ преданіе, обособляются и начинаютъ борьбу. Война съ ея печальными послѣдствіями, убійствомъ, порабощеніемъ, грабежемъ, пожарами, истребленіемъ жатвъ, опустошеніемъ земли, разрушеніемъ путей сообщенія, наполняетъ весь этотъ періодъ. Зло, во всѣхъ своихъ формахъ, грѣхъ, преступленіе, ненависть, несправедливость, грубая сила, царствуютъ непрерывно, то побѣжденные, то торжествующія. Государства возвышаются и падаютъ, вѣрованія измѣняются, нравы разлагаются; гражданственность не можетъ возникнуть среди тысячи препятствій. Человѣкъ осуждается снова пріобрѣтать въ потѣ лица своего блага, которые онъ потерялъ. И только чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени человѣкъ отыскиваетъ нить своего назначенія. Онъ бросается изъ крайности въ крайность, то погрязаетъ въ чувственности, то ведетъ жизнь созерцательную, руководствуясь только одними своими чувствами, и большею частію не сознавая своего назначенія. Здѣсь онъ подчиняется господствующей религіи и дѣлается жертвою жрецовъ; тамъ вѣрится государству и подчиняется деспотизму: Одни народы исключительно занимаются торговлею, не заботясь о нравственной жизни; другіе — земледѣліемъ и промышленностію. Но и умственная жизнь человѣка не остается безъ развитія и вступаетъ въ свои права у нѣкоторыхъ привилегированныхъ народовъ: одни изъ нихъ съ ревностію занимаются наукой и искусствомъ; другіе обрабатываютъ преимущественно право. Трудъ человѣка распределяется по всему земному шару, раздѣляется въ пространствѣ и времени. Если какому-нибудь обществу недостаетъ какого нибудь существеннаго

органа, то такое общество еще не достигло полного устройства во всѣхъ своихъ элементахъ. Цивилизація идетъ съ востока на западъ, расширяясь, по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ, и видоизмѣняясь, сообразно времени и мѣсту, религіи, правленію, законамъ и обычаямъ. Но въ этомъ непрерывномъ видоизмѣненіи, всѣ формы человѣческой дѣятельности обнаруживаются поочередно, развиваются съ энергіею, часто переступая должныя границы и къ ущербу другихъ; излишекъ отбрасывается въ послѣдствіи, но чистый результатъ остается. Такимъ образомъ, мы видимъ постоянный прогрессъ, хотя и неправильный. Человѣчество мало по малу приобретаетъ свои силы и постепенно достигаетъ жизни болѣе богатой, болѣе полной и болѣе свободной. Нѣкоторые народы хранятъ сумму древнихъ преданій и передаютъ ихъ будущимъ поколѣніямъ, одареннымъ болѣе дѣятельнымъ характеромъ, когда они, погрязшіе до тѣхъ поръ въ заблужденіяхъ, свободнымъ образованіемъ ума восходятъ на ту ступень, на которой могутъ понимать эти преданія. Таково значеніе еврейскаго народа для индо-европейскихъ народовъ. Это назначеніе іудейскаго народа, составляющее и его славу и особенность его историческаго развитія, сохраняется во весь періодъ развитія человѣчества и служитъ звѣномъ двухъ періодовъ.

Наконецъ начинается третій періодъ въ жизни человечества, періодъ обновленія его жизни подъ руководствомъ внѣшняго божественнаго откровенія, подъ освѣщеніемъ Христіанской Вѣры, возвратившей человечеству утраченную имъ чистоту и нравственную силу. Время, прошедшее съ основанія Божественной религіи, въ теченіе первыхъ и среднихъ вѣковъ было временемъ съ

одной стороны выясненія началъ христіанской религіи и организаціи Церкви, съ другой подготовленіемъ общества къ принятію и усвоенію ея въ формахъ новой жизни какъ частной и семейной, такъ общественной, народной и политической. Зарожденіе христіанскаго общества совершалось въ продолженіи многихъ вѣковъ. Неочищенные элементы древняго міра долго еще господствовали въ новомъ обществѣ и производили то характерическое броженіе, которое обозначается борьбою стараго духа съ новымъ, мірской власти съ духовною, классическихъ понятій и авторитетовъ съ новымъ міровоззрѣніемъ, отжившихъ формъ жизни съ новыми. Наконецъ, это броженіе окончилось, и установились формы жизни и отношеній, соотвѣтствующія возвышеннымъ понятіямъ Божественной Вѣры о цѣли и назначеніи человѣка, объ идеѣ правды и права, о взаимномъ отношеніи народовъ и назначеніи всего человѣчества. Элементы общественной жизни, неподвижные при феодальномъ порядкѣ вещей, вошли въ кругъ общаго обращенія. Открытія XIV вѣка, завершенныя изобрѣтеніями XV в., разрушили феодализмъ, схоластику, потрясли могущество папъ, какъ свѣтскихъ властителей, и приготовили общественное и политическое преобразование новѣйшихъ временъ. Кругъ человѣческой дѣятельности расширился въ области какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго міра, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія и открытію сообщеній съ Америкой и восточной Индіей. Наука и промышленность распространили свою власть надъ обоими мірами; примѣненія силы пара и электричества дали новыя средства (границъ предложенія ихъ еще нельзя указать) къ увеличенію могущества человѣка. Соціальныя силы сдѣлались свобод-

ны; личность человѣческая получила свои права; общество идетъ по новымъ путямъ, сохраняя результаты дѣятельности, выработанные предшествующей исторіей.

Сближеніе народовъ и пробужденіе національностей составляютъ характеристическую черту новаго времени. Отдѣльные народы, замкнутые въ своей территоріи въ продолженіе вѣковъ, приходятъ во взаимное общеніе между собою на всемъ земномъ шарѣ. Подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, человѣчество пришло къ сознанию своего единства; идея человѣчества получила право гражданства въ кругу идей, управляющихъ жизнью человѣка; остающіяся неровности, препятствующія сближенію народовъ, сглаживаются постепенно, подъ двойнымъ вліяніемъ, фізіологическимъ и психологическимъ, смѣшенія расъ и воспитанія; племена выродившіяся снова принимаютъ участіе въ цивилизаціи на ряду съ племенами, наслѣдовавшими болѣе счастливую историческую судьбу. Народное право вырабатывается болѣе и болѣе; споры разрѣшаются чаще при посредствѣ международныхъ конгрессовъ; война теряетъ свой дикій характеръ; вооруженная сила теряетъ свое значеніе предъ силою дипломатическихъ совѣщаній и усилій; между народами умножаются конвенціи для обезпеченія пользованія общими благами и искорененія преступленій противъ общественнаго спокойствія. Сообщенія облегчены между всѣми частями свѣта и съ каждымъ днемъ предлагаются новые проекты для сокращенія разстояній устройствомъ телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, прорытіемъ перешейковъ, препятствующихъ сообщенію морей. Эти обширные труды должны принести пользу всему человѣчеству и требуютъ участія всѣхъ образованныхъ народовъ. Не смотря на разсѣянiе людей по

необъятному пространству земли, однакожъ осуществляется единство человечества съ уничтоженіемъ тѣхъ препятствій, которыя вели къ разобщенности. Сообщенія дѣлаются непрерывными съ одного конца міра до другаго. Человѣкъ пользуется покровительствомъ законовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ водворяется на жительство. Наука, право, торговля и промышленность находятся въ такомъ же тѣсномъ соотношеніи другъ къ другу, какъ члены семейства и друзья заинтересованные общимиъ благомъ. Повсюду учреждаются международные конгрессы для популяризованія и обобщенія послѣднихъ знаній науки и примѣненія теоріи къ практикѣ. Свободный обмѣнъ произведеній разныхъ странъ составляетъ лучшее выраженіе и торжество этихъ преобразованій. Онъ утверждаетъ солидарность народовъ въ экономическомъ отношеніи, чрезъестественное распредѣленіе труда сообразно съ почвою и климатомъ. Связь между Востокомъ и Западомъ, со времени Васко де-Гама и Камоенса, завязалась снова, при посредствѣ мореплаванія и торговли. Вмѣстѣ съ этимъ отыскивается нить преданій и послѣдовательность фактовъ древней исторіи. Критическіе и филологическіе труды ученыхъ восстанавливаютъ литературные памятники древней Азіи. Цѣль времени, порванная случайными событіями, связывается навсегда. На Африканскомъ континентѣ, обратившемъ на себя вниманіе со всѣхъ сторонъ, снова возникаетъ жизнь. Философія исторіи отражаетъ въ себѣ движеніе новой жизни человечества. Съ того момента, какъ человечество достигло самосознанія, новая наука развертываетъ предъ нимъ въ правильномъ порядкѣ главныя фазы его развитія, объясняя прошедшее, представляя настоящее и усиливаясь снимать покровъ

съ будущаго при сравненіи дѣйствительности съ идеаломъ, представляя взорамъ задачи его жизни, частію уже выполненныя имъ, частію еще предстоящія къ осуществленію въ будущемъ,—предлагая съ тѣмъ вмѣстѣ изъ опытовъ прошедшаго и лучшіе способы для ихъ постепеннаго осуществленія. Единство человѣческаго рода, законы и цѣль его дѣятельности,—вотъ тѣ истины, которыя живутъ въ сознаніи просвѣщенныхъ умовъ и болѣе и болѣе распространяются въ сознаніи массъ. Древняя надпись надъ храмомъ Дельфійскимъ, обращенная въ девизъ философіи Сократомъ, получаетъ всеобщее приложеніе: просвѣщаемое свыше человѣчество начинаетъ познавать себя и дѣйствовать при свѣтѣ этого самопознанія.

Свѣтъ христіанскихъ понятій и благотворное вліяніе христіанскаго духа живительно дѣйствуютъ и на жизнь отдѣльныхъ народовъ. Частныя общества обнаруживаютъ неодолимое стремленіе къ жизни болѣе совершенной и свободной, употребляютъ настойчивыя усилія къ правильной организаціи труда и дѣятельности своихъ членовъ. Благодаря ассоціаціи индивидуальныхъ силъ увеличивается народное благосостояніе, осуществляется въ различныхъ формахъ, уменьшается общественное зло и ослабляется вліяніе случайностей въ жизни. Общественное мнѣніе становится преградой противъ нарушенія правильнаго теченія жизни, противъ произвола частныхъ лицъ. Какъ выраженіе сознанія не одной части, но цѣлаго общества, оно становится органическимъ принципомъ, способнымъ къ наилучшимъ примѣненіямъ. Ассоціаціи умножаются, увеличиваются въ своихъ размѣрахъ и вступаютъ въ тѣсную связь между собою.

Ч. II.

8

Общественная и частная жизнь обогащаются и облагораживаются во всѣхъ направленіяхъ. Сближеніе противоположныхъ теорій, распространеніе просвѣщенія, распространеніе возвышенныхъ принциповъ, которые управляютъ взаимными соотношеніями людей, ясно обнаруживается въ сознаниі, нравахъ, литературѣ и философіи новыхъ народовъ. Литературы образованнѣйшихъ народовъ даютъ намъ совершеннѣйшіе образцы въ изображеніи характеровъ и въ области сердечныхъ чувствованій, удовлетворяющіе требованіямъ духа времени и строгаго нравственнаго чувства, и открывающіе для воображенія путь къ идеалу. Въ нравственной и религіозной области исчезаютъ предрассудки и предубѣжденія и отыскиваются формы и условія сближенія и соглашенія между разными церквями и исповѣданіями, какъ вѣтвями одного животворнаго дерева Божественной религіи.

Таковъ краткій очеркъ разныхъ періодовъ жизни человѣчества. Строгое разграниченіе ихъ проливаетъ свѣтъ на исторію.

Монотеизмъ былъ религіею въ первые дни міра. Относительно этого пункта согласны всѣ преданія. Въ пользу этого же мнѣнія нѣтъ недостатка и въ наведеніяхъ. Дѣйствительно, древнѣйшіе памятники благопріятствуютъ болѣе мнѣнію о вѣрованіи въ единаго Бога и показываютъ, что политеизмъ былъ только искаженіемъ монотеизма. Языческія преданія древнихъ народовъ и священныя книги ихъ также подтверждаютъ истину нашихъ гаданій и христіанскаго преданія. Зендавеста Зороастра отождествляетъ Бога съ добромъ, а происхожденіе зла относитъ къ природѣ. Вѣды, древнѣйшія миеологическія эпопеи Индіи, воздають почита-

ніе Богу, Творцу и Промыслителю прежде, чѣмъ Брама, Вишну и Сива стали почитаться, какъ отдѣльныя божества, прежде, чѣмъ Будда произвелъ реформу въ Индійской религіи. Монотеизмъ, безъ сомнѣнія, вполне соответствуетъ духу и состоянію семитическихъ народовъ, но онъ не составляетъ привилегіи никакого народа. Онъ былъ вѣренъ на храненіе евреямъ, между тѣмъ, какъ расы индоевропейскія, увлекшись величіемъ видимой природы, впали въ пантеизмъ; но въ началѣ монотеизмъ былъ общею религіею всѣхъ расъ и самый пантеизмъ нѣкоторые признають искаженною формою монотеизма. Евреи понимали Бога, какъ Существо высочайшее и Владыку міра, Индусы, какъ Существо единое и цѣлое, которое есть все и даетъ жизнь всему. Эти два понятія, столько исключительныя, должны быть разсматриваемы сами по себѣ, какъ выраженія назначенія въ исторіи этихъ народовъ. Такимъ образомъ, первые литературные памятники Востока говорятъ о монотеизмѣ и эти памятники суть безъ сомнѣнія вѣрнѣйшія изображенія перваго періода человѣчества, исторію котораго они и представляютъ. Это заключеніе оправдывается наконецъ и трудами лингвистовъ. Древнѣйшіе языки, санскритскій и зендскій въ семействѣ индогерманскомъ, самыя богатые и самыя совершенныя языки. Изученіе этихъ языковъ снова доказываетъ мнѣніе о духовномъ развитіи человѣчества въ младенческомъ его состояніи. Первобытное государство народовъ есть уже цивилизованное государство. Всѣ свидѣтельства опровергають мнѣніе о дикомъ состояніи первыхъ людей и идолопоклонствѣ непосредственныхъ потомковъ Адама.

Но если дѣйствительно таково было состояніе чело-

8*

вѣчества, какъ же объяснить почитаніе ложныхъ боговъ и идоловъ? Переходъ отъ монотеизма къ политеизму предполагаетъ *паденіе*—это неоспоримо. Допускать многобожіе, послѣ надлежащаго понятія о Богѣ, значить уже идти не по пути прогресса, но регресса. Слѣдовательно паденіе фактъ дѣйствительный, а не гипотеза, и этотъ фактъ оправдывается снова историческимъ ходомъ развитія челоуѣчества, и подтверждается преданіемъ. Библейскій разсказъ никакимъ образомъ не можетъ быть отвергаемъ.

Паденіе есть критическій моментъ, отдѣляющій между собою два первые періода жизни челоуѣчества. Какъ дитя, отдѣленное отъ матери, болѣзненно страдаетъ и лишается опоры въ любящемъ существѣ, такъ и челоуѣчество съ тоскою оставило Едемъ и начало свое печальное существованіе, отдаляясь отъ Бога. Живя первоначально въ мирѣ съ подобными себѣ существами, люди приобрѣли постепенно сознаніе и чувство своей силы и независимости; они преувеличили свое могущество; гордость вкралась въ ихъ душу, и они прервали свои тѣсныя отношенія къ Богу. Удаляясь болѣе и болѣе отъ Бога, люди впади въ преступленія, заблужденія и беспорядки; вступили въ противорѣчія, борьбу, войны. Во взаимномъ отчужденіи другъ отъ друга, въ эгоистическихъ заботахъ только о себѣ самихъ, отдѣльныя и разрозненныя племена должны были съ трудомъ и безпокойствомъ отыскивать пути и средства къ выполненію своего назначенія. Въ тоже время паденіе послужило къ тому, что сѣмя нравственнаго зла развилось въ мирѣ и принесло свои пагубные плоды къ будущимъ поколѣніямъ: этотъ фактъ замѣченъ во всѣхъ древнихъ преданіяхъ.

Впрочемъ природа человѣческая въ своемъ существѣ совершенно не измѣнилась чрезъ паденіе. Никакое существо не можетъ измѣнить своей природы, которая есть дѣло Божіе. Нельзя говорить того, что человѣкъ, чрезъ неповиновеніе Адама, сдѣлался вовсе не способнымъ дѣлать какое либо добро, отыскивать истину, осуществлять правду: актъ свободы есть частное обнаруженіе духа, которое не можетъ совершенно испортить цѣлой природы человѣка. Стремленія нашей природы направляются къ добру, и хотя тусклая идея добра никогда не покидаетъ области духа; но паденіе по-иначе умъ въ его оцѣнкѣ предметовъ и дѣйствій въ нравственномъ отношеніи, и ослабило энергію его духовныхъ силъ, необходимую для осуществленія добра. Вслѣдствіе этого человѣкъ, не потерявши совѣсть идеи добра, сталъ смѣшивать его съ зломъ и поставлять на высшую степень то, что должно быть на низшей, приписывать и усвоять дѣйствіямъ и вещамъ несвойственное имъ достоинство.

Паденіе объясняетъ и происхожденіе многобожія. Культъ боговъ есть одно изъ тѣхъ уклоненій, къ которымъ былъ приведенъ человѣкъ, отыскивая направленіе своего назначенія, съ наивнымъ самообольщеніемъ ребенка. Но не должно, однакожь, представлять себѣ, что политеизмъ слѣдовалъ внезапно за монотеизмомъ. Оставивъ Едежъ, человѣкъ еще долго чувствовалъ себя подъ непосредственнымъ водительствомъ Божіимъ, какъ дитя подъ опекою своей матери. Потому мы и находимъ вѣру въ Бога, болѣе или менѣе видоизмѣненную пантеизмомъ или дуализмомъ. Но потребность высшей помощи постепенно ослабѣваетъ и человѣкъ болѣе и болѣе теряется, запутывается въ ошибкахъ, не сознавая

своего заблужденія. Бóльшая часть народовъ, въ продолженіе вѣковъ, въ круговоротѣ своей жизни, погрязли во злѣ, прежде чѣмъ человѣчество обновилося нравственно и снова увѣровало въ истиннаго Бога. Но и въ отчужденіи отъ Бога, духъ сохранилъ, однакожъ, нѣкоторыя черты своего первоначальнаго состоянія. Мрачная судьба, властвующая надъ богами, царствовала въ этомъ періодѣ, какъ незаконная замѣна въ человѣческомъ умѣ Провидѣнія, какъ непоколебимое и таинственное могущество, слѣпо управляющее существами, потерявшими чувство свободы. Народы болѣе религиозные признавали переселеніе душъ, какъ знакъ того тѣснаго единенія, въ какомъ они находились со всѣми существами въ мірѣ, и, въ чувствѣ своего ничтожества, предполагали, въ заключеніе, окончательное погруженіе въ нѣдро Божества. Народы, одушевленные нравственнымъ инстинктомъ борьбы противъ зла и мрака, развивали почитаніе звѣздъ. Другіе, поддавшись перевѣсу матеріальной жизни, съ безуміемъ бросились въ обожаніе природы, подчинились закону силы и создали кровавыя жертвоприношенія. Но господствующій и общій фактъ до явленія христіанства—тотъ, что человѣкъ, по мѣрѣ того, какъ забывалъ свое мѣсто и свое положеніе въ ряду созданій, все-таки жилъ идеею безконечнаго, хотя и омраченною въ его сознаніи, и бывши не въ состояніи отдѣлать твари отъ Творца, вознестись отъ видимаго къ невидимому, началъ обожать тварь. Чистая мысль о Существовѣ безконечномъ преобразилась мало по малу въ мысль о безконечномъ множествѣ неограниченныхъ силъ, или о безконечной силѣ органическихъ существъ. Существо Бога смѣшивалось съ внѣшними Его обнаруженіями, съ силами природы и

души, и эти самыя силы, отмѣченныя характеромъ божественной природы, были олицетворены, то есть разсматриваемы, какъ самобытныя сущности и облечены нравственными атрибутами чловѣка. Красота, отражающаяся въ цѣломъ мірѣ, чувство присутствія Безконечнаго во всемъ существующемъ, значеніе и достоинство каждой вещи, разсматриваемой въ ней самой, въ ея собственной природѣ и ея польза или ея значеніе въ ряду другихъ существъ въ мірѣ, облегчили это смѣшеніе Бога съ міромъ, причины съ дѣйствіемъ, Безконечнаго съ конечнымъ и ограниченнымъ. Отъ формулы „Богъ во всемъ“ легко можно было перейти, благодаря восточному воображенію и отсутствію научнаго метода, къ другой формулѣ: „все есть Богъ“. Такимъ образомъ, переходъ между пантеистическимъ монотеизмомъ и политеизмомъ можетъ быть понятенъ. Философія не оправдываетъ, но объясняетъ факты исторіи.

Культъ боговъ выродился въ послѣдствіи въ фетишизмъ у племенъ, одичавшихъ въ рабствѣ, и у народовъ, совратившихся съ пути чловѣчества, изолировавшихся или заключившихся въ своей средѣ, и продолжавшихъ все болѣе и болѣе отставать на пути цивилизаціи. Упадокъ ума и сердца велъ необходимо къ упадку религіи, къ суевѣрію, къ вѣрованію въ магическую силу амулетовъ и талисмановъ, въ таинственную силу словъ и т. д. Чловѣкъ необразованный, дикій, любитъ таинственное и всюду ищетъ знаковъ гнѣва или благоволенія невидимыхъ духовъ. Онъ запутался въ чувственномъ мірѣ и удержалъ только не ясную тѣнь идеи Безконечнаго. Онъ преклонился предъ самыми грубыми произведеніями природы, надѣливъ ихъ божественными свойствами. Идолопоклонство, наконецъ, встрѣчается обыкновенно вмѣстѣ съ многобожіемъ.

Мы останавливаемся предъ явленіемъ христіанства, которымъ начинается для человѣчества новая эра. Христіанская религія организуется сначала среди устарѣвшихъ и одряхлѣвшихъ, потомъ среди неразвитыхъ зачинающихся народностей, которыя однакожь показали живое чувство къ небесной истинѣ Вѣры и впоследствии стали ея вѣрными хранителями и защитниками. Съ явленіемъ на землѣ христіанства повсюду низпровергается идолопоклонство и многобожіе. Божественная вѣра въ единого Бога, исповѣдымаго въ трехъ лицахъ, приобрѣтаетъ прочную силу и распространяется на землѣ отъ одного конца міра до другаго. Идолопоклонство остается только въ странахъ, удаленныхъ отъ общаго движенія новой жизни, и у народовъ, замкнувшихся и дремлющихъ въ покоѣ непонятнаго самодовольства отжившими формами жизни.

Изъ этого бѣлаго очерка историческаго хода религіозной идеи открывается, что религія существовала и существуетъ, въ той или другой формѣ, у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи, у всѣхъ человѣческихъ племенъ. Она есть фактъ всеобщій и постоянный, слѣдовательно законъ исторіи. Этотъ фактъ доказываетъ, что религія естественна въ человѣкѣ, или, что она составляетъ элементъ его природы въ такомъ же и еще большемъ значеніи, какъ наука, искусство и право. Учрежденіе, которое представляется неотдѣлимимъ отъ человѣчества, не можетъ быть результатомъ предубѣжденія, произведеніемъ касты, семейства или воспитанія. Предубѣжденіе можетъ конечно продолжаться въ теченіе вѣковъ: но мы говоримъ о самой религіи, которая также древняя, какъ и человѣчество. Культы преобразуются, заблужденія разсѣваются, но религія остается. То, что

существуетъ вездѣ и всегда, независимо отъ національныхъ особенностей и климатическихъ вліяній, у народовъ, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ названо предубѣжденіемъ; оно есть требованіе человѣческой природы. Предубѣжденіе получаетъ свое происхожденіе въ известномъ мѣстѣ, въ какую нибудь опредѣленную эпоху и опирается на фактъ предшествующемъ; но кто можетъ указать мѣстное происхожденіе религіи и сказать, какому обстоятельству она обязана своимъ происхожденіемъ? Гипотезы относительно этого предмета, какъ на примѣръ страхъ предъ грозою, боязнь смерти, не выдерживаютъ серьезной критики и ничего не отнимаютъ у древности религіи. Приверженцы натурализма обыкновенно утверждаютъ, что религія есть предразсудокъ; но не достаточно словъ, нужны факты для доказательства этого мнѣнія; фактовъ нѣтъ, и задача такимъ образомъ остается нерѣшенной. Здѣсь возможна слѣдующая дилемма: религія есть учрежденіе или человѣческое или божеское; если она обязана своимъ происхожденіемъ человѣку, то она не была предразсудкомъ для тѣхъ, которые основали ее, и слѣдовательно нужно объяснить ея существованіе; если же религія имѣетъ свое происхожденіе отъ Бога, то она должна быть въ гармоніи съ нашей природою, а безъ этого условія она не могла бы ни быть дарована человѣку, ни удержаться въ человѣчествѣ.

Однакожъ противники упорствуютъ. Ссылаясь на частные примѣры, между образованными людьми, утверждаютъ, что религія хотя и имѣетъ свое основаніе въ прошедшемъ, хотя и составляетъ благо для народа, должна однакожъ исчезнуть въ будущемъ при распростра-

неніи образованія, потому что она составляет только случайную и переходную фазу обнаруженій челоѣвческаго разума. Мы не будем спорить противъ личностей. Можетъ быть есть нѣкоторые мыслители, которые испречно отрицаютъ бытіе Бога, но мы не знаемъ состоянія ихъ души, посылковъ ихъ размышленій, хода ихъ логическаго развитія и часто смысла ихъ заключеній; можетъ быть онѣ составляютъ тайну и для нихъ самихъ, и могутъ быть игрою какой нибудь иллюзіи, нелѣпностію, выведенною изъ двусмысленнаго положенія или плодомъ неполнаго и ложнаго метода. Сколько людей, превратно толкующихъ о метафизикѣ, потому только, что имъ попалась въ руки книга, заключающая философскій вопросъ! Ничего не смысла въ области науки, онъ самоувѣренно судятъ съ видомъ знатока. Что же изъ этого слѣдуетъ заключить? То ли, что философія вздоръ? Или скорѣе то, что судящій такимъ образомъ невѣжда? Подобное же случилось и съ религіозными вопросами. Нѣкоторые люди воображаютъ себѣ, что они отрицаютъ Бога, отрицая зло, на томъ основаніи, что нѣкогда приписывали Провидѣнію дѣйствія злаго начала. Другіе воображаютъ себѣ, что они отвергаютъ религію, отрицая какой нибудь обрядъ.—Мы не доврѣемся этимъ утвержденіямъ и не легко вѣримъ атеизму, потому что въ основѣ этихъ неправильныхъ предположеній лежитъ иногда наприязъ, манія, страсть къ оригинальности, часто прихоть сердца, протестъ на несправедливость судьбы, вообще всегда почти ненормальное психологическое состояніе. Равнымъ образомъ, материалисты, утверждая, что духъ есть только существо, одаренное чувственностію, приближаются къ отрицанію Бога; но вѣдь отрицать разумность можно при посредствѣ разума же.

— Частное заблужденіе ничего не доказываетъ. Должно вопрошать самую природу человѣка, а не мнѣніе, для того, чтобы знать, составляетъ-ли религія естественное и неразрушаемое явленіе, должна-ли она сохраниться въ послѣдствіи или сдѣлаться съ чистой наукой, интересуетъ-ли она только одинъ классъ—неученое большинство, или всѣ классы общества. Мы объяснимъ эту точку зрѣнія.

Идея, выраженная въ природѣ человѣка, разсматриваемаго съ двойной точки зрѣнія духа и тѣла, есть совершенно иная, нежели та, которая отражается въ природѣ животнаго. Животное царство представляетъ разнообразіе возможныхъ на земномъ шарѣ соотношеній между органами и системами жизни. Но эти соотношенія представляютъ всегда выдающуюся сторону, элементъ, преобладающій надъ остальными, слѣдовательно относительныя излишество и недостатокъ. Животное въ этомъ отношеніи есть существо неполное, исключительное, безъ равновѣсія,—организмъ, который есть и остается неоконченнымъ, гдѣ точное соотношеніе между орудіями жизни не обнаруживается ни въ какомъ возрастѣ. Идея равновѣсія и гармоніи осуществляется въ полномъ развитіи способностей и силъ только въ чело-вѣчествѣ, между разумными существами.

Съ физической точки зрѣнія различаютъ въ животномъ двѣ сферы жизни: жизнь растительную, централизованную въ туловищѣ, назначенную къ сохраненію недѣлимаго и рода, снабженную совокупностію органовъ, служащихъ образованію, обращенію и переработкѣ крови, и жизнь животную, централизованную въ головѣ и назначенную для активныхъ и пассивныхъ отношеній недѣлимаго къ внѣшнему міру. Первая равно принад-

лежать, въ своихъ отправленіяхъ, животному и растенію, вторая принадлежитъ собственно животному и обнаруживаетъ высшую силу въ проявленіяхъ жизни. Эта же противоположность выражается ясно въ противоположности головы и туловища, мозга и сердца, шарики и клеточки. Она развивается въ животномъ царствѣ неравномерно, раздѣляя все царство на два постоянныя развѣтвленія, одно, характеризующееся преобладаніемъ органовъ мозговой жизни; другое—преобладаніемъ органовъ жизни растительной. Этому раздѣленію соответствуютъ позвоночныя и беспозвоночныя животныя Кювье. Ни тѣ, ни другія не владѣютъ, въ совершенномъ равенствѣ, совокупностію отправленій жизни. Но прежде чѣмъ эти два типа обрисовываются въ ихъ противоположности, мы находимъ еще вѣтвь, характеризующуюся состояніемъ неопредѣленности, отсутствіемъ всякаго развитія въ жизни животной и растительной. Эти животныя представляютъ типъ ийца, гдѣ ничто не обнаруживается раздѣльно и опредѣленно. Таковы суть инфузоріи, зооциты, и прочія:

Эти три вѣтви животнаго царства, образованныя каждая по различному идеалу организаціи, называются у нѣкоторыхъ естествоиспытателей (напр. у Каруса) особенными именами: животныя въ зачаточномъ состояніи, животныя съ преобладающимъ развитіемъ туловища и животныя съ преобладающимъ развитіемъ головы. Первые составляютъ только одинъ классъ, вторыя—два, и послѣднія—четыре. Дѣйствительно состояніе неопредѣленности не даетъ мѣста членораздѣльности. Жизнь растительная представляетъ два противоположные вида, противоположность живота и груди, органовъ питанія и рожденія съ одной стороны, а съ другой органовъ ды-

ханія, вросообращенія и грудныхъ членовъ. Отсюда два класса животныхъ брюхастыхъ и пресмыкающихся; и животныхъ дышащихъ легкими и членистыхъ: моллюски и суставчатия Кювье. Въ организации этихъ существъ нѣтъ гармоніи. Наконецъ, и животные характеризующіеся преобладаніемъ органовъ жизни, назнеченныхъ въ активнымъ или пассивнымъ отношеніемъ недѣляемо къ вѣншему міру, — мускульною силою, нервною централизацией и развитіемъ позвоночнаго хребта, — и эти животные также представляютъ несовершенныя типы, безъ надлежащей гармоніи. И здѣсь повторяются предыдущія дѣленія, только съ вышнимъ превосходствомъ: рыбы повторяютъ инфузорій, жабы повторяютъ моллюсковъ, назѣомныя птицъ; млекопитающіе суть представители этого отдѣла. Каждый изъ этихъ классовъ подраздѣляется снова и производитъ тѣже типы въ видахъ всегда различныхъ и всегда исключительныхъ. Соотношенія умножаются и запутываются, но законъ ихъ образованія остается неизмѣннымъ.

Такимъ образомъ, животное царство развивается въ восходящихъ порядкахъ, которые населяютъ воду, землю и воздухъ; эти порядки многочисленны, устроены по различнымъ несовмѣстимымъ планамъ и замѣняются множествомъ типовъ; но они не составляютъ послѣдовательныхъ степеней одной и той же лѣстницы. Царство животныхъ образуетъ собою цѣлый органическій міръ, части или органы котораго получили отдѣльное развитіе въ равныхъ классахъ; или отвлеченія котораго раздѣлены и достались каждому по частямъ, какъ въ частическомъ устройствѣ. Каждый классъ, каждый родъ, каждый видъ представляютъ животное царство только съ исключительной и

опредѣленной точки зрѣнія. Никакое животное не владѣетъ совокупностію органовъ и отправлений жизни въ состояніи совершеннаго развитія и полнаго равновѣсія. Это преимущество принадлежитъ только человѣку и опредѣляетъ его положеніе въ природѣ, внѣ круга животнаго царства. Человѣкъ, дѣйствительно, не подходитъ ни подъ одинъ отдѣлъ животнаго царства, онъ совмѣщаетъ и завершаетъ ихъ всѣ разомъ, потому что онъ соединяетъ въ себѣ одною всѣ или частныя совершенства, развитыя, благодаря господствующему преобладанію однихъ надъ другими, что и дѣлаетъ ихъ исключительными явленіями; онъ воспроизводитъ въ единствѣ все разнообразіе системъ и типовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ зоологическимъ видамъ. По отношенію къ семи классамъ животнаго царства онъ есть тоже, что бѣлый лучъ въ семи цвѣтахъ солнечнаго спектра. Царство животное представляетъ только разсѣянные лучи, происходящіе отъ раздробленности человѣческаго типа. Человѣкъ есть вполне законченное, гармоническое существо въ созданіи, *макрокосмосъ*, живой образъ, въ которомъ трудъ органической природы концентрируется во всей своей силѣ, обнаруживается во всей своей свободѣ и развивается во всею своимъ богатствѣ. Если тѣло животнаго имѣетъ нѣкоторую гармонию, потому что оно представляетъ идею организаціи подъ многочисленными и разнообразными видами, то тѣло человѣка представляетъ совершеннѣйшую организацію, потому что оно осуществляетъ типъ организма со всѣхъ его сторонъ, во всею его земномъ совершенствѣ. И какъ полная и цѣлая гармонія нераздѣлима, такъ и человѣчскій родъ не раздѣляется болѣе на отдѣльныя и постоянныя виды: человѣчество одно и каждый человѣкъ есть

представитель цѣлаго вида. Отъ состоянія равновѣсія всѣхъ органовъ происходятъ какъ внѣшній характеръ— вертикальное положеніе человѣческаго тѣла, такъ и анатомическіе признаки,— совершенное развитіе нервной и чувствительной системъ, высшее развитіе организаци, законченность внѣшняго покрова — кожи, которая покрываетъ и соединяетъ всѣ части организма равнымъ образомъ, и характеръ отношенія его къ внѣшнему міру, относительная независимость человѣка отъ времени и пространства, или способность исполнять во всѣ времена главные акты жизни и занимать всю поверхность земнаго шара. Эмбриологія и Психологія подтверждаютъ это понятіе о человѣческой организаци, показывая, что человѣкъ, въ послѣдовательномъ преемствѣ своихъ возрастовъ, проходитъ фазы, характеризующія основные типы животнаго царства, съ такимъ совершенствомъ, которое ставитъ его во главѣ каждаго частнаго класса. Метафизика, наконецъ, доказываетъ великую идею микрокосмоса, идею, которая была часто предчувствуема философами и на которой основывается истинное понятіе о человѣкѣ и его положеніи въ мірѣ.

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ.

Serbien und die Serben, von Rev. W. Denton m. el Berlin 1865 (Сербія и Сербы. Соч. Доктора, священника англиканской церкви. Берлинъ 1865 г.)

Въ послѣднее время православная восточная церковь сдѣлалась предметомъ внимательнаго изученія со стороны западныхъ ученыхъ. Ея прошедшая, настоящая и будущая судьба занимаетъ ихъ теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь. Причинъ тому очень много и онѣ очень разнообразны. Но здѣсь не мѣсто разбирать ихъ. Мы будемъ имѣть дѣло пока съ результатами заявленнаго нами факта. Эти результаты у насъ предъ глазами въ формѣ многочисленныхъ большихъ и малыхъ сочиненій, равно какъ и журнальныхъ статей, въ которыхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія разсматриваются разные вопросы, относящіеся къ прошедшей и настоящей церковной жизни православнаго востока. Между этими сочиненіями мы должны отмѣтить *Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident von den ersten Anfängen bis zur jüngsten Gegenwart, von D-r Pichler* (1). *Verfassung und gegenwärtigen Bestand säm-*

(1) Исторія раздѣленія между восточною и западною церквами отъ самаго начала до послѣдняго времени, соч. док. Пихлера. До сихъ поръ вышло два тома (одинъ въ 1864. другой въ 1865 г.) Третій томъ, въ которомъ авторъ предположилъ разобрать различныя теоріи папской власти, по всей вѣроятности, не появится въ печати, пот. что вышедшіе до сего томы попали уже въ *index librorum prohibitorum* въ Римѣ и авторъ смиренно подчинился рѣшенію конгрегаціи — *cardabiliter se subiecit*.

mtlicher Kirchen des Orients. Eine canonistisch-statistische Abhandlung von D-r *Isidor Silbernagl*, Professor des Kirchenrechts. Landshut. 1865 (1). *Will*, Acta et scripta, quae de controversiis Ecclesiae Graecae et Latinae saec. XI composita extant... Marburgi. 1861 (2). Умалчиваемъ о многихъ другихъ менѣ важныхъ сочиненіяхъ о восточной церкви, вышедшихъ въ свѣтъ въ послѣднія десять лѣтъ какъ въ Германіи, такъ и во Франціи. Но первое мѣсто въ ряду западныхъ ученыхъ, посвящающихъ свое время и трудъ изученію восточной церкви, до сихъ поръ принадлежитъ англійскимъ ученымъ. Не перечисляя множества монографій, очерковъ, путешествій по востоку и другихъ сочиненій, вышедшихъ изъ-подъ пера англійскихъ миссіонеровъ на востокъ, равно какъ и другихъ ученыхъ англичанъ, достаточно указать на такія капитальныя сочиненія, какъ исторія св. восточной церкви докт. Нила (3) и чтенія о восточной церкви докт. Стэнли, (4) чтобы убѣдиться въ этомъ. Къ числу этихъ сочиненій относится и та книга, заглавіе которой выставлено нами въ началѣ нашей статьи. Книга эта принадлежитъ извѣстному путешественнику по востоку, священнику англиканской церкви Дантону (5). Впервые она явилась въ свѣтъ въ

(1) Устройство и современное состояніе всѣхъ восточныхъ церквей— историко-статистическій очеркъ докт. Зирбернагла, профессора церковнаго права. Дандагутъ 1865 г.

(2) Акты и сочиненія, какія только существуютъ, относительно взаимныхъ споровъ между греческою и латинскою церквами въ XI в. собр. Виллемъ. Марбургъ 1861 г.

(3) *Neale*, A history of the holy eastern church. London 1850.

(4) *Lectures on the history of the eastern church by Stanley*. London 1862.

(5) Русская читающая публика знакома съ именемъ г. Дантона по переводу его сочиненія о состояніи христіанъ въ Турціи, напечатанному въ Русскомъ Вѣстникѣ 1863 г. кн. X, XI.

1862 г. въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ. Въ текущемъ году вышелъ ея нѣмецкій переводъ, сдѣланный пасторомъ бѣлградской евангелико-нѣмецкой общины, докт. Кольномъ. Переводчикъ, живущій уже 6 лѣтъ въ Бѣлградѣ, присоединилъ къ своему переводу довольно много примѣчаній, имѣющихъ цѣлью дополнить книгу г. Дантона подробностями, которыми самъ авторъ, пробывшій въ Сербіи всего полгода, не могъ снабдить ее. Это послѣднее обстоятельство должно придать переводу г. Кольна особенное значеніе, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ его нѣмецкихъ читателей, такъ какъ его примѣчанія касаются большею частію подробностей православнаго богослуженія, очень хорошо извѣстныхъ православному читателямъ и безъ этихъ примѣчаній, но которыя для нѣмцевъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ интересъ новости. Въ своей книгѣ авторъ не ограничивается однимъ церковнымъ бытомъ Сербіи. Его планъ гораздо шире. Въ него входятъ и географія и этнографія и статистика страны и ея прошедшая исторія (краткая) и ея современный государственный и общественный бытъ и отношенія ея къ европейскимъ державамъ. Весь этотъ матеріалъ раздѣленъ у автора на 14 главъ (довольно впрочемъ произвольно) (1). Само

(1) Въ 1-ой главѣ, подраздѣляющейся на 2 §, помѣщена краткая географія и исторія (прошедшая) страны; во II—путешествіе автора по Венгрии на пути въ Сербію; въ III—описаніе Бѣлграда; въ IV—описаніе сербской церковной архитектуры; въ V — кафедральнаго собора бѣлградскаго и богослуженія сербской церкви; въ VII—сербской іерархіи, въ VI путешествія по Дунаю, въ VIII, IX, X, и XI—путешествія по разнымъ городамъ Сербіи, переимѣннаго замѣтками о церквахъ, монастыряхъ, остаткахъ древности, встрѣчахъ и разговорахъ съ сербскими епископами, монахами и священниками и пр.; въ XII описывается политическое устройство сербскаго княжества и отношеніе его къ великимъ державамъ; въ XIII бомбардированіе Бѣлграда 17 іюня 1862 г.;

собою разумѣется, что мы не можемъ касаться содержания всѣхъ этихъ главъ. Характеръ нашего журнала позволяетъ намъ остановиться только на тѣхъ главахъ книги, которыя исключительно посвящены Сербской церкви. Разсматриваемая съ этой стороны, книга представляетъ довольно много любопытныхъ свѣдѣній объ іерархіи и административныхъ порядкахъ сербской церкви, ея богослуженіи, храмахъ, духовенствѣ, средствахъ къ ея содержанию и пр. Всѣ эти свѣдѣнія ужь по тому одному заслуживаютъ изложенія на страницахъ Христіанскаго Чтенія, что для большинства православныхъ читателей они имѣютъ интересъ новости, тѣмъ болѣе дорогой, что дѣло идетъ о Церкви не только единовѣрной, но и единокровной намъ, которая во время своего процвѣтанія радушно дѣлилась съ нашими предками и своими лучшими людьми и лучшими произведеніями своего ума и знаній. Но прослѣдить всѣ эти свѣдѣнія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги автора въ случайномъ порядкѣ, было бы слишкомъ утомительно и не давало бы нашимъ читателямъ возможности обнять современный бытъ православной сербской церкви въ ея цѣлости, и потому они войдутъ въ нашу статью какъ матеріалъ, который мы будемъ пополнять свободно изъ другихъ извѣстныхъ намъ источниковъ. Наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы дать читателямъ возможно-обстоятельный очеркъ современнаго состоянія сербской церкви. Критическія и полемическія цѣли по отношенію къ книгѣ автора мы устраняемъ,

въ XIV открытіе скупщины (народнаго собранія) 16/3, августа 1864 г. княземъ Михаиломъ. Въ заключеніе приложена переводчикомъ краткая записка о современномъ состояніи вѣнецко-евангелической общины въ Бѣлградѣ.

какъ бесполезныя. Не многія критическія замѣтки, которыя нужно, по существу дѣла, будетъ сдѣлать, мы помѣстимъ въ примѣчаніяхъ.

I.

Во главѣ православной сербской церкви стоитъ митрополитъ, избираемый сербскими епископами совместно съ княземъ и утверждаемый въ своемъ санѣ константинопольскимъ патриархомъ (1). Въ настоящее время это мѣсто занимаетъ достойнѣйшій изъ сербскихъ архипастырей митрополитъ Михайль (2), воспитанникъ

(1) *Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämtlicher Kirchen des Orients, von D-r Silbernagl 1865. S. 154.*

(2) Въ книгѣ г. Дантона посвящено нѣсколько страницъ сербскому владыкѣ. Съ этихъ страницъ портретъ преосвященнаго выступаетъ со всею яркостью живыхъ красокъ. На второй день по прибытіи своемъ въ Бѣлградъ, авторъ счелъ своимъ долгомъ представиться къ первому іерарху сербской церкви и съ особенною любовію останавливается на воспоминаніяхъ объ этомъ посѣщеніи. „Меня съ моимъ чичероне (сербомъ, обязательно предложившимъ нашему автору свои услуги для ознакомленія съ страной еще во время его путешествія по Венгріи на пути въ Сербію) ввели въ пріемную архіепископа (митрополита), очень скромную комнату, единственнымъ украшеніемъ которой служилъ портретъ (Portrait, вѣроятно, св. икона. Протестанты плохо различаютъ портреты и иконы) національнаго сербскаго святаго, князя-архіепископа Саввы. Нѣсколько минутъ спустя вышелъ архіепископъ и повелъ насъ во внутреннюю комнату, которая по своей величинѣ и убранству была, по видимому, парадною комнатою, съ прозною, хотя и простою мебелью, т. е. диваномъ, надъ которымъ висѣло изображение Распятіа, и большимъ количествомъ стульевъ по обѣимъ сторонамъ вдоль стѣны“.

„Опустившись на диванъ, архіепископъ попросилъ меня занять мѣсто съ боку. Послѣ обычныхъ привѣтствій явился по звонку служитель *mit Slatko* (съ сладостями) и холодной водой, — что оказалось принятымъ въ странѣ угощеніемъ. За три года тому назадъ (отъ 1862 г.) нынѣшній митрополитъ сербскій былъ епископомъ шабацкимъ. Теперь ему около 40 лѣтъ — возрастъ очень молодой для его сана — но выраженіе его лица обнаруживаетъ умъ и большую доброту. Его обращеніе тонко и привѣтливо: его умъ не держатъ себя съ достоинствомъ вполне со-

киевской Духовной Академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ отвѣтствують занимаемому имъ мѣсту председателя (Leiter) сербской церкви, такъ что мнѣ рѣдко случалось выносить болѣе пріятное впечатлѣніе съ визита, продолжавшагося такъ не долго. Архіепископъ былъ въ обыкновенной круглой шляпѣ безъ полей (замилавка. Но что разумѣеть авторъ подѣ шолковой перевязью? Не воскрялія ли клобука?) съ широкой шолковой перевязью (Balde). Этотъ головной уборъ составляетъ отличительный признакъ высшихъ сановниковъ восточной церкви, такъ что они имѣютъ право не снимать его и въ комнатѣ. Кромѣ того онъ былъ одѣтъ въ длинную обложенную пурпуромъ и перехваченную широкимъ поясомъ одежду. На груди у него висѣлъ на золотой цѣпи крестъ изъ голубой эмали, на которой было сдѣлано очень красивое изображеніе Распятаго. Во все продолженіе нашего разговора онъ держалъ въ своихъ рукахъ обыкновенную цѣпочку изъ перламутровъ. (Чотки)...

„Архіепископъ началъ съ того, что изъявилъ свое удовольствіе по случаю посѣщенія англійскаго духовнаго лица, такъ какъ онъ съ особеннымъ интересомъ слѣдитъ за англійскою церковью, и при этомъ упомянулъ о томъ, какъ много восточная церковь обязана литературнымъ трудамъ англійскихъ духовныхъ. Не задолго предѣ тѣмъ онъ читалъ лекціи каноника Стэнли о Восточной Церкви (вѣроятно, въ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ русскими журналами;—замѣтка самого автора) и узнавалъ, что докт. Ниль написалъ много сочиненій объ исторіи и обрядахъ этой церкви, но къ сожалѣнію ему не удалось ихъ видѣть. Когда я изъявилъ надежду, что возрастающее знакомство англійскихъ духовныхъ съ православною церковью поведетъ къ тѣсному сближенію и большому вышнему единенію, то архіепископъ отвѣтилъ на это, что онъ каждый день молится о соединеніи Божіихъ церквей и надѣется, что Господь въ свое время совершитъ это. Затѣмъ онъ перешелъ къ англійской церкви и при этомъ обнаружилъ полное знакомство съ ея разностями сравнительно съ другими протестантскими обществами континентальной Европы — реформатскимъ и лютеранскимъ. Онъ охотно отвѣчалъ мнѣ на разные вопросы, которые я предложилъ ему въ видахъ уясненія для себя нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ мнѣ частныхъ (вѣроятно въ ученіи и дисциплинѣ сербской церкви), и самъ съ своей стороны съ большимъ интересомъ спрашивалъ меня относительно практики англиканской церкви и различныхъ ея обрядовъ.

„Затѣмъ архіепископъ повелѣ меня чрезъ палату (Palats) въ комнату, въ которой происходятъ засѣданія епархіальныхъ (консистоіи) и провинціальныхъ синодовъ и объявилъ мнѣ, что одинъ изъ такихъ синодовъ будетъ имѣть здѣсь мѣсто чрезъ нѣсколько дней. Самая небольшая крестовая церковь (Miniatur-Kirche Privat-capelle), находящаяся по среди дворца, съ иконостасомъ между алтаремъ и хоромъ, заключила наше обзорніе. Такъ какъ алтарь во всѣхъ православныхъ

1853-мъ году въ числѣ лучшихъ ея воспитанниковъ (1). Каедрa митрополита находится въ Бѣлградѣ. По регламенту 1839 г. митрополиту въ помощь при управленіи епархіальными дѣлами приданъ одинъ викарій (2), одинъ протопресвитеръ и одинъ пресвитеръ. Управление дѣлами всей сербской церкви лежитъ на помѣстномъ митрополитанскомъ соборѣ, который составляется изъ всѣхъ епископовъ сербской церкви. Между другими дѣлами къ вѣдѣнію его принадлежатъ всѣ брачныя дѣла и дѣла по жалобамъ на митрополита. Засѣданія собора назначаются по мѣрѣ надобности. Мѣстомъ ихъ служитъ одна изъ комнатъ митрополичьяго двorca.

церквахъ исключительно предназначается для духовенства и по правилу недоступенъ для другихъ; то я сомнѣвался, дозволить ли архіепископъ священнику другой церкви войти въ него. При всемъ томъ онъ обвелъ меня вокругъ олтара и показалъ его внутреннее расположеніе — жертвенникъ и престолъ. Въ самой церкви было два сѣдалища — одно для князя, если бы онъ вздумалъ побывать въ ней, а другое для архіепископа. Когда мы оставили церковь и снова возвратились въ приемную, архіепископъ на прощаньи далъ мнѣ свое благословеніе. Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ въ щеку, положилъ свою руку на мою голову, трижды перекрестилъ меня и произнесъ торжественное слово благословенія. Когда я, протянувши ему свою руку, намѣревался удалиться, онъ еще разъ въ тѣхъ же выраженіяхъ повторилъ мнѣ, что посѣщеніе англійскаго духовнаго лица доставило ему большое удовольствіе, и что онъ чрезвычайно интересуется церковью, которой я служу.“ Стр. 89—93.

(1) Нашъ авторъ ошибочно говоритъ, что сербскій митрополитъ воспитывался въ одномъ изъ русскихъ монастырей. Стр. 99. Въ настоящее время митрополитъ, какъ мы слышали, занятъ сочиненіемъ исторіи сербской церкви. Этотъ трудъ, достойный своего автора, долженъ пополнять одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ въ исторіи славянскихъ церквей.

(2) Г. Дантонъ о викаріи митрополита не упоминаетъ, при перечисленіи епископовъ сербской церкви; а вмѣсто того говоритъ о протоіерей (обыкновеннѣе онъ называется протосинкеломъ) и архидіаконѣ, которые служатъ законными помощниками (assistanten) при управленіи епархіею для всѣхъ сербскихъ епископовъ. Стр. 98.

Въ настоящее время сербскою церковью управляютъ четыре архіерея — архіепископъ бѣлградскій Михаилъ, онъ же и митрополитъ, — и три епископа: Гавриилъ шабацкій, Герасимъ неготинскій и Іоаннигій ушницкій. Каедрa послѣдняго находится въ Карановацѣ (1).

Когда какая нибудь архіерейская каедрa дѣлается вакантною, то епископы прежде всего назначаютъ въ нее администратора и потомъ приступаютъ къ выбору новаго епископа. О сдѣланномъ выборѣ сообщается князю для утвержденія и патриарху константинопольскому къ свѣдѣнію (2). Вновь избранный епископъ хиротонисуется митрополитомъ съ участіемъ другихъ архіереевъ.

Власть епархіальныхъ архіереевъ ограничивается чисто духовными дѣлами. По вопросамъ финансовымъ и внѣшне-административнымъ всѣ церкви и церковныя заведенія находятся въ свѣдѣніи министра юстиціи, который и дѣлаетъ всѣ относящіяся къ нимъ распоряженія по соглашенію съ церковными старостами (3).

Доходы митрополита состоятъ: а) въ жалованьѣ отъ правительства (4), б) въ разныхъ сборахъ, опредѣлен-

(1) *Serbien und die Serben.* стр. 97.

(2) Такъ говоритъ нашъ авторъ (стр. 97) и мы должны ему вѣрить, потому что, по его словамъ, всѣ сообщаемыя имъ подробности о церковныхъ порядкахъ въ Сербіи онъ узналъ лично отъ епископа шабацкаго (стр. 222). Когда измѣненъ порядокъ, утвержденный конституціею 10/12 декабря 1838 г. мы не знаемъ; а онъ былъ таковъ: кандидата на праздное архіерейское мѣсто избиралъ народъ той епархіи вождь наблюдениемъ министра юстиціи; избранный кандидатъ получалъ хиротонію отъ митрополита, а утвержденіе отъ константинопольскаго патриарха. Чл. 20.

(3) Чл. 22, 57 конституціи 16/12 декабря 1838 г.

(4) По словамъ вашего автора митрополитъ получаетъ годоваго жалованья 2.000 дукатовъ (около 6000 р.). По регламенту 1839 г. 6000 флор. или 15.000 франковъ (5000 р. с. полагаи по 3 франка на 1 рубль).

ныхъ закономъ въ видѣ субсидій къ жалованью, какъ то: за посвященіе въ священныя степени, за ставленническія грамоты, за антиминсы, за освященіе церквей и под. Кромѣ того митрополичій домъ владѣеть значительными виноградниками близъ Семендрии ⁽¹⁾.

Годовое жалованье сербскихъ епископовъ состоитъ изъ 1000 дунатовъ ⁽²⁾ каждому. Кромѣ того каждый епископъ за рукоположеніе во священника получаетъ по правилу 50 піастровъ ⁽³⁾, за ставленническую грамоту столько же, за антиминсъ 12 піастровъ ⁽⁴⁾, за освященіе церкви (т. е. когда лично совершаетъ обрядъ освященія) 100 піастровъ ⁽⁵⁾, за обрядъ погребенія по соглашенію съ родственниками умершаго. Всѣ остальные поборы, перешедшіе въ сербскую церковь изъ константинопольской, съ 1822 г. превращены. Впрочемъ добровольныя приношенія, въ какой-бы формѣ и объемѣ они ни были, не запрещаются. На всѣ эти, опредѣленные закономъ и случайные, доходы епархіальные архіереи должны содержать своихъ протосинкелловъ, архидиаконовъ и секретарей ⁽⁶⁾.

Каждая епархія раздѣляется на 3 и до 6 протопопій, сообразно съ гражданскимъ раздѣленіемъ Сербіи на 17 округовъ. Каждый епископъ долженъ ежегодно обзрѣвать какую нибудь протопопію, такъ что полный об-

(1) *Verfassung und gegenwärtiger Bestand sämtlicher Kirchen des Orients*. Стр. 155.

(2) *Serbien und die Serben*, стр. 97. По регламенту 1839 г. 10,000 фр. (3.330 р. сер.): Жалованье сербскимъ епископамъ выдается изъ суммъ правительства въ видѣ вознагражденія за старинныя имѣнія архіерейскихъ домовъ, конфискованныя турками во время ихъ владычества въ Сербіи.

(3) 3 руб., полагая піастръ по 6 к. сер.

(4) 72 к. сер.

(5) *Verfassung und gegenwärtiger Bestand...* Стр. 156.

(6) *Verfassung und gegenwärtiger Bestand...* Стр. 156.

зорь всей епархіи совершается въ такое же число лѣтъ, сколько въ епархіи находится протопопій (1).

Авторъ насчитываетъ во всѣхъ сербскихъ епархіяхъ 656 членовъ блага духовенства (2). У Зильбернагла число ихъ восходитъ до 900 (3). Бѣлое духовенство по городамъ получаетъ опредѣленное содержаніе; сельское содержится исключительно случайными доходами (4). По регламенту 1825 г. утверждена слѣдующая такса за совершаемыя священниками требы: за крещеніе 1 піастръ и кромѣ того два пара (5) отъ воспріемника, за вѣчаніе въ первой бракъ 3 піастра (18 к. сер.) во второй 6 (36 к.), въ третій 8 (48 к.); за елеосвященіе отъ 3 до 6 піастровъ, смотря по состоянію лица; за погребеніе богатаго 10 піастровъ (60 к.), не очень бѣднаго 5, за младенца 2 піастра; за молитву родильницъ 10 пара; за сорокоустъ 20 пара; за поминовеніе (давпоумершаго) въ теченіе цѣлаго года 1 піастръ 20 пара; за поминовеніе въ теченіе того же времени новопреставленнаго 1 піастръ; за освященіе воды въ началѣ мѣсяца (6) 12 пара и столько же за ладанъ; за полный молебень 2 піастра, за краткій 20 пара. Кромѣ того сельскій священникъ съ каждаго семейства въ своемъ приходѣ получаетъ ежегодно по 12 ока зерноваго хлѣба (обыкновеннаго маиса); городскимъ

(1) Serbien und die Serben. стр. 98.

(2) Ibid.

(3) Verfassung und gegenwärtiger Bestand... стр. 156.

(4) Ibid.

(5) Малая серебряная монета—меньше нашей $\frac{1}{4}$ коп. сер.

(6) Во всѣхъ православныхъ церквахъ на востокѣ есть обычай въ началѣ каждаго мѣсяца совершать въ церкви освященіе воды (*ἀγιασμα*). При чемъ прихожане въ различныхъ мѣстахъ жертвуютъ въ пользу причта разныя лепты. См. *Maurer. Des griechische Volk. S. 407.*

священникамъ вмѣсто того каждое семейство платитъ по 1 пастру и 20 пара.

Нѣкоторыя приходскія церкви владѣютъ недвижимою собственностью (состоящею въ поляхъ, лугахъ, лѣсахъ), по словамъ автора ⁽¹⁾, довольно цѣнною. Цѣнность ея должна со временемъ возрасти еще болѣе вмѣстѣ съ успѣхами земледѣлія. Но большая часть сельскихъ приходоу въ Сербіи очень бѣдны, особенно тѣ, въ которыхъ половина прихожанъ состоитъ изъ валаховъ. По разности нарѣчій та и другая половина принуждена бываетъ содержать своего священника и свою церковь, такъ что общія средства цѣлаго прихода, которыя могли бы доставить безбѣдное существованіе одному священнику и поддерживать въ приличномъ видѣ одинъ храмъ, раздѣляясь пополамъ, оказываются слишкомъ скудными для того и другого ⁽²⁾.

⁽¹⁾ стр. 98.

⁽²⁾ Serbien und die Serben 107—108. У Дантона мы находимъ слѣдующее интересное описаніе валашской церкви: „маленькая валашская церковь (32 фута въ длину и 21 футъ въ ширину) въ этомъ мѣстѣ (въ деревнѣ Добра) можетъ служить образцомъ всѣхъ сельскихъ валашскихъ церквей въ Сербіи. Она стоитъ среди домовъ деревни, и если бы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея не было колокольни и если бы на ней были тѣ же удрашенія, которыя встрѣчаются на деревенскихъ домахъ, то ея не отличить бы отъ окружающихъ ее домовъ. Полъ въ ней глиняный, крыша состоитъ изъ дубовой коры, какъ и на всѣхъ деревенскихъ избахъ, такъ что просвѣчиваетъ насквозь... Внутренность церкви вполне соответствуетъ ея вѣвшему убожеству. Простая деревянная доска, утвержденная на деревянномъ же столбѣ, служитъ престоломъ. На ней стоятъ два грязныхъ дыравыхъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами, величиною не больше тѣхъ огарковъ, которые налѣпляются на рождественскую ёлку. Священническія ризы, алтарная завѣса и напестольная одежда сдѣланы изъ дешевой цвѣтливой выбойки; два каменныхъ столбика стоятъ вмѣсто подсвѣчниковъ предъ алтаремъ; крашеная лавка, предназначенная для того, чтобы служить сидѣньемъ для епископа, и аналой для образовъ, составили единственное убранство церкви. Церковь посвящена св. Николаю, образъ котораго дважды встрѣ-

Кромѣ исполненія прямыхъ обязанностей, налагаемыхъ на священниковъ ихъ званіемъ, они ведутъ въ Сербіи, какъ и у насъ, метрическія книги.

Свое образованіе сербскія духовныя лица получаютъ въ бѣлградской духовной семинаріи. Такъ какъ низшихъ духовныхъ училищъ нѣтъ въ Сербіи, то желающіе поступить въ нее должны предварительно кончить курсъ въ четвертомъ классѣ гимназіи. Полный семинарскій курсъ продолжается четыре года. Въ составъ его входятъ слѣдующія науки: толкованіе св. писанія, библейская и общая географія, церковная и гражданская всеобщая исторія, догматика, полемическое и нравственное богословіе, гомилетика, пастырское богословіе, каноническое право, древнеславянскій и русскій языки, физика, логика, психологія, риторика и педагогика, пѣніе, счисленіе, медицина и экономія (насколько они пригодны въ положеніи священника). Желающіе получить высшее духовное образованіе должны отправляться для этого за границу. Обыкновенно таковыя поступающіе въ одну изъ нашихъ духовныхъ академій; нѣкоторые отправляются и въ Австрію (1).

Бѣлое духовенство сербское пользуется большимъ уваженіемъ въ странѣ и значительныхъ вліяніемъ на ея общественную жизнь (2).

чается въ иконостасѣ. Кромѣ обыкновенныхъ иконъ иконостасъ украшенъ еще печатными раскрашенными картинами.“ Стр. 133—134. Сербскія деревенскія церкви (по крайней мѣрѣ очень многія) не много лучше описанной. Стр. 123.

(1) По словамъ нашего автора нѣмѣцкій шабацкій епископъ получилъ свое образованіе въ Австріи. Стр. 99.

(2) Г. Дантонъ въ слѣд. словахъ передаетъ свое сужденіе о бѣломъ духовенствѣ въ Сербіи: „духовныя лица, съ которыми я встрѣчался въ Сербіи, казались мнѣ людьми заслуживающими уваженія. Ихъ брачная жизнь среди ихъ паствы даетъ имъ значительное вліяніе на всю социальную жизнь ихъ прихожанъ“. Стр. 98—99.

Монашествующее духовенство по своему образованію стоит ниже блага (1). Это зависит съ одной стороны отъ того, что оно пополняется людьми, принадлежащими большею частію къ низшимъ слоямъ общества, съ другой отъ того, что крайняя бѣдность монастырей обращаетъ большую часть времени и силъ монашествующей братіи на приобрѣтеніе себѣ средствъ къ пропитанію (обыкновенно чрезъ воздѣлываніе земли). Эта бѣдность происходитъ отъ того, что монастырскія имѣнія, отнятыя турками, не были возвращены монастырямъ послѣ освобожденія Сербіи.

Во всей Сербіи всего 126 монаховъ въ 43 монастыряхъ (2). Круглымъ числомъ приходится по 3 монаха на монастырь. И дѣйствительно, большая часть монастырей состоитъ изъ двухъ-трехъ хижинъ вокругъ убогой деревянной церкви. Г. Дантонъ видѣлъ много такихъ монастырей (3). Въ нихъ обыкновенно живетъ одинъ игуменъ или одинъ іеромонахъ съ послушникомъ. Нѣкоторые монастыри превратились въ жилища отшельниковъ, которые и живутъ тамъ по одному (4). Монахи въ такихъ убогихъ монастыряхъ исправляютъ обыкновенно должность приходскихъ священниковъ для близъ лежащихъ селеній, которыя считаютъ монастырскую церковь своею приходскою церковью (5).

(1) Этимъ обстоятельствомъ нашъ авторъ объясняетъ непопулярность монашества въ Сербіи и возбужденные тамъ (по его словамъ) толки о закрытіи монастырей. Стр. 99. О крайней бѣдности сербскихъ монастырей. См. стр. 200

(2) Стр. 98. Г. Зильбернагель тоже насчитываетъ не много больше ста монаховъ „въ многочисленныхъ“ сербскихъ монастыряхъ Стр. 156.

(3) Стр. 135, 157—160.

(4) *Verfassung und gegenwärtiger Bestand...* стр. 156.

(5) Когда служба предназначается для монаховъ, тогда послушникъ ударяетъ въ деревянное било, а когда для прихожанъ, то—въ обыкновенный колоколь.

Составъ и администрація сербскихъ монастырей—тѣ же самыя, что и въ нашихъ русскихъ монастыряхъ.

Болѣ замѣчательныя монастыри въ Сербіи: Лукова, Сарачія и Братня близъ Неготина; Думанъ близъ Голубаца; Витовица въ окрестностяхъ Кошанин, Горнякъ, Раваница у Чупримъ, бывшей резиденціи князя Лазаря; Свѣта (святая) Петка близъ Мутнишкариня; монастырь Неменикутки между Рабочево и Коратицей; Јоганица, на сѣверъ отъ Крагужеваца; Благовѣсти (Благовѣщенія пр. Богородицы); Вольгаша и св. Николая въ Драчѣ на сѣверо-западъ отъ Крагужеваца; Братчевница на восточной сторонѣ Штурацы на горѣ Рудиниѣ; Каленишъ на рѣкѣ Каленкѣ, Люботинія ⁽¹⁾ на сѣверъ отъ Черника; Свѣти-кряля (св. царя) близъ Студеницы ⁽²⁾; Колилево на истокѣ сербской Моравы, Годовигъ у южнаго устья Джетини, составляющей рукавъ Ушицы.

Лучшимъ сербскимъ монастыремъ считается Студеницкій.

II.

Единственными памятниками церковной древности въ Сербіи служатъ тѣ не многіе храмы, которые уцѣлѣли отъ турецкаго разрушенія, благодаря прочности своей постройки, или неприступной мѣстности. Они же служатъ и единственными образцами чисто сербской цер-

⁽¹⁾ Основанъ несчастой королевой Милицей послѣ сраженія на Гроздовомъ полѣ (1389 г.), рѣшившемъ судьбу Сербіи. Въ этомъ монастырѣ она постриглась и кончила свою жизнь.

⁽²⁾ Основанъ королемъ Стефаномъ Неманіемъ 1-мъ, умершимъ въ 1200 г. въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, гдѣ онъ принялъ постриженіе. Его сынъ, Растко (въ послѣдствіи св. Сава архіеп. сербскій) перенесъ сюда мощи своего отца въ 1203 г., послѣ чего монастырь сталъ называться лаврою св. Сумеона (монашеское имя короля Стефана).

ковной архитектуры. Древнѣйшія и болѣе другихъ сохранившіяся изъ этихъ церквей: кладбищенская церковь въ Семендріи и монастырскія церкви въ Раковицѣ, Раваницѣ и Манассіи. Къ числу ихъ можно отнести также гораздо болѣе потерпѣвшія отъ времени: а) церковь въ Житѣ (монастырь) близъ Карановаца; б) церковь коронаціи шести сербскихъ королей ⁽¹⁾ тамъ же. Обѣ эти церкви восстанавливаются теперь изъ своихъ развалинъ ⁽²⁾; в) церковь въ Крушевацѣ, древней резиденціи сербскихъ царей ⁽³⁾; г) церковь въ Студеницѣ ⁽⁴⁾; е) церковь въ Павлицѣ у Ибара; ф) церковь въ монастырѣ Люботиніи, между Карановацомъ и Крушевацомъ.

Неудовлетворительное состояніе древнихъ сербскихъ церквей произошло отъ того, что во время владычества турокъ не позволялось сербамъ ни строить новыхъ церквей, ни возобновлять старыхъ. Что же касается тѣхъ сербскихъ церквей, которыя построены послѣ освобождения

⁽¹⁾ По народному преданію въ этой церкви короновались одинъ за другимъ шесть старинныхъ сербскихъ королей. Для торжественнаго входа и выхода каждаго изъ нихъ (такъ гласитъ легенда) устраивались въ церкви особыя двери. Нашъ авторъ, рассматривая развалины этой церкви, нашелъ, что народная легенда относительно количества дверей въ этой церкви можетъ быть до известной степени оправдана. Стр. 112.

⁽²⁾ Г. Дантонъ находитъ, что обѣ церкви очень много потерпѣли отъ невѣжественной реставраціи. Стр. 115.

⁽³⁾ Относительно этой церкви нашъ авторъ замѣчаетъ, что она до такой степени несчастно реставрирована, что теперь очень трудно представить себѣ ея первоначальный видъ подъ тѣми заплатами изъ глины и извести, которыми испещрены ея стѣны, сложенныя изъ цвѣтныхъ кирпичей въ перемежку съ дикимъ камнемъ. Тамъ же.

⁽⁴⁾ Эта церковь состоитъ изъ двухъ частей — древняго мраморнаго зданія и позднѣйшей (ужъ слишкомъ простой, по мнѣнію автора) ея пристройки, которая очень много портитъ лицевой фасадъ церкви вмѣстѣ съ боковыми фризями, опоясывающими его по фронтону. Тамъ же.

денія Сербіи, то состояніе ихъ оказывается во многихъ отношеніяхъ еще менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ старыхъ. Такъ напр., кафедральный Бѣлградскій соборъ (построенный за 30 съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ), равно какъ соборы Шабачскій и Сечадрійскій дали такіа огромныя трещины, что въ первомъ изъ нихъ должны были прекратить на время богослуженіе (1). Это произошло отъ того, что они были построены на скорую руку и не искусными зодчими.

Что касается архитектуры сербскихъ церквей; то новѣйшія изъ нихъ построены или по образцу сербскихъ же церквей, находящихся въ австрійскихъ владѣніяхъ, или въ подражаніе нашимъ русскимъ церквамъ. На церквахъ втораго вида мы можемъ и не останавливаться. Церкви перваго вида представляютъ смѣсь классическихъ деталей, этрусскихъ, коринѳскихъ, или свѣденныхъ куполами колоннъ, выведенныхъ дугами оконъ и порталовъ, не подходящихъ ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ доселѣ стилей. Къ тѣмъ и другимъ присоединяются четырехъ-угольныя колокольни, увѣчанныя куполомъ, похожимъ на луковицу, и покрытымъ мѣдными листами, которые обыкновенно покрываются богатой позолотой (2).

Въ архитектурѣ древнихъ сербскихъ церквей есть нѣкоторыя особенности, которыя не встрѣчаются въ современныхъ имъ церковныхъ постройкахъ, находящихся въ другихъ странахъ православнаго міра. Сербскіе архитекторы среднихъ вѣковъ были не прочь позаимствовать кое-какія мелочи и изъ итальянской архитектуры,

(1) Serbien und die Serben. стр. 69.

(2) Ibid.

образцы которой они видѣли въ Ломбардіи и Венеціанскихъ провинціяхъ. Извѣстно, что въ средніе вѣка съ этими итальянскими землями Сербія очень дѣятельно поддерживала сношенія. Этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію нашего автора, объясняется то, что „древнѣйшія сербскія церкви въ основныхъ чертахъ—напр., по внѣшнему куполу олтара и хорапсидовъ—принадлежатъ къ романскому стилю; между тѣмъ, какъ детали, наприм., окна и колонны, часто отличаются характеромъ церковныхъ (византійскихъ) построекъ XII вѣка. Форма дверей и капители колоннъ часто носятъ на себѣ тотъ же характеръ. Путешественникъ иногда находитъ въ одномъ и томъ же зданіи стрѣльчатыя окна съ выступами, имѣющими форму щавельнаго листа, и окна съ геральдическими украшеніями, какъ въ венеціанскихъ церквахъ, между тѣмъ, какъ фрески внутри той же церкви часто относятся къ лучшимъ временамъ итальянской живописи и сдѣланы въ стилѣ тинторетто, или по первоначальной манерѣ Рафаэля (1).

(1) Стр. 70—71. Эти особенности сербскихъ церковныхъ построекъ и украшеній отмѣтилъ и г. Каницъ въ своемъ сочиненіи о византійскихъ памятникахъ Сербіи. (Serbiens bysantinische Monumente. Gezeichnet und beschrieben von F. Kanits, K. K. Hof- und-Staatsdruckerei 1862 Gros folio mit II Tafeln Abbildungen). Что же касается фресокъ въ итальянскомъ вкусѣ, видѣнныхъ авторомъ въ старинныхъ сербскихъ церквахъ, то, по мнѣнію Каница, онѣ, какъ и вообще фрески во всѣхъ восточныхъ церквахъ, принадлежатъ школѣ Павселина, основанной на св. Аѳонской горѣ въ XI вѣкѣ. Манеру этой школы, по словамъ Каница, можно ясно слѣдить во всѣхъ этихъ фрескахъ, не смотря на то, что она значительно видоизмѣнялась въ подробностяхъ подъ кистью многихъ даровитыхъ представителей школы. По Каницу отличительную особенность этихъ фресокъ составляетъ то, что головы на нихъ отличаются очень красивыми очертаніями, выраженіе лицъ серьезно, профиль благороденъ и иногда—у изображеній царей—очень удачно выраженъ характеръ изображаемаго лица, такъ, что при этомъ забываешь о щепетильно-однообразныхъ складкахъ одежды, которыя въ другихъ мѣстахъ рѣзко бросаются въ глаза. Kanits, Byzantinische Monumente... S. 17.

Изъ своихъ наблюденій надъ церковными постройками Сербіи нашъ авторъ вывелъ заключеніе, что правила критики, примѣняемыя къ церковнымъ постройкамъ въ другихъ странахъ православнаго міра, должны быть значительно видоизмѣнены, когда дѣло идетъ о сербской церковной архитектурѣ. Въ Сербіи всѣ церковныя зданія имѣютъ форму креста, и эта форма такъ строго выдерживается, что прямо бросается въ глаза; тогда какъ въ церковныхъ зданіяхъ, находящихся въ патріархатѣ константинопольскомъ и другихъ православныхъ странахъ, эта форма не строго выдерживается. Даже въ сельскихъ церквахъ Сербіи, выстраиваемыхъ по бѣдности изъ глины, средняя часть значительно выдается изъ стѣнъ храма и такимъ образомъ въ цѣломъ храмъ получаетъ форму креста (1).

Внутреннее расположеніе православныхъ храмовъ сербскихъ и ихъ принадлежности—тѣ же самыя, что и

(1) Стр. 72. По наблюденіямъ г. Каница „древнія церковныя постройки въ Сербіи строго выдерживаютъ основныя начала византійскаго строительнаго искусства. Во всѣхъ греческій крестъ (Gampaha) составляетъ основную характеристическую форму. Во всѣхъ главный квадратъ зданія сводится куполомъ, символомъ воскресенія Спасителя. Построеніе ихъ относится къ тому позднему періоду византійскаго стиля, въ которомъ давнымъ давно были забыты основныя первоначальныя черты юстиніановскихъ церковныхъ построекъ. Вместо многочисленныхъ колоннъ, характеризующихъ юстиніановскій періодъ, постройки позднѣйшаго византійскаго стиля ограничиваются четырьмя массивными четырехъ-угольными столпами или колоннами... Гинекеезъ (галлерей, въ которыхъ въ старину стояли женщины во время богослуженія) не существуетъ... Множество куполовъ, число которыхъ въ нѣкоторыхъ Аеонскихъ церквахъ восходитъ до семи (жаль, что Каницъ не видалъ нѣкоторыхъ нашихъ старинныхъ церквей, на которыхъ число главъ восходитъ до 30), составляющее вторую характеристическую черту византійскаго церковнаго зодчества, имѣетъ также мѣсто во многихъ сербскихъ церковныхъ зданіяхъ“. *Byzantinische Monumente...* S. 11.

въ нашихъ православныхъ церквахъ. Къ особенностямъ ихъ принадлежить то, что во многихъ церквахъ рядомъ съ притворомъ (Narthex) устроится особое помѣщеніе, гдѣ въ праздничные дни и, такъ называемыя, родительскія субботы устроятся угощенія для прихожанъ и ихъ гостей на церковный счетъ, послѣ чего каждый изъ гостей считаетъ своею обязанностью положить сколько нибудь денегъ на церковное блюдо. Подобныя отдѣленія, предназначаемыя для той же цѣли, впрочемъ въ настоящее время, кажется, вездѣ уже потерявшія первоначальное свое значеніе, существуютъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ старинныхъ сельскихъ церквей (а можетъ быть есть и въ городскихъ) (1). Здѣсь же, вѣроятно, устроятся и складчины въ пользу клира, которыя обыкновенно бывають раза четыре-пять въ годъ на всемъ православномъ востокѣ въ большіе праздники (2).

Чинъ Богослуженія въ сербскихъ церквахъ тотъ же самый, что у насъ, и даже книги, по которымъ оно совершается, до 1834 г., когда основана была сербскимъ правительствомъ своя типографія, доставлялись

(1) *Serbien und die Serben...* s. 113. Къ особенностямъ сербскихъ православныхъ храмовъ принадлежить еще то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ настоящаго амвона, мѣсто его обозначается круглымъ камнемъ, который кладется на помость церковный (Стр. 168). Затѣмъ въ юго-западномъ углу церковнаго притвора въ сербскихъ церквахъ помѣщается обыкновенно купель металлическая, а чаше каменная, и у близъ стоящей колонны стоитъ столъ съ книгой для записыванія случаевъ крещенія; самая же колонна бываетъ вся увѣшена дѣтскими волосами, которые, какъ извѣстно, обрѣзываются при совершеніи таинства крещенія. Эти волосы должны напоминать взрослымъ, что и сердца ихъ также должны быть принесены въ жертву Господу, какъ ихъ волосы.

(2) *Maurer, Griechi'khe Volk.* S. 167. *Serbien und die Serben.* S. 112.

исключительно изъ Россіи (1). О тѣхъ не многихъ и незначительныхъ особенностяхъ, которыя существуютъ въ чинѣ Богослуженія сербскихъ церквей, можно составить себѣ понятіе по слѣдующему описанію нашего автора. Дѣло идетъ о торжественномъ богослуженіи въ день св. великомученика и побѣдоносца Георгія (23 апрѣля). Въ Сербіи, какъ и у насъ, это не только церковный, но и народный праздникъ. Кромѣ того въ этотъ день тамъ нѣкоторыя семейства празднуютъ „свою славу“, т. е. воспоминаютъ обращеніе своихъ предковъ въ христіанство, что придаетъ этому празднику особенную торжественность.

„Въ пять часовъ утра въ Георгіевъ день, пишетъ нашъ авторъ, я былъ разбуженъ, болѣе, чѣмъ обыкновенно, сильнымъ звономъ колоколовъ кафедральнаго собора, призывавшихъ народъ къ утрени. Такъ какъ я еще съ вечера узналъ, что торжественную литургію въ 8 часовъ утра будетъ служить самъ архіепископъ (митрополитъ),—то и сталъ ждать этого часа. Когда я вошелъ въ кафедральный соборъ, богослуженіе еще не начиналось. Впрочемъ три четверти Церкви было уже занято и почти всё мужчинами изъ всѣхъ званій и состояній, отъ государственнаго министра до подѣнщика. И все это стояло бдѣ о бокъ, безъ всякаго различія званій, въ этомъ домѣ Живаго Бога, гдѣ уничтожаются всѣ различія: между тѣмъ какъ женщины стояли въ отведенномъ для нихъ, сравнительно очень маломъ, помѣщеніи—въ притворѣ (Narthex). При входѣ въ церковь всякой подходилъ къ аналою, который, во время

(1) Обыкновенно изъ Московской Синодальной Типографіи. Serbien und die Serben. S. 102. 108.

богослуженія, стоитъ посреди церкви и на которомъ лежить употребляемое въ Церкви Евангеліе (Sontags—Evangelium), также образъ Христа, или святого, въ честь котораго воздвигнуть храмъ (der Schutzpatrons der Kirche). Поцѣловавши образъ, каждый клалъ на блюдо какую нибудь лепту въ пользу священника и затѣмъ уже подходилъ къ стоявшему тутъ же священнику, который изображалъ на его челѣ крестное знаменіе освященнымъ елеемъ.“

„Вскорѣ затѣмъ пришелъ и архіепископъ и былъ встрѣченъ двумя священниками въ облаченіи. Архіепископа сопровождало высшее монастырское духовенство, равно какъ епископы Ушицкій и Неготинскій въ своемъ обычномъ одѣяніи—черной мантии (Talare) и въ клобукъ (Baret), съ котораго опускался на плечи черный шлейфъ (воскрилія), служащій признакомъ высшихъ сановниковъ изъ чернаго духовенства. Подошедши къ аналою, архіепископъ принялъ изъ рукъ священника стручечъ (Stylus) и сначала сдѣлалъ имъ крестное знаменіе на своемъ челѣ, а потомъ такимъ же образомъ назначеновалъ и сопровождавшихъ его священниковъ и діаконовъ: затѣмъ возвели его на амвонъ и, при пѣніи священныхъ пѣсней и молитвахъ (эктеніяхъ), облачили въ архіепископскія одежды. Поверхъ всѣхъ этихъ одеждъ былъ одѣтъ саккосъ, изъ золотой парчи сдѣланное облаченіе, которое обыкновенно употребляется архіепископомъ при совершеніи литургіи. Въ заключеніе всего надѣли на его голову митру, на подобіе митры древнихъ іудейскихъ первосвященниковъ, украшенную драгоценными камнями и увѣнчанную большимъ изумруднымъ крестомъ. Князь Михаилъ пришелъ въ сопровожденіи своихъ министровъ и адъютантовъ, которые

стали въ толпѣ народа. Древне-славянскій церковный языкъ былъ для меня совершенно новъ и литургія—на этотъ разъ св. Златоуста—большею частію тоже непонятна. Въ продолженіе всего Богослуженія у главныхъ вратъ (царскихъ) олтара стояло шесть мальчиковъ въ мантияхъ (Mänteln) (1) изъ цвѣтной красной выбойки съ зелеными крестами на спинѣ и держали въ рукахъ длинныя трости (Stangen) съ звѣздообразными вѣрами, среди которыхъ находились изображенія шестокрылатыхъ херувимовъ (рипиды), для возданія почестей водруженному по срединѣ кресту; другіе четверо мальчиковъ, въ бѣдныхъ льняныхъ одеждахъ (Chorghemden) (2) съ красными крестами, держали въ рукахъ восковыя свѣчи, которыя, во время богослуженія, нѣсколько разъ гасили и потомъ снова зажигали. Внѣ олтара стояли кругомъ (3) огромныя подсвѣчники, на которыхъ горѣло отъ 40 до 50 свѣчъ, воткнутыхъ на такое же количество острыхъ шпилекъ (Spitsen). Стеклое паникадило, ниспущавшееся съ потолка, представляло собой пирамиду зажженныхъ свѣчей; между тѣмъ какъ въ олтара за иконостасомъ, на сѣверной сторонѣ, стояли двѣ свѣчи въ одномъ подсвѣчникѣ (дикирій), какъ символъ Божеской и человѣческой природы Того, Кто есть „истинный свѣтъ, просвѣщающій всѣхъ людей, входящихъ въ міръ“, а на южной сторонѣ три свѣчи въ одномъ подсвѣчникѣ (трикирій), какъ образъ Троичности. Этими свѣчами архіепископъ благословлялъ народъ, трое-

(1) Вѣроятно въ стихаряхъ.

(2) Chorghemden—одежды пѣвчихъ на востокъ обыкновенно дѣлаются изъ бѣлой льняной матеріи для соответствія свѣтовидной одеждѣ ангеловъ, хоръ которыхъ пѣвчіе изображаютъ.

(3) Предъ мѣстными иконами.

кратко объявляя его знаменіемъ креста. Если ко всему этому прибавить то, что почти всѣ присутствующіе въ Церкви держали въ своихъ рукахъ зажженные свѣчи, то легко себѣ представить эффектъ, который должно было бы производить это море огня, если бы яркой дневной свѣтъ не уничтожалъ его“.

„Въ продолженіе литургіи тѣ, которые праздновали въ этотъ день „свою славу“ т. е. воспоминали обращеніе своего рода (Familie) къ христіанству, отъ времени до времени приносили въ церковь блюда, наполненные сухимъ зерновымъ хлѣбомъ, покрытымъ сверху бѣлымъ сахаромъ и украшеннымъ различными деизами изъ разноцвѣтныхъ плодовъ. Среди каждаго блюда была вотнута зажженная свѣча и всѣ эти блюда—числомъ отъ 40 до 50—были уставлены на ступеняхъ хора по обѣимъ сторонамъ амвона. Въ концѣ обѣдни архіепископъ благословилъ эти блюда и возвратилъ ихъ хозяевамъ, такъ что каждый изъ нихъ приходилъ домой съ дорогимъ гостинцемъ. Нѣкоторые, вмѣсто зерноваго хлѣба, приносили съ собой пироги“.

„Все Богослуженіе, продолжавшееся больше 2 часовъ, заключилось тѣмъ, что архіепископъ благословилъ народъ и роздалъ кусочки освященнаго хлѣба (антидора) тѣмъ, кто желалъ принять ихъ (1)“.

(1) Стр. 83—87. Все это авторъ, какъ видно, наблюдалъ очень внимательно и передавъ съ возможною для него вѣрностью; но тѣмъ неожиданнѣе для насъ заключеніе, которое онъ сдѣлалъ по описаннымъ обрядамъ Богослуженія о духѣ и характерѣ самаго Богослуженія. Онъ называетъ его іудейскимъ по своей сущности (Wesentlich jüdisch) не только въ главныхъ чертахъ, но и въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Это сужденіе не новое. Оно постоянно высказывается всѣми протестантскими писателями, когда имъ случается касаться богослуженія православной Церкви (и римско-католической). Но нигдѣ оно такъ страшно не поразяетъ, какъ въ сочиненіяхъ англичанцевъ. Остальнымъ протестантамъ,

Архипастыри сербскіе, равно какъ болѣе образованные изъ архимандритовъ, считаютъ своею обязанностью говорить народу поученія, приспособляясь къ его понятіямъ. (1).

Нашъ авторъ очень хвалитъ благочестіе простаго сербскаго народа, выражающееся между прочимъ въ томъ, что онъ любитъ ходить въ Церковь въ воскресные и праздничные дни (2), жертвуетъ послѣднюю трудовую копѣйку на возобновленіе и украшеніе своихъ храмовъ, уважаетъ свое духовенство, заботится о христіанскомъ воспитаніи своихъ дѣтей (3), оказываетъ христіанское

стремлящимся къ такъ называемому очищенному христіанству (т. е. христіанству безъ формъ и образовъ), естественно судить такимъ образомъ. Но послѣдователямъ англиканской церкви, которая съ іерархіею римской церкви сохранила и большую часть внѣшнихъ формъ ея богослуженія, болѣе, чѣмъ странно судить такъ. Если символизмъ православнаго Богослуженія и таинственное значеніе его дѣлаютъ его іудейскимъ, то чѣмъ дѣлаетъ Богослуженіе англиканской церкви его формализмъ безъ этого значенія?

(1) *Serbien und die Serben*. S 101. Передавая это извѣстіе, авторъ дѣлаетъ замѣтку, что вообще въ православной Церкви очень не высоко цѣнятся способъ распространенія религиозныхъ познаній чрезъ проповѣди и въ подтвержденіе приводитъ замѣченный имъ фактъ, что изъ воишь видѣнныхъ имъ въ Сербіи церквей только въ бѣлградскомъ соборѣ есть каяедра. Въ глазахъ протестантовъ, у которыхъ почти все Богослуженіе состоитъ изъ проповѣди, отсутствіе каяедръ въ православныхъ церквяхъ должно быть фактомъ огромной важности, но къ сожалѣнію оцѣнивая этотъ фактъ съ своей точки зрѣнія, они впадаютъ въ наивныя заблужденія въ родѣ высказаннаго нашимъ авторомъ.

(2) „Воскресный день въ Бѣлградѣ лучше проводятъ, чѣмъ во всякомъ другомъ континентальномъ городѣ (европейскомъ), гдѣ случалось мнѣ наблюдать это.... Кромѣ зелени, и то въ раннее утро, на рынкѣ ничего не найдете... Поутру церкви бывають полны богомольцами, а послѣ обѣда всѣ идутъ навѣстить своихъ родственниковъ и знакомыхъ“. Стр. 110—111.

(3) Въ Сербіи должность учителей въ народныхъ школахъ большею частію занимается воспитанниками бѣлградской семинаріи. *Serbien und die Serben*. S. 101. 163.

сочувствіе къ судьбѣ бѣдныхъ и несчастныхъ и пр. (стр. 101).

Но что всего утѣшительнѣе,—большею частію этихъ прекрасныхъ качествъ православный сербскій народъ обязанъ благотворному вліянію своей церкви. Въѣсть съ національностью она спасла для него и всѣ лучшія свойства богатой славянской природы въ теченіе четырехсотлѣтняго рабства. Г. Дантонъ неоднократно заявляетъ этотъ фактъ, вмѣняя его совершенно справедливо въ заслуги сербской церкви: „не смотря на 400-лѣтнее рабство, въ которомъ томилаь сербская Церковь, состояніе ея клира весьма удовлетворительно и вліяніе ея на народъ утѣшительно (1).

Въ виду этого въ высшей степени отраднаго факта, невольно припоминаются слова ученаго соотечественника г. Дантона, доктора Стэнли, о всей православной восточной Церкви: „да, мы (западные), при всей нашей энергіи и нашей жизни, могли бы кое-чему поучиться у цѣлыхъ націй и поколѣній, стоящихъ ниже насъ въ другихъ отношеніяхъ, но за то проникнутыхъ религіознымъ чувствомъ, которое видимо владычествуетъ въ ихъ душѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда, по видимому, не отражается на ихъ поведеніи, чувствомъ, которое, если не много произвело людей, которыхъ мы могли бы назвать философами, за то, въ теченіе вѣковъ, вызвало къ жизни цѣлые сонмы исповѣдниковъ и мучениковъ. Мы могли бы кое-чему поучиться, смотря на то спокойное мужество, которое основывается на „терпѣніи и упованіи“, на этомъ сокровищѣ наслѣдованной вѣры, обладатели котораго довольствуются тѣмъ, что

(1) Стр. 109. Ср. также стр. 98. 99, 104. 105. 106.

цѣнять его сами и не принуждаютъ къ принятію его другихъ. Мы могли бы кое-чему поучиться, смотря на эти перкви, въ которыхъ религія не оставлена на попеченіе женщинъ и дѣтей, а заявляется какъ право и привиллегія мужчинъ, гдѣ Церковь опирается не столько на власть и вліяніе (мірское) своего духовенства, сколько на благородную стойкость въ вѣрѣ и мужественную ревность ея мірскихъ членовъ (1).

(1) Lectures on the history of the eastern church by Stanley. Lect 1.

РАЗБОРЪ ОСНОВАНІЙ,

на которыхъ раскольники-безпоповцы утверждаютъ свой обычай перекрещивать православныхъ при переходѣ ихъ въ расколъ.

(Окончаніе) (1).

Такимъ образомъ клеветы безпоповцевъ на нашу Церковь, будто бы заразившуюся латинствомъ, или неосновательны, или касаются такихъ вещей, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ вѣрѣ и Церкви, или наконецъ относятся къ частнымъ лицамъ, злоупотребленія которыхъ ставить въ вину Церкви значить забывать, что на нивѣ Христовой, по волѣ самаго Господа, предоставлено расти до поры до времени не только чистой пшеницѣ, но и плевеламъ. Поэтому, если бы безпоповцы сумѣли даже доказать, что латинъ всегда перекрещивали, при переходѣ ихъ въ православіе, и въ такомъ случаѣ изъ этого нисколько не слѣдовало бы, что нужно перекрещивать и насъ православныхъ, потому что у насъ нѣтъ латинскихъ ересей. Но доказать перекрещиваніе древнею Церковію латинъ безпоповцы рѣшительно не могутъ. Единственное основаніе для этого они находятъ въ соборномъ изложеніи п. Филарета Ни-

(1) См. Хр. Чт. за Іюнь текущаго года.

китича, гдѣ, какъ мы уже говорили, повелѣвается принимать латинъ въ Церковь православную чрезъ крещеніе. Но п. Филаретъ и въ настоящемъ случаѣ поступилъ также несправедливо ⁽¹⁾, какъ несправедливо опредѣлялъ на своемъ соборѣ—перекрещивать *всѣхъ* вообще еретиковъ. Древняя Церковь, какъ русская, такъ и греческая, смотрѣла на Латинъ болѣе снисходительно и принимала ихъ въ свои иѣдра только чрезъ муропомазаніе. Свидѣтельство объ этомъ существуетъ не очень много, но за то эти свидѣтельства принадлежать лицамъ, очень уважаемымъ самими раскольниками.

Такъ еще въ XII вѣкѣ Нифонтъ, епископъ новгородскій, давалъ Кирику правило принимать латинъ не чрезъ крещеніе, а только чрезъ муропомазаніе и причащеніе ⁽²⁾. Свидѣтельство это весьма важно. Во первыхъ Нифонтъ основывалъ свое правило на примѣрѣ церкви греческой. Это видно изъ того, что, изложивъ правило о принятіи латинъ чрезъ муропомазаніе и причащеніе и опредѣливъ, съ какими обрядами это присоединеніе должно быть совершаемо, Нифонтъ далѣе указываетъ только на то, что эти обряды нѣсколько иначе совершаются въ греческой церкви, а самый чинъ остается тотъ же: „Царигородѣ только въ лентѣ станетъ (т. е. присоединяемый латинъ) ноли мажутъ ѿ мюромъ“. Слѣдовательно во времена Нифонта и въ греческой церкви принимали латинъ не иначе, какъ только чрезъ муропомазаніе. Во вторыхъ Нифонтъ былъ епископъ новгородскій. Новгородъ чаще, чѣмъ другіе русскіе города, входилъ въ сношенія съ латинами. Отсюда понятно, по-

(1) См. Прац. дух. Питир. отв. 165.

(2) Кормч. Солов. № 476, л. 371; Пам. Росс. Слов. стр. 175—6; Истор. русск. Церкв. Манар. т. 3, стр. 186.

чему въ новгородской странѣ скорѣе, чѣмъ въ другой какой-либо русской области, требовалось опредѣлять правиломъ, какъ присоединять обращающихся въ православіе латинъ. И если въ новгородской области, гдѣ, въ слѣдствіе частыхъ сношеній съ латинами, могли и должны были во всей полнотѣ знать вѣру и образъ жизни латинъ, было узаконено присоединять ихъ не черезъ крещеніе; то, очевидно, въ другихъ областяхъ русскаго царства еще менѣе было причинъ присоединять ихъ иначе. Наконецъ—епископъ Нифонтъ, мужъ святой жизни, давшій столь много мудрыхъ правилъ Кирику, могъ ли въ столь важномъ вопросѣ, каково присоединеніе иновѣрцевъ, поступить опрометчиво, не изслѣдовавъ предварительно правилъ вселенской Церкви? А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если митрополитъ сарскій Юна, присоединившій къ церкви во времена п. Филарета двухъ латинъ также чрезъ мвропомазаніе, ссылался на правило Нифонта о неперекрещиваніи латинъ, какъ на общій голосъ древней церкви, и что п. Филаретъ утверждалъ неосновательно, будто со временъ князя Владиміра и до его времени въ русской церкви принимали Латинъ только чрезъ крещеніе (1).

Что же касается обычаевъ *греческой* Церкви, то и въ ея исторіи нельзя найти подтвержденія тому, чтобы узаконено было на Востокѣ принимать латинъ чрезъ крещеніе. Напротивъ можно указать свидѣтельства въ пользу мысли, доказываемой нами. Такъ въ XII вѣкѣ въ церкви греческой, сколько можно судить объ этомъ изъ правила Нифонта, также принимали латинъ только чрезъ мвропомазаніе. Въ XV вѣкѣ знаменитый побор-

(1) Соб. излож. въ Юсиф. постр. г. 564—5.

никъ православія въ борьбѣ съ латинствомъ, очень хорошо знавшій не только видимую сторону жизни и ученія латинянъ, но и закулисныя ихъ тайны, Маркъ, митрополитъ ефесскій, въ своемъ окружномъ посланіи къ православнымъ христіанамъ, обрѣтающимся на всей земли, заповѣдалъ: „отъ латинниковъ, приходящихъ въ православіе, яко арианъ и македоніанъ и савватіанъ и новатіанъ пріемлемъ, подающихъ писаніе и проглаголюющихъ всякую ересь и по 7-му правилу II-го собора печатаемъ, сирѣчь помазуемъ ихъ св. муромъ“ (1). На основаніи этого опредѣленія, въ концѣ того же XV вѣка (1491 г.), всѣ четыре вселенскіе патріарха на соборѣ цареградскомъ опредѣлили не перекрещивать латинъ, приходящихъ къ православію (2). Въ половинѣ XVII вѣка (въ 1657 г.), еще до открытія собора 1667 года, патріархъ антиохійскій Макарій писалъ: „всѣ вѣдять и познавають, яко латины схизматики токмо; схизма же не творитъ не вѣрна и не крещена, точию творитъ отлученна отъ церкви и въ купѣ собраній. Тѣмъ же священный Марко ефесскій, сопротивникъ латиновъ, никогда же рече латиномъ, яко имуть перекрещиватися, вмѣняя и утверждая крещеніе ихъ правильно быти, понеже бываетъ по чину церкви нашей призываніемъ Святыя Троицы“ (3). Послѣ всего этого можно видѣть, какъ недобросовѣстно, къ соблазну другихъ, утверждаютъ безапоповцы, будто „все святии чудотворцы, древлероссійскіи архіереи, святѣйшіи патри-

(1) Библиогр. излож. Книги Кириллов. Дилова стр. 220; см. Хр. Чт. 1860 г. апр. стр. 17 и 19.

(2) Дополн. къ акт. истор. Т. V, стр. 499.

(3) Прац. дух. Питир. отв. 168 л. 281; свес. Древн. Рос. Вовліоє. ч. XVIII, стр. 152—8.

архи московити со вселенскими патриарси и сами свѣтѣйшии вселенстии патриарси и вси грецы отъ латинѣхъ приходящихъ крещажу“ (1).

Но вопросъ о томъ, какъ принимала древняя Церковь латинѣхъ, чрезъ крещеніе, или только чрезъ миропомазаніе, слишкомъ важенъ для безпоповцевъ. Съ рѣшеніемъ этого вопроса такъ, какъ мы его рѣшили на основаніи историческихъ данныхъ, безпоповцы теряютъ самое первое и главное основаніе—въ пользу незаконнаго обычая своего—перекрещивать православныхъ. И потому, не ограничиваясь слабымъ свидѣтельствомъ соборнаго Изложенія патриарха Филарета, они прибѣгаютъ еще къ разнаго рода примѣрамъ древности и ими хотѣтъ подтвердить свою мысль, будто латинцы издревле были принимаемы въ Церковь не иначе, какъ чрезъ крещеніе. Въ этомъ случаѣ безпоповцы указываютъ на св. Прокопія Устюжскаго, который былъ принятъ въ православную Церковь чрезъ крещеніе (2). Но этотъ примѣръ ничего не доказываетъ. Потому что, хотя въ житіи св. Прокопія и сказано, что онъ былъ отъ западныхъ странъ, отъ языка латинска, отъ нѣмецкія земли, но потомъ чрезъ двѣ строки замѣчено: „родитель же его и ужигъ и вѣры никтоже вѣсть, но токмо единому Богу свѣдущу сія“ (3). Слѣдовательно изъ житія не видно, чтобы Прокопій былъ латинской вѣры, а происходитъ изъ латинской земли не значить еще имѣть и вѣру латинскую, какъ происходитъ напр. изъ Турціи не значить быть магометаниномъ и проч. Точно также ничего не говорятъ въ пользу безпоповцевъ

(1) Пом. отв. 50, ст. 36.

(2) Пом. отв. 50, ст. 36.

(3) Жит. Солов. библиот. № 120.

другіе примѣры, указываемыя ими. Литовскіе князья Воишелгъ и Довмонтъ, сыновья Ольгердовы: Андрей, Евнутъ (Іоаннъ) и дочь Кейстутова (1),—все эти лица, на которыя указываютъ раскольники, приняли православіе чрезъ крещеніе, будучи, по свидѣтельству правдивой исторіи (2) не латинами, а язычниками.

А между тѣмъ можно указать не одинъ примѣръ того, что въ древней церкви латинъ принимали не чрезъ крещеніе, а только чрезъ муропомазаніе. Такъ, по свидѣтельству самихъ старообрядцевъ, болѣе безпристрастныхъ (3), безъ перекрещиванія приняты были у насъ: Исидоръ чудотворецъ, Христа ради юродивый, родомъ латинъ, мощи котораго доселѣ почиваютъ въ Ростовѣ (4),—св. Меркурій, родомъ римлянинъ, мощи котораго находятся въ Смоленскѣ (5), и князь варяжскій Шимонъ вмѣстѣ съ пришедшими съ нимъ въ Кіевъ латинами — до трехъ тысячъ человѣкъ; мощи послѣдняго въ Кіевскихъ пещерахъ (6).

Такимъ образомъ все основанія, на которыхъ утверждаютъ беспоповцы свой обычай перекрещивать православныхъ, оказываются не состоятельными (7). Какъ

(1) Пом. отв. 5. ст. 36.

(2) Истор. Р. Ц. Филарета изд. 2. пер. 2. стр. 34, 38 и 41.

(3) Пешех. отв. л. 82.

(4) Память его 14 мая.

(5) Память его 24 ноября.

(6) Патер. Печ. л. 108.

(7) Соглашась, что древняя Церковь не всѣхъ еретиковъ перекрещивала, но нѣкоторыхъ принимала чрезъ муропомазаніе, а нѣкоторыхъ даже только чрезъ отреченіе отъ ереси, беспоповцы — въ оправданіе своего обычая перекрещивать всѣхъ, кто-бы ни соприкоснулся въ расколъ, говорятъ еще, что нынѣ нѣтъ возможности вполнѣ слѣдовать примѣру древней Церкви, нельзя напр. принимать еретиковъ чрезъ муропомазаніе, потому что въ нынѣшнее бѣдственное время, когда нѣтъ во всемъ мѣрѣ православнаго священства, нѣтъ и не можетъ быть св. муръ, а слѣдова-

правила соборовъ, такъ и примѣры древности, на которые ссылаются безпоповцы, говорятъ, по внимательномъ разсмотрѣннн дѣла, больше противъ безпоповцевъ, чѣмъ въ пользу ихъ незаконнаго обычая. Сознвая, можетъ быть, все это и въ тоже время не желая отказаться отъ своего заблужденія, безпоповцы отъ древности обращаются къ настоящему времени и въ самомъ крещеннн нашемъ стараются найти основанія для того, чтобы не признать его истиннымъ, православнымъ. Эти основанія безпоповцы и находятъ въ тѣхъ разностяхъ, какія существуютъ въ нынѣшнемъ чинѣ крещеннн — противъ чина крещеннн, употреблявшагося въ древней до-Никоновской церкви. Какъ ни маловажны эти разности въ существѣ дѣла, но безпоповцы считаютъ ихъ достаточными для того, чтобы крещеннн, совершаемое по новопечатному чину, по новопечатнымъ

тельно — и принатя еретиковъ чрезъ муропомазаннн. „Аще хочещи, разглагольствуютъ безпоповцы, да отъ новодѣйствуемое имущихъ крещеннн обращающнхся помазуются токмо святымъ муромъ, даждь благочестивоснательныхъ архiereевъ, да муро священными молитвами освятятъ, даждь православннне невыблемо содержащихъ священниковъ, да освященнымъ муромъ отъ священныхъ архiereевъ освящаютъ я. Но сидевыхъ архiereевъ, таковыхъ священниковъ аще и всеусерднн потщншнся обрѣсти, всяко не обрщещи. Убо безпрекословно отъ новодѣйствуемое имущихъ крещеннн приходнхх къ древлеправославной вѣрѣ святымъ крещенннмъ очнпатн подобаетъ“ (Меч. дух. л. 171). Такимъ образомъ ложное ученнн о томъ, будто нынѣ не существуетъ въ мнрѣ церковная иерархнн, привело безпоповцевъ къ другой ложной мысли, будто еретиковъ, которыхъ по правиламъ слѣдовало бы принимать въ православнонн чрезъ муропомазаннн, нужно нынѣ перекрещнвать. Такъ—часто одно заблужденнн влечетъ за собою другое, однн шагъ съ прямаго пути приводитъ въ послѣдствнн къ совершенно ложнымъ результатамъ. Оставншнхся по обстоятельствамъ безъ иерархнн, безпоповцы вмѣсто того, чтобы, понявъ неестественность своего положеннн, обратиться къ Церкви и ея пастырямъ, безбоязненно стали нарушать церковные каноны и дѣйствовать вопреки практикѣ древней Церкви, „остальцами“ которой считаютъ себя.

требникамъ, признанъ неистиннымъ, еретическимъ, достойнымъ перекрещиванія.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ разностей: „во отрицаніи сатаны, въ древлепечатныхъ (потребникахъ) вопрошаетъ іерей крещаемого имѣ: отрицаешился сатаны и проч. Въ новопечатныхъ же: обращаетъ его священникъ и глаголетъ: отрицаешился сатаны, а имѣ оставлено. Въ томъ же отрицаніи въ древлепечатныхъ: отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всея службы его, и всѣхъ аггелъ его, и всего студа его. Въ новопечатныхъ же, вмѣсто: *студа* его, напечатано: и всея *славы* его. Въ маслопомазаніи, въ древлепечатныхъ, священникъ примъ святое масло, помазуетъ крестящагося на челѣ, на очію и на прочихъ частѣхъ тѣла, на коемъждо помазаніи глаголя: помазуется рабъ Божій, имѣ, масломъ возрадованія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Въ новопечатныхъ же: помазуется рабъ Божій елеомъ радованія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, а имѣ отставлено, *нынѣ* и *присно* прибавлено. Въ древлепечатныхъ потребникахъ въ самомъ дѣйствѣ святаго крещенія полагается: посемъ іерей примъ крестящагося, и крещаетъ глаголя: крещается рабъ Божій имѣ во имя Отца, и погружаетъ его въ востоку лицемъ, и возводитъ глаголя, — аминь. Также паки второе погружаетъ его глаголя, и Сына, аминь. И паки третіе погружаетъ его глаголя, и Святаго Духа, аминь. Въ новопечатныхъ: крещаетъ его священникъ, проста его держа и зряще на востокъ, глаголя: крещается рабъ Божій имѣ во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь, на коемъждо приглашенія возвода его и низвода. А еже по-

гружати его, и еже первое и второе и третіе погружа-
ти, сего въ новопечатныхъ требникахъ необрѣтается,
откуда и сомнѣніе подобаетъ, яко самая форма кре-
щенія въ новопечатныхъ видно не указывается. А еже
къ единой ипостаси Святаго Духа *два амина* прилагати
великороссійская Церковь повелѣваетъ, явственнѣ чрезъ
сіе Святаго Духа въ два начала раздѣляти усилуется,
и симъ римскія церкви мудрованію о исхожденіи Духа
Святаго отъ Отца и Сына согласующися. Въ древнеце-
чатныхъ во апостолѣ по крещеніи глаголется: братіе
елицы во Христа Іса крестяхомся, въ смерть его крес-
тихомся, якоже и во Евангеліи: единнадцате ученицы
идоша въ Галилею, въ гору, аможе повелѣ имъ Ісѣ.
Паки: и претупль Ісѣ рече имъ, и проч. Въ новоче-
чатныхъ же: во Апостолѣ читается: братіе елицы во
Христа Іиса крестихомся, въ смерть Его крестихомся;
во Евангеліи же: единнадцате ученицы idoша въ Га-
лилею, въ гору, аможе повелѣ имъ Іисѣ. И паки: и
приступль Іисѣ рече имъ, и проч. Посему познавается,
яко нынѣ великороссійская Церковь не во Іса крепцаетъ,
но во Іиса, сице и не во Іса вѣруеть, но во Іиса, яко-
же въ символѣ вѣры предъ крещеніемъ глаголется. Се-
го ради мы во Іиса дѣйствуемое крещеніе пріяти зѣло
опасны и весьма сомнительны^а, и проч. (1).

Всякій можетъ видѣть, какъ малозначительны, а не-
рѣдко и совершенно несправедливы (2) тѣ обвиненія,

(1) Отвѣтъ на вопр. н. 107 — 115, 193 — 196; Пом. отв. 50. ст. 23; Слов. о тайнѣ крещенія н. 1 — 4.

(2) Разборъ и объясненіе указанныхъ и другихъ разностей см. въ Прав. Собес. Янв. 1860 г. Мы съ своей стороны въ отвѣтъ на всѣ об-
виненія раскольниковъ скажемъ только словами Божіаго Батюшкиса,
который на вопросъ: „какій есть видъ или видотвореніе тайны крещенія“,

какія взводять на напу Церковъ безпоповцы, старающа отыскать въ чинослѣдованіи ея крещенія отступленія отъ древности. Только раскольникъ, не способный стать въ двѣ вѣры выше буквы и знака препинанія, только старобрядецъ, думающій, что то только вѣрно и свято, что „украшено пѣвснiю, аки сѣдиною“, и пахнетъ отъ давности затхлостію, только безпоповецъ, ненавидящій Церковъ православную до того, что готовъ перетолковать въ дурную сторону самыя святыя ея дѣйствія, способенъ перерыть тысячи древнихъ книгъ разнаго времени и разныхъ изданій, чтобы отыскать несогласіе съ ними въ книгахъ новопечатныхъ, — только такіе люди могутъ утверждать, что крещеніе, совершаемое по новопечатному чину, въ которомъ то опущено: *имѣя*, то прибавлено: *аминь*, — неправославно, еретическое крещеніе, которое нужно пересовершать, когда принявшій такое крещеніе . . . ходитъ въ расколь — въ мнимо-древнюю православную вѣру. А не подумаютъ того эти люди, что сами они, удержавъ всѣ *милки и аминь*, о которыхъ ни Евангеліе, ни Апостолы не говорятъ ни одного слова, отняли отъ своего крещенія:

замѣчаютъ: „оная словеса, ими же Господь повелѣ крестити, сирѣчь, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, вкуспѣ со тремя погруженіи. Сими бо глаголы Божественными и силою ихъ крещеніе кончается и совершено бываееть. Аще и прочіи глаголы, при крещеніи глаголеміи отъ священника, въ благозвучное украшеніе и наказаніе бывають. Сіи же три въ видотвореніе и содѣяніе крещенія суть, да сими всездравственно и совершенно крещеніе бываееть“ (л. 364 об. и 365). Послѣ этихъ словъ для насъ рѣшительно необъяснимы обвиненія безпоповцевъ нашей церкви въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ, сдѣланныхъ ею въ чинъ крещенія, — тѣмъ болѣе необъяснимы, что сами безпоповцы, опускающіе при совершеніи крещенія многія даже молитвы и дѣйствія (Отв. на вопр. л. 145 об. и 146), говорятъ въ свое оправданіе, что „совершенство св. крещенія не отъ молитвъ зависитъ, но отъ трехъ погруженій съ тріипостаснымъ именемъ св. Троицы“ (Отв. на вопр. л. 149 об.).

щенія священныхъ пастырей, которымъ однимъ дана отъ Бога совершительная благодать освященія въ каждомъ таинствѣ, и замѣнили ихъ мужиками и простыми бабами, очень нерѣдко самаго сомнительнаго поведенія.... Глубокая скорбь проникаетъ въ душу при размышленіи объ этихъ жалкихъ фарисеяхъ, оцѣждающихъ комаровъ и пожирающихъ верблюдовъ, ратующихъ за точку и запятую и безбоязненно ругающихся надъ духою благодати, пребывающей во святой Церкви. Страшная отвѣтственность падаетъ на тѣхъ, кто былъ причиною развитія такого тупоумія въ русскихъ головахъ, или не позаботился безмысленно извращеннымъ понятіемъ направить въ добрую сторону, уяснить ихъ и очистить отъ всѣхъ дикихъ наростовъ... А между тѣмъ эти сухія отъ недостатка живой воды ученія кости, при помощи благодати Божіей, могли бы облечься кожею и плотію и составить *соборъ много зло* самыхъ добрыхъ и искренно вѣрующихъ членовъ церкви....

Впрочемъ изъ всѣхъ, указываемыхъ беспоповцами многими отступленій нашей Церкви отъ древности (въ чинѣ крещенія), одно, по своей серьезности, заслуживаетъ полнаго вниманія. Это — признаніе нашею Церковію дѣйствительнымъ крещеніемъ крещенія обливателя и совершаемаго чрезъ окропленіе, что, по ученію беспоповцевъ, противно практикѣ древней Церкви (1). Беспоповцы говорятъ еще, что наша церковь признаетъ за истинное крещеніе и крещеніе *единопоружательное*, но это — ложь, въ подтвержденіе которой раскольники не могутъ представить ни одного доказательства (2). Что же касается крещенія обливатель-

(1) Отв. на вопр. л. 112 об.; Пом. отв. 50, ст. 35.

(2) Пешехоновъ. отв. 38, л. 80.

наго и окропительнаго, то безпоповцы правы, когда говорятъ, что церковь наша признаетъ дѣйствительнымъ такое крещеніе. Несправедливо только утверждаютъ безпоповцы, будто подобное дѣйствіе нынѣшней церкви не только неправославно и противно ученію церкви древней, но даже подлежитъ проклятію. Не споримъ, что крещеніе чрезъ погруженіе, имѣя основаніе для себя и въ Слово Божіе и въ практикѣ древней церкви, было, какъ и теперь признается нашею церковію, крещеніемъ болѣе употребительнымъ и даже болѣе правильнымъ. Но столько же вѣрно и то, что съ самыхъ древнихъ временъ Церковь допускала въ извѣстныхъ случаяхъ и крещеніе чрезъ обливаніе и окропленіе, признавая его истиннымъ, спасительнымъ. Съ другой стороны и само Слово Божіе не противъ такого крещенія; напротивъ въ немъ есть основанія къ тому, чтобы крещеніе чрезъ обливаніе и окропленіе считать крещеніемъ дѣйствительнымъ.

Изъ ветхозавѣтныхъ прообразовательныхъ мѣстъ Писанія видно, что крещеніе можетъ быть совершаемо не чрезъ погруженіе только, но и чрезъ обливаніе, и даже чрезъ окропленіе. Такъ у пророка Іезекіиля есть такого рода мѣсто: *и возьму вы отъ языкъ, и соберу вы отъ всѣхъ земель, и введу вы въ землю вашу, и воскроплю на вы воду чисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ: и очищу васъ, и дамъ вамъ сердце ново, и духъ новъ дамъ вамъ, и отъиму сердце каменное отъ плоти вашей, и дамъ вамъ сердце плотяно, и духъ мой дамъ въ васъ... И спасу вы отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ, (и очищу вы отъ грѣхъ вашихъ всѣхъ)* (XXXVI, 24—29). На это мѣсто, какъ увидимъ послѣ, ссылались св. Отцы въ доказательство

дѣйствительности крещенія, совершаемаго чрезъ обливаніе, или окропленіе... Оно же невольно напоминаетъ другія подобныя мѣста, напр.: *рече Господь, млаола: поими левиты ота среды сыновъ Израилевыхъ, и да очиститъ я. И сице да сотвориши имъ очищеніе ихъ: покромши на нихъ воду очищенія* (Числ. VIII, 5—7); И еще: *вода опрошенія очищеніе есть* (XIX, 9).

Самый новый завітъ не противъ обливательнаго крещенія. Въ этомъ случаѣ мы не будемъ указывать на крещеніе Филиповомъ каменяна (дѣян. VIII, 38—39), на крещеніе трехъ тысячъ человекъ, обратившихся ко Христу въ день Пятидесятницы (II, 41), на крещеніе семействъ Корналія: (X, 47—8) и темничнаго стража (XVI, 32—3). Въ эти примѣры — таковы, что одни въ нихъ находятъ слѣды обливательнаго крещенія, — другіе, удобно видятъ слѣды погружательнаго. (1). На чьей сторонѣ, больше правды, трудно сказать. Говоря, что и новозавѣтное Писаніе не противъ обливательнаго крещенія, мы хотимъ указать въ этомъ случаѣ на то обстоятельство, что слово: *Baptismus*, которое и служитъ основаніемъ для ученія о крещеніи погружательномъ, имѣетъ въ новомъ Завѣтѣ не мало значеній и употребляется самыми священными писателями не только въ смыслѣ погруженія, но и въ смыслѣ престога омовенія, какъ бы оно ни совершалось, чрезъ обливаніе ли, или чрезъ окропленіе. Такъ у Евангелиста Марка замѣнено: *Фарисеи и вси Иудеи, аще не трюмоуцъ* (не до локтей) *умываютъ руки; не ѣдятъ дерюмоуцъ преданія старецъ; и отъ терюмоуца, аще намокумоуцъ*.

(1) См. кн. объ облив. крещ. 1724 г. гл. 8. л. 25—7; свес. твор. св. Отецъ 1855 г. кн. 4, стр. 432—440.

ся (*εαυ μη βαπτισθηται*), не ядят: и *ина жана оуть, лате прѣша держати: погруженія (βαπτισμῶς) скляницамъ и чваномъ и котломъ и одромъ* (VII, 2—4). Здѣсь два раза употреблено слово: *βαπτισω*, — и въ обоихъ случаяхъ подь нимъ можно разумѣть не погруженіе только, но и просто — омовеніе, какъ бы оно ни совершалось, чрезъ обливаніе, или окропленіе. Сказано: Фарисеи прежде, чѣмъ не покуплются, не ядятъ. Съ одной стороны имѣя въ виду то, что говорится прежде, т. е. что Іудеи, доколѣ не умоютъ рукъ до локтей, не ядятъ, съ другой — взявъ во вниманіе то, что буквальное пониманіе слова: *покуплются*—ведеть къ разнаго рода недоразумѣніямъ, именно, представляется дѣломъ почти невѣроятнымъ, чтобы Фарисеи *каждый разъ* предъ вкушеніемъ пищи омывались именно чрезъ погруженіе въ водѣ, такъ какъ для этого требовалось бы и не мало воды, которой въ Іерусалимѣ очень немного, и много времени, — мы думаемъ, что подь словомъ: *покуплются* — нужно разумѣть въ разсматриваемомъ мѣстѣ не купаніе всего тѣла, но просто омовеніе нѣкоторыхъ частей его, именно — рукъ, какъ и замѣчено объ этомъ у Евангелиста. Тѣмъ болѣе вѣроятно такое пониманіе дѣла, что здѣсь же сказано у Евангелиста, что, кромѣ многихъ другихъ обычаевъ, былъ у іудеевъ обычай погруженія (*βαπτισμῶς*) скляницъ, чвановъ, котловъ и одровъ. Если и можно допустить, что іудеи, очищая сосуды — скляницы, чваны и котлы, погружали ихъ въ водѣ, то трудно согласиться, чтобы такимъ же образомъ они очищали и *одры*. Напротивъ гораздо вѣроятнѣе думать, что одры очищались просто чрезъ *окропленіе* (1), а между

(1) У Евангелиста рѣчь идетъ не о мытьѣ бѣлья.

тѣмъ и въ отношеніи къ нимъ употреблено слово: βαπτισμος.

Другое мѣсто, изъ котораго видно, что слово: βαπτισμος употребляется иногда въ Новомъ Завѣтѣ въ смыслѣ не только погруженія, но и обливанія и окропленія, находится у Апостола Павла. Воспомявъ ветхозавѣтные обряды, Апостоль говоритъ: *дарове и жертвы принасятъся, не моущія по совѣсти совершити смущааго, точію въ брашнахъ и питіяхъ и различныхъ омовеніяхъ* (διαφορας βαπτισμοις) (Евр. IX, 9—10). Уже самое выраженіе: *различныя омовенія*—показываетъ, что словомъ: βαπτισμος—Апостоль означилъ здѣсь не погруженіе только въ водѣ, но и окропленіе водою и обливаніе и другіе способы омовенія. А если припомнимъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ дѣйствительно омовенія состояли и въ простомъ умовеніи рукъ и ногъ (Исх. XXX, 19 и 21; XXXVIII) и въ окропленіи (Числ. VIII, 5—7); то еще болѣе убѣдимся, что, по утребленію библейскому, слово: βαπτισμος—означаетъ не погруженіе только въ водѣ, но и омовеніе водою, хотя бы даже чрезъ обливаніе, или окропленіе. Все это мы говорили не для того, чтобы оспаривать ученіе православной Церкви о томъ, что крещеніе должно совершаться чрезъ погруженіе, но чтобы показать, что Церковь православная ни мало не грѣшитъ, *дозволяя въ случаѣ нужды* совершать крещеніе и чрезъ обливаніе, и чрезъ окропленіе; потому что, если слово: βαπτισμος, по употребленію его въ самомъ Словѣ Божіемъ, означаетъ не только погруженіе, но и всякое омовеніе; то очевидно, что заповѣдь Спасителя: *идите научите вся языки крестяще* (βαπτίζοντες) *иъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, не нарушится и въ томъ случаѣ, если, по нуждѣ, крещеніе совершится не чрезъ

погруженіе, а чрезъ обливаніе, или окропленіе, только бы оно совершалось троекратно—во имя Святой Троицы и посредствомъ воды, а не другаго какого либо вещества, напр. песку. Этимъ мы хотимъ сказать то, что, по нашему мнѣнію, основанному на примѣрѣ древней Церкви, существенное въ таинствѣ крещенія — форма словъ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и вещество т. е. вода; но то, какъ совершать крещеніе, чрезъ погруженіе крещаемого въ водѣ, или чрезъ обливаніе и под.,—вещь не существенной важности. Не споримъ, что примѣръ Самаго Господа, крестившагося отъ Іоанна чрезъ погруженіе, болѣе въ пользу погружательнаго крещенія. Но Церковь наша никогда и не узаконяла крещенія чрезъ обливаніе, или окропленіе; она только дозволяетъ его въ случаѣ нужды, какъ дозволяла это и древняя Церковь, и въ этомъ случаѣ Церковь дѣйствуетъ вопреки примѣру Господа на столько, на сколько несогласно съ примѣромъ Господа поступаетъ, крестя наприим. дѣтей въ дѣтскомъ возрастѣ, а не въ зрѣломъ, въ каномъ крестился Христосъ, — крестя въ храмѣ—въ купели, а не на рѣкѣ, — подѣ открытымъ небомъ, какъ крестился Спаситель, и т. д. Всѣ означенныя отступленія отъ примѣра крестившагося Господа, дозволенныя Церковію съ давняго времени, не возбуждаютъ недоумѣній въ умахъ раскольниковъ, а признаніе (только признаніе) Церковію обливательнаго крещенія крещеніемъ дѣйствительнымъ кажется безпоповцамъ ересію до того злою, что изъ-за одного этого они готовы перекрещивать православныхъ, хотя они крещаются чрезъ погруженіе. Справедливо ли это, можетъ видѣть всякій.

Впрочемъ все это—разсужденія, убѣдительныя болѣе

для насъ, чѣмъ для безпоповцевъ. А потому, не ограничиваясь сказаннымъ, мы укажемъ еще изъ исторіи древней Церкви нѣсколько примѣровъ обливательнаго крещенія и свидѣтельствъ въ пользу его, принадлежащихъ лицамъ, уважаемымъ самими раскольниками. Подобныя доказательства — ясныя и наглядныя покажутъ безпоповцамъ, что церковь наша, не перекрещивая крещенныхъ чрезъ обливаніе и окропленіе и тѣмъ самымъ признавая такое крещеніе дѣйствительнымъ, не самоуправствуетъ, не еретичествуетъ, но поступаетъ согласно съ древнею Церковію.

Такъ, первенствующая Церковь позволяла крестить обливательнымъ крещеніемъ тяжко больныхъ, возмужавшихъ на одрѣ, которыхъ поэтому нельзя было крестить чрезъ погруженіе, — и крещенныхъ такимъ образомъ признавала истинными христіанами. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ очень раннее, именно у св. Кипріана, епископа Карфагенскаго. „Ты просишь меня, любезнѣйшій сынъ, писалъ онъ Магнусу, одному изъ подчиненныхъ ему африканскихъ епископовъ, — какъ я думаю о тѣхъ, которые въ болѣзни и немощи пріяли благодать Божию (крещеніе), должно ли почитать ихъ истинными христіанами, такъ какъ они спасительною водою не омыты, а облиты (*non loti, sed perfusi*)? Въ этомъ дѣлѣ мое смиреніе никого не предосуждаетъ; пусть каждый, какъ хочетъ, думаетъ, и какъ думаетъ, такъ и дѣлаетъ. А я, сколько сіе доступно разумѣнію моею посредственностію, думаю, что Божественная благодать не можетъ умаляться и ослабляться, и не можетъ быть тамъ что либо меньшее, гдѣ съ полною и совершенною вѣрою и дающаго и приѣмлющаго принимается то, что почерпается изъ Божественныхъ даровъ.

Ибо зараза грѣха не такъ очищается въ спасительномъ таинствѣ, какъ нечистота кожи уничтожается въ тѣлесномъ омовеніи, гдѣ нужны купальня, мыло и другія принадлежности, чтобы можно было омыть и очистить тѣло. Иначе очищается сердце вѣрующаго, иначе очищается умъ человѣка по заслугамъ вѣры. Въ спасительныхъ таинствахъ по требованію нужды и по благоснисхожденію Божию, вѣрующимъ волюнѣ сообщается благодать и при сокращеніи богоучрежденнаго чина. И это никого не должно смущать, что больные окропляются или обливаются водою, когда получаютъ Божественную благодать: ибо Священное Писаніе чрезъ пророка Іезекіиля говорятъ: *и воскроплю на вы воду чисту и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ: и очищу васъ, и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ дамъ вамъ* (Іезек. XXXVI, 25—6). И въ другомъ мѣстѣ: *рече Господь къ Моисею глаголю: помни Левиты отъ среды сыновъ Израилевыхъ, и да очистилъ я. И сице да сотвориши имъ очищеніе ихъ: покропите на нихъ воду очищенія* (Числ. VIII, 5—7); и еще: *вода окропленія очищеніе есть* (Числ. XIX, 9). Отсюда видно, продолжаетъ св. Отець, что и окропленіе водою имѣетъ силу, подобно спасительной купѣли. И когда сіе совершается въ Церкви, при чистой вѣрѣ и дающаго и приѣмлющаго, то все можетъ стать и совершиться по величію Господа и истинности вѣры... Мы видимъ, что крещенные въ болѣзни и получившіе благодать избавляются отъ нечистаго духа, которымъ прежде были одержимы, похвально и одобрительно живутъ въ Церкви, и ежедневно болѣе и болѣе преуспѣваютъ въ приумноженіи божественной благодати, чрезъ приращеніе вѣры... Посему, заключаетъ св. Кипріанъ, сколько мнѣ

дано разумѣть вѣроу, мое мнѣніе таково: всякій, кто приеѣмлетъ божественную благодать въ Церкви по законной и правой вѣрѣ, долженъ быть почитаемъ истиннымъ христіаниномъ“ (1).

Евсевій приводитъ изъ письма римскаго епископа Корнилія (III в.) къ Фабію антиохійскому отрывокъ (2), изъ котораго видно, что Новатъ, когда одержимъ былъ тяжкою болѣзнію и подвергался опасности смерти, на томъ самомъ одрѣ, на которомъ лежалъ, получилъ крещеніе посредствомъ обливанія. И послѣ принятаго такимъ образомъ крещенія, онъ достигъ степени пресвитера. Хотя это сдѣлалось вопреки желанію клира, и не только клиръ, но и многіе изъ народа говорили, что облитаго на одрѣ, во время болѣзни, не слѣдуетъ возводить ни на какую церковную степень; но ни народъ, ни клиръ не требовали перекрещиванія Новата; значитъ, не отвергали принятаго имъ крещенія. А не усумнившійся рукоположить его во пресвитера епископъ, очевидно, признавалъ такое крещеніе дѣйствительнымъ; въ противномъ случаѣ онъ не удостоилъ бы Новата и рукоположенія. Почему же клиръ и народъ не соглашались на рукоположеніе Новата? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ 12-е правило Неокесарійскаго собора, которое говоритъ: „иже болѣзни ради крестився, да не будетъ пресвитерь, аще не подвига ради иже по крещеніи, и учительства, и скудости ради челоуѣкъ.“⁴ Крещенные на одрѣ обливательнымъ крещеніемъ не могли проходить обыкновеннаго въ первенствующей Церкви оглашенія и были приготовляемы ко крещенію

(1) Epistol LXIX ad Magnum.

(2) Церк. Ист. Евсев. кн. VI, гл. 43, изд. 1858 г.

не такъ, какъ всѣ другіе, долженствовавшіе проходить путь испытанія въ своей вѣрѣ и укрѣпленія въ ней. Даже самое крещеніе ихъ было почти недобровольное, вынужденное опасностію смерти. Этого основанія было достаточно, чтобы считать крещенныхъ на одрѣ менѣ твердыми и совершенными въ вѣрѣ христіанской, чѣмъ тѣхъ, кои крещены были по собственному желанію и послѣ предварительнаго оглашенія, приготовленія и испытанія; а этого въ свою очередь было довольно, чтобы не спѣшить возведеніемъ ихъ на степень священства. Эту именно причину (1) и приводитъ Соборъ Неокесарійскій въ основаніе своего опредѣленія не возводить на священныя степени крещенныхъ въ болѣзни. Впрочемъ изъ этого опредѣленія самъ соборъ дѣлаетъ исключеніе, когда говоритъ, что и крещенный въ болѣзни, ради добродѣтели, открывшейся послѣ крещенія, и способности къ учительству, равно по недостатку людей достойнѣйшихъ, можетъ быть возведенъ на степень пресвитера. А послѣ этого нѣтъ нужды доказывать, что и при рукоположеніи Новата клиръ и народъ препятствовали этому неизъ-за обливательнаго крещенія, а по предполагавшейся нетвердости его въ вѣрѣ, или и потому, что Новатъ, по свидѣтельству Корнилія, не былъ запечатлѣнъ епископомъ, т. е. не былъ муропомазанъ.

Св. Златоустъ, похваляя тѣхъ, которые не откладывали крещенія до конца жизни, говоритъ: „хотя какъ вамъ, такъ и тѣмъ, которые крестятся при концѣ жизни, *сообщается равная благодать* (ισα της χαριτος), но вы

(1) См. правило въ полномъ его чтеніи въ курс. церк. законов. т. 1, стр. 368, и объясненіе.

неравны съ ними во предъизбранію воли и по приготовленію къ дѣйствию. Ибо тѣ принимаютъ крещеніе на одрѣ, а вы въ лонѣ Церкви—нашей общей матери; они плача и рыдая, а вы радуясь и ликующуя (1)4. Ясно, что св. отецъ признавалъ дѣйствительнымъ крещеніе, принимаемое больными дома—на одрѣ. А это крещеніе, какъ замѣчаетъ объ этомъ самъ св. Златоустъ, совершалось чрезъ обливаніе (2).

И не только въ болѣзни и въ случаѣ опасности смерти, но и въ другихъ случаяхъ нужды, древняя Церковь позволяла при совершеніи крещенія замѣнять погруженіе обливаніемъ, какъ напр. случалось при стѣснительныхъ обстоятельствахъ во времена гоненій на Церковь. Такъ о св. Лаврентіѣ, діаконѣ римской церкви III вѣка, повѣствуется, что онъ, находясь въ темницѣ, крестилъ нѣкоего воина, по имени Романа, посредствомъ обливанія. Въ другой разъ онъ крестилъ такимъ же способомъ нѣкоего Луцилла (3). Во время гоненія Максиминова, св. мученикъ Ермогенъ подобнымъ образомъ крещенъ былъ въ Александріи находившимися тамъ епископами, о чемъ свидѣтельствуетъ Минея Четья: „собраннымъ епископомъ, читаемъ подъ 10 числомъ декабря, иже отъ окрестныхъ мѣстъ и пустынь приидоша во Александрію, овѣ словесныя своя овцы посѣтити, и иже подвигъ мучениковъ видѣти хотящія, и бяше въ числѣмъ тринадцать: тѣмъ собравшимся, и водѣ уготованнѣй бывшей, и повелѣ (?) Ермогену, да преклонитъ гмыву свою епископомъ; ти же *возливающе* воду на

(1) Ad illuminandos Cateches. 1. opp. t. II, pag. 226. ed. Monfalcon. 1718 an.

(2) Вое. св. Дав. въ Хр. Чт. 1856 г. стр. 30.

(3) Act. Sanct. ed. 1618. August. 10. act. 1. Laurent. pag. 97.

главу его глаголаху: прие́млетъ баню отрожденія Ермогенъ; во имя Отца и Сына и Святаго Духа: и тако крещенъ бысть судия предъ всѣмъ народомъ, и вси людіе славу возсылаху Христу Богу; крестися же и народа множество, и бысть радость велия во всемъ градѣ“ (1). Св. мученикъ Власій, иначе Вуноль, вверженный мучителемъ въ кипящую воду въ котлѣ, посредствомъ окропленія крестилъ нѣкоторыхъ воиновъ, увѣровавшихъ во Христа. „Воини же, читаемъ въ прологѣ, иже святаго отъ коноба изяти пришедше, по повелѣнію игемоньову, и того жива и со ангелы поюща видѣвше, христіаны себѣ проповѣдаша... Христовъ же мученикъ воѣхъ вѣровавшихъ отъ таковаго коноба *акропосъ*, крести ихъ во имя Святой Троицы“ (2).

По извѣстіямъ Миней-Четви, крещеніе чрезъ окропленіе нерѣдко принимали во время гоненій св. мученики по непосредственному дѣйствию Божию. Такъ крещены были: священномученикъ Гаведдай, мученики: Акивадинъ, Ипатій, Феодуль, Филимонъ и др. Вотъ сказаніе объ этомъ Миней-Четви: „Дадій и Авдій христіане суще, стояща пишуща отай мучениковъ страданія, боящеся страха царева; къ нимъ же святой Гаведдай рече: аще есть возможно вамъ, принесите ми воду и масло, да крещую: аще ли нѣсть возможно, молитесь, да избуду грѣховъ. И се облакъ малъ, яко игла, *излія* на главу его воду и масло, и гласъ изъ облака глаголюй: се пріялъ еси крещеніе, рабе Божій, и просвѣтися лице его, яко свѣтъ, и благоуханіе не мало явися; слышавъ же гласъ оный, бише благодаря и слава Бога (3)“.

(1) Ч. М. 1714 г. Киев. подъ 10 дек.

(2) Пролог. Моск. 1702 г. подъ 3 февр.

(3) Ч. Мин. Москв. 1702 подъ 29 сент.

Объ Акиндиѣ и пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ говорится слѣдующее: „святїи мученицы, возведше на небеса очеса своя, молахуся о нихъ (увѣровавшихъ) глаголюще: живый въ вышнихъ Боже, призри на рабы твоя, призывающїи имя твое во истинѣ, и ниспосли орошеніе новому твоему достоянію, тѣмъ людемъ, иже нынѣ въ Тя увѣроваша, яко да будетъ имъ врачевство и исцѣленіе роса отъ Тебе исходящая, грѣховныя немощи омывающая: и да знаютъ вси Тебе единого быти Бога, и всяческая, о царю, Твоей да повинуются власти. Тако святымъ глаголющимъ и молитву скончевающимъ, внезапно быша блистанїя и громы страшныя и дождь великъ спаде, и исполнившеся страха и ужаса невѣрнїи; бѣжаша, самымъ точїю тѣмъ съ мученики оставшимъ, иже во Христа вѣроваша, къ нимъ же рече святїи: не бойтеся, ибо васъ ради сія суть, яко дождемъ тѣмъ крещенїя таинство на васъ совершится; егда же вси единогласно Богови славу возсылаху, видѣно бѣ множество ангеловъ сходящихъ, иже бѣлыми одеждами люди новопросвѣщенныя одѣваху, являюще очищенныя ихъ быти души вѣрою святою и водою свяще на нихъ спешшею“ (1).

А вотъ сказанїе о крещенїи Ипатїа и Феодула: „Леонтїю святому теплѣ помолившуся, облакъ свѣтель снїде на Трїбуна Ипатїа и на друга его Феодула, и осѣнивъ я, испусти на ны дождь и крести я. То видѣ св. Леодтїй, призываше надъ ними во время одожденїа ею имя Пресвятыя Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа; по чудесномъ же томъ крещенїи рече: слава Тебѣ Боже мой, яко молитву любящихъ Тя не презираеши, и волю

(1) Ч. Мян. Могилев. 1702 г. подъ 2 мѣсбр.

боящихся Тя исполняеши: облекъ же Леонтій новокрещенныя во одежды бѣлы, повелѣ возженныя свѣщи носити предъ ними“ (1).

Наконецъ также чудесно крещенъ былъ мученикъ Филимонъ, о которомъ Четь-Миней передаетъ слѣдующее: святой Филимонъ во время состязанія съ Игемономъ „ста посреде собора и велегласно возопи: молю вы, аще кто отъ васъ есть іерей христіанскій и не брежетъ о мукахъ благочестія ради, да приидетъ скоро съмо и божественное ми даруетъ крещеніе; видя же всѣхъ страхомъ связанныхъ и ни единого же дерзающа приити къ нему и явити себе священна христіанина, болѣ сердцемъ и абіе съ теплыми слезами къ Богу воззва: Боже мой Христе! призрѣвый на мя благоутробнѣ и изъ глубины заблужденія воззвавый мя, не остави мене безъ святаго крещенія быти, но имъ же въси образомъ, яви ми іерея и воду, отъ него же и въ ней же, яко же и прочіи христіане, крещуся. И тако ему помолившуся, абіе облакъ дождевень свыше сниде, и стояща его посреди окружи и крести, всѣмъ зрящимъ и удивляющимся, и паки выпръ взятся облакъ“ (2).

Всѣ указанные примѣры крещенія чрезъ окропленіетѣмъ болѣе должны имѣть значеніе въ глазахъ безпоповцевъ, что тутъ дѣйствовалъ самъ Богъ, и притомъ—въ отношеніи къ лицамъ святымъ—мученикамъ. Вообще не смотря на общеупотребительный способъ крещенія въ древней церкви посредствомъ погруженія, было довольно и такихъ примѣровъ, когда въ особенныхъ случаяхъ крестили и чрезъ обливаніе и чрезъ окропленіе; и если

(1) Ч. Мин. Кіев. 1708 г. подъ 18 іюня.

(2) Ч. Мин. Кіев. 1714 г. подъ 14 декабр.

положительно можно сказать, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ всеобщимъ и непремѣннымъ способомъ крещенія было погруженіе: то не менѣе положительно можно утверждать и то, что въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, когда не было возможности совершать погруженія, употреблялось обливаніе, или окропленіе (1).

Примѣру древней церкви и въ послѣдующія времена постоянно слѣдовала православная восточная церковь. Она не запрещала въ случаяхъ нужды крестить чрезъ обливаніе, а запрещая перекрещивать Латинь (о чемъ уже была рѣчь), тѣмъ прямо признавала дѣйствительнымъ и распространившееся тамъ обливательное крещеніе.

Такъ у Зонары (XII в.), въ сборникѣ церковныхъ правилъ говорится: „аще хоцетъ дитя умрети, родители его да призовуть іерея, да крестить е... Аще іерей обрящеть ѿ концы уже, да *кропитъ* е. водою святыхъ богоявленій, и речеть молитву крещальну надъ нимъ, и тако окрещено бысть“ (прав. 168). На соборѣ Константинопольскомъ 1301 года, въ присутствіи многочисленнаго сонма греческихъ и частью русскихъ іерарховъ, по нуждамъ, открывшимся въ то время въ русской церкви, предложенъ былъ между прочимъ такой вопросъ: „приходящихъ отъ татаръ, хотящихъ креститься, и не будетъ велика сосуда, въ чемъ погружати ему“ (священнику)? Пастыри православныхъ церквей не усумнились сказать и утвердить: „да *обливаетъ* его триж-

(1) Вальеридъ Страбонъ (IX в.) говоритъ: „должно замѣтить, что не только посредствомъ погруженія, но и посредствомъ обливанія крестили многихъ въ древности; и нынѣ можно крестить, если настоятъ необходимость.“ (De reb. eccles. сар. 26 въ Max. Bibliothec. Veter. Patr. t. XV, pag. 197, ed. 1677 an)

ды, глаголя: во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (1). Если бы православная Церковь отрицала силу и дѣйственность обливательнаго крещенія, то предстоятели ея, конечно, не рѣшились бы постановить такое опредѣленіе.

По примѣру восточной Церкви и наша русская церковь еще въ то время, когда, по сознанію самихъ безпоповцевъ, она была православна и непогрѣшима, дозволяла въ случаѣ нужды совершать крещеніе чрезъ обливаніе, или окропленіе. Такое позволеніе встрѣчаемъ мы въ двухъ до-Никоновскихъ служебникахъ, изъ которыхъ одинъ изданъ въ 7110 (1602) году, а другой напечатанъ въ 7124 (1616) году. Вотъ что говорится въ этихъ служебникахъ: „аще боленъ будетъ младенецъ, то подобно (не надобно ли?) быти въ купѣли водѣ теплой, и погрузить (священникъ) е въ водѣ по выю, и воаливаетъ ему на главу воду отъ купѣли десною рукою трижды, глаголя: крещается рабъ... и тако крещено бысть“. Если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что одинъ изъ указанныхъ служебниковъ изданъ при П. Іовѣ, а другой по смерти Гермона (въ періодъ между патріаршества) (2), то поймемъ, какъ важно должно быть для безпоповцевъ свидѣтельство этихъ служебниковъ о томъ, что въ случаѣ нужды можно совершать крещеніе и чрезъ обливаніе. Напрасно безпоповцы говорятъ (3), что это — типографская ошибка, которая послѣ (при П. Филаретѣ) была исправлена. Подобныя ошибки, состоящія изъ цѣлыхъ

(1) Рукоп. Моск. д. ак. № 191, вопр. 23; у Карамзина (Ист. Гос. Рос. Т. IV, пр. 181) невѣрно сказано: „да погружаетъ его трижды“.

(2) Прац. дух. Питир. л. 44 об.

(3) Пом. отв. 50, ст. 35; Меч. дух. л. 64.

мыслей, невозможно объяснять опечаткой. А имѣя въ виду сказанное прежде, можно понять всякому, что вышеприведенное правило указанныхъ служебниковъ есть почти буквальное повтореніе словъ Зонары (1).

Такимъ образомъ и примѣръ древней церкви вселенской, и примѣръ древней церкви русской, показываютъ, что крещеніе чрезъ обливаніе, или окропленіе, не можетъ быть признано ересію, какъ смотрятъ на него безпоповцы, напротивъ должно быть признано крещеніемъ дѣйствительнымъ, сообщающимъ вѣрующимъ благодать Святаго Духа. Поэтому если бы церковь наша узаконила совершать крещеніе не чрезъ погруженіе, но чрезъ обливаніе, и въ такомъ случаѣ считать ее за эту церковь еретическою, а крещеніе ея—достойнымъ перекрещиванія, было бы несправедливо. Но признавая, что обливаніе при совершеніи крещенія не уничтожаетъ силы таинства, православная Церковь не вводитъ однакожь этого способа крещенія во всеобщее употребленіе, какъ поступила въ этомъ случаѣ церковь западная. И въ этомъ православная Церковь точно слѣдуетъ примѣру древней Церкви вселенской, въ которой хотя употреблялось въ извѣстныхъ случаяхъ и обливаніе, но обыкновеннымъ и общеупотребительнымъ способомъ крещенія было и строго правильнымъ признавалось погруженіе.

И. Нильскій.

(1) Подробнѣе объ обливат. крещеніи см. въ Твор. св. Отц. 1855 г. кн. 4, а также въ труд. Кіев. дух. акад. 1864 г. Іюль, стр. 335—338.

ОСОБЕННОСТЬ ВЪ УЧЕНИИ ПОМОРЦЕВЪ

КАСАТЕЛЬНО КРЕЩЕНІЯ.

Нѣкоторые изъ безпоповцевъ, именно поморцы, учать, что крещеніе должно совершать надъ человѣкомъ въ послѣднюю пору его жизни, въ старости—предъ смертію, чтобы человѣкъ, очищенный отъ грѣховъ въ купѣли крещенія, перешелъ въ жизнь вѣчную чистымъ и святымъ (1). На этомъ основаніи многіе изъ поморцевъ принимаютъ крещеніе предъ самою смертію, или по крайней мѣрѣ не раньше 30 лѣтняго возраста. Нельзя не сознаться, что древность не противъ такого ученія. Мы могли бы указать не мало самыхъ досточтимыхъ лицъ изъ исторіи христіанской Церкви, которыя принимали крещеніе уже въ зрѣломъ возрастѣ, а иногда даже предъ самою смертію. Не дѣлаемъ этого потому, что подобные примѣры, вѣроятно, извѣстны каждому. Замѣтимъ только, что въ IV и V вѣкахъ обычай принимать крещеніе въ болѣзнях—предъ смертію былъ особенно распространенъ. Но не можемъ не прибавить и того, что тогда же этотъ обычай былъ строго осуждаемъ пастырями Церкви и—не несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ побуждать человѣка принимать крещеніе уже только въ

(1) Рухов. для сельск. пастыр. 1860 г. № 43. стр. 266; Обзор. Пермск. раск. 1863 г. стр. 119 и 121.

зрѣломъ возрастѣ и—даже въ старости—предъ смертію? Или мысль, что для усвоенія даровъ благодати, какіе подаются въ таинствѣ крещенія, необходимо полное развитіе сознанія и умственныхъ силъ, чтобы можно было дать обѣты Богу, понимая ихъ высоту и важность; или желаніе перейти въ вѣчную жизнь—чистымъ отъ грѣховъ, какъ первороднаго, такъ и произвольныхъ; или наконецъ—желаніе провести жизнь, какъ кому хочется, не связывая себя не легкими обѣтами христіанина, а послѣ предъ самую смертію однимъ разомъ сбросить съ своихъ плечъ довольно порядочный запасъ разнаго рода мерзостей... Не споримъ, что первая причина не лишена основательности; однакоже и не настолько разумна, чтобы изъ за ней необходимо было откладывать крещеніе до зрѣлаго возраста, особенно—до времени предъ смертію. Кто не сознается, что было бы очень хорошо взять на себя обѣты, налагаемые на каждаго въ таинствѣ крещенія, въ ту пору жизни, когда въ человѣкѣ раскрылись душевныя способности, необходимыя для усвоенія истинъ вѣры, что требуется отъ каждаго, желающаго вступить въ Церковь Христову, — образовался характеръ, безъ котораго трудно опредѣлять себя на какія бы то ни было подвиги, — тѣмъ болѣе, на подвиги, требуемые отъ христіанина, обязаннаго подвизаться за вѣру нерѣдко даже до крови. Но кто можетъ поручиться, что онъ доживетъ до той поры, когда въ состояніи будетъ сознательно усвоить себѣ тѣ дары благодати, которые изливаются на крещаемаго младенца еще безсознательнаго? Жизни нашей грозитъ на каждомъ шагѣ столько самыхъ непредвидѣнныхъ опасностей, что ручаться за ея цѣлость даже на нѣсколько дней, не только годовъ, — рискъ, быть можетъ, и благородный, но едвали благоразумный.

Доказывать это нѣтъ нужды; когда опытъ такъ часто разрушаетъ человѣческіе расчеты на долговѣчность. А между тѣмъ какую страшную потерю понесъ бы человѣкъ, если бы вмѣсто того, чтобы сдѣлаться христіаниномъ еще въ младенчествѣ, онъ, положимъ, по несчастнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ перейти въ вѣчность безъ крещенія. Съ другой стороны Церковь предупредила всѣ возможныя недоумѣнія касательно способности младенцевъ къ крещенію, когда опредѣлила и требуетъ, чтобы при крещеніи каждаго младенца были поручители и за его вѣру настоящую и за его христіанскую дѣятельность въ будущемъ. Сознаемся, что иногда такъ называемые крестные отцы и матери видятъ своихъ духовныхъ дѣтей только во время крещенія ихъ; но вѣдь злоупотреблять можно всѣмъ, — даже и такими высокими и священными обязанностями, каковы обязанности восприемника отъ купѣли крещенія; только злоупотребленіе ничего не говоритъ противъ употребленія чего бы то ни было. Не можемъ не замѣтить и того, что самая мысль о малоспособности дѣтей къ сознательному усвоенію даровъ благодати крещенія, на нашъ взглядъ, — мысль довольно не ясная, чтобы можно было во имя ея дѣлать что либо несогласное съ общепринятымъ обычаемъ Церкви. *Духъ, идѣже хочетъ, дышетъ* (Іоан. III, 8). Трудно сказать, чья душа способна прислушиваться къ тихому вѣянію Духа, — младенца ли, у котораго — одна вина, что онъ родился отъ потомковъ Адама, или взрослого, успѣвшаго вложить въ свою душу новый запасъ разнообразныхъ нечистотъ. „У тебя есть младенецъ? говоритъ св. Григорій Богословъ, — не давай времени усилиться поврежденію; пусть освященъ будетъ въ младенчествѣ и съ юныхъ ногтей посвященъ Духу.

Ты боишься печати, по немощи естества, какъ малодушная и маловѣрная мать? Но Анна и до рожденія общала Самуила Богу, и по рожденіи скорѣ посвятила, и воспитала для священной ризы, не боясь чело-вѣческой немощи, но вѣруя въ Бога⁴ (1). Да наконецъ равнѣ мы имѣемъ право сомнѣваться въ способности дѣтей къ усвоенію даровъ благодати крещенія, когда Самъ Господь сказалъ: *оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прийти ко Мнѣ: таковыя бо есть царство небесное* (Мѣ. XIX, 14; снес. XVIII, 3; Марк. X, 15; Лук. XVIII, 15). А войти въ Царствіе Божіе можетъ, по слову Господа, только тотъ, кто *родится свыше*, т. е. крестится (Иоан. III, 4).

Что касается другаго основанія, на которомъ безпоповцы могутъ утверждать свой обычай — откладывать крещеніе до старости, — то нельзя не сознаться, что желаніе перейти въ вѣчность чистымъ отъ всякихъ грѣховъ, не только первороднаго, но и произвольныхъ, само по себѣ весьма похвально; то лько нельзя одобрить средства къ осуществленію этого желанія. Мы вѣруемъ, по слову извѣстнаго всѣмъ проповѣдника, что Господь приметъ начавшаго трудъ для него и въ единодесятый часъ (2); но думаемъ, что — въ томъ только случаѣ, когда поздній приходъ на дѣло Господне зависѣлъ не отъ желанія только воспользоваться щедростію Домовладыки, но по невозможности начать трудъ для Господа раньше, чѣмъ бы ни было причиной этой невозможности. Иначе грозитъ опасность получить названіе лѣниваго и лукаваго раба, а съ тѣмъ вмѣстѣ и участь, указанная такому рабу Самимъ

(1) Слов. на крещ. въ твор. св. отц. III, 287; снес. Больш. Катих. л. 369 и 371.

(2) Св. Златоустъ въ словѣ на пасхалы. утрени.

Господомъ (Мѣ. XXV, 26—30). Въ самомъ дѣлѣ, если, по вѣрному Слову Божію, каждый на судѣ получить изду по *своему труду, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2 Кор. V, 10; снес. I. Кор. III, 8), — то на какую же награду могутъ рассчитывать люди, которые всю жизнь проведутъ язычески и только на смертномъ одрѣ примутъ крещеніе, чтобы чистыми перейти въ жизнь загробную? А вѣдь безъ благодати Божіей, которая первый разъ сообщается человѣку только въ крещеніи (разумѣемъ обыкновенный порядокъ вещей, не касаясь случаевъ чрезвычайныхъ, на которые рассчитывать можетъ не всякій) нельзя сдѣлать ничего добраго въ смыслѣ христіанскомъ (1).

Наконецъ послѣдняя причина, по которой еще въ древности многіе отлагали крещеніе до старости, даже не заслуживаетъ того, чтобы показывать ея несостоятельность, — такъ много дурнаго предполагаетъ она въ тѣхъ, кои руководствуются ею. Жить, какъ вздумается, цѣлую жизнь, своевольничать, сколько душѣ угодно, до самой старости и потомъ за нѣсколько времени до смерти, когда и тѣло и душа, измученныя грѣхами, отказываются отъ всякой дѣятельности, принять крещеніе, чтобы зачислить себя въ число учениковъ Христовыхъ, — не значитъ ли это самымъ дѣломъ, всѣмъ существомъ своимъ сказать Господу: „возьми, Воже, что въ мѣрѣ негоже“? Не знаемъ, что-то скажетъ Господь такимъ людямъ, когда придетъ время воздать каждому по дѣламъ его.

Мы не знаемъ достоверно, по какимъ причинамъ нѣкоторые изъ померцевъ вздумали возвратиться къ обычаю, существовавшему у многихъ еще въ древнія вре-

(1) Посл. восточн. патр.
ч. II.

мена, — креститься только предъ смертію; но смѣемъ сказать, что что бы ни придумали они въ этомъ случаѣ въ свое оправданіе, ничто не спасетъ ихъ отъ тѣхъ грозныхъ обличеній, какія направлялись противъ подобныхъ умниковъ св. отцами и учителями Церкви. Вотъ что говоритъ напр. св. Златоустъ касательно разсматриваемаго предмета: „прекрасны и вождѣнны тайства, но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душою. Тогда—время не тайствъ, но завѣщанія; а время тайствъ—здравіе ума и цѣломудріе души. Скажи мнѣ: если никто не рѣшится написать завѣщаніе, находясь въ такомъ состояніи, а если и напишетъ, то дастъ возможность, впоследствии опровергнуть его, — почему и начинаютъ завѣщанія вотъ этими словами: „я, при жизни, находясь въ полномъ и здоровомъ разумѣ, дѣлаю распоряженіе о своемъ имуществѣ“; то какъ возможно тому, кто потерялъ сознание, быть правильно посвященнымъ въ тайства? Если мірскіе законы не позволяютъ составлять завѣщанія о житейскихъ вещахъ человѣку, не вполне владѣющему разумомъ, и не смотря на то, что онъ будетъ распоряжаться своимъ имуществомъ; то какъ ты, наставляемый (въ ученіи) о небесномъ царствіи и о тѣхъ неизреченныхъ благахъ, въ состояніи будешь ясно все узнать, когда отъ болѣзни часто теряешь и рассудокъ?“

„Итакъ, если ты еще сомнѣваешься въ томъ, что Христосъ есть Богъ, то стой внѣ (церкви), не слушай божественныхъ словъ и не считай себя въ числѣ оглашенныхъ. Если же не сомнѣваешься и ясно знаешь это; то за чѣмъ медлишь? За чѣмъ уклоняешься и откладываешь? Боюсь, говоришь, какъ бы не согрѣшить. А не боишься того, что страшишь,—какъ бы не отойти туда

съ такимъ тяжкимъ бременемъ? Вѣдь не все равно—не принять благодати предлагаемой и, рѣшившись жить добродѣтельно, — погрѣшить. Скажи мнѣ: если станутъ обвинять тебя, за чѣмъ ты не преступилъ (къ крещенію), почему не жилъ добродѣтельно, — что ты скажешь? Тамъ ты еще можешь, пожалуй, послѣдиться на тяжесть заповѣдей и добродѣтели; но здѣсь нѣтъ ничего такого, здѣсь благодать, туе дающая свободу. Ты боишься, какъ бы не согрѣшить? Говори это послѣ крещенія, тогда имѣй этотъ страхъ, — для того, чтобы сохранить дерзновеніе, которое ты получалъ, а не для того, чтобы уклоняться отъ такого дара.... И такъ не будемъ выжидать времени, чтобы чрезъ медленность и отлагательство не лишиться такихъ благъ и не отойти безъ нихъ. Какъ, думаете вы, я скорблю, когда слышу, что кто нибудь отошелъ отсюда, не бывъ посвященъ въ таинства, и представляю себѣ тѣ востерпимыя муки и неизбѣжное наказаніе! Какъ опять я сокрушаюсь, когда вижу другихъ, дошедшихъ до послѣдняго издыханія, но и тѣмъ не вразумляющихся? По сему-то и происходитъ многое, недостойное этого дара. Слѣдовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться вѣнцами, когда кто нибудъ посвящается въ таинства; а (у насъ) жена больного, когда услышитъ, что врачъ совѣтовалъ это, сокрушается и плачетъ, какъ о какомъ нибудъ несчастіи; вездѣ въ домѣ вопли и стenanія, какъ будто бы преступника отводили на казнь. Да и самъ больной тогда въ особенности печалится, а если выздоровѣетъ, то еще больше сокрушается, какъ будто ему сдѣлали великое зло. Такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ добродѣтели, то лѣзнится и уклоняется отъ слѣдующихъ за тѣмъ подвиговъ. Ви-

дннъ, какія козни устронетъ дiаволь, какому (подвер-
гастъ) стыду, какому посмѣянію? Освободимся же отъ
этого посмѣянія. Будемъ жить, какъ Христосъ заповѣ-
далъ: Не для того Отецъ далъ крещеніе, чтобы мы, при-
живши его, отощали (въ вѣчность), но чтобы, поживши,
показали плоды. Какъ скажешь: „принеси плоды“ тому,
кто уже отходить, кто уже отсѣченъ? Не слышала ли,
что *плодъ духовный есть любви, радость, миръ* (Гал. V, 22)?
Какъ же происходитъ проливное? Жена стоитъ въ сле-
захъ, когда бы слѣдовало радоваться, дѣти рыдаютъ,
когда бы нужно было веселиться, самъ больной лежитъ
враченъ, въ страхъ и смущеніи, когда бы должно было
торжествовать: онъ весь въ печали отъ мысли о си-
ротствѣ дѣтей, о вдовствѣ жены, о запустѣніи дома.
Тагы-ли, снами мнѣ, приступаютъ къ таинствамъ? Такъ
ли приобщаются священной трапезы? Можно ли это сне-
сти? Если царь поидеть указъ объ освобожденіи узни-
ковъ изъ темницы, — бываетъ веселіе и радость; а когда
Богъ посылаетъ съ небесъ Духа Святаго и прощаетъ
все денежныя недомки, но все вообще грѣхи, — вы все
кладете и сокрушаетесь! Что это за несообразность?
Не говорю еще о томъ, что и на мертвыхъ была изли-
вается вода, а на землю была повергаема святыня; но
не мы въ этомъ виноваты, а люди безразсудные“ (1).

И. Нильскій.

(1) Вост. на Дни. въ Христ. Чт. 1856 г. стр. 26—30.

СОЕДИНЕННЫЕ АМЕРИКАНСКІЕ ШТАТЫ

ВЪ РЕЛИГИОЗНО-ЦЕРКОВНОМЪ ОТНОШЕНІИ.

(Окончаніе.)

Въ былое время (это время можно опредѣлить 1775—1840 г.) приобрѣтеніе хорошаго проповѣдника (1) было дѣломъ самымъ труднымъ для американскихъ церковныхъ общинъ. Въ первое время по возстановленіи независимости штатовъ и обнародованіи закона о безусловной религіозной свободѣ, когда весь старыи порядокъ вещей рухнулъ, а новый еще не установился, церковныя общины брали себѣ въ проповѣдники первого встрѣчнаго. Страшныя смуты и самыя неожиданныя случайности были слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ. Одна часть общины хотѣла имѣть одного, другая — другаго, третья — третьяго проповѣдника. Случалось и такъ, что когда послѣ длинныхъ споровъ дѣло, наконецъ, улаживалось и одного изъ кандидатовъ принимали; вдругъ чрезъ нѣсколько времени получалось извѣстіе въ газетахъ о побѣгѣ изъ тюрьмы или каторги

(1) Протестанты вообще и американскіе протестанты въ особенности любятъ называть своихъ пасторовъ проповѣдниками предпочтительно предъ всякими другими названіями. Такъ какъ это названіе, точнѣе всѣхъ другихъ опредѣляетъ отношенія американскихъ духовныхъ къ ихъ служенію и ихъ общинамъ, то и мы будемъ удерживать это названіе.

какогонибудь арестанта и примѣты этого бѣглеца какъ разъ подходили къ личности только что принятаго проповѣдника. Самозванца забирали, и община опять оставалась безъ проповѣдника, или опять принимала какогонибудь бродягу.

Но въ настоящее время, когда основныя формы церковнаго устройства окончательно установились, выборъ проповѣдниковъ въ общины не подверженъ уже больше такимъ случайностямъ. Мы говорили раньше, какъ выбираются проповѣдники въ епископальной и методистской церкви. Въ церквахъ, удерживающихъ пресвитеріальную форму, этотъ выборъ происходитъ двояко: или община, въ которой открылось проповѣдническое мѣсто, обращается къ своему синоду съ просьбою, чтобы онъ прислалъ ей проповѣдника, или сама присылаетъ къ нему кандидата на открывшееся мѣсто и проситъ подвергнуть его предварительному испытанію. Въ первомъ случаѣ синодъ самъ избираетъ кандидата и съ своей рекомендаціей отправляетъ въ общину, во второмъ подвергаетъ присланнаго ему кандидата богословскому экзамену и со своимъ мнѣніемъ отсылаетъ назадъ въ общину. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ рекомендація или отзывъ синода не обязательны для общины, и она можетъ по произволу уважить или не уважить то и другое. Въ церквахъ, удерживающихъ индипендентскую форму устройства, выборъ проповѣдника окончательно и безусловно рѣшается притворомъ членовъ общины.

Предлагающій свои услуги общинѣ, или рекомендуемый синодомъ проповѣдникъ, говоритъ разъ, или два пробныя проповѣди и если понравится членамъ общины, особенно вліятельнымъ между ними, то дѣло тотъ-

часть же и улаживается. Община заявляет синоду, что она согласна принять присланного ей проповедника; синодъ въ ближайшемъ засѣданіи утверждаетъ избраннаго проповедника на его мѣсть. Принятію проповедника въ общину предшествуетъ подписка на его содержаніе. Подпиской листъ или утверждается законный периодомъ въ гражданскомъ судѣ и тогда имѣетъ силу гражданскаго контракта, или передается въ судъ для храненія. Въ первомъ случаѣ все дѣло получаетъ юридическій характеръ и неустойка вырывается съ виновной стороны закономъ. Во второмъ — оно имѣетъ нравственный характеръ и только нравственную обязательность. Обыкновенно англо-американцы подписываютъ щедрѣе, нѣмцы скупѣе. Значительная часть подписной суммы въ сельскихъ приходахъ переводится на жизненные продукты, особенно во время недостатка въ деньгахъ. Сельскіе проповѣдники (обыкновенно получающіе отъ 200 до 600 долл.) пятую часть своего содержания получаютъ натурой. Годовое жалованье проповѣдниковъ въ различныхъ церквяхъ бываетъ чрезвычайно различно. Проповѣдники англиканской высокой церкви (high church) получаютъ больше всѣхъ, — нѣмецко-реформатской меньше всѣхъ. Лютеранскіе проповѣдники между Филадельфійей и Питтсбургомъ, вообще выдѣлы обезпечены со стороны содержанія, но разбросанность приходовъ на нѣсколько десятковъ миль очень затрудняетъ для нихъ исполненіе ихъ обязанностей. Впрочемъ эти затрудненія совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя испытываютъ проповѣдники сѣверной Пельсинавадіи и Огіо, которые въ теченіе года принуждены бываютъ извѣдывать отъ 5 до 6000 миль, чтобы повѣстать всѣхъ членовъ своей общины

Положеніе этихъ проповѣдниковъ достойно участія, объ усовершенствованіи своихъ познаній они и думать не могутъ, потому что почти не сходятъ съ лошади. Въ каждое воскресенье они должны проповѣдывать два раза и при этомъ еще отъ одной церкви до другой должны проѣхать верхомъ миль 20. Горные потоки, дождь, снѣгъ, жаръ и холодъ не должны ихъ останавливать; потому что американецъ вообще на всѣ эти вещи не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. И за всѣ свои труды и лишения эти проповѣдники получаютъ отъ 200 до 300 долл. въ годъ отъ 10 или 12 общинъ, которыя они должны объѣздить въ теченіе года. Можно себѣ представить, каково финансовое положеніе этихъ бѣдниковъ, иногда обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ.

Вообще говоря, финансовое положеніе здѣшнихъ проповѣдниковъ большею частію далеко не соответствуетъ тѣмъ трудамъ, которые имъ нужно выносить. Мы обратили во вниманіе экстраординарные труды и лишения проповѣдниковъ, поставленныхъ географическимъ положеніемъ общинъ въ необходимость совершать чуть не кругосвѣтные разѣзды и сопоставили ихъ съ количествомъ получаемаго ими за то вознагражденія. Обыкновенныя занятія проповѣдника не менѣе тяжелы, хотя и въ другомъ отношеніи, но не болѣе вознаграждаются въ большинствѣ случаевъ. Вотъ перечень недѣльныхъ занятій методистскаго проповѣдника: въ воскресенье онъ долженъ сказать отъ двухъ до трехъ проповѣдей, въ понедѣльникъ вечеромъ уа него чтеніе молитвъ и благочестивая бесѣда въ собраніи класса; по вечерамъ вторниковъ — вечернее богослуженіе, предназначенное нарочито для „не испытавшихъ еще пробужденія“, въ

среду—вечеромъ частныя собесѣдованія и чтеніе библіи въ разныхъ домахъ его прихода по росписанію, напередъ составленному; въ четвергъ — вечеромъ онъ долженъ присутствовать на вечернихъ собраніяхъ класса для чтенія библіи и молитвъ; вечеромъ въ пятницу—на вечернихъ собраніяхъ для утвержденія въ истинахъ вѣры новообращенныхъ; вечеромъ въ субботу—на вечернихъ собраніяхъ класса для молитвы и преподаванія благословенія на наступающее воскресенье. Дни обыкновенно посвящаются пастырскимъ посѣщеніямъ прихожанъ (1). Этотъ перечень недѣльныхъ занятій методистскаго проповѣдника съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ применимъ къ проповѣдникамъ всѣхъ протестантскихъ церковныхъ общинъ въ Америкѣ.

Нравственное же положеніе проповѣдника въ глазахъ его прихожанъ исключительно обуславливается его личностью. Если онъ человекъ умный, образованный, благородный и добросовѣстно исполняющій свое дѣло: то и прихожане относятся къ нему съ уваженіемъ. А если онъ человекъ съ двусмысленной репутаціей: то при первомъ случаѣ обнаруженія нечестности, ему угрожаетъ всеобщее презрѣніе и лишеніе мѣста. Вообще нигдѣ дурное поведеніе проповѣдника не сопровождается такими вредными послѣдствіями для него самаго и для церкви, какъ въ Америкѣ. Бывали случаи, когда какой нибудь проступокъ проповѣдника такъ оскорблялъ общину, что она прерывала всякую связь и съ нимъ и съ церковью. Это происходитъ съ одной стороны отъ того, что въ глазахъ американца лич-

(1) Der Kirchliche Zustand der Vereinigten Staaten von Nord-amerika. Evangelische Kirchen—Zeitung 1837. S. 140.

ность проповѣдника не имѣеть священнаго характера, который заставлялъ-бы отдѣлять въ немъ человека отъ идеи, которой онъ является представителемъ и изъ уваженія къ послѣдней смотрѣть на недостатки перваго, какъ на случайность, нисколько не измѣняющую святости и безусловной обязательности идеи. Въ главнѣйш. американца кто захочеть, тотъ и можетъ быть проповѣдникомъ христіанской истины; но за то не она налагаетъ на него печать санкціи, а онъ на нее. Сама по себѣ она индифферентна для всѣхъ: вслѣдствіе можетъ дѣлать изъ ней такое употребленіе, какое съумѣеть по своему крайнему разумѣнію. Ея сила, значеніе и дѣло опираются не сами на себя, а стоятъ и падаютъ вмѣстѣ съ личностью ея представителя. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ при отсутствіи объективныхъ учреждений (іерархіи, таинствъ и пр.); которые поддерживали бы религію независимо отъ ея случайныхъ представителей. Съ другой стороны это происходитъ отъ того, что проповѣдники здѣсь содержатся на средства общины. Это дѣлаетъ общины требовательными къ проповѣдникамъ и нравственные промахи послѣднихъ заставляютъ иногда круто раздѣляться съ ними, чтобы сбросить съ себя финансовыя къ нимъ обязательства. Это тѣмъ болѣе легко, что съ одной стороны, по протестантскому ученію, всѣ люди—священники, и слѣдовательно можно обойтись и безъ ординарнаго проповѣдника; съ другой, гражданскій законъ нисколько не входитъ въ отношенія прихожанъ къ своимъ проповѣдникамъ и слѣдовательно никакихъ юридическихъ препятствій не будетъ къ крутой расправѣ съ провинившимся проповѣдникомъ.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что

американцы не выискивают случаев къ ссорамъ съ своими проповѣдниками и очень хорошо умѣютъ цѣнить добросовѣстныхъ, знающихъ свое дѣло проповѣдниковъ. Если община богата, то на содержаніе любимого проповѣдника она тратитъ въ годъ до 5000 долл. Кроме того ему дѣлаютъ великолѣпные подарки къ дню его рожденія; покупаютъ для него загородныя дачи, отправляютъ на свой счетъ въ Европу для леченія, если это будетъ признано полезнымъ врачами и проч. Но и здѣсь все дѣлается исключительно изъ уваженія къ его личности съ одной стороны и къ своимъ тратамъ съ другой. Уважая въ своемъ проповѣдникѣ отличнаго человѣка и проповѣдника, общины цѣнятъ въ немъ въ тоже время свои собственныя жертвы для поддержанія дѣла, представителемъ котораго онъ является. Его слава есть ихъ слава; потому что *онъ — мы*. Такииъ образомъ невыгодная сторона такой постановки отношеній между проповѣдниками и общинами состоитъ въ томъ, что общины позволяютъ себѣ иногда самоуправство съ проповѣдниками, проповѣдники получаютъ иногда плохое вознагражденіе и снуды обремененныя денежными дѣлами. Выгодная сторона состоитъ въ томъ, что проповѣдникъ не можетъ смотрѣть на свое мѣсто, какъ на безмятежное пристанище отъ всѣхъ предшествовавшихъ трудовъ и лишеній, не заснетъ непробуднымъ сномъ въ успокоительномъ сознаніи, что оно останется за нимъ навсегда, если только онъ не сдѣлаетъ какой нибудь возмутительной гнусности, а волей неволей долженъ будетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, потому что отъ этого будетъ зависеть его значеніе въ общинѣ и его матеріальное обезпеченіе,

Американскіе синоды и всё вообще церковныя административныя учрежденія, въ какой-бы формѣ они ни были устроены и подъ какимъ-бы названіемъ ни были извѣстны, всё суть частныя ассоціаціи, состоящія изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, или изъ однихъ духовныхъ извѣстной церкви, и завѣдывающія дѣлами этой церкви съ ея согласія. Устройство этихъ учреждений, ихъ порядки и пр. все это — частное дѣло, и если какое нибудь изъ этихъ учреждений разрушается, или та, или другая община отступаетъ отъ него; то правительство объ этомъ ничего не знаетъ. Есть только одно исключеніе, — если община письменно обязалась содержать свою церковь и проповѣдника, и документы объ этомъ хранятся въ государственномъ архивѣ: въ такомъ случаѣ община со всѣми, подписавшимися подъ условіями, членами принуждается къ исполненію этихъ условій закономъ. Опрежденія же церковныхъ административныхъ инстанцій обязательны только для того, кто самъ вздумаетъ считать ихъ обязательными для себя.

Правительство всё свои отношенія къ церкви ограничиваетъ тѣмъ, что содержитъ двухъ капеллановъ на время засѣданій конгресса, которые читаютъ молитву при открытіи засѣданій и по воскреснымъ днямъ говорятъ проповѣди членамъ конгресса. Кроме того оно даетъ субсидіи нѣкоторымъ миссіонерскимъ обществамъ. Наконецъ президентъ союза считаетъ себя обязаннымъ бывать при общественномъ Богослуженіи. Но все это дѣлается не потому, чтобы государственные законы предписывали это, а только изъ уваженія къ христіанскимъ чувствамъ націи. Религія и тутъ оказалась сильнѣе законодательства!

И такъ подъ вліяніемъ принципа свободы практиче-

ским отношеніямъ американскихъ церковныхъ общинъ сложились такимъ образомъ: общины составляются случайно, строятъ, или покупаютъ себѣ церковь, украшаютъ ее по своимъ средствамъ, вкусу и привычкамъ, нанимаютъ себѣ проповѣдниковъ, платятъ имъ за ихъ труды, сколько могутъ, или захотятъ, управляютъ сами (за исключеніемъ епископовъ) и своими церквами и своими проповѣдниками, перемѣняютъ тѣ и другихъ по своему усмотрѣнію и никому не даютъ отчета въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и своихъ дѣйствіяхъ. Правительство по принципу невмѣшательства въ церковныя дѣла страны не мѣшаетъ церковнымъ общинамъ слагаться и разлагаться на всей своей волѣ и выходитъ изъ своего безучастнаго положенія только тогда, когда дастъ ему голосъ нація.

Что же при такихъ условіяхъ остается дѣлать представителямъ церкви—проповѣдникамъ? Это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

IV.

Мы видѣли, что американскіе проповѣдники получаютъ свое содержаніе отъ общинъ, въ которыхъ служатъ, и что это обстоятельство ставитъ ихъ въ зависимое положеніе въ отношеніи къ общинамъ. Это положеніе отражается болѣе или менѣе неблагоприятно и на самомъ проповѣдничествѣ. Американскому проповѣднику остается одно изъ двухъ—или быть креатурой общины, въ которой служить, или превратить ее въ свою креатуру. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ будетъ проповѣдывать своей общинѣ то, что ей угодно, и въ такой формѣ, какая ей нравится. Во второмъ онъ

можетъ проповѣдывать ей все, что ему угодно и насколько не стѣсняться въ выборѣ формы для своихъ проповѣдей. Въ первомъ случаѣ онъ вступаетъ въ готовую общину и поддѣлывается къ ней; во второмъ самъ создаетъ себѣ общину или преобразовываетъ ее. Американская свобода предоставляетъ ему то и другое *ad libitum*. Само собою разумѣется, что первое гораздо чаще встрѣчается, чѣмъ послѣднее,—на столько чаще, на сколько число обыкновенныхъ посредственностей превышаетъ число необыкновенныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) личностей между людьми.

Въ частности на духъ, характеръ и техническую сторону американскаго проповѣдничества имѣютъ вліяніе а) догматическія теоріи нѣкоторыхъ церковныхъ общинъ, б) политическія учрежденія страны, в) школьное образованіе, г) традиція.

а) Подъ вліяніемъ догматическихъ теорій образовался въ американскомъ проповѣдничествѣ особый родъ пріемовъ, не извѣстныхъ ни гдѣ кромѣ Англій (и то отчасти). Этотъ родъ пріемовъ двѣстенъ въ Америкѣ подъ техническимъ названіемъ „новыхъ мѣръ“ (*new measures*). Они возникли впервые въ общинѣ методистовъ и обязаны своимъ происхожденіемъ ихъ теоріи возрожденія. Возрожденіе есть такой актъ, черезъ который человекъ переходитъ *отъ смерти* (грѣховной) *въ жизнь*. Этотъ переходъ совершается черезъ вѣру во Христа. Но человекъ, по мнѣнію методистовъ, долженъ быть убѣжденъ въ томъ, что этотъ переходъ въ немъ действительно совершился. Это убѣжденіе онъ долженъ основывать непременно на осозательно ясномъ фактѣ. Пока его возрожденіе не заявитъ себя этимъ осозательнымъ фактомъ, до тѣхъ поръ онъ возрожденный только по имени, хотя

бы и крещень былъ. Какимъ же фактомъ заявить себѣ дѣйствительное возрожденіе? Фактомъ глубочайшей внутренней скорби и сокрушенія, за которымъ должно послѣдовать чувство сладостнаго успокоенія и безмятежнаго спокойствія. А такъ какъ эти факты не выходятъ изъ предѣловъ естественныхъ явленій въ человѣкѣ; то открывається возможность производить ихъ искусственно. На этой возможности основана сложная система ревивалистовъ (revivals—пробуждаемыхъ), въ составъ которой входятъ и упомянутыя выше „новыя мѣры“.

Методизмъ еще во времена Веслея пришелъ къ мысли при помощи разныхъ пріемовъ производить въ людяхъ внутреннее возрожденіе. Еще тогда начали составлять ассоціаціи изъ духовныхъ и мирянъ съ цѣлю общими силами производить это возрожденіе во всѣхъ, желающихъ наглядно убѣдиться въ своемъ оправданіи и примиреніи съ Богомъ. Въ послѣдствіи эти пріемы, состоявшіе сначала въ общей молитвѣ, составленной въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и произносимой съ поражающей декламаціей, чтеніи тѣхъ мѣстъ библіи, въ которыхъ описывается гнѣвъ и угрозы Божіи грѣшникамъ и под., перешли въ практику проповѣдниковъ и въ этой сферѣ до того оразнообразились и усложнились, что подробное описаніе составило бы цѣлую книгу. Считаю подобный трудъ внѣ предѣловъ своей задачи, мы остановимся только на нѣкоторыхъ, болѣе общихъ и замѣчательныхъ видахъ этихъ пріемовъ. Полнѣйшее выраженіе характера этихъ пріемовъ и ихъ значенія мы находимъ на Camp-Meeting (собранія подъ открытымъ небомъ). Происхожденіе ихъ также относится ко временамъ Веслея. Когда по возстановленіи независи-

мости Штатовъ на первыхъ порахъ Веслей съ его сподвижниками гнали отсюда, благодаря его англійскому происхожденію и вѣрности ученію англиканской церкви, онъ уходитъ съ своими послѣдователями въ дѣсу и тамъ подъ открытымъ небомъ совершалъ Богослуженіе и говорилъ проповѣди. Новость и оригинальная обстановка Богослуженія, исполненная несокрушимой отваги и энергичн рѣчь проповѣдника вскорѣ начали привлекать къ нему многочисленныя толпы слушателей. Необыкновенный успѣхъ увѣчалъ эту въ началѣ случайную мѣру. Умный Веслей легко сообразилъ, какимъ могущественнымъ средствомъ такая мѣра можетъ быть въ рукахъ искуснаго проповѣдника и съ особенною выразительностію рекомендовалъ ее своимъ сотрудникамъ и продолжателямъ своего дѣла. Рекомендація учителя была священна для учениковъ и Camp-Meeting вошли въ обыкновенную практику методистскихъ проповѣдниковъ. Эти Camp-Meetingъ составляютъ такое оригинальное явленіе въ исторіи христіанскаго проповѣдничества вообще и проливаютъ такъ много свѣта на особенности американской церковной жизни въ частности, что мы считаемъ себя обязанными удѣлить нѣсколько словъ на ихъ описаніе. Представьте себѣ толпу отъ 1000 до 4000 человекъ, состоящую изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Эта толпа подъ предводительствомъ нѣсколькихъ проповѣдниковъ отправляется въ глубь дѣса, отыскиваетъ себѣ открытое пространство, онаймленное со всѣхъ сторонъ дѣсомъ и раздѣляется тамъ на группы вокругъ своихъ проповѣдниковъ. Ночь. Многочисленные факелы освѣщаютъ это странное собраніе, которое картинно располагается, — кому намъ удобнѣе. На выскокѣ нѣк срубленнаго дерева становится проповѣдающъ. Въ извѣст-

ной разстояніи отъ него на камнѣ располагается дру-
гой, третій, четвертый и т. д. также помѣщаются—кто
на искусственныхъ (на подмосткахъ изъ досокъ), кто на
естественныхъ (въ родѣ упомянутыхъ выше) возвыше-
ніяхъ. Водворется всеобщая тишина. Среди этой ти-
шины вдругъ раздается голосъ проповѣдника, чуть слы-
шимъ въ началѣ, но постоянно возвышающійся *crescendo*.
Въ рядахъ слушателей слышится вздохъ. Голосъ про-
повѣдника дѣлается громче, жесты оживленнѣе. Вздохъ
смыкается стономъ. Проповѣдникъ начинаетъ кричать
и жестулировать немилосердо. Среди слушателей об-
наруживается неизобразимое смятеніе: стоны, рыданія,
взвизгиванія женщинъ, плачь и крики дѣтей, удары въ
грудь, невольныя движенія руками и ногами мужчинъ,
шумъ, смѣсь, хохотъ со стороны праздныхъ не вѣря-
щихъ ни во что зрителей (1). Адскій гулъ и стонъ слы-
шится въ воздухѣ на нѣсколько миль въ окрестностяхъ.
По этому гулу весь окрестный міръ узнаетъ, что въ
сосѣдствѣ совершился великій актъ возрожденія, четыре
тысячи человѣкъ приобрѣли осязательную увѣренность
въ своемъ спасеніи. Эти Camp-Meeting тянутся иногда
на нѣсколько дней. Не почувствовавшіе возрожденія въ
первый разъ уводятся проповѣдниками дальше въ глубь
лѣса, гдѣ тишина представляетъ болѣе дикую и вну-
шающую обстановку. Углубленіе въ лѣсъ и операція
пробужденія повторяется до тѣхъ поръ, пока не оста-
нется ни одного не возрожденнаго. Бывали случаи, что
нѣкоторые проповѣдники въ теченіе 12 сутокъ (конеч-
но съ необходимыми промежутками) проповѣдывали на

(1) См. въ *Revue des deux Mondes* 1859 г. 15 Aout статью *Pierre Cartwright et le predication dans l'ouest* p. 892.

Самр-Meeting. Прототипомъ проповѣдниковъ этого рода слушать Пьеръ Каррагъ (Carrwright), болѣе извѣстный въ Америкѣ подъ именемъ дяди Пьера. Съ 18 дѣтъ онъ началъ проповѣдывать и до 70 л. единственною энергіею и оцвѣта ему не измѣняли. (1); ...

Что Самр-Meeting представляютъ намъ въ обобщенныхъ размѣрахъ, то new meetings — въ малыхъ. „Новыя мѣры“ вырождались фантически въ Самр - Meeting уже послѣ смерти Веслея. Онѣ очень разнообразны и обыкновенно употребляются въ дѣло проповѣдниками въ церквахъ. Болѣе замѣчательная изъ нихъ, есть такъ называемая „скорбная скамья“ (ambitious bench). Вотъ какъ описываютъ опыты производимые съ этою скамьею Ридъ и Бушъ: „вечеромъ, говорить первый изъ нихъ, намъ случилось быть при открытіи свободной церкви (т. е. такой, гдѣ за входъ ничего не платятъ; такия церкви нарочито предназначаются для производства опытовъ съ новыми мѣрами). Г. К. дѣятельный Revivalist совершалъ Богослуженіе. Въ церкви находилось 1.500 человекъ. Проповѣдь была очень хорошая. Я надѣялся найти въ ней нѣчто дикое, необузданное; между тѣмъ ни того, ни другаго и слѣда не было.... Къ концу проповѣди я замѣтилъ, что проповѣдникъ далъ своимъ замѣчаніямъ другое направленіе, и я скоро увидѣлъ, что онъ хочетъ сдѣлать опытъ съ „скорбною скамьею“. Сначала онъ попробовалъ оправдать эту мѣру и потому

(1) Я, говоря объ немъ въ своей автобіографіи (изд. въ 1857 г., въ теченіе двухъ лѣтъ она выдержала въ соединенныхъ штатахъ 31 изданіе) обошелъ 11 участковъ и 12 округовъ, окресталъ 8.000 дѣтей и 4.000 взрослыхъ; говорилъ проповѣди при 500 погребеніяхъ.... Въ продолженіи первыхъ 20 л. моего служенія я сказалъ 8.000 проповѣдей, и въ послѣдніе 33 года 6.000, — всего 14.000. Служивши Веслею Асбурнъ сказалъ въ свою жизнь 16.435 проповѣдей.

сдѣлать увѣщаніе присутствующимъ, въ знаніи своей преданности ко Христу, воспользоуется ею. На этихъ словахъ сидѣвшіе на двухъ переднихъ скамьяхъ протѣкающею толпачою оставили свои мѣста, чтобы дать возможность сѣсть на нихъ тѣмъ, кто пожелаетъ бы воспользоваться приглашеніемъ проповѣдника. Послѣдовавъ пауза. Наконецъ двѣ или три женщины появились на концѣ одной скамейки. Проповѣдникъ, по видимому, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ повторилъ свое увѣщаніе не сдержавъ долго. Сидѣвшихъ на первыхъ скамейкахъ не прибавилось и опытъ не удался⁽¹⁾. Но чаще онъ удаётся и результаты его бываютъ слѣдующіе: „когда обѣ переднія скамьи наполнились молящими подвергнуться опыту, проповѣдникъ прочтетъ громко молитву, по силѣ и рѣзости выраженной наименованію средневѣковыхъ формы палскихъ анаематствованій и потомъ обратился къ нимъ съ подобною же проповѣдью, въ которой самыми яркими красками описывались всѣ ужасы адскихъ мученій. Не успѣвъ онъ дойти до конца своей проповѣди, какъ съ шумомъ грохнулись женщины (сидѣвшія на скорбныхъ скамьяхъ) на землю. Раздались оглушительные крики и вопли. Мужчины въ ужасѣ повскакали съ своихъ мѣстъ. Какой то панической страхъ объятъ всѣхъ. Всѣ метались по сторонамъ съ дикими воплями, сами не сознавая, что дѣлаютъ. Картина была не изобразимая“⁽²⁾. Ридъ описываетъ еще одну форму „новыхъ мѣръ“, менѣе дикую, чѣмъ описанная выше. „Проповѣдникъ послѣ „скорбной“

(1) A narrative of the Visit to the American Churches, etc. By Andrein Reed D.D. and James Matheson, D.D. New-York 1835 t. I. p. 16.

(2) Busch: Wanderungen 1,271.

проповѣди пригласилъ собраніе послѣдовать за собою въ особую комнату. Дѣсти человѣкъ отправилось за нимъ: Онъ попросилъ ихъ преклонить колѣна для молитвы; и затѣмъ началъ читать молитву, оставленную въ самыхъ страшныхъ и потрясающихъ выраженіяхъ. Когда всѣ встали, онъ сказалъ: „тѣ, которые во время этой молитвы присоединились къ Господу, пусть идутъ въ комнату новообращенныхъ“. Человѣкъ двадцать отдѣлились изъ толпы и отправились по указанію проповѣдника. „Не утотно ли еще помолиться, сказалъ онъ остальнымъ.“ Когда всѣ преклонили колѣна, онъ снова прочиталъ ту же молитву. По окончаніи ея онъ повторилъ свое прежнее приглашеніе, на которое вызвались еще нѣсколько человѣкъ. Тотъ же опытъ былъ повторенъ четыре раза⁽¹⁾. Эти опыты и многіе другіе въ томъ же родѣ, въ изобрѣтеніи которыхъ американскіе проповѣдники обнаружили замѣчательное остроуміе, оканчивались иногда очень печально—или помѣшательствомъ самого ревивалиста⁽²⁾ или—чаще-когонибудь изъ присутствующихъ⁽³⁾. Собственно же для проповѣ

(1) A Narrative of the visit to the American Churches etc.

(2) См. Colton, Thoughts on the Religious State of the Country. p. 44.

(3) Докторъ Колтонъ рассказываетъ, что однажды на приглашеніе ревивалиста слѣдовать за нимъ въ особую комнату, отозвалась между другими 14-лѣтняя дѣвочка, вѣроятно, не поклавшая въ чемъ дѣло. Ревивалистъ вдругъ обращается къ ней съ грознымъ вопросомъ: на которой сторонѣ она желаетъ быть записанкою,—на правой, или на лѣвой, съ избранниками, или отверженными? Дѣвочка, ошеломленная неожиданностью вопроса и грознымъ тономъ и фигурой вопрошателя, смотрѣла на него во всѣ глаза, будучи не въ состояніи произнести ни одного слова. Страшный ревивалистъ повторилъ свой вопросъ еще болѣе свирѣпымъ тономъ. Дѣвочка по прежнему молчала. „Пиши ее къ дьяволу въ книгу“, сказалъ онъ сидѣвшему за столомъ писцу. Въ страшныхъ конвульсіяхъ упала несчастная на полъ и ее подняли совершенно помѣшанною. Стр. 42.

Единчества все эти приемы вредны потому, что заста-
вляют молодых проповедников пренебрегать науч-
ною подготовкою къ своему дѣлу.

б) Политическія учрежденія страны дѣлать возмож-
ность поднимать на церковной кафедрѣ политическіе во-
просы и разсматривать ихъ въ связи съ релігиозными
убѣжденіями церковныхъ общинъ. Такимъ обр. часто
церковная проповѣдь принимаетъ характеръ политиче-
ской рѣчи, и церковная кафедра превращается въ пар-
ламентскую трибуну. При множествѣ свѣтъ, раздѣляю-
щихся другъ съ другомъ между прочимъ и изъ-за по-
литическихъ воззрѣній, проповѣдники, зависящіе вполнѣ
отъ общинъ, не могутъ не раздѣлять ихъ политичес-
кихъ убѣжденій и молчать, когда общины ждуть отъ
нихъ слова. Отсюда все болѣе или менѣе замѣчатель-
ныя церковныя проповѣдники въ Америкѣ были болѣе
или менѣе замѣчательными политическими ораторами и
принимали болѣе или менѣе живое и дѣятельное участіе
въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ, волновав-
шихъ націю. Собственно для проповѣдничества это об-
стоятельство имѣетъ то значеніе, что иногда, читая про-
повѣдь американскаго проповѣдника, не знаешь, къ ка-
кому разряду словесныхъ произведеній ее отнести: по
предмету и оглавленію это проповѣдь, а не саркасти-
ческимъ, юмористическимъ, иногда вульгарнымъ выхо-
дамъ, по постояннымъ намерамъ на политическія пар-
тіи всѣхъ отъянковъ и пр. она скорѣе похожа на по-
литическій памфлетъ. Да и помимо этихъ рѣзкихъ осо-
бенностей, прямо указывающихъ на привычку обра-
щаться свободно съ вопросами политическими и соци-
альными, общій тонъ, обороты рѣчи и даже манера
держатъ себя на кафедрѣ доказываютъ, что проповѣд-

никъ практиковался не на однихъ чисто церковныхъ вопросахъ.

в) Школьное образование, сдѣлавшее въ послѣднее время очень замѣчательные успѣхи въ Америкѣ, много содѣйствовало облагороженію и очищенію вкуса проповѣдническаго. Оно познакомило американскихъ проповѣдниковъ съ высшими образцами христіанскаго проповѣдничества древняго и новаго времени, равно какъ и съ лучшими европейскими методами и приемами, такъ что въ настоящее время не рѣдкость въ Америкѣ такіе проповѣдники, которые нисколько не уступаютъ европейскимъ.

г) Не смотря на большіе успѣхи, которые сдѣлаю въ послѣднее время школьное образование въ Америкѣ, традиція и да до сихъ поръ играетъ еще очень важную роль при изученіи проповѣдническаго искусства. И теперь еще много адѣсь такихъ проповѣдниковъ, которые изучаютъ проповѣдническое искусство не въ школѣ, а у старшихъ опытныхъ проповѣдниковъ. Обыкновенно такіе кандидаты проповѣдничества живутъ годъ или два съ проповѣдниками, отъ которыхъ желаютъ научиться проповѣдывать, ходятъ вмѣстѣ съ ними въ качествѣ ихъ учениковъ; стараются изучить ихъ приемы, манеру проповѣдничества и пр. практикуются сами подъ ихъ руководствомъ, и потомъ, когда имъ покажется, что они достаточно овладѣли искусствомъ проповѣдничества, отъправляются въ какой нибудь снудь и просятъ себя лиценціи на проповѣдничество. Снудь подвергаетъ ихъ испытанію и смотря по его результатамъ даетъ имъ требуемую лиценцію, или отказываетъ въ ней. Обычай изучать проповѣдничество на дѣлѣ подъ руководствомъ опытнаго проповѣдника, изстари существующій въ Аме-

ривъ, такъ хорошо пришелся по практической натурѣ американца, что и дожившіе курсъ въ университетъ по теологическому факультету, или въ проповѣднической семинаріи, молодые люди часто доучиваются на практикѣ приемамъ проповѣдничества описаннымъ нами образомъ. Благодаря этому обычаю, американское проповѣдничество сохранило до сихъ поръ свою старинную славу—дѣловаго, практическаго проповѣдничества, выросшаго прямо изъ мѣстныхъ потребностей жизни и умѣющаго удовлетворять этимъ потребностямъ.

Но въ Америкѣ есть классъ проповѣдниковъ, которые въ дѣлѣ проповѣдничества умѣютъ обходиться безъ всякой помощи со стороны школы и традиціи. Это—проповѣдники разнакъ мелкихъ сектъ, распространенныхъ въ простомъ народѣ. Проповѣдничество у такихъ проповѣдниковъ есть дѣло личнаго воодушевленія, или смѣлки (1). Эти проповѣдники, обыкновенно сами принадлежащіе къ народу, распространяютъ среди его неопи- суемыя дѣятели. Американская свобода предоставля-

(1) О характерѣ и значеніи этого рода проповѣдниковъ можно дать понятіе слѣдующій рассказъ Сидонса: „бываютъ крестьяне, которые объясняютъ библію, какъ умѣютъ, и часто говорятъ на открытомъ воздухѣ битыхъ пять часовъ, не умѣя ни слова написать. Я однажды слышалъ одну такую проповѣдь, въ которой темой для проповѣдника служилъ ковчегъ Ноевъ, и онъ рассказывалъ, какъ этотъ ковчегъ былъ выведенъ снаружи и внутри и вычислялъ, сколько должно было пойти смолы на это. Этотъ добрый человекъ вѣдигъ на своемъ плоту въ Навый Орлеанъ и тамъ видѣлъ, какъ кончатили и смолили корабли. Все это онъ и объяснялъ теперь своимъ слушателямъ съ наутонимымъ терпѣніемъ и наконецъ заключилъ тѣмъ, что Ноиу нужно было употребить на свой ковчегъ страшное множество смолы. „Ионасанъ сказалъ отлично хорошую проповѣдь“, говорили послѣ слушатели. „Я думаю, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, онъ лучше всѣхъ этихъ ученыхъ (bonpuchads — большихъ головъ). „И все въдъ Слово Божіе, все изъ библіи, замѣтилъ третій. Die vereinigten Staaten von Nordamerika, nach ihrem politischen, religiösen und gesellschaftlichen Verhältnisse betrachtet von Sidona, p. 36.“

еть имъ на то полную возможность ⁽¹⁾. Въ счастью этого рода проповѣдники съ каждымъ годомъ становятся все рѣже и рѣже.

Прототипомъ истого американскаго проповѣдника со всѣми его типическими особенностями служить въ настоящее время Генри Бардъ Бичеръ Стоу. Кто хочетъ познакомиться съ характеромъ американскаго проповѣдничества, тотъ не можетъ обойти этой личности.

Генри Бардъ Бичеръ принадлежитъ къ фамилии, которая столько же славится необыкновенными талантами своихъ членовъ, сколько и ихъ наклонностями къ экстрентричностямъ всякаго рода. Американцы находятъ, что старинное пуританское раздѣленіе всѣхъ людей на Saints и Sinners (праведниковъ и грѣшниковъ) нужно дополнить — и на Бичеровъ. Въ настоящее время эта фамилія состоитъ изъ пяти братьевъ и двухъ сестеръ и всѣ они — писатели. Одна сестра, извѣстная Бичеръ — Стоу, авторъ „Хижинъ дяди Тома“, переведенной на всѣ европейскіе языки, не смотря на то, что находится замужемъ за ортодоксальнымъ профессоромъ, въ своихъ романахъ позволяетъ себѣ самыя свободныя выходки противъ ученія и практики своей церкви. Другая сестра, миссъ Катерина Бичеръ, написала недавно книгу „о правѣ народа объяснять для себя библію“, гдѣ Августиновская теорія первороднаго грѣха и искупленія подвергнута самому смѣлому анализу.

Генри Бардъ-Бичеръ самъ замѣчательный умъ. Все у него оригинально, свѣже, сильно. Его научно-богословское образованіе далеко не удовлетворительно, но какимъ-то гениальнымъ чутьемъ онъ проникаетъ въ са-

(1) Revue des deux Mondes 1859. Aout. p. 368—369.

мы глубокія богословскія проблемы и его природный смысл въ послѣднихъ результатахъ часто удивительнымъ образомъ сходится съ научными выводами, полученными при помощи самыхъ кропотливыхъ научныхъ исследованийъ въ трудахъ замѣчательнѣйшихъ нѣмецкихъ теологовъ—Роте, Дорнера, Ю. Миллера и др. Номинально онъ принадлежитъ къ церковной общинѣ консервативнаго типа; но такъ какъ всѣ эти общины независимы одна отъ другой, то у него нѣтъ никакого религіознаго судьи, кромѣ его общины, которая есть „его креатура“. Вотъ почему въ его богословствованіи бываетъ иногда что-то дикое. Однажды онъ въ своей проповѣди предложилъ вопросъ: „дѣйствительно ли всѣ благородные язычники и не вѣрующіе должны погибнуть на вѣки?“ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ: „не знаю“. Одинъ ортодоксальный журналъ напечаталъ по этому поводу насмѣшливую статью на его счетъ подъ заглавіемъ: „H. Bard Bischer dols know“ (Г. Бардъ Бичеръ этого не знаетъ). Въ другой разъ онъ говорилъ проповѣдь о догматѣ тринитности Лиць въ Богѣ и раскрывалъ въ ней противорѣчія этого догмата разуму. Въ заключеніе онъ сказалъ: „впрочемъ, взявши во вниманіе все то, что библія говоритъ о Христѣ, я называю Его Богомъ, равно какъ и Духа Святаго. Правда, это—триизмъ; но мнѣ все равно. Богъ вмѣсто меня отлично знаетъ, въ чемъ состоитъ единство трехъ Лиць Троицы, превышающее наше разумѣніе“.

Со стороны формы проповѣди Бичера отличаются отсутствіемъ всякой искусственности. Его слогъ выразителенъ и силенъ, но безъ всякой реторики; его проповѣди по словамъ одного изъ его слушателей, (1)

(1) Deutsche Briefe aus Nord-Amerika. Книга 5.

разговорное, но необыкновенно певное и живое и не рѣдко затрогиваетъ самыя сокровенныя нити души. Каседра — его настоящая стихія и онъ очень любитъ дѣло проповѣдника. Иногда его безцеремонность переходитъ въ паррикатуру и безвкусіе. Въ одинъ воскресный весенній день онъ явился на каседру улыбающій и сердитый и началъ свою рѣчь словами: „St is damned hot to inght“. (1) Послѣдовала длинная пауза. Самые жаркіе его почитатели были озадачены такимъ вульгарнымъ началомъ. За тѣмъ онъ спокойно продолжалъ: I o s heard a young man say to inght, when, I entered the church. т. е. „Эти слова я слышалъ отъ одного молодого человѣка, идущи теперь вечеромъ въ церковь“, и сказалъ блистательную проповѣдь противъ божбы.

„По своему содержанію его проповѣди обнимаютъ всѣ стороны природы и жизни человѣка. Сегодня онъ въ своей проповѣди проводитъ и осуждаетъ политику, противную невольничеству, завтра онъ рассматриваетъ какую нибудь философскую проблему, въ другой разъ трактуетъ о дѣлахъ общественныхъ и торговыхъ, иногда рисуетъ картину явленій и опытовъ изъ сферы глубоко-религіознаго чувства, иногда описываетъ философскія сомнѣнія и таинственную глубочайшую область сердечной набожности съ поразительной вѣрностью“ (2).

Вотъ одна изъ проповѣдей Бичера, которая можетъ дать намъ наглядное понятіе объ немъ, какъ проповѣдникъ. Содержаніе ея практическое:

Идите и вы съ сумоградъ е, еже будите праведно, приидите, Мате. 20, 7.

„Вы конечно помните, что эта притча кончается жа-

(1) Слово, не переводимая на русскій языкъ, тѣмъ не менѣе задвигается въ одно и то же время и бомба и ругательство.

(2) Deutsche Briefe aus Nord-Amerika. Nummer 5.

лобами. Эти жалобы произошли не отъ того, чтобы не были выполнены условия, а отъ сопоставленія платы, полученной одними, съ платой, полученной другими: *И пришедше, иже во единый надеють часъ, прѣйду по пенязю. Пришедше же перци, яляку, яко вѣщце прѣймуна: и прѣйва и ти по пенязю. Прѣмше же, роптазу на юсподина, ячююще, яко сѣи послѣдти единъ часъ сотвориши, и равныахъ намъ сотвориахъ иже еси, понесшимъ ячюту дне и вара. Онъ же отъщавъ, рече единому изъ: Другае, не обижу тебе: не по пенязю ли сотычалъ еси со мною. Возми твоє и иди. Хоцу же и сему послѣднему дати, яко же и тебѣ. Или нѣсть ли лѣтъ сотворити, еже хоцу во своикъ ми (ст. 9—15).* Это были правда, но они не такъ думали. Они были недовольны, потому что была оскорблена ихъ гордость. А ихъ гордость оскорблена была тѣмъ, что другіе получили такую же плату, какую и они, между тѣмъ какъ работали гораздо меньше ихъ.⁴

„Вотъ люди недовольные той участію, которую Богъ предназначилъ имъ въ этомъ мѣрѣ. Они безпрестанно ропщутъ и жалуются, что общество къ нимъ несправедливо.“

„Въ распредѣленіи жизненнаго жребія дѣйствительно существуетъ большая неравномѣрность. Но въ этомъ нѣтъ никакой несправедливости по крайней мѣрѣ со стороны отнѣсленій человека къ Богу и къ законамъ природы. Одни люди смотрятъ на жизнь, какъ на гигантскую лотерею, въ которой всякой беретъ то, что пошлетъ ему случай, безъ всякаго отношенія къ его заслугамъ. Другіе видятъ въ человеческой жизни игру силъ и ловкости. „Ура сильнымъ!“ говорятъ они, и „горе слабымъ, если не умѣють лукавить!“ Другіе же

дять въ человѣческихъ обществахъ, какую-то путаницу отношений, гдѣ все-какіе законы стараются установить хоть какую-нибудь справедливость, но гдѣ до такой степени все перемѣшано и перепутано, что хотя въ временахъ чадовѣкъ и получаетъ награду, но чаще и— ещѣ же несправедливо—терпитъ наказаніе, и еще чаще остается въ совершенномъ пренебреженіи.

Я говорю это не къ тому, чтобы объяснить законы, опредѣляющіе дѣятельность челоуѣка и награду за нее, а для того, чтобы выставить на видъ одну нравственную истину, именно истину долга. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такихъ фразъ: „общество обязано доставлять мнѣ средства къ жизни“, „общество обязано доставлять мнѣ пропитаніе.“ Немногіе способны толкомъ уяснить себѣ свои мысли, или оправдать свое поведеніе, а между тѣмъ всѣ повторяютъ: „общество обязано давать мнѣ пропитаніе.“

Въ сегодняшній вечеръ попробуемъ вкратцѣ изслѣдовать, какой долгъ лежитъ на обществѣ въ отношеніи къ отдѣльному челоуѣку, и какой долгъ лежитъ на каждомъ челоуѣкѣ въ отношеніи къ обществу и потомъ посмотримъ, что изъ всего этого выйдетъ.

1. Какой долгъ лежитъ на обществѣ въ отношеніи къ каждому челоуѣку?

Прежде всего общество обязано дозволить каждому челоуѣку пользоваться безпрепятственно силами природы. Великія, основныя силы природы суть благотворныя учрежденія, созданныя для всѣхъ, и поэтому принадлежатъ всѣмъ одинаково.

Далѣе общество обязано дозволить каждому челоуѣку безпрепятственно пользоваться своею свободою, прида-

гать въ дѣлу воѣ свои естественныя способности, въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ по указанію опыта, или употребленіе требуется общимъ благомъ, не поставленъ ему произвольныхъ препятствій и ограниченій. Никогда не должно быть ни въ законодательствѣ, — ни въ обычаѣ, — представляющемъ собою одинъ изъ видовъ законодательства, — ни въ общественномъ мнѣніи, — могуще-ственнѣйшемъ изъ всѣхъ законодательствъ — что ограничивало бы человѣка въ употребленіи его способностей. По видимому это — общее мѣсто, между тѣмъ это общее мѣсто есть философская истина, которую нужно проповѣдывать чаще, чѣмъ всякую другую, и въ настоящее время не рѣже, чѣмъ прежде.

Всякій человѣкъ имѣеть право работать своими руками, если захочетъ пустить въ дѣло свои руки; всякой человѣкъ, если захочетъ, имѣеть право работать своей головой; всякой человѣкъ имѣеть право работать своимъ сердцемъ, если только придетъ ему охота сдѣлать изъ него употребленіе; всякой человѣкъ имѣеть право трудиться всѣми своими способностями во всѣхъ родахъ законныхъ призваній. И ни одинъ человѣкъ, ни какое человеческое общество не имѣеть права сказать одному классу общества: „ты долженъ быть свободенъ отъ труда“, — и другому: „ты долженъ работать на тѣхъ, которые свободны отъ труда.“ Никакой человекъ ни одно человеческое общество не имѣеть права сказать одному: „ты всегда обязанъ работать руками“, — и другому: „ты всегда обязанъ работать головой.“ Это право не можетъ быть отнято у человека, оно приращено ему. Это право — его собственность. Онъ всегда свободенъ дѣлать употребленіе изъ тѣхъ силъ, какими надѣленъ его Богъ, какъ полагаетъ ему разумъ.

дети удобны и приличны. Это право заключаетъ въ себя другое право, — право на воспитаніе и образованіе, право избирать себѣ мѣсто и дѣло въ обществѣ. Никакое мѣховическое существо, никакая человеческая корпорація не имѣетъ права классифицировать людей, — однихъ возвышать, другихъ унижать, однихъ цокровителемъ звать, другихъ ограничивать въ употребленіи головы, руль, или сердца. Каждый челоѡкъ имѣетъ право идти впередъ и единственное ограниченіе долженъ встрѣчать только въ томъ, чѣмъ надѣлалъ его Богъ.

«Это право одинаково принадлежитъ какъ мужчине, такъ и женщинѣ. Ибо если только трудъ производится правдиво, то право на него должно быть предоставлено тому, кто только способенъ къ труду, не обращая вниманія на такіа природныя разности, каковыя разности между полами.

«Это право одинаково принадлежитъ людямъ всѣхъ вѣровъ. Оно одинаково также принадлежитъ и людямъ всѣхъ состояній. Оно настолько же право, служа на аѡбаче — право воеподній. Оно на столько же право, несомнѣнно на сколько право аго воевелана. Оно есть право свободы, не въ политическомъ дѣлѣ, а въ личномъ. Это — право дѣлать употребленіе изъ тѣхъ силъ, которыми Богъ доарилъ челоѡку, и въ употребленіи которыхъ Онъ наконецъ потребуетъ у каждаго стрелку отчету.

Никому не имѣетъ никакого права сказать обществу: «ты обязанъ дѣлать мнѣ богатство и положеніе;» но челоѡкъ имѣетъ право сказать обществу: «не дѣлаешь мнѣ пользоваться дарованными мнѣ отъ Бога прѡдѣлами. Богъ надѣлалъ меня тѣми силами, при помощи

которых я могу быть поэтом, художником, философом, и ты не имеешь права навязывать мне съ руки заступы, плуга и т. о. " Если Бог призвал меня чрез твои способности, съ которыми меня сздала: будь ораторомъ, вателемъ, живописцемъ, те я имѣю право говорить, ваять, рисовать. Я имѣю право слѣдовать тому, что крѣпко во мнѣ. И это—право всѣхъ людей, какъ тѣхъ, которые погребены въ топкихъ баготахъ Каролины, такъ и тѣхъ, которые родились на зеленыхъ холмахъ Фермонта, какъ тѣхъ, которые сдѣлали черными ягуче лучи солнца, такъ и тѣхъ, которые родились блѣдыми.

Далѣе общество обязано защищать личность, честь и собственность каждого гражданина. Оно обязано показывать ему справедливость; насколько это возможно для него при состояніи человеческихъ вѣдѣній и силъ судопроизводства. Претовать, чтобы человѣческое общество было идеально справедливымъ, значитъ обнаруживать для себя настоящаго гора. Если мы не хотимъ посориться съ здравымъ смысломъ, то мы должны идти впередъ, чтобы это было возможно при настоящемъ состояніи свѣта. Въ такомъ только приближенно справедливы и всѣ формы ихъ приближеніе болѣе или менѣе несовершенны. И если я говорю при этомъ общество обязано оказывать помощь людямъ; то я полагаю, чтобы помнить, что здѣсь дѣло идетъ о приближенійной поддержкѣ, а что только такой поддержкой можно требовать отъ общества. Поэтому, мы не должны слишкомъ критически относиться къ тому, чѣмъ мы пользуемся отъ общества. Общество во всякомъ случаѣ должно обращать вниманіе на то, что человекъ свободенъ въ своей нормальной дѣятельности, что они

имѣть право жалѣть то, что посвящать, имѣть право на то, чтобы насиліе и жадная неправда его не грабили. Кратко, общество обязано сохранять каждому его личность и силы, равно какъ и всѣ законныя плоды, которыя онъ приобрѣлъ при ихъ помощи.

II. Какой долгъ лежитъ на насъ въ отношеніи къ обществу?

Прежде всего мы обязаны добросовѣстно исполнять всѣ естественныя, гражданскія и государственныя обязанности. Равнымъ образомъ мы обязаны участвовать своею дѣятельностію и усердіемъ въ дѣла, для которыхъ требуются совокупныя усилія общества. Далѣе мы обязаны внести въ общественную жизнь такую долю справедливости, чистоты и внѣшнихъ матеріальныхъ средствъ, которыя необходимы для поддержанія и нравственнаго обогащенія общества. А такъ какъ законы и учрежденія общественной жизни отвѣчаютъ на случайныя цѣли, то въ концѣ концовъ не столько законы и учрежденія поддерживаютъ общества и дѣлаютъ ихъ мудрыми и справедливыми, сколько — десятки тысячъ една замышляемыхъ дѣлъ добра и правды, совершаемыхъ ежедневно между гражданами, — нравственный характеръ человѣка.

Кромѣ того мы обязаны для своего собственнаго блага, для блага нашей семьи, для блага всего человечества, вносить на пользу общую извѣстную дань своимъ временемъ, своими средствами, своею службою, и вносить ее безъ зависти, безъ ропота, по доброй волѣ. Своекорыстнаго человѣка можно считать губящимъ въ обществѣ, обращающимъ въ свою пользу законы общества, связывающимъ его съ другими, но въ послѣднихъ результатахъ своскорыстный образъ дѣйствій въ отношеніи къ обществу, образъ дѣйствій, имѣющій въ виду гра-

бить общество въ свою личную пользу, бываетъ опасенъ для лица, которое придерживается его. Напротивъ все, что умудряетъ цѣлое общество, содѣйствуетъ его славы и благу, то приноситъ пользу и каждому отдельному лицу. Наши средства не пропадутъ даромъ, если мы, проникнутые любовью къ обществу, тратимъ ихъ на его просвѣщеніе и благоустройство. Сумма, собираемая для всехъ, собирается для каждого въ частности. Люди, содѣйствующіе умудренію, укрѣпленію и нравственному просвѣщенію общества, въ которомъ живутъ, дѣлаютъ самихъ себя участниками общаго благосостоянія.

Наконецъ, такъ какъ человѣкъ предназначенъ для нравственной, вѣчной жизни и его важнѣйшее просвѣщеніе совершается въ духовной сферѣ; то каждый человѣкъ обязанъ подавать обществу примѣръ и производить на него положительное вліяніе, къ которому только способно глубокое нравственное чувство и религіозная жизнь.

III. Къ какимъ результатамъ мы пришли?

Первый состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ гораздо больше долженъ обществу, чѣмъ общество ему. Ты безсрочный, вѣчный должникъ общества. Ты долженъ трудиться всѣми силами своей мысли, воли и нравственнаго чувства, чтобы уплатить свой долгъ. Ты можешь требовать отъ общества не больше того, сколько нужно для поддержанія твоего существованія. Но если ты имѣешь уже это; то отъ тебя имѣютъ право требовать плодотворной дѣятельности. Мы сотворены для того, чтобы платить дань. Мы не столько предназначены къ тому, чтобы получать поддержку, сколько къ тому, чтобы раточать милосердію. Богъ сотворилъ человѣка и послалъ

она въ этотъ міръ: для того, чтобы она въ своей ое-
рѣбѣ была дѣлатель и радостелемъ. У людей многой оринтъ, кто своимъ стремленіемъ въ
удовольствіямъ, пріятностямъ и наслажденіямъ изобрѣ-
таетъ, чего ему ожидать отъ жизни и общества. Жизнь
въ обществе съ одной стороны имѣетъ больше права
ождать отъ него многого, — или лучше сказать, ожде-
ла бы отъ него многого, если бы опытъ не доказалъ
имъ, а какъ наука въ большей части случаевъ ождать
отъ него, чего бы тамъ было. Согласно съ Божествен-
ною идеею, какъ она выражается въ людяхъ и людской
жизни, нужно дѣйствительно ождать многого отъ от-
дѣльныхъ людей. Въ вознагражденіе за то не многое,
что человекъ получаетъ, онъ долженъ сдѣлать, очень
многого. Намъ даютъ сырой матеріалъ, а мы обяза-
ны превратить его въ товаръ, много обработанный. Но
многіе люди совѣтуютъ со своими собственными жела-
ніями, когда свои сужденія оставляютъ согласно съ
тѣмъ, что получаютъ. Имъ сильно хочется удовольствій,
они стремятся къ увеселеніямъ, они требуютъ насла-
жденій и потому изобрѣтаетъ то, что получаютъ, мѣрою
своихъ желаній. Эти люди вѣчно недовольны, вѣчно
ропщутъ и не столько потому, чтобы ихъ обстоятель-
ства были слишкомъ дурны, сколько потому, что дру-
гіе, по ихъ мнѣнію, находятся въ лучшихъ обстоятель-
ствахъ, не столько потому, чтобы не было у нихъ хо-
рошаго дѣла въ жизни, или чтобы мѣшало имъ что-
нибудь достигнуть дѣла, сообразной съ общими дѣла-
ми общества, сколько потому, что другіе достигали
большаго, чѣмъ они, или получили даромъ то, чего са-
ми они должны добиваться трудомъ. Они думаютъ, что
съ ними несправедливо, послѣду, по видѣ-

тому, не цѣнятъ ихъ такъ, какъ цѣнятъ другихъ. Не вѣдь дѣло не въ томъ, больше, или меньше, получилъ другіе, чѣмъ ты. Развѣ у тебя отнята нѣ тому всякая возможность? Развѣ ты получилъ не все, что заслужилъ? Ты требуешь удовольствій, но гдѣ доказательства, что ты ихъ стоишь? Ты требуешь наслажденій, но гдѣ же доказательства, что ты ихъ заслужилъ? Общество столько же обязано дѣлать для тебя это, сколько индѣйца обязана мнѣ доставить ниву, которой я не сѣю, или плоды, которыхъ я не сажаю. Общество обязано тебѣ только тѣмъ, что самъ ты приобретаешь—не больше.

Если ты скажешь, что есть люди, которые и на деловину такъ не трудятся, какъ ты, а между тѣмъ приобрѣли и удовольствія, и богатство, и почести; то я спрошу тебя, отъ чего это ты предлагаешь вопросъ: нечему они приобрѣли все это, а не предложишь вопроса: почему ты не приобрѣлъ этого? Дѣлать нечего, приходится мнѣ предложить за тебя этотъ вопросъ, да вѣсти ужъ и отвѣтить за тебя: „ты не приобрѣлъ всего этого потому, что не заслужилъ“. А если ты замѣтишь мнѣ на это: тѣ другіе, которые имѣютъ все это, заслужили еще меньше, чѣмъ я, на это я скажу тебѣ, что это можетъ быть такъ, а можетъ быть и не такъ; но во всякомъ случаѣ къ дѣлу не относится. *Аще око твое лукаво есть, яко Азъ блавъ есмь; развѣ Богъ обидѣлъ тебя тѣмъ, что другимъ далъ благосостояніе? Если я подаю какому-нибудь нищему милостыню а прохожу мимо его сосѣда, ничего ему не давши, то развѣ я обижая его этимъ? Развѣ я не имѣю права быть милодушнымъ къ одному потому, что ничего не даю другому?“*

„Еще менѣе имѣемъ мы права свою гордость и тщесла-

Digitized by Google

славіе—потому что къ этому сводится у насъ дѣло—дѣлать масштабъ для измѣренія справедливости, или несправедливости распоряженій Провидѣнія. Чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ больше онъ думаетъ о своихъ заслугахъ; а чѣмъ больше объ нихъ думаетъ, тѣмъ меньше имѣетъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Если человѣкъ образованъ; то цѣлаго міра мало для него, чтобы удовлетворить его. На то не многое, что онъ получаетъ, онъ смотритъ съ презрѣніемъ, именно потому, что ему кажется мало. А на то многое, что у него нѣтъ, онъ смотритъ какъ на доказательство страшнаго неравенства въ человѣческой жизни. Въ самообольщеніи онъ постоянно чего-то ждѣтъ, пока опытъ не научитъ его, что ждать нечего, и потомъ ужъ вѣчно ропщетъ на несправедливость, съ которою—по его мнѣнію—Богъ дѣйствуетъ по отношенію къ людямъ. Такіе люди похожи на старые корабельные остовы, на которыхъ вовсе нельзя плавать, потому что вода льется черезъ всѣ ихъ щели. Эти люди страдаютъ ложнымъ аппетитомъ, по случаю совершеннаго разстройства ихъ пищеварительной системы. Это какія-то трапки! Они считаютъ себя самыми злополучными изъ смертныхъ. Но гдѣ ихъ способности? Гдѣ ихъ трудъ? Гдѣ результаты ихъ дѣятельности? Гдѣ ихъ симпатичная благотворительность? Гдѣ слезы, которыя они осушили? Что сдѣлали они для своей семьи, для бѣдныхъ? Что внесли они на пользу общую? Какой примѣръ прекраснаго подвига, или дѣла оставили они міру? Какія изслѣдованія произвели они на сушѣ и моряхъ? Какія полезныя открытія или изобрѣтенія они сдѣлали? Гдѣ доказательства ихъ заслугъ? Нигдѣ ничего. Это—холодные гранитные обломки съ головы до ногъ, на которыхъ даже мохъ не хочетъ расти.“

„Юноши! уклоняйтесь отъ такихъ людей и не имѣйте съ ними никакого дѣла. Это или глупцы, или пошлые люди, — глупость въ подобныхъ случаяхъ легко переходитъ въ неспособность, какъ утормъ въ вередь. Подальше отъ нихъ. Имѣйте лучшя понятія о благородствѣ. Не вѣрите, чтобы временныя блага составляли все счастье вашей жизни. Если Богъ разсчитаетъ васъ, то не все ассигнаціями, серебромъ и золотомъ, а отчасти ассигнаціями, отчасти серебромъ и отчасти золотомъ, т. е. только отчасти разсчитаетъ васъ вышними благами; а большую часть Онъ уклонитъ вамъ радостію и утѣхами; уклонитъ вамъ общественными добродѣтелями и сладкимъ чувствомъ удовольствія, которое они вамъ доставятъ; Онъ уклонитъ вамъ наслажденіями благородной мысли; Онъ уклонитъ вамъ одобреніями чистой совѣсти; Онъ уклонитъ вамъ надеждою и дружбою; Онъ уклонитъ вамъ общаіемъ, что по всѣмъ вашимъ вѣселямъ будетъ упрочено; когда вы представите ихъ въ небесную обсерваторію“ (1).

Такъ какъ проповѣдничество составляетъ главное дѣло въ жизни американскаго проповѣдника, его главную силу и лучшую гарантію его значенія въ общинѣ; то не удивительно, если оно находится тамъ на значительной степени развитія. Такимъ образомъ американская свобода приноситъ значительную пользу съ этой стороны. Но къ сожалѣнію отъ этой свободы выигрываетъ только техническая сторона проповѣдничества (*novus jure* здѣсь нейдетъ въ расчетъ); за то въ его содержаніе вносится тотъ же произволъ, который мы видѣли и въ другихъ сферахъ американской церковной жизни. Результаты его у насъ предъ глазами.

(1) Напечатано въ Independent 1861 г.

Успѣхи проповѣдничества въ Америкѣ, какъ во всякой другой странѣ, идутъ рука объ руку съ успѣхами научно—богословскаго образованія. Почерпая силы лучшей силы изъ этого источника, проповѣдничество въ свою очередь вноситъ живую, плодотворную струю въ общее религіозно—нравственное образованіе страны. Въ какомъ состояніи находится научно—богословское образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ?

Въ Америкѣ много живущихъ и среднихъ школъ, специально предназначенныхъ для приготовленія будущихъ проповѣдниковъ. Эти послѣдніе получаютъ общее приготовительное образованіе въ общихъ гражданскихъ школахъ. Для спеціальнаго приготовленія къ проповѣдничеству существуютъ болѣе высшія школы, университеты и богословскія семинаріи.

Американскіе университеты, или какъ-нибудь ихъ называютъ, коллегіи (college) занимаютъ среднюю между европейскими гимназіями и университетами. Съ первыми они имѣютъ общаго счастливый курсъ науки, раздѣленіе на классы, контроль за посѣщеніемъ лекцій со стороны студентовъ, равно какъ и за ихъ поведеніемъ, форму преподаванія чрезъ вопросы и отвѣты, экзамены въ концѣ каждаго года, и вообще уровень научнаго образованія, до котораго тѣ и другіе стараются поднятъ своихъ питомцевъ. На европейскіе университеты эти коллегіи похожи только тѣмъ, что здѣшніе студенты бываютъ обыкновенно однихъ лѣтъ съ студентами европейскихъ университетовъ, и преподаватели менѣе связаны тѣсными рамками программы, чѣмъ гимна-

зачислено учащихся въ Европѣ. Кроме того здѣсь по окончаніи курса производятъ студентовъ въ ученые степени — именно, въ *Bachelor of arts* (Бакалавръ наукъ) и — какими-то странными образомъ — въ *Doctor Theologiae utriusque iuris*. Такъ какъ первоначальная задача этихъ коллегій состояла въ томъ, чтобы доставлять образованіе духовенству, то они и до сихъ поръ сохранили церковный отпечатокъ.

Хотя эти коллегіи мало по малу сдѣлались заведеніями для общаго образованія, но и до сихъ поръ на нихъ смотрятъ, какъ на приготовительныя школы для богословскихъ семинарій и поэтому онѣ болѣею частью обложены своимъ существованіемъ церковной ревности, или христіанской адедрости. Изъ 150 заведеній этого рода существовавшихъ въ Америкѣ въ 1856 г. только 40 было основано государствомъ и только 20 — церковными обществами. Къ очень многимъ изъ этихъ заведеній присоединены въ равныя времена богословскія семинаріи.

Богословскія семинаріи, учрежденіе которыхъ началось еще съ конца прошедшаго столѣтія (первая была основана въ 1794, а вторая въ 1804 г.), гдѣсь заду-маны, какъ бы коллегіи. Число профессоровъ въ нихъ бываетъ рѣдко болѣе 4-хъ. Иногда ихъ бываетъ только два. Число учащихся гдѣ-то тоже не определено — рѣдко менѣе 2-хъ и никогда не болѣе 4-хъ. Въ 1855 году существовавшихъ семинарій было 44 съ 1351 воспитанникомъ (1). Онѣ принадлежали одиннадцати различнымъ церковнымъ обществамъ.

(1) *Conférence des Chrétiens de toutes nations à Paris. 1855. Documents relatifs aux sociétés d'Amerique* томъ 1-й стр. 110.

Всѣ богословскія семинаріи, равно какъ и теологическіе факультеты въ университетахъ учреждаются и содержатся на счетъ церковныхъ общинъ. Какъ интересно общины этими заведеніями и какъ много тратятъ на нихъ, это всего лучше можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ Рочестерѣ существуетъ теперь двѣ богословскія семинаріи и обѣ онѣ обязаны своимъ существованіемъ усиліямъ одного человека. Онѣ были устроены въ теченіи одного или двухъ лѣтъ. Теперь исполнилось 9 лѣтъ ихъ существованію. Въ эти 9 лѣтъ у нихъ образовался основной капиталъ въ 150.000 дол. Эта сумма почти вся состоитъ изъ частныхъ вкладовъ; потому что 37½ долларовъ, которые каждый студентъ обязанъ по уставу вносить ежегодно въ кассу заведенія за слушаніе лекцій, взимается едва ли съ половины студентовъ. Оба заведенія принадлежатъ церковному обществу Баптистовъ, но открыты для студентовъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Такъ какъ во многихъ церковныхъ общинахъ допущеніе къ должности проповѣдника не обуславливается необходимо научнымъ образованіемъ кандидата на эту должность; то студенты теологіи не всею почтою полный курсъ наукъ въ семинаріи, а усваиваютъ себѣ только самое нужнѣйшее для своего будущаго служенія. Подготовившіеся такимъ неудовлетворительнымъ образомъ къ своей должности студента выпускаются изъ семинаріи безъ степени магистра съ однимъ свидѣтельствомъ о слушаніи лекцій и поведеніи.

Въ составъ полного богословскаго курса въ этихъ семинаріяхъ, гдѣ для этого курса назначается только два года, входятъ слѣдующія науки: библейская литература, экзегесисъ, церковная исторія (въ первый годъ),

догматика и нравственное богословіе (во второй); въ тѣхъ семинаріяхъ, въ которыхъ курсъ продолжается три года, программа наукъ нѣсколько шире. Онѣ распределены по тремъ классамъ слѣдующимъ образомъ:

Junior Class (младшее отдѣленіе); Еврейская грамматика и упражненія въ словесныхъ и письменныхъ переводахъ. Чтенія по церковной географіи и герменевтикѣ. Толкованіе четырехъ евангелій по греческой гармоніи (an Greek harmony), философія и ученіе о нравственности (Moral and moral science). Богословская энциклопедія. Естественное Богословіе (Natural Theology). Доказательства подлинности и божественности откровенія. Ученіе о вдохновеніи и библейскомъ канонѣ. Чтенія по риторикѣ и краснорѣчію. Чтенія по библейской исторіи. Упраженія по Богословію и толкованію Св. Писанія.

Middle Class (среднее отдѣленіе), Еврейскій экзегесисъ два раза въ недѣлю. Толкованіе посланій св. Павла два раза въ недѣлю. Исторія новаго завіта. Сидогматическое Богословіе пять разъ. Риторика и составленіе плановъ для сочиненій на данную тему. Упраженія въ Богословіи въ греческомъ и латинскомъ экзегесисѣ.

Senior Class (старшее отдѣленіе). Еврейскій экзегесисъ. Толкованіе Павловыхъ посланій. Полемическое Богословіе. Положительныя христіанскія учрежденія. Ученіе о церковныхъ формахъ. Исторія догматовъ и символика. Пастырское Богословіе. Чтенія о священной риторикѣ, также о составленіи и произношеніи проповѣдей. Церковная исторія. Проповѣди, Богословскія упражненія, равно какъ упражненія въ греческомъ и еврейскомъ экзегесисѣ.

Во всех классах: публичные декламации однажды в неделю. Публичные диспуты под председательством одного из профессоров. Частные упражнения в проношении речей. Чтения по библейской географии (для них определенного времени не назначается, а когда случится). Уроки в священной музыке. Иногда бывают случайные чтения по предметам, находящимся в связи с богословием. (1) Окончивший с успехом курс получает степень магистра наук (magister of arts). С этой степенью он без дальнейшего экзамена может брать на себя должность преподавателя.

Хотя программа богословских наук в американских семинариях и университетах задумана довольно широко, но так как она в полном своем виде применяется далеко не во всех церковных заведениях, в одних по недостатку времени, в других по недостатку преподавателей, то и выходит, что общий уровень богословского образования в Америке довольно не высок. Впрочем иначе и быть не может в стране, в которой существует более 50 отдельных церковных обществ. Каждое из этих обществ, не говоря уже о недостатках в финансовых средствах, по внутреннему своему складу и характеру не заключает в себя условий, благоприятных для широкой постановки богословского образования. В самом деле каждое общество представляет собою замкнутый круг с своим кодексом нравов, порядков и дисциплины, приспособленным к удовлетво-

(1) Обстоятельное описание американских богословских семинарий в учебном, административном и финансовом отделах, составляя предмет особой статьи, в которой наши читатели могут найти относящиеся к этому предмету подробности.

религиозных потребностей кружка, и пропорциональ; входить зависящий от общины, по неволе должен вращаться в тесной сфере религиозных убеждений, верований и потребностей кружка, если хочет быть понятным и принятым в этом кружке. Ученая работа они должны получать образование во кругу и в предметах, начертанных утилитарными целями его. Это обстоятельство в соединении с практическим, деловым характером американца было причиной того, что в богословское, а именно образование приняло практическое направление. В отношении образования вообще и в богословскому образованию в частности приложено старинное классическое изречение: *non multa, sed multum*. Здесь учатся не многому, но много; потому что нет времени на многостороннее образование. Конечно между американскими богословами встречаются люди многосторонне образованные; но они составляют незначительное меньшинство, и на духе нужно смотреть, как на исключение. Таким образом церковная свобода, раздробившая церковную жизнь на множество отдельных кружков, раздробила на столько же кружков и церковное образование, так что в последнем результате она ведет не к возвышению, а понижению общего уровня богословской науки, потому что заставляет ее служить утилитарным целям церковных общин, иногда очень не далеких по своему образованию.

Печальную особенность Соединенных штатов составляет то, что здесь религиозное образование составляет исключительную специальность церковных школ. Из всех общественных школ оно исключено законом. И на этом пункте государство не хо-

четь имѣть ничего общаго съ церковью. Это исключе-
ніе, по сознанию самихъ американцевъ, сопровождается
самыми печальными результатами для общаго религіоз-
но-нравственнаго состоянія страны. „Исключеніе хри-
стіанства изъ общественнаго воспитанія, говоритъ Кюль-
велль, есть распоряженіе, равняющееся самоубійству;
самый смертельный врагъ человечества не могъ бы
придумать мѣры болѣе губительной для республиканскихъ
учрежденій страны, чѣмъ эта мѣра (1)“. Ребенокъ съ
минуты своего рожденія принадлежитъ только государ-
ству, а не церкви. Государство не требуетъ, чтобы
его крестили, а только требуетъ, чтобы его кормили.
Подъ влияніемъ этого требованія и у родителей и въ
большинствѣ церковныхъ общинъ образовался очень
легкій взглядъ на крещеніе дѣтей. Есть церковныя об-
щидины, которыя положительно учатъ, что крестить дѣ-
тей не слѣдуетъ. Это баптисты. Есть другія, которыя
хотя и допускаютъ крещеніе дѣтей; но смотрятъ на не-
го, какъ на обрядъ, который самъ по себѣ ничего не
значитъ, а получаетъ свой смыслъ только тогда, когда
ребенокъ сдѣлается взрослымъ и сознательно почув-
ствуетъ нужду въ духовномъ возрожденіи. Все это слу-
жить причиною того, что огромное количество дѣтей
въ Америкѣ умираютъ безъ крещенія (2). Тоже и съ
религіознымъ образованіемъ. Государство не требуетъ,
чтобы ребенка учили религіи, а требуетъ, чтобы изъ

(1) The position of Christianity in the United States, Philadelphia
1854 p. 98-й.

(2) Princeton Review (Американскій Пресвитеріанскій журналъ) вы-
считалъ, что въ одной пресвитеріанской церкви въ 1857 г. для крещенія
дѣтей, именно 413,298 оставалось не крещеными. По этой цифрѣ мож-
но судить приблизительно, какъ велика должна быть общая цифра не
крещенныхъ дѣтей во всѣхъ церквяхъ.

него одълали рабочую силу, которую можно было бы съ пользою употребить на томъ или другомъ поприщѣ практической дѣятельности. Оттого и выходитъ, что дѣти родителей, не принадлежащихъ къ какой-нибудь церковной общинѣ, вырастаютъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о Богѣ, св. Писаніи и христіанствѣ.

Единственными училища для первоначальнаго религіознаго обученія въ Соединенныхъ Штатахъ это—воскресныя школы (1). О существованіи ихъ государство такъ мало заботится, какъ и о существованіи церкви и церковныхъ школъ. Онѣ учреждаются и содержатся исключительно церковными общинами, или благотворительными комитетами, состоящими изъ членовъ этихъ общинъ.

Воскресныя школы учреждены въ Америкѣ гдѣ-нибудь пятьдесятъ съ небольшимъ назадъ. Онѣ замѣнили собою старинный, добрый американскій обычай, состоявшій въ томъ, что родители сами по субботамъ занимались религіознымъ обученіемъ своихъ дѣтей, — обычай, почти совершенно исчезнувшій въ настоящее время.

Каждая, правильно организованная, церковная община старается имѣть по крайней мѣрѣ одну воскресную школу, которая помѣщается обыкновенно гдѣ-нибудь рѣдкимъ церквя, иногда даже въ нижнемъ этажѣ ея. Многія церкви имѣютъ кромѣ воскресныхъ школъ еще такъ называемыя миссіонерскія субботнія школы, которыя часто служатъ зерномъ для новыхъ общинъ.

Каждая воскресная школа имѣетъ своего superintendent (инспектора) и довольно большое число учителей и учительницъ. Эти учителя и учительницы бы-

(1) Впрочемъ въ некоторыхъ нѣмецкихъ-католическихъ и лютеранскихъ обществахъ религіозное обученіе вводится въ общеобразовательныя школы.

виють обыкновенно чѣтъ болѣе ревностныхъ членовъ общины и занимаются преподаваніемъ по доброй волѣ. Урокъ продолжается часъ, или полтора часа, обыкновенно предъ Богослуженіемъ, или послѣ него, иногда вечеромъ въ воскресенье. Суперъ-интендентъ открываетъ урокъ чтеніемъ изъ библіи и молитвою. Потомъ пропѣютъ нѣсколько церковныхъ пѣсней, переложенныхъ на веселые дѣтскіе напѣвы.

Это сочетаніе серьезнаго содержанія пѣсней съ веселымъ напѣвомъ бываетъ иногда въ высшей степени безвкусно. Я, говоритъ авторъ писемъ изъ Америки, однажды слышалъ пѣснь: *The Bible! The Bible!* въ которой владычество библіи въ мірѣ было изложено въ серьезныхъ поэтическихъ, выраженіяхъ, но которая между тѣмъ была положена на какую-то забавную, задирательную мелодію. Запѣвало, веселый старикъ, изъ себя слытъ притопывалъ ногами, чтобы ускорить тактъ, и казался чрезвычайно забавнымъ. Подобнымъ же образомъ онъ даже забавнымъ образомъ пѣлъ въ другомъ мѣстѣ: *I want to be like Jesus; How pleasant is the Sabbath-School* (Я желаю подражать Иисусу; какъ пріятно ходить въ воскресную школу) точь въ точь какъ (какой-лико) являни поютъ веселую школьную пѣсню: *o, wie herrlich, o, wie schön ist es, in die Schul' zu geh'n* (какъ весело, какъ пріятно ходить въ школу); съ тѣмъ только различіемъ, что въ религиозной сферѣ этотъ контрастъ серьезнаго предмета пѣсни съ развеселымъ напѣвомъ казался еще возмутительнѣе⁴⁰ (1). (1) *Deutsche Bibelforscher in Amerika*, письмо 4-е изъ послѣднихъ

⁴⁰ (1) *Deutsche Bibelforscher in Amerika*, письмо 4-е изъ послѣднихъ

Самыя маленькія дѣти садятся вѣсть и ихъ занимаютъ пѣніемъ и заучиваніемъ вѣсть изъ библіи. Болѣе взрослые подраздѣляются на двѣ и на три группы и читаютъ библію подъ руководствомъ учителей, которые объясняютъ имъ непонятныя мѣста.

Хотя учителя и учительницы воскресныхъ школъ часто отличаются замѣчательною ревностью къ своему дѣлу и большимъ трудолюбіемъ, и пользуются для своей подготовки богатыми средствами, Sabbath-School-Union (1), но преподаваніе ихъ ны не должно составлять себѣ высокаго понятія. Ихъ догматическіе познанія не достаетъ глубины и точности, ихъ педагогическіе приемы — правильной подготовки.

У каждой воскресной школы есть своя бібліотека, изъ которой дѣти получаютъ всѣ нужныя имъ книги. Воскресный иллюстрированный листокъ, издающійся при Sabbath-School-Union для дѣтей, и выходящій разъ въ недѣлю, раздается имъ gratis. Для прилежныхъ и усердныхъ посѣтителей воскресныхъ школъ существуютъ призы, состоящіе изъ дѣтскихъ книгъ. Эти награды книгами называются здѣсь libraries. На день Рождества Христова бѣднымъ дѣтямъ дарятъ съѣстные припасы и шпатель. Весною бывають такъ называемыя пикники: воскресныхъ школъ, — поѣздки за городъ, при чемъ дѣтей щедро надвѣляютъ всѣмъ съѣстнымъ.

Въ каждой воскресной школѣ ежегодно бываетъ такъ называемое Exhibition, или публичный актъ. Американцы большіе мастера дѣлать эти акты интересными и эффектными. „Прошлой зимой, говоритъ авторъ нѣмецкихъ писемъ изъ Америки, я былъ на одной изъ этихъ

(1) Центральный Комитетъ воскресныхъ школъ.

Exhibition. Собрание помещалось въ церкви, которая по этому случаю была великолѣпно украшена цвѣтами; рѣдкіи были сняты и на платформѣ возвышалось знамя воскресной школы; предъ нимъ на лавкахъ, возвышавшихся одна надъ другой, усажены были воспитанники и воспитанницы воскресной школы; начиная съ самаго младшаго возраста, такъ что ихъ совѣшенія личныя и темныя платья сморѣли чрезвычайно эффектно, какъ будто гирлянды цвѣтовъ. Но главный элементъ программы сосредоточивался на двухъ крещенныхъ воспитанникахъ, дѣвочкахъ лѣтъ 5 — 6-ти. Онѣ декламировали стихи и ихъ наивная декламация вызвала оглушительное одобреніе со стороны присутствующихъ. За этой декламацией послѣдовала духовная пѣснь съ припѣвомъ: *Our soul shall never die* (наша душа не умретъ). Въ пропѣлъ хоръ помещавшейся подъ церковью въ нижнемъ этажѣ, такъ что звуки доходя до слуха присутствовавшихъ какъ бы изъ другого міра.

Немецкія церкви, находящіяся въ этой странѣ, уверяютъ себя систему воскресныхъ школъ и копируютъ со всю точностію всѣ *librairies*; *exhibitions* и *picnicks* (1)⁴.

Въ 1855 г. въ Америкѣ было 35,000 воскресныхъ школъ съ 250,000 преподавателей и преподавательницъ и съ 2,500,000 учениковъ (2).

Недостаточность системы религіознаго обученія чрезъ воскресныя школы сознаютъ теперь сами американцы.

Мы уже замѣтили выше, что учителя и учительницы

(1) Deutsche Briefe aus Nord-Amerika. Письмо 4-е.

(2) Conference des Chretiens de toute nations a Paris. 1855 доисеніе докт. Бара.

воскресныхъ школъ; вообще говоря, бывають, вѣроятно, точно подготовлены къ своему дѣлу. Прибавимъ къ этому, что и недостатокъ времени, употребляемаго на обученіе въ воскресныхъ школахъ и распрежденіе самыхъ занятій не могутъ дать школьнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ чему можно научиться въ теченіе одного или полутора часовъ мальчику, или дѣвочкѣ, которые потомъ цѣлую недѣлю ходять въ гражданскую школу, гдѣ ни слова не слышатъ объ религіи? При этомъ, такъ какъ посѣщеніе воскресной школы не обязательно; то очень можетъ быть, что иной мальчикъ, или дѣвочка ходять туда чрезъ два воскресенья на третье. Вѣдь не даромъ же распорядители воскресныхъ школъ наши нужнымъ назначать награды за аккуратное посѣщеніе воскресныхъ уроковъ. Занять, изъ чего состоитъ урокъ въ воскресной школѣ? Изъ молитвы, прозаической суперъ-интендентомъ, чтенія главы изъ библіи—иногда же, пѣнія священныхъ пѣсней, чтенія библіи учениками и ученицами подь руководствомъ учителей и учительницъ и заучиваніе стиховъ изъ библіи. Если на молитву, чтеніе главы изъ библіи суперъ-интендентомъ и пѣніе св. пѣсней положить полчаса; то остальные полчаса или часть останутся собственно на урокъ. Много ли могутъ сдѣлать въ такое короткое время 25—30 мальчиковъ, или дѣвочекъ? Прочитать главу изъ библіи съ комментаріями учителя, или учительницы и заучить два—три стиха? Но съ такимъ запасомъ свѣдѣній далеко нельзя уйти въ дѣлѣ религіознаго образованія. Наконецъ—и самое худшее—во всемъ этомъ обученіи нѣтъ ничего систематическаго; все случайно, безсвязно, неопредѣленно. Въ послѣднемъ результатѣ у дѣтей останется въ памяти только нѣсколько

разрозненныхъ фактовъ изъ священной исторіи и тѣ- сколько стиховъ изъ библіи,—словомъ ровно столько, сколько нужно для того, чтобы, по достижении зрѣлаго возраста, попасть въ сѣти первому ловному сентагу. Недостатокъ прочихъ, опредѣленныхъ основъ дѣйствительною и всю систему религіознаго обученія въ воскресныхъ школахъ. Для устраненія этого недостатка лучшіе церковные дѣятели въ Америкѣ въ настоящее время продали голосъ за необходимость введенія катихизиса въ воскресныя школы. Но проектъ, ими составленный, едва ли осуществимъ на дѣлѣ при настоящемъ состояніи американскихъ церквей. Тамъ мудрено толковать о катихизисѣ, гдѣ такую печальную роль играютъ символы и символическія книги. Серьезно поставленный, вопросъ о катихизисѣ можетъ повести къ пересмотру всѣхъ основаній современнаго устройства американскихъ церквей. Впрочемъ для блага вѣщъ церковей мы отъ души желаемъ имъ дойти до сознанія необходимости этого пересмотра.

Мы прослѣдили примѣненіе принципа свободы, ко всѣмъ главнѣйшимъ сторонамъ американской церковной жизни: остается свести въ одно полученныя нами результаты. Въ примѣненіи къ церковному устройству принципъ свободы привелъ американскія церкви къ отрицанію богоучрежденной церковной формы; въ примѣненіи къ догматическому содержанію церковнаго ученія—къ отрицанію символовъ и символическихъ книгъ; въ сферѣ практическихъ церковныхъ отношеній его примѣненіе сопровождалось профанаціей церковныхъ отношеній вообще и извращеніемъ каноническаго порядка отношеній между пастырями и пасомыми въ част-

ности; въ сферѣ проповѣдничества мы видимъ то рабство предъ чужими убѣжденіями, то деспотизмъ надъ этими убѣжденіями; въ сферѣ богословской науки—служеніе утилитарнымъ цѣлямъ церковныхъ кружковъ. Но главное зло заключается въ томъ направленіи, которое этотъ принципъ сообщаетъ американскому церковному сознанию. Все, что сколько нибудь напоминаетъ авторитетъ, представляется американцу стѣпненіемъ его совѣсти, его свободы. Для истого американца существуетъ только одинъ авторитетъ—его собственный разумъ. И потому римско-католическая церковь есть самая не популярная въ Соединенныхъ Штатахъ, — о римско-католикахъ говорить не иначе, какъ съ презрѣніемъ, какъ о людяхъ, не знающихъ цѣны лучшему достоянію человека—свободѣ. Обращеніе одного какого-нибудь американца въ римско-католичество поднимаетъ всѣхъ на ноги: фактъ дѣлается національнымъ событіемъ; собираются шумные митинги, подаются адреса правительству за тысячами подписей съ предостереженіемъ противъ замысловъ римскаго двора. Римско-католики не могутъ безопасно показаться на улицахъ въ это время. Американцы тонискодительно посмотрятъ на самую безобразную сенту, если только изобрѣтатель ея собственнымъ умомъ дошелъ до нея; но будутъ презирать васъ съ всей душой, если вы принадлежите къ церкви, есмоданной на внѣшнемъ, историческомъ авторитетѣ, особенно же если вы на эту послѣднюю промѣняете одну изъ церковныхъ общинъ, озирающихся на принципъ свободы. Сознаете превосходства своихъ свободныхъ церковныхъ общинъ предъ всеми церквами въ мірѣ: цореншо въ нихъ въ глубокое убѣжденіе, что только американцы составляютъ избранный народъ, — новесе Маран

или, — что они одни понимают Евангельскую свободу, какъ должно, и потому только имъ принадлежить будущность, и старый свѣтъ можетъ сластись не иначе, какъ вода условіемъ вступленія въ „деревья будущаго“, которая объединитъ себою все христіанство! Эта „деревья будущаго“ возможна только на американской почвѣ. Воззванія къ „деревья будущаго“ на разные нады произносятся представителями самыхъ разнообразныхъ церковныхъ кружковъ Америки. Эти воззванія вовсе не означаютъ того, что американцы не довольны своими настоящими церквами. Нѣтъ; эту „церковь будущаго“ они призываютъ и приветствуютъ, какъ послѣдній спѣлый плодъ развитія своей церковности. Она должна выродиться изъ взаимодействія современныхъ церковныхъ общинъ Америки, какъ и изъ послѣдній продуктъ. При этомъ само собою подразумевается, что этотъ продуктъ долженъ произрасти на той же почвѣ, на которой произрастаютъ современные подготавливающие его продукты, именно на почвѣ свободы. Такимъ образомъ церковная свобода въ сознаніи американца является *какъ* американской церковной жизни, *такъ* самымъ непоколебимымъ основаніемъ *и* самымъ блестящимъ вѣщомъ. И американскіе писатели впадаютъ въ восторженный лиризмъ, когда начинаютъ говорить о церковной свободѣ своего общества и дружными хоромъ воспѣваютъ дисирамбы въ честь ея. Впрочемъ въ послѣднее время въ этомъ дружномъ хвалебномъ хорѣ начали звучать довольно неприятные для американскихъ ушей диссонансы. Нашлись люди, которые, забывъ другую пѣсню, начали рисовать другую, даже не такъ свѣтлую картину американской церковной свободы. Они перевернули медаль и показали

казали своимъ сопотечественникамъ заднюю, ая сторону. Во главѣ этихъ людей стала знаменитый (въ Америкѣ) Невинъ. Этотъ человекъ, котораго докторъ Шаферъ очень кратко называлъ „одичаворенною скорбью американскихъ державъ,“ выстрадалъ своимъ сердцемъ ту мрачную картину американской церковной жизни, которую намъ оставляетъ, и потому она вышла поразительно вѣрной. Ничто глубже его не понималъ истиннаго значенія субъективнаго принципа, на которомъ опирается все здание американской церковности, и никто не указалъ такъ вѣрно истинной причины всѣхъ темныхъ и слабыхъ сторонъ этой церковности, какъ этотъ замѣчательный богословъ. Онъ прямо коснулся раны и объяснилъ во услышаніе всего міра, что въ Америкѣ нѣтъ совершенной, правильной церковной жизни, потому что *нѣма Церквы*, а есть только сакты. Церковь говорить онъ, которая по глубокоразнамательному выраженію Апостольскаго символа есть предметъ вѣры, не можетъ быть простымъ, абстрактнымъ понятіемъ. Нужно считать истиннымъ несчастіемъ для нашего времени то, что оно отвало отъ этой вѣры и пришло къ такой степени, что теперь иные считаютъ за знаменіе антихристе исповѣдывать вмѣстѣ съ древнею церковью вѣру въ святую, соборную церковь. Тутъ между тѣмъ данъ на самое дѣло отрицаніе, или простое, или истинное пониманіе того члена, есть признакъ антихристеки. Сомнѣтельно выводитъ изъ предположенія, что Христовъ вовсе не основывалъ никакой дѣйствительной Царкви, а дакъ бытіе только невидимому духовному христіянству, которое люди съ помощью библіи могутъ формулировать и организовывать по своему усмотрѣнію. Сомнѣтельство же вѣрять во святую соборную

Церковь, считает даже самое это выражение за папистическое, а предмет, имъ обозначаемый, за пустую выдумку, какъ будто онъ одно и тоже съ тою вымышленною церковью, которой придерживается само сектанство. Отсюда то уничижительное понятие, которое составило себѣ сектанство о духовныхъ должностяхъ, таинствахъ и богослуженіи вообще. *Церковь* для нихъ не есть сокровищница объективно данныхъ и постоянно пребывающихъ въ ней сверхъестественныхъ средствъ. Равнымъ образомъ и таинства сектантовъ—мнимыя, фантастическія, ни на чемъ неоснованныя—имѣютъ только субъективную действительность въ фантазии принимающаго. Отсюда общее стремленіе всѣхъ сектъ—или совершенно отвергать таинства, или во крайней мѣрѣ придавать имъ другой смыслъ (а не Церковный). Баптистическій принципъ лежитъ въ основаніи всей ихъ теоріи религіи. Сектанство не признаетъ объективной действительности ни крещенія, ни причащенія. Религіозныя пѣсни и мелодіи сектъ носятъ на себѣ тотъ же отпечатокъ крайняго субъективизма, и въ этомъ секты видятъ даже ихъ высшее достоинство и украшеніе; потому, что это качество, по ихъ мнѣнію, ставитъ молящагося въ прямую личную связь съ миромъ сверхъчужественнымъ. Антихристіанскій духъ сектанства проявляется даже въ презрѣніи по *каждой исторіи и авторитету*. По самому существу дѣла, частное должно подчиняться общему, часть должна зареветь отъ цѣлаго. Отсюда идея церковнаго преданія и разумнаго авторитета. Въра въ действительнаго, постоянно присущаго въ Церкви и дѣйствующаго чрезъ нее, какъ чрезъ свой органъ, Христа дѣлаетъ для христіанъ невозможнымъ пренебреженіе къ Церкви прошедшаго и

П. П.

настоящаго. Между тѣмъ существенную особенность септантивъ составляетъ то, что они самоуверенно опираются на свое частное сужденіе и свою личную свободу и съ важнопрезрительной миной смотрятъ на всю дерзновенную древность. Христіанство не знаетъ такой чисто субъективной свободы. Но секты не хотѣть слушаться Церкви, потому что ей голосъ считаютъ голосомъ людей; тогда какъ въ Библии говорить Самъ Богъ и притомъ прямо и непосредственно каждому индивидууму въ частности; поэтому они вѣрують въ Библию, но не вѣрують въ Церковь. Принципомъ, такимъ образомъ поставленнымъ, можно оправдать церковныя раздѣленія in infinitum. Все здѣсь сводится къ неизбежному дуализму: здѣсь человекъ, тамъ Богъ, относящійся другъ къ другу, какъ двѣ абстрактныя противоположности; общеніе между ними какъ будто только магическое и фантастическое, а не историческое; не действительные Церкви—идея; таинства—одни внѣшніе знамя; Библия—метеоръ; лукавій съ небадъ искупленіе—что-то въ родѣ фокуса, который вводитъ въ душу съ помощію невидимыхъ силъ. Въ заключеніе все удивительно какъ сходится съ грубо субъективной, неологической теологіей Социніанъ или Деистовъ, за исключеніемъ извѣстнаго сверхъестественнаго аппарата, который удержанъ, какъ *carut mortuum* церкви.“ (1)

Это были слова поразительно вѣрныя, но совершенно новыя для Америки, и она не поняла ихъ. Такимъ образомъ церковное направленіе, во главѣ котораго такъ смѣло и рѣшительно сталъ Невинъ, направленіе,

(1) Geschichte des Protestantismus in seiner neuesten Entwicklung, von Sörg. 1858. Erste Band. S. 393—395.

объединявшее отъ себя такъ много своимъ рѣшительнымъ обращеніемъ къ объективной, исторической понрѣ христіанства, не нашло себѣ энергической поддержки въ Америкѣ и разрышилось невольтеранствомъ. Въ нѣкоторой аналогіи съ этимъ направленіемъ находится недавняя попытка нѣкоторыхъ представителей англико-американской церкви къ сближенію съ православною русскою, но она составляетъ такое чуждое, и въ притомъ также исключительное, не подходящее къ общему характеру и направленію американской церковной жизни явленіе, что ждать отъ нея какого нибудь энергическаго, широкаго вoadѣйствія на цѣлый ходъ церковной жизни въ Америкѣ, также было бы слишкомъ смѣло. Конечно будущее принадлежитъ Богу, но, судя по нaловѣщости, радикальнаго измѣненія въ цѣломъ странѣ, характерѣ и направленіи американской церковной жизни можно ожидать только въ такомъ случаѣ, когда она откажется отъ своего принципа безусловной свободы. А это нелзя легко сдѣлать въ странѣ, пропитанной насъкозь этимъ принципомъ.

ХАРАКТЕРЪ ПРОТЕСТАНТСТВА

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ (1).

1. Общий взглядъ на начала протестантства въ ихъ историческомъ обнаруженіи.

Реформація XVI-го вѣка есть дѣло двѣнадцатой націи по преимуществу. Идеи Лютера охватили собой всю почти страны Европы и въ настоящее время принадлежать не Германіи только, а и Швеція, Даниа, Англіи и т. д.; но инициатива ихъ, вышла изъ духа Германскаго племени, ихъ отечество десетъ въ тѣхъ же нѣмецкихъ странахъ, представителями которыхъ слу-

(1) Предлагаю для печати свою характеристику протестантства, имѣющую въ виду недостатокъ подобныхъ сочиненій въ нашей духовной литературѣ. У насъ есть не только монографіи, но и системы, въ которыхъ секты и ереси обличаются и опровергаются на основаніи Св. Писанія и преданій Церкви, но въ этихъ сочиненіяхъ недостаетъ разсужденій о томъ, что такое эти ереси сами въ себя, — какой ихъ характеръ, есть ли въ нихъ послѣдовательность, какое онѣ имѣютъ вліяніе на жизнь практическую и общественную и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что сопоставленіе еретическихъ ученій съ „образомъ здравыхъ словесъ“, заповѣданнымъ Церквію, — есть сильнѣйшее и самое рѣшительное осужденіе ихъ. Вѣчная истина не знаетъ условій историческаго развитія, и богословъ можетъ, — строго говоря, — и обходить подобные вопросы. Но съ другой стороны — и обращеніе вниманія на *внутреннія силы*, которыми движутъ известнымъ образомъ религиознымъ возрѣваніемъ, и даютъ ему видъ цѣлостнаго, на характеръ, съ какимъ оно является въ исторіи и т. под., не только не лишнее для Богословской науки, но и — напротивъ — можетъ помогать дѣлу полнаго и всесторонняго обсужденія истины. Какъ

жилъ Лютеръ. Въ Германіи зародилось то сильное религиозное движеніе, результатомъ котораго было появленіе самаго Лютера. И не будь этого Лютера, — не успѣи онъ въ своихъ намѣреніяхъ, не успѣлъ бы и Кальвинъ въ Швейцаріи, не явился бы и Ноксъ (Кнох) въ Шотландіи и т. д. Здѣсь источникъ и всего дальнѣйшаго развитія протестантства для всей остальной Европы, — здѣсь до конца раскрыты и выяснены начала Лютера и Меланхтона; здѣсь и въ наши дни подняты вопросы о необходимости продолженія и обновленія реформации XVI-го вѣка, вопросы такъ важные для всего протестантскаго міра; здѣсь до послѣдняго времени было убѣжище той новой своеобразной богословской науки, которая явилась со времени реформации и раскрылась подъ вліяніемъ ея началъ. Словомъ, ни одинъ народъ Европы не усвоилъ и не понялъ такъ широко религиознаго движенія XVI вѣка, какъ тотъ народъ, который указалъ на него другимъ народамъ и первый открылъ борьбу за новыя религиозныя

ное вѣроученіе есть, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ быть непрежненно чѣмъ либо дѣльнымъ, законченнымъ въ себѣ самомъ, создается не вдругъ, а постепенно; ищетъ наконецъ оправданія въ жизни и т. д. Разъясненіе того, что и въ дѣломъ одно также должно, какъ по частямъ — въ подробности, что противъ него говоритъ сама исторія его образованія и развитія, что оно отвергается самою жизнью и т. под. также важна въ дѣлѣ приговора о немъ. Опытъ подобнаго богословскаго изслѣдованія у насъ первый представилъ Хомяковъ въ известной брошюрѣ своихъ объ отношеніи православія къ католицизму и протестантизму. Характеристика католицизма и протестантизма у него вѣрна и ясна, но довольно обща и не проведена чрезъ всю исторію католицизма и протестантизма. Изъ иностранныхъ сочиненій этого рода изрѣдны Символика Мелера (Symbolik v. Möller), Марггайнеке (Margheineke) и неоконченное сочиненіе Багера: Symbolik der christlichen confessionen und religions-partheien, гдѣ высказаны только общій взглядъ на исторію и начала католицизма.

начала... Для протестантскаго міра, Германія тоже, что Римъ для Католичества.

И такъ мысль о реформаціи воспиталась и раскрылась на Германской почвѣ.

Характеръ Германскій достаточно выяснился въ исторіи и хорошо извѣстенъ. Это—типъ очень односторонній, типъ сухой, разсудочной дѣятельности и мышления отвлеченнаго, формальнаго. Германія—это страна науки, безъ ея она не мыслима; такой чистой, безкорыстной любви къ умственной дѣятельности не было ни у одного народа; самая мысль о любви къ наукѣ для науки—есть чисто нѣмецкая мысль. Но особенно нужно сказать это о наукахъ отвлеченныхъ, философическихъ. Другіе народы доселѣ только рабски слѣдовали въ философіи за германскими мыслителями. Самое искусство здѣсь носить тотъ же отвлеченный характеръ. Гете и Шиллеръ—эти, какъ называюгу, идѣ, проты мысли, родились въ Германіи. Въ самой методичности Нѣмца въ жизни, методичности, которая вошла въ пословицу, проглядываетъ тотъ же синтезъ, даже сухая разсудочность. Не даромъ Гегель, для котораго мысль была божествомъ, говорилъ, что духъ философіи опочилъ по преимуществу на Германіи, что она страна идей и т. п. Нѣмецъ далеко превзошелъ Грека въ стремленіи къ отвлеченію. Отвлеченность Платона и Аристотеля пропадаетъ въ сравненіи съ отвлеченною мыслию Нѣмца о какомъ-то абсолютномъ „ничто.“ И, что особенно характеристично въ нынѣшнемъ Нѣмцѣ, — не смотря на всю свою отвлеченность, — онъ легко уживается съ всякою дѣятельностію. Изъ Германіи по преимуществу выходятъ такъ называемыя либеральныя идеи, но самая

Германія оставалась и остается болѣе спокойною, чѣмъ другія страны. Другіе народы стремятся осуществить въ действительности ихъ теоріи и замысленія; а Германскій народъ какъ будто считаетъ своею задачею только мыслить за другихъ, предоставляя действовать другимъ. Въ этомъ мы видимъ — съ одной стороны — чистую отвѣченность Нѣмца, отринутую отъ жизненныхъ стѣнъ, съ другой — какъ бы отрицаніе въ немъ самомъ истинности, объективности своего отвлеченнаго мышленія, какъ крайности, которая хороша только въ идеѣ, но не въ действительности.

Мы остановились на этой характеристикѣ нѣмецкой націи, — потому особенно, что сами нынѣшніе борцы нѣмцы Германіи не обходятъ вопроса о характерѣ націи въ вопросахъ о своемъ протѣстанствѣ; тогда, какъ и естественно ожидать, иначе понимаютъ свою историческую задачу. Вотъ что говоритъ на этотъ разъ Шенкель въ своей книгѣ „О реформаціи и реформаторахъ.“ (1) „Носителями и выразителями нравственнаго развитія въ Европѣ служатъ по преимуществу три націи: англійская, французская и нѣмецкая. Англичане развиваютъ идею государственной жизни въ формѣ разумной политической свободы; французы стремятся достигнуть возможнаго приложенія къ гражданскому быту мысли о равенствѣ. Намъ нѣмцамъ досталось несколько иное назначеніе. Мы не заняты ни національными, ни социальными вопросами. Мы заняты самыми глубочайшими основами для этихъ, какъ и для всѣхъ другихъ вопросовъ нравственныхъ; — мы вращаемся въ созерцательной области религіи. Развитие

(1) Die Reformatoren und die Reformation. V. Dr. Schenkel. 1859.

религіозной идеи, составляющей сущность вѣчнаго нравственнаго совершенства, выясненіе ея для всѣхъ другихъ народовъ, — вотъ наша историческая задача.“ Не такъ говорили сами нѣмцы до послѣдняго времени. Не таковы начала ихъ религіи, какъ увидимъ; — не къ тому ведетъ она... Шенкелю, какъ и другимъ нѣмѣцкимъ богословамъ, желающимъ поддержать разлагающійся протестантизмъ, не хочется сознаться въ его безжизненности. Цѣль его книги доказать, что идеи Лютера и Кальвина въ высшей степени жизненны для религіознаго сознанія, что доселѣ реформація не давала мира религіозному чувству потому только, что она не была понята какъ должно и т. под. Съ мнѣніями его мы еще встрѣтимся не разъ. А теперь переходимъ къ характеристикѣ самаго протестантизма въ его первоначальныхъ обнаруженіяхъ.

Собразно съ чисто отвѣченнымъ строемъ нѣмца, реформація Лютера — въ своемъ цѣломъ — была не что иное, какъ попытка создать отвѣченную философскую религію, — она была протестомъ за права *разума и личной волеи*. Все послѣдующее развитіе протестантскихъ идей, такъ извѣстныхъ по своему философскому характеру, необходимо заключалось уже въ реформѣ Лютера, какъ въ сѣмени и зародышѣ. Шеллингова и Гегелева философія — это плоть отъ плоти и кость отъ костей Лютера и Кальвина. — Съ поразительною послѣдовательностію возникали изъ лютеранства секта за сектою, философія за философіей, изъ которыхъ каждая была дальнѣйшимъ шагомъ по пути къ философскому движенію и рационализму. Вотъ почему и Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель такъ часто обращаются къ лютеранскому догмату для объясненія

и развитія своихъ тезисовъ. Никогда, еще не было въ роисповѣдной формѣ на столько отвѣченной и глубокой, въ которой всякое философическое воззрѣніе укладывалось бы съ такою свободою и легкостію, какъ лютеранское исповѣданіе.

Такова реформація по своему основному стремленію. Но философическая религія является первоначально въ формѣ *Христіанскаго исповѣданія*, противоположнаго католицизму. Она ищетъ для себя основаній сначала не въ отвѣченныхъ идеяхъ, не въ разумѣ, а только въ крайностяхъ другой въ роисповѣдной формѣ. Въ противоположности лютеранства католицизму — и характернаго лютеранства, и вмѣстѣ начало и основа всей будущей исторіи протестантизма.

Католицизмъ отличался и отличается чисто внѣшнимъ, объективнымъ воззрѣніемъ на христіанство, не смотря на то, что въ догматахъ по видимому только въ некоторыхъ предметахъ расходится съ ученіемъ древней вселенской Церкви. Онъ поималъ его практически, грубо, даже можно сказать, матеріалистически. Царство Божіе у него обращено въ царство человѣческое, и Римъ христіанскій напоминаетъ собою древній языческій Римъ съ его государственными преданіями и со-всѣмъ строемъ жизни. Изъ церковной іерархіи онъ образовалъ правительство съ правами жизни и смерти надъ подданными въ смыслѣ почти языческомъ. Высшимъ и подлымъ выраженіемъ этого служитъ Папа — глава Церкви, повелѣвающій міру, подобно тому, какъ Римъ повелѣвалъ некогда *toti orbi terrarum*. Онъ питалъ, какъ и доселѣ питаетъ, религиозное чувство въ вѣрующахъ по преимуществу внѣшностію и бездушными церемоніями, не отвѣчающими характеру хри-

станскаго содержанія. Католикъ не работаетъ мыслию надъ содержаніемъ христіанства, по крайней мѣрѣ ничто не возбуждало его, останавливаясь на внутреннемъ содержаніи его. Таково особенно было католичество въ средніе вѣка. Реформація Лютера, въ противоположность этому, стремится, по видимому, отстоять права духа и мысли, подавить внѣшнее, грубое воззрѣніе. Но, увлекаясь противорѣчіемъ католицизму, реформаторы не оставляютъ мѣста ни для чего внѣшняго, а на мѣстѣ гнета и насилія ставятъ чистый произволь и безграничную свободу, даютъ полный просторъ чисто личному, произвольному воззрѣнію. Является такимъ образомъ папство въ иномъ видѣ, пересеченное съ одного лица на всѣхъ.....

Эта діаметральная противоположность лютеранства католицизму проходить чрезъ всѣ своеобразныя положенія Лютерова катихизиса и догматики. Согласно съ своимъ чисто внѣшнимъ воззрѣніемъ — католикъ только рабски смотрѣлъ на свои отношенія къ Спасителю. Онъ думалъ, что между нимъ и Божественнымъ Испытателемъ нѣтъ и не можетъ быть живаго внутренняго союза, онъ былъ убѣжденъ, что нужно умолять Его — подобно тому, какъ это дѣлается въ отношеніи къ земнымъ царямъ и владыкамъ, что нужно платить подати. Его намѣстнику, приносить жертвы и дары и *ничего болѣе*..... О любви, которая связываетъ съ Нимъ міръ человѣческій, о богатомъ внутреннемъ общеніи съ Нимъ, въ духѣ онъ не слышалъ или почти не слышалъ. Въ противоположность съ этимъ Лютеръ только и говоритъ что объ этомъ невидимомъ, духовномъ и свободномъ союзѣ со Христомъ, и мысль объ этомъ свободномъ союзѣ христіанина со Христомъ ста-

вить во главу своего религиозного воззрения. За эту мысль о духовной свободе онъ ничего уже не видитъ, во имя ей онъ отвергаетъ все противоположное ей въ самомъ корнѣ и основѣ, противопоставляя права личности авторитету иерархии во всей возможной широтѣ.

Личное чувство руководитъ его и въ тотъ начальный моментъ, когда въ душѣ его зарождается сомнѣніе въ истинности папства и католичества... Чувство тяжести подвиговъ, высокихъ и святыхъ, на которые онъ обрекъ себя необдуманно, вотъ исходъ всѣхъ его размышленій, выродившихся послѣ въ цѣлое религиозное воззрѣніе. „И не знаю, говорить онъ подѣ влияніемъ этого чувства, Бога Карателя... Богъ христіанскій есть Богъ любви“ и т. под., забывая, что Онъ есть и Судія правосудный. Такъ доходить онъ до своего основнаго догмата объ оправданіи личною вѣрбою въ противоположность всякому подвигу и стѣсненію, — догматъ, изъ котораго, какъ послѣ увидимъ, неизбежно исходятъ всѣ другія особенности лютеранства.

Итакъ протестанство въ сущности — есть другая, обратная сторона католичества. На мѣстѣ чистаго объективизма явился въ немъ чистый субъективизмъ — безграничный, недопускавшій ничего средняго. Субъективизмъ этотъ въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ необходимо долженъ былъ обратиться въ абсолютизмъ личнаго мышленія, которое не давало уже мѣста религиозному воззрѣнію и превращало богословіе въ философію, а христіанскую идею въ пантеизмъ или антропотезисмъ. Такимъ образомъ, если для католика Вожество было отдалено и заслонено вѣщиностью, то для протестанта оно стало уже слишкомъ близко, — въ немъ самомъ, въ его собственной головѣ и сердцѣ, — если для католика

его собственное личное сознание не имѣло никакого значенія въ дѣлѣ вѣры, то для протестанта оно имѣло авторитетъ безграничный и стало нарицать, не судая, яко судая, подобно самому Божеству. Все объективное въ религии, говорилъ съ грустію Неандеръ о своемъ вѣроисповѣданіи, мы отвергли; мы думали, что возможна только субъективная религія, и обманулись“.

Такъ думалъ и самъ Лютеръ и почти сознавался въ своемъ обманѣ. — Лютеръ, начавшій сильными религиозными чувствами, а кончившій сомнѣніемъ, — самъ не находившій мира и покоя въ личномъ чувствѣ, за которое ратовалъ. Къ несчастію, говорилъ онъ, я не могу твердо вѣрить тому, что говорю въ своихъ проповѣдяхъ къ народу и о чемъ пишу въ своихъ сочиненіяхъ. А народъ воображаетъ, конечно, что я отъ души вѣрю и Евангелію и тому, какъ я самъ объясняю его“ (1). Вотъ, прототипъ всего протестантскаго міра и всей его исторіи до настоящаго времени. Что совершилось въ лицѣ Лютера, то повторилось послѣ въ дѣлахъ протестантскихъ обществахъ.

Казалось, реформація вносила новую жизнь въ общества — жизнь, полную духа и свободы; казалось, она возбуждала ихъ съ ревностію, напоминающею первоначальныя времена христіанства, обратиться къ откровенному ученію Евангелія, изучить его и проникнуться имъ, когда освобождала отъ деспотической власти папизма. Но такъ только казалось и такъ было только на первыхъ порахъ. Чѣмъ болѣе открывалось въ разныхъ христіанскихъ обществахъ мнимо, духовное нача-

(1) La reforme, son developpement interieur et les resultats qu'elle a produits dans le sein de la société lutherienne. Par T. Dollinger, tome troisième. Caractère de Luther.

ло, проповѣданное Лютеромъ, тѣмъ болѣе мечтательною и безсодержательною становилась религиозно-духовная жизнь народовъ протестантскаго міра, доколе, наконецъ, не обратилась въ полное сомнѣніе и отрицаніе вѣры.

Но обращаемся къ тому, какъ дѣйствительно шла исторія внутренняго развитія протестантства, и укажемъ моменты этого развитія.

Мы сказали уже отчасти, — въ чемъ сущность Лютерова возрѣнія. Неприкосновенность права личности въ области религіи — вотъ идея, руководившая имъ. Но какъ первый провозвѣстникъ этой идеи, онъ еще не успѣлъ и не могъ выразить ее въ формѣ, отвѣчающей существу дѣла. Не величіе человѣка и его разума, — а паденіе — вотъ что положилъ Лютеръ въ основу своей мысли о свободѣ человѣка въ области вѣры. Онъ говорилъ: „Человѣкъ великъ потому, что собственными силами ничего не можетъ сдѣлать, потому что палъ глубоко, потому что за него дѣйствуетъ Божество“. Таковъ смыслъ его догмата о паденіи, если мы поставимъ этотъ догматъ въ связь съ общимъ лютеранскимъ возрѣніемъ. И такъ это было уже пунктомъ противорѣчія и непослѣдовательности въ Лютеровомъ ученіи. И такъ это была сторона, требовавшая новыхъ объясненій и обвѣщававшая дальнѣйшее поступаніе лютеранства.

Дѣйствительно — вопросъ объ этомъ сталъ точкою отпавленія для Цвингли и Кальвина, побужденіемъ къ выясненію новаго вѣроисповѣданія, которое было дальнѣйшимъ шагомъ на пути къ евантропизму. Цвингли и Кальвинъ строятъ слѣдующій силлогизмъ: „Если человѣкъ палъ на столько, что раздробилъ все свои си-

лы, если спасеніе совершается безъ всякаго участія съ нашей стороны, то причина, почему не всѣ спасаются, должна быть въ самомъ Божествѣ. Такъ необходимо изъ лютеранства выродился догматъ о предопредѣленіи, составляющій особенность новаго реформатскаго вѣроисповѣданія. Догматъ этотъ своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ и своимъ фаталистическимъ направлениемъ необходимо вызывалъ идею пантеизма и заставлялъ отвергнуть самый фактъ паденія. Такимъ образомъ реформатское вѣроисповѣданіе составляетъ переходъ отъ чисто религіознаго воззрѣнія Лютера въ чисто философскому міросозерцанію.

Въ то же время въ Англіи образуется новая вѣроисповѣданная форма, сродная лютеранству и реформатству; и известная подъ именемъ англиканства. Эта форма не была дальнѣйшимъ продолженіемъ и развитіемъ протестантскаго начала, а некоторымъ какъ бы эпизодомъ и отклоненіемъ въ ходѣ исторіи протестантства. Она обязана своимъ происхожденіемъ желанію — съ одной стороны — свергнуть гнетъ папства, действительно тяготившій народы, съ другой — ограничить широту свободныхъ протестантскихъ началъ. Характеръ ея — смѣшанность, неопредѣленность и въ догматахъ и въ практикѣ, соединеніе преданій и вѣншихъ церковныхъ обрядовъ съ отвлеченными и свободными положеніями лютеранства и реформатства.

Такъ выразилось раскрытіе протестантскихъ идей въ первоначальныхъ общинахъ протестантскихъ. Лютеръ вполнѣ отдавалъ человека Божеству; развивалъ мысль объ уничтоженіи человека, все приписывалъ Благодати, но въ результатъ вышло возвышеніе человека до степени Божества, и этотъ результатъ рѣзко обозначился

уже въ реформатскомъ вѣроученіи, которое необходимо вытекало изъ лютеранства.

Но еще болѣе обозначилось и выяснилось это начало лютеранское въ мелкихъ протестантскихъ обществахъ болѣе свободныхъ. И, чтобы донести все влияние Лютера на умы, нужно изучать его не по символическимъ только лютеранскимъ книгамъ. Идеи его дали свободу мысленію и породили многое множество различныхъ вѣроученій и философскихъ системъ, которыя всѣ съ одинаковымъ правомъ могутъ назвать Лютера своимъ отцомъ.

Начиная съ первыхъ, т. е. съ религиозныхъ ученій мелкихъ протестантскихъ сектъ. Въ нихъ два направления — идеальное и эмпирическое, — эти два цѣлоса, къ которымъ постоянно тяготѣетъ человеческое сознание, — двѣ крайности, которыя постоянно сдвигаются въ мысленіи одна другою. Идеальное направление въ религіи — это мистицизмъ, противоположное ему — натурализмъ или рационализмъ. То и другое полагаютъ въ основаніи новое протестантское начало. Старый средневѣковый мистицизмъ получаетъ новыя возбужденія отъ мысли о внутреннемъ, сознательномъ, духовномъ общеніи со Христомъ, чрезъ вѣру и, для до этому пути, переводитъ Христа въ человека, а человеку даетъ непосредственный доступъ на небо еще здѣсь на землѣ, — словомъ, — развѣснать обихую всему протестантству идею самообожанія, антропизма. Дѣло начинается — разумѣется — съ обнаруженій менѣе широкихъ и глубокихъ, — сначала анабаптисты и меннониты — дѣлаютъ чисто матеріальное практическое приложеніе идеи протестантства въ быту праведному, требуя свободы вѣщдей и равенства во имя Христа и дѣръ; — сначала Шпеннеръ и пѣтисы — требуютъ только вниманія къ себѣ и

углубленія въ свой духъ и чувство. Но, вотъ являюся и результаты этого углубленія: мистицизмъ, видныя небесныя свѣтъ и небесная Христова Идея этого небеснаго Христа дѣлается все ближе и ближе общему или ширешему элементу, законности съ идеею самаго закона. Ординъ нальнѣйшій, въ видѣ мистическаго, тогда либо субъекта, завязки — Омануилъ, Сведенборгъ илюстрируетъ; надо, надо, и ятъ. Богъ, ангелы и человекъ — это не само и тоже по природѣ и что онъ самъ своими глазами видѣлъ въ небѣ превращенію человека въ Богство. (1). Орднъ мистическій, движущій въ средѣ протестантизма отъ юности въ католическомъ мірѣ и производятъ своеобразныя святы мистическаго, сближающіяся съ масонствомъ. Съ другой стороны — торжое своею побѣдою надъ преданіемъ; религиозное чувство, протестантъ возмущаетъ: постепенно превозможенныя мистицизму, торжое въ Бѣг торжое; рационализмъ и натурализмъ приключаетъ видъ реализмаго ученія. Оно отвергаетъ мысль о свободности всякаго видимаго, посредства и вмѣшательства дѣло религіи, устраняетъ отъ этого само Богство; и, выходя изъ одного начала съ мистическимъ настроеніемъ, въ противоположности ему отдаленъ землею и небомъ. Но результаты, тотъ же, — та же мысль о человекѣ, какъ послѣдней дѣли, немощныхъ и стремленій. Это направление начиваетъ анализировать христіанское ученіе и, находитъ въ немъ, по избѣрному взгляду своему, только то, что есть въ самомъ человекѣ, заключаетъ, что человекъ живетъ только самъ собою и внешне-огороеній разума; а въ инакомъ и дружелюбно

(1) О Сведенборгѣ, котораго нѣкоторые спириты считаютъ своимъ родоначальникомъ, см. настронъ; надо особюю заключенію.

кровей. Это религиозный рационализм Социалъ и Гуго Гроция съ Арминіанами и т. д. Но въ чему только полусознательно стремились различныя върхнеобъидныя формы протестантства, что скучно предпознано въ мечтательныхъ диспутахъ и школахъ, чему не мѣсть дать соответствующаго выраженія религиозный рационализмъ, что высказалось въ унасажденно личности въ философскія системы протестантства, и, можно сказать безъ преувеличенія, что Лютерово „въруо“, „скрывавшее въ себя центропротестантскую идею, нигдѣ не нашло себѣ тѣлаго сочувствія и такого полнаго раскрытія, какъ въ идеальной командной философій. Здѣсь во имя новой Лютерово въры, строить идьныя міры, — всю вселенную; соединялись съ самимъ источникомъ жизни и путемъ логическаго мышленія протрицають конечное въ безконечное! Это философически-протестантское направленіе развивается вмѣстѣ съ развитіемъ протестантской идеи по указаннымъ путемъ, — начинается оно съ Декарта и Спинозы и кончается только вмѣстѣ съ Фейербахомъ.

Результатами этихъ философскихъ возрѣній не протекать даромъ для протестантскаго міроустройства и, прилагается въ слѣдъ за ихъ явленіемъ — къ софрѣ безсмертскихъ изысканій. Каждая философская система пераидаетъ рядъ такъ называемыхъ теологовъ, которые вносятъ философскія теоріи въ догматикую и церковную исторію. Рядъ такъ идетъ со времени Декарта и Спинозы и кончается остающимися теперь еще въ живыхъ въкореніи или зарманскихъ ученыхъ. Родоначальники ихъ Земмерль, а особенно сильныя подвижники на этомъ поприщѣ Бауръ и Штраусъ. Такимъ образомъ Библия въ рупаль отъ новыхъ лютеранскихъ богосла-

верь получила новый вид и смысл. Къ изумленію
создающаго міра съоставили концы на ряду съ Го-
меромъ, Виргиліемъ, Магябараторъ. Новые богословы
объявляя, что нѣтъ тайны непостижимыя для разума,
нѣтъ сверить несоизвѣстныхъ явленій и т. под.

Такимъ образомъ чисто религиозное ученіе смѣши-
вается съ новѣйшимъ философскимъ, и результатомъ и
выраженіемъ этого смѣшенія является новая свободная
церковь, основанная Іоанномъ Ронте и обязанная про-
повѣдваніемъ своимъ неодолима. Это — философія съ им-
пелью религіи и попытка на распространеніе рациона-
лизма въ массахъ народа. Она начала проповѣдь свою
рѣчью о томъ, что отроченія будтобы нѣтъ и быть не
можетъ, что Христіанство есть слово о любви къ чело-
вѣчеству, что въ этомъ будтобы все его значеніе; она
установила праздники прогресса и человѣческаго досто-
инства и т. под.

Около того же времени, на другомъ концѣ протестант-
скаго міра, — на самыхъ крайнихъ предѣлахъ его — въ
лѣвомъ свѣтѣ — изъ нѣдръ его же является секта мормо-
новъ еще болѣе грубаго, натуралистическаго характе-
ра. Она проповѣдуетъ ученіе достойное времени язы-
ческаго (догматы многоженства) и отрицаетъ не только
христіанскіе догматы, но и самыя нравственныя ос-
нованія.

Такъ до конца исчерпалось содержаніе протестантства
и самъ протестантскій міръ съ изумленіемъ увидѣлъ,
что онъ незамѣтно перешелъ изъ области вѣры въ об-
ласть невѣрія. Родилось желаніе противодѣйствія не-
вѣрью, реакція духу отрицанія.

Реакція эта заявила себя во всѣхъ прежнихъ напра-
вленіяхъ, стремившихся къ евантропизму съ одинако-

вою силой. Она обнаружилась и въ первоначальныхъ протестантскихъ сектахъ, и въ новѣйшихъ, и въ самой богословской наукѣ Германіи.

Въ первоначальныхъ протестантскихъ общинахъ она обнаружилась стремленіемъ къ соединенію въроисповѣданій — лютеранскаго и реформатскаго. Вопросъ объ этомъ поднятъ еще въ 1818 году. Смыслъ этого унионическаго движенія понятенъ. Соединить два протестантскія въроисповѣданія, изъ которыхъ одно есть дальнѣйшее развитіе другаго; — значитъ задержать въ самомъ началѣ и основахъ эластическую силу протестантства, уничтожить въ самомъ зародышѣ тѣ вопросы, которые, какъ мы видѣли, неизбежно ведутъ къ рационализму, соединить общія силы протестантскаго міра для новаго устройства церковной жизни. Поэтому-то, въ связи съ унией и въ одно время съ ней, явилась и другая мысль о необходимости церковнаго устройства протестантскихъ общинъ въ древнемъ духѣ, о развитіи Богослужебныхъ формъ въ замѣнѣ отвлеченныхъ формъ протестантства и т. п. Вопросъ этотъ также, какъ и вопросъ объ униі, еще не рѣшенъ окончательно и хорошо не выясненъ; но болѣе и болѣе возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе и порождаетъ стремленіе отрѣшиться отъ вышнихъ формъ протестантства.

Въ средѣ мистическихъ протестантскихъ обществъ реакція противъ прежняго начала обнаружилась такимъ же стремленіемъ перенести древній бытъ Церкви на современное состояніе человечества. Секта пивингянъ, явившаяся въ самое новѣйшее время, хочетъ всехъ уверить, что въ ея обществѣ проявляются тѣ же чудные дары Благодати, какіе были при Апостолахъ. Члены ея утверждаютъ, что обладаютъ будтобы даромъ изыновъ,

подобно тому, какъ это было въ первенствующей Церк-
ви, — творять чудеса, говорятъ вдохновенныя рѣчи, и
т. д. Явление подобнаго общества въ протестантскомъ
миръ, случилось выражениемъ — съ одной стороны — дого-
латорства, лажой, совершающаго во всѣхъ его сферахъ вѣ-
стѣи о послѣднемъ словѣ рационализма, т. е. пово-
рота отъ субъективнаго въ историческія формы ре-
лигознаго сознанія, и новые мистички, т. е. Ирвинги-
ане, не говорятъ ничего, подобно двакерамъ и методис-
тамъ, ни о небесномъ Христѣ, ни о внутреннемъ свидѣ-
тѣ; они заняты только мечтою возстановить быль апо-
стольской Церкви съ апостолами, пророками, учителя-
ми и т. д. Въ этомъ мечтательномъ стремленіи, соеди-
ненномъ съ убѣжденіемъ въ дѣйствительности чудесъ,
совершающихся будто бы въ ихъ средѣ, и выражается
мистическій строй новой секты, распространившейся изъ
Англіи въ Германію. Съ другой стороны — это самый
напряженный и сильнѣйшій протестъ противъ новѣй-
шаго рационализма, это — самый скорбный вопль вѣры
при вѣдѣ опустошеній, производимыхъ разумомъ. Ир-
вингиане хотятъ самымъ нагляднымъ образомъ доказать
невѣрующему міру, что откровеніе не мечта, что чу-
деса, о которыхъ рассказываетъ въ Библии, совсѣмъ не
фантомъ или иллюзія, что все это еще продолжается до-
селѣ — во очію. — Приди и виждь — говорятъ они своимъ
прозелитамъ и всему остальному міру.

Наконецъ и въ самой богословской наукѣ, которая
доселѣ переносила въ область религіи результаты фило-
софемъ новѣйшаго времени, начался тотъ же поворотъ
и возвращеніе къ прежнимъ формамъ. Здѣсь это воз-
вратное движеніе обнаруживается въ стремленіи къ ми-
ру съ откровеніемъ послѣ давней вражды и разлада.

Эта новая теология, *vermittelnde*, т. е. посредствующая между разумом и Откровением, зародилась во времена Иммануэля Канта и в настоящее время дается господствующим направлением в немецкой духовной литературе. Таковы в самом прямом виде ход развития протестантских идей. Каждый шаг указанным нами образом подразделяется в свою очередь еще на множество частных моментов.

Переходим к подробному рассмотрению каждой из отдельных форм протестантизма в их исторической последовательности.

(Продолжение будет.)

Перевод: **Тереза Хрисанович**

ПОСЫТКИ ВЪ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ

КЪ СОЕДИНЕНІЮ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

(ПРЕДИСЛОВІЕ.)

Исторія схизмы, порожденной въ англійской церкви революціею 1688 года, доселѣ составляетъ предметъ церковныхъ изслѣдываній и занимаетъ видное мѣсто въ церковныхъ англійскихъ гѣтописяхъ. И быть не можетъ иначе: и въ жизни общества, и въ жизни церкви часто повторяются однѣ и тѣже событія, только въ другихъ видахъ, при другихъ обстоятельствахъ, при посредствѣ другихъ дѣятелей и т. п. Вотъ почему она еще разъ, и въ недавнее время, обратила на себя вниманіе англійскаго ученаго Томаса Лабурни (Thomas Lathbury), автора „Исторіи конвокаціи“, „Исторіи англійской епископіи отъ 1640 до 1662“, и пр. пр.

Всю эту исторію схизмы иначе можно назвать исторіей *Nonjurors*, т. е., всѣхъ тѣхъ—и епископовъ, и пасторовъ, и мірянъ, которые были на сторонѣ Іакова II, и которые потому только (по крайней мѣрѣ въ первые годы) и отдѣлялись отъ англійской церкви, что не хотѣли присягнуть новому королю, Вильгельму Оранскому, и которыхъ потому иначе называли *якобитами* (Jacobites)

Мы однакожъ имѣемъ въ виду не общую исторію

этихъ Non-jurors, но только тотъ эпизодъ изъ нея, который заключается въ ихъ сношеніяхъ съ Греко-Восточною Церковію и который переданъ г. Лабурн со всѣми подробностями, быть можетъ, далеко не вполне намъ извѣстными.

Во всякомъ случаѣ, при стеченіи настоящихъ обстоятельствъ, какъ они у него приводятся и передаются, съ тѣми, какіе у насъ имѣются, казалось намъ, если не теперь, то въ послѣдствіи, можетъ, быть не излишне и не неблагопотребно.

Г. Йонгъ (Joung), американскій пасторъ, дѣлалъ уже изъ этой исторіи извлеченіе, и оно мнѣ сообщенъ было въ свое время въ переводѣ, но, какъ видно, часами и англійскіе авторы не пренебрегли. Пр. Евгений Полюевъ.

Въ исторіи английскихъ и шотландскихъ Nonjurors есть обстоятельства, имѣющія для насъ особенное значеніе. А именно, — это попытка ихъ, или по крайней мѣрѣ некоторыхъ изъ нихъ, вступить въ единеніе съ греческою, какъ говорили тогда, Восточною Церковію. Первая мысль о томъ родилась въ 1716 году, когда явился въ Лондонъ Арсеній, архіепископъ епивандскій, для испрошенія здѣсь помощи своимъ бдѣствующимъ собратьямъ въ Александріи. Кампбелъ, одинъ изъ шотландскихъ епископовъ, прежде другихъ познакомился съ архіепископомъ, и, „какъ человекъ, по словамъ Скиннера“ (1), изворотливый, любившій извлекать изъ (1) „On the nature of an Ecclesiastical History of Scotland, в 1788 г.“

некого помыслу для своей церкви, не замедлил при первой же встрече сь нимъ съѣзжать напередъ въ этотъ родъ. Равно не замедлил онъ передать о томъ и другимъ своимъ. Въ началѣ всѣ—было хотѣли действовать единодушно; но потомъ возникли споры относительно *объема* (usage); — и Опенисъ, чета епископъ, докторъ не задолго предъ симъ скланился перенести общаго ихъ проекта на греческій языкъ, вмѣстѣ съ Гаузомъ (Hawes) и Голди (Gundy), уклонился отъ дѣльнейшаго участія въ этомъ дѣлѣ; и такъ оно осталось на рукахъ Колинга, Вретта и Гриниона изъ английскихъ епископовъ Камбела и Гаддерера. Скиннеръ замѣчаетъ, что никогда нельзя было ожидать какого-либо успѣха въ этомъ дѣлѣ, и что, въ случаѣ успѣха, никакъ нельзя было ожидать добрыхъ послѣдствій.

О томъ, какъ шло все это дѣло между Nonjutors и патриархами Восточной Церкви, мы знаемъ изъ записокъ Вретта, которыя имъ отпечатаны были нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, когда уже нельзя было ожидать никакого успѣха въ этой попыткѣ. Онъ сохранилъ между манускриптами епископа Салли.

За повѣщеніемъ самого подлинника, всѣ письма и бумаги будутъ приводимы здѣсь въ тѣхъ изъясненіяхъ, которыя сдѣланы г. Лабури, написавшимъ цѣлую, ограниченую книгу, подъ заглавіемъ: *A history of the Nonjutors*. Когда въ июль 1716 года епископы, такъ называемые Nonjutors собрались разсуждать о нѣкоторыхъ дѣлахъ относительно къ малой церкви, (Their little church), г. Камбель, пользуясь этимъ случаемъ, завелъ съ ними рѣчь съ архіепископомъ евангелскомъ, бывшемъ тогда въ Лондонѣ, тутъ же предложилъ имъ—попытаются ведунуть въ единѣніе съ греческою церковію, съѣздить

дѣла сей дѣлы: прѣдставилъ „предложеніа“ и и передать тѣмъ
всему архіепископу, съ которыми, какъ видно, онъ уже
предварительно объ этомъ дѣлѣ бесѣдовалъ. „Я тогда по
востановленію единогласно объ ученіи, ни объ обрядкахъ
своей церкви, ни о шатахъ, и желалъ отъ востокъ сердца
видѣть войку кристаль въ взаимномъ, между собою об-
щаніемъ: поному: хотѣно согласился съ семь: сущимъ
братъ на исторамъ г. Камбеля. Г. Лорентъ бывшій
губъ, отвелъ меня тогда въ сторону, и сказать мнѣ
что траки испорченіе и кауѣрфе, семыхъ, при-
говъ и поному, уславно, настаивалъ на томъ, чтобы
я тѣе принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія,
какъ бы (онъ) не было, только г. Коллеръ, Камбеля
и Шенкель единогласно оставили известныя предложе-
нія (которыя, какъ говорили, и въ Камбеля, г. Спенкель
перевелъ на греческій), и тутъ же пошли и передалъ
ихъ архіепископу Шенкель, а архіепископъ, какъ
иногда съ собою въ Москву, и распорядилъ тамъ въ под-
зрѣнію дѣла: самаю царя, вотъ почему они даже са-
ми: явились: но этому: лучше къ Егд. Величеству, кото-
рый до того: распорядился къ: одному дѣлу, что: въ: эти
предложанія: отпавилъ съ: протосинокеломъ: Давомъ: къ
аглицанскіи: патриарху, для: сообщенія: ихъ: и про-
чимъ: яслиромъ: восточнымъ: патриархамъ. Прѣжде, неже-
ль: пришесть: отвѣтъ: отъ: патриарха: на: эти: предложенія,
между: Нелжиготъ: прервалось: взаимное: общеніе, и: един-
но: между: Гансемъ, Спенкельмъ: и: Гемди: съ: одной: сторо-
ны, и: Боллроу, Камбелемъ: и: Галлерерамъ: и: мною
къ: друной. И: вотъ, когда: мѣтъ: патриарха: пришесть
въ: Лондонъ, въ: 1722. г., в. Спенкель: отказался: отъ: вся-
каго: участія: въ: этомъ: дѣлѣ, Галлереръ: же: и: я, на: Фогивъ:
вѣдѣть: за: него. Въ: послѣдствіи, когда: Галлереръ: уѣ-

изъясненную на соборах—Никейскомъ и Константинопольскомъ, равно имѣть быть приравненъ частію вселенской Церкви, въ общеніи съ Апостоликою, въ общеніи со вселенныи отцами, языкъ соборный и съ апостольскими, языкъ—

6. Означенный католическій останокъ (вѣдъ Англии) согласенъ съ нами, образуясь въстанитъ то, что инъ имъ желаетъ проставитъ, а именно—возстанитъ древнее благочиніе Церкви, —уже и въ самомъ дѣлѣ вставшее въ немъ возстановитъ.

7. Рядъ бытъ близкаго единствя, и во видѣннхъ богослуженіи имѣетъ быть богъ близкое сходство, —тихо сходство (сходствѣ), какое можно можетъ быть допущено различіемъ обстоятельствъ и обычаевъ народныхъ и обрядовъ истинныхъ церквей.

8. И во первыхъ, имѣетъ быть возобновлена самая древнѣйшая английская литургія, весьма близко подошедшая къ литургіи Восточной Церкви, съ тѣми прибавленіями и измѣненіями, которыя наиболее омысли съ отвѣтствующимъ первоначальному образъ (primitive standard).

9. Многія изъ бесѣдъ св. Златоуста и другихъ уваженныхъ отцовъ означенной Восточной Церкви безусловно имѣютъ быть переведены на англійскій языкъ и вчитаны въ тѣхъ священныхъ собраніяхъ.

10. При Богослуженіи, такъ, гдѣ совершается иконавало вселенской Церкви, нарочно имѣетъ быть воспоминаемо или іерусалимскаго епископа, на причастной же службѣ въ особенности имѣетъ быть вѣтоснамо-лтва не только за него, но и за другихъ патриарховъ и епископовъ Восточной Церкви и, тому ещѣ, на

конца и совершенное ее освобождение и восстановление.

11. Равно и вѣрный и православный отавецъ (бри)танской церкви, въ вышеизъясненныхъ случаяхъ, или въ извѣстные дни, открыто и молитвенно должно быть самопомощна въ Восточной Церкви.

12. Между тою и другою церквами должны утвердиться взаимныя сношенія; а акты и документы должны быть взаимно подтверждены и подписаны.

Въ видахъ заключенія подобнаго корпората; предварительно, прежде нежели вступать твердое и совершенное единение, ограждающа, историческое единство временъ древней Великобританской конституціи и евангелия, благообразныя объявить, въ чемъ они соглашаются и въ чемъ не могутъ имѣть совершеннаго согласія.

1. Они соглашаются относительно дванадцати членовъ святаго вѣры, преданныхъ на первомъ и второмъ вселенскихъ соборахъ, и считать ихъ достояніемъ для вѣры; и, напротивъ, не могутъ согласиться съ латинскою церковью, которая прибавляетъ къ нимъ еще дванадцать другихъ членовъ вѣры.

2. Они соглашаются и согласны вѣруеть, что Духъ Святый единсущенъ съ Отцомъ и Сыномъ, и, какъ говорится о томъ въ православномъ исповѣданіи Восточной Церкви; и, противъ того, что собственно Отца и сына не точнѣе и началу, откуда исходитъ Святый Духъ, и что въ всякъ случай совершенно довольно для спасенія вѣруеть тому, чему сама Церковь научала.

3. Они соглашаются, что Святый Духъ посланъ Самою Троицею, и, если и говорятъ въ томъ свои кругомъ изъ своихъ исповѣданій, что Онъ посланъ или ис-

жить имя Сына; во образовать единственное таинство
всегда было исповѣдуемо Восточною Церковю, т. е. иона
Свѣта грѣшны были и вѣрны и в истинности...
... Они называются, яко Святыи Духи истинныи
по блавыи стани пророковъ и апостоловъ, и истинныи
ныи, дѣйствительныи Влиянцыи совои Свѣтила: а не по
... Они называются, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи
... Духи истинныи, яко Святыи Духи истинныи

лена и такъ уполномочена Христомъ, что можетъ судить и осуждать не только писанія, но и писателей, — будутъ ли то просто ея подчиненные (subjects) или ея учителя, будутъ ли то малыя или великия особы.

10. Они соглашаются, что таинство тѣла и крови Христовой должно быть преподаваемо въ церкви иуда двумя видами, и что латинская церковь прослужила установленіе Христова, лишивъ ирринъ одного изъ этихъ видовъ.

11. Они соглашаются, что прещеніе и таинство воды и крови Христовой вообще необходимы для спасенія, и для всѣхъ ирринъ, и что прочія святыя таинства (Mysterics), учрежденныя Христомъ, или постановленныя Его Апостолами, если и не такъ безусловно необходимы для всѣхъ, тѣмъ не менѣе должны быть приемлемы и совершаемы съ должными благоговѣніемъ, согласно съ нравственною и невпамятно древнею практикою.

12. Они соглашаются, что нѣтъ никакого действительнаго чистилищаго огня въ будущемъ свѣтѣ, для очищенія будтобы душъ, а свѣд. нѣтъ и некушаній душъ изъ этого чистилищаго огня, совершаемаго будтобы молитвами живыхъ: но что, тѣмъ не взирая, нѣтъ не восходить прямо къ небу ильбеомъ, и всѣ обтаются, до общаго воскресенія, въ извѣстныхъ низинахъ обителаяхъ, уготавляемыхъ имъ, вребная оаль въ чашни откровенія соро дни, я сивая оренъ мѣлтыи и славословія съ молитвами и славословіями, поюшасяющей на земнѣ церкви, причисляющей вышѣрр. . .
Что до трехъ пунктовъ, въ которыхъ одна не мѣлтыи теперь и впомят. согласиться, то они обязываютъ насъ сей разъ слѣдующее.

1. Они великое имѣютъ уваженіе къ канонамъ древнихъ вселенскихъ соборовъ; не усвояютъ ни въ однодоже авторитета, принадлежащаго священному Писанію, и полагаютъ, что тамъ, гдѣ потребуютъ того любовь или необходимость, они могутъ быть и устранены правительствомъ Царя.

2. Хотя они и называютъ Матерь Господа нашего благословенною, и величаютъ въ ней благодать Божию, вознесшую Ее столь высоко, страшатся однакоже воздавать славу Божію твари и, страшась, чтобы, прославляя и величая Ее, не впасть въ крайность, прославляютъ и величаютъ Бога, взывавшаго Ее столь высокою благодатию и почестію, и явившаго намъ такимъ образомъ столь величія благодѣанія.

3. Хотя они вѣруютъ, что и святые и ангелы радуются и о единомъ грѣшникѣ кающемся, и соучаствуютъ съ нами въ молитвахъ и благодареніяхъ нашихъ, когда онѣ право возносятся нами къ Богу купно съ церковію и въ общеніи съ нею: тѣмъ не менѣе, страшась, какъ бы не умадить ходатайство о насъ Христа Спасителя, не могутъ позволить себѣ прямо обращаться съ нѣмъ съ молитвою, не исключая и самой праблагословенной Дѣвы; они желаютъ только сочетаваться съ ними въ Духъ и имѣть общеніе съ ними въ любви.

4. Хотя они вѣруютъ, что, чрезъ призываніе Святаго Духа, совершенная тайна (Mystery) содѣвается во святой евхаристіи надъ элементами (хлѣба и вина), что по сему вѣрныи истинно и дѣйствительно приобщаютъ тѣло и кровь Христовы; однакожь они вѣруютъ, что тайна сія содѣвается такимъ образомъ, который не можетъ быть постижимъ для плоти и крови; и, не находя ни въ Писаніи, ни въ Преданіи, достаточнаго ос-

кованія для опредѣленія этого образа или способа, представляютъ его въ семь неопредѣленномъ видѣ; такъ что всѣмъ, согласно съ установленіемъ Христовымъ и согласно съ разумомъ Христовымъ, свободно можетъ принимать сіе таинство съ вѣрою, и чувствовать Христа духомъ, яко истинно и дѣйствительно въ немъ присушаго, не обижаясь въ то же время чувствовать священныя символы Его присутія.

5. Хотя они чтутъ память всѣхъ вѣрныхъ свидѣтелей Христовыхъ и считаютъ не незаконнымъ помогать воображенію изображеніями ихъ и ихъ славныхъ дѣлъ и страдальческихъ подвиговъ; тѣмъ не менѣе они страшатся, какъ бы не сдѣлать тѣмъ, съ одной стороны, соблазна іудеямъ и магометанамъ, а съ другой; и многимъ благомыслящимъ христіанамъ; равно опасаются, что если не мудрые и просвѣщенные, то во всякомъ случаѣ люди простые, при видѣ неправильнаго ихъ употребленія, легко могутъ быть вовлечены въ заблужденіе, однозначительное съ идолопоклонствомъ; и потому для предотвращенія этихъ послѣдствій, они предлагаютъ богомудрымъ епископамъ и патриархамъ Восточной церкви такъ объяснить 9-й членъ втораго Никейскаго Собора, относительно почитанія иконъ, чтобы онъ пересталъ служить поводомъ къ соблазнамъ, немально возникающимъ тамъ, гдѣ прямо и непосредственно обращаются къ иконамъ.

„Если конкордатъ сей состоится, при ограниченіяхъ и уступкахъ съ обѣихъ сторонъ, то въ семь случаевъ увидѣтъ въ виду построить въ Лондонѣ или близъ Лондона церковь, подъ именемъ „Конкордіа“ (Concordia); поставить ее въ вѣдѣніе Александрійскаго патриарха и, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ временахъ, совершать въ

ней англійскую службу, въ той формѣ, кака будетъ одобрена или допущена этимъ патриархомъ или представителями Восточной церкви. Съ другой стороны, если Бору угодно будетъ воздѣлать ограждающую переконь этого острова, въ законныя ея права, равно какъ и ея епископъ въ принадлежащія имъ права, они общаются употребить все свои усилія, чтобы позволено было пребывающему здѣсь греческому епископу, или уполномоченному имъ, въ нарѣченные дни совершать Божественную службу въ кафедральной церкви Св. Павла, и именно по уставу греческой церкви. Но ничто не могло бы столько послужить къ утвержденію единенія и общенія между двумя сторонами, — и на самыхъ насамосебныхъ основаніяхъ, — какъ введеніе одной общей литургіи, такой литургіи, которая, будучи составлена по древнимъ греческимъ литургіямъ, съ опущеніемъ извѣстныхъ мѣстъ и обрядовъ, не заключающихъ въ себѣ сущности дѣла, между тѣмъ подающихъ соблюденію точной изъ старости, не возбуждала бы собою никакихъ возраженій: тогда патриархамъ Восточной церкви осталось бы только милостиво снисзойти и разрешить употребленіе этой общей литургіи, каковыя греческимъ, имѣющимъ здѣсь свое мѣстопробываніе, таковыя соединеннымъ британскимъ католикамъ.
„Никому изъ желающихъ не воспрещать поступленія въ этотъ конкордатъ; напротивъ, съ общаго согласія всащесныя стараются вращать растерженное положеніе христіанства и всащесны утверждать и распространять христіанское единомысліе и миръ. Лондонъ, Августа 18, 1716.“
„Письмо къ царю Москвити относительно вышеприведеннаго предполагаемаго конкордата, вышедшаго“

„Государь Архиепископъ, соизволевашій Ошвадскому Архиепископу въ Лондонѣ, увѣдомляетъ насъ, что Вашему Величеству благоугодно было одобрить проектъ единенія между греческою и британскими церквами, почто: Ваше Величество милостиво изволиши переписать эти (договорныя) статьи къ четиремъ Восточнымъ Патриархамъ. Это столь благопріимное намъ нѣволею обильно выразилъ предъ лицомъ Вашего Величества всенародную благодарность. И такъ какъ Богу угодно было поместить на сердце столь великаго владыки жить намъ помощю въ дѣлѣ огражденія цѣлости Вселенской Церкви и въ дѣлѣ возобновленія въ ней общей гармоніи, требуемой ея христіанскимъ установленіемъ, то мы уповаемъ, что нашему предвѣщанію благопошлѣнитъ рука Вашего Величества.“

„Послѣднихъ дѣей обстоятельства въ отношеніи къ церкви и государству довели нашу церковную общину до очень малочисленнаго состава, но Ваше Величество видаетъ, что истина и правда не зависятъ отъ численности. Да воздастъ Вашему Величеству Свѣтъ Господъ за шаны благочестиваго расположенія въ семь дѣлѣ, шде продолжитъ на многіе годы Ваше славное и счастливое царствованіе—для Васъ и для Вашихъ подданныхъ! Такого пріисрѣннаго могущества нашего не имѣемъ ни въ какомъ изъ глубочайшихъ почтеніемъ и уваженіемъ къ Вашему Величеству“

Сентября 8. 1717.

„Юліанъ съ ивѣща Архiepiscopа Ошвадскаго къ Египетскимъ, вторымъ первымъ предложеніямъ къ Британіи были переданы Восточнымъ Патриархамъ.“

„Достоочимѣйшимъ и мудрейшимъ Епископамъ, гл.“

Камбелю и прочимъ, и почтеннымъ Іереямъ и возлюбленнымъ мирянамъ, равно какъ и всемъ именнымъ христіанамъ, Арсеній, митрополитъ Фивскій, дадегъ здравія и спасенія.“

Письмо это послано изъ С. Петербурга, 16-го Августа, 1721. Дослано Іакобомъ, патриаршимъ протосинкеломъ, тѣмъ самимъ, который передалъ всѣ эти вопросы патриархамъ. Онъ же привезъ съ собою весьма длинный отвѣтъ отъ Восточныхъ патриарховъ, подъ заглавіемъ: „Отвѣтъ православныхъ Востока на предложенія, присланныя изъ Британніи относительно единенія и соглашенія съ Восточною Церковію.“

Въ семъ документѣ патриархи отказываются сдѣлать какіе бы то ни было уступки, и даютъ на то причины со всеми подробностями. На первые пять предложеній они говорятъ, что у нихъ на это однихъ отвѣтъ, такъ какъ и все предложенія касаются одного пункта, а именно — порядка пяти патриаршихъ престоловъ. Тѣ, которые называютъ себя останкомъ первобытнаго православія въ Британніи, жалали бы (если таково ихъ мнѣніе, что будетъ показано въ послѣдствіи) измѣнить ихъ положеніе, давшее имъ православными императорами и утвержденное божественными и святыми соборами, и дать имъ новый и различный отъ прежняго порядокъ: по плану или, на римскій, или константинопольскій престолы не должны имѣть первенства, а первенство должно принадлежать престолу іерусалимскому. Но на сей разъ можно бы было сдѣлать иныи сѣдуній вопросъ: „Если дѣло единенія нашего съ ирландскою Восточною церковію касается ученія и святой Вѣры, то зачѣмъ тутъ нужно бы было измѣнять порядокъ патриаршихъ престоловъ? Ни въ томъ

ни въ другомъ случаѣ, это измѣненіе не можетъ слу-
жить ни во благо, ни во вреду религіи. Скорѣе же все-
го оно породитъ дѣленія и вѣстыя адисіи, потому что
оно явится какой-то новостью, тогда какъ наша Во-
сточная Церковь, неперочная новѣста Христова, никог-
да ни въ какое время не допускала нововведеній, и
никогда не позволить себѣ ихъ допустить. И почему
бы дать предпочтеніе престолу Іерусалимскому? Пото-
му, говорятъ, что оттуда пришелъ Евангелійскій законъ
благодати и истины, согласно съ прореченіемъ: *мне
эта слава изидетьъ законоу, и слово Господне изъ Іеру-
салима*. Такъ умышлено они, говоря такими образамъ,
хотятъ быть мудрѣе и смысленнѣе тѣхъ, которые постави-
ли эти престола въ настоящемъ ихъ чинѣ? Ужели они
думаютъ, что такой расприорядокъ учинится безъ раз-
мышленія и безъ основанія? О, помилуй Богъ! Винов-
ники: законодатели этого чина были Божіи челоуѣки,
имѣвшіе въ себѣ великое богатство вѣдѣнія и разума,
и къ кому еще шибже въ себѣ Духа Господня: во вся-
комъ случаѣ мы не можемъ возмнѣть, что мы ихъ луч-
ше и прозорливѣе, и потому не можемъ позволить се-
бѣ не только устраничь ихъ мудрыя постановленія, но
и произвасити хотѣ: каноническое въ нихъ измѣненіе, не
возстава противу: святыхъ Божіихъ и всемоу Божь. Какъ
уже стѣмъ дѣлѣе говорить: *и въ пророческомъ законѣ*
и въ пророческомъ законѣ. Не малое время: кому изидетьъ, урискій стѣмъ, чудовен-
ный музавствомъ: діаромъ: и вѣдѣній въ стѣмъ: новыя
ученія: возстава противу: единства Церкви: и въ стѣмъ
увѣдѣній: стѣмъ: и въ стѣмъ: теперь: стѣмъ: подобно: стѣмъ:
каноническому: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ:
и въ стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ:
и въ стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ:
и въ стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ: стѣмъ:

бываешь въ томъ же состояніи детства, и едному шле-
пая, съ нимъ топишь и теперь: безабдно и безбурно
олаеши въ океану этой жизни, безъ особенныхъ усилий
вынесешь плоненія терасей и уловлеши благонадежно
достигнуть до пристанища спасенія. Тотъ же, кто со-
стается собою лгую часть, какъ добуеъ, оторван-
ный отъ цѣлота паруса или приставленный къ его соб-
отренной ладья, сомъ не знаетъ, какъ водится по вол-
намъ; и вогда такъ спрашно будетъ носився, докогда
не обретется въ ва возвратика къ ладной и во олтасной,
апостольской, восполной, незапятнанно чистой вѣрѣ, и
доколь снова не поставитъ себя подвѣрежию вѣтры: и
тогда оиъ будетъ безопасенъ, и тогда оиъ будетъ въ
достояніи выдерживать духовныя бури, его обрушающія.
Таимъ-то образомъ святая Церковь Христова состоитъ
у насъ на четырехъ столбахъ, тѣево на четырехъ пра-
диръзяхъ, и продолжастъ стоять твердо и недвижно.
Первый въ оледь чинъ есть патріархъ Константино-
польскій, второй патріархъ Александрійскій, третій па-
тріархъ Антиохійскій, четвертый патріархъ Иерусалим-
скій.
Они дѣлаютъ однакоже уступку и говорятъ:
„Болиаѣ, и котерые возмѣняютъ себѣ естество пер-
вобыднго православія, обѣзачивъ свѣтлои аностолю-
скій престоль Иерусалима предидещи въ свѣтло мироу
и въ особеннато и въ ному благоговѣнію и въ ному нуду
не будемъ пререкати нмъ въ семъ случаѣ, и въ ному нуду, сами;
хотя и поняну и тѣми нмъ въ ному нуду мѣсѣ;
одерывево до амуго даво не наивнчайше н уважнцію
чѣмъ даго, дакъ мѣсѣ нуду даво нуду даво нуду нуду
нуду, нуду даво даво даво даво даво даво даво даво
конны даво даво даво даво даво даво даво даво даво

ную кровь свою Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Такъ если таково желаніе благочестиваго останка Церкви въ Британіи, мы уступаемъ ему и готовы удовлетворить его; только да не презираетъ никто этого древняго порядка, только да не воображаетъ никто, будто тутъ учинена какая либо ошибка; и следовательно никто да не дерзаетъ отвергать его.“

На 6-е предложение они присовокупляютъ еще:

„На притомъ необходимо нужно патриарху іерусалимскому, или самому непосредственно, или чрезъ уполномоченнаго, совершить посвященіе надъ британскими епископами, благодатию Святаго Духа; и пусть уже никто, кромѣ іерусалимскаго патриарха, не дерзаетъ рупочинять тамъ, да и вообще пусть уже никто не вмѣшивается въ его юрисдикцію.“

Относительно 6-го пункта, гдѣ говорится о древней дисциплинѣ, они замѣчаютъ, что имъ не довольно ясно видно, что тутъ имъется въ виду. Если тутъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы патриарха Іерусалимскаго признать главенствующимъ надъ всеми, то они согласятся на то не могутъ, потому что отъ того извратился бы древній порядокъ; если же тутъ дѣло идетъ о томъ, чтобы имѣть его первымъ или первенствующимъ въ Британіи, они на то согласны. Если же имъется въ виду возстановить что либо такое, что требуетъ соборнаго опредѣленія, то они общають подвергнуть то собору Вселенской Церкви.

На 7-е предложеніе они замѣчаютъ, что оно темно и неопредѣленно; во всякомъ случаѣ общають однакоже, что все тому подобное будетъ приведено въ ясность и опредѣлено, какъ скоро свершится дѣло единенія.

На 8-е предложеніе относительно первой литургіи

короля Эдуарда, они говорят: „Восточная православная Церковь признаетъ только одну литургію, ту самую, которая предана была апостолами, но именно первымъ іерусалимскимъ епископомъ, Іаковомъ, братемъ Божиимъ, и потомъ, по причинѣ ея пространныости, сокращена Василиемъ Великимъ, и еще болѣе Іоанномъ Златоустымъ, патриархомъ константинопольскимъ: отъ то литургію восточная православная Церковь повсюду употребляетъ доселѣ; по ней совершается безкровная жертва во всѣхъ православныхъ церквахъ. Вотъ почему и тѣ, которые называютъ себя оставкомъ древобитнаго благочестія, если желаютъ соединиться съ нами, должны употребить тѣ же самыя литургіи, дабы не было и въ семъ отношеніи никакого разногласія, и именно—въ извѣстные дни должны совершать литургію св. Василия, въ прочіе же остальные дни литургію св. Златоуста. Что до англійской литургіи, мы не знаемъ ея; не видали и не читали ея; во всякомъ случаѣ боимся имѣть къ ней довѣріе, потому что въ раннихъ свѣдѣніяхъ много разныхъ ересей и еретиковъ, и отъ того, отъ себя можетъ, еретиками много введено въ нее разныхъ отступленій, отъ истины. Поэтому намъ необходимо, прежде и видѣть и прочитать ее, и за тѣмъ или одобрить ее къ употребленію, если она окажется родною или отвергнуть ее, какъ несогласную съ чистотой нашей вѣры. Въ случаѣ, если потребуются на ней только исправленія, мы постараемся ихъ сдѣлаться въ обществѣ, и тогда если возможно, дадимъ ей законную форму. Но какая нужда въ данной либо другой литургіи, тѣмъ, которые имѣютъ литургію богомудраго Златоуста, находящуюся въ употребленіи во всѣхъ восточныхъ церквахъ. У всѣхъ православныхъ тѣ же сѣтъ у

грековъ, и у русскихъ, и у грузинъ, и у арабовъ, и многихъ другихъ православыиъ народовъ? Тѣ, которыя называютъ себя останкомъ британскаго православнаго, принявъ эту литургію, еще богѣе, еще ближе, еще тѣснѣе соединятся съ нами: къ тому же, народъ не столько смотритъ на сердце, сколько на наружность⁵.

Что до 9-го предложенія, относительно перевода бѣсѣдъ Златоуста, они соглашаются и одобряютъ этотъ предполагаемый трудъ. Равно соглашаются на 10-е и 11-е предложенія, которыя они считаютъ равнозначительными. Относительно же 12-го предложенія, обещаются принять опредѣленія своихъ каноновъ, а между тѣмъ въ свою чреду будутъ ожидать и соборныхъ опредѣленій изъ Британніи.

За тѣмъ патриархи обращаются къ тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ Nonjurgats соглашаются съ восточною Церковію. По первымъ четыремъ пунктамъ они выражаютъ полное свое согласіе, желаютъ только, чтобы Nonjurgats прибавили еще, что Святый Духъ равно „глаголетъ устами святыхъ соборовъ и богомудрыхъ едцевъ, и что тогда они будутъ въ семь отношеній безупрочивенны и не далеки отъ истины.“ Относительно и прочихъ предложеній или пунктовъ они отынаются довольными, только замѣчаютъ, что у нихъ седмьдланство доволенъ рить, что „догадрещаніе и эхаристіа суть необходимыя таинства, тація таинства, безъ которыхъ никто не можетъ спасенъ, тѣмъ, не мѣше оупрочіа таинства, равно должны быть приемлемы.“ Относительно нечестливцаго они они замѣчаютъ: „Что до чювствленнаго, омышленнаго мапштанъ на видоу ворыста, мы и слышавъ не хощѣмъ. Оно просто вѣрнѣе, беснѣ, придуманная для обманенія людей, пра-

стодушникъ, и существующая только въ одной въ-
образеніи. Ни поди какимъ видомъ, ни малѣше не уне-
шавшись о томъ, ни въ Шисанки, ни у Юлиецей, хоть
западные выдумщики и стараются доказывать противное
тому. Въ заключеніе они настаиваютъ только на томъ,
что должно приносить молитвы объ умѣршихъ.

а) Давидъ, патриархи и епископы касаются тѣхъ пунк-
товъ, въ которыхъ не соглашаются съ нами Новитоны.

б) Чему тутъ и удивляться, говорятъ они: «будучи роди-
дены и воспитаны въ началахъ догматическихъ казвнни-
стовъ и будучи пропитаны ихъ предразсудками, они
упорно держатся ихъ, подобно кривоу, въ которомъ око-
ло дерева, и выжить не могутъ: оторваться отъ нихъ».

На всѣ эти пункты патриархи отсылаютъ по порядку.

На *первый* они говорятъ, что предложенія этого не-
льзя принять; потому что нельзя позволить, чтобы не-
кто дерзнулъ устранить или ослабить соборныя опре-
дленія. На *второй* относительно Давидъ Марин; они от-
вѣчаютъ такъ: «Истинно здѣсь можно воскликнуть, какъ
Давидомъ: *утама облатная стражи, иды же ма бы стража,*
и потому доказывать, что почестъ, воздаваемая ей,
не есть Божеская почестъ. Оливчан на *третьи* пункты,
уверждаютъ, что святыхъ можно и должно призывать
въ молитвахъ, а въ помолчавовъ и стотупниовъ. *Чу-
вствително* предложеніе относительно ерксрвсци они назы-
ваютъ ерксрвно боготупниовъ, и доложительны пирвасы
потъ своею збру въ предложеніе новопдаровъ. На *длинны*
пункты, относительно цюовъ, патриархи ссылаются на
почитаніе святыхъ, и избранныхъ, она цюованъ, и есть
обычай древняго благочестія, постоянно и кандождельно
соблюдаемый ими. При семъ довольно вразумительно
называютъ, что почестъ, воздаваемая ей, есть только

относительная почесть. Предложеніе относительно построения церкви въ Лондонѣ или близъ Лондона одобряется и принимается; равно какъ и другое подобное предложеніе относительно совершенія службы александрийскимъ патриархомъ или его уполномоченнымъ въ церкви св. Павла, и не только на языкѣ греческомъ, но и по англійски; съ сею цѣлю патриархи совѣтують литургійную службу перевести на англійскій языкъ. Въ концѣ отвѣтствъ приложено слѣдующее замѣчаніе: „Посланные при семъ отвѣты на предложенія, дошедшія до насъ изъ Британніи, составлены, по арлоу обдуманъ и въ согласіи съ соборнымъ опредѣленіемъ Восточной Церкви, т. е. согласно съ опредѣленіемъ господина Теремія, святаго вселенскаго патриарха Константинополя—новаго Рима, и блаженныя святыхъ патриарховъ, господина Самуила александрийскаго, и господина Хрисанова іерусалимскаго, со святыми митрополитами и священнослужителями вселенской Церкви Христовой въ Константинополѣ, на соборѣ бывшемъ въ 1718 году, въ мѣсяцъ Априль, 12-го дня.“

Эта статья свидѣетъ соборный отвѣтъ относительно расположенія греческой церкви; посланный въ Британнію въ 1672 году. Рублинъ тѣмъ, что и въ предшествующихъ отвѣтахъ. Онъ подписанъ традицію; семь вселенскихъ патриарховъ, архіепископами и епископами. Въ то же время присомоумство и другое соборное опредѣленіе, относительно такъ именованнаго престола, посланное 1691 году и подписанное правдами патриархамъ и епископамъ. Умъ онъ въ кротости—отъ него и отъ имени и въ случаѣ (Подпись) онъ подписанъ. Кесно онъ подписанъ. (Подпись) онъ подписанъ. Кесно онъ подписанъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Въ мартовской книжкѣ *Христіанскаго Чтенія* за прошедшій годъ помѣщены были мною библиографическія замѣтки о двухъ сборникахъ изъ *истории* и *для истории* старообрядчества, изданныхъ въ прошломъ году г. Н. Поповымъ. Общая мысль моихъ замѣтокъ была, вѣроятно, понятна читателямъ, была та, что издание г. Попова — поодиножко пусто, безплодно, и что проявление ихъ въ свѣтъ можетъ быть объяснено единственно спекулятивными дѣлами. Въ частности, говоря о сборникѣ изъ *истории* старообрядчества, я утверждалъ и доказывалъ, что онъ состоитъ изъ перепечатки, нерѣдка безграмотной и бессмысленной, разныхъ книжекъ и статей, давно извѣстныхъ въ печати и знакомыхъ всѣмъ, кто занимается изученіемъ раскола. А разбирая сборникъ *для истории* старообрядчества, я старался доказать, на основаніи его содержания, что г. Поповъ началъ свое дѣло за незнаніе или раскола, самъ много знающаго съ этого исторіею, что помѣщенные имъ въ сборникѣ раскольническіе документы не только не составляютъ новаго материала, въ чемъ утверждать не только надлежитъ, но и не только давно извѣстны всѣмъ и каждому, другіе — ничтожны по своему содержанію, третьи по своей бессмыслицѣ не могутъ дать никакого яснаго понятія о предметѣ, о которомъ трактуютъ,

четвертые — таковы, что могут быть названы ни на что не нужным балластом въ книгѣ, и только очень не многіе въ рукахъ людей опытныхъ могутъ принести некоторую пользу наукѣ. Въ заключеніе я совѣтовалъ г. Попову или заняться серьезной подготовкой къ издательству, или, если это почему либо невозможно, — совершенно оставить занятія, которыя ему не по силамъ.

Писавъ свои замѣтки объ изданіяхъ г. Попова, я не могъ не сознавать, что горькая правда, высказанная въ нихъ, не понравится издателю; но, убѣжденный въ справедливости своихъ словъ, я и не воображалъ, чтобы гнѣвъ г. Попова на меня по поводу моихъ замѣчаній о его трудахъ могъ принять такіе ужасающіе размѣры, въ какихъ онъ выразился въ недавно явившемся „Отвѣтѣ“ его на мои замѣтки, помѣщенномъ въ июньской книжкѣ „Духа христіанна.“ (1) Вмѣсто того, что бы объяснить, почему сборники явились въ такомъ, а не другомъ видѣ, и — или сознаться въ своихъ ошибкахъ; или доказать, что указанные мною недостатки не — недостатки, г. Поповъ обращается къ моей литературной дѣятельности и на основаніи своеобразнаго взгляда на нее начинаетъ утверждать, что я — человекъ не только неблагонамѣренный, но даже несправедливый, — врагъ Церкви, что въ сочиненіяхъ моихъ господствуетъ не только „врагъ, но да“

(1) Въ той же книжкѣ „Духа христіанна“ помѣщенъ между прочимъ библиографическій разборъ моей брошюры: „нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ.“ По своему благосклонному суду о моихъ критическихъ статьяхъ, этотъ разборъ находится въ совершенномъ противорѣчій „Отвѣту“ г. Попова, называющаго мою литературную дѣятельность пустою и даже вредною. Помѣщеніе редакцію подобныхъ статей въ одной и той же книжкѣ для меня по меньшей мѣрѣ не объяснимо.

жа мѣна: нравственная, что вообще моя литературная деятельность имѣла много ошибокъ въ виду, но не числится цѣлковой, калъво ни православною церквю, ни литературою, ни обществомъ, ни государству, и прерывная и не подобна: имъ: мѣна: самое: выпадеть: обрѣзано: Дѣло. Я не обвиняюсь на г. Попова за тѣмъ: нелицебезвѣстна: яро: мо: мнѣ. Каждый: понимая: о: вещь: по: своему, а потому не удивительно, если мое: замѣчаніе быть всегда: благонамѣреннымъ смысломъ Черкви: выражено: въ глаза г. Попова въ (формѣт) неблагонамѣренности. Не удивительно: также: и то, что г. Попову, и печатно: заявившему, что книга „на исторію раскола“ не только издатель: материаломъ для его исторіи,“ мои: историческія и біографическія статьи калъво: „правомъ“! А потому, не: пытая: и: малѣйшей: хитрости: къ личной: журнальной: перебранкѣ, умѣя: цѣнать: надлежитъ: примѣ: образомъ: неприличные: выраженія: разволнованнаго: человека; а лично: желалъ: бы: оставить: „Освѣтъ“ на: Попова: безъ: вниманія; знавъ: выраженіе: „страстное: состояние: души“, и находясь: въ: которомъ: я: говорю, какъ: говорится, „терять: даря: въ: голодъ“. Не: стоить: какъ: обвиняя: меня: въ: неблагонамѣренности: и: беззавѣстности: его: дѣла, издатель: сборниковъ: въ: ко: судя: можно: общественнаго: положенія, предлага: свои: обвинения: ко: мнѣ: не: просто: какъ: отъ: писателю, но: и: какъ: отъ: „профессору: духовной: академіи, обучающему: православною: исторію: исторію: раскола, поставленному: самою: церковію: на: стражъ: православія: защитникомъ: ея: правъ: и: преимуществъ“; то: понятно, что: во: имя: того: же: общественного: положенія, которое: я: занимаю: и: на: которое: указываетъ: г. Поповъ, я: не: могу, я: не: долженъ: оставить: безъ: освѣта: „Освѣта“: издателя: сборниковъ, хотя,

признаюсь, мнѣ крайне не хотѣлось бы печально гово-
рить о своей благонамѣренности. . . .
Но, прощаю, чѣмъ легче стану разбирать выводимыя на-
мента г. Поповъ въ обвиненіи, темъ считаю должно объ-
яснить, не такъ ли оборонюсь, кто онъ: поступилъ крайне
паросторонне, вводя въ полемику: со мной: рѣчь о мо-
емъ общественномъ положеніи. Обиняя меня въ не-
благонамѣренности: не забывай своего дѣла не просто
какъ писателя, но и какъ профессора духовной акаде-
мии, обязаннаго защищать интересы православной цер-
кви, г. Поповъ чрезъ это не только бросаетъ тѣнь на
меня, но: задвигая на то зведеніе, въ которомъ я имѣю
частную службу: и которое: будто бы до того, не далеко
видноты: забираетъ своими профессорами людей, не-
знающихъ своего дѣла, — оскорбляетъ на слово самую
Церковь, и на интересы которой: издатель сборника
такъ ратуется: и которая: будто бы: ставитъ и держитъ
на стражѣ своего православнаго людей: неблагонамѣрен-
насть: Пусть же пойметъ г. Поповъ что, обвиненіа его
протинамъ меня: но тѣмъ: вырочдамъ, какіе въ нихъ: об-
дуть, — и никакъ: серьезны, и что поэтому: если я смогу:
и сумѣю доказать: ихъ: несправедливость, — надеюсь: сбор-
никъ: заслужитъ: и неслетное: себѣ: навазаніе: . . .
— Правда: впрочемъ. Поповъ: нападаетъ: на мою мысль:
тебѣ:ую: способность и стараясь: доказать, что у: меня
не: всегда: бывають: правильные: логические: выводы: Опро-
вергая: и мобнозвѣщая: о: умѣ: (что: сборникъ — пустылъ,
безполезны: книжки, изданіе: которыхъ: можно: бытъ: объ-
ясненъ: единственно: торговою: спекуляціей, г. Поповъ
говоритъ: и: изреченіа: — спиральна: логическіа: выводы: г. . .
Налюбого: орнаменты, не: заключающія: въ: себѣ: ничего:
интереснаго: ни: для: православныхъ, ни: для: раскольниковъ.

новъ (этого я не говорилъ), — спекуляціи! Да кто же будетъ покупать эти книжки, если они (?) не интересны.“ Такимъ образомъ, по мнѣнію издателя сборниковъ, не тотъ спекулируетъ, кто надѣляетъ пубliku за деньги пустыми, никому не нужными книженками, а тотъ, кто издастъ книги серьезныя и интересныя для всякаго и беретъ за нихъ известную сумму... Если такой взглядъ на дѣло г. Попова считается логически — правильнымъ, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только смиренно сознаться, что, назвавъ пустые по содержанию сборники его спекуляціей, я поступилъ не логически... Не ограничиваясь указаннымъ замѣчаніемъ, издатель сборниковъ говоритъ далѣе: „не спекуляція ли, споръ, статья г. Нильскаго?“ Знаю взглядъ г. Попова на книжную спекуляцію, я, кажется, не безъ основанія скажу, что, по мнѣнію издателя сборниковъ, статья моя о его трудахъ не пуста и интересна... А въ такомъ случаѣ за чѣмъ было г. Попову и опровергать ее въ своемъ „Отвѣтѣ“?... Забылъ, вѣроятно, издатель сборниковъ, что, упрекая другихъ въ неправильности мышленія, онъ тѣмъ самымъ обязывается въ правильнымъ логическимъ выводамъ... Опредѣляя за тѣмъ дѣломъ моихъ замѣтокъ о сборникахъ, г. Поповъ говоритъ: „статья г. Нильскаго написана съ очевиднымъ намѣреніемъ уронить мои сборники и помѣшать ихъ участи, — съ явнымъ желаніемъ остановить мою литературную дѣятельность по расколу, изъ описанія, что вѣдмудрыя измысленія въ области раскола утратить свое значеніе и ему не о чемъ будетъ писать“. Желаніе это предательски проглядываетъ и въ вышесказанномъ стр. 323, гдѣ г. Нильскій предусмотрительно замѣчаетъ, какъ бы для свѣдѣнія и руководства кому слѣду-

ств; что подобныя изданія уже запрещены. Оять — своеобразная логика! По моему мнѣнію, какъ, думаю, и по мнѣнію всякаго здравомыслящаго человека, изданіе двѣнадцати раскольническихъ документовъ должно давать матеріалъ людямъ, „поисывающимъ“ о расколѣ; издатель сборниковъ утверждаетъ противное... не по тайному ли сознанію, что такіе документы, какіе найпечатаны въ его сборникѣ для исторіи старообрядчества, не въ состояніи дать никакихъ матеріаловъ для статей о расколѣ? Но не одна только своеобразная логика видна въ приведенныхъ разглагольствіяхъ г. Попова; въ нихъ замѣтно еще странное самоуниженіе, будто бы считаю издателя сборниковъ своимъ соперникомъ на обширнѣйшей литературной дѣятельности по расколу. Пусть успокоится г. Поповъ! Его труды — не литературная дѣятельность, а просто издательство, дѣло чисто механическое, за которое я никогда не брахся и не возьмусь. А потому сколько бы ни издавалъ онъ сборниковъ, онъ никогда не сдѣлается моимъ соперникомъ... Кроме того я очень хорошо знаю, что для обследованія двухъвковой жизни раскола во всей его полнотѣ и разнообразіи много нужно и времени и силъ, да и работъ болѣе опытныхъ, чѣмъ г. Поповъ, умеющихъ только собирать и печатать чужія статьи, или раскольническія рукописи, безъ извѣстній даже безсмыслица, въ нихъ находившихся. Напрасно также г. Поповъ думаетъ, будто я своими замѣтками о его сборникахъ хотѣлъ „поунижать“ ихъ успѣху и чрезъ то „остановить“ литературную дѣятельность его по расколу. Очевиднымъ опроверженіемъ подобной мысли можетъ служить, кроме многого другаго, то, что я, какъ сознается въ этомъ, и самъ издатель сборниковъ, ничего не

говорить, о его трудах цѣлые 14 месяцевъ отъ вы-
хода перваго выпуска. Въ такой не малой срокъ же-
данія г. Попова уже могли заслужить вниманіе обще-
ства, если достойны его, и мои строгія отзывы объ
нихъ, не могли помѣшать ихъ дальнѣйшему успѣху.
Что же касается до замѣчанія моего о томъ, что на-
двѣе раскольническихъ сочиненій въ томъ видѣ, какъ
они помѣщены въ сборникѣ, т. е. безъ обстоятельной
критической оцѣнки ихъ, уже запрещено церковною
властію, то видѣть въ этомъ замѣчаніи желаніе мое
остановить литературную дѣятельность по расколу г.
Попова, какъ дѣлаетъ это редакторъ сборника, зна-
читъ съ одной стороны сознаваться въ неспособность
къ всякимъ другимъ трудамъ, но расколу, кроме жела-
тельства и притомъ состоящаго въ простѣйшей перепо-
чаткѣ разныхъ не напечатанныхъ вещей, отъ гору-
гой — забывать, что статья моя явилась въ печати еще
настоящемъ году, между тѣмъ какъ означенное распо-
ряженіе власти послѣдовало еще въ прошломъ году и
разумѣется, будетъ исполняться въ точности. Тѣмъ не-
умѣстнѣе, чтобы не сказать болѣе, видѣть въ означ-
ченномъ замѣчаніи „предательскій доносъ“ съ моей сто-
роны на г. Попова, какъ дѣлаетъ это редакторъ сбор-
ника (стр. 207). Я лично не заслуживаю такого
корбленія, а власть церковная, и безъ законнаго
сумѣетъ преслѣдовать нарушеніе ея постановленій,
если бы кто дерзнулъ возводить себя это. Наконецъ осмѣ-
люсь замѣтить г. Попову, что подъ словомъ „доносъ“
какъ понимаютъ это слово люди, не имѣющіе своей
особенной логики, разумѣется заявленіе предъ властію
о совершившемся преступленіи, а такъ какъ редакторъ
сборника для истиннаго старообрядчества получилъ оцѣн-

пальное позволение — напечатать свою книжку и следовательно не совершил никакого преступления, поставши в свет свой труд, — что очевидно, что не носить на него „кому съзвучать“ и даже не могу.

Не оправдываюсь обвинением меня в неспособности к правым и логическим выводам и в мнимой способности быть донощиком, т. Попова обращается звемь к моей литературной деятельности и по возможности способу умозаключений находит, что, во-первых, человек неблагочинный, виновный православию, враг церкви, — что, во-вторых, сведения мои о расколе ничтожны. Прежде всего, немного нагребности.

Вышеизначальною моей неблагочинности изда- тель сборников говорит следующее: „гг. Нильский, профессор духовной академии, обучающий правосла- ное учение, который раскол, можно сказать, по- ставляет самую первую на ступень правосла- вию защитником ее прав и преимуществ. Появляет- ся новое издание, в котором собраны материалы для истории раскола, т. е. документы заблуждений и греховного падения старообрядцев, сыновей той же пра- вославной Церкви, но отделившихся от нею и более не признающих ее. Показав, что издание это далеко не обширны, что в них много несправедливостей, по- ве- вольно случаи не были ли еще издания труды про- тив раскола, не видно ли в них уже каждой ступень желанье видела работавшие протестанты, евангельские сыновья православной Церкви? Как же должны были встретить эти издания и бороться христианской мощью? Не дол- жны ли они присутствовать и в дружелюбных сно- шениях, и в помощи и в помощи и в помощи, не

опытный, вѣдущъ за православіе, ошибся, впалъ въ по-
грѣшность, но долженъ-ли быть опытный предводитель;
наблюдать, его добрымъ, совѣтомъ, кружелюбно уха-
зять ему, его ошибки, просвѣтитъ, мракъ его разума,
ободритъ и поощритъ его; вѣдь—оба за одно дѣло ра-
туютъ, оба стоятъ за одну общую имъ православную
Церковь. Такъ-ли поступить? Нильснй? — Такъ,
однако я смѣю и Цоюру, поступать я всегда; и если
только литературная дѣятельность каждаго, поборника
христіанской истинѣ, въ томъ направленіи, какое упо-
зываетъ въ вышеприведенныхъ словахъ, редакторъ, обору-
ндовать, можетъ и должна быть признана благонамѣрен-
ною, въ такомъ случаѣ г. Поповъ сейчасъ долженъ бу-
детъ признавать меня человѣкомъ благонамѣреннымъ.
Не вступая ни въ какаго разсужденія, обращаюсь, пря-
мо къ фактамъ и имъ, буду доказывать, что въ отно-
шеніи въ „новыя издѣнія“, въ которыхъ печата-
лись „матеріалы для исторіи раскола“ т. е. документы
заблужденій и прѣклоннаго наклонія старообрядцевъ, въ
равной мѣрѣ для читателей, вѣдь, я всегда действую
такъ, какъ должно, въ отношеніи по мнѣнію г. Попова,
„каждому конкретному праву и преимуществу православ-
ной Церкви“ что возмущенъ-ли онъ этимъ? И повинуясь
Идеологу ебернкоу, въ редакціи, какъ видно изъ пере-
воихъ клятвъ, редакціи, вѣдущей имъ, въ себя, „документы, расказы,
дѣянія и труды, оныя изданія старообрядцевъ“, вышло въ
свѣтъ въ 1861 году. Для „Описанія“ въ которыхъ, сошл-
на въ назначенныя расказы, ни комъ, въ пользу, раскола“ онъ
И, вотъ, какъ я, въ редакціи, его изданія, „Исторіи, печат-
писей и, мнѣ, я говорю, въ томъ, какова вниманія, отъ
обывающаго общества, въ правѣ, считать, себя, клятво-
г. Б. Не смотря, на то, что, въ нашей, литературѣ,

особенно духовной; явилось въ послѣднее время не ма-
ло сочиненій, касающихся той или другой стороны
раскола, мы однако же готовы считать за самоизящество,
если бы ктонибудь скрывалъ, что онъ знаетъ расколъ, не
знаетъ не внѣшній его обликъ, замѣтный и для не со-
всѣмъ наблюдательнаго глаза; а ту внутреннюю жизнь
раскола, которая способна ускользнуть отъ самаго про-
ницательнаго наблюдателя, т. е. нравы и обычай рас-
кольниковъ, ихъ взглядъ на современное положеніе на-
шей страны, ихъ отношеніе къ правительству и Церкви, къ
принципамъ, которыми движется эта огромная ма-
шина, принципы, во имя которыхъ совершаются въ расколѣ
иногда самыя поразительныя для сторонняго человѣка
вещи, причины, по которымъ расколъ такъ устойчивъ
въ своемъ statu quo...; страданіе и горе раскольниковъ,
ихъ радости и надежды, симпатіи и антипатіи, вѣрованія
и убѣжденія). — Однимъ словомъ, тотъ заповѣдный міръ,
въ которомъ вотъ уже два столѣтія живетъ расколъ
не только вдали отъ образованнаго и движущагося впе-
редъ общества, но и въ противорѣчій его началамъ.
А между тѣмъ, не зная всего этого, можно ли оты-
скать специфически — полезный пластырь для исцѣленія
этого больного организма?!. Книга Г. В., по своему
предмету и задачѣ, представляетъ первую попытку —
познакомить общество съ расколомъ, какъ она есть
самъ въ себя! Она заключаетъ въ себя библиографиче-
скій разборъ сочиненій, писанныхъ расколниками въ
пользу раскола. Нѣтъ нужды доказывать, что узнать
духъ и сущность раскола во всей полнотѣ и обстоя-
тельности, изучить его, такъ сказать, въ самомъ осно-
ваніи, проникнуть въ самую глубину старообрядства,
можно не иначе, какъ чрезъ тщательное изученіе са-

мысли его истинность, т. е. сочинений, и писанных
самими распольниками. Вотъ почему мы съ полнымъ
соучастиемъ, приветствуемъ трудъ г. Б., хотя она
знакома въ сущности съ „многими разногласи-
ями, сомнениями“. Первый шагъ сдѣланъ; быть мо-
жетъ, найдутся люди, которые въ состояннн будутъ
продолжать начатое, и расколъ рано или поздно пред-
станетъ предъ нами безъ таинственнаго покрывала,
подъ которымъ онъ пряталъ доселѣ“ (1). Указавъ за-
тѣмъ замѣченные мною недостатки въ книгѣ г. Б., я
писалъ, что дѣлалъ это, имѣя въ виду одно: „попра-
вить допущенныя въ ней неточности и пополнить не-
доказанное не въ ущербъ достоинствамъ труда г. Б.,
а единственно для пользы науки“ (2). Сказавъ, нако-
нецъ, о достоинствахъ книги, я въ заключеніе обра-
тился къ издателю ея — г. Кожанчикову и отдалъ спра-
ведливую дань похвалы его предпріятно (3). А послѣ
всего этого, я думаю, нѣтъ нужды доказывать въ Це-
цову, что первое изданіе, въ которомъ были собраны
„документы заблужденій и грѣховнаго паденія старооб-
рядцевъ“, я встрѣтилъ именно такъ, какъ, по его сле-
дамъ, долженъ встрѣтить подобныя изданія „доборники“
христіанской истины“, — „привѣтствовать его друже-
любивымъ словомъ“, даже „подать издателю руку це-
ломудренно, указавъ ему ошибки, ободрить и
поддержать его“. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Въ томъ же 1861 году въ отбѣдѣ за „Описаніемъ“
г. Кожанчиковъ издалъ нѣсколько дружекъ сочиненій

(1) Христ. Чт. 1861 г. ч. I, стр. 463—5.

(2) Тамъ же стр. 513.

(3) Тамъ же стр. 514.

раскольническихъ: „Житіе протоіона Аввакума“, „Исторія Вятковской пустыни“ и др. Ниша въ 1862 году за-
мысли по поводу этихъ изданій, а вотъ что, между
прочимъ, говорилъ: „нельзя не порадоваться такому
явленію и не поблагодарить отъ души издателя за его
умѣнье угадывать потребности общества. Расколъ, какъ
известно, въ послѣднее время обратилъ на себя серьез-
ное вниманіе всѣхъ образованныхъ людей; — а между
тѣмъ ничто такъ не помогаетъ изученію этого замѣча-
тельнаго явленія, какъ знакомство съ самыми предше-
ствующими раскольнической литературы. Само собою ра-
зумнѣе, что всѣ исчисленныя выше сочиненія суть
не болѣе, какъ материалы, надъ обработкой которыхъ
еще нужно много трудиться, чтобы достигнуть желае-
мыхъ результатовъ. Но трудъ не можетъ устрашать
человѣка серьезнаго, лишь бы только было надъ чѣмъ
трудиться съ пользою и успѣхомъ“ (1). Надѣюсь, и въ
этомъ отзывѣ можемъ объ изданіяхъ, въ которыхъ пред-
лагались вниманію общества „документы заблужденій
и грѣховнаго паденія старообрядцевъ“, я не погрѣшилъ
противъ условій, которыхъ требуетъ г. Поповъ отъ
„сборника христіанской истины“, выходящаго въ подоб-
ныхъ изданіяхъ. А послѣ этого читатели въ правѣ
спросить, что же значать вышеприведенныя разглашыва-
нія издателя сборниковъ и какъ вѣдуются они съ мыс-
лю г. Попова о моей неблагонамѣренности, даже не-
православій? Послушайте, многоуважаемые читатели,
что говоритъ издатель сборниковъ далѣе, и вы поймете,
въ чемъ дѣло. Но прежде отъ и . . .

„Послѣ вопроса: „какъ-ли поступилъ г. Нильскій?“

(1) Хр. чт. 1862 г. ч. II, стр. 65—6.

г. Поповъ продолжаетъ: промотавъ 14 мѣсяцевъ отъ выхода перваго выпуска нашего сборника, онъ вдругъ ополчился не противъ враждебной парціи, а противъ своего собственнаго союзника, противъ сподвижника своего на ратномъ полѣ. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что бросать грязью въ его изданія, но даже въ гнѣвомъ раздраженіи противъ благонамѣренной дѣятельности своего соперника пытался остановить его на предпринятомъ пути предательскимъ доносомъ. Теперь читатели, вѣроятно, понимаютъ, почему я, по мнѣнію издателя сборниковъ, — неблагонамѣренный, да же неправославный человекъ. Во-первыхъ, г. Поповъ по своему издательству, — мой сподвижникъ на ратномъ полѣ противъ раскола; слѣдовательно, назвавъ его изданія нигде не годными, я, по мысли издателя сборниковъ, принялъ сторону раскола, и слѣдовательно дѣлае — слѣдствіе въ некоторомъ смыслѣ врагомъ Церковнаго измѣнникомъ православію, во имя котораго г. Поповъ и издалъ свои книжки. Во-вторыхъ, — издательскую дѣятельность свою г. Поповъ считаетъ благонамѣренною; слѣдовательно я, назвавъ эту дѣятельность нелепою и ни на что негодною, — человекъ неблагонамѣренный. Читатели улыбаются, читая эти строки, и не находятъ справедливо. По умозаключеніямъ издателя сборниковъ выходитъ, что всякій, кто обличаетъ своего товарища по профессіи въ худомъ веденіи дѣла, — человекъ неблагонамѣренный. Понимаетъ ли г. Поповъ, что благонамѣренность, какую онъ проповѣдуетъ, хуже всякой неблагонамѣренности, и что именно благодаря такому порядку вещей, какого желаетъ бы издатель сборниковъ, у насъ въ былыя времена безнаказанно совершались въ разныхъ корпораціяхъ самыя возмутительныя вещи...

А между тѣмъ, на основаніи такихъ странныхъ выводовъ и такого дикваго пониманія благонамѣренности г. Попова меня обязываетъ въ неблагонамѣренности и даже въ способности къ предательскимъ шагамъ, съеда въ свои обвинения и той знаемой мысли, будто бы я возсталъ противъ издателя сборника — потому, что вижу въ немъ себя соперника... Пусть успокоится г. Поповъ! Мои сочувственные отзывы объ изданіяхъ раскольническихъ сочиненій г. Бонгалюкова, если бы г. Поповъ зналъ ихъ или обратилъ на нихъ вниманіе, должны бы были убѣдить его, что издателей подобнаго рода я не только не считаю своими соперниками на поприщѣ литературной дѣятельности, а напротивъ радуюсь ихъ трудамъ, какъ матеріаламъ, которые могутъ быть, „подписывающимъ“ о расколѣ, доставить обязательный предметъ для статей всякаго рода, историческихъ и полемическихъ, — что я у себя ухватать „своихъ спонсоровъ на ратномъ полѣ“, если только они дѣлаютъ дѣло надлежащаго образа. А потому, если объ изданіяхъ г. Попова я произнесъ неостатный приговоръ, назвавъ ихъ не только пустыми, но даже вредными движеніями, — это произошло не отъ того, что я, какъ ему, попалось, „перестать быть благонамѣреннымъ человекомъ и, забывъ свою обязанность въ отношеніи къ своимъ „соизвѣнникамъ“, сталъ видѣть въ нихъ соперниковъ себя, — а по другимъ причинамъ, которые сейчасъ и укажу. Какъ вы знаете, г. Поповъ издалъ въ 1861 году, когда вышелъ въ свѣтъ первое изданіе раскольническихъ сочиненій, два прилѣжныхъ едола, съ полнымъ сочувствіемъ, какъ я вѣщаю, полезную для науки, выразивъ въ предисловіи обаяніе, что подобнаго рода изданія не послужили во вредъ право-

оливкой и лавинъ. Пришлось открытено, а очень риско-
вать, искизывать такое смеліе. Вѣдту пору взгляды
на предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, у большинства
были совершенно другой. Думали и печатали даже
что общародовіе письменности раскольнической полеза
ворне, только для науки, но и для жизни; что оно мо-
жетъ служить другимъ средствомъ въ тому, чтобы
православныя истины восторжествовали надъ расколомъ,
что, если общародовіе произведетъ раскольничью ли-
тературу и объясненія иль—будетъ диемъ побѣды ра-
зума и науки надъ темными суевѣріями. Само собой
понятно, что при такомъ взглядѣ большинства на зна-
ченіе печатныхъ раскольническихъ сочиненій въ дѣ-
лѣ обращенія заблуждающихся на путь истины—выска-
зала мысль, что изданіе раскольничьей письменности
въ свѣтъ можетъ быть вредно для православія, значило
подвергаться опасности попасть въ число рутинеровъ,
ретроградовъ и проч. Дорожа правдой больше всего,
я, въ видахъ интереса православія, не устращивая
указанной опасности и печатно заявилъ свое смеліе;
якоби общародованіе раскольническихъ сочиненій не
неслужило во вредъ святой Церкви. Опасайте свое и
основывать на томъ соображеніи, что такъ какъ боль-
шинство раскольниковъ, вследствие своего невѣжества,
держится своихъ глупыхъ по слѣпому довѣрію къ на-
стоятелямъ, а настоящики раскольническіе живутъ своей
причиной заботиться о томъ, чтобы число ихъ учени-
ловъ не убавлялось, неумелышко, напротивъ больше и
больше увеличивалось, то неудивительно, если изданіе
раскольническихъ сочиненій послужитъ для вачетниковъ
средствомъ къ болшему распространенію раскола! По-
длинъ добруа цѣль подобныхъ изданій они не имѣютъ

стояли, да, может быть, не закосить, а между тем, вникли они, найдутъ всё тѣ же мысли, въ которыхъ старается утвердить своякъ слушателей. Печать, обладающая силой которой для проотлюдиновъ известна каждому, принадлежитъ заблужденію: еще болѣе безрельности, а открытое распространеніе раскольничьей письменности посредствомъ печати, находящейся въ зависимости отъ цензуры духовной и свѣтской, можетъ подать мысль, что вѣрно сама власть духовная и свѣтская, наконецъ, поняла, что произведеніа раскольничьей литературы не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ правды. Но—чтобы не подумалъ кто либо, что я возстаю противъ самаго изданія въ свѣтъ раскольничьей письменности, я замѣчу, что издавать въ свѣтъ сочиненія въ родѣ: «Описанія» нужно, только вмѣстѣ съ этимъ должна усиливаться дѣятельность въ пользу православія со стороны тѣхъ, на комъ лежитъ этотъ блаженный долгъ, и притомъ дѣятельность не столько кабинетная, письменная, теоретическая, сколько устная, живая, болѣе—дѣйственная. (1)

Въ скоромъ времени послѣ того, какъ я заявилъ печатно свое опасеніе, мнѣ удалось убѣдиться на дѣлѣ, что изданіе раскольническихъ сочиненій дѣйствительно можетъ быть вредно для православія. А потому, пишу въ 1862 г. замѣтки по поводу послѣднихъ изданій г. Кашанчина, а уже печатно заявилъ тѣ соображенія, на которыхъ основывалъ свое опасеніе, а вмѣстѣ указалъ, въ вѣрѣ, какой происходить по шѣстамъ отъ этихъ изданій. Но, понимая, какъ важно для науки обнаруженіе раскольничьей письменности, я опять—таки не

(1) Хр. Чт. 1861 г. ч. I, стр. 466.

только не свозать ни слова о запрещеніи подобнаго рода изданій, шипротивъ прямо и положительное доказывалъ эту пользу, только добавая, что это, конечно, дашее отъ нихъ для православія, зависитъ главнымъ образомъ отъ необразованности низшихъ классовъ нашего общества, въ которыхъ повсрхмуществу гнѣддтслорасномъ, я говорилъ, что одна ослабленія вреда, на кой можетъ быть отъ обнаруженія раскольническихъ сочиненій для жизни, необходимо съ одной стороны усилить мѣры къ распространенію въ народѣ образования и особенно религіознаго, — съ другой — издаде раскольнической письменности вести на началахъ болѣе разумныхъ, при чемъ указывалъ и смыслъ начала, которыми, по моему мнѣнію, слѣдовао бы руководствоваться при изданіи памятниконъ раскольничьей литературы (1)....

Всякій, надюсь, согласится, кроме развѣ г. Погова, что требун известныхъ ограниченій для изданія раскольническихъ сочиненій, во избежаніи вреда отъ нихъ для православія, и дѣйствовали сколько въ интересахъ науки, столько же и еще болѣе — въ интересахъ православной церкви.

На могу сказать, по какимъ причинамъ, только после моихъ замѣтокъ по поводу изданій г. Комаровичева (въ 1862 г.), въ теченіи двухъ лѣтъ новыхъ изданій сочиненій раскольническихъ болѣе не явилось въ свѣтъ. Какъ человекъ, обзанный заниматься наукой о раскольнѣ, я не могъ не видѣть въ этомъ обстоятельствѣ поперти для себя; но, какъ сынъ православной церкви, признаюсь откровенно, я даже готовъ былъ радоваться, что страхи къ обнаруженію документовъ расколь-

(1) Хр. чт. 1862 г. ч. 11., стр. 71—94.

призналъ напечатанные въ сборникѣ для исторіи старообрядчества документы не важными для исторіи раскола, а многіе даже пустыми?

Правда, въ своемъ „Отвѣтѣ“ г. Поповъ доказываетъ, что за исключеніемъ „протовера Феодосія Васильева въ 1694 г. іюня 3-го дня, да Ивана Коломенскаго мѣстничковала рѣдасія“ (№ 1) и „стѣжеры надгробной, на реломелной на врюковья ноты“ (№ XVII), — всѣ остальные документы, напечатанные въ сборникѣ, „весьма полезны для исторіи раскола“ (стр. 222—3). Но вѣдь кто же себѣ врагъ, кто станетъ худить свой собственный трудъ? Въ предисловіи въ сборнику г. Поповъ называетъ напечатанные имъ документы не только полезными для исторіи раскола, но даже важнымъ; и однако же эта доквальба, показавшая самымъ лучшимъ образомъ незнаніе г. Поповымъ дѣла, за которое онъ взялся, и обличившая въ изданіи его сборниковъ торговля дѣломъ, не допрепятствовала людямъ, знающимъ дѣло, произнести о трудѣ г. Попова справедливый, хотя и не лестный для его самолюбія приговоръ. Притомъ, чѣмъ доказываетъ издатель сборниковъ пользу для исторіи раскола напечатанныхъ имъ раскольническихъ документовъ? тѣмъ, что они *прежде нидѣ не были напечатаны*? Какъ бы предвидя подобную выходку г. Попова, советвенно же потому, что въ сборникѣ напечатано много ничтожныхъ документовъ, г. Веснинскій писалъ въ томъ же *Православномъ Обзорникѣ*: „если приидя за норму печатать все, что только есть рукописнаго между раскольниками, тогда онажется нужнымъ затѣять изданіе—по числу томовъ, но не достоинству матеріаловъ,—не меньшее „Россійской Вивліюэки.“ (1)

(1) Прав. Обзор. 1864 г. декабр. библиогр. стр. 166—7.

Жаль, что г. Поповъ или не прочиталъ статьи г. Веленинскаго, или не обратилъ на нее должнаго вниманія. Въ такомъ случаѣ многого и многого онъ не जानесалъ бы въ своемъ „Октябрь“ на мою статью.

Такого образомъ и за то, что я называю сборники г. Пенева ничтожными по содержанию, онъ несправедливо глумится на меня. И произнося такой приговоръ, я не только не погрѣшила противъ вкуса общественнаго подоженика (профессорскаго), напротивъ, смѣло думать, оказавъ не недостойнымъ его и, кажется, поступивъ не неблагонравно. Теперь посмотримъ, правду ли я сказала, что изданія г. Пенева — спекуляція.

Въ этомъ случаѣ я считаю лишнимъ повторять эти данныя, на основаніи которыхъ произнесъ такой приговоръ о трудахъ издателя сборниковъ; читатели *Христіанскаго Утѣшителя* знаютъ эти данныя, — читатели *Душе Христіанскаго Утѣшителя* могутъ узнать объ нихъ изъ моихъ замѣтокъ въ мартовской книжкѣ *Христ. Ут.* за настоящій годъ. А потому, не повторяя сказаннаго прежде, обращаюсь прямо къ тѣмъ соображеніямъ, которыми г. Поповъ старается опровергнуть мое мнѣніе о его изданіяхъ, какъ о спекуляціи.

„Спекуляціей въ литературѣ по расколу, говоритъ онъ, призывали мы называть изданія, которыя охотно раскупаются старообрядцами. Такъ понимаетъ это и самъ г. Нильскій, какъ видно изъ его статьи (1). Въ доказательство, что я не рассчитывала на огромный сбытъ моихъ сборниковъ старообрядцамъ, я указываю на ничтожное, повидимому, обстоятельство, по которе мо-

(1) Въ замѣткахъ моихъ высказанъ болѣе широкій взглядъ на спекуляцію въ литературѣ по расколу.

жеть служить неоспоримымъ доводомъ справедливости моихъ словъ. Въ каждой напечатанной мною раскольнической рукописи я дѣлалъ примѣчанія вовсе не въ духѣ старообрядческихъ доктринъ (еще бы!), а съ такимъ приравниваніемъ видакамъ рукописей въ глазахъ раскольниковъ цѣны имѣть не можетъ“ (стр. 214). Во первыхъ изъ этихъ словъ видно, что г. Поповъ не считывалъ только на *сродаки* сбытъ своихъ сборниковъ старообрядцамъ; следовательно на умѣренный, даже на болѣе шій сбытъ считывалъ. Во вторыхъ — обстоятельство, указанное издателемъ сборниковъ, никакъ не можетъ служить неоспоримымъ доводомъ того, что онъ хочетъ подтвердить истъ. Это — потому, что примѣчаній въ болѣе шей части напечатанныхъ въ сборникѣ раскольничьихъ сочиненій нѣтъ никакихъ, да и тѣ, которыя есть, не имѣютъ значенія опроверженій того, что содержится въ документахъ. Следовательно... Если же г. Поповъ подъ примѣчаніями разумѣетъ свои предисловія (стр. 219), то и они не въ состояніи удержать раскольниковъ отъ покупки сборника, такъ какъ въ предисловіяхъ этихъ излагаются авторомъ только историческія свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ, къ которымъ относятся документы, напечатанные въ сборникѣ (см. предисл. сборн. стр. УП), а эти свѣдѣнія известны самимъ раскольникамъ лучше, чѣмъ г. Попову, и не противны истъ. А наконецъ, какъ показавъ опыты, раскольники охотно покупаютъ изданія ихъ сочиненій не только съ примѣчаніями „не въ духѣ старообрядческихъ доктринъ,“ а даже съ положительнымъ опроверженіемъ ложныхъ свѣдѣній, въ нихъ находящихся. Тамъ напр. въ «Описаніи», изданномъ г. Кожанчикомъ, почти на каждомъ раскольничьемъ сочиненіи прибавленъ авторомъ замѣтокъ, въ которыхъ

онъ показываетъ то ложность историческихъ свѣдѣній, находящихся въ напечатанныхъ документахъ, то несостоятельность основаній догматическаго ученія, въ нихъ заключающагося; и однако же «Описание», какъ известно изъ официальныхъ источниковъ, „весьма быстро“ раскупалось раскольниками.

„И даже помѣщали ихъ междуособную полемику; продолжаетъ защищать себя г. Поповъ, гдѣ одно согласіе опровергало вѣрованія другаго съ ожесточеніемъ, не встрѣчающимся въ полемикѣ православныхъ; я сдѣлалъ это, твердо зная, что старообрядцы болѣе всего боятся возраженій старообрядцевъ же, и никогда не придаютъ такого значенія статьямъ православныхъ писателей, какое признаютъ за статьи своихъ единовѣрцевъ. Въ этомъ явно пошелъ я противъ той спекуляціи, въ которой меня обвиняешь г. Нильскій“ (стр. 215). Изъ этихъ словъ издателя сборниковъ я вывожу совершенно другое заключеніе, именно, — что сборники *для исторіи* старообрядчества: можетъ раскупаться не одной какой либо сектой раскола, т. е. поповщиной или безпоповщиной, а обѣими, такъ какъ напечатанные въ немъ документы по частямъ касаются той и другой; что далѣе изъ безпоповцевъ сборники имѣтъ интересъ не для одного только толпа, напр. едосѣвскаго, но и для другихъ, напр. для новоженевъ и проч. И равно и изъ поповцевъ какъ принимающіе „перемазываніе“, такъ и не принимающіе его, найдутъ въ сборникѣ не мало полезныхъ для себя документовъ. А потому на помѣщеніе г. Поповымъ въ сборникѣ раскольническихъ сочиненій разныхъ сектъ и толковъ можно смотрѣть, какъ на ловкое средство — сдѣлать сборникъ интереснымъ для большинства раскольниковъ. Нто же касается полемики,

находящейся въ сборникѣ, то и она не попрепитству-
еть раскольникамъ погупать его. Тѣ изъ раскольниковъ,
которыхъ по преимуществу полемика защищаетъ, мо-
гутъ погупать сборникъ г. Попова, малъ особенно де-
рогой для нихъ, а тѣ, которыхъ полемика поражаетъ,
будутъ скушать трудъ издателя для того, чтобы унич-
тожить неважную иль книгу. А г. Поповъ самъ
знаетъ, что за раскольниками водятся подобныя грѣхи,
очень впрочемъ полезныя некоторымъ издателямъ (1).

„Кромѣ того, пишетъ далѣе г. Поповъ, въ двухъ кни-
тках моего «сборника» нѣтъ ни одной статьи, которая
могла бы быть исключительно полезна однимъ раскол-
никамъ, не представляя собою материала, полезнаго для
исторіи раскола.“ Это значитъ только, что г. Поповъ,
какъ я и говорилъ въ своихъ замѣткахъ, давая свои
книжки, шилъ въ виду не одни карманы раскольниковъ,
но и рубли привославныхъ, надѣливъ первыхъ котъ и
пустыни въ существѣ дѣла, но интересными для нихъ
сочиненіями ихъ, и давъ послѣднимъ книжки ни на что
не годныя. Это уже, такъ сказать, двойная спекуляція.

Наконецъ издатель сборниковъ защищаетъ себя тако-
го рода фактомъ: „ссылаюсь; говоритъ онъ, на цѣлыя
книгопродавцевъ, имѣющихъ для продажи мой „сбор-
никъ;“ они могутъ засвидѣтельствовать, что изъ двадца-
ти продаваемыхъ экземпляровъ, 19 покупаютъ право-

(1) Такъ напр. г. Поповъ въ объясненіе того, зачѣмъ былъ переизда-
тъ сборникъ „жизнь о раскольникахъ“ Платона Асала-
ковича, напечатанную еще въ 1848 году, говоритъ, что сдѣлать это не-
тому, что сочиненіе Будисаго епископа скупо раскольниками на-
считаніе и теперь составляетъ радость (стр. 216). Не для того ли
„повѣсть“ и помѣщена въ сборникъ, чтобы дать раскольникамъ случай
снова смочь неважную иль книгу Асалаковича, резюмируется, выстѣ-
сь сборникомъ?...

славные (что, между нами было сказано, и имя коро-
ля известно г. Нилский). “И на томъ въ примѣчаніи
п. Пономъ говоритъ, что „самая большая часть сборни-
ковъ издаване преласладнымъ духоводствомъ.“ Пестръ
указуе г. Пикова, что я не знаю, что погубило
его сборники. Думаю, что и книгопродавцы не могутъ
знать этого. Мы живемъ не во времена Петра Великаго,
когда раскольники носили такое платье, что ихъ можно
было съ перваго взгляда отличать отъ православныхъ...
Что же касается до заявления издателя сборниковъ о
томъ, что самая большая часть его изданій *выписана*
православнымъ духоводствомъ, то оно говоритъ только
о томъ, что большинство раскольниковъ не только
пользуется способами сообщенія, придуманными въ де-
ржавное «антихристово» время, наприм. почтой, а боль-
ше любитъ вести дела свои — гунцы, ижеу и под. чрезъ
«говарю», ямар., на нижегородской армаріи и под.,
даже это и видимъ мы на издаваніяхъ г. Кожанникова,
которыя, по оффициальному заявленію, распустились въ
1862 году на нижегородской армаріи до того, быстро,
что даже полиція сочла необходимымъ обратить свое
вниманіе на это обстоятельство (1). Притомъ если боль-
шая часть *выписанныхъ* чрезъ почту сборниковъ идетъ
въ руки православныхъ священниковъ, это обстоятель-
ство ни мало не гоноритъ о достоинствахъ самихъ сбор-
никовъ, а указываетъ только на усилившееся въ по-
следнее время въ духовенствѣ желаніе — обстоятельсте
вучать расколъ, чтобы успѣшнѣе действовать на него.
Выписывая сборники, священники, конечно, не знаютъ,
что одна изъ причинъ состоитъ изъ переданатки преем-

(1) Страна. 1864 г. сент. отд. IV. стр. 116.

перечисленные, съ разными журналами и отчасти брошюры и статьи, и притомъ перепечатки чужихъ бесспорно одной, а другой — содержать въ себѣ вырвы матеріала, который, по словамъ г. Весникова, будетъ для насъ „дѣломъ темными, непроходимымъ гущее“. Не чуждо Попову, что онъ добрымъ желаніемъ православногудукованства — искупить расколь неположенное для свести много: около 100 рубль, помещивать, которые для насъ крайне дороги, направляетъ ихъ въ книжки, или брошюры, по плану того же г. Весникова, „связавши въ бѣдышннхъ — по возможности не сдѣлать никакихъ употребленій“ (1) Въ томъ-то и состоитъ главная обреша: спекуляция г. Попова, что онъ, какъ равнокомити обществу къ наученію раскола, не побоятся даже малѣе либо дѣвые матеріалы для исторіи раскола, если у него дѣйствительно есть истинный источникъ или, по крайней мѣрѣ, оборотни, составленные изъ самыхъ лучшихъ вещей, — въ томъ, конечно, если, что, при бывающъ вопросахъ на книги о расколѣ, радойдузе и приносятъ выгоды и пользу и значительны, безполемныя книжки.

Такимъ образомъ всѣ доводы, которыми г. Поповъ въ „Доводахъ“ на насъ заступилъ защищать себя въ обвиненіи въ спекуляцію, — крайне неосновательны и спорны поворотъ предельно ниво. А послѣ этого онъ имѣетъ полное право сказать, что онъ называетъ на основаніи данныхъ, указанныхъ въ заглавіи, труды издателя — сборникомъ не только пустыми и вредными, но даже снатуральнѣй, — вслушавшись можно поразиться снатурой и смыслу не только противъ своего обществяннаго положенія, а между тѣмъ г. Поповъ за это обвиняетъ меня въ не-

(1) Ирем. Обзоръ 1884 г. декабрь 1884.

благонамбренности. На сколько справедливъ въ этомъ случаѣ надатель сборника, объ этомъ предоставлю судить самимъ читателямъ, и я продолжу рѣчь о дальнейшихъ соображеніяхъ г. Попова, который дѣйствительно старается доказать мою неблагонамбренность.

Пресмысленный мыслию, будто я написалъ не добрый отзывъ о сборникѣ изъ опасенія употребить въ издаваніи ихъ содержаніе, г. Поповъ спрашиваетъ: где пѣвшаго имъ ему (т. е. мнѣ) работать на этомъ предприятии; не ослабилъ ли я мои сборники то въ мірѣ ни православленное общество и на ересь, которое приобрѣлъ г. профессору духовной академіи своими съближенными взглядами на расколъ, своими поучительными выводами о заблужденіяхъ малой ереси, своими указаніями на тѣ средства, которыми слѣдуетъ воспользоваться, чтобы возвратитъ блуждающихъ въ лоно ихъ матери — Православной церкви? И въ отвѣтъ на этотъ проницательскій вопросъ, повторяю: „увы, г. Никольскій ничего подобнаго не писалъ противъ раскола, въ записку православленію“, следовательно, подражающаяся даже, съ невѣжескимъ благонамбреннымъ, сторонникомъ раскола, врагъ церкви. Въ книгѣхъ на все о чемъ только обихаживаю и слышу: если бы г. Поповъ не дурачился въ своемъ „Отвѣтъ“ (какой?) пергъ: *одинъ изъ нихъ, противъ заблужденій*, и еще могъ бы объяснить себѣ, на какомъ основаніи надатель сборника говоритъ: „будто (мнѣ) не писалъ противъ раскола, въ записку православленію“. Тогда видно было бы, дѣла, что г. Поповъ не читалъ моихъ статей какъ историческихъ, такъ и естественныхъ (1); и на основаніи своего невѣдѣнія, обя-

(1) Напр. о незаконности такъ называемаго Австрійскаго священства (Хр. Чт. 1860 г. янв.), о священствѣ противъ безбожества (Хр. Чт.

ноты меня въ неблагонамѣренности. Но намъ понятъ вышесказанный слогъ пастыря сборниковъ, не только знающаго о существованіи упомянутой моей книги, но и удостоившаго ее своимъ замѣчаніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ я не могу придумать, не допустивъ предположенія, общаго для г. Попова. Правда, издатель сборниковъ находитъ въ моей книгѣ: „объ антикритикѣ противъ раскольничьихъ множество недостоинствъ; но вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была писана противъ православія и въ защиту раскола...

„Вся своя духовныя силы, продолжастъ“ г. Поповъ рѣчь свою, обвиняя меня въ неблагонамѣренности, вся свои знанія по части раскола напрягалъ онъ „большую“ частію противъ новыхъ дѣятелей на этомъ тернистомъ пути; — не сдѣлавъ самъ ничего полезнаго, онъ возставалъ противъ тѣхъ, которые пытались что нибудь сдѣлать.“ Прежде всего — въ приведенныхъ словахъ издатель сборниковъ несправедливо употребилъ выраженіе: *большую частію*. Я знаю свои литературныя труды, нарочито пересмотрѣвъ ихъ по поводу вводимыхъ на меня г. Поповымъ обвиненій и найду, что критическія и библиографическія мои замѣтки составляютъ незначительную часть того, что вообще написано мною по расколу. Читатели *Христіанскаго Утѣшенія*, въ которомъ я помѣщала большую часть своихъ статей, надѣюсь, признаютъ справедливость моихъ словъ, и г. Попову мнѣ остается только посоветовать — тщательнѣе изучать на будущее время труды тѣхъ людей, о литературной дѣятельности которыхъ глосольствовавшии онъ сдѣлалъ свои замѣчанія. (См. *Христіанское Утѣшеніе*, 1862 г., ч. II), о лицахъ, имѣющихъ право совершать крещеніе — противъ безпоповцевъ же (Хр. Чт. 1863 г. авг.) и др.

ему задумается: почему, либо писать. Далее: откровенно
глаголю, я плохо понимаю, какъ нынѣшніе критическіе
издателя, сборники видны мая неблагонамѣренности.
Если г. Поповъ видитъ мою неблагонамѣренность въ
томъ, что я пишу иногда критическія и библиографиче-
скія статьи; въ такомъ случаѣ неблагонамѣренныя
людей много въ нашей литературѣ и отъ подобной не-
благонамѣренности я не отвязываюсь, и на будущее вре-
мя. Если же, обижая меня въ неблагонамѣренности,
издатель сборниковъ хотѣлъ высказать вышеприведе-
нными словами ту мысль, что всѣ мои критическіе и
библиографическіе замѣтки пишутся съ тою цѣлю, что-
бы острашимъ другихъ дѣателей по расколу на избран-
номъ ими пути и такимъ образомъ — лишить науку и
общество той пользы, какую они могли бы оказать имъ
своими трудами; въ такомъ случаѣ г. Попову слѣдова-
ло бы, подтвердить свою мысль фактами, а не выска-
зывать ее голословно, а миръ остается только замѣтить,
что никакая самая строгая критика не можетъ остано-
вить честнаго, преданнаго своему дѣлу, писателя отъ
избраннаго имъ пути для дѣятельности. Только неве-
жество и бездарность могутъ мнѣять, что труды ихъ
безукоризненно совершенны, и обижаются, если другіе
находятъ въ нихъ недостатки; а писатель умный и об-
разованный не только не смущается критическими замѣч-
аніями критики, напротивъ желаетъ ихъ, чтобы узнать
свои недостатки, болѣе замѣтные для сторонняго глаза,
и на будущее время избѣгать ихъ. Издателю сборни-
ковъ, вѣроятно, и въ голову не приходила та обще-
известная истина, что критика не только не составляетъ
препятствія литературной дѣятельности, а напротивъ
служитъ самымъ главнымъ средствомъ къ развитію и

литературы и науки и, главное, на ученую жизнь...
Ноловъ... е. Ноловъ видит неблагонамбривность
на мои критическія и библиографическія статьи...
Нолову, что я „востаю“ въ лица противъ литерату-
рныхъ дѣателей по расколу, т. е. отзываюсь дурно объ
ихъ сочиненіяхъ. въ такомъ случаѣ пусть редакторъ
оборниковъ переняетъ сое мои критическія замѣтки и
онъ увидитъ, что делостима отыма. я писалъ разво о
сочиненіяхъ бакиоталыхъ въ родѣ послѣднихъ проше-
веденій е. Перевоя и оборниковъ е. Попова; въ боль-
шинствѣ же случаевъ я высказываю искреннюю ра-
дость при появленіи каждаго новаго, болѣе или менѣе
дѣльно, сочиненія по расколу; и только по долгу
правды указываю въ нихъ тѣ или другія недостатки.
Мало этого; я могу указать нѣсколько статей, въ ко-
торыхъ промѣ добраво слова мною много не было сва-
зана о разсмадриваніяхъ о аъ аинъ (сочиненіяхъ). Вотъ
что напр. писалъ я о сочиненіи подь названіемъ: „добъ
наишениахъ въ чикѣ; атуртій...“ указавшихъ въ по-
пероквахъ шивѣлахъ и мечѣ дуловшихъ: „драго съ уда-
воментвѣнъ завянемъ, что: сочиненію. Вармама пред-
ставленъ собво не: шотрій. примѣръ самаго добросовѣ-
стнаго изученія предмета и самаго удачелворителнаго
его: изслѣдованія. Всуаивная отупленія, упаса-
нашья: развѣтливаниа; въ чинвоосѣдованіяхъ: атуртій,
набоициа; шило: ованшотнаго (улюбавнаго)... разске-
дрѣны: шиторомъ: онъ поащяны: шинманіемъ: не: ободоава-
неско, ниждоау: измѣненію; допудеаекому: широ: шю: про-
адиа: шужебниновъ: старопечалинахъ, „пудеаниа:“ основаниа
въ самой древности,—въ сужденіяхъ автора о разно-
стияхъ, содержимыхъ раскодьницами, видны отчетливое
знаніе дѣла и здравое пониманіе вещей; ядана: сочине-

нія самый сообразный предмету; тотъ разсужденіи умеренный, миролюбивый и почти всегда безпристрастный. Вообще трудъ о: Варгама заслуживаетъ полного вниманія со стороны всякаго, кому нужно основательное знаніе предмета, о которомъ трактуетъ авторъ“ (1). „Книга г. Варадинова, говоря въ другой статьѣ о другомъ сочиненіи по расколу, составляетъ дорогое приобретение литературы какъ по богатству своего содержанія, такъ и по интересу сообщаемыхъ ею свѣдѣній“ (2). Послѣ этихъ выписокъ, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что замеченіе г. Попова, будто я только „возстаю“, т. е. нападаю на литературныхъ дѣятелей по расколу—съ заднею мыслію помѣшать имъ трудамъ и чрезъ то „упрочить за собою монополію литературной расправы съ расколомъ“ (стр. 213); есть не болѣе, какъ фраза, сказанная на—обумъ. Наконецъ, если издатель сборниковъ обвиняетъ меня въ неблагонамѣренности за то, что я „возстаю“ въ своихъ критическихъ и библиографическихъ статьяхъ противъ „свѣдѣй собственныхъ свидѣтелей“, т. е. не обыкновенно указываю недостатки въ сочиненіяхъ такъже, какъ, напримеръ, подобно мнѣ, дѣлалъ противъ раскола, дагуа за православную церковь; въ законъ случаевъ я долженъ засвидѣтель г. Попову, что наука не знаетъ никакого кумовства; а знаніе одностороннее не только вредно, но и опасно; оно не составляетъ противъ возможныхъ ошибокъ, кѣмъ бы онѣ ни были допущены. Такъ поступаю и г. Неходъ наприм. въ виду г. Пареева: „созданіе о странствіи...“ дѣланное, я признаю за „удачливый прогазде-

(1) Хр. чт. 1861 г. ч. II, стр. 414—15.

(2) Хр. чт. 1864 г. ч. III, стр. 276.

нѣмъ“ автора, заслужившимъ справедливое одобреніе со стороны не только духовной, но и свѣтской журналистики; а не встрѣтивъ ничего хорошаго въ послѣдникъ полемическихъ сочиненій о. игумена, я, не обинуясь, назвалъ эти сочиненія пустыми (1). Поступать иначе, т. е. квалить не достойныя похвалы сочиненія — потому только, что они написаны защитниками православія, быть можетъ, значило бы поступать, по видимому, благонамѣренно, но едва ли добросовѣстно. А это — не въ моихъ правилахъ. Молчать же о подобныхъ сочиненіяхъ значило бы позволять ошибкамъ, въ нихъ находящимся, распространяться и вводить людей неопытныхъ въ заблужденіе. А это не дѣло науки, которою я занимаюсь, и притомъ даже небезопасно для православія. Всякій, надѣюсь, знаетъ, какіе упреки дѣлаютъ раскольники Церкви православной за ошибки, допущенныя православными писателями, противъ раскола въ прошломъ столѣтіи, напр. др. Теофилактомъ лопатинскимъ, Пятиримомъ нижегородскимъ и др. Не безызвѣстно также, что обмолвки писателей и нынѣшняго столѣтія не пропускаются раскольниками безъ вниманія, но выставляются на видъ — въ упрекъ самой Церкви. Напр. въ сочиненіи іеросхимонаха Іоанна: „доказательства о древности трехперстнаго сложенія съ дополненіемъ“, изданномъ въ 1839 году, т. е. уже послѣ утвержденія извѣстныхъ пунктовъ о единовѣрїи, изъ которыхъ въ одномъ было сказано, что изъ три обрядовыхъ разностей, существующихъ между нами и раскольниками, а равно и единовѣрцами, не должно быть болѣе споровъ и особенно укоривленныхъ, —

(1) Хр. чт. 1864 г. ч. III.

двуероде называю армянскими преданиемъ, вращенною прелестію и другими именами. Поинико, что это — ошибка частного лица, и однако же какъ поспоспоришь на нее раскольники? Они выставили эту ошибку, какъ одну изъ прелестей, не позволяющихъ имъ присоединиться къ Церкви на правахъ единоверія (1). Зная недобрый взглядъ раскольниковъ на ошибки православныхъ писателей, и сноровою должно при разборѣ каждаго вновь выходящаго сочиненія о расколѣ не скрывать недостатковъ „своихъ сподвижниковъ на ратномъ поѣѣ“, если они есть, а прямо — указывать ихъ между прочимъ и для того, чтобы показать раскольникамъ, что недостатки эти — дѣло частныхъ лицъ, которые и отвѣчаютъ за нихъ, и что Церковь православная въ нихъ не виновата. Благонамѣренны и православны и я поступаю въ этомъ случаѣ, чтобы судить объ этомъ читатели.

Поинкая, въроятно, что въ (разобранныя мною) разглагольствія г. Попова о моей неблагонамѣренности не достаточны для цѣли, редакторъ сборниковъ, оставивъ въ отеронѣ мои замѣтки о его трудахъ, обращаетъ въ другой моей критической статьѣ, въ которой я разбираю послѣднія сочиненія о. Паресія, и на основаніи этой статьи начинаетъ доказывать и мою неблагонамѣренность, и мое ибмѣнничество православно: „Г. Нильскій, говоритъ онъ, началъ съ того, что перепечаталъ дословно всѣ враждебныя православно указанія раскольниковъ на мнѣшныя неправоисности, ошибки и погрѣшности нашей Церкви, нашей, что возраженія о. Паресія слабы, но самъ воздер-

(1) См. брошюру: „нѣсколько словъ о русск. расколѣ“ (стр. 96—7).

жался отъ всякихъ опроверженій и несогласій не сдѣлать даже и попытки поддержать побѣжденнаго, по силеку его статьи, игумена. Спрашивается, съ какою цѣлю г. Нильскій написалъ и напечаталъ свой разборъ книги: *мечъ духовный на раскольничью акалою?* Если г. Нильскій находилъ опроверженія о. Пареевнн слабыми и недостаточными, то уже тѣмъ самымъ признавалъ, что на обвиненія раскольниковъ можно найти болѣе сильныя и болѣе основательныя возраженія. Почему же, вида какъ бы пораженіе защитника православноѣ Церкви, онъ тутъ же, или впоследствии не подаетъ ему руку помощи, не ополчился самъ противъ раскольниковъ и не доказалъ обвинителямъ всей неосновательности ихъ обвиненій? Если же г. Нильскій не находилъ, чѣмъ опровергнуть указанія раскольниковъ, то за чѣмъ же предавалъ онъ гласности поразженіе о. Пареевнн, за чѣмъ обнародовалъ онъ безсиліе поборника православія и тѣмъ придавалъ еще болѣе значенія обвиненіямъ враговъ нашихъ? Г. Нильскій стоитъ на стражѣ правъ и интересовъ православноѣ церкви, по званію профессора духовноѣ академіи. Почему этотъ стражъ такъ небрежно равнодушенъ въ защиту (?) того, что ввѣрено его охраненію? Указавъ на поразженіе и отреннись отъ защиты, онъ какъ бы признавалъ защиту эту невозможною, а обвиненія раскольниковъ не острашимыми. Не умели и въ этомъ случаѣ г. Нильскій руководился, какъ и въ отношеніи ко мнѣ, *однимъ желаніемъ* уронить соперника на попріцѣ благонамѣренноѣ дѣятельности противъ раскола и тѣмъ упрочить за собою монополію литературноѣ распри съ расколомъ? Въ первомъ случаѣ статья его—явная неблагонамѣренность и измѣна

православію; во второмъ — только спекуляція, но спекуляція вредная Церкви, къ которой онъ принадлежитъ; много исхода изъ положенія, въ которое онъ добровольно поставилъ себя, нѣтъ! (стр. 212 — 13). Есть исходы, и — самый легкій. По смыслу этихъ словъ г. Попова выходитъ, что критикъ, если онъ находитъ разбираемую имъ книгу неудовлетворительною въ какомъ либо отношеніи, обязанъ самъ написать другую книгу о томъ же предметѣ и, разумѣется, удовлетворительною. Но такъ смотрѣть на обязанности критика значить ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтожать самую критику (1). Вы не понимаете, какъ это выходитъ? Очень просто. Представьте себѣ, что въ январѣ напр. настоящаго года издалъ въ свѣтъ сочиненіе о Пареиіи, въ февралѣ — г. Поповъ, въ мартѣ — третій кто либо и т. д. въ безконечность. Всѣ эти сочиненія, по ограниченности ума человеческого, — неудовлетворительны. Что остается дѣлать критику? По мнѣнію г. Попова, онъ, показавъ въ критическихъ или библиографическихъ статьяхъ недостатки вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій, долженъ самъ написать книги о тѣхъ же предметахъ и притомъ книги удовлетворительныя. Ужели же этого можно требовать отъ критика? Ужели у него одного достанетъ силъ и времени на такіе громадные труды? Да и кто наконецъ возьмется за такую египетскую работу?.. Издатель сборниковъ можетъ сказать, что подобное предположеніе не идетъ ко мнѣ, такъ какъ сочиненій о расколѣ выходитъ не много. Согласенъ. Только пусть г. Поповъ не забываетъ, что

(1) Не того-ли и хочеть собственно г. Поповъ, чтобы можно было свободно издавать книжки въ родѣ „сборниковъ“?

у меня, какъ и у всякаго другаго критика, кромѣ „добровольной“ обязанности писать критическія и библиографическія статьи, есть обязанности другаго рода; исполненіе которыхъ не легко. Притомъ — главный вопросъ не въ томъ, на многія или не многія книги не удовлетворительныя пришлось бы критику писать свои книги; важенъ предметъ, затронутый тѣмъ или другимъ плохимъ сочиненіемъ; а кому неизвестно, что предметомъ иныхъ сочиненій бываютъ такія вещи, для дѣльной обработки которыхъ потребовались бы не мѣсяцы, а годы. Для примѣра укажу г. Попову на книгу о. Палладія: „Обозрѣніе пермскаго раскола“. Книга эта, по моему мнѣнію (1), — не удовлетворительна, и написать на нее замѣтки мнѣ не стоило особеннаго труда. Но чтобы составить „обозрѣніе пермскаго раскола“ въ томъ видѣ, какъ я жалалъ бы этого (2), для этого мнѣ нужно было бы не только употребить многіе и многіе мѣсяцы, но даже на время оставить службу. Тогда не только я не имѣлъ бы возможности составить опроверженія обвиненій раскольническихъ, высказанныхъ въ Апологіи, но не въ состояніи былъ бы написать и критическихъ замѣтокъ объ изданіяхъ о. Пареевля. Нѣтъ; такъ понимать обязанности критика, какъ г. Поповъ ихъ понимаетъ, значитъ просто не понимать дѣла. Я не хочу сказать этимъ, будто критикъ можетъ ограничиваться въ своихъ разборахъ однимъ голословнымъ порицаніемъ сочиненій неудовлетворительныхъ, или — голословнымъ же одобреніемъ книгъ удовлетворительныхъ. Нѣтъ, — долгъ критика, какъ я его понимаю, со-

(1) Хр. Чт. 1864 г. ч. I., стр. 241—272.

(2) Тамъ же стр. 246—7.

стоитъ въ томъ, чтобы, показавъ недостатки разсматриваемаго сочиненія, установить правильный взглядъ на предметъ его и намѣтить по возможности тѣ его стороны, которыя почему либо требуютъ преимущественнаго раскрытія и уясненія. Самая же обработка предмета въ указанномъ направленіи — это уже дѣло того, чье сочиненіе разсматривалось критикомъ, если только авторъ его сочтетъ нужнымъ и признаетъ возможнымъ для себя подобный трудъ. Можетъ взяться за подобное дѣло и критикъ, но уже не какъ критикъ (1), а просто—какъ писатель. Но это уже зависитъ отъ доброй воли критика, и требовать отъ него подобнаго труда никто не имѣетъ права, такъ какъ никому нельзя приказать писать о томъ, а не другомъ предметѣ. И если г. Поповъ, кромѣ замѣтокъ моихъ о его сборникахъ, читалъ и другія мои критическія и библиографическія статьи,—онъ согласится, что я неуклонно слѣдовалъ въ нихъ тому взгляду на обязанности критика, какой сейчасъ указалъ. Не обращая къ статьямъ прежняго времени, я укажу въ подтвержденіе своихъ словъ на статью, о которой идетъ рѣчь, т. е. на критическій разборъ сочиненій о. Паренія. Разбирая его „Письмо православнаго священноиннока“.. и „Обличеніе отвѣтовъ, данныхъ раскольниками въ защиту такъ называемаго австрійскаго священства“, я говорилъ, что главный недостатокъ означенныхъ сочиненій состоитъ въ неправильной точкѣ зрѣнія автора на предметъ и за тѣмъ указалъ, что нужно сдѣлать обличителю раскола, чтобы церковныя правила о незаконности авст-

(1) Между прочимъ—и потому, что самые предѣлы критической статьи слишкомъ ограничены для самостоятельной разработки какого бы то ни было серьезнаго предмета.

рійскаго священства имѣли для раскольниковъ убѣдительность и силу (1). Точно также пиша замѣтки на „Разборъ окружнаго посланія, составленнаго мжеархі-епископомъ Антоніемъ“, я не ограничился тѣмъ, что показалъ неправильное отношеніе о. Пареевнѣ къ „посланію“, но указалъ при этомъ и то, на что въ „посланіи“ слѣдовало бы автору „разбора“ обратить главное вниманіе и какъ въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы вести самую полемику съ раскольниками (2). Если же я не многое сказалъ отъ себя при разборѣ двухъ остальныхъ сочиненій о. Игумена: „Меча духовнаго на пораженіе раскольничьей апологіи“ и „Опроверженія записки о русскомъ расколѣ“, — то и это я сдѣлалъ не безъ причины. Какъ „апологія“ раскольническая состоитъ изъ множества частныхъ обвиненій, касающихся разныхъ сторонъ существующаго въ церкви православной и въ обществѣ порядка вещей, такъ и „записка“ (какъ напечатана она у о. Пареевнѣ) включаетъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ мыслей, то благопріятныхъ православію, то брасающихъ тѣнь на него. А послѣ этого понятно будетъ всякому, что при отсутствіи *единства* предмета въ сочиненіяхъ, подавшихъ о. игумену поводъ къ написанію „Меча духовнаго“ и „Опроверженія“, я *не могъ* оказать помощи слабому бойцу за православную истину какимъ либо *единичнымъ, краткимъ*, совѣтомъ и долженъ былъ ограничиться только общимъ указаніемъ о. игумену на неправильность его пріемовъ въ полемикѣ и происходящую отъ этого слабость самыхъ опроверженій его. И это я сдѣлалъ

(1) Хр. Чит. 1864 г. ч. III, стр. 450—62.

(2) Тамъ же стр. 481—2.

не съ тою цѣлю, чтобы „уронить соперника на неприщѣ благонамѣренной дѣятельности противъ раскола и тѣмъ упрочить за собою монополию литературной расправы съ расколомъ“, какъ думаетъ издатель сборниковъ, а чтобы показать автору „Меча духовнаго“, что онъ избралъ для своей литературной дѣятельности путь не по силамъ и что своими подемическими сочиненіями, полными самыхъ укориженныхъ выраженій противъ раскольниковъ, онъ можетъ еще болѣе раздражать заблуждающихъ, и безъ того не очень расположенныхъ къ православной истинѣ, и такимъ образомъ вмѣсто пользы причинять вредъ Церкви. Что же касается до мысли г. Попова, будто указаніемъ слабости опроверженій о. Пареевнн я придавъ обвиненіямъ раскольниковъ еще болѣе значенія, то, признаюсь, для меня понятно подобное мышленіе въ головѣ раскольника, который ошибку или слабость частнаго лица ставитъ въ вину всей Церкви, — но въ головѣ православнаго издателя сборниковъ подобная мысль не должна бы имѣть мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, ужели изъ того, что игуменъ спасо-гуслицкаго монастыря не сумѣлъ надлежащимъ образомъ написать противъ раскольниковъ „Меча духовнаго“, слѣдуетъ, что и Церковь православная — беззащитна?.. Г. Поповъ можетъ сказать, что, признавъ слабость опроверженій о. Пареевнн, я придавъ большее значеніе обвиненіямъ „апологій“ не въ глазахъ православныхъ, а въ глазахъ раскольниковъ. Но въ такомъ случаѣ вся вина падаетъ не на меня, а на самаго о. Пареевнн, который своимъ не чуждымъ преувеличеніемъ, не во всемъ безусловно справедливымъ, а главное — лишеннымъ духа любви и кротости къ заблуждающимъ, „Разборомъ окружнаго посланія“ возбу-

дидъ въ раскольникахъ вмѣсто вниманія къ православной истинѣ — раздраженіе и вызвалъ со стороны ихъ новые упреки православію, — который затѣмъ, не замѣривъ своихъ силъ, рѣшился для поддержанія своего литературнаго достоинства написать „Мечъ на апологію“, и написалъ его такъ плохо, что раскольники могутъ считать себя побѣдителями о. игумена даже и въ томъ случаѣ, если бы я и не написалъ своихъ замѣтокъ о его изданіяхъ, какъ замѣтили раскольники, несостоятельность „Разбора окружнаго посланія“ о. Пареевнѣа еще прежде, чѣмъ появилась моя статья о его сочиненіяхъ, и — написали противъ него свою „апологію“.

Такимъ образомъ, какъ критикъ, я въ своемъ разборѣ сочиненій гуслицкаго о. игумена ни мало не погрѣшилъ противъ своихъ обязанностей, и г. Поповъ можетъ въ этомъ случаѣ обвинять меня въ неблагонамѣренности развѣ только за то, что я написалъ критическія замѣтки на сочиненія „своего послѣдннма на ратномъ полѣ противъ раскола“. Но въ оправданіе подобной неблагонамѣренности я сказалъ нѣсколько словъ прежде, а потому теперь прямо перехожу къ обвиненію меня издателемъ сборниковъ въ томъ, будто-бы я не исполнялъ своей обязанности, какъ „стражъ правъ и интересовъ православной Церкви, по званію профессора духовной академіи“. Въ этомъ случаѣ издатель сборниковъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что я въ своемъ разборѣ сочиненій о. Пареевнѣа „дословно перепечаталъ всѣ враждебныя православію указанія раскольниковъ на мнимыя неправильности, ошибки и погрѣшности нашей Церкви“, и сдѣлалъ это, по мнѣнію г. Попова, „въ угоду раскольникамъ“ (стр. 219), — во-

вторыхъ, — на то, что, признавъ возраженія о Пареніи слабыми, самъ я „воздержался отъ всякихъ опроверженій“ и впоследствии не сдѣлалъ даже и попытки подержать побѣжденнаго игумена“; въ этомъ обстоятельствѣ издатель сборниковъ видитъ „равнодушіе мое къ защитѣ того, что ввѣрено моему охраненію, явную неблагонравность и измѣну православію“.

Въ отвѣтъ на первое обвиненіе я скажу, что если бы г. Поповъ прочиталъ мою статью: „новыя изданія по расколу“, онъ нашелъ-бы въ ней объясненіе своему недоумѣнію, для чего я „дословно“ перепечаталъ обвиненія раскольниковъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ я, приведя обвиненія раскольниковъ и замѣтивъ, что они вызваны самимъ о. Пареніемъ: „собственно говоря, въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды. Истинные сыны Церкви не смутятся приведенными выше обвиненіями Церкви православной со стороны раскольниковъ, а между тѣмъ намъ очень полезно знать все, изъ-за чего удалятся отъ Церкви ревнители старины, чтобы свои заботы объ обращеніи заблуждающихъ направлять къ исправленію въ нихъ тѣхъ именно предубѣжденій противъ православія, которыя всего болѣе не позволяютъ раскольникамъ сдѣлаться послушными сынами Церкви“ (1). Изъ этихъ словъ издатель сборниковъ можетъ понять, что я перепечаталъ „враждебныя православію указанія раскольниковъ“ не для того, чтобы угодить имъ, — объ этомъ у меня не могло быть и мысли, такъ какъ тѣ изъ раскольниковъ, которые писали „Апологию“, въ „дословной“ перепечаткѣ высказанныхъ въ ней обвиненій не могли найти для себя ничего новаго, а

(1) Хр. Чт. 1864 г. ч. III, стр. 490.

другіе могли узнать обвиненія „Апологии“, изъ статьи о. Паресина, изъ которой и я заимствовалъ ихъ, — а для того, чтобы дать знать православному обществу, какія противъ него существуютъ у раскольниковъ предубѣжденія, и этикъ побудить всякаго, желающаго мира Церкви и имѣющаго возможность, позаботиться объ исправленіи этихъ предубѣжденій — уничтоженіемъ тѣхъ недостатковъ, которые подъ разными вліяніями вкрѣлись въ православное общество и которые, нарушая чистоты и святости православной Церкви, тѣмъ не менѣе однако-же служатъ предметомъ соблазна для немощной раскольнической совѣсти. Была и другая болѣе простая причина, по которой я перепечатавъ „дословно“ обвиненія раскольниковъ. Пиша разборъ „Меча духовнаго“, я не могъ говорить о достоинствахъ или недостаткахъ труда о. игумена, не познакомивъ предварительно читателей съ главнымъ содержаніемъ „Апологии“, на которую и составленъ „Мечъ духовный“, — такъ какъ безъ этого мой приговоръ о произведеніи о. Паресина былъ-бы голословенъ.

Что же касается до другаго и послѣдняго обвиненія, заводимаго на меня г. Поповымъ, то въ отвѣтъ на него я скажу не многое, и именно: досель я не написалъ опроверженія обвиненій раскольническихъ, высказанныхъ въ „Апологию“, не по „равнодушію къ защитѣ православной истины“, не по неблагонамѣренности и измѣнничеству православію“, а вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что пока раскольники не будутъ доведены путемъ умственнаго и нравственно-религіознаго образованія до признанія того, что истинная, спасающая вѣра заключается въ правомъ исповѣданіи догматовъ, а не въ рабскомъ благоговѣніи предъ буквой обряда,

и что общество христіанъ, отступившее по какимъ ли-бо обстоятельствамъ отъ нѣкоторыхъ, издавна суще-ствовавшихъ, обычаевъ и порядковъ жизни церковной, можетъ въ то же время оставаться по вѣрѣ вполне пра-вославнымъ и достигать вѣчнаго спасенія, — до тѣхъ поръ самымъ лучшимъ, чтобы не сказать, единственно—убѣдительнымъ для нихъ опроверженіемъ большей час-ти (1) высказанныхъ въ „Апологии“ и подобныхъ имъ об-виненій могутъ быть не слова, а дѣло, не полемическія статьи, а административныя распоряженія объ искорененіи тѣхъ недостатковъ въ православномъ обществѣ, кото-рыя служатъ совѣсть заблуждающихъ. И такъ какъ многія изъ обвиненій раскольническихъ касаются цѣлаго православнаго общества, то, по моему мнѣнію, кромѣ власти церковной и свѣтской, и само общество должно принять участіе въ трудномъ дѣлѣ примиренія съ Цер-ковію заблуждающихъ—возвращеніемъ къ жизни болѣе согласной съ требованіями христіанской нравственности и болѣе приличной православному обществу, какъ я когда-то и писалъ объ этомъ, призывая все сословія, особенно высшія, оставить тѣ обычаи и порядки, ко-торыя, хотя и не имѣютъ прямаго отношенія къ вѣрѣ, не могутъ однако-же быть признаны строго—христіан-скими и потому служатъ причиной непріязни расколь-никовъ къ самой Церкви православной, будто-бы по-творствующей злоупотребленіямъ (2). Я не знаю, удов-летворится ли г. Поповъ моимъ признаніемъ, но смѣю надѣяться, что никто изъ людей благомыслящихъ не

(1) О несправедливости нѣкоторыхъ обвиненій раскольническихъ замѣчено мною въ самомъ разборѣ сочиненій о. Пареевн (стр. 484—6).

(2) Хр. Чт. 1863 г., ч. I, стр. 27—30.

рѣшится обвинять меня за такое признаніе ни въ добродѣтели, ни въ истинѣ православія.

Другимъ доказательствомъ моей добродѣтели, и истинности моего мнѣнія въ „Объясненіи“ въ Цепелевѣ. Предоставляя самимъ читателямъ произнести судъ объ ихъ справедливости и добродѣтели, я дерзкую въ разборѣ тѣмъ основаній, которыми издатель сборниковъ старается доказать, что свѣдѣнія мои по расколу — „ложныя“. Въ этомъ случаѣ я не стану распространяться слишкомъ много; читатели *Христіанскаго Чтенія* могутъ отчасти судить о степени моихъ свѣдѣній о расколѣ по моимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ журналѣ, а съ г. Поповымъ я какъ-то затрудняюсь говорить объ этомъ предметѣ. Сознаюсь съ похвальной откровенностію, что онъ „на историчѣ раскола, а только издатель матеріаловъ для его исторіи“, издатель сборниковъ тѣмъ самымъ даетъ мнѣ право думать, что онъ не можетъ быть компетентнымъ судьей чьихъ-бы то ни было свѣдѣній по расколу, и что слѣдовательно его неслестный приговоръ о моемъ знаніи раскола еще не можетъ служить укоромъ моему профессорскому званію. Правда, обвиняя меня въ незнаніи мною своего дѣла, г. Поповъ указываетъ на факты, именно—на замѣченные когда-то *Православнымъ Обзорникомъ* недостатки въ моей книгѣ: „объ антихристѣ противъ раскольниковъ“; но читатели *Христіанскаго Чтенія* давно уже знаютъ изъ моего „Объясненія“ (1), насколько справедливы замѣчанія достопочтеннаго журнала касательно моего сочиненія. И такъ какъ издатель сборниковъ не прибавилъ къ нимъ отъ себя ничего

(1) Хр. Чт. 1860 г. ч. I, стр. 494—524.

(стр. 214), то въ отвѣтъ на его обвиненіе я считаю достаточнымъ только посоветовать г. Попову прочесть указанное „Объясненіе“ и не повторять на будущее время обвиненій, давно уже опровергнутыхъ. Все это я говорю не для того, чтобы доказать г. Попову, будто я чуждъ ошибокъ, или владѣю свидѣніями о расколѣ всесторонними; нѣтъ; я очень хорошо знаю, что многого, очень многого не знаю о расколѣ; только при этомъ ивѣю смѣлость думать, что все-таки свидѣнія мои о расколѣ не „ничтожны“. Я закончилъ свое „Объясненіе“ и, кажется, не потрушусь противъ правды, если въ заключеніе скажу, что г. Поповъ, при неумѣннй издавать порядочные сборники, не владѣеть еще умѣньемъ „честно обращаться съ печатнымъ словомъ“. Это, по моему мнѣнію, самый снисходительный отзывъ, какой можно произнести объ издателѣ сборниковъ по его „Отвѣту“ на мои замѣтки о его трудахъ.

И. Нильскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ
ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ
ВЪ 1866 ГОДУ.

«Христианское Чтеніе», издаваемое при с.-петербургской дух. академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1866 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣд. отдѣлы:

Отдѣлъ I. *Переводъ св. книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка*, именно—въ 1866 году будетъ изданъ переводъ третьей книги Царствъ и слѣдующихъ за нею—съ особымъ счетомъ листовъ и страницъ.

Отдѣлъ II. *Творенія св. Отцовъ и Учителей древней Вселенской Церкви*. Въ этомъ отдѣлѣ въ наступающемъ году Редакція помѣститъ переводъ писемъ св. Иоанна Златоустаго, не переведенныхъ на русскій языкъ до настоящаго времени. Особенный счетъ листовъ дастъ подписчикамъ возможность имѣть, кромѣ журнала, отдѣльный томъ твореній св. Отца.

Отдѣлъ III. *Духовно-ученныя изслѣдованія*: догматическія, церковно-историческія, каноническія, полемическія, религиозно-философскія и др.

Отдѣлъ IV. *Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни*,—какъ то: размышленія, повѣствованія, имѣющія поучительный характеръ, и проповѣди.

Отдѣлъ V. *Обзорныя современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной*.

«Христианское Чтеніе» будетъ выходить книжкамъ отъ 10—12 листовъ въ каждый мѣсяць.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 6 руб. сер; а съ доставкой и пересылкою во

всѣ города 7 руб. серебромъ. Желающіе получить «Христіанское Чтеніе» въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. серебромъ. Въ видахъ облегченія подписчиковъ Редакція съ будущаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по полугодно—заручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи въ у книгопродавца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по 5 руб. сер безъ пересылки, а съ пересылкою по 6 руб. сер; экземпляры 1849—1865 годовъ по 6 руб. сер безъ пересылки, а съ пересылкою по 7 руб. сер. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по 3 руб. сер. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра.

Подписка на «Христіанское Чтеніе» принимается въ Редакціи журнала при с.-петербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также — въ правленіяхъ иногородныхъ д. семинарій, въ газетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

Редакція впрочемъ отвѣчаетъ за исправную доставку только тѣхъ экземпляровъ, которые выписываются отъ с.-петербургской дух. академіи, т. е. или непосредственно отъ Редакціи или чрезъ правленіе академіи; а потому проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ обращаться съ требованіями журнала прямо и исключительно въ с.-петербургскую дух. академію — съ точнымъ обозначеніемъ: губерціи, уѣзда, города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, званія, имени и фамиліи подписчика.

ОБОЗРѢНІЕ

УНІЯТСКИХЪ БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ.

3. Сравненіе уніятской литургіи съ православною и отношеніе ея къ литургіи римско-католической. Уніятская проскомидія, уніятская литургія св. Іоанна Златоустаго и Василія Великаго. Уніятскій чинъ служенія Возмезтвенной литургіи чтемою. Уніятская литургія преждеосвященнаго дароу.

Ни одна часть, въ составѣ уніятскаго богослуженія, такъ много не пострадала отъ вліянія католицизма, какъ литургія. Уніаты, можно сказать, совершенно переделали ее на ладъ католическій. Причины тому повятны съ перваго разу. Литургія занимаетъ первое мѣсто въ составѣ ежедневнаго богослуженія христіанскаго. Прочія пощенственныя службы церковныя подчиняются ей, зависятъ отъ нея, отъ нея, такъ сказать, получаютъ свою силу и значеніе. Въ слѣдствіе этого, внесши латинскій элементъ въ составъ литургіи, уніаты тѣмъ самымъ естественно налагали колоритъ латинства и на другія подчиненныя ей службы, отъ ней зависящія. Но особенно подручное и дѣйствительное средство представляло олатинизированіе литургіи для олатинизированія уніатовъ, — цѣль, для которой латинство, извѣстно, составило унію и къ которой вообще оно постоянно стремилось и теперь стремится въ лицѣ всѣхъ своихъ

поборниковъ. Уніаты, и въ особенности принадлежащіе къ сословію простаго народа, ни чѣмъ такъ не были удерживаемы отъ олатинизированія, какъ древнеправославнымъ чиномъ, соблюдаемымъ въ ихъ церковномъ богослуженіи и особенно въ литургіи (1), которую народъ вообще любитъ болѣе всего и которую болѣе всего посьщаетъ. Чтобы олатинизировать уніатовъ, надобно было отклонить взоры ихъ отъ востока, о которомъ ежедневно напоминало имъ православное богослуженіе, и обратить къ западу; — а это возможно было съ окончательнымъ олатинизированіемъ такой важной и для народа существенной части богослуженія, какъ литургія.

И надобно отдать честь изобрѣтательности уніатовъ въ этомъ случаѣ. Они долго не задумывались, какъ и слѣдовало вообще ожидать отъ людей, состоящихъ подъ непосредственнымъ водительствою іезуитовъ. Мы имѣемъ на это доказательства у самыхъ же уніатовъ въ одномъ замѣчательномъ документѣ, который „День“ (2) приводитъ подъ заглавіемъ: *głos kapituly katedralney Chełmskiej..... w przedmioci projektowanej Zmiany obrzędów unickich.....* (3). Изъясняя, что причиною отпаденія многихъ уніатовъ въ католицизмъ было то, что послѣдніе „видѣли съ одной стороны въ своемъ обрядѣ неудобства, какихъ не было у латинянъ, съ другой видѣли у латинянъ разныя религіозныя средства къ увеличенію духовныхъ выгодъ (?),“ Голосъ Капитулы заключаетъ: „поэтому уніатской церкви нужно было пер-

(1) Въ западнорусскомъ краѣ и доселѣ названіе *богослуженія* условляется почти исключительно одной литургіи.

(2) 1884 г. № 10 стр. 372.

(3) Голосъ капитулы катедральной хелмской по предмету проектируемаго дѣйствія обрядовъ уніатскихъ.

вны устранить, а послѣднія ввести, чтобы удержать въ цѣлости духовное стадо и увеличить его духовное благо.“ Подвести православную литургію подъ эти правила было тѣмъ легче, что, по духу древняго единства, между литургіею православною и римскою болѣе другихъ чинопослѣдованій сохранилось сходства; надобно было только подобрать соответствующія чинопослѣдованія изъ латинскаго служебника и, выбросивъ параллельныя имъ православныя, поставить на мѣсто ихъ послѣднія, и дѣлу конецъ.

Такъ точно и сдѣлали уніаты. Отъ того, по справедливому замѣчанію одного просвѣщеннаго пастыря уніатской церкви (митрополита Лисовскаго), уніатская литургія есть не что иное, какъ неудачная смѣсь греческаго и латинскаго, — или, говоря словами о. Наумовича, она представляетъ греческую книгу, въ которой тамъ и сямъ безъ разбору вклеены вырванные листы изъ другой книги латинской (1). Особенно много пострадали въ рукахъ уніатовъ проskomидія и въ частности тагъ называемый канонъ литургіи, т. е. та часть въ литургіи вѣрныхъ, въ которой совершается освященіе даровъ. Уніаты перенесли сюда изъ латинскихъ миссаловъ все, что только можно было перенести, начиная отъ опредѣленія, что освященіе даровъ совершается по извѣстному латинскому ученію словами: „Сіе есть тѣло Мое“.... и „сіа есть кровь Моя“...., до разнаго рода коленнопреклоненій, соединенія и распростертія рукъ, сложенія и разрозненія пальцевъ и т. п. Кромѣ этого, подражая католикамъ, уніаты перенесли въ свой служебникъ чинъ

(1) Подол. Епарх. Вѣд. 1863 г. № 4-й. Вліаніе латынцѣвъ на русскія чины и обряды русскаго церкви. Стр. 153.

служенія такъ называемой литургіи *чтемою* (читанная мисса). Наконецъ, они также не оставили безъ вниманія и литургіи преждеосвященныхъ даровъ.

Мы разсмотримъ прежде уніятскую проскомидію, потомъ прослѣдимъ литургію вообще и за тѣмъ скажемъ нѣсколько объ уніятской литургіи читанной и литургіи преждеосвященныхъ даровъ (1).

а) Уніятская проскомидія.

Начало обычное, какъ и у насъ: *Благословенъ Богъ нашъ, Царю Небесный, трисвятое*,—по *Отче нашъ*, тропари: *Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ*.... и лобзаніе наѣстныхъ иконъ съ положенными молитвами. Послѣ этого священникъ и діаконъ входятъ въ олтарь и, по чину нашей Церкви, лобызаютъ ов. престолъ и евангеліе (2). У уніятвъ прежде всего не полагается это цѣлованіе, вѣроятно, для ближайшаго сходства съ католическими ксендами, которые, обыкновенно облачаясь

(1) Считаемъ нужнымъ предварить, что, при обзорѣни уніятской литургіи, мы будемъ разсматривать ее преимущественно въ томъ видѣ, въ какомъ представляется она въ уніятскихъ богослужебныхъ книгахъ. Какимъ образомъ совершается она у уніятвъ въ настоящее время, какихъ прибавленія и нововведенія внесли они и вносятъ въ отправление ея со времени послѣдняго изданія своихъ служебниковъ,—на эти вопросы мы не беремъ отвѣчать, такъ какъ дѣль наша—обозрѣніе уніятскихъ богослужебныхъ книгъ въ ихъ наличномъ состояніи, независимо отъ всѣхъ другихъ нововведеній, совершающихся въ составѣ уніятскаго богослуженія на практикѣ.

(2) При сравненіи уніятской литургіи съ православною, мы будемъ держаться главнымъ образомъ того чина, по какому послѣдняя (т. е. православная) совершается въ настоящее время. Но, для вѣрности исторической, будемъ обращаться и къ современнымъ съ уніятскими служебниками служебникамъ православнымъ, особенно изданнымъ въ Кіевѣ и Львовѣ, для какой цѣли у насъ находятся подъ руками: служебники кіевскіе: Петра Могилы 1629 и 1639 годовъ, и львовскіе служебники: Арсенія

въ пономарѣ (sacristium) безъ всякихъ предварительныхъ молитвъ, не имѣютъ ни повода, ни самой возможности цѣловать престолъ, а тѣмъ болѣе Евангеліе, котораго въ томъ видѣ, какъ у насъ, у латынянъ, какъ мы уже сказали, и не существуетъ. Послѣ этого слѣдуетъ облаченіе, которое у уніатовъ, какъ и у католиковъ, предваряется омовеніемъ рукъ съ произнесеніемъ извѣстнаго псалма: *умью въ нечистотѣхъ руки мои....*, а у насъ обыкновенно полагается послѣ облаченія. Что до самаго уніатскаго облаченія, то оно прежде всего отличается отъ нашего православнаго употребленіемъ тапъ называемаго *наплецима*, — латинской одежды, употребляемой на литургіи ксендзами подъ названіемъ: *amictus*. Это короткая, въ родѣ нашего восточнаго алава (1), одежда, покрывающая плечи и грудь безъ рукавовъ, надѣваемая ксендзами прежде дружицъ священныхъ облаченій, поверхъ обыкновенной священнической одежды. Уніаты приурочили для ней и особен-

Желябужскаго (Желяборскаго, какъ называется онъ въ самомъ служебникѣ) 1647 года, и братства Успенія Пресвятыя Богородицы 1691 г. Что касается литургіи собственно уніатской, — то кромѣ самыхъ славянскихъ уніатскихъ служебниковъ, заковытъ у насъ подъ руками находится нѣсколько редакцій: Львы Книжки 1732 г., Аванасія Шептицкаго 1733 г., Супрасльскій 1758 г. и нѣсколько Почаевскихъ и др. — мы будемъ обращаться также къ уніатскому греческому Екхологіону 1754 г., издавшему съ разрѣшенія папы Бенедикта XIV. (*Euchologion sive Ordo divinis officii ritibusque, qui in hac parte imperialis discordant, in Roma & φ υ δ. 1754*). Отысканъ въ любарскомъ монастырѣ св. великомученика Георгія подъ буквою Е. № 12), — по которому потомъ тотъ же папа, по словамъ г. Наумовича, повелевалъ уніатамъ исправлять, а вмѣстѣ съ симъ, конечно, и издавать уніатскіе служебники и требники. (Под. Епарх. Вѣд. 1865 г. Вліяніе латинянъ на русиновъ и обряды русинской церкви. № 4, стр. 151); также къ постановленіямъ замойскаго собора и окружающему посланію Шептицкаго 1738 г., къ нѣкоторымъ уніатскимъ натихизисамъ и т. п.

(1) О богослуж. зап. цер. Серед. Статья первая, стр. 26.

ную молитву: „*Плещи моя вдова на рамы и ладниши мои на заушати; лица же мое не оторатися отъ студа залосниши*“. У латынянь къ наплевщику полагается другая молитва: „*Возложи Господи на главу мою щелемъ спасенія для отраженія дьявольскихъ нападений*“ (1). Но уніаты не рѣшились перенять отъ католиковъ, вмѣстѣ съ наплевщиномъ, и этой молитвы, потому что это было бы противорѣчіемъ общему характеру молитвъ, употребляемыхъ у насъ при облаченіи, которыя всѣ буквально занимаютъ изъ соотвѣствующихъ пророческихъ изреченій Ветхаго Завета:

Вмѣстѣ съ сѣмъ, по уставу нашей православной Церкви, священникъ, приготовляясь къ проскомидіи, вмѣстѣ съ другими священными облаченіями надѣваетъ и фелонь. Между тѣмъ, по уставу уніатскихъ служебниковъ фелонь берется послѣ проскомидіи, предъ началомъ литургіи; почему въ некоторыхъ служебникахъ даже молитва на облаченіе въ фелонь полагается послѣ проскомидіи. А почаевскіе служебники послѣднихъ годовъ XVIII в. (1765 и 1791 гг.), въ которыхъ облаченіе въ фелонь полагается на ряду, какъ и у насъ, дѣлаютъ по этому поводу замѣчаніе: „*сѣце по греческому обычаю здѣ іерей приемлетъ на ся фелонь, обаче у насъ привиде въ обычай по проскомисаніи тою вимати*“. Для объясненія этого обычая надобно припомнить, что проскомидіи у латынянь не существуетъ и католическій всендѣзъ начинается литургію непосредственно послѣ облаченія. Чтобы не отстать отъ католиковъ, уніаты сняли съ своихъ священниковъ фелонь во время проско-

(1) *Impone Domine capiti meo galeam salutis ad expugnandos diabolicos incursum.*

миди—дабы, онъ, облачаясь въ нее по окончаніи проскомиди, также точно начинать литургію непосредственно, если можно такъ выразиться, послѣ окончательнаго облаченія, какъ и католическіе священники. Особенно близкое и даже, можно сказать, совершенное подобіе латинскимъ ксендамъ, представляють въ этомъ случаѣ уніятскіе священники при совершеніи такъ называемой „литургіи чтемой“, когда они, непосредственно, послѣ проскомиди, одѣвшись тутъ же въ фелонъ, являютъся къ престолу сейчасъ съ священными сосудами и приготовленными дарами, какъ это всегда дѣлають священники католическіе при отправленіи своей литургіи. (1)

Что касается облаченія діакоцкаго, то, по уставу уніятскихъ служебниковъ, оно почти ничѣмъ не отличается отъ православнаго. Но есть въ уніятской церкви небольшая книжечка, отпечатанная 1788 г. въ Почаевской Лаврѣ, подъ заглавіемъ: „Чинъ діакоцкаго служенія въ священнодѣйствіи божественныя литургіи, на вечерни же и утрени іереевъ отъ служебника собранъ.“— въ этихъ книжечкахъ прежде всего полагается, что уніятскіе діаконы, также какъ священники, должны носить на литургіи наплечникъ, — молитва въ которому (*плещи Моя вѣдѣ на рамы...*) здѣсь предлагается также, какъ и въ обывновенныхъ служебникахъ для облаченія священническаго. Потомъ, по уставу упомянутой книжки, уніятскій діакоцъ надѣваетъ на себя подризникъ (обыкновенный священническій) и цокошь съ приличными этимъ одеждамъ молитвами и фодлою за тѣмъ уже даматику, или кашу діакоцскій стихарь и фара, *ничтоже, молю.*“

(1) Подробнѣе о читаемой уніятской литургіи смотри ниже—уніятскій „Чинъ Божественной литургіи чтемой.“

Причина этихъ разностей, безъ сомнѣня, та же, что и въ облаченіи священниковъ, т. е. подражаніе католикамъ, у которыхъ діаконъ дѣйствительно, какъ и священники, носить наплечникъ, подрезникъ и поясъ и затѣмъ уже, поверхъ всѣхъ этихъ одеждъ, надѣваютъ далматикъ, соответствующій нашему стихарю. Не менѣе интересно также, что въ помянутой книжицѣ, равно какъ и во многихъ древнѣйшихъ уніатскихъ служебникахъ, нѣтъ и помину о возложеніи діаконами нарукавицъ. Только новѣйшіе служебники почаевскіе дѣлаютъ замѣчаніе: „достойтъ же діакону по греческому обычаю и нарукавицы, якоже и у римлянъ діаконъ творить, налагати и тоже, еже и іерей глаголати.“

За тѣмъ изъ предложеннаго хлѣба уніатскіе священники изъемлютъ св. агнецъ, совершенно такимъ же образомъ, какъ и наши православные священники. Послѣ этого, по уставу православной Церкви, священникъ прободаетъ св. Агнецъ копіемъ, говоря: „единъ отъ воишь копіемъ ребра Ему прободе,“ и т. д. до словъ: „и истинно есть свидѣтельство ево,“—между тѣмъ какъ діаконъ наливаетъ въ чашу вино съ водою: *скупъ*, предложивъ напередъ для благословенія отъ священника. Такъ точно и по смыслу римскаго Евхологіона 1754 г. (1). Въ кievскихъ и львовскихъ православныхъ изданіяхъ КМП в. этотъ чинъ излагается такимъ образомъ: по прободеніи св. агнца съ словами: „единъ отъ воишь копіемъ ребра Ему прободе,“ діаконъ предлагаетъ священнику воду и вино (въ сосудѣ соединенно или въ два сосуда) на благословеніе, который и благословляетъ ихъ рукою крестообразно, продолжая: „и абіе изыде кровь и вода, и

(1) *Ευχολόγιον ἐν Ρώμῃ.*

т. д. " Въ это время діаконъ вливаетъ вино съ водою въ потиръ „единою, аще и не соединенно въ единомъ сосудѣ." Очевидно, что, какъ по нынѣшнимъ, такъ и по древне-изданнымъ православнымъ служебникамъ, и вообще по древнему чину восточной Церкви (1), вино и вода вливаются въ потиръ діаконами, и притомъ священнослужители обязываются главн. обр. вливать ихъ *εκυψ*: *ἐκ τοῦ ἕνεκτος ὁμοῦ ἐκ τοῦ ἕδατος* (2), хотя бы то и другое было и не въ одномъ сосудѣ, во исполненіе словъ Писанія, что, по прободеніи ребра Спасителя, *абіе*, т. е. разомъ, вмѣстѣ изыде кровь и вода. Не такъ совсѣмъ излагается этотъ чинъ въ служебникахъ уніятскихъ. По ихъ уставу священникъ самъ, и притомъ безъ благословенія, сначала вливаетъ въ чашу вино, говоря: „и *абіе* изыде кровь," потомъ благословляетъ воду и вливаетъ ее „вельми мало" въ потиръ съ словами: „и вода, и видивый свидѣтельствова и т. д." (3). Такъ до мелочныхъ подробностей подражаютъ уніаты католикамъ, у которыхъ именно вино и вода вливаются въ чашу (разумѣется въ своемъ мѣстѣ, не на проскомидіи) (4) одними священниками и притомъ отдѣльно одно отъ другаго и, сверхъ того, вино безъ благосло-

(1) См. *Ευχολογιον, sive rituale graecorum operum R. P. Iacobi Goar editio secunda, Venetis, 1730, стр. 58.*

(2) „Вмѣстѣ воду и вино." *Ευχολογιον ἐν Ρώμῃ 1754 г. стр. 28.*

(3) Въ своемъ окружномъ посланіи Шептицкій говоритъ объ этомъ такъ: „где суть тіе слова: „держа въ руцѣ отъ вина въ купѣ и воды въ сосудѣ соединенно, или вдна сосуда," напиши въ мѣсто ихъ тіе: „держа отъ вина и воды особъ въ двохъ сосудѣхъ и первіе вливаетъ въ святую чашу вино, потомъ же мало что отъ воды, сирѣчь двѣ или три капль."

(4) Впрочемъ и для уніатовъ, во время зимы, соборъ замойскій повелѣваетъ воду въ чашу вливать предъ пѣснію херувимскою (*Synod Zapłubusky стр. 67*).

венія, а вода съ благословеніемъ: deinde, т. е. послѣ дароприносительнаго антифона (offertorium), слѣдующаго за credo, sacerdos in cornu epistolae accipit calicem, purificatorio extergit et sinistra tenens illius nodum, accipit ampullam vini de manu ministri et ponit vinum in calicem. Deinde eodem modo tenens calicem, producit signum crucis super ampullam aquae et infundit parum aquae in calicem. (1).

Послѣ этого уніятскіе священники, какъ и наши православные, изъемятъ частицу въ честь Божіей Матери и, также какъ и у насъ, полагаютъ на дискосъ „одесную агнца.“ Затѣмъ, по древле—православному уставу, сохраняемому во всѣхъ православныхъ славянскихъ служебникахъ,—священникъ изъемятъ частицы въ память святыхъ и, по числу девяти ликовъ, изъемятъ ихъ девять,—для чего въ нашихъ служебникахъ полагается подробное раздѣленіе поминаемыхъ св. угодниковъ на девять ликовъ, съ показаніемъ, въ воспоминаніе какихъ святыхъ и когда должна быть полагается известная частица. Не такъ въ служебникахъ уніятскихъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что у уніятъ вообще для литургіи опредѣляется только одна просфора. „Части, отъ многихъ или отъ единыя просфоры изъемяемыя,“ говоритъ уніятскій катихизисъ: *Народовѣщаніе*, „воспоминаніемъ

(1) Послѣ этого священникъ на сторонѣ посланія, т. е. на той сторонѣ, на которой ксенды читаютъ апостолъ (у католиковъ, какъ известно, апостолъ читается на одной сторонѣ престола, а евангеліе на другой), беретъ чашу, вытираетъ ее платомъ и держа ее лѣвою рукою за рукоятъ, беретъ у служителя стляницу съ виномъ (замѣчательно, что и до сихъ поръ еще въ Западной Россіи, сосуды, въ которыхъ подается вино и вода для литургіи, называются *ампуллами*—ampullae) и вливаетъ вино въ чашу. Потомъ, держа такимъ же образомъ чашу, дѣлаетъ знакъ креста надъ стлянкою воды и вливаетъ *немногъ* воды въ чашу.

суть во-первыхъ Пречистия Богородицы, таже по ней прочихъ святыхъ" (1). Тамъ, гдѣ у насъ положительно обозначаются всѣ пять просфоръ: „священникъ же пріемъ въ рудъ вторую просфору, таже пріемъ третью, пятую и т. д.,—въ униятскихъ служебникахъ только полагаютъ ся общія выраженія объ изыятіи частицъ: „воземъ взимаемъ часть богородичну, таже начинаетъ полагати части въ память святыхъ“ и т. д. Поэтому униаты и доселѣ служатъ, вмѣсто пяти, какъ у насъ, только на одной просфорѣ. Такимъ же точно образомъ въ униятскихъ служебникахъ не обозначается девятиричное число частицъ, которыя надобно полагать въ воспоминаніе свягодниковъ,—и всѣ тѣ мѣста, гдѣ у насъ положительно говорится объ изыятіи всѣхъ девяти частицъ отдѣльно: „и воземъ первую частицу, и тако полагаетъ третью частицу, и тако воземъ девятую частицу,“—у униатовъ собраны въ одно общее выраженіе: „таже начинаетъ полагати части въ память святыхъ на лѣвой странѣ агнца,“ какъ и вообще нѣтъ у нихъ подобнаго нашему раздѣленія поминаемыхъ угодниковъ на девять чиновъ,—въ слѣдствіе чего въ униятскихъ служебникахъ всѣ они исчисляются въ одномъ непрерывномъ порядкѣ, вмѣстѣ, нераздѣльно.

Правда, въ нѣкоторыхъ униятскихъ катехизисахъ можно найти указаніе на девятиричное число частицъ „на двоекосъ прилагаемыхъ къ агнцу по числу девяти ликовъ,“ которыя, какъ говоритъ „Народовѣщаніе,“ „воспоминаютъ и изображаютъ ясныя праведныхъ со Христомъ

(1) Стр. 93.

на небѣ общеніе!“ (1) Но это указаніе находится только въ катихизисахъ, и только въ немногихъ. Между тѣмъ священникъ долженъ служить по служебнику и, безъ сомнѣнія, не находя въ немъ указанія на девятиричное число частицъ, можетъ полагать ихъ по произволу, сколько угодно, а въ другое время, пожалуй, и вовсе не полагать, какъ это теперь и дѣлаютъ уніаты и даже нѣкоторые изъ воссоединенныхъ священниковъ Западнаго края Россіи. (2) Защитники неопредѣленнаго числа частицъ могутъ сослаться на Гоара, у котораго, повидимому, тоже нѣтъ указанія на девятиричное число частицъ, равно какъ и раздѣленія святыхъ на девять ликовъ. Но это только въ его общемъ изложеніи проскомидіи. Въ своихъ— *variae lectiones* (разныя чтенія) подъ буквою: γ, онъ приводитъ извлеченіе изъ венеціанскихъ изданій (*ve-neta*), которыя, какъ извѣстно, были исполняемы большою частію для церквей восточныхъ, по заказу восточныхъ христіанъ: тамъ не только есть указаніе на девять частицъ: *καὶ τίσσσι δευτέρων μερίδα, καὶ αἴρου πέμπτου με-*

(1) Стр. 93.

(2) Да и сами уніаты, говоря въ Народовѣщаніи о девятиричномъ числѣ частицъ, полагаемыхъ въ честь св. угодниковъ, не настаиваютъ на непремѣнное изъиманіе ихъ: „обаче“ говоритъ тоже Народовѣщаніе, изъ котораго выше приведеи мы свидѣтельство о девятиричномъ числѣ частицъ, „нѣсть глго оставляющимъ сія, т. е. изъиманіе частицъ, поношати: образъ бо токмо и указаніе суть, а не сама жертва. Тѣмже и римская церковь, *(это особенно рекомендуемъ мы замѣтити уніатамъ)*, въ нейже (по свидѣтельству Гоара, отъ епископіи Иннокентія 1-го, и отъ древнихъ литургісанаіа образовъ, Гугономъ Менадромъ собранныхъ, взятимъ) подобнѣ изъ начала прилагати частицы бѣ обычай, отложивши той, не погрѣши, твердо вѣрующе, яко и крошѣ частицъ, отъ едлага агнца, въ немже всецѣла совершается жертва, тѣхже сподобляются благодатей и даровъ тѣи, иже іерей римскій поминаетъ глаголю: пріими святая Троице сіе приношеніе, еже тебѣ приносимъ въ воспомианіе и проч.“ (стр. 93—94).

ρίδα, καὶ τίθεισιν τὴν ὀρθοῦν μέριδα et cetera (1), но и подобное нашему раздѣленіе святыхъ на девять чиновъ: εἶτα λέγει: τῶν ἐν ἀγίοις πατέρων ἡμῶν et cetera. Et elevans quartam particulam ponit eam juxta primam faciens secundum ordinem..... Μετὰ δὲ ταῦτα λέγει τῶν ἀγίων καὶ θαυματουργῶν ἀναργύρων et cetera, et elevans septimam particulam, ponit eam superius и т. д. (2). Такое же раздѣленіе находимъ и въ римскомъ Евхологіонѣ 1754 г. (3)

Кромѣ этого въ нѣкоторыхъ уніятскихъ служебникахъ, особенно времянь Кишки и Шептицаго, въ концѣ проскомидіи, прилагается небольшое примѣчаніе подъ заглавіемъ: „Увѣщаніе Іереєви о частяхъ.“ Изъ этого увѣщанія мы узнаемъ, что „многія части на дискосѣ полагати и не всегда потребно есть..... довѣсть къ литургісанію самъ точію агнецъ на дискосѣ предложить безъ частей, или съ нѣкими частями, си есть часть Богородициу едину, часть вмѣсто девяти чиновъ едину.... и т. д. Въ основаніе этого постановленія Glos kapituły Chelmskiey полагаетъ ту мысль, что „отсюда, т. е. отъ положенія частиць, можетъ случиться смѣшеніе хлѣба неосвященнаго съ освященнымъ и причащеніе вѣрующихъ не тѣломъ Христовымъ, а прѣстымъ веществомъ природы.“ „Точію егда мнози будутъ людіе къ причащенію уготовльшися, продолжаетъ

(1) И подаетъ вторую часть,—и взявши пятую часть,—и полагаетъ восьмую часть..... Εὐχολογ. Goar. стр. 71.

(2) Потомъ говоритъ: иже во святыхъ отецъ нашихъ и пр. и вышущи четвертую часть полагаетъ ее возлѣ первой, дѣлая второй рядъ... Послеъ этого читаетъ: святыхъ и чудотворцевъ, безсребренниковъ и пр. и вышущи седьмую часть полагаетъ выше и т. д. Εὐχολογ. Goar. стр. 71.

(3) Ἐπειδὴ πρὸς τοῦτοις λέγει: τῶν ἐν ἀγίοις πατέρεσσι ἡμετέροις ἀρχιεπισκόποις.... et cetera.... Καὶ ὕτως ἄλλων καὶ τὴν ἐνάτην μέριδα.... Еще же къ сему говоритъ: иже во святыхъ отца нашего Іоанна..... и так. обр. изъясняя девятую часть.... Εὐχολ. ἐν Ρώμῃ, стр. 29—30.

помянутое увѣщаніе о частѣхъ, вѣтаково только время прилично есть, полагати всѣ части 9-ти чиновъ. Такожде и за живыхъ и мертвыхъ елико будетъ на потребу къ причащенію, могутъ ся полагати многія части, яже подобаетъ Іерееви вся купно съ Агнецемъ на литургии освятити, и къ освященію намѣреніе имѣти. Аще же ни единъ будетъ къ причащенію готовящійся..... въ такое время толикое множество частей полагати на дискохъ есть безчинно и бвзвѣстно.“ Но это только мнимый, благоидный предлогъ, за которымъ униаты стараются скрыть совершенно другую заднюю мысль, — какъ можно далѣе удалиться отъ православія и пристать къ латинству. Первое, впрочемъ, они формально заявили на соборѣ Замойскомъ, на которомъ между другими узаконеніями объ Евхаристіи они постановили: „Хотя тѣ частицы, которыя полагаются возлѣ великаго агнца (wielkiej hostyi) въ честь Пресвятой Дѣвы и др. святыхъ, не могутъ быть принимаемы за освященные, если священникъ не будетъ имѣть намѣренія святить ихъ, однако, поелику скизматики (т. е. православные) полагають, что не нужно ихъ освящать, какъ это видно изъ многихъ ихъ служебниковъ, то св. соборъ постановляетъ и повелѣваетъ, чтобы эти части всегда были освящаемы и съ этихъ поръ раздаваемы при приобщеніи другихъ людей“ (1). Что касается отношенія помянутаго постановленія къ латинству, то оно открывается изъ самаго существа дѣла. Известно, что латиняне, если имѣть причастниковъ, освящаютъ только одну великую *hostiо*; когда же случатся причастники, то по числу ихъ готовятъ определенное ко-

(1) Synod Zamójsky, стр. 61—62.

личество малыхъ гостій, которыми потомъ и причащаютъ желающихъ (1). Этотъ то обычай захотѣли перевести въ свою литургію уніаты, постановляя вовсе не полагать частицъ, въ случаѣ отсутствія причастниковъ, и полагать ихъ только тогда, когда послѣдніе наводятся, „слико будетъ на потребу.“ Въ такомъ случаѣ частицы будутъ занимать мѣсто малыхъ гостій римскихъ..... Дальнѣйшія свѣдѣнія очевидны.

Что касается дагѣ самого содержанія молитвъ, полагаемыхъ въ уніатскихъ служебникахъ на извѣтніе частицъ въ честь девяти чиновъ, то здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза совершенное отсутствіе св. угодниковъ церкви русской вопреки всѣмъ славянскимъ служебникамъ древле-русскимъ. Мѣсто ихъ здѣсь занимаетъ Иосафатъ, котораго уніаты поминаютъ наряду съ восточными святителями, подъ именемъ блаженнаго священномученика. Но особенно замѣчательную особенность представляютъ въ этомъ случаѣ уніатскіе служебники въ началѣ поминуты молитвы. У насъ она обыкновенно начинается поминованіемъ „Честнаго славнаго Пророка и Предтечи Іоанна и т. д.“ Такъ и у Гоара въ трехъ экземплярахъ приводимой имъ Златоустовой литургіи (2). Такъ и въ римскомъ Енхологіонѣ 1754 г. (3). Только въ одномъ экземплярѣ, который Гоаръ, какъ самъ говоритъ онъ, открылъ въ библиотекѣ христіаннѣйшаго государя, т. е. императора австрій-

(1) См. О Богоел. Зап. Церкви Средняскаго ст., 3, стр. 76.

(2) Ordo sacrae ac divinae missae. Sancti Patris nostri Ioannis Chrysostomi; aliud exemplar Chrysostomianae liturgiae, qua Monachi Græci in occidentis partibus Romae, Campaniae, Calabriae, Apuliae, Siciliae, et aliis utuntur..... aliud exemplar liturgiae Chrysostomi ejus aperibus insertum.

(3) Бухол. в. Рбмр стр. 28.

скаго (1), онъ нашелъ предъ поминовениемъ Предтечи слова: *διναίμε τῶν τιμῶν ζωοποιῶν σταυροῦ, προσκίαις τῶν ἐπιφανῶν διναίμεων ἀσσομάτων* (2). Эти слова удержали въ своихъ служебникахъ и уніаты, у которыхъ воспоминаніе святыхъ также, какъ и тамъ, предваряется словами: „Силою честнаго и животворящаго креста, честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ,“ и затѣмъ уже поминовение Предтечи и другихъ святыхъ. Надобно думать, что эта прибавка была также въ древнихъ западно-русскихъ служебникахъ, которые исправлялъ Петръ Могила; въ слѣдствіе чего онъ считалъ необходимымъ оговориться и представить основанія, заставившія его оставить эту прибавку въ своемъ служебникѣ. Ученый пастырь находитъ для этого нѣсколько доказательствъ, которыми воспользуемся и мы для обличенія своихъ противниковъ. „Аде ся то опустило,“ говоритъ онъ, для того, „же въ жадномъ грецкомъ, также и въ давнихъ нашихъ рукописныхъ старыхъ и въ теперешнихъ московскихъ, друкованныхъ (печатныхъ) служебникахъ тѣ слова не находятъ. Слушность тежь самая (самое дѣло) не позволяетъ ижъ то ся маеть положить на томъ мѣстцу въ проскомидіи,“ — и далѣе прибавляетъ, что это не можетъ быть именно потому, что это противорѣчитъ общему характеру или точнѣе назначенію; въ силу котораго совершается поминовение святыхъ на проскомидіи. „Въ выймованю частни пресвятое Богородицы и девяти чиновъ,“ говоритъ онъ, „не иншій интенціи скутокъ есть, только взыванне и молитвы чинити до святыхъ божіихъ.... абы ихъ молитвами прием-

(1) Евхол. Гоар. Стр. 77.

(2) Силою честнаго и животворящаго креста, предстательствомъ небесныхъ силъ безплотныхъ. Евхол. Гоар. Стр. 78.

нѣйшая Богу Сына Его безкровная офѣра зъ негодныхъ рукъ нашихъ отдана была.“ а сила животворящаго креста молиться за насъ не можетъ, потому что она естъ самъ Иисусъ Христосъ Спаситель нашъ;—въ слѣдствіе чего и словъ, въ которыхъ сила эта воспоминается, „заживати не можемо.“ Съ другой стороны, изимая девять частицъ на проскомидіи въ воспоминаніе святыхъ Божіихъ, мы этимъ, по словамъ Петра Могилы, выражаемо девять хоровъ ангельскихъ..... „Сила зась Животворящаго Креста Христосъ Спаситель нашъ не межи (между) девятми чинами маестать (бытіе) свой маеть,..... въ слѣдствіе чего, выражаючи девять чиновъ ангельскихъ тѣхъ словъ—силою Животворящаго креста мовити не маемо, гдыжъ оные хору ангельскаго не выражаютъ.....“ Извѣстно также, продолжаетъ Могила, что подобное поминаваніе святыхъ, какъ и на проскомидіи, священникъ совершаетъ по *изрядно*,—но тамъ силы Животворящаго Креста не поминаетъ, „але тылькыъ взываетъ святыхъ Божіихъ,“ поэтому и на проскомидіи она поминаема быть не должна. Наконецъ, говоритъ Петръ Могила, по словамъ блаженнаго Августина, на олтари приносится жертва, которою чрезъ Христа Спасителя Церковь искуплена (Книга 10 о градѣ Вожіемъ, гл. 6 и въ кн. 22, въ гл. 10),—а Церковь св. апостолъ Павелъ называетъ тѣломъ Христовымъ (Римл. гл. 2, зач. 109) и для того, чтобы „она зупелне (совершенно) выражалася откупленною, Богоносніи отцы постановили абы части въ честь и память святыхъ Божіихъ и по нихъ за живыхъ и умершихъ выймовалыся,..... а сила честнаго креста, Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ, не належитъ, яко члонокъ (членъ) якій зъ тыхъ до тѣда,—въ якуужь

теды (тогда) память частка за тыми словами: силою Честнаго и Животворящаго креста, выйшоватыся быся мѣла?" Внесеніе этихъ словъ въ служебники Петръ Могила приписываетъ *неукама* тогдашнимъ львовскимъ корректорамъ, альбо рачей (говоря другими словами), какъ онъ выражается, коррупторамъ, которымъ, безъ сомнѣнія, никто, разумѣется, въ томъ числѣ и уніаты при изданіи своихъ служебниковъ подражать не должны были (1).

Въ поминовеніи живыхъ и умершихъ уніаты по обычаю прежде всего ставятъ папу, а поминовеніе „ихъ же имать (священникъ) живыхъ,“ въ уніатскихъ служебникахъ предваряется молитвою, которой нѣтъ въ нынѣшнихъ нашихъ служебникахъ: „*Господи Іисусе Христе, приими жертву сію во оставленіе грѣховъ рабу или рабомъ твоимъ имя рекъ.*“ Поминовеніе умершихъ и самаго служащаго почти тоже, что и у насъ, если не включать сюда нѣкотораго различія въ содержаніи самыхъ молитвъ, на эти случаи полагаемыхъ. Такъ у насъ поминовеніе умершихъ начинается обыкновенно поминовеніемъ патриарховъ, царей и т. д. А у уніатовъ оно ограничивается поминовеніемъ епитимовъ храма и за тѣмъ усопшихъ „ихже священникъ хоцеть.“ Что до молитвы за служащаго, то послѣ общаго съ нами призванія: „*помяни Господи,*“ у уніатовъ прилагается еще „*по мношимъ щедротамъ твоима*“ и за тѣмъ уже слѣдуетъ „*мое недостойнство,*“ какъ и у насъ. Впрочемъ о всѣхъ этихъ разностяхъ замѣтимъ, что онѣ не новыя и кромѣ этого были въ старинныхъ православныхъ служебникахъ западнорус-

(1) См. Предмова до чительяника. Киевск. служебникъ 1639 г.

скихъ, какъ это можно видѣть въ служебникѣ Петра Могилы и львовскихъ служебникахъ XVII вѣка (разумѣется выключая отсюда поминовение папы). И какъ эти разности не касаются собственно сущности проскомидіи, то мы и оставимъ ихъ безъ особыхъ изслѣдованій. Замѣтимъ только, что въ Римскомъ Евхологіонѣ 1754 года весь чинъ поминовения живыхъ и умершихъ, равно какъ и самаго служащаго излагается совершенно какъ и у насъ (1). Напротивъ того, у Гоара во всѣхъ экземплярахъ приводимой имъ литургіи св. Златоустаго помянутыя разности не только не находятся, напротивъ того во всѣхъ этихъ экземплярахъ представляются своего рода разности, не только не похожія на чинъ уніятскій, но и на нашъ нынѣшній православный. Видно, что въ этомъ дѣлѣ, какъ не касающемся существа литургіи, Церковь не строго наблюдала единообразіе, за отсутствіе котораго, разумѣется, намъ нечего обвинять уніатовъ, тѣмъ болѣе, что тутъ они до буквы остаются вѣрными древнему чину православныхъ служебниковъ западнорусскихъ (2).

Оканчивается проскомидія у уніатовъ также, какъ и у насъ. Отличіе состоитъ только въ томъ, что по уніятскому чину священникъ самъ влагаетъ еуміамъ въ кадильницу, для кажденія. Между тѣмъ, по нашему, это дѣлаетъ диаконъ, а въ его отсутствіи пономарь. Обычай этотъ уніаты переняли у тѣхъ же католиковъ, которымъ вообще они обязаны всѣми своими нововведеніями, потому что извѣстно, что, по римскому чину, никто не имѣетъ права влагать еуміама въ кадильницу, кромѣ священника, который троекратно беретъ его

(1) Евхол. в Рѣмѣ, стр. 30.

(2) Сравн. уніатск. службы. съ служ. Могилы 1629 г. Львовск. 1691 г.

особою лжицею и полагаетъ въ кадилъницу, читая молитву и благословляя правою рукою (1). Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ уніятскимъ служебникамъ, должно думать, что у уніятвъ вообще не всегда и не на всякой литургіи совершается кажденіе. На эту мысль наводитъ насъ прежде всего совершенное отсутствіе устава объ этомъ кажденіи, особенно въ служебникахъ Кишки и Шептицкаго. Почаевскіе служебники 1765 и 1791 годовъ, которые говорятъ о кажденіи діакономъ предложенія, трапезы и всего храма, тутъ же сейчасъ послѣ отпуста замѣчаютъ, что это діаконовъ дѣлаетъ только тогда, „аще спѣвана имать быти служба.“ Значитъ на читанной литургіи кажденіе у уніятвъ не полагается, — и на ней, какъ и на гласной литургіи, какъ говорятъ служебники Кишки и Шептицкаго, „Церей, сотворивъ отпустъ, по семь облачится въ фелонь и глаголя псаломъ 50-й: *помилуй мя, Боже*, приходитъ предъ св. трапезу, отверзаетъ царскіе врата“ и тотчасъ непосредственно „начинаетъ литургію,“ — конечно въ подражаніе католикамъ, которые вообще никакого кажденія предъ обѣднею не знаютъ. Кассіанъ Саковичъ, извѣстный поборникъ латинскаго обряда XVII вѣка въ своей „Перспективѣ“ (2) говоритъ прямо, что „литургія можетъ быть и безъ кажденія“. Вѣдь извѣстно, пишетъ онъ, что Господь Иисусъ Христосъ не кадилъ на послѣдней вечери, а потому кажденіе не составляетъ существа литургіи (*non est de essentia missae thurificatio*), преимущественно литургій частныхъ.

(1) О богослуж. западн. церкви статья 4, стр. 18.

(2) *Perspectywa błędów, herezji i zabobonów cerkwi Ruskiej tak w artykułach wiary, jak w administrowaniu sacramentów i innych obrządkach i ceremoniach znajdujących się. Kraków, R. 1642.*

Мы не можем ничего лучшего сказать противъ этого, какъ что говоритъ авторъ *Λιβος*'а (1) извѣстный обличитель Саковича XVII вѣка. „Какъ я вижу, придетъ о. Евсеѣй Пимень, (2) помянутый авторъ *Λιβος*'а, не нужно лучшаго Кровицкаго (3) чѣмъ ты, ни даже самаго Кальвина; ибо только они говорятъ объ обрядахъ, что они ненужны, потому что Иисусъ Христосъ при послѣдней вечери своей не совершалъ ихъ... По твоему выходить, что литургію можно безъ всего совершать, и тогда дѣйствительно она не могла бы быть короче, если бы ты, какъ министръ какой, сталъ служить, положивши хлѣбъ и вино на престолѣ, и произнеся надъ ними слова Христовы, на томъ и кончилъ бы обѣдню. Да у христіанъ кромѣ того не можетъ быть и литургіи приватной, а только одна, на которой хлѣбъ и вино освящаются и приносятся въ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа за живыхъ и умершихъ и подаются вѣрнымъ во спасеніе... А потому и кажденіе, которое

(1) Полное заглавіе этой книги слѣдующее: *Λιβος*, albo kamien z praeszy istinney cerkwi swiętey, prawoslawney Ruskiey, na skruszenie falesznosciemney perępęctiwuy od Kassiana Sakowicza, byłęgo przed tym kiedys' Archimandrity Dubienskiego, unita, jakoby o błędach, heresiach i zahobonach cerkwi Ruskiey w unii nie będącey, tak w artykułach wiary, jako w administrowaniu Sakramentów i inszych obrządkach i seremoniach znajdujących się, roku P. 1642, w Krakowie wydanęgo, wypuszczony. Przez pokornęgo oysa Eusebia Pimina, w monasteru S. Lawry Piesczarskiey Kijowskiey. A. D. 1644.—

(2) Это не болѣе ни мѣше, какъ псевдонимъ, въ которомъ библиографъ нашъ, на основаніи ближайшихъ къ тому времени свидѣтельствъ, справедливо видитъ Петра Могилу, тогдашняго митрополита кievскаго, избравшаго эти нарицательныя слова: *εὐσεβής ποιητής*—благочестивый или православный пастырь—своимъ псевдонимомъ. Рук. для с. п. 1860 г. т. 2, стр. 238.

(3) Вѣроятно, какойнибудь современный автору еретикъ, или прежде его бывший, извѣстный своими нападками на высшіе обряды; такихъ особенно много было въ XVII в. между польскими соцініанами.—

совершается по особливому установленію Христа, присутствующаго въ таинствахъ, можетъ быть совершаемо какъ въ обыкновенные дни, такъ и въ праздничные, потому что не иной Христосъ есть въ тайнахъ въ праздничные дни, а другой въ будніе, но одинъ и тотъ же, котораго всегда одинаковымъ образомъ надо хвалить и почитать.“

„Ктому же, продолжаемъ словами *Λιδος'*, сами ваши катихизисты учатъ, что если бы священникъ опустилъ хотя одну изъ церемоній, принадлежащихъ къ литургіи, хотя бы они не принадлежали къ существу литургіи, — грѣшилъ бы смертельно потому, что преступилъ бы заповѣдь церковную. А уніаты ваши, въ наставленіяхъ о совершеніи литургіи, которыя положили въ своемъ служебникѣ, выданномъ въ Вильнѣ, о кажденіи такъ написали: наконецъ должна быть свѣча, хоть бы одна, и кадило само по себѣ, т. е. ладанъ или смѣшанное съ можжевеликомъ; потому что самымъ можжевеликомъ безъ кадила не годится кадить на литургіи. Иначе, если бы священникъ сталъ служить безъ свѣчи и кадила, грѣшилъ бы смертельно. Апостановленія какъ въ литургіяхъ св. Василія Великаго и Златоустаго, такъ равно и въ преждеосвященной, въ извѣстныхъ времена повелѣваютъ кадить. И какъ всѣ обряды вмѣстѣ и каждый отдѣльно имѣютъ свое таинственное значеніе, такъ точно и кажденіе. Въ свидѣствіе этого, если бы священникъ не кадилъ при литургіи, вопреки церковному повелѣнію и освященному и непрерывному обычаю, то такой священникъ грѣшилъ бы“ (1).

Тоже самое должны мы сказать и объ отсутствіи въ уні-

(1) *Λιδος'*, стр. 124—128.

ятскихъ служебникахъ постановленія о кажденіи воздуховъ предъ покрытіемъ св. Даровъ. Это—нарушеніе древняго обычая и явное приспособленіе къ католикамъ, у которыхъ кажденія воздуховъ никогда не полагается.

Наконецъ, къ довершенію католицизації, уніаты въ нѣкоторыхъ своихъ служебникахъ послѣ проскомидіи помѣщаютъ особенное „увѣщаніе іереомъ“ и за тѣмъ двѣ молитвы: одна — „въ кратцѣ освятити воду,“ а другая „на освященіе дому,“ на случай, когда бы Іерееви понадобилось „потребы ради или нужды коея литургисати въ дому нѣкоего благороднаго нарочита мужа, или на иномъ мѣстѣ неосвященномъ.“ Тогда, по наставленію увѣщанія, священникъ „прежде зачатія проскомидіи, аще нѣсть тамо воды священныя, да освятитъ ю молитвою, яже есть въ кратцѣ; посемь прочтетъ молитву на освященіе дому, и кропитъ водою священною домъ и мѣсто, на немже есть олтарь украшенъ, и предстоящихъ, и тако проскомидію начинаетъ и литургію совершаетъ. Обаче на таковое литургисаніе, замѣчаетъ подь конецъ увѣщаніе, потребно есть благословеніе архіерейское; кромѣ благословенія архіерейскаго никакоже іерей да дерзаетъ литургисати въ дому особномъ“. Это—постановленія тоже церкви латинской, въ которой служеніе въ домахъ пановъ,—ради вообще латинской церкви свойственнаго человѣкоугодничества, допускается закономъ официально. Извѣстно, что у насъ священнослуженіе въ частныхъ домахъ разрѣшается только подь условіемъ устроенія въ нихъ неподвижныхъ храмовъ (домовыя церкви) и если разрѣшается въ частныхъ домахъ служить военнымъ священникамъ, то всегда тѣ дома, въ которыхъ они служатъ, на время превращаются въ церкви въ собственномъ смыслѣ, этого слова,

потому что здѣсь всегда ставится особенный иконостасъ, и что всего важнѣе, походный престолъ, совершенно освящаемый по правиламъ усвоаемымъ престоломъ неподвижнымъ (1) церковнымъ.

В. Уніятская Литургія Св. Іоанна Златоустаго и Василія Великаго.

Въ составѣ уніятской литургіи, какъ вообще въ церковныхъ чинахъ, искаженныхъ уніятами, надобно отличить два рода отступленій: одни общія въ цѣлостномъ содержаніи литургіи, другія въ особыхъ отдѣльныхъ частяхъ ея.

Къ перваго рода отступленіямъ прежде всего принадлежитъ извѣстнаго рода сложеніе и разложеніе рукъ, полагаемое уніятами въ разныхъ мѣстахъ литургіи, особенно на ектеніяхъ и при чтеніи нѣкоторыхъ молитвъ. Такъ въ началѣ первой великой ектеніи въ уніятскихъ служебникахъ говорится: „И абіе Іерей втай, діаконъ же велегласно глаголетъ ектенію, руцѣ держаще при персѣхъ совокупленніи.“ Подобное замѣчаніе полагается при началѣ сугубой ектеніи; предъ чтеніемъ ектеній, послѣ великаго входа и освященія даровъ и на заключительной ектеніи, что послѣ причащенія. Такимъ же точно образомъ о маломъ входѣ замѣчается, что „діаконъ и священникъ исходятъ сѣверною страню,“... „Іерею держащу руцѣ совокупленніи при персѣхъ;“ въ

(1) Мы слышали, что въ настоящее время уніаты проскомидіи не совершаютъ, а просто священникъ беретъ дома просфору, вырѣзываетъ изъ нея обыкновеннымъ ножомъ агнецъ и съ нимъ отправляется въ церковь, гдѣ облачившись начинаетъ прямо литургію.—А что такъ дѣлали бывшіе русскіе уніаты до воссоединенія,—это фактъ несомнѣнный.

такомъ же видѣ по уніятскому уставу читаетъ священникъ молитву Трисвятаго: *Боже святый, иже на святыхъ почиашъ*, молитву послѣ молитвы Господней: *Благодаримъ тя царю невидимый*, и др. Видѣтъ съ сими не меньшую роль въ уніятскихъ служебникахъ играютъ и распростертія рукъ. Здѣсь мы не будемъ касаться распростертія, равно какъ и совокупленія рукъ, которыя у уніятвъ полагаются при освященіи даровъ и приобщеніи Св. Тайнамъ; обзоръіе этого рода совокупленія и распростертія войдетъ въ составъ обзоръіа особыхъ частей литургіи. Распростертіе рукъ, равно какъ и совокупленіе ихъ находится и внѣ этихъ частей. Такъ, оно полагается при концѣ молитвы Трисвятаго... когда священникъ начнетъ произносить: *Яко святъ еси Боже нашъ*, и „егда дойдетъ до словъ: *и Святому Духу*“, обращая къ людямъ рудъ распростеръ глаголетъ: *и мнѣ и присно*.“ Такое же дѣйствіе полагается на возгласѣ послѣдней ектеніи предъ херувимскою пѣснью и др. Для большаго возбужденія въ священникахъ вниманія къ этому рода распростертіямъ и сложеніямъ рукъ, въ большей части уніятскихъ служебниковъ полагаются живописныя изображенія рукъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это нужно, показывающія, гдѣ и какую форму давать имъ.“

Знакомые съ составомъ католической миссы знаютъ, что сложеніе и распростертіе рукъ составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ ея принадлежностей. Уніаты положили соединеніе рукъ въ началѣ литургіи во время великой ектеніи, потому что такъ, т. е. съ соединенными руками начинаютъ миссу латинскіе ксендзы: „*Sacerdos paratus... cum agreditur ad altare... signat se signo crucis... et clara voce dicit: in nomine Patris et cet...*

deinde junctis manibus profunde inclinatus facit confessionem⁽¹⁾. Въ такомъ же точно отношеніи къ латинской миссѣ находятся и другія совокupленія рукъ, полагаемыя уніями въ разныхъ мѣстахъ икъ литургіи. Это — подражаніе подобнымъ совокupленіямъ, которыя во множествѣ разсѣяны въ латинской миссѣ. Что до распростертія рукъ на возгласахъ: „яко святъ еси Боже нашъ,“ и на послѣднемъ возгласѣ предъ херувимскою пѣснью, то это буквальное подражаніе подобнымъ распростертіямъ, которыя у католиковъ полагаются на литургіи до освященія даровъ, — одно предъ чтеніемъ Апостола и Евангелія; послѣ „слава въ вышнихъ Богу:“ dicto hymno: *gloria in excelsis... celebrans osculatur altare et cet... et extendens ac jungens manus ante pretus dicit: dominus vobiscum et cet...* (2), другое предъ началомъ такъ называемаго offerterium (3), которое у католиковъ отчасти соотвѣтствуетъ нашему великому входу: dicto symbolo... celebrans vertit se ad populum, et extendens et jungens manus, dicit: *dominus vobiscum, postea dicit: oremus, et offerterium* (4).

Подъ эту же категорію надобно отнести также особеннаго рода поклоненія, полагаемыя уніями во время

(1) Священникъ, приготовившись, когда придетъ къ престолу, замѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и яснымъ голосомъ говорить: во имя Отца.... Потомъ, соединивши руки и глубоко наклонившись, произносить исповѣданіе.

(2) По прочтеніи гимна: Слава въ вышнихъ Богу, служащій цѣлуетъ алтарь и пр. и распростирая и соединяя руки предъ грудьми, говорить: Господь съ вами.

(3) Приношеніе.

(4) По прочтеніи символа... служащій обращается къ народу и, распростирая и соединяя руки, говорить: Господь съ вами, — помолимся, и дароприносительнымъ антифонъ.—

пѣнія: „Единородный Сынъ“ и „Вѣрую во единого Бѣга.“
Такъ о пѣніи *Единородный Сынъ* въ уніятскихъ служеб-
никахъ замѣчается: „пѣвцы поютъ, Іерей же съ діако-
номъ знаменяся, тихо глаголють: *Слава и нынь, Едино-
родный Сынъ... до спасенія нашею ради. И поклоняются,*
тихо глаголюще: *воплотитися отъ Св. Богородицы* и т. д.“

Такое же замѣчаніе находимъ и относительно символа
Вѣры предъ словами: „и *воплотившійся отъ Духа Свя-
та....*“ Справляемся съ латинскимъ миссаломъ, и на-
ходимъ, что тамъ, во время чтенія символа Вѣры, предъ
словами: *et incarnatus est de Spiritu Sancto* (1), постав-
ляется замѣчаніе: *hic genuflectitur*, т. е. священникъ
колѣнопреклоняется. Что до поклоненія, полагаемаго во
время *Единородный Сынъ*, то оно поставлено вѣроятно
въ соотвѣтствіе тѣмъ поклоненіямъ, которыя у лати-
нянъ полагаются на литургіи оглашенныхъ, во время
пѣнія: *Слава въ вышнихъ Богу*; — *cum dicit (sacerdos)*
*adoramus te: gratias agamus tibi, et lesu Christe, susci-
pe deprecationes nostras. et cet... caput etudi inclinat.* (2)

Другую отличительную черту въ составѣ уніятской
литургіи составляетъ исключеніе діаконовыхъ возгласовъ,
въ родѣ, наприм. „возьми Владыко, *благослови Владыко*
св. хлѣба“ и др. Это сдѣлано въ подражаніе католикамъ,
у которыхъ діаконы только прислуживаютъ да читаютъ
еще Апостоль, но нигдѣ не дѣлаютъ никакихъ особен-
ныхъ возгласеній, ни на литургіи, ни на другихъ час-
тяхъ богослуженія.

Но особенно важную статью въ составѣ уніятской

(1) И воплотившагося отъ Духа Святаго.

(2) Когда говоритъ священникъ: кланяемся Тебѣ,—благодаримъ Тебя,
и: Іисуса Христа пріими молитвы наша и пр.... преклоняетъ голову
предъ крестомъ.

литургіи составляютъ разности, какоюиціея состава и расположенія нѣкоторыхъ молитвъ, равно какъ и совершенія нѣкоторыхъ обрядовыхъ дѣйствій, полагаемыхъ въ литургіи. Первое мѣсто, въ этомъ отношеніи, занимаютъ такъ называемыя ежедневныя антифоны: „*благоесть исповѣдатися... Господь воцарися, въ лѣноту облечеса, и приидите возрадуемса Господесю...*“, которые въ уніятскихъ служебникахъ полагаются вмѣсто обыкновеннаго у насъ чтенія или пѣнія: „*Благослови душе моя Господа,*“ — „*хвали душе моя Господа*“ и „*блаженныахъ*“. Въ слѣдствіе этого, въ служебникахъ, которые, какъ мы уже сказали, приспособлены для отправления обѣдни безъ содѣйствія другихъ богослужебныхъ книгъ, — о „*блаженныахъ*“ нигдѣ ни слова. Вмѣсто этого тамъ приводятся праздничныя антифоны только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они полагаются по уставу, — а „*блаженныахъ*“ обтоиха, или третьей и шестой пѣсни, какъ это полагается на „*блаженныахъ*“ въ праздники, вы не найдете ни въ одномъ служебникѣ уніятскомъ. — Это противорѣчитъ древнему чину православной Церкви. Не говоримъ уже, что о „*блаженныахъ*“ говорятъ всѣ древніе православныя греческіе ⁽¹⁾ и славянскіе западнорусскіе служебники, — объ нихъ говоритъ пресловутый греческій уніятскій Евхологіонъ 1754 г. ⁽²⁾; ихъ полагаютъ, какъ увидимъ далѣе, сами

(1) У Коара нѣмецк (стр. 54); 'Εκατά οὗτος ψάλλει τρίτον ἀντίφωνον ἢ τὸν τρίτητον (tertium et sextum canticum matutinarum), Εἰ δὲ καὶ ἐν κυριακῇ (dies dominicæ, воскресенье) ψάλλει τοὺς μακαρισμοὺς καὶ τοῦ ἁγίου τῆς ἡμέρας. Псалъ этого хоръ поетъ третій антифонъ или трикету, т. е. третью и шестую пѣснь канона. Если же бываетъ недѣля, поетъ блаженны и Святаго дня.

(2) Вотъ поминныя слова этого Евхологіона: ψαλλόμεναι δὲ τοῦ τρίτου ἀντίφωνα παρὰ τῶν ψάλλον, ἢ τῶν μακαριστῶν, ἐν ἐν κυριακῇ, ὅταν ἐκείθεν εἶ; τὸ δοῦα et cet... Во время пѣнія третьяго антифона пѣвчими, или бла-

уничты въ своихъ обгонкахъ и миссахъ. Послѣ сего, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ полное право оказать вмѣстѣ съ о Наумовичемъ: „для чего эти обряды уничтожены, и даже въ служебникѣ оставлены *блаженны*,—не понимаемъ,—развѣ для того только, чтобы въ этихъ трогательныхъ обрядахъ не обнаруживалось вежливія и силы нашего богослуженія,—чтобы богослуженіе греческое не привлекало къ себѣ, а было безъ смысла и духа (1) и чтобы, прибавимъ, оно какъ можно болѣе было похоже на богослуженіе католическое, въ которомъ антифоны составляютъ одну изъ основныхъ принадлежностей. Антифономъ, какъ извѣстно, начинается сама латинская мисса. (2)

У насъ, послѣ малаго входа, при чтеніи послѣдняго изъ обычныхъ тропарей, діаконовъ обращается къ священнику и преклонивъ голову и держа въ рукахъ орарь, говоритъ: „*благослови Владыко время трисвятію.*“ Священникъ знаменаетъ его, говоря: „*аго салми еси Боже нашъ.... до вседа нынѣ и присно...*“ За тѣмъ діаконовъ идетъ къ иконѣ Спасителя, произноситъ обычное „*Господи спаси блочестивыя*“,—и „*и во стѣки въ ковѣ.*“ Ликъ: „*Аминь—Святый Боже*“.... Въ это время священникъ читаетъ молитву трисвятаго; „сей же скончавшейся, глаголють и сами, т. е. іерей и діаконовъ, трисвятое, и отходятъ къ горнему мѣсту.“

женныя, когда бываетъ недѣля, когда дойдутъ до слава и нынѣ и пр. стр. 37.

(1) О вліяніи Латинякъ на Рус.... Еп. Под. Вѣд. 1863 г стр. 161, № 4.

(2) Антифоны: благо есть исповѣдаться.... Господь воцарися.... и т. п. составляютъ принадлежность того экземпляра литургіи Златоустаго, которую по словамъ Гоара совершаютъ греческіе монахи въ западныхъ областяхъ Рима, Калабрія, Апулія и др., а также сказать римскіе уніати Евхел. Goar, стр. 85—86.

У уніятъ, напротивъ, молитва трисвятаго γίνεται сейчасъ послѣ „*прѣидите поклонимся*,” во время чтенія обычныхъ тропарей; при этомъ, какъ мы уже сказали, священникъ держитъ руки совокупленіи при чертѣхъ; и когда дойдетъ до словъ: „*оседа нши и присна*,” обращается къ людямъ, знаменуетъ ихъ, т. е. соединяетъ и распространяетъ руки, какъ мы уже говорили, — диаконъ же оканчиваетъ послѣднія слова возгласомъ: „*и во сакѣ вѣлои*.” Потомъ гдѣніе трисвятаго, и отходъ къ горнему мѣсту.

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили уже о происхожденіи словенія и разложенія руцѣ, употребляемыхъ въ этомъ случаѣ: что до разностей въ порядкѣ чтенія молитвы трисвятаго, то это уніаты буквально заимствовали изъ древнихъ западнорусскихъ служебниковъ—хотя, замѣтимъ, у Гоара (1) и въ Римскомъ Евхологіонѣ 1754 г. (2) этотъ чинъ излагается совершенно такъ, какъ въ нашихъ православныхъ служебникахъ. Нѣтъ у Гоара, какъ у уніатовъ „*Господи спаси благочестивыя*,” но это только въ приводимомъ имъ первомъ экземплярѣ Златоустовой литургіи; въ своихъ примѣчаніяхъ подъ буквою Е онъ говоритъ: „*veneta legitur: και δικνυών τὸ ὠραρίον πρῶτον μὲν πρὸς τὴν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ λέγει: κύριε σῶσον τοὺς εὐσεβεῖς και ἐπακούσον ἡμῶν. Εἶτα ἐπάγει λέγων πρὸς τοὺς ἐκκλς μεγαλόφωνος και εἰς et cet.*” (3). „*Господи спаси благочестивыя*,” удерживается въ старинныхъ служебникахъ за-

(1) Стр. 54.

(2) Стр. 40.

(3) И утѣшая браремъ прееде къ иконѣ Христа, говоритъ: Господи спаси благочестивыя и утѣши ны; потомъ громко прѣбываетъ, обращаясь къ гдѣмъ, „пестеро вѣ олтарѣ и во вѣни вѣловъ. *Εὐχαλοῦ*. Гоар. стр. 73.

паднорусскихъ, только оно полагается въ нихъ послѣ молитвы трісвятая, какъ и самое „и во свѣти свѣтѣ.“ Оно полагается также въ Римск. Евхологіонѣ 1754 г.

Не будемъ много останавливаться дажѣ на отступленіяхъ, которыя въ уніятскихъ служебникахъ замѣчаются на великомъ входѣ. Онѣ не существенныя, — и на столько удаляются отъ нынѣшнихъ православныхъ служебниковъ, — на сколько эти различаются отъ служебниковъ западнорусскихъ, равно какъ послѣдніе не сходятся съ Евхологіономъ Гоара. Замѣтимъ только, что у уніатовъ послѣ входа не полагается тропарей при поставленіи чаши и дискаса: „благобразный Іосифъ... во гробѣ плотски... и яко живоносець...“ какъ объ этомъ говоритъ римскій Евхологіонъ 1754 г. (1), а только „благобразный Іосифъ“.. на покрытіе даровъ воздухомъ и „ублажи Господи“ при кажденіи (2). Также точно не существенны отступленія, замѣчаемыя въ

(1) Стр. 47.

(2) Въ мотилликовомъ служебникѣ 1639 г. по входѣ: діаконь, входя въ алтарь, говоритъ: благословенъ грядый во имя Господне и т. д. Іерей же: возмите врата князи ваша и возмитеся врата вѣчная и видеть царь славы... Потомъ поминовеніе и поставленіе даровъ: потрѣ при чтеніи тропаря: во гробѣ плотски... и дискаса, съ тропаремъ: яко живоносець. Послѣ этого діаконь затворяетъ царскія двери, священникъ снимаетъ покровцы и полагаетъ ихъ на единой коѣй либо страпѣ св. трапезы, говоритъ: „приде же Симонъ Петръ и видѣ во гробѣ и видѣ ризы едины лежащія и сударь иже бѣ на главѣ его не съ ризами лежащъ, но особъ свить на единомъ мѣстѣ.“ Въ этому въ скобахъ присоединяется примѣчаніе: „сіе убо не изъ Греческаго, но изъ Словенскихъ древнихъ звоцовъ приложися, тайны ради священнодѣйствія откровенія.“ Послѣ этого покровеніе даровъ и кажденіе, какъ и у насъ. По Гоару это чинопослѣдованіе излагается просто. „Входя въ алтарь священникъ и діаконь говорятъ: благословенъ грядый, потомъ поставити дары священникъ произноситъ: благобразный Іосифъ... за симъ снятіе покрововъ, покрытіе большимъ воздухомъ и кажденіе безъ всякой молитвы (Евхолог. стр. 59).

уніятскія служебніваць предъ чтеніемъ символа вѣры; по уставу уніятскому священникъ вмѣсто того, чтобы, какъ у насъ, три раза отраждать себя преступицею званіемъ съ троекратнымъ прожженіемъ: *возлюблю тя Господи прилоси мѧ...* и послѣ этого уже щѣловать дискосъ, чашу и престолъ, — цѣлуетъ означенные священные предметы непосредственно послѣ діаконскаго возжженія: „*возлюбимъ другъ друга*“... прожженье: „*возлюблю тя Господи*“ на каждое цѣлованіе. У насъ священникъ и сослужащіе потрясають воздухомъ во время чтенія символа Вѣры неопредѣленное количество разъ, но не прочтуть всего символа; у уніятъ это дѣлается трижды по окончаніи символа Вѣры, при троекратномъ прожжесеніи трисвятаго. Откуда уніаты заимствовали этотъ обычай, по недостатку данныхъ рѣшить трудно. У Гоара во всѣхъ эземплярныхъ приводимой имъ литургіи св. Златоуста, — этого нигдѣ не полагается, какъ не полагается оно и въ Римскомъ Евхологіонѣ 1754 г. (1). Въ Могилинскомъ служебникѣ 1639 г. трисвятое полагается послѣ: *станемъ добръ*, — во время пѣнія: *милость мира*..... Тогда, говоритъ этотъ служебникъ, „перей снейля аеръ (воздухъ) съ св. Даровъ, глаголетъ: *Св. Боже, Св. Кръпкій* и т. д. и лобзавъ ѿ отлагаеть на мѣсто свое.“ Вѣроятно все, что этотъ обычай взятъ изъ архіерейскаго богослуженія, на которомъ, по смыслу православныхъ архіерейскихъ чиновниковъ, „архіерей цѣлуетъ дискосъ, глаголя тайно *Св. Боже*, и св. потиръ цѣлуетъ, глаголя: *Св. Кръпкій*, и св. трапезу цѣлуетъ, глаголя: *Св. Вѣсмертныи помилуй насъ*. Только древніе православ-

(1) Стр. 49.

ные служебный, а за ними и уніятскіе перенесли его отъ начала символа на конецъ, какъ это полагается и въ уніятскіе чиновники Архіерейскіе.

Теперь начинается самая важная часть въ составъ уніятской литургіи и по количеству отступлений, замѣчаемыхъ въ ней сравнительно съ литургіею православною и по отношенію ихъ къ литургіи римскокатолической (1). Обыкновенно у насъ вся эта часть совершается просто, безъ всякихъ особенныхъ тѣлодвиженій, сложеній и разложеній рукъ и т. п. Священникъ приноситъ возгласы, мѣтъ отвѣчаетъ и ничего болѣе. Такъ по смыслу некихъ древнѣйшихъ греческихъ и славянскихъ служебниковъ, даже и Римскаго Евхологіона 1754 г., хотя впрочемъ это можно сказать только о литургіи св. Іоанна Златоустаго, находящейся въ этомъ Евхологіонѣ. Въ литургіи св. Василия Великаго, помѣщенной въ немъ, при всей близости ея къ литургіи православною, есть уже нѣкотораго рода вставки, безъ сомнѣнія внесенныя въ него во время новаго его исправленія и изданія (2) и потому разумѣются послужившія прототипами для дальнѣйшихъ вставокъ, одѣланныхъ уніятами въ ихъ литургіи славянскою. Такъ въ литургіи св. Іоанна Златоустаго (4) *Ὁμια λειτουργία τοῦ ἁγίου σοφοῦ*) врьдъ словами: *κρίστε, φάρμακόν μου ἔσσι το σῶμα* (3) и пр. стоитъ простое замѣчаніе: *ἐκφώνησις*—возгла-

(1) Въ Римскомъ служебникѣ та часть литургіи, которая соответствуетъ нашей, начиная съ возгласенія: станемъ добръ... до молитвы, слѣдующей послѣ: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѡ...*—называется предисловіемъ (*præfatio*). Этими же именами называется появляющую часть и Голаръ въ своемъ Евхологіонѣ, стр. 116.

(2) Какъ говорится на заглавномъ листѣ его: *καὶ ἐκ τῆς ἀρχαίας ἐπιμελείας διορθώθη*—повозданный и то испикимъ тѣченіемъ исправленный, т. е. Евхологіонъ.

(3) Принимте и адитѣ, сіе есть тѣло Мое... стр. 51.

щеніе. Тоже самое находится и предъ словами: *πίετε ἐξ αὐτοῦ πάντες*. (1) и пр. Срвѣмъ же то читаемъ въ литургіи св. Василія Великаго (*τῷ μεγάλῳ Βασιλείῳ*). Здѣсь на первомъ мѣстѣ, т. е. предъ словами: *примиште, адите*, стоитъ замѣчаніе: *ὁ ἱερεὺς κλίνει τὴν κεφαλὴν, καὶ ἄρτων τὴν δεξιὰν αὐτοῦ μετ' εὐλαβείας εὐλογεῖ τὸν ἅγιον ἄρτον ἐκφώνως λέγων: ἔδοξα τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις, εἶπον* и пр. Иерей преклоняетъ голову и поднявши свою правую руку съ благоговѣніемъ благословляетъ святыи хлѣбъ, громко говоря: *даде святымъ своимъ ученикомъ* и пр. (2) Такое же замѣчаніе, или въ этомъ родѣ находится въ Римскомъ Евхологіонѣ и предъ словами: *πίετε ἀπὸ μετ' ὅσων... ἐκφώνως ὁ ἱερεὺς τὴν χεῖρα ἔχων ἀναστὲν μετ' εὐλαβείας, καὶ εὐλογῶν λέγει* т. е. громко Иерей имѣя возвышенно руку и благословляя, говорить (3) Здѣсь главное обращаетъ на себя вниманіе благословеніе обоимъ видѣмъ Евхаристіи при воспоминательномъ произнесеніи словъ Спасителя. Это начало тѣмъ болѣзненнымъ, которые, какъ увидимъ ниже, уніаты положили на своей литургіи въ подражаніе католикамъ, между прочимъ заимствовать отъ нихъ и рассматриваемое нами въ Римскомъ Евхологіонѣ благословеніе предложенныхъ даровъ до освященія словами: *„и сотвори збо хлѣба сей* и пр. (4) Такимъ же духомъ дышать нѣкоторые замѣ-

(1) Πίετε отъ вся вси... тамъ же.

(2) стр. 79.

(3) стр. 80.

(4) Уставъ объ этомъ благословеніи, и даже тѣми же самими, что и въ Евхологіонѣ Римскомъ, словами, можно найти и у Гоара въ приводимой имъ литургіи Василія Великаго (стр. 143). Но тотъ же Гоаръ, въ своихъ примѣчаніяхъ, подъ буквами Р и В, прямо сознается, что этотъ уставъ въ греческихъ служебникахъ не полагается; *desunt haec in Missalis, id est gratias* (стр. 151), какъ не находится онъ и въ другомъ

чанія этого же Евхологіона о наклоненіи главы при извѣстныхъ молитвахъ (1), о поклоненіи дарамъ послѣ произнесенія помянутыхъ словъ Спасителя (2) и т. п. Но здѣсь, говоримъ, только начало болѣзней; самая болѣзнь—въ уніятскихъ служебникахъ славянскихъ. Пользуясь сходствомъ нашей православной литургіи, начинаемая отъ возглашенія: *станемъ добръ*—до молитвы Господней, съ литургією Латинскою, уніаты перенесли сюда изъ послѣдней всѣ малѣйшія ея постановленія. Такъ при произнесеніи: *горѣ имъ сердца*, священникъ, по уставу уніятскихъ служебниковъ, долженъ поступать слѣдующимъ образомъ: „Іерей рудѣ и оцѣ выспрѣ вознесъ вкушѣ же и мысль, глаголетъ велегласно: „*горѣ имъ сердца*“. Это буквальное заимствованіе изъ латинскихъ миссаловъ, по которымъ священникъ начинаетъ „предисловіе,“ т. е. именно часть, соответствующую части, нами рассматриваемой, положивши руки по обѣимъ сторонамъ престола; потомъ немного ихъ поднимаетъ и говоритъ: „горѣ сердца.“ Praefatio incipitur ambubus manibus positis hinc inde super altare, duas aliquantulum elevat, cum dicit: *Sursum corda...*

Въ такомъ же духѣ идутъ потомъ и всѣ дальнѣй-

экземпляръ Василиевой литургіи, которую Гоаръ приводитъ подъ заглавіемъ: *exemplar aliud liturgiae Basilianae juxta M. S. Isidori rugomali Smugnaci Monasterii Ioannis in insula Patmo Diaconi*. Здѣсь просто читаемъ: *ἐκράνωσ: ἕδωκε τοῖς ἁγίοις...* *Ἐκράνωσ: πῖστε εἰς αὐτοῦ* стр. 155. и пр. Вероятно самъ Гоаръ, при изданіи перваго экземпляра своей литургіи, пользовался редакціями, сдѣланными въ Римѣ для уніатовъ, а потомъ и внесъ его изложеніе въ свой Евхологіонъ.

(1) *Ὁ ἱερεὺς κλίνας τὴν κεφαλὴν εὐμεταῖς μετοκῶσ: διὰ τοῦ Δεσποτῆ Παπαγίε,* Іерей, наклонивъ голову, молится тайно: сего ради Всесвятый Господи и др.... стр. 80—81.

(2) Стр. 81.

шія постановленія уніятскихъ служебниковъ до молитвы Господней.

Іерей, совокупивъ руцѣ при персѣхъ и главу преклоняя, глаголетъ: *благодаримъ Господа. Дикъ: достойно и праведно* (1)

Таже, простеръ руцѣ съ великимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ, глаголетъ молитву: *достойно и праведно и проч.* (2)

Послѣ этого уніаты дѣлаютъ звѣздичею образъ креста надъ дискосомъ, какъ и у насъ, и священникъ произноситъ: *жобднуну пльсь коюще, вопіюще, взывающе и славоюще*.... Потомъ снова, по обычаю католиковъ,

Совокупивъ руцѣ при персѣхъ, покланяется, глаголя тихо: *святъ, святъ* и т. д. до перваго: *осанна въ вышнихъ*,—знаменаетъ же ся глаголя: *благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ*. (3)

Послѣ этого у католиковъ начинается, такъ называемый, канонъ литургіи (*canon missae*). Подражая имъ въ этомъ случаѣ, уніаты хотятъ дать этой части и у себя какой-то отдѣльный видъ. Для этого 1, отдѣляютъ ее отъ предыдущаго особенными типографскими знаками; въ нѣкоторыхъ уніятскихъ служебникахъ, по подобію католиковъ и даже такъ точно, какъ и у нихъ, на этомъ мѣстѣ полагается изображеніе Распятія, нерѣдко представляющее подлинный снимокъ такого и на такомъ же мѣстѣ находящагося изображенія въ римскихъ

(1) Рим. Соединяетъ при персѣхъ руки и наклоняетъ голову, когда говоритъ: благодаримъ Господа, Бога нашего.

(2) Рим. Потомъ распростираетъ руки и распростертымъ держитъ до конца предисловія.

(3) Рим. „По окончаніи предисловія священникъ снова соединяетъ руки и, наклонившись, говоритъ: святъ... и когда говоритъ: *благословенъ грядый*, полагаетъ на себѣ крестное знаменіе отъ чела до персей.“

миссалахъ. Потомъ 2., ставятъ особое замѣчаніе, которое волей неволей должно напоминать священнику, что отсегѣ (по преимуществу) начинается что-то отдѣльное: „здѣ Іереи подобаетъ со всякимъ вниманіемъ и разсужденіемъ сотворити намѣреніе своей воли къ освященію Св. Таинъ (еже обычнѣ глаголется интенція),“ или уже „на проскомидіи сотворенное поновити, яко хлѣбъ въ тѣло и вино въ кровь освятити хоцетъ—(въ нѣкоторыхъ служебникахъ прибавляется: словеса самаго І. Христа Спасителя нашего), такожде за кого или за кую вещь или потребу жертву совершаетъ.“ 3., Въ своихъ натикизисахъ стараются дать понятіе о канонѣ; 1., „что значитъ канонъ въ литургіи?—2., отъ кого уставленъ есть?—3., о древности его. 4., Есть ли въ немъ что порочно, и гаденія (*zeldywosci*), яково наносятъ пребеззаконніи, достойно?“ и т. п. Для примѣра выпишемъ рѣшеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, какъ излагаетъ ихъ нравоучительное богословіе.

„§ 1. Реченіе сіе: канонъ, Греческо есть: тоже значитъ, что въ нашемъ діалектѣ (*sposobie powienia*) правило, либо уставъ, либо чинъ; зане у древнихъ христіанъ способъ литургисанія не бѣ (якоже хоцетъ блаженный Кемникій лютеранъ) на произволеніи литургисающихъ, но быше отъ церкви, си есть отъ епископовъ уставленъ, вчиненъ, узаконенъ сице, яко, аще бы дерзнулъ кто отъ уставленія того что либо оставити, либо измѣнити добровольно, въ грѣхъ законопреступленія церковнаго бѣ то вмѣняемо: глаголетъ Велларминъ, книга 2 о литургіи глава 18. Начинается канонъ сей въ литургіяхъ отъ сея, яже абіе по святъ, святъ, святъ: слѣдуетъ (*pasternie*) молитвы, и протяжается даже до Господской молитвы, яже есть: Отче нашъ: во всей

церкви, глаголющу св. Августину сице: „дѣлое проше-
ніе повсемственно (Росполісіе) вся церковь, Господскою
молитвою заключаетъ.“—, § III. О древности канона
литургіи: „Вѣдати подобаетъ, яко канонъ (либо прави-
ло, или чинъ, уставъ) литургісанія еще отъ апостолъ,
самѣмъ Христомъ, наученныхъ, начало иматъ. Повнегда
бо заповѣда Христосъ Апостоломъ, глагола: „Сіе
творите во мое воспоминаніе,“ всячески они, заповѣдъ
его исполняюще; не небрежаху уставити и оставити
нѣкій чинъ или порядокъ, которымъ бы ученицы ихъ
и наслѣдники тоещъ имѣли и умѣли исполнити: обаче
не писаніемъ, но токмо преданіемъ тоє, уставивше ос-
тавиша,“ и за тѣмъ нравоч. богословіе приводитъ
слова Лустина... Потомъ далѣе продолжаетъ: „Въ Рим-
ской церкви Геласій того имене 1-й папа, живый лѣ-
та Господня 492, первый писанію предаде канонъ ли-
тургіи, сирѣчь, древній, иже тамо быше по преданію
обычай литургісанія, расположилъ есть: которое рас-
положеніе, по-неже потомъ св. Григорій Великій 1-й
того имене папа, лѣта Господня 590 жившій обновя,
того ради и доселѣ у нихъ сущій канонъ, Григоріевъ
нарицается. Въ церкви же восточной, чинъ либо ка-
нонъ литургіи, предъ константинопольскимъ соборомъ
(который быше) лѣта Христова 431 догадываются Богос-
лови, написанъ быти отъ святаго Василія Великаго, и
отъ Иоанна Златоустаго. Едначе всячески изъ начала
быше узаконеніе о священнодѣйствіи евхаристіи, тѣмъ
же и чинъ, либо канонъ быше, хотя не единообразный
по вселѣнной, но различный; и то елико ко распо-
ложенію токмо различный, а не къ естеству жертвова-
нія: елико бо ко расположенію надлежитъ, различны
баху (якоже и теперь суть) церемоніи и обряди, по

установленію древнѣйшихъ начальствующихъ, сирѣчь епископовъ, но жертва всюду бѣ одина: и того ради когда токмо нача писатися той канонъ, который гдѣ въ обычаи быше, абіе единодушно приѣмлемъ бываше и похваляемъ отъ всѣхъ тамо.“—§ IV „Чистъ ли есть литургій канонъ, заключаетъ правоучительное богословіе, отъ коего либо порока (niestawy)?“ И на это отвѣчаютъ: „лютеране убо многія приписуютъ канону литургіи, но не по разуму, и глупо: которая подробну Турнели во своей книгѣ изчисляя, на вся смысленно отвѣщаетъ. Намъ же довѣдетъ внимати сему, на тридент. соборѣ изреченію (Wугокові: „Аще бы кто дерзнулъ рещи, яко въ канонѣ литургіи заблужденія обрѣтаются, и того ради отвергнути того подобаетъ, анаеема да будетъ.“ (1) „Посемъ,—опять будемъ продолжать словами уніятскихъ служебниковъ, т. е. по прочтеніи серафимской пѣсни,

„Іерей рудѣ распростеръ и очи горѣ вознесъ, со всякимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ, глаголетъ молитву тайно: *съ сими и мы блаженными силами...*“ (2)

Дошедши до словъ: *въ ношѣ въ нюже предаши бываше,*—*паче же самъ себе предаши за мірскій животъ.....*

(1) Богословіе правоучительное изъ Богословія Антоине, Турнели и Риененстувъ пространно Римскимъ діалектомъ о тайнахъ и ценсурахъ сирѣчь казней либо надзираніяхъ церковныхъ написаннаго, на Русскій діалектъ ввратѣ по благословенію и благоизволенію его преосвященства Киръ Кипріяна Стецкаго Екзарха всея россіи Луцкаго и Остр. Еписк. переведенное, таже въ пользу требующимъ отъ сихъ наставленія типомъ по повелѣнію того же изданное въ святой и чудотв. обители Почаевской чина св. Василія Великаго 1779 г. (стр. 38—41).

(2) Рим. Священникъ, распростирая и сосидняя руки, вознесши къ небу очи и сейчасъ снова опустивши ихъ и глубоко наклонившись надъ алтаремъ, говоритъ: „и такъ тебѣ милостивѣйшій отецъ и проч.

Подъемлетъ руками дискось, глаголя: *пріемъ хлѣба въ Святыхъ, своихъ и пречистыхъ и недорочныхъ руки,....* (1)

Главу преклоняетъ, глаголя: *благодаривъ,....* (2)

Знаменаетъ же десницею верху диска трижды, глаголя: *благословивъ, освятивъ, предложивъ даде Своимъ ученикомъ и Апостоломъ река,....* (3)

И абіе наклонься, зря на предуготовленный хлѣбъ, слова освящающія и претворяющія хлѣбъ въ тѣло Христова провъщаваеъ велегласно и раздѣльно: *примите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы домыное во оставленіе грѣховъ.* (4)

Днръ; Амичъ. Іерей же низко преклонився единоциа, открываетъ чашу и, пріемъ ю обѣими руками, благословляетъ глаголя: *такжеже и чашу по вечеру глаголя, или какъ въ дитургіи Св. Василія Великаго: подобни и чашу отъ плода лозмаго пріемъ, растворяетъ, благодариетъ, благословивъ, освятивъ, даде святымъ своимъ ученикомъ и Апостоломъ река,....* (5)

Наклонься же, и зря въ Св. чашу, провъщаваеъ

(1) Рим. „Беретъ гостію, говоря: вземъ хлѣбъ въ святыхъ и достоитныхъ свои руки.“

(2) Рим. „И поднявъ нѣсколько голову и сейчасъ снова опустивъ, говоритъ: тебѣ воздавая благодареніе.“

(3) Рим. Знаменаетъ надъ гостіей говоря: благословивъ, преломилъ и далъ ученикомъ своимъ, говоря: примите и ядите отъ него все.“

(4) Рим. Держа обѣими руками гостію между большими и указательными пальцами, произноситъ освящающія слова тайно, раздѣльно и внимательно: сіе бо есть тѣло Мое.

(5) Рим. По произнесении словъ освященія, священникъ сейчасъ, колѣнопреклонившись, воздеетъ такимъ образомъ чествованіе освященной гостіи... послѣ этого открывши чашу, говоритъ: „подобнымъ образомъ когда совершена вечера, обѣими руками беретъ чашу, взявши и сію преславную чашу въ святыхъ и достоитныхъ свои руки, потомъ хвалу Тебѣ воздаъ благословилъ и далъ своимъ ученикамъ говоря: примите и пійте отъ нея все...“

освящающая слова: *дѣла отъ нея вси, сія естъ кровь
Моя новаго Завета, яже за ны и за многія изливается
во оставленіе грѣховъ.* (1)

Дикъ: *Аминь.* Церей же паки низко поклонься крови
Христовой единости, глаголетъ молитву втай: *помощаю-
ще убо спасительную сію здѣлаеши* и т. д. (2)

Послѣ этого возношеніе предложенныхъ даровъ и
возглашеніе: *твоя отъ насъ тебѣ причащающе, о есътъ и за
ося, какъ и у насъ.*

Поставивъ же свѣтыя тайны на своемъ мѣстѣ и по-
крывъ чашу, поклонься низко (Церей) чтеть молитву
втай, рудѣ чаша распростертѣ; *еще причащаеши тебѣ...* (3)

Послѣ втора священникъ дѣлаеть призываніе Св. Ду-
ха и освящаетъ дары словами: *и сотвори убо еднѣ сѣй*
и проч. по уставу Церкви Православной.

И паки рудѣ распростертѣ молится втай, *яко же бы-
ти причащающима.* (4)

На изрядномъ, какъ и у насъ, удѣяты кадятъ свѣтыя
тайны, возглашаютъ: *изрядна о пресвятѣй...* (5) и чи-

(1) Рим. Произноситъ слова освященія тайно надъ чашею, держа ее
на много согнувши: „Ибо сія естъ чаша моей крови Новаго и вѣчнаго
Завета, таинство вѣры, которая за васъ и за многіхъ проливается въ
отпущеніе грѣховъ.“

(2) Рим. Произнесши слова освященія, воздѣлаеть чашу на антикин-
сѣ, и говоря тайно „сколько разъ, ли здѣлаеши сію, въ мое воспоминаніе
дѣлаеши,“ коленнопреклонившись воздаеть чествованіе.

(3) Рим. Ставить чашу, покрываетъ ее и снова дѣлаеть поклоненіе.
Помощъ распростертѣ рудѣ, говорятъ: посему помади Господѣ и проч.

(4) Рим. Распростертѣ рудѣ прокопчаетъ: „посему милостивымъ и
свѣдымъ андеимъ удостой возврати...“

(5) Замѣлательно, что въ Римскомъ Экзотрионѣ 1754 г. на изрядно
въ литургіи Св. Василія Великаго полагаютъ: „Вечери твоея тайны и
да молчитъ всякая плоть,“ которые по чину православной Церкви полагаетъ
вначало херувимской пѣни въ Великій четвертокъ (Вечери твоея
тайны) и въ великую субботу (Да молчитъ) стр. 82—83.

тають молитву: *о Святомъ Іоаннѣ... и пр. до: „и помли всѣхъ усопшихъ в надеждѣ живота вѣчнаго.*

Здѣ Іерей, руцѣ совокупивъ, поминаетъ усопшихъ, ихъ же хочетъ; глаголя: *помли Господи усопшаю раба твоего... ииарекъ.*

Также пакы руцѣ распростеръ глаголетъ: *и упокой ихъ идиже прещастъ свѣтъ лицъ твоихъ.* (1)

Таже возглашаетъ руцѣ ииѣя совокуплены: *во первыхъ помяни Господи святѣйшаю вселенскую Архидіакона Папа Римскую.* (2)

Теперь довольно ясно, что уніаты сдѣлали изъ своей литургіи латинскую миссу, въ которой только основа осталась православною, а форма перенесена изъ католицизма. У уніатовъ, по видимому, недостаетъ тѣхъ подвиговъ и показанія освященныхъ даровъ народу, какія дѣлаютъ католическіе священники послѣ освященія обоехъ видовъ Евхарастіи. Но это воспоминается у нихъ тѣмъ возношеніемъ, которое, сѣвдуя уставамъ православной Церкви, совершаютъ они *на твоя отъ твоихъ*; тогда уніаты высоко поднимаютъ предложенные дары и показываютъ ихъ народу, какъ и католическіе священники. — Считаю нужнымъ также обратить вниманіе на осѣненіе даровъ крестнымъ знаменіемъ, которое у уніатовъ совершается до освященія даровъ: Оно, какъ видитъ читатель, есть букввальное

(1) Рим. Когда говоритъ; „еще помли Господи рабовъ и рабынь твоихъ ииарекъ, которые предварили насъ съ знаменіемъ вѣры и почиваютъ сномъ мира, соединяетъ руки и молится нѣсколько за тѣхъ умершихъ, за которыхъ хочетъ молиться. „Потомъ разпростирая руки продолжаетъ:“ ииѣя Господи и всѣхъ усопшихъ во Христа, просишь даровать имъго прохлады, свѣта и покоя...

(2) Рим. Соединяетъ руки говоря: „черезъ того же Христа Господа нашего.“

подражаніе тѣмъ осѣнвѣніямъ, которыя на католической миссѣ до этого времени совершаются нѣсколько разъ. Въ этомъ смыслѣ и совершаемое по уставу нашей православной церкви освященіе даровъ словами: *и сотвори убо хлѣбъ сей...* у уніатовъ, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ подобіе тѣмъ благословеніямъ, которыя у католиковъ совершаются нѣсколько разъ по освященіи...., (1) потому что у уніатовъ освященіе даровъ совершается, какъ мы уже видѣли, словами Иисуса Христа: *сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя.*

На вопросъ „почто, по освященіи Христовыми: словесы даровъ, Іерей прилагаетъ: и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло и проч.“ уніатскіе катихизисы на разные лады отвѣчаютъ слѣдующее: „яко призваніе отъ Духа Святаго не бываетъ, да просто тогда хлѣба въ плоть и вина въ кровь претвореніе будетъ, но да освященныя уже Евангельскими словесы дары, онъ есть, да святѣйшая Евхаристія. будетъ намъ на пользу въ отпущеніе грѣховъ и благодати умноженіе; яко же отъ состава священническихъ молитвъ указывается.... (2) Сиде отвѣщаша на Флоренскомъ соборѣ Россійскій, Нимейскій, Трапезунскій и Миталійскій епископы... (3) Бо когда бы чрезъ тѣи слова освящалися тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа, то бы, по вознесеніи Господнемъ, ажъ до Св. Василя Великаго и Св. Іоанна

(1) По римскому чину дары благословляются девятинадцать разъ: однажды опрѣснокъ и вино, четыре раза опрѣснокъ и вино вмѣстѣ, шесть разъ опрѣснокъ и вино—отдѣльно. Изъ нихъ девять совершаются до освященія даровъ,—остальныя послѣ (о происхожд. и составѣ Римской литургіи. Кіевъ 1856 г. стр. 41—51.

(2) Богослов. правоучительное стр. 52.

(3) Народовѣщаніе стр. 105.

Златоустаго жадной службы Божой не было. Бо тѣя слова зачалься отъ св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго“.

(1) Это ложь. „Достойно же внимати и сему, говорить „Народовѣщаніе“, яко Іерей глаголюй: и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло и проч. аще въ словесахъ тѣхъ и видятя настоящаго хотѣти даровъ преложения, или пресуществленія, обаче абіе прилагаетъ глаголю: преложивъ я Духомъ твоимъ святымъ... снмъ явѣ извѣствуя, яко уже прежде ти преложивъ, а не здѣ еще прилагая естъ“ (2).

Молитвою Господнею начинается приготовленіе къ причащенію. У насъ эта молитва читается какъ и многія другія съ земнымъ поклономъ; уніаты, напротивъ, по подобію католиковъ, читаютъ ее съ распростертыми руками (*extensis manibus*). Потомъ, по возгласѣ уніаты снова соединяютъ руни, произносятъ: *миръ всьмъ, мавы ваша*, и приклонивъ голову и опять соединивши руки, читаютъ молитву: „*благодаримъ тя Царю невидимый...*“ Когда кончатъ ее, восклоняются и произносятъ возгласъ: *благодатю и щедротами...* Послеъ этого у насъ непосредственно слѣдуетъ молитва: *всми Господи Іисусе Христе Боже наша ..* по окончаніи которой, священникъ совершаетъ три поенныхъ поклона съ молитвою: *Боже очисти мя грѣшнаго* и, взявши обѣими руками освященный агнецъ, возноситъ его надъ дискосомъ, произнося: *всмима* (если нѣтъ діакона), *святая святымъ....* У уніатовъ, напротивъ, сей часъ послеъ возгласа: *благодатю и щедротами* слѣдуетъ омовеніе рукъ, которое совершается слѣдующимъ образомъ:

(1) Правоучительная Богословія стр. 22.

(2) Народовѣщаніе стр. 106

„Священникъ, низко поклонившись Св. Тайнамъ и отступивъ мало на десную страну престола, умываетъ персты обою руки первѣйшіе, ниже, какъ замѣчаютъ уніятскіе служебники, имать касатися къ тѣлу Христову; отеръ же и паки пришедъ на средину святаго трапезы, низко поклоняется Св. тайнамъ,“ и только теперь „руцѣ и очи высирь вознесъ вкуиѣ же и мысль, читаетъ молитву втай: *сонми Госиоди*.... Потомъ ударяетъ себя три раза въ перси, говоря: *Божо милостиво буди мля грѣшному* и, отрывши св. чашу и сдѣлавши поклонъ, „пріемлетъ верегома омытыма обою руку святаго агнеца“, возглаголетъ: *сонмемъ* (если нѣтъ діакона) и затѣмъ, подивши его надъ дискосомъ, продолжаетъ: *святая святыхъ*. У католиковъ кѣтъ соответствующихъ обрядовъ, но способъ омовенія пальцевъ, поклоненіе тайнамъ, возношеніе рукъ и біеніе въ перси, совершенно католическіе.—Тако омовеніе окончностей большихъ и указательныхъ пальцевъ, взято изъ образа омовенія совершаемаго католиками въ началѣ литургіи вѣрныхъ, при чтеніи 25 псалма. (1) Самый способъ чтенія молитвы: „*Вонми Госиоди*“ есть подражаніе чтенію латинской молитвы, слѣдующей непосредственно по омовеніи, которая, какъ положено и у уніатовъ, читается съ поднятіемъ и опущеніемъ очей и распростертіемъ рукъ надъ престоломъ (2) По произнесеніи

(1) Рим. Тогда, соединивши руки при персѣхъ, священникъ идетъ на сторону епистола, гдѣ ставши, при изліаніи воды служителемъ, умываетъ руки, т. е. окончности большаго и указательнаго пальца, говоря псаломъ: *умью въ неповинныхъ*....

(2) Рим. Служащій, омывъ руки, отираетъ ихъ и, соединивъ при персѣхъ, возвращается къ срединѣ престола, гдѣ ставши и возведши глаза къ Богу и снова опустивши ихъ и соединивши руки надъ престоломъ, не много наклоняется и говоритъ тайно молитву: *прими Св. Троице и проч.*

святая святымъ, православный священникъ раздробляетъ святой агнецъ на четыре части и располагаетъ ихъ на дискосѣ крестообразно, такимъ образомъ, чтобы часть съ буквами ІС находилась по верхней сторонѣ дискоса, сооветствующей востоку, ХС ниже къ западу, НІ къ сѣверу, КА къ югу. Послѣ этого дискосъ возглашаетъ: *исполни Владыко св. потирь*, и священникъ, взявъ лежащую въверху часть ІС, дѣлаетъ ею знакъ креста надъ чашею, произнося *исполнение Св. Духа...* и влагаетъ въ потирь. Тоже самое дѣлаютъ и уніятскіе священники. (1) Но, вложивши часть, уніятскій Іерей сейчасъ же колѣноприклоняется и затѣмъ, какъ говорятъ уніятскіе служебники „персты, ими же раздробляше св. агнецъ, слагаетъ одинъ къ другому, ниже ихъ раздѣляетъ, развѣ касаяся тѣла Христова, держа я сложены даже до потребленія и омовенія.“. Потомъ, наклонивши голову и держа руки распростертыми, уніаты произносятъ „зря на св. тайны:“ *Вѣрую Господи и исповѣдую.... до первый есмь аза“ и вечери твоея тайны.....* и когда дойдутъ до словъ: *яко разбойникъ исповѣдаю тя*,—ударяютъ себя троекратно въ перекъ, произнося: *помяни мя Господи егда приидеши во царствіи твоемъ, помяни насъ Святый... помяни Владыко егда приидеши во царствіи твоемъ*. Затѣмъ продолжаютъ: *„да не въ судъ или во осужденіе...“* (2) колѣнопреклоняются и взявъ пальцами правой руки

(1) Хотя впрочемъ не по уставу служебниковъ, а своихъ катихизисовъ. Смotr. Нравоучительная Богословія, стр. 36.

(2) По смыслу почившаго служебника 1791 г., священникъ, если хочеть, прилагаетъ еще молитву сію: „Вѣрую бо и исповѣдую, яко сіе еше приему во истину естъ истинное самое пречистое тѣло твое и истинная самая животворящая кровь твоя, еже молкося сподоби мя достойно пріяти во оставленіе грѣховъ моихъ и въ жизнь вѣчную. Аминь.

(аще можно), остави́лся на дискосѣ три части св. агнца, и произнесши слова: *востанемо, и пресеятимо*,... причащаются надъ дискосомъ тѣло Христова; также и прочія части потребляютъ. (1) Поставивъ немного съ сложенными руками и размысливъ нѣчто о тайнахъ уніатскіе священники открываютъ чашу, кождопреклоняются, омѣтають тѣло очасне и сохранныю вся частицы отъ дискоса въ чашу и, взявши ее правою рукою, лѣвою же подложивъ дискосъ подъ чашу, произносятъ: *востанемо и Са. кромъ*, и причащаются отъ чаши одлажды, — потомъ ставятъ ее и совокупивъ руки произносятъ: *се прикоснуся*... После этого причащаютъ діакона „ложницею“ и покрывъ чашу, и снова колѣнопреклонившись, открываютъ царскія врата.

Этотъ чинъ... отличается отъ православнаго: 1) колѣнопреклоненіями, которыя уніатскіе священники дѣлають предъ чашею и тѣломъ Христовымъ; 2) у насъ нигдѣ нѣтъ указанія на сложеніе пальцевъ во время причащенія; 3) у уніатовъ не влизається въ чашу теплота; 4) *вспую Господи* и проч... наши священники читають держа св. агнецъ на рукѣ, а не зря на Святыя Тайны съ распростертыми руками; 5) православный священникъ не ударяетъ себя въ перси предъ причащеніемъ и не читаетъ трижды: *помози ми Господи*... 6) у насъ священнослужители причащаются частицею ХС, а не всеми тремя частицами вмѣстѣ; — части НІ и КД влага-

(1) Въ окружномъ своемъ посланіи Шептицкій такъ говоритъ объ этомъ: на листѣ III т. е. служебника 1712 г. вмѣсто типика о'раздѣленіи св. агнца таме помешанаго, помози сей: агда же возмисети св. агнецъ, глаголя святая святымъ, раздѣляетъ сей на четыре части и полагаєтъ на святомъ дискосѣ крестообразно. Таме приємъ одну часть влагаєтъ въ св. чашу, прочія же или самъ вся потребляетъ или отъ слязныыхъ пресвитеровъ и діаконввъ, аще будутъ сослужаціи, причащаетъ.

ются въ чашу послѣ причащенія духовенства и раздаются причастникамъ, а когда ихъ нѣтъ, потребляются послѣ литургіи на жертвенникѣ; 7) у насъ причащеніе изъ чаши совершается безъ подложенія дискоса подъ чашу, и священникъ причащается крови не однажды, а трижды; наконецъ 8) диаконъ у насъ самъ принимаетъ чрезъ священника тѣло Христова въ свои руки и крови общается отъ священника — а не лицию тѣла и крови вслѣдствіе:

Всѣ эти нововведенія уніями, взаимствованы у католиковъ. Таки въ первый колѣнопреклоненіи, — это обычная принадлежность католической миссы, особенно во время приобщенія, какъ положено и у уніатовъ (1). Сложеніе большого и указательнаго пальцевъ, послѣ возношенія даровъ, поминено въ соотвѣтствіе подобнаго рода сложенію, совершаемому у католиковъ послѣ освященія гостіи. Уніаты не могли буквально подражать этому обычаю и положить сложеніе пальцевъ непосредственно послѣ освященія тѣла Христова, потому что по греко-восточному обычаю, соблюдаемому и уніатами, священникъ беретъ въ руки тѣло Христова уже во время раздробленія; съ этого времени уніаты и положили у себя сложеніе пальцевъ, подобно тому, какъ у католиковъ оно сейчасъ слѣдуетъ послѣ перваго взятія гостіи руками во время ея освященія (2). О вліяніи теплоты въ постановленіяхъ Замойскаго собора читаемъ: „Св. соборъ по важной и тяжкой причинѣ (?) запрещаетъ и уничтожаетъ оный обычай, который доселѣ былъ тершимъ въ Церкви восточной; —

(1) См. о Богослуж. запад. церкви. Среднеск. стат. 4-ая, стр. 165—167

(2) Рим. Произнесши слова освященія. и не раздѣлнеть большіи и указательныхъ пальцевъ, развѣ когда надобно касаться гостіи.

приливать теплую воду до освященной чаши цюсѣтъ ея освященія предъ причащеніемъ“ (1). Но что это за причина, св. соборъ не объявляетъ. Въ объясненіе ея учіяты прибѣгаютъ въ различнымъ догаданіамъ. „Обычай сей, говоритъ Народовѣщаніе, древнѣйшій (вѣна бо 6-го еще у грековъ быти указываетъ Дроувенъ de re sacramentaria lib. IV, § 3, вопросъ 4),—еще и на флорентскомъ соборѣ ни мало укоренѣнъ, и отъ грековъ въ самомъ Римѣ соблюдается (2), обаче по великой нѣкорѣ (?) и благословной винѣ (мню бо, за соблюдаяъ тѣхъ, у нихже, по глаголу Дроувена едино естъ вѣрущо и обрядъ имѣти прочувшій) на синодѣ Замойскомъ у насъ отложися, тѣмже не лѣтъ естъ да кто

(1) Synod Zamoysky, стр. 72.

(2) И дѣйствительно въ томъ экземплярѣ Златоустовой литургіи, которую, по словамъ Гоара, отправляютъ греческіе монахи въ римскія области, вліяніе теплоты полагается (См. *Ευχολόγιον*, стр. 89), какъ полагается оно и въ Римскомъ Евхологіонѣ 1754 г. (стр. 58). Но особенно положительно говорить объ этомъ *Αθωσ'* альбо камакъ, противъ Класіана Саковича. Приведши въ доказательство необходимости вліянія теплоты свидѣтельства Вальсамона и Властари, и кромѣ того показавъ свидѣтельства соборовъ и св. Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, что вліяніе теплоты *traditionaliter*, т. е. по преданію, ведетъ свое начало отъ Апостоловъ, Петръ Могила прибавляетъ: „къ этому и Римъ утвердилъ литургію св. Златоустаго, и она не иначе, какъ именно такъ, какъ изложена въ древнихъ греческихъ служебникахъ и нашихъ славянскихъ, совершается у св. Аванасія въ Римѣ учіятами. Это видно изъ литургіи, напечатанной тамъ по гречески и по латыни, въ которой о приливаніи теплой воды до чаши стоятъ по латыни слѣдующія слова: стр. 32 и 33. *Et diaconus mittens, т. е. по вложеніи четвертой части святѣйшей евхаристіи въ чашу, et accipiens lagenulam (по гречески τὸ ζῆλον) т. е. fervidam aquam—теплую воду, dicit ad sacerdotem, benedic Domine sanctam fervidam hanc, et sacerdos benedicit dicens: benedictus fervor sanctorum tuorum ubique nunc et in saecula saeculorum. At Diaconus infudit in modum Crucis intus sanctum Calicem, dicens: Fervor fidei plenus Spiritus Sancti, Amen. Et hoc facit tertio, et deponens lagenulam, consistit paululum seorsum. (Αθωσ' стр. 59).*

ются въ чашу послѣ причащенія духовенства и раздаются причастникамъ, а когда ихъ нѣтъ, потребляются послѣ литургіи на жертвенникѣ; 7) у насъ причащеніе изъ чаши совершается безъ подложенія дискоса подъ чашу, и священникъ причащается крови не однажды, а трижды; наконецъ 8) діаконъ у насъ самъ принимаетъ чрезъ священника тѣло Христова въ свои руки и крови причащается отъ священника — а не лжицею тѣла и крови вѣрствъ.

Всѣ эти нововведенія уніаты заимствовали у католиковъ. Такъ во первыхъ колѣноупреклоненія, — это обычная принадлежность католической миссы, особенно во время приобщенія, наизволено и у уніатовъ (1). Сложеніе большого и указательнаго пальцевъ, послѣ возношенія даровъ, положено въ соотвѣтствіе подобнаго рода сложенію, совершаемому у католиковъ послѣ освященія гостіи. Уніаты не могли буквально подражать этому обычаю и положили сложеніе пальцевъ непосредственно послѣ освященія тѣла Христова, потому что по грековскаго обычая, соблюдаемому и уніатами, священникъ беретъ въ руки тѣло Христова уже во время раздробленія; съ этого времени уніаты и положили у себя сложеніе пальцевъ, подобно тому, какъ у католиковъ оно сейчасъ слѣдуетъ послѣ перваго взятія гостіи руками во время ея освященія (2). О вліяніи теплоты въ поставленіяхъ Замойскаго собора читаемъ: „Св. соборъ по важной и тяжелой причинѣ (7) запрещаетъ и уничтожаетъ оный обычай, который доселѣ былъ тернимъ въ Церкви восточной, —

(1) См. о Богослуж. запад. церкв. Средиск. стат. 4-я стр. 105—107

(2) Рим. Произнесши слова освященія... и не раздѣляя... и указательныхъ пальцевъ, развѣ когда на... и

[Illegible text block consisting of approximately 15 lines of heavily obscured characters.]

[Illegible text block consisting of approximately 15 lines of heavily obscured characters.]

пра-
 помв-
 одь ко-
 затель-
 ю лвом
 и потреб-
 ьные пер
 подложка

употребляетъ того“ (1). По свидѣтельству Glos'a sarutulu obelwskieу „вливаніе въ чашу воды по словахъ: *воимемъ святая святыхъ*, опускается, потому что оно подвергаетъ опасности разжижать кровь Христову до такой степени, что станемъ пить не кровь Христову, а воду,“ Но лучше всѣхъ, добросовѣстнѣе объясняется въ этомъ случаѣ *правоучительная богословія*. На вопросъ: „чи можется вливати вода теплая, по воимемъ святая святыхъ“,—она отвѣчаетъ: „стародавняя есть церемонія, абы іерей вливалъ трохи воды до килиха (чаши) по изреченіи тѣхъ словъ... Але же зъ того любо непотребне (хотя и несправедливо)—бо тая вода значить раздѣленіе Духа Святаго, горшатся римляне,—соборъ Замойскій повелѣлъ сію церемонію оставляти“ (2). Такимъ образомъ главная причина, по которой уніаты перестали вливать теплоту въ чашу, была та, что за это горшились на нихъ римляне, т. е, говоря другими словами, католики не могли вообще стерпѣть того, что у насъ совершается вопреки ихъ обычаямъ и потому постарались заставить уніатовъ изгнать теплоту изъ употребленія. Тоже самое надобно сказать и о чтеніи: *аврую Господи* съ расprostертыми надъ дарами руками, а не держа св. тѣло на рукахъ, какъ у насъ. Тагъ положено у католиковъ, у которыхъ священникъ молитвы, предшествующія причащенію, читаетъ съ расprostертыми руками (*extensis manibus*) и только послѣ этого беретъ гостію и причащается (3). Также точно въ подраженіе католикамъ уніаты положили у себя троекратное біеніе въ перси съ произнесеніемъ: *помяни мя*

(1) Народ. стр. 109 и наоборотъ.

(2) Правоучит. Богосл. стр. 21.

(3) О Богослуж. Запади. цер. стр. 106.

Господи и причащеніе всѣми тремя частями разомъ, а не одною частицею, какъ у насъ. На латинской обѣднѣ первое совершается на томъ же, что и у уніатовъ тѣсть, съ провознесеніемъ (*ter rectos percutions, dicit*): *agnus Dei, qui tollis peccata mundi miserere nobis* 2жды и однажды: *agnus dei... da nobis pacem* (1). Кромя того католики раздробляютъ гостію на три части и положивши одну изъ нихъ въ чашу, двумя остальными причащаются разомъ (2). Послѣ этого католическій священникъ, открывши чашу, колѣнопреклоняется, беретъ дискосъ, пересматриваетъ илтонъ, собираетъ частички и отерши его приступаетъ къ причащенію крови... Всѣ эти обряды, какъ мы видѣли, есть и у уніатовъ: Также точно отъ католиковъ взяли они обычай причащаться гостію надъ дискосомъ и крови съ подложеніемъ дискоса подъ чашу (3). Причащеніе отъ чаши однажды, по видимому, противорѣчитъ и намъ и католинамъ, у которыхъ священникъ тоже причащается отъ чаши трижды; но оно имѣтъ свое основаніе въ томъ, что по уставу уніатскому, окончательное потребленіе св. даровъ (соотвѣтствующее католическому), отложено,

(1) „Агнче Божій вземлай грѣхи міра помилуй насъ, и Агнче Божій... дай намъ миръ“.

(2) Рим. Потомъ не много наклонившись беретъ обѣ части гостіи и потребляетъ благоговѣнно обѣ части.

(3) Рим. Сказавши хлѣбъ небесный приемя и проч. священникъ правою рукою беретъ благоговѣнно изъ дискоса обѣ части гостіи, помещаетъ между большимъ и указательнымъ перстами лѣвой руки, подъ которыми, т. е. части сверхъ того подкладываетъ между тѣмъ же указательнымъ и среднимъ перстами дискосъ и держа такимъ обр. этою лѣвою рукою части надъ дискосомъ между грудью и чашею, обѣ части потребляетъ. По очищеніи дискоса, соединивши большіе и указательные персты, беретъ чашу правою рукою за рукоятъ и лѣвою рукою подложивши дискосъ подъ чашу, причащается крови.

какъ увидимъ ниже, до пѣнія: *да исполнятся уста наша*. Тамъ оно совершается уже совершенно по чину римскому. — Что касается наконецъ до причащенія діакона лжицею, то это совершается по обычаю католиковъ, у которыхъ діаконъ причащается тѣла и крови Христовой изъ рукъ священника, какъ міряне (1).

Отворивъ св. врата послѣ причащенія, уніятскій священникъ, какъ и у насъ, беретъ чашу въ руки и, обратившись къ народу, возглашаетъ: *со страхомъ Божиимъ и строжу приступите...* ликъ: *Благословенъ грядый*. Послѣ этого у насъ священникъ благословляетъ людей десницею говоря: *спаси Боже люди твоя*. Въмѣсто этого уніаты благословляютъ народъ чашею (2). Ликъ: *Видѣхомъ свѣтъ истинный...* За тѣмъ снова благословеніе чашею съ словами: *всегда, нынѣ и присно*, какъ и у насъ. Ликъ: *да исполнятся уста наша...* Въ это время православный священникъ относитъ чашу на жертвенникъ и, поклавъ ее, возвращается къ св. престолу, за тѣмъ эктенія, заамвонная молитва и отпустъ. Совсѣмъ не то совершается теперь у уніатовъ. Когда начнутъ пѣть: *да исполнятся уста наша..* уніятскій священникъ возвращается назадъ къ престолу, и поставивъ на илтонѣ чашу, приступаетъ къ окончательному причащенію. Для этого онъ колѣнопреклоняется, открываетъ потиръ и, подоживши подъ него дискось, потребляетъ всю оставшуюся кровь и чистицы въ нее

(1) Рим. Если на торжественной мессѣ бываетъ приобщеніе, дѣлается все какъ и выше означено, только священникъ сперва приобщаетъ діакона и субдіакона и потомъ остальныхъ, а діаконъ подаетъ имъ очищеніе (т. е. вино и воду).

(2) Мы спрашивали и не нашли этого благословенія ни у Гоара, ни въ Римскомъ Екхемогонѣ 1754 г., ни въ одномъ православномъ служебникѣ Западно-русскомъ.

поможенный, поднося чашу къ устамъ не болѣе трехъ разъ; „тажь виномъ чашу очищаетъ, вливающу ему сіе діакону, или служащему, и испиваетъ очищеніе. Посемъ беретъ обою руку виномъ и водою надъ св. чашею такожде омыть, и легкимъ малымъ отеръ, измовеніе отъ чаши испиваетъ; отерже свои уста и чашу съ диокосомъ тымже лентіемъ: слагаетъ священные сосуды, влитенъ стибаетъ и святые сосуды на немъ поставляетъ, и покрываетъ, глаголя въ себѣ тихо: *да исполнятся уста наша пльмя ти Господи* и проч. Діаконъ же, изшедъ на обычное мѣсто, глаголетъ возглавою, а Іерей тихо; руцѣ держаще при персѣхъ совокупленны: *Прости пріемше...* Дошедши до послѣдняго прошенія „Іерей чтетъ молитву по причащеніи благодарственную втай: *благодаримъ тя Владыко человеколюбче* (1)... Потомъ возгласъ: *Яко Ты еси освященіе иже шев.* — заамвонная молитва, *премудрость, честныйшу Херусимъ* и отпустъ.

Такимъ образомъ, подобно католикамъ, уніаты совершаютъ послѣднее потребленіе св. тайнъ не на жертвенникѣ, какъ у насъ, а на св. престолахъ. Тѣмъ, кому, можетъ быть, покажется страннымъ, почему оно не полагается у нихъ разомъ съ предъидущимъ причащеніемъ, какъ и у католиковъ, мы можемъ отвѣтить, что и здѣсь есть доля своего рода подражанія послѣднимъ. Когда у католиковъ есть причастники, священникъ совершаетъ измовеніе чаши и проч. послѣ

(1) У насъ эта молитва читается непосредственно послѣ причащенія, какъ и въ Римскомъ Енхологонѣ 1754 г. и во всѣхъ древнихъ служебникахъ Западнорусскихъ. Впрочемъ у Гоара она полагается на томъ же мѣстѣ, что и у уніатовъ (стр. 78).

пріобщенія ихъ. (1) А такъ какъ у насъ удержанъ древній обычай призывать народъ къ причащенію даже тогда, когда нѣтъ причастниковъ, чего не посмѣли исключить у себя и уніаты, то, чтобы не стать въ противорѣчіе съ католиками, они положили причащаться при пѣніи: *да исполнятся уста наша...* Не говоримъ уже о самомъ способѣ причащенія; онъ чисто католическій (2). Другую характерную особенность въ порядкѣ пріобщенія составляетъ употребленіе лентія, или платъ бѣлаго, какъ говорить Шептиціи въ своемъ посланіи; для очищенія дискоса и чаши, вмѣсто нашей губы. О происхожденіи и значеніи этого обычая мы не можемъ сказать ничего болѣе, кромѣ того, что говоритъ объ этомъ соборъ Замоискій: „дети и древній обычай церкви нашего обряда, читаемъ въ постановленіяхъ этого собора,—употреблять губу для очищенія дискоса и чаши, однако св. соборъ разсудилъ, дабы оный былъ уничтоженъ; а вмѣсто этого повелѣваетъ, дабы по обычаю церкви латинской (здесь то и вся суть), дискось пальцемъ, а яшпа платомъ (chusteczka) были вытираемы и очищаемы,—подъ опа-

(1) Рим. Если на обѣди бываютъ причастники, то священникъ, послѣ потребленія крови, прежде нежели очистить себя, сотворивши колѣнопреклоненіе, полагаетъ освященныя части въ чашу (особеннаго рода); иль, когда мало бываетъ причастниковъ, на дискось, если только сначала онъ не были положены въ этой чашѣ, или другой какой.

(2) Рим. Окончивъ причащеніе кровію, священникъ подставляетъ чашу слугителю; который вливаетъ въ нее немного вина, какъ бы для себя очищаетъ; потомъ оmyваетъ виномъ и водою большіе и указательныя пальцы надъ чашею и вытираетъ платомъ, говоря въ это время: Господи, что я принялъ и проч.... и выпиваетъ омовеніе, вытираетъ платомъ уста и чашу, послѣ чего распростираетъ платъ надъ чашею и подаетъ на ней дискось, а поверхъ дискоса кружекъ, покрываетъ чашу покровомъ и сверху его полагаетъ влагаліце и поставляетъ посрединѣ алтара, какъ и въ началѣ Миссы.“

сеніемъ, дабы къ губѣ, которой въ нашихъ сторонахъ и не умѣютъ такъ хорошо готовить, какъ это лично святѣйшему таинству, что нибудь не пришло, и такимъ образомъ не былъ бы подаваемъ поводъ къ опасности неуваженія его (1).“

Что до пѣнія: *честнѣйшую Іерусимъ*, то ни въ древнихъ западнорусскихъ служебникахъ, ни у Гоара, ни въ Римскомъ Евхологіонѣ 1754 г., мы его не находимъ. Вѣроятно, это какой нибудь частный древній обычай, который сочли нужнымъ удержать у себя и уніаты.

„Также, заключаетъ чинъ діаконаго служенія, діаконъ возьмъ святаы сосуды, идетъ предъ Іереемъ на обычное мѣсто, идѣже испрошь прощенье и совлекся ризъ своихъ, отходитъ купно со Іереемъ во свояси.“

„И сіе вѣдати подобаетъ, замѣчаютъ уніатскіе служебники на концѣ литургіи Златоустаго, аще Іерей литургисаетъ на олтари, на немже кивотъ съ Божественнымъ тѣломъ Христовымъ, явѣ стоящимъ, будетъ отверсть, или инако будетъ поставленъ,“ какъ это дѣлается у католиковъ, „или въ самой литургіи нѣкая часть освященна,“ вина ради нѣкое будетъ по причащеніи на престолѣ оставлена, долженствуетъ всегда глубокое поклоненіе тѣлу Христову творити, главою досягая престола *и руками ео придержася*, и когда либо отъ среды олтаря на страну нѣкую отходитъ или отъ страны на средѣ приходитъ, или отъ страны единыя на другую переходитъ,“—какъ это всегда и во всѣхъ латинскихъ Богослужебныхъ книгахъ заповѣдуется въ подобныхъ обстоятельствахъ ксендзамъ католическимъ.

(Окончаніе будетъ.)

(1) Synod Zamojsky, стр. 69—70.

ПОПЫТКИ ВЪ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ

КЪ СОЕДИНЕНІЮ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

ВТОРАЯ СТАТЬЯ.

На полученіи изложеннаго нами пространнаго отвѣта восточныхъ патріарховъ, англійскіе епископы отвѣтили на востокъ посланіе слѣдующаго содержанія.

„Прежде, чѣмъ католическій останокъ Британской церкви приступитъ къ отвѣту на отвѣты четырехъ достоуважаемыхъ патріарховъ восточной церкви, онъ считаетъ нужнымъ выразить и къ Святѣйшему вѣществу сердечнѣйшую свою благодарность за тотъ трудъ, который они приняли на себя — почтить насъ отвѣтомъ на наши предложенія и препроводить его въ такую дальнюю страну, какъ Великобританія. Надѣясь, что то христілюбивое расположеніе и то великое усердіе, которыя являютъ намъ, и къ Святѣйшему вѣществу сохраненія догматическаго между нами и распространенія общаго между христіанами союза, могутъ ручаться за благополучный исходъ дѣла, съ другой стороны зная, что католическій останокъ Британціи не опуститъ ничего, что только можетъ болѣе или менѣе къ тому содѣйствовать, и къ тому еще имѣя утѣшеніе видѣть,

что иль Святѣйшества разность илѣній между нами и ими предоставляютъ рѣшенію Писанія и первенствующей Церкви, онъ не безъ причинъ мнѣть предъ собою видѣть утѣшительную перспективу сближенія. Если опредѣляющее (*determinans regula*) правило одинаково принимается и восточными церквами и католическимъ оставкомъ въ Британніи; если богодуховенныя письма Ветхаго и Новаго Завета, въ томъ видѣ, какъ онѣ понимаются и толкуются первенствующихъ звѣковъ отцами, для той и другой стороны служатъ общимъ правиломъ вѣры и Богопочтенія; то есть надежда, что, при помощи Божіей, когда дѣло дальнѣе и подробнѣе будетъ изслѣдываться знаменитую Восточную церковь; будутъ сдѣланы такія уступки и снисхожденія, которыя обѣ стороны въ состояніи будутъ расположить къ взаимному между собою общенію. За тѣмъ, послѣ сего краткаго выраженія нашихъ желаній и чаяній; обратимся къ тому отвѣту; которымъ почтили насъ ихъ патриаршія Святѣйшества.

„Касательно тѣхъ статей, по которымъ нѣтъ никакого разногласія, вѣчего и говорить: для порядка, намъ остается только упомянуть объ нихъ.

1, 2, 3, 4, 5. Въ отвѣтахъ на первые пять предложеній мы не встречаемъ ничего, на что бы можно было возразить; читая ихъ, мы понимаемъ, что британскіе епископы могутъ остаться независимыми отъ всѣхъ патриарховъ.

6. Подъ этою статьею мы вовсе не имѣли въ виду въ чемъ либо вразумлять католическую Восточную церковь или подвергать сомнѣнію ея ученость; употребляя слово *паидега*, мы имѣли въ виду только разные пункты дисциплины

7. Съ оми отвѣтомъ ихъ патриаршихъ Святѣйшествъ мы совершенно согласны.

8. Равно согласны и на то, чтобы литургію нашу, которую мы употребляемъ, перевести на греческій языкъ, и потомъ передать ее на разсмотрѣніе ихъ патриаршихъ Святѣйшествъ:

9., 10., 11., 12. Согласны съ отвѣтомъ. Относительно 12-й статьи мы полагаемъ, что молитвы живыхъ, купно съ сахаристійнымъ жертвоприношеніемъ, полезны мертвымъ, и слушать имъ для улучшенія ихъ участи, отъ дней ихъ кончины до дня воскресенія; больше сего мы не можемъ ничего сказать. „Что же до послѣднихъ пяти статей, гдѣ требуется еще соглашеніе некоторыхъ разностей, мы желаемъ вообще замѣтить, что, какъ бы ни подозрѣвала насъ католическая Восточная церковь въ лютерокальвинизмъ, мы открыто объявляемъ ей, что чужды намъ начала этихъ сектъ, и что самые отвѣты наши могутъ насъ избавить отъ этого нареканія.“

„Обратимся теперь къ частностямъ.“ (1).

„Показавъ и объяснивъ разность, существующую между вами и нами, мы желали бы раскрыть теперь передъ вами то расположеніе (temper), съ которымъ можно бы было совершить дѣло примиренія или сдѣлку (congruence). Если намъ предоставлена будетъ свобода относительно извѣстныхъ пунктовъ; если восточные патриархи, епископы и пр. открыто объявятъ, что они не обязываютъ насъ ни къ призыванію святыхъ и ангеловъ, ни къ почитанію иконъ, ни къ поклоненію предъ свя-

(1). Впрочемъ эти частности заключаются въ обычныхъ протестантскихъ отрицаніяхъ и самопроизвольныхъ опредѣленіяхъ разныхъ пунктовъ вѣрученія и благочинія; и потому мы не будемъ ихъ приводить въ настоящемъ случаѣ. Пер.

тymi Дарами; если они открыто и авторитетно, какому либо подлиннымъ документомъ, за ихъ подписаніемъ, объявятъ насъ несколько не связанными въ отношеніи къ симъ частностямъ, не связанными, говоримъ, и въ нашихъ предѣлахъ и виѣ нашихъ предѣловъ, и въ ихъ церквахъ и въ нашихъ: тогда, мы смѣемъ надѣяться, при этихъ ослабленіяхъ и уступкахъ, откроется возможность къ примиренію и единенію. Далѣе просимъ ихъ патріаршія Святѣйства привести себѣ на память, что христіанство не есть постепенно развивающаяся религія, но что оно было во всей своей цѣлости и совершенствѣ тогда, еще, когда скончавали свое житіе евангелисты и апостолы; и отъ того-то наиболѣе равніа преданія безъ сомнѣнія предпочтительнѣе преданій болѣе позднихъ, и первые вожди—самые лучшіе вожди. И потокъ рѣки гораздо чище у источника ея. Такимъ-то образомъ все, что кажется уклоненіемъ отъ первоначальнаго состоянія, все, что въ двѣхъ вѣрм или практики противорѣчатъ раннѣйшимъ вѣкамъ, должно быть принимаемо съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. И потому какъ они (т. е. патріархи), по благорасположенію къ намъ, увѣщаваютъ насъ отрѣшиться отъ всѣхъ предубѣждений, такъ и мы по тому же побужденію просимъ ихъ принять къ сердцу наши смиренныя внушенія. На семъ основаніи мы надѣемся, что безпристрастныя сужденія ихъ патріаршихъ Святѣйшествъ будутъ опредѣляться не силою предубѣждений или примѣрами позднѣйшихъ временъ, но общими обычаями и внушеніями первыхъ четырехъ вѣковъ, не исключая и пятого; что они не будутъ считать себя неизмѣнно связанными опредѣленіями Востока 8-го вѣка, тѣхъ временъ, когда и на Западѣ существовалъ равносмысленный имъ авторитетъ. При по-

доблѣю равномеръ съ обѣихъ сторонъ содѣйствіи къ усненію истины, нѣтъ сомнѣнія, отируется на столько uniformitas, что несчастный разрывъ самъ собою закроется и исчезнетъ настоящее разстояніе отдѣляющее насъ отъ Востока. Не смѣя болѣе утруждать ихъ патриаршія Святѣйшества, мы заключимъ это посланіе пламеннѣйшею молитвою, „да премудрый и милосердый Богъ, Богъ не нестроения, но мира“, по милости своей, дастъ имъ хранить въ себѣ ихъ благоволительными желанія, да продолжаетъ воспламенять въ нихъ ихъ ревность и да направляетъ всѣ ихъ дѣйствія къ совершенію сего столь достославнаго дѣла, т. е. да православная Восточная Церковь и католическій оставокъ въ Британніи соединятся наконецъ in unitatibus Religionis, и да будутъ единымъ стадомъ подъ главою Единаго Пастыря Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ всякая честь и слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.“

„Отвѣтъ этотъ переданъ нѣкоторымъ изъ грековъ, живущихъ въ Лондонѣ, для отправления его къ четверемъ восточнымъ патриархамъ. Мая 20, 1722.“

„Досточтимому и богомудрому епископу Арсенію, митрополиту Фиваиды, останокъ католическихъ епископовъ и духовныхъ въ Британніи желаетъ здравія и спасенія.

„Много насъ порадовало ваше письмо, посланное къ намъ съ о. Іаковомъ, патриаршимъ протосинкелломъ: оно служитъ очевиднымъ доказательствомъ искренности вашего желанія въ дѣлѣ устроенія сближенія между католическими восточными церквами и католическимъ оставкомъ британскихъ церквей, и къ тому еще на такіе условія, которыя утѣшаютъ надеждою; что

сближеніе это будетъ не кратковременно. Выбѣсть съ симъ мы посылаемъ наши отвѣты четыремъ патріархамъ, написанные на основаніи св. Писанія, — въ томъ его видѣ, какъ оно толкуется отцами первенствующей Церкви, и въ такихъ выраженіяхъ, которыя, мы надѣемся, вполне раскроютъ предъ ними и предъ вами наши искреннія желанія и усилія довершить искомымъ нами благословенный конкордатъ. Еще разъ приносимъ вамъ сердечную нашу благодарность за всѣ ваши великія безпокойства, которыя вы приняли на себя по сему дѣлу, и не сомнѣваемся, что вы съ своей стороны сдѣлаете все, что отъ васъ зависитъ, и такимъ образомъ довершите то, что такъ благовождительно начали и доселѣ продолжали, не смотря на неутѣшительное положеніе общественныхъ дѣлъ и на дальность разстоянія, отдѣляющаго насъ другъ отъ друга. О нашихъ собственныхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, съ которыми мы должны бороться по сему случаю, еще чего вамъ и говорить. Когда мы имѣли счастье видѣть васъ среди насъ, вы сами хорошо видѣли тогда, какъ много ихъ было, а трудности и препятствія эти и теперь не легче и не меньше, чѣмъ были тогда. Однакожь никакія препятствія въ семь родъ не остановятъ и не ослабятъ нашихъ усилій, если только Богъ поможетъ, въ дѣлѣ достиженія столь благой цѣли. Мы очень скорбимъ, что, при стѣсняющихъ насъ обстоятельствахъ, не въ состояніи были для благорасположеннаго и вѣрнаго протосинкелла сдѣлать то, что бы мы желали; скажемъ хотя предъ вами, что онъ весьма намъ дорогъ и любезенъ, и мы глубоко чувствуемъ, въ какой степени мы обязаны ему за всѣ его труды по сему дѣлу. Наши надежды на благополучный исходъ этого дѣла поддер-

живаются теперь еще тою мыслию, что, какъ мы слышимъ, благовоительно смотреть на него его императорское величество, что да послужитъ къ новой безсмертной славъ его имени. Нѣтъ сомнѣнiя; что если прараиъ взглядъ его величества на это дѣло внушенъ ему вашими правымъ изложениемъ его, то его одобрительное и ободрительное участiе въ немъ есть плодъ его собственнаго величiя души и вселенскаго благоволенiя (*catholic charity*).

Archibaldus, Scoto-Britanniae Episcopus,

Jacobus, Scoto-Britanniae Episcopus,

Ieremias, Primus Anglo-Britanniae Episcopus,

Thomas, Anglo-Britanniae Episcopus.

A. D. 1722.

Maii Die Tricesimo.“

„Всечестнѣйшему Совѣту по царювнымъ дѣламъ, во дворцѣ его императорскаго величества, въ С.-Петербурѣ.“

„Мы нижеподписавшіеся епископы католическаго остана въ Британнiи находимъ себя обязанными, по уваженiю къ сему всечестнѣйшему совѣту, увѣдомить Ваши Преосвященства, что, при посредствѣ почтеннаго Геннадiя архимандрита и почтеннаго Iакова протосинкелла, мы въ последнее время получили отвѣтъ отъ четырехъ патрiарховъ на нѣкоторыя изъ нашихъ предложенiй, имѣющiя въ виду взаимное сближенiе, и въ свою чреду изготовили имъ свой отвѣтъ: переписавъ теперь его для Вашихъ Преосвященствъ въ копию, мы покорнѣйше просимъ васъ самый подлинникъ, на греческомъ, препроводить къ досточтимымъ патрiархамъ. И такъ какъ это дѣло взаимнаго единенiя очевидно предприня-

то по истинно-христианскимъ побужденіямъ, безъ всякихъ постороннихъ корыстолобивыхъ видовъ и расчетовъ, то мы надѣемся, что Ваши Преосвященства ожидете намъ въ нашихъ усиліяхъ ваше личное содѣйствіе. Далѣе, такъ какъ, по всей вѣроятности, могутъ возникнуть нѣкоторыя затрудненія въ отношеніи къ надержкамъ, — а этихъ затрудненій не въ состояніи устранить ни та, ни другая сторона, то мы всепокорнѣйше просимъ, не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству явить намъ свое благоснисхожденіе и оказать свое милостивое въ семъ случаѣ вспомошествованіе. Дѣло сіе, бывъ такимъ образомъ поставлено подъ покровительственное охраненіе столь славнаго монарха, при благословеніи Божиемъ, получить само собою благополучный исходъ. У насъ же, смѣемъ въ томъ увѣрить всечестнѣйшій совѣтъ, нѣтъ на сердцѣ другаго столь сильнаго желанія, каково настоящее, т. е. желаніе видѣть это дѣло совершившимся согласно съ сдѣланными нами предложеніями. Съ величайшимъ почтеніемъ остаемся

Вашихъ Преосвященствъ
покорнѣйшими слугами.“

(Подпись таже, что и выше).

Слѣдующее письмо адресовано къ графу Головкину великому канцлеру.

„Влагоднѣйшій г-рь. — Строки эти пишутся съ тѣмъ, чтобы выразить Вашему Сіятельству покорную нашу благодарность за тѣ труды и безпокойства, которые вамъ угодно было принять на себя въ дѣлѣ споспѣшествованія искомому единенію между православною восточною Церковію и малолическимъ останкомъ въ Вели-

Англіи. И такъ какъ дѣло этого рода требуетъ расположенія и одобренія со стороны лицъ, находящихся во главѣ Церкви и государства: то мы надѣемся, что Ваше Сіятельство не откажете успѣху этого столь великаго предпріятія вашимъ личнымъ вліяніемъ и содѣйствіемъ. Вотъ почему мы покорно и просимъ Ваше Сіятельство: продолжить къ намъ вашу благосклонность и покровительство, безъ которыхъ, мы опасаемся, дѣло можетъ застопориться и разстроиться. Милорды, что до архимандрита, то мы всецѣло довольны его отношеніями къ намъ и его расположеніями къ дѣлу, и надѣемся, что онъ пождетъ еще съ нами, для продолженія того, чѣмъ онъ такъ достойно доселѣ занимался.⁴

Тѣ же подписи, что и прежде; недостаетъ только подписи Brett'a.

Мая 31, 1722.

За тѣмъ слѣдуетъ письмо отъ Арсенія, писанное 11-го іюня 1722, гдѣ онъ выражаетъ свою скорбь, что доселѣ имъ не получены отвѣты на бумаги патріарховъ, и проситъ, какъ можно скорѣе поспѣшить этимъ дѣломъ. Письмо адресовано «къ досточтимѣйшему епископу и богомудному брату г. Кампбелю и всѣмъ братіямъ.» За тѣмъ приводится письмо отъ протосингелла, который препровождаетъ отвѣтъ къ патріархамъ. Письмо это писано въ С. Петербургѣ, и начинается такъ: «Всепочтеннѣйшіе отцы.» Въ письмѣ онъ называется и преосвященствами. Между прочимъ онъ замѣчаетъ, что Дворъ въ Москвѣ, и что онъ туда же съѣздитъ.

Другое письмо отъ Арсенія писано въ Москвѣ, 9-го декабря 1722 года. Оно адресовано такъ: «Всепочтеннѣйшимъ братьямъ и боголюбивымъ епископамъ, дар-

знание произвело на свѣтъ свою собственную исторію творенія, какъ Юпитеръ изъ своей головы вооруженную Миянерву; и такъ же точно красуется въ ней со всею своею мудростію, какъ нѣкогда этотъ вычесній богъ (по сказанію мифологіи) въ своей мудрой дочери съ гордостію видѣлъ воплощеніе своей всеобъемлющей мудрости. Правда, на первый разъ кажется страннымъ, какимъ образомъ могла возникнуть самодѣльная исторія творенія въ нѣдрахъ такой науки, которая свои доказательства почерпаетъ исключительно изъ фактовъ, подлежащихъ непосредственному наблюденію. Въ самомъ дѣлѣ, кто былъ непосредственнымъ наблюдателемъ творенія міра? Но не будемъ придирчивы; а иначе намъ придется останавливаться на каждомъ шагу. Наша наука не только умѣетъ создавать исторію творенія, но умѣетъ дать и отчетъ въ своемъ созданіи. Она досконально знаетъ, гдѣ находятся врата, изъ которыхъ выходятъ вонъ небесныя, и гдѣ — силы производящія быліе травное. На знамени, выкинутомъ современнымъ египтознавціемъ, начертаны роковыя слова: *отрицаю существованіе Бога живаго*. Непосредственное дѣйствіе Божества (въ мірѣ) противорѣчатъ всѣмъ научнымъ результатамъ — вотъ въ чемъ состоитъ принципъ, мотивъ и норма научной исторіи творенія. Достоинство всякаго частнаго опыта подобной исторіи мѣняется въ настоящее время, потому, на сколько удалось автору выѣснить Творца изъ творенія. Въ первомъ изданіи сочиненія Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животныхъ и растеній по крайпей мѣрѣ говорилось еще о первообразной формѣ (*Urform*), о невидимомъ исходномъ пунктѣ органическаго міра, говорилось, что Творецъ, вдохнувъ въ нее жизнь. Во второмъ изданіи эта фраза уже опущена:

и нѣмецкій переводчикъ нашелъ нужнымъ замѣтить при этомъ, что *опущено требовалось самымъ существомъ дѣла*. „Миръ не нуждается ни въ какомъ Творцѣ“ — такъ говорятъ наука. „Земля и миръ вѣчны, потому что вѣчность принадлежитъ къ свойствамъ матеріи“. Процессъ происхожденія міра наша наука чуть не раскладываетъ по пальцамъ, — такъ онъ ясенъ для нея! Она знаетъ, какимъ образомъ вѣчный міровой паръ превращается первоначально (*ursprünglich*) въ круговидныя, вращавшіяся массы огня, какимъ образомъ въ силу центробѣжнаго движенія отдѣлялись экваторіальныя кольца, какъ эти послѣднія распадались и образовывали планеты, окружающія свои солнца. Человѣкъ тоже не нуждался ни въ какомъ Творцѣ. Онъ не сотворенъ, а родился, и земля точно такая же ему мать, какъ и всему, что на ней живетъ. Живые организмы образуются изъ неорганической матеріи въ силу свободной, при-
сущей матеріи производительности; жизненныя формы возникаютъ изъ праха, благодаря свойственному ему стремленію къ образованію этихъ формъ. Конечно, допущеніе такой первобытной силы, которая собственною мощью вызываетъ мертвое къ жизни, изъ неорганическаго творитъ органическое, противорѣчитъ самымъ точнымъ результатамъ науки. Но въ научной исторіи творенія за эту силу твердо держатся, какъ за постулатъ необходимый по крайней мѣрѣ для начала. Ревонъ, который приводитъ въ этомъ случаѣ наша наука для своего успокоенія, отлично ее характеризуетъ. Она разсуждаетъ, (и прибавимъ очень справедливо) что „въ противномъ случаѣ возникновеніе организмовъ на земной поверхности можно объяснить только непосредственнымъ дѣйствіемъ высшей силы“. Все, что мы назы-

ваемъ твореніемъ, въ глазахъ современнаго естествоиспытанія есть только развитіе неорганической матеріи въ организмы, ниспаго въ высшее, развитіе несотворенной вѣчной матеріи по присущимъ ей силамъ и законамъ. Въ этотъ же процессъ развитія нужно включить и человѣка. Онъ — цвѣтокъ на древѣ бытія, но это не мѣшаетъ ему быть въ тоже время продуктомъ взаимодействия теллурическихъ силъ.

Въ объясненіи способа, какимъ человѣкъ возникъ изъ матеріи, естествоиспытатели расходятся другъ съ другомъ. Одни съ математическою точностію и вѣрностію, входя въ самыя мелочныя подробности, доказываютъ, что человѣкъ сначала выродился изъ морской слизи. Другіе, съ болѣе поэтическими наклонностями, — идутъ другимъ путемъ и пришли къ тому результату, что первое дитя — человѣкъ родилось въ чашкѣ какого нибудь гигантскаго цвѣтка. „Случается иногда видѣть, говорятъ они, что изъ средины роскошно распустившагося цвѣтка вырастаетъ другой. Почему же вмѣсто второго цвѣтка не появится первому животному? «Смотря на раффлезію съ ея огромной чашкой, легко придти къ мысли, что здѣсь подъ южнымъ небомъ человѣкъ — ребенокъ могъ родиться и найти себѣ помѣщеніе и пропитаніе“. Но по сознанію этихъ же самыхъ изслѣдователей послѣдняя гипотеза должна уступать преимуществу той, по которой „первый человѣкъ выродился изъ гриба на берегу какого нибудь потока, гдѣ не было недостатка въ водѣ для орошенія и питья“. Другіе, не увлекаясь поэтическими прелестями этихъ гипотезъ, а придерживаясь ближе анатоміи человѣческаго организма, производятъ нашихъ праотцевъ отъ допотопныхъ гигантскихъ лягушекъ и въ доказательство

приводить тотъ фактъ, что изъ всѣхъ животныхъ одна только лягушка раздѣляетъ съ человѣкомъ привилегію имѣть икры. За тѣмъ, кто не знаетъ, съ какимъ страстнымъ увлеченіемъ нѣкоторые естествоиспытатели производятъ свой родъ отъ обезьянъ, и съ какимъ неистощимымъ упрямствомъ то и дѣло возобновляютъ генеалогію обезьянъ (*Affengenealogie*). Въ недавнее время возникли семейные раздоры въ семьѣ нашихъ естествоиспытателей; но не нужно обращать на нихъ вниманія; большого значенія они не имѣютъ. Не смотря на указанья нами и нѣкоторыя другія разногласія, во всѣхъ генеалогіяхъ есть одна общая черта—именно всѣ онѣ дружно стремятся лишить человѣка того, что есть въ немъ человѣческаго (*Enhmenschlichung des Menschen*) и уравнить его во всемъ и безусловно съ животными. „Какъ человѣческое тѣло есть видоизмѣненная форма животнаго, такъ и человѣческая душа есть тоже душа животныхъ, только на высшей сравнительно ступени развитія“. Дальнѣйшее слѣдствіе, выводимое изъ этого положенія наукою, состоитъ въ томъ, что душа или то, что называютъ душою,—есть ни больше, ни меньше, какъ функція тѣла. Если жизнь вообще есть ни что иное, какъ проявленіе свойствъ матеріи, то и душа—види то, что ею называютъ,—есть ни что иное, какъ проявленіе потенцій нервной системы—матеріи. Мысль есть продуктъ дѣятельности мозга, какъ пищевареніе есть продуктъ дѣятельности желудка, и сыкъ лягушки и обезьяны не можетъ отдѣляться отъ равенства въ сущности со своими родителями. Коротко и сильно все это выражено въ слѣдующихъ словахъ: „абсолютное различіе между душою человѣка и душою животнаго существуетъ только въ воображеніи, оно есть ни больше

ни меньше, дать выражение человеческого высокомерія; дѣло простое на. просто воспротивиться въ томъ; что человеку хочется во что бы то ни стало. поставить себя выше всего остального творенія. Ему мало того, что онъ и безъ того, составляетъ благороднѣйшую, прекраснѣйшую, лучшую часть всего сотвореннаго, онъ хотѣлъ бы сдѣлать изъ особаго матеріала и одинъ наслаждаться вѣчными блаженствъ, когда все остальное вокругъ него исчезаетъ безвозвратно.

Помяну само собою, что подобные результаты имѣютъ не одно только научное значеніе. Они доняты въ безднѣ матеріи и религію, и нравственность. И действительно коноводы науки не однимъ выразительнымъ молчаніемъ даютъ намъ понять, что если мы вадумаемъ вывести подобное заключеніе изъ ихъ положеній, то они ничего не имѣютъ возразить противъ этого. Напротивъ они сами хлопчутъ о томъ, чтобы опредѣлить какъ можно точнѣе слѣдствія положеній для религіи и нравственности. Стоитъ полюбоваться, съ какимъ демонскимъ усердіемъ старается наша наука уравнивать человека съ животными и въ какую непроходимую грязь она заходитъ. Наглядный примѣръ этому представляютъ изданныя въ прошломъ году ⁽¹⁾ чтенія Фохта о мѣстѣ человека среди мірозданія. То, что называютъ религіей; говорится въ этой книгѣ—есть ни что иное, какъ впечатлѣніе, производимое въ насъ явленіями, смыслъ которыхъ намъ не понятенъ. Такую религію „это ядро вѣры, въ таинственное бытіе высшаго порядка“ имѣетъ и собака, которая, также точно, боится приравнать, какъ любой Бретонецъ или Баскъ. „Всякое явленіе, выхо-

(1) Въ прошломъ же году онѣ переведены и на Русскій языкъ.

дальше изъ ряда обыкновенныхъ, о которомъ собачій носъ не можетъ сообщить никакихъ свѣдѣній своей обладательницѣ; приводитъ самую отважную собаку въ безтолковый страхъ». Что между религіозностью собаки и религіозностью человѣка есть различіе, это не важно. Это различіе существуетъ и въ религіозности самихъ людей. „Тупоумный кретинъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о громѣ; простодушный человѣкъ чувствуетъ передъ нимъ страхъ, какъ предъ явленіемъ природы, причины котораго разгадать не можетъ; язычникъ изъ этого неизвѣстнаго создаетъ для себя особаго бога грома; вѣрующій христіанинъ думаетъ, что это гремитъ его Господь (Hergoth); человѣкъ разсудительный, сколько нибудь знакомый съ физикой, самъ производитъ и громъ и молнію; если только есть у него подъ руками необходимыя для этого аппараты».

Какъ порѣшила наша наука съ нравственностію? Очень просто. На ея взглядъ понятіе о добрѣ и злѣ вовсе не абсолютное понятіе; оно развивается изъ данныхъ потребностей общества, изъ отношеній отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу; иначе, оно есть результатъ общественнаго состоянія. Поэтому несомнѣнно, что понятіе о добрѣ и злѣ также почти развито въ обществахъ животныхъ, смотря по степени развитія у нихъ общественности, какъ и въ обществахъ человѣческихъ. Первая ступень общественности есть семейство. Здѣсь понятіе о добрѣ и злѣ сводится у дитяти къ двумъ пунктамъ—послушанію родителямъ со стороны дѣтей, и наставленіямъ и ласкамъ со стороны родителей дѣтямъ. Подобныя понятія о добрѣ и злѣ мы можемъ найти и въ семействахъ кошекъ: „Маленькій котенокъ, который не прибѣжалъ бы на зовъ матери, или двухъ-

лѣтній медвѣдь, который не позаботился бы о своей сестрѣ, могутъ быть увѣрены, что ихъ точно также выругаютъ, или побьютъ, какъ это бываетъ часто во всякомъ человѣческомъ семействѣ, когда дѣти упустятъ изъ виду первое понятіе о человѣческой и христіанской морали,—послушаніе“. Мы пропускаемъ примѣненіе этихъ же началъ къ государственнымъ порядкамъ; но не можемъ не замѣтить, что подобныя чтенія въ популярной формѣ можно слышать каждую недѣлю и они произносятся публично, „для того, чтобы содѣйствовать дѣлу народнаго образованія, что на нихъ тѣснится многочисленная публика, прислушивающаяся къ нимъ съ жаднымъ вниманіемъ“, и что, по недостатку другихъ помѣщеній, мѣстомъ собранія служатъ даже церкви. —Такое мѣсто отводитъ человѣку современное естествознаніе. Отрицаніе Бога и униженіе человѣка—вотъ его характеристическая особенность.

Матеріалистическое воззрѣніе, отнимающее у человѣка специфическія принадлежности его рода и низводящее его въ рядъ окружающихъ его существъ природы, не есть благопріобрѣтенная собственность современнаго естествоиспытанія. Нѣтъ—ужъ старая мудрость—сводитъ всѣ явленія духовной жизни къ феноменамъ природы, столь же старая, какъ извѣстная дума въ сердцѣ нечестиваго: *нѣсть Богъ*. Но этотъ матеріализмъ не всегда проявлялся въ одной и той же формѣ. И классическая древность имѣла свой матеріализмъ; но въ формѣ, подъ которой онъ проявлялся тамъ, вѣетъ совсѣмъ другой духъ. Матеріализмъ классическаго язычества видѣлъ образъ человѣка въ лирѣ. Дерево и струны лиры, это образы его тѣлеснаго состава. Но кромѣ нихъ есть еще въ лирѣ нѣчто невидимое, безтѣлесное,

нѣчто прекрасное и божественное, это—гармонія, звучащая изъ струнъ. Она исчезаетъ, когда струны будутъ порваны. Эта гармонія, находящаяся въ переходящихъ струнахъ, сама переходящая, но въ то же время родственная божественному и безсмертному, есть человѣческая душа. „Ты, Сократъ, говоритъ Симиасъ въ Платоновомъ Федонѣ, я думаю и самъ знаешь, какъ мы большею частию представляемъ себѣ человѣческую душу. Тѣло наше какъ будто натянута и держится теплотою и холодомъ, сухостию и влажностью и т. д., а душа наша есть смѣсь и гармонія этихъ началъ, зависящая отъ хорошаго и пропорціональнаго соединенія ихъ между собою. Если же душа есть гармонія, то видно, что съ непомернымъ ослабленіемъ нашего тѣла, или съ его напряженіемъ отъ болѣзней и прочихъ золъ, она, не смотря на свое родство съ божественнымъ, должна тотчасъ уничтожиться, подобно тому, какъ уничтожаются и другія гармоніи, когда обрываются струны“. Въ этихъ словахъ заключается то же самое, что хочется сказать современный матеріализмъ, когда называетъ духовную жизнь въ человѣкѣ функцией его организма. Но какъ деликатно и осторожно выражаетъ онъ классическое изыщество! „Душа для него—аккордъ, который исчезаетъ послѣ того, какъ будутъ порваны струны. Въ то же время для чуткаго смысла этотъ умирающій аккордъ, не смотря на свою мимолетность, есть „нѣчто отличное отъ земнаго и смертнаго тѣла и среднее. Божественному“. Современный матеріализмъ говоритъ другимъ языкомъ. Человѣческая душа для него есть душа животнаго. Мысль есть такое же отдѣльное мѣсто, какъ извѣстная жидкость есть отдѣленіе молока. Развигія у человѣка одна съ собакой. Въ та-

дія формы облачаетъ современный матеріализмъ свою мудрость. Матеріализмъ Симміаса находитъ образъ души въ чистой гармоніи и чуткимъ смысломъ отыскиваетъ сродство съ Божественнымъ въ ея мимолетности. Матеріализмъ нашихъ дней переряжается въ животное и находитъ, что какъ бы онъ ни углублялся въ грязь, все еще она не достаточно глубока для того, чтобы отыскать въ ней приличный образъ для человѣческаго духа.— Слово есть оболочка, въ которую облачается духъ, и въ разныхъ словесныхъ формахъ проявляется разный духъ. Матеріалистъ Симміасъ жалуется, что „въ настоящей жизни или невозможно познать истину, или чрезвычайно трудно“. При всемъ томъ это не мѣшало ни ему, ни другимъ искать истины, не мѣшало думать, что, пока въ человѣкѣ есть хоть капля смысла, онъ долженъ держаться того, въ чемъ онъ крѣпче убѣжденъ и что труднѣе опровергнуть, что тотъ можетъ пуститься въ море жизни въ утломъ челнокѣ, кто не имѣетъ возможности съ болѣею безопасностію проплыть это море на прочномъ кораблѣ при водительствѣ Божественнаго Слова“. Въ этихъ словахъ звучитъ жалоба на мракъ, скрывающій истину отъ человѣческихъ глазъ, тоска по Божественному слову, которое могло бы упасть свѣтлымъ лучемъ въ наслѣдованную человѣкомъ тьму. Въ нѣдрахъ Христіанства матеріализмъ имѣетъ другой характеръ,— что, впрочемъ очень естественно. Матеріализмъ нашего времени находитъ даже удовольствіе въ униженіи человѣка; онъ не чувствуетъ ни малѣйшей тоски по божественному Слову, напротивъ даже брится божественнаго Слова, дарованнаго намъ Божественною благодію, и добровольно стремится во тьму. Чтобы дойти до матеріалистическихъ воз-

зрѣній, вовсе не нужно быть знакомымъ съ богатыми и блестящими приобретеніями новѣйшаго естествоиспытанія. Когда человѣкъ теряетъ Бога, онъ теряетъ и самого себя. Матеріализмъ всего менѣе представляетъ собою (незначай) casus научнаго изслѣдованія; его источникъ въ побужденіяхъ свободнаго духа; онъ не есть научная необходимость, а свободный, нравственный фактъ. Если онъ встрѣчается на пути научныхъ изслѣдованій, то его цѣль, сознательно или безсознательно, всегда опредѣляется стремленіями свободнаго человѣческаго духа. Для насъ очень важно поставить этотъ фактъ внѣ всякихъ сомнѣній. Черезъ это мы надѣемся снять съ матеріализма его обманчивое научное покрывало, производящее на многихъ чарующее впечатлѣніе, и показать его въ его внутреннѣйшемъ ядрѣ, въ его побудительномъ мотивѣ, въ его основаніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его наготѣ, какъ нравственный фактъ свободнаго духа, который не находитъ живаго Бога въ твореніи, бессмертной души въ человѣкѣ, духа въ природѣ, единственно потому, что не хочетъ находить.

Яснѣйшимъ образомъ раскроется передъ нами истина нашихъ словъ, если мы рассмотримъ научную исторію творенія въ той ея формѣ, которая недавно возбудила къ себѣ всеобщее сочувствіе и въ которой привѣтствовали новую зарю знанія. Въ этой формѣ она явилась къ намъ изъ Англіи въ сочиненіи Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животномъ и растительномъ.

До послѣдняго времени ученые и неученые принимали за непреложную аксіому, что виды въ царствахъ животномъ и растительномъ суть первобытные, самостоятельные и неизмѣнные типы органическіе, т. е. что фіалка и пальма, орлы и голуби, съ самаго же перваго

момента своего существованія, были тѣмъ же, чѣмъ они теперь и никогда не будутъ ни чѣмъ другимъ. Этотъ взглядъ сроденъ и Христіанскому сознанію, потому что Св. Писаніе неоднократно заявило самымъ положительнымъ образомъ, что Творецъ въ началѣ сотворилъ все *по роду своему* и что во всемъ сотворенномъ заключено *смысла ево въ немъ* (Быт. I. II). Теорія Дарвина отрицаетъ эту аксіому. По этой теоріи различные виды въ царствахъ животномъ и растительномъ не суть первоначальныя и самостоятельныя органическія формы, а въ теперешнемъ своемъ видѣ представляютъ лишь дальнейшее развитіе предшествовавшихъ имъ формъ, которыя черезъ ряды поколѣній въ теченіи милліоновъ лѣтъ прошли тѣ же метаморфозы, которыя на нашихъ глазахъ, въ короткое время совершаются съ яичкомъ, превращающимся сначала въ куколку, потомъ въ гусеницу и наконецъ въ бабочку. Всѣ органическія существа, какія только есть или когда нибудь прежде были на землѣ, произошли отъ одной общей первообразной формы, и теперешніе видовые типы обозначаютъ только пунктъ линѣйнаго развитія, на которомъ находятся въ настоящее время, и степень уклоненія отъ общаго всѣмъ начальнаго пункта. При такомъ представленіи дѣла, понятно само собою, что первобытная форма, эта мать-кормилица всего, что только живетъ и дышетъ, не заключала въ себѣ типовъ съ высшимъ развитіемъ, какъ данныхъ, а что въ ней были только слизистыя клѣточки, или консервы въ формѣ эмбрио. Всѣ виды въ царствахъ животномъ и растительномъ, какіе только существуютъ въ настоящее время на землѣ, свою совокупностію составляютъ какъ бы вѣнецъ величественнаго дерева, которое снизу до верху пускаетъ отъ себя

безчисленное множество вѣтвей, изъ которыхъ каждая покрыта безчисленнымъ множествомъ листьевъ, но и стволъ и вѣтви и весь широкій, раскопный вѣнецъ выросли другъ изъ друга и всё вмѣстѣ изъ маленькаго; незамѣтнаго зернышка.

Вотъ основная мысль въ ученіи Дарвина. Но эта теорія перехода одного вида въ другой и развитія высшаго изъ низшаго вовсе не есть что либо новое. Всё тѣ генеалогіи, которыя мѣсто рожденія человека находили въ чашкѣ гигантскаго цвѣтка, или видѣли въ немъ грибъ въ дальнѣйшемъ развитіи, или сына лягушки, или обезьяны, опирались на этомъ же измѣненіи формъ и на переходѣ изъ одной въ другую. Но до сихъ поръ эта мысль казалась только древою мечтательной фантазіи, лишенною всякаго серьезнаго основанія. По атому она не была принята, какъ мечта заблуждающаго духа, и столько же неудобна къ опроверженію, какъ горячечный бредъ больного. И настоящее значеніе Дарвиновой системы въ томъ и состоитъ, что онъ пытается придать серьезное основаніе теоріи развитія и опареть ее на естественно-историческихъ фактахъ, какъ на прочномъ базисѣ.

По мнѣнію Дарвина, двѣ силы извлекади изъ первоначальной слизистой клѣтчатки и дубъ и пальму, и соловья, и риноцероса, — это *естественный подборъ и дицелъ, и борьба за существованіе.* (1)

(1) Чтобы дать нашимъ читателямъ возможность лучше понять и оцѣнить какъ значеніе этихъ силъ для теоріи Дарвина, такъ и достоинство критической оцѣнки ихъ со стороны нашего автора, мы помещаемъ здѣсь Дарвиново опредѣленіе той и другой силы по переводу г. Рачинскаго.

„Естественнымъ подборомъ я называю сохраненіе полезныхъ уклоненій и гибель вредныхъ“ (стр. 65).

„Я долженъ предупредить читателя, что я употребляю терминъ:

Идея естественнаго подбора вытекаетъ изъ неоспоримаго факта, который состоитъ въ томъ, что подобное рождается отъ подобнаго же, и дѣти бываютъ живымъ снимкомъ со своихъ родителей. Изъ пшеничнаго зерна вырастаетъ пшеница, изъ голубинаго яйца вылупляется голубь. Но съ другой стороны неоспоримо и то, что ни дѣти на своихъ родителей, ни сестры и братья другъ на друга никогда не бываютъ точь въ точь похожи. Побѣги на одномъ и томъ же растеніи не только повторяютъ въ себѣ форму общей матери, но и отличаются какъ отъ нея, такъ и другъ отъ друга какими нибудь особенными, свойственными каждому изъ нихъ чертами. Равнымъ образомъ и въ каждой животной семьѣ у каждаго изъ членовъ ея есть

„борьба за существованіе“ въ смыслѣ обширномъ и метафорическомъ, разумѣя подъ тѣмъ всякую зависимость одного живого существа отъ другого, а также (что еще важнѣе) не только существованіе особи, но и способы ея размноженія. О двухъ собакахъ въ голодное время можно сказать, въ точномъ смыслѣ этого слова, что онѣ борются за пищу, борются за существованіе. Но и про растеніе на окраинѣ пустыни можно сказать, что оно борется съ засухой, хотя болѣе правильно говорить, что оно зависитъ отъ влаги. Про растеніе, производящее ежегодно тысячу сѣмянъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ лишь одно достигнетъ зрѣлости, можно уже съ большею точностью сказать, что оно борется съ подобными себѣ и иными растеніями, погрызающими ветви. (Омела зависитъ отъ яблони и некоторыхъ другихъ деревьевъ, но про нее лишь съ нѣкоторою натяжкою можно сказать, что она борется съ этими деревьями, потому что, при развитіи слишкомъ большаго количества омѣл на одномъ деревѣ, оно чахнетъ и погибаетъ. Но про нѣсколько сѣянокъ омелы, всходящихъ одна около другой на древесной веткѣ, можно сказать въ смыслѣ болѣе точномъ, что онѣ борются между собою. Такъ какъ сѣмяна омелы разносятся птицами, ея существованіе зависитъ отъ нихъ, и можно сказать метафорически, что она борется съ другими растеніями, несущими ягоды, соперничаетъ съ ними въ привлеченіи птицъ, которыя могли бы разнести ея сѣмяна. Во всякіхъ различныхъ значеніяхъ, незамѣтно переходящихъ одно въ другое, я ради удобства буду употреблять выраженіе: „борьба за существованіе“ (стр. 51).

Прим. Перед.

какое нибудь различіе въ формѣ, цвѣтѣ и привычкахъ. Эти уклоненія случайны: по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ихъ причины. Но въ тоже время эти индивидуальныя уклоненія бывають и наследственными. Голубь, отличающійся отъ своихъ родителей и братьевъ необыкновенно короткимъ клювомъ, способенъ передать эту особенность своему потомству; извѣстно также, что у нѣкоторыхъ кошекъ способность ловить крысъ бываетъ наследственною. Но эта дальнѣйшая передача индивидуальныхъ уклоненій имѣетъ глубокое значеніе; въ ней собственно и заключается тайна образованія видовъ. Именно, она можетъ быть полезна, вредна или безразлична для дальнѣйшаго продолженія и образа жизни цѣлаго ряда существъ. Далѣе, — въ природѣ происходитъ борьба между всѣми существующимъ, и именно борьба за существованіе. Всѣ органическія существа размножаются въ высокихъ геометрическихъ прогрессіяхъ. Однолѣтнее растеніе, у котораго въ теченіе года успѣли бы соарѣть только два семени (и между тѣмъ нѣтъ ни одного растенія, которое было бы такъ не производительно) въ теченіе 20 лѣтъ можетъ произвести миллионъ растеній. Миръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ, если бы всѣ зерна достигали полнаго развитія. Такимъ образомъ всѣ растенія не только борются съ сухостью и влажностью, съ холодомъ и зноемъ, но и оспаривають другъ у друга мѣсто, на которомъ стоять, и плодородіе почвы. У всякаго животнаго есть совмѣстникъ относительно жилья и пропитанія, и вообще въ природѣ идетъ конкуренція и борьба на животь и на смерть. Въ этой борьбѣ всегда участвуетъ и развивается далѣе то, что сильнѣе, здоровѣе и ловчѣе. Такимъ образомъ если въ индивидуальныхъ случайныхъ уклоненіяхъ черезъ рядъ ге-

нерацій выдаются впередъ безъ сомнѣнія только тѣ, которыя могутъ съ пользою служить общему бытію въ великой, перекрестной борьбѣ за существованіе, то и тѣ отдѣльныя формы бытія, которыя вносятъ въ общій процессъ бытія уклоненіе, хотя въ самой малой степени полезное для дальнѣйшаго продолженія процесса, представляютъ больше вѣроятія пережить другихъ и размножиться. Равнымъ образомъ и на оборотъ уклоненіе хотя сколько нибудь вредное, въ такой же мѣрѣ содѣйствуетъ искорененію всего рода. Такъ напр. если въ семействѣ волковъ встрѣчаются индивидуумы особенно стройно и легко сложенные, то они лучше поставлены къ ловлѣ и больше представляютъ задатковъ для дальнѣйшаго существованія, чѣмъ толстые и неповоротливые члены семьи, которые свою тучность безъ сомнѣнія передадутъ и своему потомству; потому что при равной силѣ первые обладаютъ большимъ проворствомъ и способіе ловить, чѣмъ эти послѣдніе. Теперь представьте себѣ, что вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ въ природѣ иногда бываетъ необыкновенный недостатокъ въ ловлѣ; естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что тучные волки перемрутъ, а останутся только тощія. Это поддерживаніе полезныхъ и отбрасываніе вредныхъ уклоненій есть естественный подборъ родителей, или естественный выборъ. Природа похожа на садовника, который внимательно слѣдитъ за всѣми растеніями въ своемъ саду и выбрасываетъ тѣ изъ нихъ, которыя хуже другихъ растутъ или менѣе красивы, или менѣе полезны, чѣмъ другіе, и съ особенною заботливостію ухаживаетъ за тѣми, въ которыхъ замѣчаетъ измѣненіе къ лучшему. И кто можетъ высчитать, сколько разъ въ теченіе вѣковъ весь садъ перемѣнитъ свою

физиономію. „Можно сказать, что естественный подборъ ежедневно и ежечасно изслѣдуетъ по всему міру всякое уклоненіе, даже самое ничтожное, отбрасывая все дурное, сохраняя и накопляя все хорошее, неслышно и незамѣтно работая, гдѣ бы и когда бы ни представился къ тому случай, надѣ усовершенствованіемъ всякаго организма, относительно органическихъ и неорганическихъ условій его жизни“. При этомъ онъ такъ медленно и долго производитъ свою работу, что невозможно ее подмѣтить. Можетъ быть цѣлыхъ девять генераций успѣють исчезнуть и развѣ только въ десятой произойдетъ полезное уклоненіе и то въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ. Цѣлые ряды поколѣній успѣють вымереть прежде, чѣмъ между потомками стройно сложеннаго волка найдется одинъ, который будетъ сложенъ еще стройнѣе. При всемъ томъ природа постоянно увеличиваетъ количество полезныхъ уклоненій, а если только черезъ девять въ десятой генерации она будетъ производить одно полезное уклоненіе, то чрезъ 100,000 поколѣній совершится 10,000 полезныхъ уклоненій. Далѣе, могутъ быть также уклоненія въ формѣ извѣстнаго органическаго существа, которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ бывають полезны, а при другихъ вредны. Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ различныхъ вѣшнихъ обстоятельствъ уклоненія идутъ въ различныхъ направленіяхъ, и такъ какъ онѣ въ то же время могутъ возникать и въ различныхъ органахъ, то по необходимости линіи естественнаго подбора должны расходиться въ разныхъ направленіяхъ отъ первобытной формы. Такимъ образомъ, до осязательности ясно, что если въ каждой такой линіи чрезъ миллионы генераций уклоненія будутъ увеличиваться

все болѣе, то наконецъ должны будутъ возникнуть цѣлые ряды организмовъ, которые въ своихъ измѣненныхъ формахъ не удержатъ ни одной черты изъ формы своихъ первобытныхъ предковъ, да и другъ съ другомъ будутъ различаться такъ же, какъ теперь различаются другъ отъ друга рыба и птица, звѣрь и растение. Кромѣ того естественный подборъ находитъ себѣ поддержку въ употребленіи, или въ не употребленіи органовъ. Неспособность нѣкоторыхъ птицъ на островахъ Великаго Океана летать объясняется просто тѣмъ, „что онѣ въ своихъ жилищахъ не ожидаютъ никакихъ нападений со стороны хищныхъ животныхъ“ и такимъ образомъ у нихъ нѣтъ повода практиковаться въ летаньи. Естественнымъ слѣдствіемъ этого обстоятельства была порча ихъ крыльевъ. Не менѣе важное содѣйствіе находитъ естественный подборъ и въ нѣкоторыхъ привычкахъ. Черный медвѣдь въ Сѣверной Америкѣ способенъ четыре часа плавать въ водѣ съ открытою пастью для ловли водяныхъ насекомыхъ. Отсюда дѣлается понятно, какимъ образомъ, благодаря естественному подбору, подкрѣпляемому подобными привычками, могъ возникнуть китъ, который еще и теперь, также точно, какъ медвѣдь въ Сѣверной Америкѣ, плаваетъ въ морѣ за добычею съ открытою пастью.

Вотъ въ краткихъ чертахъ ученіе Дарвина. Оно выходитъ изъ неоспоримыхъ фактовъ и самыхъ невинныхъ наблюдений, въ родѣ того, что изъ одного и того же гнѣзда вылетаютъ и бѣлые и пестрые голуби, и съ длинными и короткими клювами, и прихвативши на помощь нѣсколько міровыхъ періодовъ (Weltäonen) для того, чтобы при ихъ посредствѣ придѣлать къ этимъ фактамъ заключеніе, что также точно изъ первой, само-

бытной формы возникли и грибы, и розы, и быки, и люди,—оно увѣряетъ, что все это возникло мало по малу, благодаря естественному подбору родичей, борьбѣ за существованіе, различію характеровъ, подъ влияніемъ различныхъ условій жизни и различныхъ привычекъ.

Хотя самъ Дарвинъ не примѣнилъ прямо своей теоріи къ человѣку, но за то тѣмъ примѣе и рѣшительнѣе сдѣлали это его послѣдователи. Впрочемъ различіе между учителемъ и учениками въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакого значенія. Примѣненіе къ человѣку требуется основными положеніями Дарвиновой теоріи и составляетъ ея необходимое слѣдствіе. Мы можемъ присовокупить, что теорія продолжительнаго преобразованія одного вида въ другой могла бы быть очень приличнымъ заключеніемъ къ обезьянной генеалогіи (*Affen-genealogie*).

(Окончаніе будетъ).

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ (1).

(Продолженіе.)

Слѣдующіе вѣка представляютъ только необъятное, неупорядоченное по всему Востоку развитіе всѣхъ золь, внесенныхъ въ Церковь IV вѣкомъ. Борьба ея съ враждебными силами была до такой степени многосложна и разнообразна, что почти нѣтъ возможности слѣдить за всѣми изворотами этой борьбы, которая происходила по всѣмъ сторонамъ ея жизни, внутренней и внѣшней. Такъ, не смотря на всеобщую въ тѣ времена слабость научнаго просвѣщенія, не смотря на твердость съ другой стороны религиозныхъ основаній въ тогдашнемъ человѣчествѣ, заключавшихся въ самомъ духѣ его, который хотя поддавался колебаніямъ ересей и расколовъ, но еще не склоненъ былъ, какъ нынѣ, къ отрицанію религіи, въ общемъ принципѣ и существѣ ея, Церковь вынуждалась защищать свой авторитетъ въ дѣлѣ вѣры еще противъ притязаній разума. На этотъ предметъ написало прекрасное сочиненіе бл. Августиномъ. Въ своей книгѣ *о пользѣ вѣры* (*de utilitate credendi*) онъ возстаетъ противъ Манихеевъ, которые при всѣй грубости своихъ заблужденій, увлекали многихъ великодушными обѣщаніями—не учить людей ничему такому, что не очевидно для человѣческаго разума. Эти обѣщанія,

(1) См. мартовск. книжку за настоящій годъ.

обольстительныя особенно для молодыхъ умовъ, были очевидно направлены противъ Церкви, требующей прежде всего вѣры. Бл. Августинъ доказываетъ, что съ такимъ притязаніемъ на чисто-разумное знаніе, Манихеи однакожь заставляли своихъ послѣдователей принимать на вѣру величайшія негѣпости. „Но кто ищетъ истинной религіи, говоритъ Августинъ, тотъ долженъ прежде всего вѣрить, что есть Богъ, управляющій міромъ въ своемъ провидѣніи и что наша душа бессмертна: это есть основа и сущность истинной религіи. Но какъ, какимъ способомъ дойти до нея? Надобно обратиться къ той религіи, которая наиболѣе распространена въ мірѣ и получила наибольшую въ немъ славу. Допуская даже, что и эта религія насъ обманываетъ, мы по крайней мѣрѣ будемъ обманываться вмѣстѣ со всѣмъ челоувѣчествомъ: это не слишкомъ страшно для людей. Манихеи возражали, что истина принадлежитъ только малому числу людей, и для того, чтобы увѣрять въ чемъ либо другихъ, надобно самому въ точности дознать истину. Можетъ быть, истина дѣйствительно составляетъ удѣлъ не многихъ, также какъ напр. краснорѣчіе; не многіе обладаютъ краснорѣчіемъ: но множество признаетъ его въ этихъ не многихъ и удивляется имъ. Однакожь, возражали еще Манихеи, въ православной Церкви, въ которой находится самая большая часть людей, преподаются въ ученіи негѣпости. — А кто утверждаетъ это? Враги Церкви. Вы говорите, что сами видите эти негѣпости, читая св. Писаніе: но вѣрно ли это? — Какъ? Чтобы хорошо понимать мірскаго писателя, напр. поэта, вы обращаетесь къ хорошимъ комментаторамъ, а книги Божественныя, благоговѣнно чтимыя всѣмъ міромъ, вы хотите читать и обсуждать безъ всякаго ру-

ководства? Рѣшительно надобно сказать, что если мы искренно ищемъ, какой религіи доверить намъ свои души, для ихъ очищенія и врачеванія, то безъ всякаго сомнѣнія надобно начать съ Церкви вселенской. И въ настоящее время (въ IV—V вѣкѣ) христіанъ уже гораздо болѣе въ мірѣ, нежели Іудеевъ и язычниковъ— вмѣстѣ. И въ христіанствѣ, хотя есть много различныхъ сектъ, всѣ хотятъ слыть за православныхъ, всѣ соглашаются, что есть и должна быть только одна Церковь и это есть Церковь православная (Catholica), вселенская. Дѣло только въ томъ, чтобы дознать, какому обществу (вѣрующимъ) это титуло, возжелѣнное для всѣхъ, принадлежитъ въ собственномъ смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакого стѣсненія для человѣка: ибо, очевидно, только Церковь даетъ христіанскій характеръ самымъ человѣческимъ законамъ.—Истинная религія, продолжаетъ блаж. Августинъ, можетъ держаться только силою авторитета. Не хорошо быть легковѣрнымъ; но вѣровать въ религіи—не есть слабость. Не многіе, если еще есть такіе, способны начинать дѣло прямымъ пониманіемъ его; большинство доходитъ до пониманія только шагъ за шагомъ. Общій путь есть путь вѣры—съ самаго начала пониманія. Самый способный претывается и падаетъ, если Богъ не является къ нему на помощь: а Богъ помогаетъ только тѣмъ, кто не отдѣляется отъ ближнихъ. Дружба, семейный союзъ, все человѣческое общество покоится на взаимномъ довѣрїи людей, на вѣрѣ слову другихъ: и будто нелѣпо вѣровать въ религіи? Вольнодумцы, которые хотятъ основаться исключительно на разумѣ, *всѣ однакожь признаютъ Христа* и начинаютъ съ этаго признанія: это противорѣчіе самимъ себѣ. Я не видѣлъ Христа своими глазами; какой

же авторитетъ заставить меня вѣровать въ Него, если это—не авторитетъ того множества людей и народовъ, которыхъ заключаетъ въ себѣ Церковь, и которыхъ именно она убѣдила въ истинѣ вѣры? Почему же тотъ самый авторитетъ, который убѣдилъ меня познать и принять на вѣру бытіе и лице Христа, не можетъ убѣдить меня въ томъ, чему Христосъ учить? Чтобы уврачевать человечество, Христосъ приобрѣлъ себѣ авторитетъ чудесами, вѣру людей—авторитетомъ своимъ, множество людей—вѣрою, древность (вѣры)—множествомъ, а древностію утвердилъ религію“.

„Словомъ, заключаетъ блаженный Августинъ, если мы вѣруемъ Провидѣнію Божию, мы должны вѣрить, что Богъ самъ установилъ авторитетъ, посредствомъ котораго мы можемъ восходить къ Нему, какъ посредствомъ лѣстницы, насъ поддерживающей. Только сила авторитета можетъ дѣйствовать на людей, не имѣющихъ довольно собственнаго разумѣнія; только авторитетъ приводитъ ихъ къ познанію истины, и именно двоякимъ способомъ: силою чудесъ и многочисленностію своихъ послѣдователей. Не менѣе того Церковь убѣждаетъ насъ чистотою своихъ правилъ, строгостію поведенія надшихъ, цѣломудріемъ дѣвъ, до такой степени чистымъ, что онѣ какъ будто не имѣютъ плоти, а одинъ духъ; терпѣніемъ, съ которымъ столь великое число мучениковъ переносятъ самыя жестокия изтязанія; безпредѣльною любовію, съ которою столько святыхъ людей раздаютъ все свое имѣніе бѣднымъ, предпочитая для самихъ себя нищету всякому богатству; отрѣченіемъ отъ міра и презрѣніемъ настоящей жизни, соединеннымъ во многихъ подвижникахъ съ нетерпѣливымъ желаніемъ отрѣшиться отъ нея и соединиться съ Богомъ.

Скажутъ, можетъ быть, что не много людей, которые такъ поступаютъ и еще менѣе такихъ, которые дѣлаютъ это съ благоразуміемъ и пользою для себя. Но народы прославляютъ всѣ такіе подвиги; народы съ любовью и почтеніемъ слушаютъ повѣствованія о нихъ; народы чтутъ и любятъ подвижниковъ; народы сознаютъ и сами осуждаютъ свои немощи въ томъ, что не всѣ могутъ такъ жить,—и при этомъ сознаніи невольно возвышаютъ свой духъ къ Богу и възгрѣваютъ въ самихъ себѣ добрыя чувства. Видя все это, можно ли еще колебаться въ единеніи съ Церковію, которая не иными, а именно такими путями, достигла высшаго авторитета въ дѣлѣ религіи?“

Имя бл. Августина между прочимъ тѣсно связано съ борьбою православной Церкви противъ свирѣпыхъ Донатистовъ. Гражданская власть преслѣдовала ихъ главнымъ образомъ потому, что они отличались необыкновеннымъ буйствомъ по городамъ, грабежами, убійствомъ, и так. обр. въ 412 году Оноріемъ подтверждены были всѣ прежніе законы противъ нихъ, подвергавшіе ихъ тяжкимъ пенямъ, изгнанію, лишенію церкви и даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Тѣ, которые не смотря на всѣ эти мѣры, продолжали упорствовать въ своемъ лжеученіи, усилывались и эти самыя мѣры обратить въ свою пользу. Они смотрѣли на себя, какъ на гонимыхъ, и доказывали, что истинная религія должна быть та, которая подвергается преслѣдованію, а не та, которая преслѣдуется. Бл. Августинъ замѣчалъ на это, что не столько мука сама по себѣ дѣлаетъ людей мучениками, сколько самая причина ихъ страданій, что таинствъ образомъ Иисусъ Христосъ не просто сказалъ: блаженны гонимые, а блаженны гонимые *правды ради*. Иначе над-

лежало бы считать между святыми и мучениками пророковъ Ваала, преданныхъ смерти Илією, наравнѣ съ тѣми пророками истиннаго Бога, которые умерщвлены были Іезавелью. Или также разбойники, преслѣдуемые за свои преступленія, были бы правы, а судія, ихъ карающіе, достойны сами осужденія. Донатисты возражали еще, что *человѣкъ, существо свободное, должно быть побуждаемо къ добру болѣе убѣжденіемъ, нежели страхомъ.* Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Августинъ, это было бы лучше. Но, чтобы приучить къ добру нерадиваго и неповорнаго сына, отецъ не вынужденъ ли бываетъ употреблять строгость? Не связываютъ ли цѣпями бѣснующихся, чтобы привести ихъ въ чувство—хотя неволею? Иисусъ Христосъ не представляетъ ли намъ царя, который, пригласивъ сперва дружельюбно гостей на бракосочетаніе, наконецъ посылаетъ слугъ своихъ забирать на улицахъ всѣхъ встрѣчныхъ и приводить къ нему въ домъ, даже противъ воли ихъ? Самъ Иисусъ Христосъ, призвавшій къ себѣ двѣнадцать Апостоловъ одною силою своего слова, не обратилъ ли потомъ Савла противъ его воли, не употребилъ ли принужденія прежде даже наученія, пораженія прежде утѣшенія? И что же? Апостоль, обращенный къ Евангелію страхомъ, трудился потомъ для Евангелія болѣе, чѣмъ всѣ другіе.

Возражали Донатисты и то, что изъ Евангелія не видно, чтобы цари мірскіе призывались на защиту Церкви противъ ея враговъ. Кто же и утверждаетъ противное? отвѣчалъ бл. Августинъ. Тогда, въ началѣ проповѣди Евангелія, цари были даже противъ него. Но и Св. Писаніе показываетъ, что напр. Навуходносоръ, злочестивый, ввергаетъ трехъ святыхъ отроковъ въ печь разжегнную; и тотъ же Навуходносоръ, обращенный,

запрещаетъ подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ наказаній хулить Бога, чтимаго этими отроками. Св. Павелъ, когда предаетъ богохульника власти сатаны, не дѣлаетъ ли гораздо болѣе, чѣмъ если бы онъ предалъ его власти человѣка? Да и лично Апостолъ Павелъ, чтобы избѣгнуть козней Иудеевъ, не воспользовался ли своимъ правомъ римскаго гражданина и не апеллировалъ ли даже къ Императору?“ (1)

Строгости на этотъ разъ не были бесполезны. Донатисты во множествѣ обращались къ Церкви, и потомъ, проводя въ лонѣ ея спокойную жизнь въ мирныхъ занятіяхъ, благословляли эти строгости законовъ и властей, которыя вразумили ихъ и обратили на путь истины. Оставались въ заблужденіи только самые грубые и упорные. Они продолжали злодѣйствовать: убивали православныхъ, похищали и увѣчили священниковъ. Епископы и между ними Августинъ, не смотря на эти злодѣйства, убѣждали гражданскія начальства не прибѣгать къ жестокимъ казнямъ, какихъ Донатисты, по законамъ, заслуживали. „Мы могли бы, писалъ Августинъ къ областному правителю Марцеллину, поставить себя такъ, какъ будто бы смерть Донатистовъ не касается насъ, потому, что не мы обвиняемъ и представляемъ ихъ вамъ на судъ; но намъ было бы прискорбно, если бы страданія служителей Божіихъ были отпущены по закону возмездія. Мы не хотимъ препятствовать, чтобы у злодѣевъ отнята была свобода дѣлать зло: но мы желаемъ, чтобы, безъ отнятія у нихъ жизни, безъ увѣчья, вы заставили ихъ перейти отъ буй-

(1) *Augustini Serm. 359. opp. T. 9. Contra Gaudentium. lib. 1. n. 39. Epist. 93. 105.*

ства въ спокоествію, отъ преступныхъ дѣйствій въ жизни трудовой, общепользной“ (1). „Мы помнимъ, писалъ таинъ Августинъ къ проконсулу Апрингію, помнимъ слова Апостола, который говоритъ о васъ, что вы не боитесь ума. мечъ носите, что вы служители Бога для казни злодѣевъ; но иное—дѣло Государства, иное—дѣло Церкви. Государство хочетъ и имѣетъ надобность быть страшнымъ; а Церковь должна отличаться милосердіемъ. Если бы теперь я имѣлъ дѣло съ судьбою—не христіаниномъ, я не говорилъ бы съ нимъ такимъ образомъ; однакожь изъ за этого я не оставилъ бы дѣла Церкви, и если бы онъ захотѣлъ меня выслушать, я бы объяснилъ ему, что страданія христіанъ должны быть образцами терпѣнія, что ихъ слава не должна омрачаться провію ихъ враговъ, и если бы онъ не сдался на мои убѣжденія, то я заподозрилъ бы его въ ненависти къ религіи. Съ тобою—дѣло другое. Если, съ одной стороны, ты облеченъ высокою властію, то съ другой — ты чадо христіанскаго благочестія. У насъ обоимъ дѣло одно, общее; но ты можешь сдѣлать то, чего я не могу. Будемъ же вмѣстѣ разсуждать и дѣлать, и ты подай мнѣ помощь. Дѣло дошло до того, что враги Церкви, усиливающіеся увлечать невѣжественныхъ людей видомъ мнимыхъ гоненій, которыми даже тщеславятся, сами признаются въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ противъ православныхъ священнослужителей. Нужно будетъ публиковать судебные акты, чтобы вразумить и исправить тѣхъ, которыхъ эти враги смущаютъ. Но неужели вы захотите, чтобы мы не рѣшились публиковать эти акты вполнѣ, какъ скоро они

(1) *August. Ep. 133.*

будутъ содержать въ себѣ кровавыя казни этихъ несчастныхъ и чтобы міръ заподозрилъ пострадавшихъ (православныхъ) въ жиданіи—воздать злою за зло?“(1)
„Если пропонулъ, писалъ еще Августинъ Марцеллину, хочеть настоять на своемъ намѣреніи—назнить Донатистовъ смертію, то по крайней мѣрѣ внесите въ акты тѣ письма, которыя писалъ я къ вамъ обоимъ по этому дѣлу. Если и этого не хотите, то держите виновныхъ въ темницахъ, а мы возьмемъ на себя обратиться къ милосердію Царей и убѣдить ихъ, чтобы страданія служителей Божиихъ не были обезславлены кровію враговъ ихъ“ (2).

Такия прекрасныя мысли бл. Августина совершенно выражали духъ всей Церкви. Мы уже замѣчали, при обзорѣни IV вѣка, какъ чужда была Церкви всякая жестокость въ отношеніи къ самымъ жестокимъ врагамъ ея. Прибавимъ теперь только слова св. Златоуста, вполне единомысленныя съ Августиномъ: „Христосъ воспрещаетъ, говоритъ Златоустъ, исторгать плеселы, чтобы, исторгая ихъ, не истребить вмѣстѣ и пшеницы. Такимъ образомъ онъ запрещаетъ войны, всякое пролитіе и убійства; и еретиковъ убивать значило бы водворять въ міръ самую жестокую и непримиримую войну. Не возбраняетъ Христосъ разгонять скопища еретиковъ, заграждать имъ уста, отнимать у нихъ свободу, но убивать не дозволяетъ“(3).“ Тамъ болѣе Церковь побуждалась отрицать смертныя казни еретиковъ, что эти казни оказывались болѣею частію бесполезными. Это не противорѣчитъ тому, что мы нѣ-

(1) Epist. 134.

(2) Ep. 139.

(3) Златоуста бесѣд. на Евангеліе Маттея. 47.

сколько выше ставали о пользѣ строгостей противъ Донатистовъ. Былъ замѣчательный фактъ. Гражданскіи мѣры противъ еретиковъ, отнимавшія у нихъ права званія и состоянія, подвергавшія ихъ изгнанію и т. п., но не касавшіяся ихъ жизни, если не вразумляли упорныхъ, особенно коноводовъ ересей, то хорошо дѣйствовали на тѣхъ, которые болѣе по увлеченію, обману, по какимъ нибудь расчетамъ послѣдовали за этими коноводами; эти мѣры отнимали силу у ересей именно тѣмъ, что лишали ихъ покровительства законъ и властей гражданскихъ, съ потерю которыхъ терялись всѣ выгоды еретическихъ обществъ. Тогда люди, занимавшіеся не столько религіозными вопросами, сколько житейскими интересами и въ еретическихъ обществахъ болѣе по глупости или по расчетамъ практическимъ дѣйствовавшие—а такихъ всегда было весьма много въ этихъ скопищахъ—ясно видѣли, что съ потерю покровительства законъ, имъ нечего дѣлать въ нихъ, нечего приобрѣтать, а все можно только потерять. Таковы были соображенія простонародья и вообще низшихъ классовъ общества, которые, хотя не чуждались участія въ религіозныхъ дѣлахъ, но никогда не забывали пользы своей трудовой, незатѣливой и не свободной жизни. Потерять званіе, состояніе, отчизну, всѣ связи семейныя и общественныя для людей этого рода значило потерять все, значило даже не меньше лишенія жизни. Поэтому-то мы замѣтили выше, что многіе изъ Донатистовъ, обращенныхъ къ Церкви посредствомъ гражданскихъ мѣръ, благословляли впоследствии свою судьбу и считали себя счастливыми, что покорились этимъ мѣрамъ. Совсѣмъ другой взглядъ былъ въ еретичествѣ на смертныя казни. Эти казни самыхъ злодѣйственныхъ еретиковъ дѣлали въ глазахъ ихъ об-

щества — мучениками и святыми. Пролитая кровь не только называла въ обществѣ еретиковъ къ отищенію, но и придавала имъ твердую, *нравственную* силу, которой они сами по себѣ имѣть не могли бы: а какъ скоро человекъ, или общество, или партія, какой бы ни былъ ихъ образъ мыслей и характеръ, приобретаютъ нравственную силу, возбужденную сознаніемъ своего страдальчества за убѣжденія свои, они дѣлаются необыкновенно крѣпкими и на долго неодолимыми. Слабые умственно, физически, граждански, просто — глупые и невѣжественные, безоружные, презрѣнные и униженные, они дѣлаются сильными нравственно. Тогда уже никакія вразумленія и увѣщанія не дѣйствуютъ; даже никакія стѣсненія и насилія не уничтожаютъ зла. Остается одно изъ двухъ: или непрестанно умножать, усиливать смертныя казни, придумывать новыя виды и степени ихъ, словомъ лить кровь потоками безъ мѣры и безъ числа жертвъ, или — уступить ожесточенію заблудшихъ и такъ или иначе примириться съ ними. Тутъ будетъ тоже, что было у языческихъ правительствъ съ христіанствомъ. Чѣмъ болѣе эти правительства проливали христіанской крови, тѣмъ не одолимѣе для нихъ становилось христіанство, тѣмъ болѣе оно распространялось и усиливалось, пока наконецъ правительства убѣдились, что имъ не остается ничего болѣе, какъ признать христіанство. Въ виду проливаемой крови еретиковъ и сама Церковь не можетъ быть въ нормальномъ положеніи. По духу своего ученія, по чувствамъ своего сердца, по положительнымъ заповѣдямъ Христа, она не можетъ ни въ какомъ случаѣ сочувствовать пролитію крови — даже враговъ своихъ; она можетъ, она должна желать и искать только обращенія ихъ. Если

и не она требует, а гражданское правительство само рѣшаетъ предавать ихъ смерти: Церковь, не измѣняя себя и своимъ правиламъ, не можетъ допустить этого; она не должна оставаться безмолвною зрительницею этихъ ужасовъ; она должна протестовать противъ нихъ, т. е. другими словами: она должна на этотъ разъ отречься сама за себя отъ защиты гражданской и принимать на себя уже защиту собственныхъ своихъ враговъ. Не странно ли такое положеніе? И это дѣло казней, не пріятное и тяжкое для самой Церкви, весьма выгодно именно для ея враговъ, потому, что возвышаютъ ихъ въ собственныхъ ихъ глазахъ, возвышаютъ нравственно въ глазахъ всего міра, парализуетъ дѣло самой Церкви и затрудняетъ для нея обращеніе заблудшихъ. Этого мало: казни еретиковъ заставляютъ Церковь невольно раздѣлять съ ними величайшую славу ея — славу мученичества; они конечно не могутъ быть признаны мучениками въ понятіяхъ и предѣлахъ Церкви: но они — мученики въ своихъ обществахъ, предъ гражданскимъ обществомъ, предъ глазами цѣлаго міра. Понятія міра или гражданского общества, безъ сомнѣнія, для Церкви не много значатъ: но много значить то, что казни за вѣрсіи составляютъ мученичество въ понятіяхъ самихъ еретиковъ, и Церковь съ своей стороны, хотя не можетъ считать ихъ страданія невинными, но не можетъ признать ихъ и правильными, согласными съ Евангелиемъ, не можетъ не признавать ихъ не достоимыми. А это очень важно.

Къ чести первыхъ вѣковъ христіанства подобно замѣтить, что кровавыя мѣры противъ еретиковъ весьма рѣдко и мало употреблялись тогдашними правительствами. Самые законы, осуждавшие еретиковъ на тяжкія

казни, почти совсѣмъ не исполнялись ⁽¹⁾. Дѣйствительное преслѣдованіе ересей огнемъ и мечемъ принадлежить уже позднимъ временамъ, и именно въ предѣлахъ Западной Церкви, когда, отдѣлившись отъ Восточной и при этомъ отдѣленіи потерявъ чистый духъ древней вселенской Церкви, она рѣшила въ видахъ самосохраненія, на придуманныхъ ею самыхъ ложныхъ основаніяхъ; принять отъ государствъ и употреблять такія средства. Въ первые же вѣка огонь и мечъ употреблялись только противъ самой Церкви... Она страдала, но не хотѣла, чтобы страдали даже враги ея.

Голосъ блаж. Августина, выражая общій духъ Церкви, высказывалъ и характеръ мѣстной церкви. Въ этомъ отношеніи духъ древней Церкви былъ такъ твердъ и неизмѣненъ въ своей чистотѣ и въ своемъ единствѣ, что тоже самое соединеніе строгости съ протостию, обличеній съ терпимостию, рѣшительнаго отдаленія отъ всякаго вольномыслія и иномыслія внутри общества вѣрующихъ — съ готовностию принимать обращающихся отъ заблужденій со всевозможною снисходительностию, какое видимъ въ Церкви Восточной, находимъ въ тоже время и въ Церкви африканской и въ другихъ. Туже благость, снисходительность и миролюбіе; такая Восточная Церковь показывала въ отношеніи къ аріанамъ, македоніанамъ, новатіанамъ и во всемъ другимъ еретикамъ и раскольникамъ, Церковь африканская обнаруживала въ своихъ отношеніяхъ къ доначистамъ. Въ началѣ V вѣка (418 г.) въ Карфагенѣ былъ большой соборъ африканскихъ епископовъ, который, между прочимъ, постановилъ: „не только не повторять крещенія

(1) Созоменъ: II. Ц. 7, 12.

лишь такими, которые въ младенчествѣ крещены были
Донатистами, но и принимать ихъ въ православный
взглядъ, когда они обращаются къ православію (Каре.
57. 68); признавать въ степеняхъ священства даже соб-
ственныхъ клириковъ донатистовъ, обратившихся къ
Церкви, и это допустить именно въ пользу желающихъ
перейти къ православію, *чтобы*, говоритъ опредѣленіе
собора, *не было поставлено никакой преграды или едн-
менію*“ (79). Это замѣчательное постановленіе сдѣлано
даже вопреки правиламъ римской Церкви, протестовав-
шей противъ него. Карфагенскій соборъ отвѣчалъ, что
это онъ дѣлаетъ *ради мира и собственной пользы Цер-
кви*. „Собственно же, прибавляетъ соборъ, которые въ
мѣстахъ своего жителства усмотрѣны будутъ всячески
содействующими католическому единенію, тѣмъ да не
будетъ препотою опредѣленіе, постановленное противъ
отщепеней донатистовъ за моремъ (т. е. въ Римѣ): ибо
спасеніе не ограждено ни отъ какого лица.“ (Тамъ
же). Затѣмъ, рѣшивъ отправить отъ себя пословъ къ
епископамъ донатистовъ въ видахъ соглашенія съ ними,
соборъ объявилъ по всей африканской Церкви свои на-
мѣренія относительно ихъ, именно намѣренія—обращать-
ся съ ними до послѣдней возможности кротко, мирно и
нисходительно. „По дознаніи и изслѣдованіи всего,
пользѣ церковной: споспѣшеествовать могущаго, по ма-
ноденію и внушенію Духа Божія, мы избрали за луч-
шее—поступать съ этими людьми кротко и мирно, хотя
они безпокойнымъ своимъ разномысліемъ и весьма уда-
ляются отъ единства тѣла Господня. Такимъ образомъ,
по возможности нашей, да содѣлается совершенно из-
вѣстнымъ для всѣхъ, по всѣмъ африканскимъ областямъ,
уловленныхъ ихъ общеніемъ и пріязнію, какимъ жа-

ду Иеремии, лорду Архигальду, лорду Томасу (Фомъ), лорду Якову и всѣмъ прочимъ возлюбленнымъ моимъ сынамъ во Христѣ.» Въ письмѣ своемъ Арсеній говорить, что онъ получилъ ихъ письмо, съ отвѣтомъ къ патріархамъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ; упоминаетъ при томъ, что императора теперь нѣтъ въ Москвѣ, и обѣщаетъ, тотчасъ же по возвращеніи его въ Москву, препроводить ихъ отвѣтъ къ патріархамъ. Въ послѣднихъ просятъ ихъ будущія письма писать по латынѣ.

Британскіе епископы отвѣчали на письмо Арсенія слѣдующимъ образомъ:

«Воспочтеннѣйшему и святому господицу, лорду Арсенію и пр. Епископы католической церкви въ Британніи, ждуютъ всякаго счастья и преслѣванія во Христѣ.

«Письмо ваше, именитѣйшій прелатъ, полное всякой любви и благожелательности, писанное въ Москвѣ, получивши мы со всякимъ радованіемъ и благодареніемъ и вѣликимъ образомъ восхищались тѣмъ, что такъ сильно въ сердцѣ вашемъ наполняется желаніемъ мира и единенія, и что слѣдовательно, вы сдѣлаете все, что будетъ возможно, для достиженія сей цѣли. Истинно, вы сдѣлали намъ величайшее одолженіе, препроводивъ нации письма къ именитѣйшему лорду, великому канцлеру, которому мы также чрезвычайно обязаны за то, что онъ, по добротѣ своей, благоволилъ намъ обѣщать свое покровительство. Равно мы чувствуемъ себя обязанными вамъ и за то, что вы имѣете намѣреніе поручить наши письма и все наше дѣло покровительству его императорскаго величества, и расположить къ намъ сердце столь великаго императора. Увѣряемъ васъ, что насъ не заставитъ малодушествовать ни дальность расстоянія, ни другія какія либо препятствія на

Ч. II.

В.—1851 г. декабрь 22, 28

пути къ искомому нами единенію; мы сильно и неослабно будемъ желать и ожидать успѣха въ семъ дѣлѣ; и для того попытаемся сдѣлать все, что только можно будетъ сдѣлать, безъ оскорбленія нашей совѣсти.

„Архимандритъ Геннадій, человекъ достойный всякой похвалы, крайне намъ любезенъ: скорбимъ только, что при тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы поставлены, не можемъ доказать ему болѣе ощутительнымъ образомъ нашу признанность къ нему. Къ вашимъ трудамъ святѣйшіе патріархи присовокупили дары и по своему великому благоволенію дарствуютъ намъ превосходныя книги: таковую милость ихъ мы всегда будемъ памятовать благодарно.

„Искреннѣйше просимъ васъ привѣтствовать отъ нашего имени почтеннаго протосинекла: его труды, труды любви, навсегда будутъ написаны въ нашемъ сердцѣ. Но вы, вѣснѣйшій, еще дальше и дальше продолжаете свершать ваши подвиги любви. Пошлите же наши отвѣты къ святѣйшимъ патріархамъ, и вѣдайте, что мы чрезвычайно за что будемъ вамъ обязаны. Да дастъ вамъ милосердый Господь жить въ мирѣ, благополучіи, радованіи и здравіи! Да благопошлѣнитъ Онъ вамъ въ вашихъ начинаніяхъ, и да продолжитъ Онъ ваши дни на землѣ, ради его святой Церкви!

Строки эти, возлюбленнѣйшій братъ, писали мы только двое, въ настоящее время. Остальные наши товарищи не подписали здѣсь именъ своихъ, изъ-за дальности разстоянія. Однакожь какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ они согласны съ нами, и имѣютъ величайшее къ вамъ уваженіе.

Jeremias, Angliae Episcopus.

Archibaldus, Scotiae Episcopus.

Лондонъ, 28 іюня, 1722—3.

Арсеній въ свою очередь отвѣчалъ епископамъ, называя ихъ лордъ Іереміа, лордъ Архибальдъ, лордъ Юма, лордъ Яковъ! Въ письмѣ своемъ онъ говоритъ, что отвѣты препровождены имъ къ патриархамъ, и что императоръ принялъ живое участие въ этомъ дѣлѣ. Далѣе, въ исполненіе воли императора, онъ объявляетъ, что хорошо бы было имъ послать въ Россію двухъ (Богослововъ) для взаимныхъ дружескихъ совѣщаній, только, для избѣжанія недоразумѣній, оградить эти совѣщанія именно тѣми двумя пунктами, въ которыхъ Новационъ имѣютъ сомнѣнія. Въ томъ же самомъ письмѣ Арсеній упоминаетъ, что патриархъ Константинопольскій уведомилъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ о полученіи ихъ отвѣтовъ, и что они будутъ тотчасъ же обсуждены имъ, какъ скоро откроется его засѣданіе по сему дѣлу. Письмо это писано въ Москвѣ, и помѣчено 25-мъ апрѣля, 1723.

Св. Правительствующій Синодъ также написалъ письмо къ „почтеннѣйшимъ Епископамъ католической церкви въ Британніи,“ въ которомъ онъ упоминаетъ объ отправленіи отвѣтовъ (писанныхъ погречески) къ патриархамъ, и общаетъ споспѣшествовать этому дѣлу всеми своими силами. Равно говоритъ, и о томъ, что императоръ желалъ бы, чтобъ они послали двухъ богослововъ для разсужденій по тѣмъ пунктамъ, изъ — за которыхъ выходитъ разногласіе. Письмо это писано въ февралѣ 1723 года. Въ слѣдующемъ году, въ мѣсяцѣ февралѣ, Святѣйшій Синодъ написалъ другое письмо къ англійскихъ епископамъ. Какъ видно, первое письмо не было препровождено, потому что архимандритъ не въ состояніи былъ продолжать свое путешествіе. Онъ и въ этомъ письмѣ, какъ и въ первомъ, указываетъ

на нужду въ конференціи. Этой порой отвѣты патриарховъ получены были въ С.-Петербургъ и препровождены въ Англію при томъ же посредствѣ. Документъ адресованъ къ „наипочтеннѣйшимъ Епископамъ католической церкви въ Великобританіи, нашимъ любезнѣйшимъ братьямъ.“ Заглавіе его слѣдующее: „Православное исповѣданіе апостольской, католической и восточной Церкви Христовой.“ Какъ видно, Синодъ собирався для разсмотрѣнія и перваго отвѣта англійскихъ епископовъ; и вотъ теперь, препровождено къ нимъ рѣшеніе его. — Патриархи увѣдомляютъ, что они получили отвѣтъ англійскихъ епископовъ; и прибавляютъ, что имъ нечего больше сказать въ дополненіе къ ихъ прежнему отвѣту. Они положительо утверждаютъ, что ученіе опредѣлено и что „незаконно ни прибавлять къ нему что либо, ни отнимать что либо отъ него: и что тѣ, которые располагаются согласиться съ нимъ относительно божественнаго ученія православной вѣры, необходимо должны послѣдовать и подчиняться тому, что положено и опредѣлено древними Отцами и святыми вселенскими соборами, отъ временъ Апостоловъ и ихъ святыхъ преемниковъ,—отцевъ нашей церкви, до сего времени. Мы говоримъ,—должны подчиниться всему этому съ искренностію и послушаніемъ, безъ всякой мнительности и безъ всякаго препирательства. Этотъ отвѣтъ совершенно достаточенъ на все, что вы писали.“ Съ этимъ письмомъ они препровождаютъ „Изложеніе Православной Вѣры“ Восточной церкви, одобренное на Іерусалимскомъ Соборѣ въ 1672 году и отпечатанное въ 1675. Что касается до обычаевъ и церковнаго чина, и до формы и дисциплины въ дѣлѣ преподаванія таинствъ, „все это

легко можетъ быть устроено,“ говорятъ они, „когда совершится самое дѣло единенія. Ибо намъ извѣстно изъ церковной исторіи, что были и теперь есть разные обычаи и постановленія въ разныхъ мѣстахъ и перивахъ, и что единство вѣры и ученія тѣмъ не менѣе сохраняется.“ Письмо это подписано патриархами и разными архіепископами и епископами, и помѣчено сентябрѣмъ 1723 г., въ Константинополѣ. Изданіе этого Synodus Bethlehemetica, на которое указывается въ письмѣ, напечатано въ Парижѣ, въ 1676; въ манускриптѣ, переведенномъ Nonjurgos—епископами, мы имѣемъ только отрывки изъ него. Въ этомъ документѣ строго утверждается ученіе о пресуществленіи (Transubstantiatio) и ученіе относительно иконъ подобное тому, которое заключается въ прежнемъ отвѣтѣ патриарховъ. За переводомъ этого рѣшенія Синода, слѣдуетъ письмо отъ Вареоломея Кассано (Cassano); гдѣ дѣлается намекъ на его услуги, и испрашивается у епископовъ позволеніе дѣйствовать за нихъ и въ ихъ пользу: слѣдующій за тѣмъ документъ есть письмо къ Архимандриту, дядѣ Кассано, въ которомъ просятъ его позволить—племяннику его сопутствовать ихъ братьямъ въ Россію. Оно заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Почтенный Господинъ, мы искренно и сильно желали бы, чтобы вашъ родственникъ, Вареоломей Кассано, сопутствовалъ нашимъ двумъ собратамъ въ Россію, въ качествѣ ихъ толмача по общему намъ дѣлу: имъ это было бы пріятно, а для насъ это необходимо.

„Ваши братія во Христѣ, и покорнѣйшіе слуги,

Archibaldus, Episcopus Scoto—Britanniae.

Jeremias, Primus Anglo-Britannico Episcopus.“

Далѣ, слѣдующій за тѣмъ документъ есть письмо къ Арсенію, въ С. Петербургъ.

„Не можемъ не сознаться, что много, много мы обязаны Вашему Преосвященству, ибо мы чувствуемъ, что столько времени вы продолжаете оставаться въ Москвѣ, съ тою главною цѣлю, чтобы споспѣшествовать дѣлу единенія между нашею и вашею—церквами. При этомъ (т. е., конечно, вашемъ) посредствѣ намъ гораздо легче было вступать въ сношенія съ святѣйшими патріархами Востока, чѣмъ при всякомъ другомъ посредствѣ. Мы относимъ къ вашему достоинству, къ вашему личному участию, къ вашей прирожденной вамъ добротѣ то, что мы обрѣли милость въ глазахъ великаго російскаго императора, и что онъ, по снисхожденію своему, не только приказалъ отправить наши письма къ святѣйшимъ патріархамъ и переслать къ намъ ихъ отвѣты, но и соблаговолилъ еще изъявить желаніе, чтобы устроилась конференція между духовными лицами по тѣмъ пунктамъ, изъ-за которыхъ выходитъ разногласіе. Согласно съ симъ мы и увѣдомили архимандрита и протосинкелла, что мы не замедлимъ прислать двухъ духовныхъ. Случилось однакоже такъ, что одинъ изъ нихъ, избранный нами для сей цѣли, по причинѣ дальности разстоянія его отъ насъ, долго не могъ пріѣхать, и потомъ долженъ былъ не малое время употребить на приведеніе дѣлъ своихъ въ порядокъ; и отъ того-то нынѣшнее лѣто оказалось для насъ потеряннымъ. Если же Богу угодно будетъ, они явятся къ вамъ слѣдующимъ лѣтомъ, при открытіи первой возможности. Между тѣмъ мы не можемъ не просить васъ—какую либо представить за насъ апологію предъ лицомъ императора, канцлера и великаго Св-

нода, дабы они не подумали, что это произошло отъ нашего нерадѣнія въ дѣлѣ такой важности, которое истинно лежитъ у насъ на сердцѣ. Да пролетѣтъ свое благословеніе Господь всемогущій и на наши усилія, и на насъ, и на всѣхъ, кто простираетъ руку помощи къ преспѣванію этого великаго дѣла. Поручая Ваше Преосвященство Его святому храненію, мы подписываемся.

Jeremias, Primus-Anglo Britanniae Episcopus.

Thomas, Anglo-Britanniae Episcopus.

Iohannes, Anglo-Britanniae Episcopus.

Юля 13, 1724.

Они послали также письмо и въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

„Милорды, съ не малымъ удовольствіемъ получили мы письма Вашихъ Преосвященствъ. И честь, которую Вы намъ оказываете вашей корреспонденціей, и заявленіе ревности, съ которой вы смотрите на сближеніе церквей, неволью побуждаютъ насъ выразить предъ вами нашу признательность, тѣмъ болѣе, что перспектива становится все отраднѣе. Какъ дѣло единенія служить предметомъ чаянія и съ той и съ другой стороны, то мы надѣемся, что и средства къ совершенію его окажутся болѣе дѣйствительными. Да, славное дѣло — закрыть проломы, учиненные въ Каеодической Церкви: отстать отъ него возможно бы было только тогда, когда бы для того нужно было разставаться съ существенными истинами Вѣры. Если же и останется какое либо различіе между нѣкоторыми, впрочемъ, немногими вѣтвями вѣры, то на сейразъ могутъ помочь намъ любовь и терпимость: онѣ послужатъ къ успокоенію совѣсти и къ оживленію (reviving) гармоніи въ дѣлѣ

Богослуженія. Такимъ-то образомъ намъ можно будетъ купно участвовать во всѣхъ службахъ церкви, и ходить въ дому Божию, подобно друзьямъ. Что до его императорскаго величества, то никто не можетъ такъ чувствовать его благоснисходительную благость и царственное великодушіе, какъ мы: вотъ отъ чего и умоляемъ васъ высказать предъ нимъ нашу покорнѣйшую благодарность.

Къ сожалѣнію, нынѣшнимъ лѣтомъ не можемъ мы послать къ вашимъ Преосвященствамъ двухъ нашихъ духовныхъ, какъ мы о томъ писали въ почтенному архимандриту и протосингеллу: что дѣлать съ непредвидѣнными обстоятельствами? Онъ-то, надѣмся, и послужитъ намъ въ извиненіе предъ вами. Дѣло такого рода: одинъ изъ нихъ прѣхалъ въ городъ слишкомъ поздно, и долго не могъ привести въ порядокъ свои частныя дѣла, такъ что и прошла пора навигаціи. Но вотъ, какъ скоро наступитъ слѣдующая весна, они навѣрное, если то Богу угодно будетъ, явятся къ вашимъ преосвященствамъ съ нашимъ достойнымъ другомъ Кассано. Мы очень, очень обязаны протосингеллу за тѣ великія безпокойства и заботы, которыя онъ имѣлъ по этому дѣлу: и скорбимъ теперь, что обстоятельства наши не дали намъ возможности оказать ему болѣе ощутительные знаки нашего къ нему уваженія. Тоже самое мы должны сказать и относительно архимандрита и его племянника. Сей послѣдній, при свиданіи съ вами, съ большими подробностями разкажетъ вамъ о разныхъ невыгодахъ нашего положенія, и еще болѣе увѣритъ васъ, какъ искренно мы именуемъ себя, Милорды, покорнѣйшими и послушнѣйшими слугами вашихъ преосвященствъ —

Archibaldus, Scoto Britanniae Episcopus.

Jeremias, Primus Angliae Episcopus.

Thomas, Angliae Episcopus.

Johannes, Angliae Episcopus.

Юля 13, 1724.

Письмо къ Канцлеру.

„Милордъ, знаменитость и влиятельность вашего положе-
ния при дворѣ императора великой Россіи снова
ставяють насъ обратиться къ вамъ, и покор-
нѣе просить ваше снѣтельство содѣйствовать въ
гдѣ сближеніи между Великою Московскою и Британ-
скою церквами. Мы беремъ эту смѣлость потому, что
вѣрены въ расположеніи вашего снѣтельства къ этому
истинному дѣлу. Равно мы глубоко чувствуемъ уни-
женіе и благодать его императорскаго величества,
которымъ его величество благоволилъ позволить
въ вступити въ разсужденіе о некоторыхъ пунктѣ
съ нѣкоторыми лицами изъ русскаго духовен-
ства, въ видахъ взаимнаго примиренія и единенія. Это
воленіе имѣть личную конференцію служитъ новымъ
изательствомъ благодати его императорскаго вели-
чества, и предъотвратитъ замедленіе, неизбежное при
изменной корреспонденціи.“

а тѣмъ же, какъ и въ прежнихъ письмахъ, объ-
яснить причину замедленія своего: и подписываются
те, какъ и на прочихъ письмахъ. Упоминають еще
олученіи книгъ.

Нижеподписанныя имена свидѣтельствуютъ, что ко-
пѣны британскихъ церквей получили изъ рукъ Иако-
почтеннаго протоскнижника александрійскаго, четыре
ма. ученые книги, которыя присланы сюда въ даръ,
гользу каеодическаго останна нашей церкви, бла-

женѣйшимъ господиномъ Хрибакеемъ, патриархомъ Иерусалимской церкви, и съ величайшею тщательностію и вѣрностію переданы намъ почтеннымъ преосвященнымъ, за что мы считаемъ себя премного обязанными, и всепокорнѣйше благодаримъ.

13 Юля, 1724.“

Этотъ документъ подписанъ четырьмя епископами, какъ и прежде: за тѣмъ прибавлено слѣд. замѣчаніе, отъ 8-го Марта, 1724—5:

„Г-на Кассано проситъ написать, что мы были готовы, какъ вдругъ пришло печальное извѣстіе о смерти императора: отъ того остановилось дѣло; остается ожидать новыхъ распоряженій и предписаній отъ Двора.“

По сему случаю они такъ писали въ свѣтѣйшій Синодъ:

„Мы глубоко тронуты печальнымъ извѣстіемъ о смерти великаго императора, и сердечно соболезнуемъ съ вашими Преосвященствами по сему злополучному обстоятельству, хотя надѣемся, что утрата эта можетъ быть восполнена возшествіемъ на престолъ ея императорскаго величества. Это несчастіе приостановило ходъ нашего дѣла: теперь остается ожидать новыхъ распоряженій, предписаній и новыхъ выраженій воли вашихъ Преосвященствъ. Для сей цѣли мы просили нашего достойнаго друга г. Кассано, на вѣрность и попечительность котораго мы вполне полагаемся, представиться Вашимъ Преосвященствамъ. Поручая Ваши Преосвященства храненію Божию, остаемся и пр.

Апрѣля 11, 1725.“

Подобнаго же содержанія послужило письмо къ Канцлеру, и за подписаніемъ тѣмъ же четырьмя епископовъ. Выпишемъ слѣдующее за тѣмъ письмо къ Арсенію.

Съ великимъ участіемъ выслушали мы вѣсть о смерти русскаго императора; теперь наше дѣло пріостановится, доколѣ мы не получимъ отъ двора новыхъ респонсивовъ. Съ другою нашимъ Кассано мы послали одно письмо въ святѣйшій Синодъ, а другое въ великому канцлеру, о содержаніи котораго онъ самъ можетъ сказать вашему Преосвященству. Мы желали бы, чтобы еще Преосвященство благоволило увѣдомить насъ о положеніи дѣлъ относительно нашего религіознаго предпріятія; вмѣстѣ съ тѣмъ продолжили вашу пріязнь и благоклонность къ намъ, которые истинно насъ счастлываютъ. Поручая ваше Преосвященство храненію Вѣнскія, всегда остаемся и пр.“

Письмо это помѣчено 11-мъ Апрѣля, 1725 г. и подписано только тремя епископами. Канцлеръ увѣдомилъ о полученіи письма 16-го Сентября, 1725. Въ письмѣ своемъ выразивъ имъ свою благодарность за участие въ общей потерѣ Россіи, онъ увѣряетъ, что дѣло объ единеніи не будетъ оставлено безъ вниманія и ея императорскимъ величествомъ.

Лабури писавшій исторію этихъ англійскихъ епископовъ, замѣчаетъ однакожь при семъ, что „въ то время не было никакихъ дальнѣйшихъ сношеній и дѣло распалось.“

Въ концѣ корреспонденціи между Nonjurgis и воюною Церковію есть указатель разныхъ бумагъ. Важно ктому еще, что нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ ны на греческомъ, другія на латинскомъ, а нныя на англійскомъ языкѣ. За указателемъ слѣдуетъ записка Арсенія.

Арсеній, архіепископъ еривандскій, былъ посланъ въ 712 г. Самуиломъ, патриархомъ александрійскимъ,

нѣтъ великаго Каира въ Египтѣ, съ порученіемъ—разкрыть, предъ протестантскими принцами и державами Европы, истинно жалкое положеніе греческой церкви подъ жестокииъ тиранскииъ игомъ турокъ, и испросить известную сумму денегъ, въ особенности для патриаршаго александрійскаго престола, обремененнаго тяжкимъ долгомъ, простиравшиися до 80,000 долларомъ: долгъ же этотъ сдѣланъ нѣкимъ Козьмою, прежде бывшимъ архіепископомъ Синайской горы, который всестески старался упомянутаго Самуила лишить права на его александрійскій патриархатъ и усвоить его себѣ, — и дѣйствительно, при посредствѣ подкупленнаго имъ великаго визиря, успѣлъ было взойти на упомянутый патриаршій престолъ; духовенство однакожь благородно отстояло своего патриарха, Самуила, и не допустило его до отреченія отъ престола. Въ этомъ-то случаѣ, чтобъ имѣть какия либо денежныя средства, Самуиль былъ вынужденъ то продать, то заложить и священные сосуды, и патриаршія одежды, и разную церковную утварь. Козьма наконецъ отказался отъ своихъ притязаній на александрійскій престолъ; но вскорѣ потомъ законнымъ образомъ былъ избранъ на престолъ константинопольскій; съ той поры между нимъ и Самуиломъ водворились миръ и дружба. Въ какое именно время Арсеній прибылъ въ Англію, я не могъ открыть; вѣрно только то, что онъ былъ въ Лондонѣ въ 1714 и 1716 годахъ. Онъ получилъ для церкви александрійской отъ королевы Анны 300 фунтовъ стерлинговъ и отъ Георга I-го 100 фунтовъ. Но Арсеній, такъ долго оставаясь въ Лондонѣ, и съ спутниками въ числѣ девяти человекъ, вошелъ въ долги, только изъ-за одного насущнаго прожитанія, — для уплаты коиъ, въ

послѣдствіи, онъ вынужденъ былъ обращаться съ обычными прошеніемъ ко всемъ благотворительнымъ и сострадательнымъ лицамъ. Ему отсутствовали Геннадій (конечно тотъ самый, который въ корреспонденціи называется архимандритомъ), настоятель инокъ александрийскаго престола, діаконы и разные служащіе лица. Все это изложено у него подробно въ брошюрѣ, in 4-ю, состоящей изъ двадцати страницъ, (включая тутъ заглавный листъ и предисловіе) подъ заглавіемъ — „Lacrime et Sanguis Ecclesiae Graecae“, т. е. слезы и воздыханія греческой церкви, или (приведу сполна) — бѣдственное состояніе греческой церкви, смиренно изображенное въ письмѣ къ ея величеству, покойной королевы Анны. Напечатано въ Лондонѣ, 1715.“

„Не только смерть царя положила конецъ такъ многожеланному единенію между греческою церковію и британскими Nonjurs: равно и безразсудное (indiscretis) писаніе іерусалимскаго патріарха къ Уэку (Wake), бывшему тогда кантербурійскому архіепископу, и посылаемъ ему (въ копію) условій единенія и пр. прямо нанесли ударъ этому дѣлу въ самую его голову. Уэкъ съ своей стороны велъ себя весьма благоразумно и осторожно въ семь дѣлъ: онъ не показывалъ и не обличалъ этихъ бумагъ, и слѣд. не дѣлалъ ихъ предметомъ послѣдствій.“

„Я часто слышалъ, что покойный Томасъ Раттрей (Dr Thomas Rattray), бывши въ Лондонѣ въ 1716 году, помогать г. Спексу, когда сей послѣдній занимался переводомъ на греческій предложеній Nonjurs: восточной церкви.“

Такъ оканчивается рукописный сборникъ этой корреспонденціи, говорить г. Латемъ (Latham).“

Обратился еще разъ къ той брошюрѣ, на которую указываетъ Брегъ. Писатель предисловія, вѣдь видно, горячо взялся за дѣло. Арх. Арсенія. Вотъ какъ онъ говоритъ тамъ: „Въ слѣдующихъ бумагахъ излагаются бѣдстванная обстоятельства греческой церкви въ Александріи, церкви, достойней по древнѣйшему и непрерывно хранящемуся въ ней преемству: епископовъ, отъ самыхъ Апостоловъ; которые передали намъ Христіанскую вѣру, ее учение и благочестіе во всей чистотѣ... Если мы пользовались трудами ученыхъ и благочестивыхъ отцевъ этой церкви; если мы обязаны Клименту, Оригену, Дионисію, Афанасію, Кириллу, Златоусту и другимъ; за то, что они передали намъ вѣру церкви вопреки еретикамъ и безбожникамъ; если мы были *во ду-летствѣ* изъ (дѣлакъ) причастниками: то не *должны ли мы молчаливо или съ полнотой?*“ Въ прошеніи сдѣлано обращеніе къ „благороднымъ, почтеннымъ и достойнымъ людямъ, къ дворянству, офицерамъ и гражданамъ въ англійскомъ королевствѣ; ко всѣмъ; у кого только сердце проникнуто чувствомъ братолюбія и соболъзнованія о бѣдствующихъ собратіяхъ.“ — Не забыта и англійская церковь при семъ случаѣ. Она называется въ прошеніи „церковію, по всей землѣ известною ея правдолюбіемъ и благочестіемъ.“ Къ прошенію Арх. Арсенія присовокуплено письмо александрійскаго патріарха въ королевѣ Аннѣ, въ которомъ положеніе александрійской церкви представляется въ самомъ жалкомъ и злополучномъ видѣ. — Показаніе патріарха засвидѣтельствовано британскими консулами въ Каирѣ и Триполи, и еще нидерландскимъ консуломъ въ Тунисѣ. — Какъ отовалась на это прошеніе англійская публика, ни въ запискахъ того времени; ни

ь запискахъ позднѣйшихъ ничего о томъ не говорится.

Что до печальной судьбы самихъ епископовъ Nonjurgs, то она съ каждымъ годомъ становилась все печальнее. Ихъ небольшая община скоро развѣтвилась на двѣ дѣльныя части, одинаково однакожь враждебныя національной англійской церкви. Спенсръ, съ своими единомышленниками, всталъ во главѣ одной партіи, а Комръ и Бретъ во главѣ другой: первый удержалъ англійскій „общій молитвенникъ“, за то настаивалъ, что

присягать новому королю, ни молиться за него не можно, а послѣдніе ввели какую-то новую причастную ужбу, и такъ всѣ пошли путемъ новаго дѣленія.

Въ 1724 году изъ этихъ двухъ партій образовались е новыя дальнѣйшія подраздѣленія.

Зыть можетъ, слѣды этого дробленія, на которое не-ѣжно осуждаются всѣ самовольныя, такъ называе-я, „религіозныя движенія“, и теперь гдѣ-либо, въ томъ другомъ видѣ, проявляются и такъ или иначе да- себя чувствовать.

Прот. Вигелія Поповъ.

НАУЧНЫЯ ГЕНЕАЛОГІИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНА- НІЯ И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ТЕОРІЯ ДАРВИНА. (¹)

На первыхъ страницахъ Св. Писанія повѣствуетъ о сотвореніи міра. *Богъ рече и бысть*. Творческое слово Всемогущаго облекло Божественную мысль матеріальнымъ покровомъ и сообщило всему существующему форму и содержаніе. Видимый міръ имѣетъ свое начало въ невидимомъ Божественномъ Первоисточникѣ, служитъ Его дѣломъ и откровеніемъ. Въ такихъ чертахъ передаетъ исторію творенія міра Св. Писаніе—исторію, не человѣкомъ вымышленную, а откровенную Самимъ Богомъ.

Извѣстно, какъ относится современное естествознаніе къ этой исторіи. Оно называетъ повѣствованіе Св. Писанія о сотвореніи міра „мифомъ“, который чловѣкъ создалъ себѣ самъ во времена своего простодушнаго дѣтства, или позаимствовалъ со стороны, называетъ „пустыми и безсодержательными грѣзами“. Взамѣнъ библейскаго сказанія о сотвореніи міра современное естество-

(¹) Evangelische Kirchen Zeitung 1865. № 35. При той жадности, съ какою переводятся и читаются у насъ всѣ иностранныя сочиненія по естествознанію и особенно сочиненія Дарвина, переводъ этой статьи, въ которой по нашему мнѣнію, совершенно справедливо оцѣнены означенныя сочиненія съ научно—богословской точки зрѣнія, не будетъ излишнимъ.

лостнымъ заблужденіемъ они себя свизали. Можетъ быть тогда, какъ мы съ кротостію собираемъ разномыслящихъ, по слову Апостола, дасть имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины.“ (пр. 77.). Вотъ текстъ самаго приглашенія отъ соборныхъ пословъ къ долатистамъ. „Законно вступаемъ съ вами въ сношеніе, бывъ посланы отъ законнаго нашего собора, желая возрадоваться о вашемъ исправленіи. Мы вѣдаемъ любовь Господа рекшаго: *блажени миротворцы, яко ти сынове Божиіи нарекутся.* Воспоминувъ Онъ также и чрезъ Пророка, да еще и не хотящимъ нарицаться братіями нашими, глаголемъ: *вы братія наши.* И такъ не долженствуете вы уничтожать это, отъ мирной любви происходящее наше напоминаніе. Если что истинное имѣть думаете, не усомнитесь защищать то: то есть соберите вашъ соборъ, изберите изъ среды васъ тѣхъ, которымъ можете вѣрить дѣло оправданія вашего; да и мы возможемъ тоже сдѣлать, то есть да изберутся отъ нашего собора долженствующіе съ избранными изъ среды васъ, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, мирно изслѣдовать все подлежащее вопрошенію, и отдѣляющее васъ отъ нашего общенія, и помощію Господа Бога нашего, хотя поздно да восприметъ конецъ закоснѣвшее заблужденіе, дабы послѣдуя человѣческому увѣренію, души немощныя и несвѣдущія не погибли въ святотатственномъ раздѣленіи. Ибо если братски это примете, то истина удобно обнаружится; если же этого сдѣлать не восхотите, то невѣріе ваше тотчасъ познается.“ (пр. 103.). „Такая искренность, замѣчаетъ самъ соборъ, изначала, во всѣ времена, сіяла въ католической Церкви.“ (пр. 104.).

Не смотря однакожь на такую снисходительность и

миролюбіе, вызовъ Собора, на этотъ разъ, не имѣлъ успѣха. Донатисты, *объятыя безнадежностію*, какъ объясняетъ Соборъ, ничего не нашли отвѣчать ему. Они, по всегдашнему обычаю всѣхъ заблуждающихъ, рѣшились на еще болѣе насильственные поступки противъ православныхъ, особенно клириковъ, и самыхъ церквей. Тогда православный соборъ былъ вынужденъ обратиться къ помощи гражданской власти; но и тутъ соборъ не требовалъ и не предполагалъ никакихъ уголовныхъ казней: онъ только просилъ о возобновленіи противъ донатистовъ прежнихъ законовъ, отнимавшихъ у нихъ права званія и состоянія. „А тѣмъ, прибавляетъ Соборъ, которые помышленіемъ о единеніи и мирѣ восхотятъ исправить себя, да будетъ разрѣшено, и при существованіи таковаго закона, получать наслѣдства, хотя бы что въ даръ или въ наслѣдіе досталось имъ еще тогда, когда они находились въ еретическомъ заблужденіи, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ, которые по призываніи къ суду, почли нужнымъ перейти къ Каѳолической Церкви. *Ибо о таковыхъ полагать должно, что не по страху небеснаго суда, а по алканію земныхъ выгодъ они пожелали Каѳолическаго единенія.*“ (пр. 104.). Такъ внимательно Церковь искала въ дѣлѣ вѣры чистоты побужденій, не увлекаясь даже обращеніемъ къ ней иномыслящихъ! Она и тутъ полагала предѣлы свободѣ совѣсти, и весьма справедливые и точные. Вмѣстѣ съ симъ Соборъ испросилъ у Императора назначенія особыхъ *содѣйствователей* (*ἐπεξερουσις*) изъ свѣтскихъ лицъ, которые обязаны были содѣйствовать епископамъ въ обращеніи донатистовъ, не принудительными какими-либо мѣрами, а наблюденіемъ и распоряженіями, чтобы донатисты, бывъ призываемы епископами для

совокупныхъ разсужденій о вѣрѣ и для увѣщаній къ обращенію, не уклонялись отъ нихъ подѣ разными предлогами и не производили, вмѣсто того, буйства въ городахъ и селеніяхъ. Духовное, нравственное дѣйствование на еретиковъ было вполне предоставлено епископамъ, даже подѣ личною ихъ отвѣтственностію, такъ что невнимательные къ этому дѣлу епископы подвергались лишенію церковнаго общенія; а если бы кто изъ епископовъ ложно показалъ о воссоединеніи донатистовъ съ Церковію, тотъ присуждался даже къ изверженію изъ епископства. (Карѣ. 137. 138).

Въ это же время Церковь восточная возмущена была новымъ лжеученіемъ — несторіанскимъ. Это былъ развивающійся раціонализмъ, дальнѣйшій послѣ аріанства шагъ своеобразно мудрствующаго разума въ вопросахъ вѣры. Если аріанство касалось высшаго догмата вѣры, единосуція Трѣхъипостаснаго Божества, то несторіанство посягало на ближайшій къ человѣку предметъ вѣры — искупительное воплощеніе Божества. Вопросъ аріанства — существо Сына Божія; вопросъ несторіанства — личность Іисуса Христа. Первое было отвлеченіе, и потому требовало, для своего поддержанія, чрезвычайныхъ усилій діалектики; послѣднее — положительнѣе и держалось болѣе разсудочнымъ, чѣмъ идеальнымъ мышленіемъ. Оттого-то, можетъ быть, аріанство, не смотря на широкій разливъ его по Востоку, съ теченіемъ времени испарилось; а несторіанство доселѣ тамъ живо. Личность самаго Несторія представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи Церкви. Въ самый день своего посвященія въ епископскій санъ, онъ, въ присутствіи всего народа, обратился къ Императору съ такими словами: „Государь! дай ты мнѣ зем-

лю, очищенную отъ ересей: и за то дамъ тебѣ небо, помоги мнѣ истребить еретиковъ: я помогу тебѣ уничтожить Персовъ.“ (1) Само собою разумѣется, что въ этихъ словахъ не могло быть ничего, кромѣ крайняго легкомыслія и грубаго тщеславія. „Тогда же отъ людей, умѣвшихъ по словамъ заключать о качествахъ души, замѣчаетъ современный историкъ, не укрылся характеръ Несторія.“ (2) И Несторій не замедлилъ обнаружитъ свой духъ въ полной его силѣ. Съ первыхъ же дней своего епископства, онъ воздвигъ жестокое гоненіе на еретиковъ и довелъ ихъ до отчаянія: слѣдствіемъ были открытыя возмущенія ихъ, въ которыхъ гибло множество людей. О жестокости гоненій можно судить потому, что не только еретики, но и православные прозвали Несторія—жжигателемъ. Даже православные дѣйствій его противъ ересей не одобряли. Дѣйствія его были совсѣмъ не въ духѣ и не въ обычаяхъ Церкви, замѣчаетъ историкъ, котораго нельзя назвать твердымъ ревнителемъ Православія. Но скоро, и слишкомъ скоро самъ Несторій попалъ въ число еретиковъ: сначала по легкомыслію и невѣжеству, допустивъ раздѣленіе во Христѣ двухъ лицъ, Божескаго и человѣческаго; признавъ во Христѣ не воплощеніе въ собственномъ смыслѣ Божества, а только нравственное соединеніе Божества съ человѣчествомъ, которое стало храмомъ Божества, Несторій, потомъ по гордости и грубому упрямству; не хотѣлъ отстать отъ этаго лжеученія. Тогда созванъ былъ вселенскій Соборъ въ Ефесѣ. Ничего не можетъ быть согласнѣе съ духомъ Церкви, вѣрнѣе, благотворнѣе и могущественнѣе этаго средства — рѣшать

(1) Сократъ въ Ц. И. 7, 30.

(2) Тамъ же.

ажныя дѣла Церкви, т. е. созванія собора; соборъ еленскій — достойнѣйшій и, прибавимъ, единственныйъ въ своемъ родѣ представитель вселенской Церкви. Но помѣшательство гражданской власти, подъ видомъ покровительства, дѣлало много помѣшательства, даже безчестія Церкви и въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ соборъ еленскій. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ въ Ефесѣ. Императоръ Феодосій (младшій) хотѣлъ, чтобы на соборѣ присутствовалъ одинъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ *для наблюденія за порядкомъ и тишиною въ заседанияхъ собора*; вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ поручилъ этому сановнику — не допускать на соборѣ никакихъ разсужденій о частныхъ дѣлахъ, не касающихся догматовъ вѣры, также о дѣлахъ гражданскихъ, хотя бы ни относились и къ самимъ членамъ собора, не дозволить имъ оставлять произвольно Ефесъ и выпроводить оттуда только свѣтскихъ лицъ и монаховъ, не званыхъ на соборъ. Императоръ, правда, не давалъ своему полномулючю входить въ самыя сужденія собора о предметахъ вѣры, предоставляя это епископамъ. Но будто дозволить собору одно и не позволять другое, ограничивать тѣсными предѣлами его разсужденія, какъ будто вопросы вѣры не могутъ имѣть связи съ дѣлами жизни гражданской, это — не посягательство на свободу и права Церкви? Будто присутствіе свѣтскаго лица въ средѣ собора, съ полицейскими правами, само по себѣ не оскорбляло и не унижало собора Отцевъ Церкви? А если тѣмъ не менѣе оно было тутъ нужно для порядка, который и на соборѣ Отцевъ такъ или иначе могъ быть нарушенъ и потребовать для своего восстановленія свѣтской власти: то это полицейское назначеніе свѣтскаго чиновника должно было дать ему мѣсто у дверей

Собора, а не въ средѣ его. Назначались ли духовныя лица для присутствія въ государственныхъ совѣтахъ, съ полномочіемъ наблюдать ихъ внутреннее, нравственное достоинство, чтобы напр. члены ихъ не позволяли себѣ противорелигіозныхъ или противонравственныхъ мнѣній и рѣчей и т. п.? Или такія рѣчи въ такихъ собраніяхъ всегда были невозможны?—Но *сама неправда себѣ*; свѣтская власть не замедлила въ Ефесѣ обнаружиться въ свойственномъ себѣ духѣ: сановникъ, посланный Θεодосіемъ на Соборъ, оказался сторонникомъ и покровителемъ Несторія. Это былъ знатная въ то время особа—Кандидіанъ, одинъ изъ царедворцевъ. Онъ привелъ съ собою въ Ефесъ даже отрядъ войска, которымъ и окружилъ Несторія, чтобы придать ему силу и защитить отъ послѣдствій суда соборнаго. Потомъ Кандидіанъ началъ распоряжаться соборнымъ дѣломъ, какъ власть, какъ хозяинъ: было объявлено, что Соборъ долженъ начать свои разсужденія только тогда, когда позволить Кандидіанъ. Когда же онъ узналъ, что Соборъ, не смотря на его запрещеніе, началъ свое дѣло и съ перваго же раза осудилъ Несторія, то самъ вошелъ въ Церковь, гдѣ собирались епископы, и именемъ Царя объявилъ это противнымъ царской волѣ. На требованіе Собора—показать письменное выраженіе царской воли, Кандидіанъ долго отвѣчалъ отказомъ; но, наконецъ, вынужденный настояніемъ Собора, показалъ письменный документъ, въ которомъ его полномочіе выражалось совсѣмъ не такъ, какъ онъ говорилъ. Пристыженный и раздраженный, Кандидіанъ былъ еще такъ дерзокъ, что публично выставилъ въ Ефесѣ письменный протестъ противъ Собора и донесъ Императору о его *непокорности*. Несторій съ своей стороны, полагаясь на

защиту Кандидіана, и нравственную — предъ императоромъ, и матеріальную — предъ Соборомъ и народомъ, не покорился соборнымъ опредѣленіямъ, остался, не смотря на осужденіе Собора, при своемъ лжеученіи; и, какъ извѣстно, даже не явился на соборъ для необходимыхъ объясненій по вопросамъ вѣры. Кандидіанъ открыто взялъ его подъ свое покровительство. Вотъ оно, настоящее дѣло свѣтской власти, вмѣшавшейся въ дѣла Церкви! а для сохраненія порядка и благочинія на самомъ Соборѣ присутствіе сановника вовсе и не требовалось: на Соборѣ, и безъ него, все происходило въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Но озлобленный противъ Собора Кандидіанъ до такой степени забылся, что даже соборное осужденіе Несторія публично объявилъ недействительнымъ: а Императору представилъ всѣ дѣйствія Собора неправильными и возмутительными; епископовъ — членовъ Собора окружилъ солдатами, подвергалъ всякому насилію, стѣснялъ даже въ необходимыхъ потребностяхъ жизни; позволялъ черни публично оскорблять ихъ; наконецъ *собственною властію запретилъ имъ священнодѣйствіе*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устроилъ особый соборъ противъ Вселенскаго, въ городской гостинницѣ, изъ немногихъ епископовъ — приверженцевъ Несторія. Этотъ странный соборъ отмѣнилъ опредѣленія Вселенскаго, возстановилъ Несторія въ санѣ епископа, и свое рѣшеніе, даже не объявивъ въ Ефесѣ, отправилъ прямо въ Царьградъ къ Императору и сенату.

Императоръ, въ свою очередь обманутый ложными донесеніями Кандидіана, прислалъ въ Ефесъ свое повелѣніе, чтобы ни одинъ епископъ не выѣзжалъ изъ Ефеса, пока вопросы вѣры не будутъ вновь обсужде-

ны въ общемъ собраніи всѣхъ епископовъ, разумѣя здѣсь и тѣхъ, которые уже низложены были Соборомъ. Съ этимъ повелѣніемъ императоръ отправилъ въ Ефесъ новаго сановника, Палладія. Этотъ былъ не лучше прежняго; онъ, не давъ Собору времени на всестороннее обсужденіе царскаго повелѣнія, заставилъ Отцевъ на другой же день, по полученіи его, изложить письменно свои объясненія и даже не хотѣлъ дождать подписи всѣхъ членовъ Собора; изъ всего числа ихъ (болѣе 200) объясненіе успѣли подписать только пять. Однакожъ Соборъ успѣлъ объяснить императору дѣло; а потомъ, подтвердивъ низложеніе Несторія съ его единомышленниками и отверженіе его ученія, Соборъ отправилъ изъ среды своей къ императору депутатовъ для личныхъ объясненій и врученія ему подлинныхъ актовъ Собора. Но вскорѣ Отцы Собора узнали и убѣдились, что всѣ ихъ посланія къ императору перехватываются на дорогѣ агентами Кандидіана и самаго Несторія. Депутаты, отправленные отъ Собора въ Константинополь, были также задержаны и не допущены ко Двору. При Дворѣ между тѣмъ придумали такой способъ къ порѣшенію всего этаго дѣла: утвердить за одно низложеніе и Несторія и Кирилла Александрійскаго, его обличителя и предсѣдателя Собора, и Мемнона, епископа ефесскаго, не допуская нѣсторіанъ до священнослуженія въ Ефесѣ, а прочихъ епископовъ, освобожденныхъ такимъ образомъ отъ вліянія этихъ лицъ, главныхъ дѣятелей въ этой смутной исторіи, заставить согласиться между собою въ ученіи вѣры, во что бы ни стало. Съ этою цѣлію былъ отправленъ въ Ефесъ еще новый чиновникъ, Иринея, который заключилъ подъ военную стражу Кирилла и Мемнона, а Несторія милостиво пору-

чидъ охраненію Кандидіана. Наконецъ православные, не видя конца этимъ насиліямъ, и понимая, что императоръ и всѣ власти въ Константинополѣ не имѣютъ вѣрныхъ свидѣній о положеніи дѣлъ, вручили свои письма къ нимъ нищему, который, скрывъ эти письма въ своемъ пустомъ внутри посохѣ, благополучно доставилъ ихъ въ столицу. Въ тоже время православные цареградскіе иноки, подъ водительствомъ св. Далмата, успѣли расположить императора въ пользу Церкви; „кого ты хочешь слушать, говорилъ Далматъ Θεодосію: шесть тысячъ епископовъ (православныхъ) или одного нечестивца (Несторія)?“ Шестъ тысячъ—тогдашнее число епископовъ въ Церкви восточной. Съ своей стороны клиръ константинопольскій выразилъ императору слѣдующія замѣчательныя мысли: „мы не колеблемся представить вашему величеству дѣйствительное состояніе Церкви. Религія научаетъ насъ повиноваться предержавной власти на столько, на сколько это полезно душамъ. Законы Божескіе внушаютъ намъ дерзновение даже предъ вами, тѣмъ болѣе, что величество ваше утверждается на вѣрѣ православной, и въ настоящемъ случаѣ мы рѣшились воспользоваться этимъ правомъ. Мы прямо изъявляемъ вамъ наши мысли и чувства; если ваше величество утвердите низложеніе Кирилла и Мемнона, постановленное еретиками, то мы готовы, съ твердостью, свойственною христіанамъ и пастырямъ, предать самихъ себя тѣмъ же скорбямъ, какія понесли эти святые мужи, въ томъ убѣжденіи, что это было бы достойнымъ съ нашей стороны воздаяніемъ имъ за страданія ихъ ради вѣры. Поэтому мы просимъ васъ утвердить судъ великаго большинства, имѣющаго на своей сторонѣ авторитетъ мѣстъ, занимаемыхъ имъ въ

Церкви, и которое, тщательно изслѣдовавъ вопросы вѣры, пришло къ убѣжденію, согласному съ Кирилломъ и Мемнономъ. Не подвергайте страны общему смущенію, а лучше оградите миръ Церкви и воспрепятствуйте отдѣленію отъ нея малочисленной партіи, которая и не отдѣлилась бы, если бы была послушна церковнымъ правиламъ. Если представитель вселенскаго Собора терпитъ такую несправедливость, то она простирается на всѣхъ тѣхъ, кто раздѣляетъ его мнѣнія; поэтому уже надобно, чтобы и всѣ епископы міра были изложены вмѣстѣ съ нимъ и чтобы имя православныхъ осталось за Аріемъ, Евноміемъ, и под. Не допустите же, чтобы Церковь, воспитавшая васъ духовно, была такимъ образомъ растерзана, и чтобы въ ваше время еще явилось мученичество. Подражайте благочестію вашихъ предковъ, повинувась вселенскому Собору и подерживая его опредѣленія вашими распоряженіями“ (1).

Императоръ, можетъ быть желая яснѣе понять дѣло, а можетъ быть, чтобы не показать излишней уступчивости клиру цареградскому и Далмату съ его иноками, не остановился на ихъ представленіи, а потребовалъ, чтобы изъ Ефеса присланы были къ нему новые депутаты съ той и другой стороны, Кирилловой и Несторіевой, которые изустно раскрыли бы ему сущность и обстоятельства дѣла. Соборъ ефесскій назначилъ отъ себя восемь епископовъ, которымъ далъ строжайшее повелѣніе—не входить ни коимъ образомъ въ церковное общеніе съ противною стороною, и если бы даже самъ императоръ требовалъ этаго общенія, не слѣдовать ему иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы несторіане

(1) Labbe. S. Concilia. T. 3, pag. 777.

оставили Несторія и подписали соборное осужденіе его. Несторіане, съ своей стороны, также отпразднили депутатовъ.

Депутаты однакоже не были впущены прямо въ Константинополь, изъ опасенія народныхъ волненій, а остановлены въ Халкидонѣ. Императоръ самъ прибылъ въ Халкидонъ, чтобы выслушать депутатовъ той и другой стороны и выслушивалъ ихъ до пяти разъ. Но, по причинѣ крайняго разногласія между противными сторонами, не зная, какъ рѣшить дѣло. Удаливъ только Несторія изъ Ефеса и отъ Константинополя и позволивъ православнымъ избрать на его мѣсто новаго епископа, Феодосій ограничился такимъ объявленіемъ Собору, что онъ, не видя возможности согласить противныя мнѣнія, прекращаетъ Соборъ, повелѣваетъ всѣмъ епископамъ (между прочими и Кириллу) возвратиться къ своимъ церквамъ, но что *пока живъ, онъ не можетъ согласиться на осужденіе восточныхъ противниковъ Кирилла* (1), такъ какъ не доказаны предъ нимъ обвиненія противъ нихъ со стороны послѣдователей Кирилла. „*Впрочемъ не наше дѣло — и солашатъ васъ!*“ заключилъ императоръ. Вотъ что значитъ взять на себя дѣйствительно не подлежащее дѣло; не оставалось ничего болѣе, какъ признаться въ этомъ предъ цѣлымъ міромъ. По настоящему слѣдовало бы съ этого начать. И не лучше ли, даже не справедливѣе ли было бы предоставить Церкви въ ея дѣлахъ принадлежащія ей права и свободу, не принимая на себя пересуживать эти дѣла, только оказать дѣйствительное покровительство ей по ея собствен-

(1) Т. е. Іоанна антиохійскаго и другихъ, державшихъ сторону Несторія противъ Кирилла.

ному разумѣнію своихъ дѣлъ, а не мірскому, несостоятельному въ нихъ воззрѣнію, только внѣшнее покровительство, а не внутреннее вмѣшательство въ ея область? Не будь еще тутъ Кандидіановъ, Иринеевъ, Палладіевъ, и др., вѣрно было бы лучше, и не для Церкви только, а и для государства, потому что тогда государство, конечно, не дошло бы до несчастной роли покровительства — во что бы то ни стало — признанной лжи и явному злу, и самъ императоръ избѣжалъ бы жалкаго положенія — не состоятельнаго мыслителя въ предметахъ высшаго мышленія и не находчиваго судьи въ дѣлахъ не мірскихъ. Да вѣрно и въ народѣ было бы меньше волненій.

Православные епископы остались при своихъ мнѣніяхъ относительно ученія Несторіева и не хотѣли измѣнить его соборнаго осужденія. Они не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ ни противной сторонѣ, ни самому императору; они согласились только убѣдить Кирилла Александрійскаго, чтобы онъ оставилъ въ забвеніи насилія, претерпѣнныя имъ въ Ефесѣ отъ императорскихъ сановниковъ. Кириллъ и не отказалъ въ этомъ, твердо стоя только за чистоту и неизмѣнность вселенскаго исповѣданія вѣры.

Состоявшійся такимъ образомъ вселенскій Соборъ въ Ефесѣ издалъ окружное посланіе, въ которомъ, объявивъ всѣхъ послѣдователей Несторія лишенными церковнаго общенія, между прочимъ изложилъ слѣдующія замѣчательныя по церковнымъ дѣламъ постановленія: „никакой іерархъ, уклонившійся къ лжеученію, не имѣетъ правъ духовной власти надъ подчиненными лицами духовнаго сана; но еще самъ подлежитъ суду своихъ областныхъ епископовъ; распоряженія такого іерар-

ка по церковнымъ дѣламъ не могутъ быть дѣйствительны; люди мірскіе, которые хотѣли бы поколебать рѣшенія Собора не только о предметахъ вѣры, а и о лицахъ, имъ осужденныхъ, подлежатъ сами отлученію отъ Церкви“. Но особенно важно слѣдующее постановленіе: „да не будетъ позволено никому произносить, или писать, или составлять, или предлагать обращающимся отъ язычества, іудейства или какой либо ереси иную вѣру, кромѣ той, которая опредѣлена никейскимъ Соборомъ“ (Ефес. пр. 7). Надобно замѣтить, что здѣсь соборъ имѣеть въ виду не изобрѣтеніе новаго вѣроученія, противнаго православію, а именно *изложение* вѣры православной; т. е. соборъ постановляетъ, чтобы въ Церковь или въ общество вѣрующихъ не было допускаемо никакое другое изложеніе, кромѣ Никейскаго, ни въ какой другой формѣ, ни въ какихъ другихъ выраженіяхъ, хотя бы въ содержаніи и сущности новое изложеніе, повидимому, не противорѣчило никейскому. Такой смыслъ настоящаго постановленія ефесскаго собора открывается изъ самаго повода къ нему: а поводъ былъ тотъ, что на Соборъ представлены были свособразныя вѣроиздоженія, именно: трактаты о воплощеніи Сына Божія, въ которыхъ, не въ противность Церкви, а съ намѣреніемъ яснѣе и полнѣе представить ея ученіе и раскрыть несостоятельность еретическихъ мнѣній, оказывались неточности въ понятіяхъ и выраженіяхъ православныхъ догматовъ, могущія, опровергая одни заблужденія, ввести въ общество вѣрныхъ другія. Это извѣстный въ исторіи древней Церкви фактъ, что обличители ересей впадали иногда сами въ ереси. Ограждая такимъ образомъ единство точнѣйшаго исповѣданія вѣры, вселенскіе соборы, кро-

мѣ того, что въ основаніе своихъ опредѣленій полагали неизмѣнно одинъ символъ никейскій, а въ своихъ догматахъ только раскрывали подлинный смыслъ его, никакихъ другихъ изложеній вѣры не вносили въ свои каноническія постановленія. Такъ, на примѣръ, извѣстно, что въ дѣлѣ Несторія очень важную силу имѣли *двѣнадцать* тезисовъ (*анагемъ*) Кирилла Александрійскаго, раскрывающихъ смыслъ православнаго ученія о воплощеніи Сына Божія: однакожь, не смотря на весь авторитетъ св. Кирилла, не смотря на то, что его тезисы были признаны Соборомъ несомнѣнно вѣрными и православными, и служили для самаго Собора руководствомъ въ обличеніи Несторія, Соборъ тѣмъ не менѣе не внесъ этихъ тезисовъ въ канонъ, а ограничился безусловнымъ подтвержденіемъ никейскаго символа. Было ли это насиліемъ совѣсти или ума? Почему-бы, утвердивъ неизмѣнныя основанія вѣры, не допустить свободнаго развитія членовъ ея, въ яснѣйшихъ и частнѣйшихъ видахъ? Не могло ли бы это служить къ большей ясности и убѣдительности самого вѣроученія и большому просвѣщенію Церкви, къ болѣе живому и полному сознанію ея истины? Нѣтъ. Это послужило-бы только къ насилію вѣры и Церкви, потому что вносило бы въ нее произвольное пониманіе и сужденій, вело бы къ нарушенію догматическаго единства, открывало бы широкій путь всякаго рода уклоненіямъ отъ точнаго, прямого и истиннаго смысла вѣры, который долженъ быть и не можетъ не быть — *единъ*: слѣдовательно требуетъ для себя и единства образа или формы. Во всякомъ дѣлѣ нашего ума одна и таже идея можетъ проявляться въ тысячи разныхъ формахъ, не теряя чрезъ то своего единства, ясности, силы: потому, что нашъ умъ въ

своею дѣлѣ есть родитель своей идеи и независимый творецъ формъ, въ которыхъ хочетъ ее выразить. Но въ дѣлѣ *спры* нашъ разумъ — не только не родитель и не творецъ, но и не хозяинъ, даже не мастеръ; здѣсь идея, не изъ себя имъ рожденная, а извнѣ и свыше ему данная, не легко и никогда исполнѣ ему не повируется, по той простой причинѣ, что не исполнѣ имъ постигается. Слѣдовательно всегда есть опасность, что въ формахъ, какія разумъ, самъ собою, хотѣлъ-бы придать этой Богоданной идеѣ, будетъ не полное ей соотвѣтствіе, недостатокъ равносильнаго ей выраженія, неясность и несовершенство образа; не говоря уже о томъ, что человѣческому разуму всегда присуще по-ползновеніе вносить въ религіозную идею свой анализъ, посягающій на ея твердость и цѣльность, или по крайней мѣрѣ что нибудь въ ней, по своимъ понятіямъ, болѣе или менѣе переименовать. Не всегда и самыя ереси имѣли аномальное происхожденіе — отъ стремленія повредить Богооткровенную вѣру; не мало ересей произошло только отъ своеобразнаго пониманія ея предметовъ, даже только отъ неяснаго или неточнаго представленія ихъ съ тѣхъ или другихъ сторонъ.

Еще замѣчательное правило ефесскаго Собора: да не вкрадывается въ Церковь, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірской; да не утратимъ мало по малу той свободы, которую даровалъ своею кровію Иисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ⁴. (Ефес. пр. 8). О какой свободѣ говорить это правило Собора? Поводомъ къ нему послужила жалоба кипрскихъ епископовъ Собору на антиохійскаго, въ томъ, что антиохійскій епископъ присвоилъ себѣ право рукоположенія епископовъ въ Кипрѣ, что противно

было древней самостоятельности кипрской Церкви. И—
такъ правило Собора говорить не болѣе, какъ о сво-
бодѣ внутренняго управленія каждой помѣстной церкви,
или еще точнѣе—о независимости ея во внутреннихъ
дѣлахъ отъ посторонней власти. „Вселенскому Собору
угодно, прибавлено въ правилѣ, чтобы всякая область
(церковная) сохраняла въ чистотѣ и безъ смѣшенія из-
начала принадлежащія ей права, по обычаямъ, издрев-
ле утвердившимся.“ Одновременно съ такимъ постанов-
леніемъ ефесскаго Собора, карфагенскій соборъ про-
тестовалъ противъ притязаній римскаго папы на пе-
ресмотръ и перевершеніе внутреннихъ дѣлъ африкан-
ской церкви, по поводу обращенія къ нему нѣкото-
рыхъ духовныхъ лицъ этой церкви, осужденныхъ мѣс-
тными властями за разныя преступленія. Карфагенскій
соборъ пишетъ папѣ Целестину: „тѣ, которые въ сво-
ей области отлучены отъ общенія, да не будутъ прие-
млемы въ общеніе твоею святынею, съ намѣреніемъ, и
какъ не подобаетъ. Подобно и безстыдные побѣги пре-
свитеровъ и слѣдующихъ за ними клириковъ да отже-
нетъ святыня твоя, какъ это и достойно тебя. Ибо и
не возбранено это для африканской Церкви ни какимъ
опредѣленіемъ Отцевъ, да и опредѣленія никейскаго
Собора, какъ клириковъ низшей степени, такъ и са-
мыхъ епископовъ, обратно отсылаютъ къ собственнымъ
ихъ митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ,
что какія бы ни возникли дѣла, онѣ должны быть окан-
чиваемы въ своихъ мѣстахъ. Ибо отцы судили, что
ни для одной области не оскудѣваетъ благодать Святаго
Духа, чрезъ которую правда іереями Христовыми и
зрится разумно, и содержитсяъ твердо, и особенно, ког-
да каждому, если настоятъ сомнѣніе о справедливости

рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступать къ Соборамъ своей области и даже ко вселенскому Собору. Развѣ есть кто либо, который-бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ одному токмо кому нибудь вдохнуть правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, собравшимся на Соборъ, откажетъ въ ней? О томъ, что нѣкоторые якобы отъ ребра твоей святыни были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опредѣленія ни единого Собора Отцевъ. Итакъ не соизволяйте, по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылать сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями и не пускайте сего, да не явимся мы вносящими дымное надмѣніе міра въ Церковь Христову, которая, желающимъ зрѣть Бога, приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія“ (1).

Вотъ и на такомъ широкомъ основаніи, каково—дарованіе намъ Иисусомъ Христомъ благодатной свободы, Церковь не утвердила для себя слишкомъ широкой свободы, не допустила свободы ни въ исповѣданіи вѣры, ни въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, ни въ законахъ своего управленія, а искала только внѣшней свободы, только независимости во внутреннихъ дѣлахъ мѣстнаго іерархическаго управленія.

Императоръ, не показавшій твердости воли и ясности въ своихъ понятіяхъ въ продолженіи вселенскаго III Собора, созналъ свою обязанность дѣйствовать рѣшительнѣе, когда, не смотря на всѣ возможныя препятствія, Соборъ довелъ до конца свое дѣло съ Несторіемъ и не отступилъ отъ своихъ сужденій. Феодосій изгналъ Несторія въ ссылку, велѣлъ его послѣдователямъ придать

(1) Посланіе кареагенскаго Собора (420) къ папѣ Целестину. Смъ въ Книжъ прасиль. 1862.

имя симоніанъ, книги ихъ отбирать и публично жечь; заиретилъ имъ составлять какія бы то ни было собранія, подъ угрозою лишенія имущества, и т. д. (1). Но по слабости самаго правительства эти мѣры, какъ и преяде, не принесли ожидаемыхъ плодовъ. Еретики знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; и не унывали. Церкви суждено было еще долго страдать и страдать.

(Продолженіе будетъ.)

(1) *Labbe Concil.* T. 3. col. 1209.

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

(Продолженіе.)

Едва окончился Ефесскій Соборъ, какъ потребовался новый вселенскій. Одинъ престарѣлый монахъ константинопольскій, Евтихій, опровергая ученіе Несторія, дошелъ самъ до нелѣпости—отверженія въ лицѣ Иисуса Христа самобытности чловѣческаго естества, будто-бы поглощеннаго Божественнымъ. Новое волненіе умовъ, новое смятеніе въ Церкви, новыя пренія догматическія, новые процессы въ Церкви и государствѣ. На взглядъ нашего времени можетъ казаться страннымъ, почему логичная мысль одного чловѣка, притомъ еще не важнаго въ Церкви, могла имѣть такія широкія возбуждательныя дѣйствія. Да и можно ли услѣдить за всякою ложною мыслію всякаго чловѣка и постоянно занимать Церковь и общество ея опроверженіемъ, облекать ея изслѣдованія и обличенія въ формы *вселенскаго* суда? Но, когда не веѣ еще подробности церковнаго вѣроученія были въ точной положительности опредѣлены и изложены,—такъ, какъ мы видимъ ихъ въ настоящее время, когда вслѣдствіе этого было еще широкое поле для многообразныхъ и многосложныхъ вопросовъ религіозныхъ,

которымъ въ настоящее время уже нѣтъ мѣста, или—согласимся, и есть какое-нибудь мѣсто, но уже не въ видѣ новыхъ, еще нерѣшенныхъ вопросовъ, а развѣ только вопросовъ сомнѣнія, недоразумѣнія или только вольномыслія, для которыхъ требуются не новыя, *вселенскія* изслѣдованія, а только отвѣты на утвержденныхъ уже вселенскою Церковію основаніяхъ; когда Церковь въ своей внутренней жизни не замыкалась до такой степени въ самой себѣ, какъ въ послѣдующее и настоящее время, отгнѣснившее ее отъ ви́шней жизни чело́вѣчества, всецѣло поглощенной гражданскимъ и государственнымъ развитіемъ народовъ, а жила открытою, нераздѣльною съ гражданскими обществами жизнью; когда народъ христіанскій составлялъ въ Церкви не пассивное стадо овецъ, бродящихъ въ безучастіи и бездѣйствіи относительно вопросовъ своей Вѣры и даже въ нравственномъ отчужденіи отъ своихъ пастырей, не столько пасущихъ дѣятельнымъ образомъ свои стада въ духѣ Христовомъ, сколько ограничивающихся формальнымъ исполненіемъ обязанностей своихъ, въ которыхъ даже не всегда имѣютъ внутреннее призваніе; а народъ образовалъ изъ себя стадо Христово живое, серьезно ищущее хорошаго пастбища духовнаго, и потому дѣятельно и зорко слѣдящаго за тѣмъ, куда ведутъ его пастыри и чѣмъ его кормятъ, громко заявляющее свои духовныя потребности; когда въ развитіе мірскаго просвѣщенія, въ мірскія дѣла, частныя или общественныя, въ самыя враждебныя для Церкви силы, какова напр. изначала и всегда была сила государства, не получали перевѣса въ духѣ и жизни народовъ, чтобы могли подавить въ нихъ живость религіозныхъ чувствъ, и именно эти чувства выражались не отдѣльными, частными прояв-

леніями религіозности, а въ полномъ объемѣ жизни общественной, и въ этомъ отношеніи составляли великую силу, силу народную, которая сама собою выдвигала изъ среды христіанскаго народа вопросы Вѣры, ставила ихъ на первый планъ въ жизни его, настоятельно требовала ихъ разъясненія и не успокоивалась, доколѣ въ общемъ же голосѣ Церкви и всѣхъ христіанскихъ народовъ не находила для нихъ положительнаго, непоколебимаго рѣшенія, голосѣ, который и выражался во вселенскомъ Соборѣ: тогда вовсе не могло быть странно, а напротивъ весьма естественно было, что и частное мнѣніе какого нибудь одного священника, въ родѣ Арія, или монаха, въ родѣ Евтихія, вырождало изъ себя вопросъ Вѣры—*вселенскій*. Правда, что процессы этого выраженія были для Церкви очень тяжелы и многоболѣзненны; она страдала; но въ то же время дѣйствованіе вселенскимъ голосомъ, даже непрерывное въ продолженіи десяти вѣковъ возбужденіе вопросовъ Вѣры въ средѣ Церкви, было величайшею ея силою. Это была самобытная, крѣпкая, бьющая неисчислимымъ ключемъ жизнь Церкви. Не можетъ быть сильнѣе доказательства немощной жизни Церкви въ настоящее время, какъ—невозможность составить вселенскій Соборъ. Эта невозможность сдѣлалась не только внѣшнею, общественною, государственною, а и внутреннею, нравственною, духовною. Можетъ быть въ послѣдствіи, въ другія времена, при другихъ обстоятельствахъ, Церковь возвратится къ этой первобытной, столь могучей своей жизни; но въ настоящее время надобно не радоваться, а сожалѣть о томъ, что нѣтъ въ Церкви движеній, подобныхъ первовѣковымъ, хотя лжеученія и всякихъ ересей еще больше теперь, чѣмъ въ

тѣ вѣка. Такъ послѣ трехъ вѣковъ языческихъ гоненій на христіанство, Отцы Церкви не сомнѣвались выражать сожалѣніе объ этихъ временахъ, *временахъ*, говоримъ, а не о гоненіяхъ: потому, что если эти времена и были періодомъ гоненій, то вмѣстѣ съ тѣмъ это были времена величайшаго, духовнаго торжества христіанства.

Мѣстный соборъ въ Константинополѣ (448), подъ предсѣдательствомъ епископа Флавіана, разсмотрѣвъ ученіе Евтихіа, нашелъ его несообразнымъ со вселенскимъ исповѣданіемъ Церкви и словомъ Божиимъ, осудилъ и лишилъ Евтихіа священнаго сана. Тѣмъ дѣло и могло бы окончиться, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Нѣтъ! Роковое вмѣшательство государства въ дѣла Церкви и здѣсь все испортило. При царскомъ Дворѣ нашлись благопріятели Евтихію; и Феодосій снова показалъ всю свою несостоятельность въ дѣлахъ Вѣры. Собственною властію онъ вызываетъ новый соборъ для пересмотра постановленнаго противъ Евтихіа рѣшенія; назначаетъ предсѣдателемъ этого собора Діоскора, епископа Александрійскаго, унижая Флавіана Константинопольскаго, котораго наряду съ Евтихіемъ дѣлаетъ уже подсудимымъ; посылаетъ отъ себя на соборъ двухъ царедворцевъ, которымъ предоставляетъ право употреблять даже военную силу для приведенія въ дѣйствіе царскихъ велѣній, какія будутъ объявлены собору; наконецъ опредѣляетъ, что епископы, бывшіе на соборѣ Флавіана противъ Евтихіа, не должны на новомъ соборѣ имѣть голоса (1). Послѣдствія такихъ необдуманныхъ и неумѣстныхъ распорядженій не замедлили обнаружиться на этомъ же,

(1) *Labbe. Concil. T. 4. col. 110.*

импровизированномъ царскою властію соборѣ. Предсѣдатель его Діоскоръ оказался не болѣе, какъ орудіемъ Двора, т. е. евнуховъ, въ немъ преобладавшихъ; многіе другіе епископы или по страху, или по непониманію дѣла, высказали, безъ дальнихъ разсужденій, готовность послѣдовать мнѣніямъ Діоскора; онъ съ своей стороны, обезпеченный покровительствомъ Двора и сочувствіемъ вельможъ, отправленныхъ Θεодосіемъ на соборъ, очень хорошо зналъ, что за стѣнами епископскаго собранія стоятъ толпы вооруженныхъ людей, готовыхъ, по его мановенію, поддержать силою его намѣренія и уничтожить всякое сопротивленіе. Такъ обр. безъ особенныхъ изслѣдованій вопроса, не выслушавъ Флавіана, тутъже находившагося, соборъ оправдалъ мысли Евтихія, возстановилъ его въ священномъ санѣ, осудилъ и низложилъ Флавіана. А когда Флавіанъ объявилъ аппеляцію противъ соборнаго рѣшенія, и нѣкоторые другіе епископы, болѣе совѣстливые и преданные Церкви, умоляли Діоскора не настаивать на противозаконномъ и ни на чемъ не основанномъ рѣшеніи, то тотчасъ были призваны въ собраніе солдаты и за ними ворвались толпы черни съ дубинами, камнями, и пр. Неизобразимый шумъ и смятеніе взволновали все собраніе: епископы бросились изъ церкви (въ которой былъ соборъ), но всѣ выходы были уже заперты и охраняемы вооруженною силою. Дѣло дошло до кровопролитія. Флавіанъ подвергся ударамъ отъ рукъ самаго Діоскора, топтанъ ногами и, связанный, отправленъ въ темницу. Ужасъ оковалъ умы и языки всѣхъ присутствовавшихъ и, въ такомъ положеніи, почти всѣ подтвердили низложеніе Флавіана и возстановленіе Евтихія. Этотъ ужасный соборъ оставилъ по себѣ въ церковной

исторіи имя *разбойничья*. Но, не смотря ни на что, Императоръ Ѳеодосій не усумнился утвердить все, сдѣланное этимъ соборомъ. Флавіанъ былъ осужденъ на изгнаніе и даже, *отъ лица Императора*, провозглашенъ еретикомъ и возмутителемъ Церкви!

Только римскій папа Левъ съ достоинствомъ и твердостію отнёсся къ этому несчастному дѣлу. Онъ нѣсколько разъ писалъ къ Императору Ѳеодосію, убѣждая его перемѣнить свое мнѣніе о Флавіанѣ и Евтихіѣ и созвать, для пересмотра постановленій послѣдняго собора Ефесскаго, новый вселенскій Соборъ въ Италіи. Онъ писалъ въ этомъ смыслѣ и къ клиру цареградскому, и къ вельможамъ, и даже къ народу особое посланіе, чтобы выяснить имъ всю незаконность Ефесскаго дѣла, убѣдилъ и самаго императора западнаго Валентиніана писать тоже къ Ѳеодосію. Но все было напрасно; Ѳеодосій оставался въ своемъ мнѣніи относительно Флавіана и Евтихіа или, лучше сказать, не въ своемъ мнѣніи, а во внушеніяхъ евнуховъ, которые, по своимъ видамъ и чувствамъ, направляли его мысли въ дѣлахъ, столькоже и церковныхъ, сколько государственныхъ. Вообще Ѳеодосій представляетъ въ исторіи Церкви жалкую роль, жалкую тѣмъ болѣе, что онъ, самъ по себѣ, былъ человѣкъ добрый и религіозный и, какъ государь, искренно желалъ добра и Церкви и государству: но вліяніе царедворцевъ, глупыхъ и безнравственныхъ, замѣняло въ немъ то, чего ему лично не доставало, умъ и характеръ. Онъ такъ и умеръ, не исправивъ послѣдствій разбойничьяго собора.

Преемникъ его Маркіанъ былъ внимательнѣе къ добрымъ совѣтамъ и, съ первыхъ же дней своего царствованія, далъ лучшій оборотъ дѣламъ Церкви. Онъ

вызвалъ изгнанныхъ Феодосіемъ епископовъ и самыя останки Флавіана, скончавшагося въ изгнаніи, повелѣлъ торжественно перенести въ столицу. Потомъ, немедленно, созвалъ вселенскій Соборъ (451), на который приглашалъ и папу римскаго: но тотъ, вмѣсто себя, прислалъ двухъ уполномоченныхъ. Соборъ открылся въ Халкидонѣ, близъ Константинополя, и, по числу членовъ и по пространству занятій своихъ, былъ однимъ изъ самыхъ обширныхъ; здѣсь было до 600 епископовъ и 16 засѣданій, которыя продолжались болѣе мѣсяца. Не обошлось однакожъ и здѣсь безъ свѣтскихъ лицъ, которые не только присутствовали въ засѣданіяхъ Собора, но и предлагали ему вопросы, задерживали рѣшенія, усиливались проводить въ нихъ свои мысли и, донося о ходѣ соборныхъ совѣщаній императору, требовали, чтобы Соборъ ожидалъ сообщеній его воли. И это—на вселенскомъ Соборѣ! До такой степени укоренился въ грековосточной Церкви лживый принципъ отношеній государства къ Церкви! Церковь была несвободна въ своихъ внутреннихъ, существеннѣйшихъ дѣлахъ! Тѣмъ не менѣе Халкидонскій Соборъ вполне оправдалъ возвышенный и твердый характеръ вселенскаго. Онъ уничтожилъ все сдѣланное лжесоборомъ въ Ефесѣ; низложилъ Діоскора и его единомышленниковъ, возстановилъ досто- чтимую память Флавіана и другихъ, пострадавшихъ съ нимъ епископовъ. Наконецъ, въ точныхъ, опредѣлительныхъ выраженіяхъ, изложилъ православное ученіе Вѣры о воплощеніи Бога—Слова, или о соединеніи двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго, въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. Это—не въ противность III вселенскому Собору, запретившему, какъ мы видѣли выше, составлять новое изложеніе Вѣры, а только въ изъясненіе и

точнѣйшее опредѣленіе догмата, заключающагося въ никейскомъ символѣ. А какъ мало было тогда въ дѣлахъ православной вѣры стремленій къ свободѣ совѣсти, какъ совѣсть связывалась церковнымъ авторитетомъ, какъ въ этомъ отношеніи много значила въ Церкви одна іерархическая подчиненность, показываетъ особенный случай, бывшій на Халкидонскомъ Соборѣ. Когда составлено было догматическое изложеніе Вѣры и нужно было подписать его, епископы египетскіе отказали въ своей подписи, не потому, что не соглашались съ опредѣленіемъ Собора и хотѣли имѣть свое независимое понятіе о догматѣ, а по той единственной причинѣ, что въ то время *у нихъ не было патріарха*; кафедра александрійская, съ изложеніемъ Діоскора, оставалась праздною; никакія побужденія и убѣжденія другихъ не могли склонить египетскихъ епископовъ къ подписи; вежливо высказывая свое совершенное единомысліе со всѣмъ Соборомъ, они со слезами умоляли Соборъ отложить ихъ подпись на время, когда назначенъ будетъ къ нимъ патріархъ; безъ него они не признавали себя въ правѣ подписывать какія бы то ни было опредѣленія, тѣмъ болѣе догматическія. Соборъ уважилъ ихъ представленія, обязавъ только ихъ не выѣзжать изъ Константинополя до поставленія новаго архіепископа въ Александрію. (пр. 30. IV всел).

Имп. Маркіанъ, который однажды и лично присутствовалъ на Соборѣ, принялъ его опредѣленія, замѣтивъ, что онъ самъ имѣетъ твердое намѣреніе поддерживать чистоту Вѣры, нарушенную возпреобладаніемъ страстей, не допускать отступленій отъ никейскаго символа, самъ себѣ не намѣренъ присвоить преобладающаго вліянія на дѣла Вѣры помимо авторитета Церкви

и согласнаго голоса ея пастырей, даже не допустить публичныхъ прейій о Вѣрѣ, соединенныхъ съ народнымъ волненіемъ (1).

Изъ каноническихъ правилъ Собора особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: „включеннымъ однажды въ клиръ и монахамъ не вступать ни въ какое мірское званіе; дерзнувшихъ на это и не возвращающихся съ раскаяніемъ къ тому, что прежде забрали ради Бога, предавать анаемѣ.“ (IV всел. 7). Какъ строго смотрѣла древняя Церковь на духовное званіе, именно на его неизмѣнность, видно изъ того, что правилами ея запрещалось отречься даже отъ должностей и мѣстъ духовныхъ, назначенныхъ церковною властію; прежде дѣйствительнаго поставленія на извѣстную степень сана или должность еще допускалось въ частныхъ случаяхъ добровольное отреченіе: но послѣ рукоположенія назначеніе признавалось уже невозвратнымъ, и тотъ, кто пытался бы отказаться отъ него, лишался былъ даже церковнаго общенія, и тѣмъ не менѣе данное ему назначеніе должно было оставаться за нимъ. (Апост. 38. Антиох. 17. Каре). Но тѣмъ менѣе слѣд. Церковь готова была допустить рѣшительное оставленіе духовнаго званія и переходъ въ мірское: она смотрѣла на это не иначе, какъ на измѣну Богу, которому исключительно духовное званіе посвящается. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи свобода совѣсти не допускалась. Это однакожь становится понятнѣе, если мы вспомнимъ, что въ древнія времена духовное званіе было предметомъ совершенно свободнаго выбора для людей всѣхъ мірскихъ званій и состояній; сословности въ духовномъ званіи не было; слѣд.

(1) *Labbe* Concil. IV. act. 17.

И тотъ, кто выбиралъ самъ себѣ это званіе, никакъ не могъ жаловаться на какое нибудь принужденіе или независація отъ него обстоятельства, поставившія его на этотъ путь, вопреки его склонностямъ или способностямъ,—что очень можетъ быть при сословной или родовой исключительности духовнаго званія; а такимъ образомъ не могло быть этихъ, можно сказать, *единственныхъ*, уважительныхъ причинъ къ оставленію священнаго сана; нравственныя немощи, сознаніе своего недостоинства, тяжесть обязанностей не могли быть причинами уважительными, потому что все это должно быть предварительно обдумано и вавъшено прежде вступленія въ званіе; притомъ сила этихъ причинъ можетъ и должна быть преобладаема силою чистыхъ намѣреній, доброй воли и твердости убѣжденій; сверженіе съ себя священнаго сана обнаружило бы только недостатокъ ихъ въ человѣкѣ, что должно вызывать не оправданіе, а осужденіе; нельзя оправдывать свой отказъ отъ добраго дѣла недостаткомъ въ себѣ доброй воли, чистыхъ намѣреній и твердыхъ убѣжденій; такимъ образомъ не могло бы состояться ни одно доброе дѣло въ мірѣ, не говоря уже о томъ, какъ унижался бы священный санъ сверженіемъ его по такимъ побужденіямъ, послѣ того, какъ онъ добровольно принять. „Однажды пріившему на себя, говорить III вселенскій соборъ, священныя попеченія, должно удерживать ихъ съ духовною вѣрностію, какъ бы вооружаться на труды и охотно переносить потъ, обвѣщающій воздаяніе (1).“—Столь же мало, если не еще менѣе могла, древняя Церковь допускать

(1) Посланіе собора къ папелійскимъ епископамъ. См. въ книгѣ. *правила*.

произвольное оставленіе монастыства. Она смотрѣла на монастыство, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ и глубочайшихъ принциповъ своей духовной жизни, положенныхъ въ самомъ Евангеліи и такой принципъ, который чѣмъ болѣе требуетъ доброй воли и совершенной свободы въ его усвоеніи, тѣмъ болѣе обязательнымъ и неизмѣннымъ дѣлается въ храненіи и исполненіи, такъ какъ измѣна ему есть, въ глазахъ Церкви, измѣна высшему призванію Евангеліа, подчиненіе высшихъ побужденій жизни духовной низшимъ влеченіямъ жизни животной, которыя одни только могутъ требовать такой измѣны. Присоединеніе къ соборному постановленію *анаксемы* (въ настоящемъ халкидонскомъ правилѣ) показываетъ, что Церковь не оставляла такимъ неизмѣненнымъ своему званію никакихъ правъ въ христіанскомъ обществѣ. Съ этимъ согласились и гражданскіе законы, которые опредѣляли даже насильно возвращать такихъ въ прежнее (духовное) званіе, съ лишеніемъ только церковныхъ степеней ⁽¹⁾. Объ оставленіи монастыства или священства *по прошенію*, съ разрѣшенія самой власти духовной—и говорить нечего по правиламъ древней Церкви; такихъ правилъ не было вовсе и не могло быть, до той простой причинѣ, что такое дѣло въ тѣ времена, по духу Церкви, было и не мыслимо.

Подобное предъидущему правило даетъ халкидонскій соборъ о діакоониссахъ. Они были или дѣвы или вдовы, словомъ безбрачны. Соборъ говоритъ: «если діакоонисса, принявъ рукоположеніе и пребывъ нѣкоторое время въ служеніи Церкви, вступить въ бракъ, она, какъ оскорбившая благодать Божию, да будетъ предана анафемѣ».

(1) *Iustin. Nov.* 123.

высотъ съ тѣмъ, кто совоупился съ нею.“ (Прав. 15).
Надобно замѣтить, что діакоиссы не были въ собственномъ смыслѣ монашествующими; а только давали обѣтъ цостояннаго и исключительнаго служенія Церкви *вне брака* и сопричислялись къ клиру. Такъ какъ священнослужителямъ, даже до уподіаконовъ включительно, церковными правилами воспрещено было вступать во второй бракъ и даже въ первый, если они принимали священный санъ *вне брака*, подъ опасеніемъ лишенія сего сана (Апост. пр. 26): то соответственно этому даже правило и о діакоиссахъ. Вступая, вопреки своимъ обѣтамъ, въ бракъ, онѣ, въ глазахъ Церкви, дѣлали двойное преступленіе: и нарушали правила клира и свергали съ себя личный обѣтъ всегдашняго безбрачія. Поэтому и подвергались IV вселенскимъ Соборомъ строжайшему наказанію—анаемію. Но почему же подвергается одному съ діакоиссою наказанію и тотъ, кто вступилъ съ нею въ бракъ? Чѣмъ тутъ онъ виновенъ? Онъ или—виновникъ ея преступленія, если соблазнилъ ее, или орудіе, исполнитель, и такъ сказать довершитель ея преступленія, если она соблазнилась имъ. Церковь, какъ и всякое другое правительство, не допускаетъ и не предполагаетъ незнанія законовъ: слѣд. тотъ, кто или увлекаетъ другое лицо къ преступленію или соучаствуетъ въ немъ, дѣлаетъ это завѣдомо, не иначе, какъ зная о противности дѣла закону; а поэтому, зная, что церковные законы запрещаютъ діакоиссѣ вступать въ бракъ, и однакожь принимая ее въ супружество съ собою, виновникъ по всей справедливости уравнивается съ нею въ винѣ и въ наказаніи. Впрочемъ, дѣйствуя предусмотрительно и желая, сколь возможно, предупредить преступленіе и его тяжкія послѣдствія, халкидон-

скій Соборъ тутъ же постановляетъ: принимать женища въ санъ діакониссъ не прежде сорокалѣтняго возраста и по тщательномъ испытаніи.

Во всякомъ случаѣ напрасны были бы упреки Отцамъ Собора въ излишней суровости и нетерпимости. Въ слѣдующемъ же правилѣ (16) снова говоря о дѣвахъ, посвятившихъ себя Богу и о монашествующихъ, и снова не позволяя имъ вступать въ бракъ, подъ угрозой лишенія церковнаго общенія, соборъ присовокупляетъ: „впрочемъ мы опредѣляемъ, чтобы мѣстные епископы имѣли полную власть къ оказанію таковымъ человеколюбія.“ Однакожь—что тутъ значитъ человеколюбіе? Значитъ ли дозволеніе иночествующимъ бракъ? На это отвѣтъ въ самомъ содержаніи правила. Оно отличаетъ дѣвъ, посвятившихъ себя Богу, отъ монашествующихъ: первыя—разумѣются тѣ, которыя, не принявъ постригенія въ монашество, проводили аскетическую жизнь въ отдѣльныхъ отъ міра общинахъ, или даже оставались въ мірскомъ обществѣ: супружество имъ воспрещалось, но не расторгалось, если было уже заключено ими, только съ строгою епитимією, какъ блудодѣяніе. (Анкир. прав. 19. Вас. вел. 18, 60).⁽¹⁾ Но бракъ лицъ, принявшихъ полное иноческое постригеніе, времѣ епитиміи прелюбодѣянія, подлежалъ и расторженію (Вас. 6, 60). Греко-римскіе гражданскіе законы также не дозволяли такихъ браковъ и расторгали ихъ.⁽²⁾ Что касается человеколюбія епископовъ; которому, Соборъ предоставляетъ участь такихъ лицъ (именно монашествующихъ), то оно могло простираться не далѣе: со-

(1) Сн. Св. Кипріяна писемъ. 62. *Euphania contra Haer.* 61.

(2) *Balsamon ad can. 16. Chalced. Basilic. lib. 28. tit. 6. cap. 1.*

браченія пожеженой для нихъ спитиинъ, т. е. времени и степеней церковнаго отлученія.

Относительно супружества дуковныхъ лицъ Соборъ полагаетъ правиломъ— „никому изъ нихъ не дозволать супружества съ женами иновѣрными; родившихся уже отъ такого супружества дѣтей, даже такихъ, которые догдѣ были вращены у еретиковъ, приводить въ православной Церкви, равно и не отдавать ихъ въ брачныя союзы съ иновѣрцами и еретиками, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда иновѣрное лицо обѣщаетъ перейти въ православную Вѣру (14).“ Надобно замѣтить, что правило это Соборъ даетъ именво для церковнослужителей (чтецовъ и пѣвцовъ), имѣя въ виду, что въ инокоторизъ, какъ говоритъ самъ Соборъ въ правилѣ, округлахъ дозволялось имъ вступать въ бракъ, т. е. разумѣется уже послѣ принятія въ клиръ. Такое дозволеніе основывалось на правилахъ апостольскихъ (Апост. 26). Но Соборъ даже не упоминаетъ въ своемъ постановленіи о священнослужителяхъ, т. е. пресвитерахъ и діаконихъ, такъ какъ имъ изначала и безусловно запрещалось вступать въ бракъ, если они получили священное рукоположеніе внѣ брака. А если бы кто, состоя въ супружествѣ съ лицомъ иновѣрнымъ или еретическимъ, пожелалъ принять священнослужительскій санъ, то правила дозволяютъ это не иначе, какъ если желающій всѣхъ въ своемъ домѣ сдѣлаетъ православными христианами (Карѣ. 45). Но если IV вселенскій Соборъ не упоминаетъ здѣсь о мирянахъ, это еще не даетъ права заключать о его разрѣшеніи для нихъ свѣшанныхъ браковъ. Соборы IV вѣка уже запретили такіе браки, разрѣшая ихъ не иначе, какъ если иновѣрные или еретичествующіе супруги дадутъ за себя и за

дѣтей обязательство—соединиться съ православною Церковію. (Лаодиц. 31). Халкидонскій Соборъ съ своею стороны утвердилъ всѣ постановленія предшествовавшихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Отцевъ. (IV всел. 1). Гражданскіе законы того времени относительно смѣшанныхъ браковъ были согласны съ церковными (1).

Такимъ образомъ и на IV всел. Соборѣ мы не находимъ ничего, похожего на допущеніе или признаваніе свободы совѣсти въ дѣлахъ Вѣры. Напротивъ все показываетъ, что и въ это время (въ V вѣкѣ) Церковь подчиняла совѣсть человѣческую самымъ строгимъ законамъ. Но вотъ, что касается свободы Церкви, мы находимъ на этомъ Соборѣ весьма знаменательныя заявленія. Между прочимъ императорское правительство свое вмѣшательство въ дѣла Церкви довело до того, что стало епископскія кафедры своею властію возводить на степень митрополій, и такимъ образомъ, возвышая не въ мѣру права однихъ кафедръ, унижало церковное и историческое значеніе другихъ, становилось причиною новаго рода безпорядковъ въ Церкви и запутанности въ церковныхъ дѣлахъ. Припомнимъ, что въ древнія времена митрополіямъ принадлежало право главно-управленія епархіями цѣлыхъ округовъ (*диаконис*), и оттого епархіальные епископы во многихъ отношеніяхъ, начиная съ самаго своего избранія, были въ зависимости отъ митрополитовъ. Слѣд. возвышеніе какой нибудь кафедръ епископской на степень митрополіи давало ея іерарху право или по крайней мѣрѣ поводъ объявлять себя уже независимымъ отъ областного митрополита и въ свою очередь требовать подчиненія себѣ другихъ)

(1) *Cod. Theod.* 1, 11. 12.

было насиліе со стороны власти и силы, а со стороны епископовъ страхъ и немощь. Мы съ своей стороны не можемъ извинять ихъ такими причинами; въ дѣлѣ Вѣры не должно быть страха; не можетъ быть и немощи, или пожалуй можетъ быть и немощь, только развѣ физическая (которая въ первые вѣка приводила нѣкоторыхъ мучениковъ къ наружному поклоненію идоламъ), а не моральная, не слабость духа, которой совершенно нѣтъ мѣста въ религіи; религія сама собою, своею внутреннею нравственною силою должна и всегда можетъ возвышаться, а не унижать духъ, даже самъ по себѣ слабый. Но въ тѣхъ епископахъ, которые утвердили своимъ согласіемъ нехвальный едиктъ Василияна, была даже не немощь духа, а нравственная порча, которая не изъ другаго же источника происходила, а изъ того же, изъ котораго истекало тогда и все зло для Церкви, т. е. изъ государства. Оно своимъ влияніемъ на Церковь внесло въ среду ея и въ самыя высшія степени ея *свой* духъ, чуждый и Церкви и религіи духъ, *духъ міра и срамна*, а отъ него—нетвердость убѣжденій, чловѣкоугодное рабство, честолюбіе, интриганство и всѣ низкія побужденія извращенной подъ формами государства души чловѣческой. Конечно можетъ и Церковь сама въ своихъ членахъ, въ своей средѣ, быть не свободна отъ такихъ недостатковъ; такія черты могутъ проявляться въ ней и независимо отъ государства, такъ какъ и она состоитъ изъ людей, которымъ *nil humani alicuius*. Но здѣсь такой духъ не составляетъ силы, не есть начало дѣятельности, не есть основа жизни; здѣсь онъ—случайное явленіе, преходящій образъ, съ которымъ истинный духъ Церкви, ея основныя начала всегда будутъ въ борьбѣ и не дадутъ ему возгосподство-

вать. Сама въ себѣ, въ своемъ существѣ, Церковь всегда была, есть и будетъ чиста и свята. Но въ государствѣ такой духъ и есть его сила, его основа, его вся жизнь. Почему? Потому, что государство есть царство—*отъ міра*, и духъ міра слѣд. есть основное его начало. Никакимъ другимъ духомъ оно не можетъ жить и дѣйствовать, и этотъ духъ всегда былъ и есть духъ страстей, со всеми сродными ему дѣйствіями, чѣмъ бы ни одѣвался, въ какихъ бы блестящихъ и великолѣпныхъ формахъ и образахъ онъ ни являлся. Можетъ ли и быть другой духъ тамъ, гдѣ вся задача жизни, вся основа дѣятельности, вся цѣль состоитъ въ преобладаніи власти и силы (Матѣ. 20, 25. Лук. 22, 25),— въ матеріальныхъ интересахъ, въ наслажденіяхъ временной жизни, гдѣ и умственные и нравственные интересы не иначе понимаются и развиваются и проявляются, какъ подъ формами и въ интересахъ жизни внѣшней матеріальной? Гдѣ идеаль совершенства человѣческаго есть добродѣтель гражданская, а не добродѣтель сама въ себѣ, понятія же о гражданской добродѣтели мѣняются съ переменными правленія, такъ что честь, достоинство, заслуга, признанныя при одномъ правленіи, перестаютъ считаться такими при другомъ, и даже нерѣдко объявляются преступленіями? Слѣд. чего ожидать и Церкви отъ своихъ пастырей, когда духъ ея въ нихъ порабощается духомъ міра?

Только одинъ епископъ—константинопольскій Акакій рѣшился открыто противостать Василиску и его декрету. За нимъ поднялись монахи и весь народъ Царяграда. Тогда, какъ и слѣдовало ожидать, Императоръ съ своей стороны обвинилъ патріарха въ возмущеніи народа, въ личномъ оскорбленіи величества и

даже, кто бы подумалъ? въ подстрекательствѣ противъ него солдатъ. Акакій съ народомъ обратился къ духовной помощи св. Даниила столпника, который всю жизнь свою подвизался не сходя съ столпа, но въ виду бѣдствія Церкви оставилъ свое необычайное убѣжище, и сперва послалъ къ Василиску письмо, съ самыми сильными обличеніями и угрозами судомъ Божиимъ; потомъ лично отправился къ Императору, который между тѣмъ, по опасенію народнаго волненія, бѣжалъ изъ столицы въ предмѣстія, запретивъ своимъ царедворцамъ допускать къ нему Даниила. Тогда святой мужъ, не принятый при Дворѣ, не получивъ удовлетворительнаго отзыва на свое письмо къ царю, оттрясъ, по евангельски, прахъ отъ ногъ своихъ при Дворѣ и возвратился на свой столпъ, предсказавъ гибель Василиска и разрушеніе царства. Тогда уже и Императоръ сталъ отъ себя посылать къ Даниилу своихъ слугъ, съ просьбою, чтобы онъ явился снова ко Двору: но Даниилъ отказался; наконецъ Императоръ самъ отправился къ нему и съ смиреніемъ просилъ у него прощенья. Но святой и тутъ изобличилъ неискренность, дожъ этого видимаго смиренія и подтвердилъ предсказаніе свое о его паденіи. Между тѣмъ взволнованный народъ грозилъ сжечь Константинополь, если не будетъ отмененъ нелѣпый едиктъ. Василискъ медлилъ; епископы—сторонники Евтихія въ силу этого едикта возвращались на каѳедры, съ которыхъ были низложены Халкидонскимъ Соборомъ, и публично въ церквахъ возглашали на этотъ Соборъ анаѳему. Смущеніе Церкви и православнаго народа достигло высшей степени. Только несчастный для Василиска оборотъ политическихъ дѣлъ произвелъ благоприятную для Церкви перемѣну въ ея дѣлахъ: имѣ-

на въ сенатѣ и въ войскахъ заставила Василиска трепетать за свой престолъ. Онъ бѣжалъ въ соборную церковь и тамъ произнесъ публичное покаяніе: объявилъ ничтожнымъ свой едиктъ; въ свою очередь произнесъ анафему противъ Несторія, Евтикія и всѣхъ еретиковъ; запретилъ по ихъ дѣламъ созывать новыя соборы или дѣлать какія бы то ни было новыя изслѣдованія; постановилъ, чтобы Вѣра, принятая изначала вселенскою Церковію, сохранялась неизмѣнно; подтвердилъ всѣ опредѣленія Халкидонскаго Собора. Но было уже поздно дѣлать всѣ такія хорошія распоряженія. Свергнутый съ престола, осужденный въ общемъ собраніи сената и епископовъ, бывшихъ въ Константинополѣ, на изгнаніе, онъ погибъ ужаснымъ образомъ. Дѣйствія его едикта были остановлены преемникомъ его Зенономъ: но только изъ личныхъ видовъ, чтобы самому ему утвердиться на престолѣ. Затѣмъ и отъ Зенона Церковь не могла ожидать ничего хорошаго, какъ увидимъ послѣ.

Въ другихъ мѣстахъ Церковь не менѣе страдала. Въ Африкѣ она весьма много терпѣла отъ Вандаловъ и особенно отъ ихъ царей. Въ роисповѣданіе этихъ людей было смѣсью изычества съ арианствомъ: отъ того вражда ихъ противъ православной Церкви была вдвое ожесточеннѣе. Такъ напр. Гунерикъ, сначала повидимому не врагъ православнымъ, а врагъ манихеевъ, которыхъ онъ отыскивалъ повсюду, изгонялъ изъ Африки за море, жегъ, скоро выказался и противъ Церкви по-вандалски. Дозволивъ православнымъ избрать епископа на кафедру карфагенскую, остававшуюся праздною въ продолженіе 24-хъ лѣтъ, онъ послалъ отъ себя въ соборную церковь едиктъ такого рода, что православные могутъ избрать въ епископы, кого по-

желаютъ, но съ тѣмъ, чтобы епископы арианскіе получили полную свободу священнодѣйствовать и проповѣдывать народу свое ученіе въ своихъ храмахъ, какъ заблагоразсудятъ. Если это условіе не будетъ принято, то и новоизбранный и всѣ прочіе епископы африканскіе, со всѣмъ ихъ клиромъ, будутъ отправлены къ Маврамъ. Этотъ единъ произвелъ въ церкви всеобщій плачь и вопль православныхъ, которые съ своей стороны отвѣчали Гунерику: „при такихъ условіяхъ мы лучше останемся еще на долго безъ епископа; Самъ Иисусъ Христосъ будетъ управлять нашею Церковію, какъ управлялъ ею доселѣ.“ Народъ однакожь настоялъ на своемъ требованіи—и епископъ былъ избранъ. Не о свободѣ ли совѣсти старался Гунерикъ? Дальнѣйшія дѣйствія его показываютъ, на сколько у него было заботы и понятія объ этомъ предметѣ. Арианскіе епископы, по зависти къ новому епископу карфагенскому Евгенію, отличавшемуся высокими добродѣтелями и назидательностію слова, которыя привлекали къ нему не только православныхъ, но и неправославныхъ, внушили царю, что многолюдныя собранія въ церкви, гдѣ священнодѣйствовалъ и проповѣдывалъ Евгеній, опасны для исповѣдуемой имъ самимъ вѣры, т. е. арианской. Съ цѣлію уменьшить эти собранія, они воспользовались изданнымъ отъ Гунерика повелѣніемъ, чтобы лица, состоящія на службѣ царской, не носили другой одежды, кромѣ вандальской; арианамъ хотѣлось интригами довести Евгенія до того, чтобы онъ самъ распорядился не впускать въ свою церковь даже православныхъ, одѣтыхъ въ иностранныя одежды. Но Евгеній благоразумно отвѣчалъ на представленія по этому предмету, что домъ Божій долженъ быть открытъ всѣмъ, и входя-

щихъ въ него не слѣдуетъ разбирать по одеждамъ. Аріане этотъ отавъ православнаго епископа успѣли протолковать Гунеригу такъ, что онъ забѣжидя и поставилъ при дверяхъ соборнаго храма палачей, которые, всѣмъ входящимъ въ него въ національной одеждѣ, не разбирая ни пола, ни возраста, набрасывали на головы палки съ желѣзными зубцами и зацѣпляя волосы, отдирали ихъ съ кожей; многіе такимъ образомъ лишились глазъ, многіе потеряли на лицѣ самый образъ человѣческій; многіе умирали въ жестокихъ страданіяхъ. И это казалось еще мало Гунеригу; обезображенныхъ такимъ образомъ людей, особенно женщинъ, водили по всему городу, въ сопровожденіи глашатаевъ. Но никакія страданія не заставили православныхъ отступить отъ своей вѣры. Раздраженный Гунеригъ лишилъ ихъ правъ гражданской службы и осудилъ на полевая работы; объявилъ, что ко Двору онъ не приметъ никого, кромѣ аріанъ; прежде служившихъ при немъ царедворцевъ изъ православныхъ, лишивъ имущества, сослалъ въ отдаленныя мѣста; имущества умирающихъ епископовъ подвергъ конфискаціи въ пользу государства. Потому онъ велѣлъ собрать въ одно мѣсто дѣвъ, посвященныхъ Богу, отдалъ ихъ въ позорное распоряженіе вандалскихъ безчестныхъ женщинъ, и разными мученіями, какъ напр. надѣваніемъ на нихъ ожерельевъ изъ раскаленнаго желѣза, вынуждалъ ихъ свидѣтельствовать о безнравственномъ отношеніи къ нимъ епископовъ и клириковъ. Но все было тщетно. Православныя души были непоколебимы и не дали врагамъ никакого предлога къ злословію противъ Церкви. Въ то же время и аріанскіе епископы бѣсновались не меньше своего покровителя и вслѣдствіи издѣвались надъ православными.

Эти епископы, съ его позволенія, носили при себѣ оружіе и въ сопровожденіи солдатъ проходили города и селенія; чтобы завербовать себѣ послѣдователей: и до чего доходили? Всякаго встрѣчнаго изъ православныхъ они внезапно обливали водою и потомъ провозглашали перекрещеннымъ въ арианство; врывались въ дома, обливали спящихъ, больныхъ, старыхъ, малыхъ дѣтей, вообще тѣхъ, кто не могъ имъ сопротивляться, затыкали рты, вязали руки и ноги и такимъ образомъ объявляли жертвы насилія арианами. Наконецъ Гунерикъ, не зная, что еще придумать, рѣшилъ за одинъ разъ изгнать въ пустыню православныхъ епископовъ и священнослужителей въ числѣ пяти тысячъ; съ ними было множество мирянъ, наиболѣе преданныхъ Церкви, съ женами и дѣтьми. Въ продолженіи пути, когда слабые, больные, престарѣлые не въ состояніи были идти, имъ обвязывали ноги веревками и такимъ образомъ тащили; умершихъ бросали на дорогѣ безъ погребенія; а тѣхъ, которые дошли до назначеннаго мѣста, заключили въ пустыню, наполненную дикими звѣрями и ядовитыми гадами; и здѣсь кормили овсомъ, какъ лошадей. И при всемъ томъ страдальцы славословили Бога и не думали покаяться въ вѣрѣ Вандалу.

Не могли ничего сдѣлать бѣшенствомъ, Гунерикъ прибѣгъ къ коварству. Вдругъ онъ объявляетъ всѣмъ православнымъ епископамъ Африки, чтобы они собрались въ Карфагенъ для общихъ разсужденій о вѣрѣ и преній съ епископами арианскими, и такимъ образомъ публично доказали истинность своего вѣроисповѣданія. Въ своемъ едиктѣ церковныя собранія православныхъ и священнослуженія ихъ онъ называетъ *соблазнами для души иномыслящихъ* (т. е. арианскихъ), *скандаломъ въ*

государствъ, врученна ему отъ Бога. Православные епископы представляли царю, что для такихъ важныхъ разсужденій нужно собраніе не однихъ африканскихъ, но и иноземныхъ пастырей, которыхъ онъ можетъ вызвать чрезъ сношенія съ иностранными правительствами. Мысль у православныхъ при этомъ была та, что иностранные епископы, не подданные Гунеригу, могли бы съ большею свободою высказывать свои мнѣнія и вселенское собраніе обнаружилло бы предъ цѣлымъ міромъ насиліе, испытанна африканскою Церковію. Не обращая вниманія на это представленіе, Гунеригъ продолжалъ преслѣдовать православныхъ епископовъ; однихъ мучилъ въ темницахъ, другихъ изгонялъ изъ городовъ, многихъ терзалъ тѣлесными казнями, а нѣкоторыхъ даже сожигалъ. Оставшіеся на каедрѣхъ, по его настоянію, собрались въ Карреагенѣ; но въ собраніи встрѣтили со стороны арианъ, вмѣсто всякихъ разсужденій о вѣрѣ, только оскорбленія, буйство, насиліе; никакія разсужденія были невозможны; тогда православные только предъявили письменное изложеніе своего исповѣданія, на точномъ основаніи никейскаго символа. А Гунеригъ во время самыхъ собраній секретно послалъ по всемъ областямъ Африки новый едиктъ, которымъ повелѣвалъ въ одинъ день закрыть все православныя церкви, епископовъ лишилъ кафедръ, имущества ихъ передалъ арианамъ, и противъ всехъ православныхъ обратилъ тѣ самыя законы карательныя; которые прежними царями были постановлены противъ еретиковъ. Онъ запретилъ православнымъ священнослужителямъ совершать духовныя требы для мірянъ; самихъ мірянъ православныхъ лишилъ всехъ правъ званія и состоянія; догматическія книги Церкви велѣлъ

смерть, и т. д., прибавивъ, что судьи, которые будутъ изобличены въ присужденіи *омоусіанамъ* (т. е. православнымъ) *не слишкомъ жестокихъ* казней, сами подвергнутся жесточайшимъ наказаніямъ. Исключеніе сдѣлано только для тѣхъ, которые къ извѣстному сроку примутъ *исповѣданіе Государя*. Въ тоже время епископовъ, собравшихся въ Каррагенъ, онъ выгналъ изъ города, не позволивъ имъ взять съ собою не только слугъ, или лошадей для отправленія въ путь, но и свою одежду; совершенно ихъ ограбивъ, онъ строжайшимъ образомъ запретилъ жителямъ города давать имъ у себя пристанище или съѣстные припасы, подъ угрозой смери не послушныхъ жителей вмѣстѣ съ ихъ домами. Не зная, что дѣлать, блуждая по полю около стѣнъ города, лишенные всего, голодные, стонающіе епископы однажды увидѣли самаго Гунерика, въ сопровожденіи множества всадниковъ, и окружили его съ вопросами: „что мы тебѣ сдѣлали? Въ чемъ виновны? За что умираемъ отъ голода и холода?“ Но вмѣсто отвѣта, Вандалъ велѣлъ своимъ всадникамъ броситься на несчастныхъ, изъ которыхъ очень многіе были изранены и затоптаны лошадьми.

Однакожь, отъ чего происходило бѣшенство Гунерика? Для чего нужно было ему преслѣдовать до такой степени православную Церковь? Однимъ изъ самыхъ коварныхъ дѣйствій мірскихъ правительствъ въ отношеніи къ религіи и Церкви всегда было то, чтобы склонить ее въ пользу своихъ политическихъ видовъ, какъ бы нечисты и безиравоуственны ни были эти виды. Равнодушныя сами по себѣ къ Церкви, относясь совершенно безразлично къ религіи въ своемъ духѣ, правительства всегда очень хорошо понимали важность и силу той

духовной, нравственной поддержки, какую может оказывать ихъ наклоненіямъ религія въ народѣ и вліяніе ея на народныя массы. Они всегда готовы были покровительствовать ей, когда она не противорѣчала ихъ политикѣ; покровительствовать даже и тогда, когда не видѣли особенной надобности въ ней: тогда ихъ покровительство, не много имъ стоющее, давало имъ никогда не лишнюю для нихъ славу благодѣтелей въ народѣ. Но горе Церкви и Вѣрѣ, если духъ ея, правила, ея стремленія, ея дѣйствованіе на жизнь и образъ мыслей и чувствъ народныхъ не соответствовали политическимъ видамъ; если въ этихъ случаяхъ не помогало коварство, обольщеніе, обманъ, то не было мѣръ, предъ которыми правительства остановились бы, чтобы устранить это всегда для нихъ страшное несоответствіе; тогда не было границъ ни насиліямъ, чтобы, подчинить Церковь своимъ видамъ, во чтобы ни стало, ни мѣста, какъ скоро никакія насилія не помогали. Такъ было и въ Африкѣ при Гуверикѣ. Ему нужна была поддержка для династическихъ интересовъ; онъ видѣлъ, что поддержка со стороны Аріанъ, его единомыслениковъ по вѣрѣ, недостаточна; высшая нравственная сила въ народѣ принадлежала православію. Эту — то ему нужно было ему или сокрушить или привлечь къ своимъ видамъ. Не отрывая до времени этихъ видовъ, онъ хотѣлъ внѣшнею силою и властію дѣйствовать на совѣсть и убѣжденія православныхъ, чтобы, если не отвратить ихъ отъ Церкви, по крайней мѣрѣ парализовать ихъ духовную силу видимымъ перевѣсомъ аріанства въ религіозныхъ дѣлахъ. Но когда и это оказалось не возможнымъ, Гувермъ увидѣлъ необходимость высказаться. Собравъ тѣхъ же епископовъ, онъ послалъ

царедворцы предъявить имъ какую-то свернутую бумагу, и не открывая ее, сказать, что если они поклянутся исполнить содержаніе этой бумаги, то имъ будутъ возвращены казны и имущества ихъ. Послѣ несогласія епископовъ поклясться въ томъ, чего они не знаютъ, отъ нихъ потребовано клятвенное обѣщаніе, что по смерти Гунерика они признаютъ наследникомъ престола въ Африкѣ сына его Гильдерика и что никто изъ нихъ не будетъ имѣть сношеній съ Римомъ. Изъ епископовъ нѣкоторые по простотѣ думали дать такую клятву, опасаясь въ противномъ случаѣ угрозовъ со стороны народа, что отъ нихъ самихъ зависѣло достигнуть такимъ образомъ возвращенія въ епархіи; другіе, подозрѣвавшіе и тутъ какой нибудь скрытнѣй обманъ, отказали въ клятвѣ, ссылаясь на запрещеніе Евангелія клясться во всякомъ случаѣ. Что же сдѣлалъ Гунерикъ? Въ тѣхъ и другихъ видахъ недостатковъ искренней готовности слушать его видамъ, царь готовымъ на клятву объявилъ, что такъ какъ они готовы поступать вопреки Евангелію, то онъ не возвращаетъ имъ казны, а отправляетъ ихъ по селамъ, гдѣ дана имъ будетъ земля для воздѣлыванія, съ обязательствомъ -- не молиться по православнымъ обрядамъ, не пѣть церковныхъ пѣсней, даже не брать въ руки церковныхъ книгъ для чтенія, а пѣть менѣе -- совершать для мірянъ какія-либо таинства. Отказавшимъ въ клятвѣ объявлено, что такъ какъ они не желаютъ признавать царскаго сына наследникомъ престола, то будутъ сосланы на галеры для занятія построеніемъ кораблей. Мало и этого было Вандалу. Разогнавъ епископовъ, онъ отправилъ по всей Африкѣ палачей, съ тѣмъ, чтобы они ни одного города и селенія, ни одного дома православныхъ не оставили *безъ плача и кро-*

си. Тогда возобновились все ужасы временъ языческихъ, но возродилась и христіанская слава тѣхъ временъ: никакія мученія не вынудили совращенія православныхъ въ аріанство. „Все идутъ на мученичество; все бѣгутъ за мучениками, но никто не обращается къ нашему исповѣданію“ (т. е. аріанскому), — доносили Гувернику исполнители его велѣній. Къ такимъ страданіямъ православныхъ присоединился еще страшный въ странѣ голодъ. Вандалы не хотѣли давать имъ хлѣба иначе, какъ подъ условіемъ обращенія ихъ въ аріанство. А когда нестерпимыя мученія голода заставили православныхъ толпами выходить изъ провинцій въ столицу, Карвагенъ, для того, чтобы здѣсь найти какіе нибудь куски хлѣба, то Гувернигъ велѣлъ гнать все эти толпы вонъ изъ города, и несчастные, выходя изъ него и не въ состояніи бывъ продолжать путь, падали одинъ за другимъ и трупами своими покрывали поля. Тогдаю съ смертію Гуверника (484 г.) африканская Церковь успокоилась — хотя на время (1).

На востокѣ Зенонъ, неспособный къ управленію, самъ управляемый женщинами, не умѣлъ и не расподожень былъ поддержать благо Церкви. Евтихіане не теряли силы въ церковныхъ дѣлахъ, такъ что занимали важнѣйшія епископскія каѳедры. Особенно каѳедры александрійская и антиохійская были въ полномъ ихъ распоряженіи. И такъ было послѣ халкидонскаго собора до конца столѣтія. Наконецъ имп. Зенонъ, по внушенію самихъ же евтихіанъ и людей двуличныхъ изъ православныхъ, издавъ отъ своего имени *даматическій* *едиктъ*.

(1) Гоненіе Гуверника со всеми подробностями описываетъ современный историкъ африканской Церкви, Викторъ, еп. Витты, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ всехъ ужасовъ гоненія. *Victor. lib. 3—5.*

въ которомъ, изложивъ основанія вѣры, призываетъ и лично убѣждаетъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и духовныхъ и мірскихъ, къ единенію на этихъ основаніяхъ (1). Хотя Зенонъ исповѣдуетъ здѣсь вѣру по символу никейскому, предастъ анаѳемъ Несторіа и Евтихіа, со всѣми ихъ единомышленниками, называетъ Церковь духовною и безсмертною матерію имперіи и всѣхъ народовъ, утверждаетъ, что имперія не можетъ принять другой вѣры, кромѣ святоотеческой, православной; однакожь этотъ едиктъ былъ ничто иное, какъ мистификація. Не говоря уже о недостаткахъ его въ догматическомъ изложеніи, о неясности, неточности, смѣшеніи понятій, едиктъ предастъ анаѳемъ, вмѣстѣ съ Несторіемъ и Евтихіемъ, всѣхъ, кто на *халкидонскомъ* и на всякомъ другомъ соборѣ говорилъ что-нибудь такое, *что нѣтъ въ символѣ никейскомъ*; т. е. Зенонъ повторялъ именно то, что Евтихіане ставили въ упрекъ халкидонскому собору, что будто онъ ввелъ новое вѣроученіе, не опредѣленное соборомъ никейскимъ. Мистификація тутъ была видна и изъ того, что, не смотря на проповѣдь православія въ едиктѣ, евтихіанскіе епископы, самые ожесточенные противники IV вселенскаго собора, остались на своихъ мѣстахъ, каковы были Петръ Монъ въ Александріи, Петръ Фуллонъ въ Антиохіи, и пр. Они съ своей стороны даже приняли формально этотъ едиктъ, не смотря на анаѳему его противъ Евтихіа: знавъ, что мысли и цѣли Зенона были вовсе имъ не противны. Самъ константинопольскій патріархъ Аѳакій поколебался и вступилъ съ ними въ общеніе. Но епископы строго—православные едиктъ отвергли. Слѣдствіемъ было

(1) Этотъ едиктъ явѣственъ подъ именемъ: *ἐνωτικόν—соединительный*.

изложение многихъ изъ нихъ! Зенонъ заключилъ въ темницу и пословъ римскаго папы, прибывшихъ въ Константинополь съ письмами отъ него къ императору и патриарху, которыхъ папа увѣщавалъ прекратить связи и церковныя сношенія съ еретиками. Но эти связи и сношенія оправдывались въ глазахъ Зенона и Акакія патриарха именно видимою покорностію Евтихіанъ голосу, призывавшему ихъ къ единенію съ Церковію, хотя это былъ голосъ не Церкви и единеніе на ложныхъ основаніяхъ. Это была *уния*, сочиненная императорскою властію. На самомъ же дѣлѣ пресловутое вѣроученіе императора вышло не только безплодно для единенія христіанъ и умирненія Церкви, но и вредно, потому что своею двуличностію только давало лжеучителямъ средство—выставлять свою ложь въ видѣ правосмысли предъ вышшею властію, и ничего не теряя въ своихъ убѣжденіяхъ, принятіемъ его пріобрѣтать все, что нужно имъ было, для своихъ цѣлей. Еще долго этотъ едиктъ служилъ искушеніемъ для Церкви.

Послѣ Зенона возведенъ былъ на тронъ одинъ изъ царедворцевъ, Анастасій. Патриархъ Константинопольскій Евсеій, зная приверженность Анастасія къ Евтихіанству, воспротивился его воцаренію; Евсеій даже удалилъ его изъ церкви, опасаясь, чтобы онъ въ своей рѣчи къ народу, по своему избранію на престолъ, не смутилъ православныхъ выраженіемъ евтихіанскихъ мыслей; патриархъ грозилъ выставить его на позоръ всему народу, какъ еретика. Не смотря на всѣ настоянія Двора и сената, Евсеій отказывался короновать Анастасія, пока онъ не дастъ письменнаго удостовѣренія, что принимаетъ опредѣленія Халкидонскаго Собора, какъ правила Вѣры, и не будетъ вводить ничего

новаго въ общество православныхъ вопреки учению Церкви. Только получивъ въ этомъ смыслѣ актъ, собственноручно подписанный Анастасіемъ, Евѳимій согласился вѣнчать его на царство. Не покажется ли такой образъ дѣйствій патріарха фанатизмомъ или даже государственнымъ преступленіемъ? Но православною Церковью такъ много страдала отъ царской власти, покровительствовавшей ея врагамъ, была въ такомъ жалкомъ состояніи, которое можно было бы признать безнадежнымъ, если бы не обѣтованіе Христово о ея вѣчной неодолимости, что твердость Евѳимія надобно почесть величайшимъ достоинствомъ его характера, доблестію его сана и утѣшеніемъ для постоянно—смущеннаго духа православныхъ современниковъ. Не надобно терять изъ виду и того, какимъ образомъ въ то время наследовался престолъ Имперіи. Не было ни твердыхъ правъ одного, Боговѣнчаннаго рода, ни правильнаго порядка въ народномъ избраніи, ни вниманія къ личнымъ достоинствамъ избираемыхъ: все зависѣло отъ случайнаго исхода въ борьбѣ партій, раздиравшихъ византійской Дворъ. Само государство не имѣло никакихъ ручательствъ въ сохраненіи своего благоденствія со стороны тѣхъ, кто восходилъ на тронъ: какое же основаніе было для Церкви безусловно вѣрять себя всякому проходивцу, такъ или иначе достигавшему царскаго вѣнца? Не имѣла ли она нужды и права требовать ручательства, что новое царствованіе, если не будетъ для нея особенно благодѣтельно, то, по крайней мѣрѣ, не будетъ для нея и бѣдственнымъ, когда она видѣла почти непрерывное напряженіе державы противъ ея ученія, духа и правилъ, видѣла Дворъ, постоянно надолбанный ея врагами, видѣла въ самомъ характерѣ его прин-

мипы противонаравственные, отъ которыхъ можно было ожидать только всего — противорелигиознаго? Не имѣла ли твердость православныхъ пастырей тѣмъ болѣе цѣны и величія, что они такъ твердо, хотя къ несчастью и не всегда благоуспѣшно, стояли на за личные интересы, даже не за выгоды своего сословія, а только за чистоту и цѣлость Вѣры? Не справедливо ли еще пожалѣть, что примѣры, подобные Евдемію, были не постоянны, даже не очень часты въ исторіи Восточной Церкви? Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать чести и римскимъ папамъ. Они въ эти бурныя времена, независимо отъ личныхъ притязаній на особенныя права своей катедры, съ высокимъ постоянствомъ не только сами у себя защищали истинное ученіе Вѣры отъ всякаго вольнодумства, но и сильно помогали въ этомъ Восточной Церкви, убѣждали пастырей ея къ твердости, раскрывали самимъ императорамъ ложь и обманъ еретиковъ, съ силою и смѣлостію, достойною глубокаго уваженія, изъясняли имъ собственныя ихъ ошибки и заблужденія въ дѣлахъ Церкви и строго опредѣляли кругъ ихъ правъ въ этихъ дѣлахъ. Такъ напр. папа Феликсъ писалъ къ импер. Зенову: „ты знаешь, Государь, что всевышняя премудрость не дарована никому въ мірѣ, кромѣ священноначальниковъ, власти рѣшать дѣла совѣсти. Тѣмъ не менѣе я не требую отъ васъ, по праву апостольской катедры и преемства отъ Апостоловъ, а настоятельно убѣждаю и задлинаю, какъ отецъ, который живо и близко къ сердцу принимаетъ благо своего сына возлюбленнаго. Ты благосклонно выслушай наши прошенія варварскихъ народовъ, когда дѣло идетъ о мирѣ твоей имперіи: можешь ли не внимать просьбамъ нашимъ о мирѣ Церкви? Ничего не можетъ быть

вождѣннѣ, какъ единеніе древняго и новаго Рима въ духъ вселенской Вѣры, такъ, чтобы оба эти города исповѣдали одно и тоже вѣрученіе, какъ носить одно имя. Думаешь ли ты, Государь, что я не проливаю слезъ, когда пишу это, не преклоняюсь, какъ могу, предъ твоимъ благочестіемъ? Я не считаю трудомъ и униженіемъ для себя обращаться съ прошеніемъ къ императорской власти въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ св. Апостолъ не стыдился называть себя зрѣлицемъ для всѣхъ людей. Не отвергай же, возлюбленный сынъ, моихъ убѣжденій, не презирай моего сана: ибо, при всемъ моемъ недостойнствѣ, въ моемъ лицѣ Апостолъ Петръ, а чрезъ него самъ Иисусъ Христосъ обращается къ тебѣ, не терпя, чтобы Церковь Его разрывалась на разныя части. Богу не угодно, чтобы ты Его дѣлу предпочиталъ что бы то ни было въ мірѣ, Богу, въ милосердіи Котораго ты имѣешь нужду. Я не перестану убѣждать тебя болѣе и болѣе, чтобы несчастное раздѣленіе Церквей исчезло вмѣстѣ съ его виновниками и ихъ именами.“ (1) Что касается самовластнаго и несправедливаго вмѣшательства государства въ дѣла Церкви, то папа Геласій писалъ на Востокъ: „ по какимъ правиламъ изгнанъ изъ своей Церкви Іоаннъ Александрійскій, ни въ чемъ не обличенный? Говорять, что это сдѣлалъ императоръ: но какими канонами онъ на такія дѣла уполномоченъ? Почему въ этомъ незаконномъ дѣлѣ епископъ константинопольскій уступилъ, когда онъ знаетъ, что обвиняется не тотъ только, кто дѣлаетъ зло, но и тотъ, кто одобряетъ и допускаетъ другихъ дѣлать зло? Власть мірская не иначе, какъ отъ духовной, должна

(1) *Fal.* ep. 12.

воспринимать и изучать вопросы религиозные, а не судить въ нихъ по своему усмотрѣнію. Никакая власть въ мірѣ не можетъ присвоить себѣ этого права, если только власть хочетъ быть Христіанскою и не хочетъ стать гонительницею вѣры.“ (1) Тотъже папа писалъ къ самому императору Анастасію: „Государь! двѣ высшія власти управляютъ міромъ, духовная власть священно-начальства; и власть мірская — царей. Власть духовная тѣмъ тяжелѣе, что пастыри на судѣ Божиѣмъ должны будутъ дать отвѣтъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, за самыхъ царей. Знай, сынъ возлюбленный, что царствуя надъ людьми въ дѣлахъ человѣческихъ, ты тѣмъ не менѣе подчиненъ Церкви въ дѣлахъ священныхъ; ты долженъ внимать пастырямъ въ дѣлѣ твоего собственнаго спасенія, и въ тайнахъ небесныхъ тебѣ надлежитъ болѣе послушаніе, нежели начальствованіе; въ этихъ предметахъ ты самъ подлежишь суду духовному, а не можешь подчинять его своей волѣ. Если въ томъ, что касается гражданскаго управленія, священно—начальники, признавая происхожденіе твоей царственной власти свыше, повинуются твоимъ законамъ, чтобы не нарушать порядка въ дѣлахъ міра, не такъ же ли ты обязанъ слушать Церковь въ распоряженіи святыми тайнами? Тяжкая отвѣтственность падаетъ на церковныхъ пастырей, если они молчатъ, когда Богопочитаніе требуетъ, чтобы они говорили; не менѣе отвѣтственности и на тѣхъ, которые, обязанные только повиноваться, презираютъ эту обязанность. Если сердца вѣрныхъ должны покараться вообще всѣмъ пастырямъ, когда пастыри совершаютъ, какъ слѣдуетъ, дѣло Бо-

(1) *P. Gelas. ep. 4.*

ше: то не больше ли вниманія и уваженія должно быть оказано духовной власти, поставленной въ Церкви самимъ Богомъ выше другихъ? Божественныя установленія могутъ конечно подвергаться презрѣнью и нападеніямъ человѣческимъ: но никакая сила на землѣ не можетъ сокрушить этихъ установленій. Желательно ли еще врагамъ Церкви, чтобы дерзость ихъ противъ нея была столько же гибельна для нихъ самихъ, сколь она бессильна противъ вѣры?“ (1) Вотъ какъ еще Геласій рассуждалъ о раздѣленіи власти гражданской и церковной. „До пришествія въ міръ Спасителя, въ лицѣ одного человѣка соединялся иногда санъ первосвященника съ властію царя. Но съ пришествіемъ Того, Кто одинъ есть истинный Царь и Первосвященникъ—виѣсть, царь уже не пріемлетъ имя первосвященника и первосвященникъ не приписываетъ себѣ достоинства царя. Хотя всѣ члены Церкви Христовой именуются родомъ царскимъ и священнымъ: но Богъ, зная слабости человѣческія, и восхотѣвъ спасти вѣрныхъ своихъ во смиреніи, раздѣлилъ права и дѣйствія той и другой власти, такъ, чтобы христіанскіе цари имѣли надобность въ пастыряхъ для жизни духовной и вѣчной, а пастыри подлежали распоряженіямъ царскимъ по дѣламъ временнымъ; чтобы и тотъ, кто служитъ Богу, не бралъ на себя попеченій нигейскихъ, и тотъ, кто занятъ дѣлами мірскими, не приволялъ себѣ управленія дѣлами священными. Такимъ образомъ та и другая власть удерживается въ своихъ предѣлахъ, и каждая должность занята подобающими ей дѣлами. Слѣдовательно, заключающій папа, ни одинъ епископъ не можетъ быть ни свя-

(1) Ер. 8.

занъ въ своемъ санѣ, ни разрѣшенъ мѣрскою властію“⁽¹⁾. Дѣйствительно, папа не призналъ законными опредѣленій, постановленныхъ относительно епископовъ императоромъ Зенономъ. Къ сожалѣнію, начавшееся въ это время (въ V вѣкѣ) соперничество между римскою и цареградскою кафедрою, по поводу іерархическаго возвышенія послѣдней на Халкидонскомъ Соборѣ (прав. 29), не мало мѣшало добрымъ послѣдствіямъ папскаго участія въ дѣлахъ Восточной Церкви.

Между тѣмъ и импер. Анастасій не сдержалъ своего обѣта—поддерживать опредѣленія IV вселенскаго Собора. Это былъ человекъ безъ характера, безъ опредѣленнаго направленія въ своихъ мысляхъ и намѣреніяхъ. Поэтому онъ подвергался самымъ разнообразнымъ влияніямъ въ своей жизни и обнаруживалъ самыя противорѣчивыя наклонности. Бывъ частнымъ человекомъ, онъ отличался набожностію, ходилъ въ церковь, молился, постился, такъ что народъ удивлялся его добродѣтелямъ христіанскимъ, и когда въ первый разъ Анастасій явился среди народа въ знакахъ царскаго достоинства, то народъ восклицалъ: „царствуй, государь, какъ доселѣ жилъ!“ Но въ своемъ духѣ Анастасій былъ таковъ, что, по свидѣтельству историковъ, нельзя было похвалить его ни за одну добродѣтель, не упрекнувъ въ то же время въ противоположномъ ей пороки. Въ дѣлахъ религіи онъ подлежалъ столько же влиянію аріанъ и еutihianъ, сколько и манихеевъ и другихъ. Выискавъ случай и предлогъ низвергнуть патріарха Евменія, который обязалъ его быть вѣрнымъ Церкви, онъ задумалъ уничтожить и данное имъ при коронованіи обязатель-

⁽¹⁾ Ap. Labbe. concil. T. 4, 1227.

ство. Онъ требовалъ отъ новаго патріарха, Македонія, подписанный собственноручно этотъ обязательный актъ, хранившійся въ кафедральной Церкви; но Македоній не выдавалъ; это былъ чедовѣкъ благонамѣренный, хотя и имѣлъ неосторожность подписать съ своей стороны *этимъ* *Зенона*, въ чемъ публично раскаялся. Тогда Анастасій, уже не сдерживаясь, высказался открытымъ врагомъ Церкви; соединяя съ еutihianствомъ заблужденія манихейскія, онъ покрылъ стѣны въ своей дворцовой церкви живописными аллегорическими знаками, изобрѣтенными сначала у гностиковъ и возобновленными у манихеевъ; знаки эти, дикіе и чудовищные, возбуждали негодованіе православнаго народа, привыкшаго видѣть въ Церкви одни священныя изображенія; еретики, смѣшиваясь съ православными въ церковныхъ собраніяхъ, примѣшивали къ молитвамъ и пѣснопѣніямъ Церкви свои еретическія выраженія, издѣвались надъ православными, проповѣдали намѣренно въ ихъ богослуженіи шумъ и всякіе безпорядки; православные, выходя изъ терпѣнія, возставали на еретиковъ и выгоняли ихъ изъ церквей. Анастасій, мстя первымъ за послѣднихъ, лишилъ права убѣжища соборную патріаршую церковь и передалъ это право божницамъ еретическимъ. Онъ былъ до тазой степени низокъ, что позволилъ еретикамъ даже подкупать себя; такъ еutihianскіе епископы обѣщали ему двѣ тысячи фунтовъ золота, если онъ усмѣетъ уничтожить опредѣленія халкидонскаго Собора: и онъ не терялъ изъ вида этой цѣли. Онъ хотѣлъ какъ нибудь овладѣть оригинальными актами Собора, хранившимися въ кафедральной церкви. Патріархъ, предвидя насиліе, запечаталъ акты и положивъ ихъ на св. престолъ въ алтарѣ, передалъ дѣло Собора на храненіе

самому Богу. Императоръ не рѣшался самъ взять ихъ съ этого мѣста; но одинъ евнухъ похитилъ акты ночью и вручилъ императору, который разорвалъ и бросилъ ихъ въ огонь. Это было знакомъ—съ одной стороны къ возмущенію народа, который открыто возсталъ противъ Анастасія, объявляя его манихеемъ и недостойнымъ царствовать; съ другой—къ стольже открытому гоненію Анастасія и еретиковъ на православную Церковь. Еще разъ повторилось прежнее зрѣлище всевозможныхъ насилій отъ враговъ Церкви и разнообразныхъ страданій ея преданныхъ сыновъ. Самъ Анастасій ужаснулся при этомъ зрѣлищѣ и, по опасенію народной ненависти, заключился въ своемъ дворцѣ, имѣя готовыми корабли, чтобы во время бѣжать изъ Константинополя. И на этотъ разъ, когда православный патріархъ былъ изгнанъ, а на его мѣсто поставленъ избранникъ Двора, Тимовой—безъ вѣры и чести, возвысился голосъ римскаго папы. „Или ты, писалъ онъ Анастасію, думаешь, что, ставъ императоромъ, ты уже вправе презирать судъ Божій? Или ты скажешь, что самъ Богъ, въ гнѣвъ своемъ, попускаетъ на землѣ дѣла губительныя? Но почему ты относишь это къ себѣ? Помни, государь, что ты человекъ и, только съ этою памятыю, пользуйся властью и силою, которую Богъ даровалъ тебѣ. Какой бы судъ ни произнесли надъ твоими дѣлами люди, дѣла твои будутъ еще испытаны на судъ Божию. Ты скажешь, что мы обязаны покараться могуществомъ твоей власти: но мы признаемъ власть человѣческую въ ея силѣ дотогъ, пока она не возстаетъ съ своимъ произволомъ противъ Бога. Если всякая власть отъ Бога, то еще болѣе та, которая поставлена при вещахъ Божественныхъ. Предоставьте насъ суду

Божію; и мы предоставимъ васъ суду Божію; если же не такъ, ты не можешь пользоваться преимуществами Того, чье право ты презирать хочешь. Ты жалуешься, что римскій сенатъ худо относится къ тебѣ: но, если худо, что мы убѣждаешъ тебя прервать союзъ съ еретиками, хорошо ли ты съ нами поступаешь, думая силою принудить насъ къ союзу съ ними? Мы слышимъ, что ты грозилъ военною силою снова обратиться къ ереси тѣхъ, которые уже давно добровольно отстали отъ нея. Но какова бы ни была твоя сила и власть, помни, что ты человекъ, и подумай о судьбѣ тѣхъ, которые съ начала христіанства преслѣдовали Вѣру православную: гоненіями; всѣ ихъ гоненія обратились въ ничто, тогда какъ истина Вѣры стала тѣмъ болѣе крѣпкою, чѣмъ болѣе была преслѣдуема. Давать свободу всѣмъ ересямъ и отказывать въ ней одной православной Церкви, значить быть ея гонителемъ. Если на нее смотришь, какъ на заблужденіе, то уже долженъ ты терпѣть ее на равнѣ со всѣми другими терпимыми заблужденіями; а если признаешь ее за истину, то надобно послѣдовать ей, а не гнать. Не удивительно впрочемъ, что покровители манихейства преслѣдуютъ православныхъ, когда ложь сама по себѣ не можетъ сдѣлать зла истинѣ; не странно, что оказываются жестокими къ православнымъ тѣ, которые могутъ приспособиться ко всѣмъ ересямъ; друзья всѣхъ заблужденій могутъ быть врагами только тѣхъ, которые не заблуждаются (1).⁴

Такимъ образомъ еще прошелъ вѣкъ (V) въ жизни Христовой Церкви, и еще государство усиливалось и

у (1) Арх. Labbe, t. III, p. 1226.

себя, а не изъ существа религіи; которой вовсе не понимало, да и мало заботилось о ея постиженіи, выработать начала свободы вѣры; но; представляла себѣ эти начала не иначе, какъ подъ формою господства надъ Церковію; въ идѣе своего освобожденія отъ ея духовнаго вліянія, униженія ея высшаго авторитета и нравственныхъ правъ въ совѣсти людей, не выработало ничего, кромѣ зла, гоненій съ своей стороны на Церковь и жестокихъ страданій въ самой Церкви. И опытъ вышло на повѣрку, что дѣйствительная свобода совѣсти была, только не въ государствѣ, а въ Церкви, гдѣ лучшимъ признакомъ и проявленіемъ ея была неодолимость православныхъ убѣжденій, несокрушимая ни подъ какимъ гнетомъ государственныхъ насилій, и въ тоже время—духъ терпимости, снисходительности, любви къ самымъ врагамъ ея. Мечемъ и огнемъ хотѣло государство принудить Церковь къ признанію ересей, въ качествѣ самостоятельныхъ и равноправныхъ съ нею вѣроисповѣданій: кротостію и любовію Церковь хотѣла обратиться къ себѣ всякую ересь. Прекраснѣйшія страницы въ этомъ духѣ мы находимъ въ исторіи Церкви, и никакія усилія критическихъ умовъ не исказятъ этихъ страницъ, доискиваясь въ нихъ слѣдовъ фанатизма, невѣжества, предразсудковъ, и пр. Ужаснѣйшія страницы мы читаемъ въ исторіи государства, и никакія соображенія историковъ, подъ видомъ политическихъ, не освѣтятъ этихъ страницъ, чтобы найти и выказать въ нихъ что-либо глубокое, твердое, необходимое, послѣдовательное; тутъ ничего такого нѣтъ, потому, что тутъ одна—безнравственность. Новѣйшее выраженіе: *византизмъ*, придуманное для религіознаго духа тѣхъ мѣстъ и времени, специально характеризуетъ его, толь-

ко не въ томъ смыслѣ, какой съ этимъ словомъ соединяютъ, и не въ Церкви греко-восточной, которая сама въ себѣ была не византийская, а вселенская, но въ имперіи греко-восточной; здѣсь, въ Византіи—государствѣ, исповѣданіе вѣры было слишкомъ своеобразно, или лучше сказать, вовсе безхарактерно, чтобы назвать его по справедливости православнымъ; въ имперіи была въ силѣ всякая вѣра, кромѣ православной; ея религіи трудно и придумать другое, болѣе характеристичное названіе, кромѣ *византизма*.

(Продолженіе будетъ.)

ХАРАКТЕРЪ ПРОТЕСТАНТСТВА

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ (1).

11. Лютеранство.

Мы сказали уже, что вся лютеранская догматика служить выраженіемъ одной идеи о правахъ личнаго сознанія въ дѣлѣ вѣры. Замѣчали также, что мысль о правахъ личности Лютеръ основываетъ не на дѣйствительномъ величій самого человѣка, а на дарахъ благодати и что только путемъ постепеннаго раскрытія и выясненія протестантскихъ началъ эти благодатные дары отождествляются съ личностію самого человѣка и изъ человѣческаго ничтожества незамѣтно вырастаетъ безмѣрное величіе человѣка и его духовныхъ силъ. Здѣсь снова повторяемъ, что лютеранское вѣроисповѣданіе, дѣйствительно, повидимому, ратуетъ за дары благодати, въ противоположность католичеству, гдѣ, какъ казалось Лютеру, забывали о нихъ, и въ дѣлѣ искупленія главнымъ дѣятелемъ признавали самого человѣка. Но это — лишь оптической обманъ; въ сущности — лютеранинъ, ратуя за дары благодати, ратовалъ за себя самого, онъ переносилъ ихъ на свою собственную личность. По мѣрѣ того, какъ развивалась мысль о необходимости внут-

(1) См. Сентябрь. книжку Христіан. Чтенія.

ренняго общенія со Христомъ, его собственная личность поднималась выше и выше, пока, наконецъ, не сдѣлалась сама существомъ всеобъемлющимъ, абсолютнымъ. Причина въ томъ, что лютеранинъ понималъ это общеніе чисто отвлеченнымъ образомъ, идеально, мечтательно.

Гдѣ-же исходный пунктъ этого воззрѣнія, гдѣ тотъ основной догматъ лютеранства, изъ котораго выходили бы всѣ другіе и въ которомъ мы могли бы признать преимущественное выраженіе той идеи, о которой говорили и говоримъ?

Въ нашихъ богословскихъ системахъ, излагавшихъ догматическія разности лютеранъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены вопросы въ догматикѣ, такой пунктъ вовсе не указывался. Католики также недавно и именно со времени Мёлера стали отыскивать этотъ исходный пунктъ лютеранства. Сами протестанты увидѣли его въ самое послѣднее время. Прежде они несправедливо признавали исходнымъ пунктомъ своего вѣроисповѣданія свое ученіе о св. Писаніи, какъ единственномъ источникѣ Вѣры.

А между тѣмъ—уже у Лютера и Меланхтона, не смотря на всю несистематичность ихъ ученія, ясно высказывалось сильное тяготѣніе къ одному пункту, къ одному тезису. На него же по преимуществу ударяли и швейцарскіе реформаторы Цвингли и Кальвинъ. Этотъ пунктъ, составляющій сущность лютеранства, есть ученіе объ оправданіи вѣрою. Лютеръ въ такъ называемой застольной рѣчи разъ высказалъ слѣдующую сентенцію: „если падеть наше ученіе объ оправданіи, то пропало все дѣло реформаци“. Еще яснѣе говорится объ этомъ въ Смалькальденскихъ членахъ: „*id praecipuum est, ut si una justificemur*“ и т. д.

Что же такое это оправданіе вѣрою? Тотъ-ли въ немъ смыслъ, что реформаторы вовсе отвергаютъ добрыя дѣла? Но еще на аугсбургскомъ сеймѣ Меланктонъ замѣчалъ папистамъ, что они напрасно приписываютъ лютеранамъ отрицаніе необходимости добрыхъ дѣлъ. И онъ и Лютеръ въ своихъ сочиненіяхъ не разъ повторяютъ это и пишутъ цѣлые трактаты о значеніи добрыхъ дѣлъ. Что же значить, спросимъ опять, это загадочное ученіе реформаторовъ XVI вѣка объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ?

И здѣсь намъ помогаетъ противоположность лютеранства католичеству. Она выясняетъ намъ сущность дѣла. Лютеръ возставалъ противъ насилія и стѣсненій въ католической жизни и практикѣ. Въ католицизмѣ онъ видѣлъ ученіе объ оправданіи не чрезъ заслуги Искушителя, не *gratis*—туне, а единственно за подвиги, за дѣла. Ему казалось, что тамъ вѣрующій работаетъ Христу, какъ наемникъ. Въ нѣкоторой мѣрѣ онъ былъ правъ. Въ католичествѣ, дѣйствительно, идея о заслугахъ Христа заслонялась другимъ ученіемъ о спасеніи *ex opere operato*. Тамъ искони укоренилась мысль Пелагія о томъ, что человекъ спасается своими подвигами—мысль, въ основѣ которой у самого Пелагія лежало отрицаніе даже догмата паденія. Блаженный Августинъ возставалъ противъ этого, но его ученіе не было надлежащимъ образомъ усвоено и опѣнено въ послѣдующее время. Напротивъ, не уничтожая догмата паденія, католичество, сообразно съ своимъ внѣшнимъ, юридическимъ строемъ, ослабляло значеніе заслугъ Христовыхъ. Еще *Brodvardin* жаловался, что *totus fore mundus Catholicus post Pelagium in errorem abiit*. Теорія полу-пелагианства были сильны особенно между скотистами (послѣдователями

ми Дунса Скотта) и францисканцами, державшимися неоплатонических началъ. Онѣ отозвались и послѣ реформациі въ спорѣ инсенистовъ съ иезуитами, которые поддерживали полу-пелагיאнизмъ, какъ доктрину, болѣе гармонировавшую съ ихъ практическими началами и образомъ дѣйствій. Воззрѣніе это сказалось, наконецъ, и въ новомъ догматѣ „непорочнаго зачатія“ Богоматери, допускающемъ, что человѣкъ своими собственными заслугами можетъ освободиться отъ первороднаго грѣха. Вотъ противъ чего возставалъ Лютеръ, и, впадая въ другую крайность, хотѣлъ сказать, что ничто внѣшнее и никакое внѣшнее посредство не имѣетъ значенія въ дѣлѣ спасенія; что все опредѣляется внутреннимъ, свободнымъ отношеніемъ человѣка къ спасающей благодати. Онъ противопоставляетъ дѣла вѣрѣ, какъ начало внѣшнее, *формальное*, началу *внутреннему и свободному*. Мысль свою онъ выражаетъ въ формѣ догматической, несправедливо пользуясь ученіемъ апостола Павла о противоположности дѣла закону закону евангельскому. И такъ — повторяемъ; — когда Лютеръ, Меланхтонъ, Цвингли и Кальвинъ проповѣдывали оправданіе вѣрою безъ дѣла или въ противоположность дѣламъ, то этимъ они хотѣли сказать только то, что все исходитъ изъ внутренняго, духовнаго начала, котораго не позналъ католическій міръ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что я дѣлаю известное дѣло, еще не слѣдуетъ, что я сочувствую ему, что я предаю ему сердцемъ; очень можетъ быть, что я отношусь къ нему только формально и внѣшнимъ образомъ, исполняю его по принужденію и насилію. Это послѣднее прибавленіе мы сдѣлали въ объясненіе формы лютеранскаго догмата объ оправданіи, т. е. въ объясненіе того, что понятіе дѣла здѣсь равносильно поня-

тію внѣшней формальности. Такъ понимаемъ мы лютеранскій догматъ, и съ этой точки зрѣнія онъ дѣйствительно представляется намъ полнѣйшимъ выраженіемъ протестантскаго субъективизма. Не напрасно Гегель съ пафосомъ говоритъ въ своей исторіи философіи о Лютерово́й реформациі; и въ его „вѣрую“ находитъ философскій смыслъ. Вотъ его слова: „лютерово „credo“ имѣетъ смыслъ историческій, на сколько спекулятивно (т. е. отвлеченно) его содержаніе. Въ этомъ одномъ словѣ высказана широкая мысль о свободѣ субъективнаго сознанія и о блаженствѣ внутренней, сознательной жизни. Этимъ „credo“ ниспровергнута всякій внѣшній авторитетъ“ (1). Таковъ, въ самомъ дѣлѣ, смыслъ догмата объ оправданіи вѣрою; если дать ему отвлеченную форму. Но мы должны напередъ разъяснить его непосредственное, ближайшее значеніе для сознанія не философскаго, а религіознаго.

И такъ въ главномъ догматѣ своего вѣроученія Лютеръ все подчиняетъ вѣрѣ. Нѣтъ нужды ни въ чемъ, кромѣ этой вѣры, которая сама рождаетъ дѣла неразлучныя съ нею. Нужно только чистое сердце для пріятія благодати, нужно только, чтобы человѣкъ былъ сосудомъ для усвоенія заслугъ Христа, нужна только увѣренность въ спасеніи, чтобы быть блаженнымъ. Прочь все, что стѣсняетъ человѣка, что мѣшаетъ его человѣческимъ радостямъ. У насъ есть Искупитель, мы знаемъ его и—мы спасены. „*Haec est pax et laetitia, in qua acquiescimus in Deo, haec est liberatio a doleribus*“, замѣчаетъ на это Меланхтонъ. Вотъ мысль, которая необходимо вела къ полной личной свободѣ и субъективному пониманію христіанства.

(1) *Gesch. d. Philos. v. Hegel. B. 2.*

Человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами, слѣдовательно не внѣшнимъ, а внутреннимъ образомъ и безъ всякаго внѣшняго посредства. Спасеніе—это достояніе его собственнаго сердца, дѣло, о которомъ знаетъ только внутренній человѣкъ. Въ этомъ внутреннемъ актѣ не можетъ принять участія никакое человѣческое посредство, никакой внѣшній авторитетъ. Вѣра во Христа и увѣренность въ полученіи спасенія, вотъ *ess.*; о чемъ, по словамъ Лютера, проповѣдуетъ Евангеліе. И такъ вѣра лютеранъ есть вѣра въ непосредственность общенія со Христомъ, вѣра въ личныя, ничѣмъ не опредѣленныя отношенія къ Нему; это, какъ выражаются сами нѣмцы, *Selbst-glaube* въ противоположность католической *objectiv-glaube*. Вотъ первый элементъ въ понятіи вѣры—это внутренняя личная свобода.

Но, этимъ не обнимается еще смыслъ Лютерова догмата,—онъ не только указываетъ на личную свободу, но и на то, что въ нашемъ личномъ внутреннемъ бытіи главный элементъ—есть элементъ теоретическій, отвлеченный. По Лютеру,—стѣбитъ человѣку прикоснуться *мыслию* къ идеѣ Христа, чтобы быть блаженнымъ. Стоитъ быть *увѣреннымъ* въ полученіи блаженства, чтобы *въ действительности* обладать имъ. Оправдывающая, субъективная вѣра протестантовъ есть не просто признаніе новозавѣтнаго откровенія, но и увѣренность въ томъ, что человѣку прощены грѣхи, что онъ оправданъ и будетъ блаженъ. Меланхтонъ отрицаетъ, присутствіе всякаго смысла въ католическихъ, системахъ богословскихъ уже потому только, что онъ отвергалъ необходимость такой увѣренности со стороны человѣка въ своемъ будущемъ спасеніи. И такъ все совершаетъ въ области религіи наша личная увѣренность въ спасеніи.

Христосъ мой действительный Спаситель, если Его услуги становятся предметомъ моего чувства, или вѣрнѣе, моей мысли. И замѣчательно, что Лютеръ не даетъ никакого опредѣленнаго термина для своей спасающей вѣры; онъ называетъ ее то расположениемъ сердца, то просто *знаніемъ* — Erkenntniss. Ясно; что онъ поупорно выдвигаетъ въ области вѣры на первый планъ чисто отвлеченный элементъ, который действительно возобладалъ въ протестантизмѣ. Смыслъ всѣхъ разсужденій реформатора объ оправданіи — съ этой точки зрѣнія — сводится къ слѣдующему положенію: „мысли о дѣлѣ спасенія, и оно будетъ твоимъ достояніемъ. Знай, что Христосъ твой Спаситель, и за тѣмъ не принимай никакого авторитета“.

Таковъ внутренней смыслъ самаго главнаго изъ протестантскихъ догматовъ.

Совершенно ясно, что такое начало — съ одной стороны — есть начало чисто отвлеченное и мечтательное. Все усвоится здѣсь одной теоретической, мыслительной стороной чловѣка. Съ этой стороны протестантизмъ напоминаетъ намъ древній гностицизмъ, съ которымъ боролась еще апостольская Церковь. Тамъ — во имя гнозиса — вѣдѣній — требовали полной свободы въ дѣятельности и безразлично смотрѣли на всѣ требованія христіанской жизни. Здѣсь также во имя вѣры все прощается чловѣку. Съ этой стороны лютерово „вѣрую“ есть такая же односторонность, какъ и Декартово: „cogito, ergo sum“. Намъ кажется даже, что тезисъ Декарта, родоначальника протестантской философіи, есть не что иное, какъ перифразъ лютерова „вѣрую“. Вѣрую, слѣдовательно спасаюсь, перенесенное въ сферу философіи, стало: мыслю, слѣдовательно существую. По крайней

мѣръ между основнымъ положеніемъ протестантскаго вѣроученія и исходнымъ пунктомъ нѣмецкой философіи, создавшей разнообразныя идеально-пантеистическія системы, существуетъ воднѣйшая гармонія.

— Съ другой стороны — это начало есть начало совершеннаго личнаго произвола. Если въ дѣлѣ вѣры нѣтъ умѣстно никакое внѣшнее посредство, то все дѣло спасенія есть дѣло личнаго сознанія, совѣсти, личныя убѣжденія. Вопросъ объ этихъ убѣжденіяхъ — вопросъ не для кого неразрѣшимый, такъ какъ онѣ — дѣло внутренней психической жизни.

Послѣ этого нѣтъ нужды разъяснять, какъ при такомъ мечтательно-произвольномъ началѣ протестантъ, не смотря на свою видимую преданность волю Искупителя и Духа Благодати, впоследствии пришелъ къ самообожанію. Остановливаясь исключительно на своемъ личномъ внутреннемъ, онъ, естественно, замыкался въ себя и строилъ изъ него цѣлый міръ, переноса въ себя и видимую природу и само Божество. Но объ этомъ рѣчь впереди...

И такъ, по Лютеру все прощается человѣку за одно сочувствіе дѣлу искупленія; онъ овладѣваетъ средствомъ ко спасенію также легко, какъ овладѣваетъ его мысль какою нибудь книгою или изученіемъ известной доктрины.

Возарѣніе очень льстивое для человѣческаго чувства, но на чемъ же было основать его? Противъ него говорила не только вся церковная практика, но и догматика. Если спасеніе совершается такъ легко, то что же останется на долю самого человѣка, не будетъ ли онъ только праздною зрителемъ дѣйствій Благодати? Вотъ вопросъ, съ которымъ неизбѣжно сталкивалось новое

ученіе Лютера, — вопросъ неразрѣшимый съ его точки зрѣнія. Но онъ думалъ рѣшить его, высказавъ новый взглядъ на ученіе о состояніи падшаго человѣка. И эти новыя особенности лютеранскаго вѣроученія — не что иное, какъ *основанія* для ученія объ оправданіи; — мысль объ оправданіи вѣрою выводится здѣсь изъ новаго, своеобразнаго взгляда на состояніе человѣка до и послѣ паденія. Вотъ ходъ мыслей Лютера: человѣкъ оправдывается не дѣлами, а вѣрою, за него дѣйствуетъ Богодать, потому что самъ человѣкъ, еслибъ даже хотѣлъ дѣйствовать, не можетъ. Паденіе его было такъ сильно, такъ глубоко, что раздробило всѣ его нравственныя силы. Мы стали, по выраженію Лютера, солянымъ столбомъ, въ который превращена жена Лотова, мы камень, мы истуканъ въ нравственномъ отношеніи. Тоже повторяютъ и другіе реформаторы: Affirmamus, говорится въ „Аугсбургскомъ исповѣданіи“, *hominem propterea corruptum esse ita, ut ne scintillula quaedam spiritualium virium reliqua sit.* Къ такому новому взгляду на паденіе побуждались реформаторы, сколько желаніемъ послѣдовательности въ раскрытіи своего ученія объ оправданіи, столько же, съ другой стороны, и отсутствіемъ всякаго раскрытія догмата о паденіи у католиковъ. Средневѣковая схоластика, основанная на Аристотелѣ, и не могла его выяснить, и была, какъ говорили мы, заражена пелагианизмомъ. Лютеръ и Меланхтонъ не совсѣмъ несправедливо жалуются на софистовъ, которые docent, какъ говорилъ Лютеръ, *mansisse integra naturalia.* Но реформаторы по обыкновенію и здѣсь впадаютъ въ другую крайность. Лютеръ доказывалъ, что безъ благодати человѣкъ лишень даже свободы и говорилъ, что догматъ о свободѣ занесень схоластиками

въ Богословіи изъ философіи Платоновой, — „vocabulum arbitrii religiosisissimum в Platone additum“. Когда противъ Лютера возсталъ за это известный гуманистъ Эразмъ Роттердамскій съ своею книгою de libero arbitrio, то Лютеръ написалъ свою книгу de servo arbitrio, въ которой довелъ свою мысль до послѣдней крайности. Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ, что допускать свободу, значить уничтожать и идею Провидѣнія, и идею Искупленія.

Но это основаніе для ученія объ оправданіи вѣрою, въ свою очередь, искало и для себя основаній. И Лютеръ, и Меланхтонъ не остановились на актѣ паденія, а отъ него перешли къ предшествовавшему ему состоянию, т. е. къ состоянію невинности. Взглядъ на паденіе искалъ опоры во взглядъ на состояніе невинности и онъ связанъ съ этимъ послѣднимъ. И здѣсь тоже въ католическомъ ученіи была слабая и темная сторона, — множество теорій и ни одна изъ нихъ не объясняла дѣла. Лютеру для вѣрности своего взгляда на паденіе — нужно было доказать, что первобытное состояніе человека было такое, что, какъ скоро нарушилось оно, падалъ весь духовный строй чашей жизни. Словомъ — ему нужно было вывести изъ первобытнаго состоянія свой доплатъ паденія съ логическою необходимостію. Поэтому онъ пересматриваетъ прежде существовавшія теоріи на этотъ предметъ и ищетъ подходящей къ себѣ доктрины. Онъ прежде всего возстаетъ противъ ученія тѣхъ католическихъ богослововъ, которые доказывали, что невинное состояніе человека было состояніемъ сверхъ-естественнымъ, благодатнымъ. Понятно, почему это ему не нравится. Если человекъ былъ невиненъ по благодати, то въ актѣ паденія съ нимъ ничего не про-

изапно, кроме отъятія благодати, и природа челоуѣка сама по себѣ осталась неповражденною. Онъ утверждаетъ, въ противоположность католическимъ богословамъ, что состояніе невинности—актъ вовсе не случайный, а существенный—„esse de essentia hominis“; что оно не только было возможно, но и составляло требование самой природы челоуѣка. Ему не нравится и другая теорія, по которой состояніе невинности состояло только въ отсутствіи грѣха, а не было положительною добродѣтелію. Это, справедливо замѣчаетъ онъ, — добродѣтель несмыслиа. Онъ доказываетъ, что состояніе невинности было состояніемъ силъ духовно развитыхъ и характеризуетъ его, какъ гармоническое дѣйствіе ихъ въ челоуѣкѣ: „aequale temperamentum“. Воззрѣніе, которое было бы совершенно вѣрно, еслибъ при этомъ Лютеръ не отрѣщалъ первобытнаго челоуѣка отъ всякихъ благодатныхъ воздѣйствій на него со стороны Бога, и особенно еслибъ не сдѣлалъ изъ него совершенно нелогическаго заключенія къ тому, что актъ паденія—въ противоположность гармоническому дѣйствію нравственныхъ силъ въ челоуѣкѣ невинномъ, сталъ актомъ полнаго нравственнаго разложенія. Различіе Лютерова воззрѣнія на состояніе невинности отъ ученія древне-Вселенской Церкви именно въ отрѣшеніи первобытнаго челоуѣка отъ воздѣйствій на него Божества, въ отрѣшеніи, на которомъ настаиваетъ Лютеръ для того, чтобъ возвысить значеніе естественныхъ силъ невиннаго челоуѣка; и тѣмъ болѣе разительною сдѣлать самую катастрофу паденія.

Само собою разумѣется, что изъ этого слѣдовало нѣсколько иное, особенно сравнительно съ католическимъ, воззрѣніе и на исторію челоуѣчества до явленія Хри-

стианства. Лютеръ и Меланктонъ, действительно, враждебно относятся къ языческому миру и упрекаютъ католичество въ привязанности къ нему: Первый, рсточая свои укоризны схоластикамъ, не оставляетъ въ покоѣ и языческихъ философовъ, которымъ они слѣдовали, и прерываетъ свою рѣчь къ нимъ слѣдующимъ и подобными ему обращеніями къ Аристотелю: „quid dicas mihi, o Aristoteles, impius homo?“ Вмѣсто того, чтобы изучать Евангеліе, замѣчаетъ онъ о схоластикахъ, они изощряютъ свою диалектику надъ изученіемъ положеній языческаго мудреца: „de rebus casualibus et accidentalibus“. Упреки совершенно справедливы. Въ Римѣ часто смѣшивался Христосъ съ Меркуріемъ, Мадонна съ Венерой, а во времена оны тамъ совершались даже релігіозныя процессіи въ честь Виргилія, Горациа, Платона и Аристотеля. Но, если католицизмъ смѣшивалъ міръ христіанскій съ языческимъ, то реформаторы, съ другой стороны, до того развѣбщали его съ міромъ христіанскимъ, что становилось невозможнымъ самое обращеніе его къ христіанству. Для нихъ языческій міръ, какъ и вообще падшій человѣкъ, лишенъ былъ самой свободы и не только помрачилъ и искажилъ въ себѣ образъ Божій, но и совершенно *уничтожилъ* его въ себѣ.

Таковы основы у лютеранъ для ученія объ оправданіи вѣроу. Онѣ до того слабы, что даютъ изъ себя не столько тотъ выводъ, какого хотѣлъ Лютеръ, сколько совершенно противоположный, потому что, лишая человѣка самаго образа Божія, отнимаютъ у него въ тоже время и возможность благодѣтствованія, — уничтожаютъ въ человѣкѣ всѣ тѣ нравственныя стихіи, которыя нужны для воспріятія и усвоенія Благодѣтныкъ дѣй-

ствій. Онѣ дѣлаютъ человека илииъ-то невольнымъ, безучастнымъ, бессознательнымъ носителемъ Благодати, онѣ вносятъ въ дѣло искушенія какой-то фаталистическій элементъ.

Правда, все это, повидимому, уничтожало только человека, но не самое дѣло искушенія. Но *внутреннее противорѣчіе*, скрывавшееся въ догматѣ, который дѣлалъ участникомъ Благодати человека, *неспособнаю* къ воспріятію Божественныхъ дѣйствій, не могло долго скрываться и, естественно, стремилось выродиться во взглядъ совершенно противоположный. Крайность взгляда на паденіе вела къ противоположной крайности. Не удивительно, поэтому, что міръ языческій, такъ отверженный на первыхъ порахъ для протестантизма, въ послѣдствіи отождествился для него съ міромъ христіанскимъ, а строгость взгляда на христіанскую добродѣтель выродилась въ безразличіе между добромъ и зломъ...

Но мы должны снова обратиться къ Лютеру и его началу. Начало оправдывающей вѣры есть только *матеріальный* принципъ протестантизма. Подлѣ него стоитъ другой принципъ, параллельный ему, который, вмѣстѣ съ новѣйшими протестантскими богословами, мы должны назвать *формальнымъ* началомъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Это формальное начало лютеранства — въ ученіи о св. Писаніи, какъ *нормѣ* вѣры. Начало это стоитъ въ некоторомъ противорѣчій съ первымъ, матеріальнымъ принципомъ протестантизма, какъ назвали его нѣмцыіе богословы, уже потому, что по взгляду Лютера на оправданіе, человекъ только *внутренне* и безъ всякаго видимаго посредства входитъ въ общеніе съ Благодатію и отъ нея получаетъ озареніе. Но Лютеру оно было необходимо, прежде всего потому, что

безъ этого охраняющаго начала, съ единимъ своимъ матеріальнымъ принципомъ, онъ зашелъ бы слишкомъ далеко, онъ долженъ былъ бы на его основаніи отвергнуть не только всё безъ исключенія таинство, но и всякое виднѣеое, Богопочтеніе. Съ другой стороны реформаторъ боролся съ римскою церковью, которая опиралась на Божественный авторитетъ. Ему нужно было противопоставить ей тотъ же авторитетъ, иначе у него не было бы противъ нея силъ. И вотъ Лютеръ признаетъ Священное Писаніе единственнымъ источникомъ вѣроученія, съ которымъ христіанинъ долженъ повѣрять свои личныя воззрѣнія. Ктому же этотъ чистый источникъ Вѣры въ церкви, съ которою боролся онъ, былъ въ небреженіи, и указаніе на него Лютеромъ было поворотна, неопытною для католическаго міра, дѣломъ сильно затрогивающимъ Римъ, колеблющимъ папскую систему. Въ самомъ дѣлѣ, Библія даже въ университетахъ католическихъ была книгой почти неизвѣстною. Равсказываютъ объ одномъ преподавателѣ того времени, что онъ говорилъ своимъ слушателямъ, какъ новость, что есть книга, называемая Евангеліемъ, въ которой есть нечто противное папству и католичеству; Переводили ее на живые языки урядкой, чтеніе ея считалось дѣломъ не совсѣмъ похвальнымъ даже для ученыхъ, и Лютеръ, явивъ въ монастырѣ, скрывалъ отъ другихъ свои замятія Библіею. А народу даже закономъ задрещено было читать ее. Она была въ рукахъ только у высшихъ властей, и какъ у дипломатовъ, которые распоряжались ея смысломъ по своему произволу и усмотрѣнію. Главнѣе, чѣмъ жгтъ католическій міръ; — это преданіе и притомъ не столько древнее, сколько пооднѣе замышленное, не столько церковнаго, сколько

государственного характера. Во имя этого-то Лютеръ отвергаетъ преданіе, выдѣливъ изъ его области только символъ Апостольскій, Аванасіевъ и первого Вселенскаго Собора, несправедливо предполагая, что все прочее въ церковномъ преданіи стоитъ въ связи съ системой папства. Итакъ, Лютеръ руководится двумя началами; въ существѣ дѣла совершенно противоположными, и отъ того, какъ увидимъ, не остается въ дѣлѣ вѣрными ни одному изъ нихъ, а постоянно колеблется между тѣмъ и другимъ; впадая въ непоследовательность и противорѣчія.

Онъ возвысилъ и взгляды на значеніе Св. Писанія и далъ его въ руки народа. Страннымъ казалось это католическому міру и Кохлей съ ироніей писалъ, что ремесленники и безмозглые идиоты раскупаютъ Новый Заветъ въ переводѣ Лютера и вступаютъ даже въ споры съ магистрами и докторами. Онъ возвысилъ и самое понятіе Боговдохновенности сравнительно съ средневековымъ католическимъ взглядомъ на это. Убожествивъ мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ, что Боговдохновенна только мысль Писанія и т. п. и вообще не находимъ полного раскрытія этого догмата. Самыя выгоды католичества требовали, чтобы понятіе Боговдохновенности не было развиваемо широко и особенно на счетъ новозмысленныхъ преданій. Лютеръ утверждаетъ догматъ Боговдохновенности, хотя и не раскрываетъ его въ ясной и опредѣленной формѣ. На Писаніе онъ смотритъ, какъ на образъ Самаго Спасителя, какъ на отраженіе Его Божественнаго духа и находитъ въ немъ особенную, таинственную силу. „Таинство совершается“, говоритъ онъ, когда читаю слова Евангелія, когда проникаюсь ихъ духомъ“. Впрочемъ, напрасно стали бы мы

искать у Лютера полного, истинного благоговѣнія къ Св. Писанію. Такъ какъ это начало Вѣры было для него вовсе не единственнымъ и даже не главнымъ, а служебнымъ для другаго начала личной вѣры, то онъ позволялъ себѣ большую свободу въ разсужденіяхъ о книгахъ Св. Писанія, особенно тамъ, гдѣ его основное начало не находило себѣ въ немъ подтвержденія; а напротивъ оровергалось. Известно, что онъ давалъ предпочтеніе одной священной книгѣ предъ другою, онъ советовалъ изъ Евангелій читать по преимуществу Евангеліе отъ Іоанна, а между посланіями Апостольскими посланіе Апостола Павла, какъ учителя христіанской свободы. Посланіе Ап. Петра и Іакова за ихъ практическій характеръ, особенно же, за выраженіе *«вѣра безъ дѣлъ мертва»*, онъ дерзнулъ даже назвать слабыми, соломенными (Strohhehle). Въ Апокалипсисѣ ему не понравилось слѣдующее мѣсто: *«Блаженни творящій заповѣди Ею, да будетъ область имя на древо животное (1)»*, и онъ не признавалъ его Апостольскимъ писаніемъ. О книгѣ «Екклезіастъ» Лютеръ говорилъ даже, что она написана какимъ нибудь свептикомъ. Разсужденія Премудраго о суетѣ жизни вовсе не гармонировали съ его взглядомъ на оправданіе, дававшимъ полную свободу въ жизни. Онъ не стѣсняется, наконецъ, искать противорѣчій въ Св. Писаніи: для него нужно было только, чтобы всѣ Евангелія сходились въ томъ, что онъ признавалъ главнымъ и существеннымъ, т. е. въ чемъ онъ видѣлъ свое ученіе объ оправданіи. «Что мы за дѣло», говорилъ онъ, «что въ Евангеліяхъ находить несогласіе? Я всегда готовъ

(1) Сол. 2, 14.

(2) Апок. 22, 14.

допустить его. Нужно только, чтобы они были согласны въ существеномъ, а они действительно согласны свидѣтельствуя, что Христосъ умеръ за мой грѣхъ. Итакъ, на взглядъ Лютера, Свящ. Писаніе Боговдохновенно, но только въ цѣломъ, а не въ частяхъ. Слово Божіе въ Писаніи, но Писаніе не Слово Божіе, — вотъ его воззрѣніе.

Ближайшіе послѣдователи Лютера были въ этомъ отношеніи строже. Протестантскіе богословы первыхъ временъ доказываютъ, что св. писатели лишь орудія Духа Божія, трость книжника скорописца. Духъ Святый, по словамъ ихъ, не только возбуждалъ къ написанію, не только давалъ *impulsionem scribendi*, какъ они выражались, внушалъ не только мысли — *suggestio gerens*, но, и самыя слова и выраженія — *suggestio verborum*. Но такой взглядъ не былъ и не могъ быть прочнымъ. Съ одной стороны — самая неопредѣленность и шаткость воззрѣній на Св. Писаніе у самихъ реформаторовъ, съ другой — и это главное — подчиненіе этого руководительнаго начала другому началу свободной личной вѣры, которое неизбежно вело къ произволу въ пониманіи Св. Писанія, скоро породили чисто рационалистическій взглядъ на Библию, господствовавшій тамъ до послѣдняго времени. Лишь въ наши дни протестанты снова возвращаются къ прежнимъ своимъ понятіямъ о Св. Писаніи, но напрасно думаютъ они найти твердыя основы для этого догмата въ ученіи самаго Лютера. Напрасно Шенкель, въ своей книгѣ „о реформаторахъ“, въ положеніи Лютера „Слово Божіе въ Писаніи, но Писаніе не Слово Божіе“, думаетъ найти исходъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ касательно Св. Писанія.....

Изъ такихъ коллизій между двумя началами — матери-

альнымъ и формальнымъ — и сложилось Лютеранская догматика, полная неоследовательности и противоречий. Тамъ, гдѣ самъ Лютеръ видѣлъ несогласіе свидѣтельствъ Свящ. Писанія съ его учениемъ объ оправданіи, онъ или свиниса навести свой смыслъ на эти свидѣтельства, или совсѣмъ отвергалъ ихъ значеніе. Вообще же часто колебался въ своихъ догматическихъ положеніяхъ и не зналъ, къ-что рѣшиться. Тамъ, сначала онъ принялъ три таинства: крещеніе, помазаніе, причащеніе. За тѣмъ нашелъ нужнымъ ослабить значеніе помазанія и измѣнить его форму; наконецъ, рѣшился совсѣмъ уничтожить его значеніе. На подобныхъ примѣровъ неоследовательности Лютера мы увидимъ много. Теперь замѣтимъ только, что то совершенная неправда, будто Лютеръ создалъ свое вѣроученіе на основаніи Евангелія. Блже съ меньшимъ правомъ протестантскія общины присвоили себѣ въ послѣднее время названіе Евангелическихъ, желая показать, что онѣ держатся чисто Евангелическихъ началъ и не знаютъ преданій человѣческихъ.

(Продолженіе будетъ.)

Іером. Хрисанозъ.

ИНОСТРАННЫЯ ЦЕРКОВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Политическое и социальное положеніе римско-католической церкви во Франціи, по изображенію Дюпанлу (епископа Орлеанскаго). Въ своей брошюрѣ о французско-итальянской конвенціи 15/27 сентября 1864 г. и папской энцикликѣ 8/22 декабря того же года, Дюпанлу обрисовываетъ въ слѣдующихъ словахъ современное политическое и социальное положеніе римско-католической церкви во Франціи: „Во французскихъ деревняхъ, гдѣ являюсь проповѣдникомъ Евангеліе, церковь представлена женщинами и стариками, школа — дѣтьми, — она же водить ихъ потому и въ церковь, мужчины и молодежь на свою долю взяли журналы и трактаты. Въ церковь ходятъ обыкновенно разъ въ недѣлю на часъ, или на два. Иногда посѣщаютъ, а черезъ нее и церковь, только отъ 8 до 11 лѣтъ. Все остальное время жизни посвящается заботамъ о матеріальныхъ интересахъ, и тѣ жалкія четверти часа, которыя кое-какъ урываетъ у себя мужчина, чтобы удѣлить сколько нибудь вниманія общественнымъ интересамъ, у него отнимаетъ какой нибудь журналистъ, который изъ столицы, этого центрального пункта просвѣщенія, ежедневно повторяетъ своимъ читателямъ на все лады: „Папа — тиранъ, священники — обманщики, Христосъ — легенда.“

„Чтобы дать понятіе о томъ, какого рода внушенія и

правила читатель находитъ въ современной прессѣ, достаточно сказать, что въ десяти, или пятнадцати изъ самыхъ распространенныхъ газетъ и обзорнѣй старыхъ и новыхъ, постоянно рассыпаются нападки на религію; — эти журналы ни слова не пророняютъ о томъ, что сдѣлаютъ хорошаго римско-католики и спѣшатъ немедленно заявить о томъ, что сдѣлаютъ они дурного, или неблагоразумнаго; между тѣмъ защита религіи предоставлена двумъ или тремъ подозрительнымъ журналамъ, и всякой новый защитникъ ей не добьется бы позволенія издавать свой листокъ.“

„Повидимому, хотѣть сдѣлать изъ религіи валь, открытый для всѣхъ нападкѣй, чтобы прикрыть имъ политику. Повидимому, находятъ благоразумнымъ дозволить нападки на единственнаго Учителя, котораго развѣнчать нельзя. Но это — большое и опасное заблужденіе!“

„Много говорятъ о реформахъ школъ, преувеличиваютъ значеніе каедры, вѣрять влиянію церкви на умы. Но даже влияніе можетъ быть сравнено съ тѣмъ, на которое я указываю? Попробуйте въ какой нибудь деревнѣ, гдѣ есть харчевня, въ которой можно найти *Siècle*, *Opinion nationale*, книгу Ранаа *La vie de Jesus*, позвонить къ молитвѣ, и посмотрите, многіе ли изъ читателей, поименованныхъ газетъ обратятъ вниманіе на призывъ скромнаго колокола! Это еще не все! Не одна пресса противъ насъ: — дѣтъ, и законы вмѣстѣ съ нею.“

„Мы терпимъ тоже, что всѣ другіе граждане, и даже болѣе, чѣмъ эти другіе, потому что наша задача состоитъ въ томъ, чтобы соединять людей, распространять ученіе, основывать заведенія (съ религіозно воспитательными цѣлями); мы терпимъ отъ всѣхъ тѣхъ огра-

ниченій, которыя противопоставляются свободѣ собраній, ученія, убѣжденій, ассоціацій (1).⁴

Скажу болѣе, — ни одно кольцо древней цѣпи, скрепленное для насъ нетерпимостью царей и народовъ, не износилось отъ времени и не разбито во имя справедливости. Какъ во время галликанскихъ гоненій употребляютъ противъ насъ апелляціи на злоупотребленія должностью, смотря подозрительно на нашу одежду, какъ во времена проскрипціи, и на наши дома, какъ въ старину во времена конфискацій.

Когда горькая необходимость заставитъ протануть къ намъ объятія, тогда союзъ между несправедливостью и предубѣжденіемъ ослабѣваетъ и готовъ, повидимому, рушиться. Но онъ снова составляется, укрѣпляется и становится въ угрожающее положеніе къ намъ, когда поднимается буря нечестія и повертывается колесо счастья.

Нравы тоже противъ насъ, какъ пресса и законъ.

Теперь въ модѣ удовольствія, въ модѣ деньги, и я не ошибусь, если скажу, что въ настоящую минуту — причинъ я не хочу разыскивать — нравы испорчены и добродѣтель страдаетъ.

Но какъ скоро порокъ торжествуетъ, тотчасъ же начинаются нападенія на вѣру; этому научаетъ насъ опытъ. Зло питаетъ какъ будто тайное озлобленіе противъ добра. Это озлобленіе дѣлается потомъ общей атмосферой. Но въ глубинѣ души испорченный человѣкъ находитъ доказательство духовности своей природы: въ этомъ озлобленіи есть логика. Вы скуны! вы жалуетесь на ре-

(4) Напоминаемъ читателю, что это говоритъ Французскій епископъ о церковныхъ дѣлахъ во Франціи. (Прямльч: редакц.).

лигию, потому что религія жагуетъ на васъ. Вы распутные! вы осуждаете религію, потому что она васъ осуждаетъ! Да, и не ошибаюсь! когда я бросаю взоръ на книжныя книгопродавца и вижу, что на ихъ полкахъ выставлены безстыдный соблазнъ, то во мнѣ составляетъ убѣжденіе, что я жавю дѣло съ ненавидимымъ невѣріемъ. Прѣступленіе проклинаетъ справедливость; распутство; чтобы удобнѣе удовлетворить своимъ страстямъ, старается уронить чистую нравственность. Дурные нравы не бываютъ безъ дурныхъ правилъ, испорченность въ поведеніи предполагаетъ заблужденія умственные. А заблужденіе (я не желаю бы, чтобы слова мои дурно были поняты) гораздо опаснѣе, чѣмъ грѣхъ. Грѣхъ производитъ раскаяніе, а заблужденіе исключаетъ его. Кто падаетъ и знаетъ о томъ, что падаетъ, тотъ можетъ встать; но горе тому, кто извиняетъ и оправдываетъ свое паденіе, кто взываетъ: „старайтесь разбогатѣть во что бы то ни стало и наслаждайтесь; въ этомъ состоитъ вся жизнь!“

Богатство и удовольствія, которыхъ ищутъ и которымъ служатъ, вотъ двѣ ступени на окраинѣ пропасти, на которыхъ—говорю это съ увѣренностью—съ нѣкотораго времени обѣими ногами стоитъ часть французскаго и даже европейскаго общества. Чему же удивляться, если оно не любитъ болѣе Иисуса Христа, смиреннаго, убогаго, униженнаго?

Прибавлю къ этому, что за насъ говоритъ слабость нашего положенія. Едва лишь французская церковь оправилась послѣ казней и проскрипцій, какъ собралась надъ нею новая гроза. Бѣдное, униженное и съ трудомъ собранное духовенство увидѣло себя окруженнымъ враждебными силами, которыя растутъ съ каждымъ

днемъ, потому что все тому благоприятству. Въ намъ не оказываютъ ни справедливости, ни пощады и мы должны пробираться по опаснымъ тропинкамъ среди бури и лавины. (Evangelische Kirchen-Zeitung, 1865, April.)

Смещение Пия IX въ Ватиканъ. Эммануэльъ по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ епископій въ Итальянскомъ королевствѣ. Начальное отблуженіе римско-католической державы въ Итальянскомъ королевствѣ, гдѣ, вслѣдствіе разширенія римскаго двора съ туринскимъ (теперь флорентійскимъ) оказалось, въ началѣ текущаго года до 40. праздыя епископскихъ кафедръ, заставило папу врозвнуть отлученному имъ королю итальянскому руку примиренія. Говорятъ, что усилены представленія покойнаго кардинала Виземана, который нарочно прибавалъ въ томъ 1864 г. въ Римъ изъ Лондона, чтобы склонить папу къ примиренію съ итальянскимъ королемъ, побѣдили ушорство папы и онъ рѣшился самъ первый сдѣлать шагъ къ примиренію. 10 марта текущаго года папа отправилъ къ королю собственноручное письмо, въ которомъ предлагалъ ему устроить соглашеніе относительно замѣщенія вакантныхъ кафедръ. Политической стороны дѣла папа предлагалъ не касаться. Витторъ Эммануэльъ былъ тронутъ этимъ поступкомъ папы и немедленно отправилъ чрезъвычайнаго посланника въ Римъ въ лицѣ своего бывшаго министра Вегенци договориться непосредственно съ министромъ папы, кардиналомъ Антонелли, относительно условий въ соблещенію. Это сдѣланіе ввернуло сдѣланію Вегенци самымъ интереснымъ нововѣдомъ въ мірѣ. Въ теченіи трехъ недѣль, которыя Вегенци провелъ въ Римѣ (съ 14 апрѣля по 15 мая по новому сти-

лю) все журналы и газеты во всех странах света только и говорили, что о посольствѣ Вегенци. Одни думали, что папа сдается на капитуляцію, другіе, что итальянскій король думаетъ принести торжественное раскаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ противъ св. престола, иные гадали, что дѣло идетъ объ отиѣніи, или по крайней мѣрѣ объ иѣнѣннн сентябрской конвенціи. Все сходилось въ одное, — именно, что Франція также замѣшана въ эти переговоры, и что мы живемъ наканунѣ великихъ событій.

Вотъ нѣкоторыя подробности о ходѣ и исходѣ переговоровъ, веденныхъ Вегенци. Прибывши въ Римъ, итальянскій посланникъ попросилъ папу назначить комиссію для обсужденія предстоящаго вопроса во всехъ его подробностяхъ. Комиссія была назначена изъ кардиналовъ: Мора, Берарди, Пачиончи и Франки и вежорѣ составила проектъ договора, который и былъ врученъ Вегенци. Со своей стороны Вегенци назвалъ этотъ проектъ согласнымъ съ основными началами; начертанными въ данной ему инструкціи; но такъ какъ онъ не былъ уполномоченъ подписать такой важный документъ, то и взялъ его съ собою для представленія своему государю. Въ Туринѣ обработанный римскою комиссіею проектъ былъ предложенъ на обсужденіе комитету министровъ, гдѣ былъ подвергнутъ тщательному разбору. Въ проектѣ дѣло шло исключительно о назначеніи на правдыя мѣста епископовъ. Какъ скоро состоялось окончательное заключеніе въ комитетѣ, Вегенци снова оторавился въ Римъ, съ предложеніемъ папѣ назначить епископовъ на тѣ епархіи, которыя болѣе другихъ нуждаются въ нихъ.

Приведенные факты достаточно свидѣтельствовали о

готовности Виктора Эммануила и его министров заключить миръ съ римскою куріей на приличныхъ условіяхъ. Но ни та, ни другая сторона не обманивала себя на счетъ трудностей къ соглашенію. Главныхъ затрудненій представляется два — освобожденіе и амнистія заключенныхъ въ тюрьму, или изгнанныхъ кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ, и фактическое привлеченіе назначенныхъ папою, но не допущенныхъ итальянскимъ правительствомъ къ исполненію должности въ епархіяхъ епископовъ. Что касается перваго пункта, т. е. освобожденія заключенныхъ и возвращенія изгнанныхъ духовныхъ сановниковъ, то Венгцы получили инструкцію не дѣлать изъ этого пункта особенныхъ затрудненій, если папа сдѣлаетъ приличные уступки въ другихъ вопросахъ. Напротивъ, относительно допущенія къ исправленію должности назначенныхъ папою по предложенію Австріи и Франциска II (бывшаго неаполитанскаго короля) епископовъ, Итальянское правительство встрѣчается съ недолежимыми затрудненіями. Устранить эти затрудненія и добиться взаимныхъ уступокъ составило задачу посланнаго изъ Пармѣ съ порученіемъ къ обоимъ дворамъ герцога Персивья. Таковы, по крайней мѣрѣ, предложенія болѣе компетентныхъ органовъ европейской журналистики.

Переговоры итальянскаго правительства съ римскимъ дворомъ произвели очень непріятное впечатлѣніе на либеральные круги Италіи. Такъ называемая партія дѣйствія употребляетъ все усилія къ тому, чтобы возстановить общественное мнѣніе противъ предполагаемаго сближенія папы съ Италіей. Въ настоящее время переговоры между Римомъ и Флоренціей прерваны; но сторонники примиренія папства съ Италіей не теряютъ на-

дежды: не только на ихъ возобновленіе, но и на болѣе благоприятный исходъ въ обоюдныхъ интересахъ переговоровъ (Allgemeine Kirchen-Zeitung 1865, MM 41, 45, 50, 53, 55. См. Allgemeine Kirchliche Zeitschrift. 1865. Heft 6).

Церковныя нужды Берлина и средства къ ихъ удовлетворенію. Статистическія данныя, собранныя нагоромъ Лиско, даютъ намъ наглядное понятіе о церковныхъ нуждахъ Берлина. По его вычисленію въ Берлинѣ есть приходы, въ которыхъ на одну церковь приходится 50,000 и больше прихожанъ. Въ церкви Луизы на первый и второй день Рождества Христова текущаго года было крещено 64 младенца. За 3 послѣдніе года народонаселеніе Берлина увеличилось на 80,000 душъ. Правда, въ это время открыто только новыхъ приходовъ, но не построено вновь ни одной церкви. Новые приходы приписаны къ разнымъ старымъ церквямъ. Судя по количеству народонаселенія, необходима открыть не менѣе 10 новыхъ приходовъ и построить столько же новыхъ церквей; въ то же каждую церковь будетъ приходиться не менѣе 20,000 душъ (цара нонтевал). Мы еще не беремъ здѣсь въ расчетъ того, что если эти церкви будутъ строиться, народонаселеніе можетъ значительно возрасти. Да еще поръ и породоки власти почти ничего не подумали для устранения очень серьезныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ такою свудосиымъ яраменъ; да и церковныя власти не слишкомъ беспокоятъ магистратъ своими представленіями. Первая боленя обременительныхъ для города расходовъ, послѣдній опасаются того, чтобы магистратъ, построивъ новыя церкви на городскіе деньги, не присвоилъ себѣ права патронага надъ ними и не завла-

чить бы въ нихъ либеральныя пасторовъ, — кановыхъ въ последнее время развелось въ Германіи очень не мало. Между тѣмъ проповѣднику Россбаху понавадось, что средство помочь горю находится подъ руками и онъ успѣвшимъ подѣлиться своимъ открытіемъ со своими соотечественниками въ „протестантской церковной газетѣ“. Россбахъ доказываетъ, что Берлинъ безъ особеннаго обремененія для себя можетъ собственными средствами построить нужное количество храмовъ, стоитъ лишь предоставить церковнымъ приходамъ „право самоуправленія“, т. е. выстъ съ обязанностью заботиться о своихъ церковныхъ нуждахъ дать имъ право управлять своими церковными дѣлами и прежде всего самимъ избирать для себя своихъ пасторовъ. Неизвѣстно, произвелъ ли бы проектъ, предложенный Россбахомъ, удовлетворительные результаты, если бы онъ былъ приведенъ въ исполненіе. Не ближайшее его неудобство состоитъ въ томъ, что въ случаѣ его принятія оказывалось необходимымъ организовать въ каждомъ приходѣ особое приходское представительство изъ почетнѣйшихъ прихожанъ, которое имѣло бы право раскладывать на всѣхъ прихожанъ церковные налоги и требовать ихъ въ высшей законной формѣ, что не могло совершиться иначе, какъ чрезъ созваніе ландтага, который одинъ имѣлъ право провести нужный для этого законъ. Имѣя въ виду это неудобство, правительство церковное нашло проектъ Россбаха не практичнымъ. Для устранения указаннаго неудобства оно предложило сдѣлать въ немъ небольшое измѣненіе; — именно предложить приходамъ, не обращаясь къ ландтагу, выбирать изъ среды себя довѣренныхъ лицъ, которыя, на основаніи общаго гражданскаго права, раскладывая бы цер-

новыми подати и собирали ихъ; но такъ какъ этого измѣненія въ проектѣ приходи не могли принять, потому что оно, налагая на нихъ извѣстныя обязанности, не давало имъ никакихъ правъ, то и въ этой формѣ проектъ не могъ пройти. Нужно было испробовать другой путь, чтобы добыть необходимыя на постройку церкви средства. Придворный проповѣдникъ Когель думалъ найти этотъ путь въ учрежденіи „Берлинскаго церковнаго общества“. Это общество дѣйствительно: составилось и получило официальное признаніе. Оно думаетъ собрать нужную на постройку церкви сумму изъ добровольныхъ приношеній. Но до сихъ поръ опыта много оправдываетъ надежды „Берлинскаго церковнаго общества“ и его основателя. Несмотря на высокую претенцію и на живое сочувствіе, съ какимъ встрѣчено было открытіе „Общества“ въ высоко-церковныхъ кружкахъ, дѣла его не процвѣтають. Прошло уже $\frac{3}{4}$ года со дня негo открытія и между тѣмъ собрано только 10,000 талеровъ; тогда какъ необходимо по крайней мѣрѣ два милліона, чтобы покрыть самые необходимыя расходы на проектированную постройку (Allgemeine Kirchliche Zeitschrift. 1865. Heft 4).

Церковныя нужды Лондона и средства къ нимъ удовлетворенія. Та же церковныя нужды, но совершенно другое отношеніе къ нимъ мы видимъ въ другой европейской столицѣ — Лондонѣ. Народонаселеніе здѣсь въ шесть разъ больше, чѣмъ въ Берлинѣ, и съ каждымъ годомъ возрастаетъ быстрее, чѣмъ въ остальныхъ европейскихъ столицахъ. Результаты этого возрастанія здѣсь, какъ и въ другихъ столицахъ, одни и тѣже: бѣдность, болѣзни, нравственная испорченность и нечестіе, съ тѣмъ только различіемъ, что при гро-

надности народонаселенія въ Лондонѣ (3 милліона слишкомъ) все это достигаетъ такихъ ужасающихъ размѣровъ, навикъ не достигаетъ нигдѣ: въ этомъ колоссальномъ городѣ все колоссально, — и богатство и бѣдность. Годовой доходъ его простирается до 17.000.000 фунт. стерл. (110.000.000 р. с.); между тѣмъ 100.000 дѣтей не могутъ найти себѣ мѣста въ наличныхъ училищахъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ не проходило дня, чтобы кто нибудь не умирали съ голоду. Предмѣстья: столицы и кварталы, населенные пролетаріями, можно безъ преувеличенія назвать царствомъ грязи, всевозможныхъ на-сѣкомыхъ, вѣнства и разврата. Отъ постоянной при-были народонаселенія постоянно возникаютъ новые кварталы въ городѣ. Въ этихъ новыхъ кварталахъ дол-го не появляются ни церкви, ни школы; но сразу же открываются нѣсколько питейныхъ и распутныхъ за-веденій. Здѣсь сплошь и рядомъ встрѣчаются дома, въ которыхъ жильцы не знаютъ о существованіи Церкви и библіи; гдѣ дѣти вырастаютъ и умираютъ безъ креще-нія и сдѣлано же имѣютъ понятія о христіанствѣ, сколько древніе Бритты за 1600 лѣтъ отсель назадъ, такъ что въ собственномъ смыслѣ слова подобные кварталы можно назвать „языческими“. Въ такихъ кварталахъ, кромѣ обыкновенныхъ церквей съ настоярями, оназы-вается нужнымъ открыть нѣсколько „миссіонерскихъ овановъ“, съ достаточнымъ числомъ миссіонеровъ. А такъ какъ при существующихъ отношеніяхъ между цер-ковью и государствомъ въ Англіи, правительство не можетъ расходы на покрытіе подобныхъ нуждъ перево-дить на счетъ государственной казны, то эти нужды всей своей тяжестью падаютъ на мѣстаго епископа, или на верховнаго пастыря епархіи.

Епископы лондонскіе давно чувствуютъ на себѣ эту тяжесть, и давно уже стараются облегчить ее. Еще покойный епископъ Фломондъ оставилъ планъ построить 50 новыхъ церквей по свободной подпискѣ. Подписка пошла такъ удачно, что на собранныя деньги епископъ имѣлъ возможнымъ построить 78 церквей и назначилъ приличное содержаніе 150 духовнымъ лицамъ. Еще болѣе блестящій примѣръ христіанской щедрости представила въ сороковыхъ годахъ Шотландія, если взять въ расчетъ ея средства сравнительно съ Англіей. Шотландія, за исключеніемъ городовъ Эдинбурга и Глазгова, страна бѣдная. Притомъ великій расходъ произведенный пресвитеріанами, лишилъ господствующую церковь половины членовъ и следовательно половины матеріальныхъ средствъ. При всемъ томъ въ первый годъ она пожертвовала на церковныя нужды 85.000 фунт. стерл. (566.000 р. сер.), во второй 40.000 фунт. стерл. (266.000 р. сер.). Въ первые 15 лѣтъ послѣдствій ея съ пресвитеріанами было собрано для церковныхъ цѣлей 2 милліона фунт. стерл. (болѣе 14 мил. р. сер.), не считая здѣсь небольшіяго оборота на мѣстныхъ церковныхъ нужды въ разныхъ частныхъ приходкахъ. Кроме того на поддержаніе однихъ духовныхъ лицъ собирается ежегодно 120.000 фунт. стерл. (до 900.000 р. сер.). Конечно въ этихъ жертвахъ не послѣднюю роль играли и въприсовѣдае соперничество и раздраженіе, но все же эти цѣрихи составляютъ невольно завидываемыя надъ исходомъ подобныхъ дѣлъ въ Англіи.

Въ апрѣлѣ 1863 г. нынѣшній лондонскій епископъ Арчибальдъ — основатель церковнаго фонда, который въ 10 лѣтъ онъ предполагаетъ возрастить до милліона фунт. стерл. (до 8.000.000 р. сер.). Наблизившемся недавно

министра эпископъ объявилъ, что онъ вполне доволенъ результатами задуманнаго имъ фонда и подѣлился съ публикой тѣми надеждами, которыя онъ возлагаетъ на него на ближайшемъ будущемъ. По словамъ его за прошедшіе 18 мѣсяцевъ собрано уже 100.000 фунт. стерл. и столько же обещано. Правительство съ своей стороны обещало 15.000 фунт. стерл. на церковныя нужды тѣхъ приходовъ, которые расположены на землѣ, принадлежащей королю. До сихъ цорь открыто 22,580 новыхъ мѣстъ въ церквахъ и 14.000 мѣстъ при 33-хъ мисіонерскихъ „станкахъ“ (Missions—stations) (1). Въ восточную, самую дурную часть города назначено вначѣ девять духовныхъ лицъ и вромѣ того открыто еще пять новыхъ мѣстъ, которыя впрочемъ еще не заняты, въ помощь къ упомянутымъ духовнымъ лицамъ призваны 45 свѣтскихъ (2). Пять изъ духовныхъ лицъ получаютъ годоваго дохода до 300 фунт. стерл. (2100 р. сер.) Добылись ужь того, что на 3.000 душъ приходится по одному священнику. Удастся ли въ теченіе года собрать всю, предложенную сумму, это еще конрестъ потому, что чѣмъ больше проходитъ времени, отъ начала того или другаго предпріятія, тѣмъ больше складывается участіе въ нему. Но и то, что уже сделано,

(1) При мисіонерскихъ „станкахъ“ обыкновенно держатся домашняя церковь, или по крайней мѣрѣ „зало для молитвенныхъ собраний.“ А такъ какъ въ англійскихъ церквахъ и молитвенныхъ залахъ присутствіемъ обывающаго сидѣть не имѣется, необходимо установить мѣста для сидѣнья, иногда въ формѣ лавъ, а иногда въ видѣ скамеекъ. *Прим. пер.*

(2) Свѣтскіе помощники пасторовъ берутъ на себя разныя обязанности: одни распространяютъ библію и назидательные трактаты среди бѣднаго и невѣжественнаго класса народа (разношники); другіе читаютъ по домамъ или на улицахъ собраншейся толпѣ библію со своими объясненіями и пр. *Прим. пер.*

выставляет въ самомъ благоприятномъ видѣ благородное участіе англичанъ въ нуждахъ своей церкви. (Evangelische Kirchen Zeitung: Mai 1865).

Американское общество для измѣненія конституціи Соединенныхъ Штатовъ и его прокламація. Событія послѣдней американской войны подали поводъ къ основанію въ Америкѣ общества, которое поставило свою задачу содѣйствовать къ измѣненію существующей конституціи Штатовъ въ тѣхъ пунктахъ, которые, по мнѣнію членовъ общества, противны истиннымъ интересамъ націи. Общество состоитъ изъ частныхъ лицъ и официального значенія не имѣетъ. Свой взглядъ на дѣйствующую конституцію и тѣ ея пункты, которые, по мнѣнію общества, нуждаются въ пересмотрѣ и измѣненіи, общество выразило въ прокламаціи, недавно имъ обнародованной. Насколько идеи прокламаціи соответствуютъ политическимъ видамъ и интересамъ Штатовъ, мы не беремса судить. Для насъ эта прокламація имѣетъ интересъ съ другой стороны — по своему рѣшительному обращенію къ здравымъ христіанскимъ началамъ. Это обращеніе особенно ясно выражено въ началѣ и концѣ прокламаціи и потому эти части ея мы рѣшаемся передать здѣсь въ возможно точномъ переводѣ.

Народу Соединенныхъ Штатовъ,

Дорогіе сограждане! Одинъ замѣчательный государственный человекъ Америки сказалъ, что только въ библіи можно найти памятники дѣйствительнаго (reale), сообразнаго съ нравственными требованіями, устройства гражданскаго общества, только ея начала могутъ служить единственно здравыми основами для всѣхъ гражданскихъ и политическихъ учреждений! Генераль Джексонъ сказалъ на своемъ смертномъ одрѣ, указывая на

ближе: „эта книга есть сила, на которой покоится наша республика, несокрушимый оплот наших свободных учреждений.“

Страшное бѣдствіе, разразившееся надъ нами, доказываетъ, что мы, *миле народъ*, не обладаемъ тѣми нравственными качествами, которыя обезпечиваютъ быть и благоденствіе общества. Какія бы спасительныя средства мы ни отыскивали въ нашемъ опытѣ и нашихъ страданіяхъ, — всё они будутъ не достаточны, если ихъ спасительность будетъ опираться не на нравственныхъ причинахъ. Мы не можемъ ждать спасенія отсюда, гдѣ не ставится первымъ условіемъ нравственное исправленіе.

Такъ какъ это нравственное исправленіе прежде всего и ближайшимъ образомъ есть дѣло внутренняго челоуѣка, дѣло его сердца, и должно совершаться преимущественно чрезъ Слово Божіе и Церковь, то въ немъ должны подать другъ другу руки и народъ, какъ собирательная единица, и правительство, какъ призванный представитель народныхъ интересовъ. Многие христіане убеждены, что мы сдѣлали жестокую ошибку тамъ, что не придали своимъ гражданскимъ учрежденіямъ определеннаго, фактически-религіознаго характера, который причиною христіанскому народу и необходимъ для его процвѣтанія. Учреждая у себя правительство, мы ни словомъ, ни дѣломъ не признали (до сихъ поръ), Божественнаго происхожденія учрежденія, которое у себя вводили. Съ величайшею обстоятельностью мы раскрывали право народа устанавливать для себя форму правленія, и ревностно отстаивали это право, но не признали, да едва ли и чувствовали, что установленіе правительства есть дѣло послушанія предъ Богомъ, и что всякая законная гражданская власть отъ Него происходитъ.

Далее, мы не признали ни нравственной ответственности народа, как собирательной единицы; предъ Богомъ, ни обязанности народа повиноваться Его воле, открытой въ Его словъ. Особенно ясно выступаетъ это въ сущей и имени Воля изъ формы присяги, утвержденной конституцией; и въ выраженіи этой присяги простыми словами: „я клянусь и торжественно утвержу.“ Мы представляемъ собою печальное зрѣлище христіанскаго народа, который въ своей органической живности не признаетъ Бога и „не присягаетъ во Имя Его.“

Цѣль общества выражена въ слѣдующихъ словахъ: „Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, смиренно признавая Бога источникомъ всемоу силы и власти въ гражданскомъ управленіи; и Иисуса Христа Владыкою всехъ народовъ, а въ Его откровенной воле виденную путеводную нить къ учрежденію христіанскаго правительства, чтобы установить возможно-лучшій союзъ для общей защиты, для общаго благоденствія и для того, чтобы обезпечить самимъ себя, своимъ потомкамъ и всемъ обитателямъ страны неотъемлемыя права и благи жизни, свободу и стремленіе къ благоденствію, постановляемъ слѣдующее“....

„При этомъ, чтобы дать возможность проявиться истинной христіанской любви къ отечеству, приглашаемъ къ участию всехъ христіанъ, каково бы въроисповѣданіи они ни были, приглашаемъ къ содѣйствию всякаго истиннаго друга родины и каждаго почитателя Иисуса Христа. Мы просимъ всехъ проповѣдниковъ Евангелія поддерживать предъ народомъ права Того, Кому они служатъ. Мы просимъ содѣствіемъ у всехъ церковныхъ корпорацій, чтобы все мы могли обратиться къ Богу, нашему Отцу, воздвигать достойную честь наше-

ку общему Спасителю, и заботиться о благе нашей страны“ (Evangelische Kirchen Zeitung. Apr. 1866):

„Итакъ систематическаго изслѣдованія св. земли. Мы недавно извѣстили нашихъ читателей⁽¹⁾ объ открытій въ Лондонѣ комитета для лучшаго изслѣдованія Палестины. Ближайшимъ поводомъ къ учрежденію такого комитета послужило то обстоятельство, что въ настоящее время англійскій инженеръ-капитанъ Вильсонъ занимается техническимъ изслѣдованіемъ Іерусалима, по порученію одной частной компаніи. Комитетъ, о которомъ у насъ рѣчь, тоже частная компанія, хотя между членами его и красуются имена герцоговъ и епископовъ. Теперь комитетъ принимаетъ мѣры къ выполненію своей задачи. Правда, Палестину давно уже посѣщали и благочестивые паллигрмы и романическіе крестоносцы и посѣщаютъ современные ученые и исследователи. И совершенныя доселѣ путешествія во св. землю доставили уже нѣкоторые драгоценныя матеріалы для ближайшаго ознакомленія со страной и людьми, съ ея древностію и памятниками. При всемъ томъ много еще остается сдѣлать.

Безспорно ни одна страна въ мірѣ не можетъ имѣть для насъ столько интереса, сколько имѣетъ Палестина по своему отношенію къ строителству нашего спасенія. Съ другой стороны ни одна страна такъ не нуждается въ ученой разработкѣ, какъ она. Виды природы, климатъ, произведенія природы, нравы, обычаи, образъ жизни ея обитателей такъ рѣзко отличаются отъ европейскихъ, что безъ отчетливаго знанія ихъ должна оставаться темною по крайней мѣрѣ внѣшня форма работъ,

(1) См. Польскую книжку Христіанскаго чтенія за текущій годъ.

и въ историческихъ случаяхъ самый смыслъ письменныхъ памятниковъ. Библия дѣлается во многихъ отношеніяхъ новою книгою даже для того, кто хоть случайно побывалъ въ св. землѣ. Что до сихъ поръ не имѣло никакого значенія, или оставалось незамѣченнымъ; то выступитъ теперь на первый планъ и прольетъ свѣтъ на кѣлое мѣсто. Мы думаемъ, что этотъ фактъ повторился бы много разъ, если бы обрядъ жизни и нравы древнихъ Паравалтанъ были также обстоятельно разъяснены, какъ древнихъ египтянъ и ассириянъ. Но если бы и не удалось объяснить ихъ такъ полно и обстоятельно, все же могло бы быть раскрыто много неизвѣстнаго намъ теперь. Ужъ и то было бы большимъ приобретеніемъ, если бы удалось составить точную карту св. земли, поставить вѣнъ всякихъ сомнѣній спорные пункты топографіи, доказать тождество древнихъ городовъ съ тѣми деревнями, которыя (по предположенію) стоятъ теперь на ихъ мѣстѣ, вывести на свѣтъ остатки многочисленныхъ племенъ и поколѣній, погребенныя въ мусоръ и развалинахъ, на которыхъ стоятъ эти деревни; если бы удалось указать направленіе древнихъ улицъ, открыть монеты, надписи и другіе остатки древности, — словомъ, если бы удалось, не торопясь, шагъ за шагомъ, по рационально составленному плану, руками знатковъ сдѣлать то, что до сихъ поръ дѣлалось неопытными путешественниками, которые дѣлали все это мимоходомъ, безъ достаточной подготовки и безъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ, — кое-какъ, оцунью, случайно. Если бы на изслѣдованіе Палестины потратить столько же ума, знанія, ревности и денегъ, сколько потрачено до сихъ поръ на изслѣдованіе Галикарнасса, Карфагена, Кирены — городовъ, имѣющихъ очень мало значенія для

Библии, то и нѣтъ сомнѣнiя, напы свидѣнiями постоянно смѣнявшихъ другъ друга обитателей Сирiи (Ханаанца, нахъ, Иудеякъ, Римлянакъ) и чрезвычайно возросли бы, и чрезъ это, произошло бы много свѣта: какъ на ветхий, такъ и на новый Заветъ.

Настоящее время очень благоприятствуетъ подобнымъ изслѣдованiямъ. Посѣщенiе Гебронской мелехи принцемъ Валдiйскимъ устранило тѣ преграды, которыя въ теченiи вѣковъ затрудняли христiанамъ доступъ къ досто- чтимымъ святынамъ Палестины. Теперь можно смѣло ска- зать, что вся Сирiя открыта для христiанской любозна- тельности.

Измѣренiе Иерусалима, которое производится въ на- стоящее время подъ руководствомъ Вильсона, показы- ваетъ, какъ много можно сдѣлать съ умѣньемъ и такъ- тою, не возбуждая ни малѣйшаго сопротивленiя ни въ правительствѣ, ни въ народѣ (Турецкомъ).

Имѣя въ виду таковой поощрительный кримиръ, члены комитета составили планъ для предполагаемыхъ ученыхъ изслѣдованiй св. земли. Онъ обнимаетъ слѣдующiе пред- меты:

1) *Памятники древности.* Съ этой стороны одинъ Ие- русалимъ можетъ представить богатое поле для архео- логическихъ изслѣдованiй. То, что стоитъ на поверхно- сти, будетъ намъ вполне извѣстно, когда кончатся зе- млемѣрскiя работы Вильсона; но о томъ, что скрывается въ глубинѣ почвы, мы до сихъ поръ ничего не знаемъ. Между тѣмъ какъ много могутъ открыть намъ земныя нѣдра. Гробницы царей на горѣ Сионъ, линия долины *Тиронейской*, черта ограды Соломонова храма, положе- нiе башни въ замкѣ Антонiя, дворца Иродова, положе- нiе *Обела*, источники Вивезды, *башни Иппика и Псе-*

фина, источникъ и водопроводъ Гискиа,—все это ожидаетъ раскопокъ!

Мѣстность, лежащая за чертою св. града, тоже, по всей вѣроятности, щедро вознаградила бы исследователя за его труды. Стоитъ лишь перечислить важнейшіе пункты, чтобы не сомнѣваться въ этомъ; таковы: гора Гаризинъ, можетъ быть та самая Морія, на которой Авраамъ приносилъ жертву и, несомнѣнно, то мѣсто, на которомъ стоялъ священный городъ Самарянъ; долина Сихемская, гдѣ жилъ Іаковъ въ первое время по переселеніи своемъ во св. землю, съ кладяземъ и гробомъ Іосифа; Самарія съ предполагаемыми гробницами Іоанна Крестителя и другихъ и съ остатками обширныхъ построекъ Ирода; блестящіе Римскіе герода вдоль берега Средиземнаго моря—Кесарія Иродова и Антипатрида; знаменитыя гавани Ямнія и Газа; холмъ Илбилія—вѣроятно—тотъ Гилгалъ, на которомъ жила пророческая школа во времена Ілии и Елисея; крѣпость и дворецъ Ирода въ Ябель-Фуренди; гробницы (вѣроятно Іисуса Навина) въ Тимнѣ; мавзолей въ Іерихонѣ, многочисленные остатки древностей въ Іорданской долинѣ; Геесиманія, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Палестины, съ замѣчательными руинами римскаго и—вѣроятно—болѣе древняго происхожденія; Уззраель съ дворцомъ Ахава и Іезавели; ассирійскій холмъ Тель-Есъ-Салгиге въ окрестностяхъ Дамаска и пр.

2) *Права и обычаи*. Въ этомъ отношеніи чувствуется настоящая нужда въ книгѣ, которая, подобно книгѣ Длане «Современные Египтяне», знакомила бы насъ наглядно съ нравами, обычаями, обрядами и языкомъ народа, въ которой бы для ясности были приложены къ тексту точныя объяснительныя рисунки. Много уже

самых древних и самых характеристичных обычаев востока вытѣснено теперь западными обычаями; и если это вытѣсненіе пойдетъ прогрессивно, то въ непродолжительномъ времени мы потеряемъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ ключей къ уразумѣнію нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ Библии. Тѣмъ настоятельнѣе чувствуется нужда въ точномъ и систематическомъ изслѣдованіи и описаніи этой области. А такой трудъ по силамъ только лицамъ спеціально подготовленнымъ, между прочимъ и продолжительнымъ житиемъ на мѣстѣ изслѣдованія.

3) *Топографія*. У насъ есть очень точная карта береговой линіи Палестины; но стоитъ лишь подвинуться на вѣсколько миль внутрь страны, чтобы очутиться безъ руководства. Особенный недостатокъ чувствуется въ измѣреніи, которое точнымъ образомъ опредѣлило бы положеніе всѣхъ главныхъ пунктовъ въ странѣ. Если бы эти пункты были опредѣлены; то сравнительно было бы легко опредѣлить положеніе промежуточныхъ пунктовъ между ними и незначительныхъ мѣстечекъ. Въ связи съ топографіей находится точное опредѣленіе высоты различныхъ пунктовъ. Измѣреніемъ высоты Иерусалима и котловины Мертваго моря въ настоящее время занято королевское ученое общество и королевское географическое общество (въ Лондонѣ); но высота Гадилейскаго моря (отъ точнаго опредѣленія которой будетъ зависеть наше знаніе склона рѣки Иордана) все еще остается неизвѣстною. Вычисленія разницы ученыхъ относительно ея расходятся на 300 ф. Тоже нужно сказать и о другихъ значительныхъ пунктахъ.

Линіи древнихъ улицъ и отношеніе ихъ къ новѣйшимъ также не изслѣдованы до сихъ поръ съ тою тща-

тельностью, которой заслуживаетъ этотъ предметъ по своему вліянію на историческія изслѣдованія.

Границы новыхъ полевыхъ участковъ, равно какъ гражданскихъ округовъ, обнимающихъ собою тѣ, или другіе города и деревни, по всей вѣроятности, пропали бы свѣтъ на направленіе пограничныхъ линій между колѣнами Израиля и на раздѣлъ деревень, что составляетъ теперь самый темный пунктъ въ описаніи этого предмета у I. Навина, не смотря на обстоятельность и точность этого описанія.

4) *Геомозія*. Въ этой сферѣ до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано для ближайшаго ознакомленія со Св. землей. Между тѣмъ долина Юрданская съ бассейномъ Мертваго. Моря принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ пунктамъ на земной поверхности въ геологическомъ отношеніи. По мнѣнію Родерика Мурчисона здѣсь находится „ключъ въ геологіи всей страны.“ Для Библии эти мѣстности имѣютъ также очень большое значеніе. Съ ними связана таинственная исторія Содома и Гоморры.

5) *Описаніе природы*, Ботаника, Зоологія, Метереологія. Въ эти предметы до сихъ поръ очень мало намъ извѣстно, между тѣмъ изслѣдованія Тристрама, не смотря на всю свою неудовлетворительность, доказываютъ, чего можно ожидать для уясненія Библии съ этой стороны. Европейскіе естествоиспытатели одинъ за другимъ проводятъ цѣлые годы въ долинахъ южной Америки и на берегахъ рѣкъ африканскихъ; неужели не найдется ни одного изъ нихъ, кто взялся бы составить точное и обстоятельное описаніе лилій и кедровъ, львовъ, орловъ, лисицъ и вороновъ Св. земли?

Намъ скажутъ, можетъ быть, что многіе изъ пере-

численныхъ предметовъ уже изслѣдованы, — Робинсонъ Станлей, Розенъ и другіе очень многое сдѣлали для топографіи; Ротъ и Тристрамъ собрали много раковинъ; птицъ и яицъ; изслѣдованія Лартета о геологіи Мертваго моря, Вога (Vogel) и Саульси о памятникахъ древности только что обнаружены. Это правда, отвѣтить мы; но, нисколько не думая отрицать важнаго значенія трудовъ поименованныхъ ученыхъ, замѣтимъ однакоже; что ихъ изслѣдованія касаются отдѣльныхъ предметовъ, едятъ особнякомъ другъ къ другу и во многихъ случаяхъ даютъ разнорѣчивыя показанія. Это и дѣлаетъ необходимою такую ученую экспедицію, которая состояла бы изъ однихъ компетентныхъ специалистовъ по всѣмъ численнымъ предметамъ, которые могли бы свободно располагать и своимъ временемъ и своими средствами, и вообще были бы поставлены въ самыя благопріятныя отношенія къ предметамъ своего изслѣдованія и въ свѣдѣствіе этого сообщали бы о Палестинѣ такія свѣдѣнія, которыя были бы признаны заслуживающими общаго довѣрія. Приснавленъ такимъ людямъ и озабоченъ теперь комитетъ. На покрытие расходовъ по распискамъ, переѣздамъ и пр. и на жалованье назначается ежегодно каждому сотруднику по 800 ф. стер. (до 6,000 р. с.) Основной фондъ будетъ находиться подъ контролемъ комиссіи, которая будетъ выбирать изъ среды себя членовъ, имѣющихъ составить совѣтъ ея. Этотъ совѣтъ будетъ управлять дѣлами ея и периодически давать въ нихъ отчетъ комиссіи. Отъ души желаемъ успѣха этому полезному предпріятію. Известная щедрость англичанъ, которые не жалѣютъ денегъ на подобныя предпріятія, позволяетъ надѣяться, что оно съ успѣхомъ осуществится (Allgemeine Kirchen Zeitung. 1865. № 40).

Статистика православной ново-греческой церкви (1). Недавно греческий министр исповѣданій представилъ королю Георгію официальный отчетъ о состояніи Православной Ново-Греческой церкви. Въ этомъ отчетѣ мы находимъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія объ этой церкви. Высшая духовная власть въ королевствѣ принадлежитъ постоянному Синоду, который управляетъ дѣлами церкви сообразно съ закономъ 9 іюля 1852 г. Этотъ Синодъ именуется *Сващдннымъ Синодомъ Греческой церкви* и имѣетъ свое мѣстопробываніе въ Афинахъ. Онъ состоитъ изъ пяти членовъ, имѣющихъ равныя голоса и выбирается изъ епархіальныхъ архіереевъ. Митрополитъ аѳинскій есть постоянный президентъ Синода, а остальные члены переимѣняются ежегодно правительствомъ, которое держится въ этомъ случаѣ установленнаго іерархическаго порядка. Кроме того Синоду придаютъ королевскій чиновникъ (оберъ-прокуроръ), назначаемый правительствомъ; не принимая участія въ разсужденіяхъ, онъ обязанъ присутствовать при всѣхъ синодальныхъ засѣданіяхъ и окрѣплять всѣ опредѣленія и акты Синода, будутъ ли эти опредѣленія и эти акты относиться къ *внѣшнимъ* или *внутреннимъ* дѣламъ синода. *Внутренними* дѣлами называются всѣ чисто духовныя обязанности, которыя синодъ исполняетъ независимо отъ государства; *внѣшними* — тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ государству, къ гражданскимъ правамъ, или интересамъ народа.

(1) Изъ L'Union Chrétienne 1865 г. Revue Chrétienne 1865 г. № 8. Allgemeine Kirchen-Zeitung 1865 г. №№ 32, 46, 47, 48, 51, 52. Neue Evangelische Kirchenseitung 1865 г. №№ 18, 20, 26, 27, и 29. Allgemeine Kirchliche Zeitschrift 1865 г. № 6. Evangelische Kirchen-Zeitung 1865 № 64.

Этихъ послѣднихъ дѣлъ синодъ исполнять не можетъ иначе, какъ съ согласія правительства и при его содѣйствіи. Что же касается дѣлъ чисто церковныхъ, то сваяц. синодъ имѣеть высшую юрисдикцію надъ всѣмъ духовенствомъ: къ нему, какъ въ высшую инстанцію, поступаютъ всѣ апелляціи на рѣшенія епархіальныхъ епископовъ по дѣламъ духовныхъ лицъ и пр.

Священный Синодъ имѣеть право подвергать виновныхъ за нѣкоторыя преступленія церковному запрещенію на время, или заключенію въ тюремный домъ, для этого устроенный. Впрочемъ эту мѣру онъ можетъ привести въ исполненіе своею властію только въ такомъ случаѣ, если заключеніе назначается не больше какъ на пятнадцать дней; но если предполагается продлить заключеніе на два мѣсяца, то онъ долженъ испрашивать разрѣшенія у министра; когда же окажется нужнымъ назначить это наказаніе на болѣе продолжительное время, то оно приводится въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія короля.

Духовенство подчинено гражданскимъ законамъ страны и судится въ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ за всѣ преступленія противъ этихъ законовъ.

Во всемъ греческомъ королевствѣ въ настоящее время находится двадцать четыре епископа въ силу закона отъ 9 іюля 1852 г.; каждый изъ нихъ въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей не зависитъ отъ другаго и всѣ вмѣстѣ признають надъ собою только одну высшую духовную власть, именно власть синода. Изъ нихъ 13 епископовъ, 10 архіепископовъ и 1 митрополитъ. Катедръ послѣдняго въ Ассинахъ.

Всѣ архіепископы должны обращаться къ сваяц. синоду, какъ къ своему высшему и непосредственному на-

чаловству, съ донесеніемъ о состояніи епархіи и въ недоумѣнныхъ случаяхъ за разрѣшеніемъ недоумѣній, его постановленія и распоряженія обяжутся исполнять со всею точностію.

Каждый епископъ есть верховный пастырь въ своей епархіи и долженъ исполнять обязанности, возлагаемыя на него канонами и церковными уставами. Онъ отвѣчаетъ предъ свящ. синодомъ за все свои дѣйствія, предъизымающія его распоряженія. Онъ наблюдаетъ за подчиненнымъ ему духовенствомъ и при содѣйствіи членовъ членовъ изъ почетнаго духовенства своей епархіи производить судъ надъ духовными лицами, совершившими какое-нибудь преступленіе противъ церковныхъ канонѳвъ, и подвергаетъ виновныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ наказаніямъ, определеннымъ этими канонами. Если наказаніе, наложенное на какое-нибудь духовное лицо епископомъ, состоитъ въ выговорѣ или запрещеніи не больше какъ на пять дней; то на подобное наказаніе не допускается апелляція въ Синодъ со стороны наказанныхъ; на все же другія наказанія подвергшіеся имъ имѣютъ право апеллировать въ Синодъ. Одинъ епископъ имѣетъ право подвергать предварительному испытанію и посвящать въ санъ, послѣ разрѣшенія со стороны Синода, священниковъ и монаховъ, къ какому бы мѣсту они ни принадлежали.

Высшіе члены православнаго духовенства въ Греціи получаютъ определенное содержаніе изъ государственной казны, а именно: митрополиты 6.000 драхмъ, (1) архіепископы по 5.000 др. и епископы по 4.000 въ годъ.

Изъ 24-хъ архіерейскихъ кафедръ въ настоящее время остаются вакантными

(1) Драхма — чинъ денегъ 80 коп.

Все духовенство въ каждой епархіи—бѣлое и черное безъ всякаго различія подчинено епархіальному преосвященному; его одного признаетъ своимъ главою во всемъ, что касается дѣлъ церковныхъ и обязано исполнять всѣ его распоряженія.

Приходское духовенство, общая численность котораго доходитъ до 3:200 чел., не имѣетъ другихъ средствъ къ своему содержанію, кромѣ добровольныхъ подаяній со стороны прихожанъ. Изъ отчета министра видно, что онъ внесъ въ національное собраніе проектъ закона, имѣющій цѣлю улучшить матеріальный бытъ низшаго духовенства изъ суммъ государственныхъ, на сколько это будетъ возможно при современномъ состояніи вѣщихъ суммъ.

Число всѣхъ церквей въ королевствѣ простирается до 3040.

До королевскаго декрета отъ 25 сентября 1833 г. было въ Греціи 575 монастырей. Но въ слѣдствіе этого декрета:

а) 412 монастырей было закрыто, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были въ совершенномъ запустѣніи, а въ другихъ находилось менше шести монаховъ, число, признаннаго упомянутымъ декретомъ за минимумъ для штатнаго монастыря.

б) 3 монастыря было превращено въ коммуны, такъ какъ было дознано, что онѣ неизмѣно характера монастырей.

в) Иные были признаны принадлежащими частнымъ лицамъ, другіе наконецъ приписаны къ заграничнымъ монастырямъ, въ силу закона отъ 7 марта 1847 г. Въ настоящее время во всемъ королевствѣ остается только 125 монастырей, изъ нихъ неизвергую часть состоитъ

включь женскіе. Число монаховъ во всѣхъ монастыряхъ доходитъ до 3.000, монахинь до 200 чел.

Для проповѣди слова Божія учреждено во всемъ королевствѣ 10 проповѣдническихъ мѣстъ—по одному мѣсту на каждый департаментъ. Проповѣдники получаютъ опредѣленное содержаніе отъ казны. Въ настоящее время два проповѣдническихъ мѣста остаются праздыми.

Поконный Капо-д-Истрія первый основалъ въ 1830 г. духовную семинарію на островѣ Паросѣ; но вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее паденіе его правительства не позволило осуществиться его плану.

Двадцать лѣтъ спустя Георгій Ризари устроилъ въ Ассинахъ названную по его имени Ризарьевскую семинарію и на содержаніе ея пожертвовалъ до 1.291.830 драхмъ. Въ своемъ завѣщаніи онъ выразилъ желаніе, чтобы въ этой семинаріи воспитывались тѣ только молодые люди, которые готовятся на служеніе церкви. Правительство утвердило это завѣщаніе въ 1843 г. декретомъ, въ силу котораго оно обязывалось содержать въ этой семинаріи на счетъ государственной казны нѣсколько воспитанниковъ, кромѣ тѣхъ десяти, которые должны были содержаться на счетъ покойнаго Ризари. Но такъ какъ въ теченіе 13 лѣтъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ этой семинаріи, плоды, принесенные ею, не соответствовали желаніямъ и надеждамъ ея основателя и наци, то правительство открыло въ 1856 г. три малыхъ семинаріи, которыя содержатся на счетъ обязательныхъ сборовъ съ монастырей и добровольныхъ приношеній со стороны духовенства и народа. Обученіе въ этихъ семинаріяхъ очень просто. По своему устройству онѣ похожи на другія коллегіи, съ тѣмъ только различіемъ, что воспитанники живутъ всеишестію, и ихъ

образование приспособляется къ ихъ назначенію и призванію. По окончаніи курса они обязуются принять священный санъ.

Первое собраніе перваго нѣмецкаго протестантскаго союза въ Эйзенахъ. Нѣмецкіе Богословскіе журналы и листки заняты были въ послѣднее время толками о бывшемъ въ нынѣшнее лѣто: ($7/19$ и $8/20$ іюни) первомъ собраніи перваго нѣмецкаго протестантскаго союза въ Эйзенахъ. Серьезность задачи, поставленной Союзомъ, важность вопросовъ, имъ затронутыхъ и направленіе, принятое имъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, — вотъ темы, около которыхъ вращались толки нѣмецкой богословской журналистики. Само собою разумѣется, что въ rapport къ этимъ толкамъ шли также догадки о вѣроятныхъ результатахъ дѣйствій Союза. При этомъ, какъ и естественно ожидать, одни размышлялись въ похвалахъ его принципамъ, его направленію и пророчили ему блестящую будущность, другіе съ такою же щедростью сыпали его всевозможными порицаніями и предостерегали его близкій и печальный конецъ: «Не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, мы имѣемъ возможность спокойно взглянуть на дѣло и сказать объ немъ беспристрастное слово.

Не сомнѣнно, что нѣмецкій протестантскій Союзъ имѣетъ очень важное значеніе для современнаго нѣмецкаго протестантства, какъ явленіе, вызванное его настоятельными потребностями и такъ, или иначе, отвѣчающее на эти потребности. Доказательствомъ служатъ уже одно присутствіе на немъ такихъ богословскихъ знаменитостей, какъ Роте, Эвальдъ, Гольдманъ, Гибвертсфельдъ, Гитцигъ, Шенкель, Баумгартенъ, Ганне и др. и такихъ юридическихъ знаменитостей, какъ Ваунгли, Вальнеръ

и Гольцендорфъ. Дѣйствительно, причина, заставившая всѣ эти почетныя знаменитости принять участіе въ Союзѣ, очень серьезна; это—замѣтно увеличивающееся въ средѣ образованнаго германскаго общества охлажденіе къ интересамъ религіи и церкви, раскрывающаяся все болѣе и болѣе бездна между вѣрой и наукой. Этотъ-то печальный фактъ и вызвалъ къ бытію протестантскій союзъ, состоящій изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ (всего до 400 чел.), принимающихъ къ сердцу дѣло вѣры и науки. Этотъ же фактъ опредѣлилъ собою и задачу союза, которая состоитъ въ томъ, чтобы поискать средствъ къ возвращенію въ лоно церкви отвергнувшихъ отъ нея членовъ, и путей къ сближенію вѣры съ наукой,— задача достойная Союза. И тѣмъ интереснѣе для насъ вопросъ, какими путемъ думаетъ разрешить ее нѣмецкій протестантскій Союзъ.

Изъ проповѣди (1) генералъ суперъ-интендента Меейра (изъ Кобурга), произнесенной при Богослуженіи, которыми открылись засѣданія Союза, мы узнаемъ, что „духъ истины постоянно велъ церковь черезъ мракъ и заблужденія людей къ свѣту истины, и что, безъ сомнѣнія, и въ настоящее время поможетъ ей заполнить глубокую пропасть, которая раскрылась между вѣрой и наукой, подняться изъ своего униженія и снова стать на непоколебимомъ основаніи истиннаго христіанства.“ Заявивши это *primum desiderium*, проповѣдникъ переходитъ къ предмету своей проповѣди и, опираясь на выбранный имъ текстъ, ставитъ два вопроса: въ чемъ со-

(1) На текстъ: *Еще много имать глаголати сажь, но не можете носити ниль. Егда же придетъ Оубъ, Духъ истинны, поставитъ вы на вѣдкы истинны; не отъ Себе бо глаголати имать, но елика аще услышите, елика глаголати и чтебъ и грядущія повѣстовать вамъ. Іоанн. 16. 12. 161*

стоитъ сущность и дѣятельность: Св. Духа? и — какимъ образомъ протестантскій союзъ можетъ слушать этому духу? Изъ отвѣтовъ на эти вопросы мы, въ величайшему удивленію и прискорбію, узнаемъ, что духъ истины, о которомъ идетъ рѣчь въ проповѣди, не есть Духъ Святой, о которомъ говорится въ текстѣ. Нѣтъ, — „это автономный человѣческій духъ, это — духъ первоначальнаго человѣческаго сознанія (der Geist des ursprünglichen Menschenbewusstseins), это — религиозный факторъ челоѣчества; его лозунгъ — религиозный прогрессъ. Реформація была дѣломъ этого духа. Великая задача протестантскаго союза состоитъ въ томъ, чтобы продолжать дѣло реформаціи. Это тѣмъ необходимѣе, что реформація измѣнила этому дѣлу, не осталась вѣрною ему. Протестантскій союзъ долженъ поправить эту ошибку. Этимъ только онъ можетъ служить тому духу, который такъ энергично проявился въ реформаціи. Но это служеніе онъ долженъ совершать не однимъ отрицаніемъ, а и утвержденіемъ; не однимъ протестомъ противъ существующаго зла, но и закрѣпленіемъ и утвержденіемъ добра. Руководителемъ своимъ въ этомъ дѣлѣ онъ долженъ взять Иисуса Христа.“ Вотъ содержаніе проповѣди г. Мейера. Последняя фраза вѣроятно для красоты рѣчи подала въ проповѣдь достопочтеннаго генералъ-суперъ-интендента; потому что нѣтъ никакой возможности установить логическую связь между нею и предыдущими фразами. Тѣ же эластичныя фразы мы находимъ въ руководящей рѣчи президента союза Блуэнда. „Время аристократической опеки духовенства надъ мірянами въ церкви прошло. Міряне не хотятъ больше утвердительно кивать головой на все. Евангелическая церковь переживаетъ тяжелое время. Иерархія высоко

поднимасть годову. Пашена энциклама объявила войну всему современному образованію. Ей сочувствуютъ въ высоко-церковныхъ кружкахъ протестантской Германіи. Мы должны посигнать на помощь Евангелической церкви и примирить христіанство съ современнымъ образованіемъ.⁴

Проектъ рѣшенія этой задачи представилъ собранію Роте въ своемъ длинномъ разсужденіи на тѣму: „какими средствами можетъ церковь возвратитъ въ свое лоно отчуждившихся отъ нея членовъ?“ Роте выводитъ изъ несомнѣннаго факта, что въ настоящее время очень много изъ образованныхъ людей оставили церковь, и находитъ этотъ печальный фактъ очень естественнымъ потому, что свѣтъ измѣнился совершенно, между тѣмъ какъ церковь до сихъ поръ упорно держится своей „старой франкской вѣры.“ А известно, что упорно стоящіе на одномъ мѣстѣ всегда остаются назадъ тѣхъ, которые идутъ впередъ. Но Роте утѣшаетъ себя и своихъ почтенныхъ товарищей тѣмъ, что отчуждившіеся отъ церкви ея члены еще не потеряны для *христіанства*; между ними очень много добрыхъ, истинныхъ христіанъ. Кто же виноватъ въ этомъ отчужденіи значительной части образованныхъ людей отъ церкви—церковь, или современное образованіе? Роте отвѣчаетъ: церковь, и именно виновата тѣмъ, что не хочетъ понять духа настоящаго времени и его образованія. Какими же образомъ церковь можетъ возвратитъ въ свои нѣдра покинувшихъ ее членовъ? „Что касаетоя ученія, отвѣчаетъ Роте, то она можетъ это сдѣлать, проповѣдуя Христа современному намъ поколѣнію на его собственномъ языкѣ.“ Въ устахъ всякаго другого это было бы не больше, какъ общее мѣсто; но не въ устахъ Роте.

Преподѣлывать Христа современному поколѣнію на его собственномъ языкѣ у Роте значить ни больше, ни меньше, какъ представить лицо и дѣло Христова нашего современникамъ такъ, чтобы ни то, ни другое не стало въ разрѣзъ съ ихъ образомъ представленія, сложившимся на началахъ современнаго образованія. Чтобы не оставить никакого повода къ недоразумѣнію относительно смысла своихъ словъ, Роте продолжаетъ: „нужно облевать то и другое въ чувства и мысли нашихъ современниковъ, употребить ихъ образъ выраженія, а не *догматическую форму, принадлежащую давно минувшему времени и одылавшуюся почти историческою*, и вообще не заковыкать въ обязательныя положенія.“ Изъ-за этихъ словъ смотритъ если не Ренанъ, то покрайней мѣрѣ Шеннелъ съ своимъ *Chauvaesterbild Jesu*. Наши современники, продолжаетъ Роте, скорее всего нуждаются въ установленіи правильнаго взгляда на великіе, единственныя въ своемъ родѣ факты, въ силу которыхъ Божественное откровеніе существуетъ въ мірѣ. Обосновать ихъ фактическую достовѣрность, научиться правильно понимать ихъ и *снома* (*vollständig*) настолько это возможно сообразно съ средствами нашего времени, вотъ что намъ нужно. Этой нуждѣ должна помочь церковь.“ Требованіе совершенно законное, но почему же церковь должна помогать этой нуждѣ *непреломленно* тѣмъ способомъ, какой предлагаетъ ей отъ имени нашихъ современниковъ Роте? Не значить ли это заставить ее отказаться отъ всего предѣдшаго и вмѣстѣ съ нимъ отъ самой себя. Что отъ нея останется, когда она вѣрными ей истинами (будутъ ли то догматы, нравственныя правила, или факты) передождитъ на языкъ и образъ представленія нашихъ современниковъ? Какъ

языкъ нашихъ современниковъ, получаетъ свой смыслъ только отъ понятій, которыя имъ выражаются, такъ и историческій языкъ церкви неразрывно связанъ съ исторически данными истинами, выработывався въ теченіи почти 2.000 лѣтъ слово за словомъ, терминъ за терминомъ, среди крови и слезъ. Въ него вложены лучшія умозрительныя силы всего христіанства, такъ что онъ не отдѣлимъ отъ тѣхъ понятій, которыя хочетъ выразить. И бросить этотъ языкъ до всѣхъ его формуламъ значить по крайней мѣрѣ начать снова исторію христіанства.... Протестантскій союзъ отъ этого не прочь, и думаетъ начать съ перестройки исторически и догматически построеннаго зданія церкви. Роте продолжаетъ: „церковь въ полной увѣренности въ истинѣ своего святаго дѣла, съ одной стороны безстрашно должна держаться полной свободы изслѣдованія, съ другой — заботиться о томъ, чтобы результаты ея богословскихъ работъ не были тайною для общества. А для этого необходимо учредить собранія, отличныя отъ богослужбныхъ собраній, въ свободной формѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возвысятся требованія, которыя вправѣ предлагать обществу слушателямъ церкви. Церковь должна превратится изъ церкви духовенства въ церковь общества.“⁴ Последняя фраза выдвигаетъ впередъ любимую идею Шенделя о церкви — общинѣ по образцу свободныхъ церквей Сѣверной Америки, идею, снятую съ Сѣверо-Американскихъ церковныхъ порядковъ (1).

Заявляя эти требованія въ церкви, Роте заявляетъ нѣкоторыя требованія и въ обществу. Но какъ скромны эти требованія сравнительно съ первыми! Роте же:

(1) Для оценки этой идеи см. нашу статью: американскіе соединенные штаты въ религіозно-церковномъ отношеніи въ Христіанствѣ. Чтенія за июнь, июль и сентябрь текущаго года.

далъ бы, чтобы современно—образованные люди научились правильно оценивать значение религии, какъ для нравственныхъ потребностей общества, такъ и для себя лично“.

„Протестантскій союзъ желаетъ довести до сознания необходимость и настоятельность этого требованія.“

Второй вопросъ, поставленный протестантскимъ союзомъ, именно вопросъ о смѣшенныхъ бракахъ, не долго занималъ собою собраніе. Ответъ на этотъ вопросъ можно передать въ слѣдующихъ словахъ: „для огражденія личной свободы и равноправности вѣроисповѣданій нужно ввести обязательный гражданскій бракъ.“ Другими словами, это значить предоставить рѣшеніе этого вопроса самимъ брачующимся, которые должны это рѣшеніе, принятое на взаимному соглашенію, включать въ свой брачный контрактъ въ подлежащемъ присутствіемъ мѣстѣ. Въ этомъ пунктѣ протестантскій союзъ оставляетъ уже не только христіанскую, но и протестантскую почву.

На третій (и послѣдній) вопросъ: „о протестантской свободѣ ученія и ея границахъ“ очень много говорилъ докторъ Шварцъ изъ Готы. Сущность его разсужденій на эту тему состоитъ въ слѣдующемъ: „Границы протестантской свободы ученія не опредѣляются символическими книгами, на которыя нужно смотреть только, какъ на историческія документы, свидѣтельствующіе о томъ, какъ понимали вѣру во времена реформации. Они могутъ быть обязательными для протестантовъ только съ отрицательной стороны, именно въ томъ только отношеніи, что въ нихъ отвергаются основныя заблужденія римско-католической церкви“.

Далѣе: „границы протестантской свободы ученія не опредѣляются также авторитетомъ *буквы св. Писанія*.

Свободное исследование Писанія есть основное требование протестантства. Оно необходимо ведет къ свободному исследованію *надъ Писаніемъ* (относительно подлинности, достовѣрности и пр.“

„Протестантская свобода ученія опредѣляется границами христіанства; эти границы въ свою очередь не суть разныя, такъ называемыя *основныя истины и основныя факты*, а единственная основная истина христіанства, истина *на доэмпирическую, а релятивно-нравственную свойства*, — именно христіанство Христа, Евангеліе любви и взаимопомощія“.

„Кромѣ того свобода преподавателя богословскій наукъ ограничивается серьезностью и достоинствомъ науки“. Ктожь будетъ опредѣлять степень этой серьезности и достоинства для каждой богословской науки?

„Свобода народнаго учителя и пастыря душъ (seelherge) должна находить свое ограниченіе въ педагогическихъ соображеніяхъ, нуждъ общества и въ неизмѣнномъ законѣ: нигдѣ и ничего не разрушать, не гонимая, и употреблять отрицанія только какъ средство къ утвержденію“.

Если намѣдкій протестантскій союзъ и въ слѣдующіихъ своихъ собраніяхъ будетъ обнаруживать ту же готовность принести христіанство со всѣмъ его содержаніемъ и со всѣмъ его исторіею въ жертву современному образованію, тогда же усердно будетъ очинять его отъ Grundwahrheit и Grundthaten (основныхъ истинъ и основныхъ фактовъ) и разширять *in infinitum* свободу ученія; то чрезъ два года собранія у него останутся вмѣсто христіанства *tableaux* ваза, надъ которой и разсуждать будетъ не о важности

ОБЪЯВЛЕНИЯ

СТРАННИКЪ будетъ издаваться въ 1866 году по прежней программѣ въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ. Цѣна съ пересылкою *четыре руб. сер.* Адресъ: въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» въ С. Петербургѣ. По той же цѣнѣ и по тому же адресу можно выписывать и газету „Современный Листокъ“, выходящую два раза въ недѣлю. Цѣна за «Странникъ» вмѣстѣ съ «Современнымъ Листкомъ» *семь руб. сер.*

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОВЕСѢДНИКЪ, 12 книжекъ въ годъ. Программа изданія въ 1866 году прежняя. Цѣна *семь руб.* съ пересылкою. Адресъ: въ редакцію Православнаго Сovesѣдника при духовной Академіи, въ Казани.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ будутъ издаваться и въ 1866 году въ количествѣ 12 книжекъ въ годъ. Цѣна съ пересылкою *шесть руб.* Адресъ: въ редакцію Трудовъ Кіевской духовной академіи—въ Кіевѣ. Въ той же редакціи можно получить и «Воскресное Чтеніе», которое будетъ издаваться и въ слѣдующемъ (XXX—1866,) году по прежней программѣ. Цѣна *четыре руб.* съ пересылкою.

ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ будетъ издаваться въ 1866 году по прежней программѣ *ежемесячно*. Цѣна, вмѣсто прежнихъ 7 рублей, *пять руб.* съ пересылкою. Адресъ: въ Харьковѣ, въ контору редакціи Духовнаго Вѣстника.

ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА будетъ *еженедѣльно* выходить и въ 1866 году. Цѣна съ пересылкою *пять руб.* Адресоваться въ контору редакціи Домашней Бесѣды въ С. Петербургѣ.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1866 году *ежемесячно* отдельными номерами. Цѣна съ пересылкою *пять* руб. Адресъ: въ редакцію «Руководства для сельскихъ пастырей» въ Кіевѣ.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ будутъ по прежнему выходить въ 1866 году отдельными номерами, въ 8-ю долю листа, официальная часть чрезъ недѣлю, а иногда чрезъ двѣ, неофициальная всегда *чрезъ двѣ*. Цѣна *пять руб. пятьдесятъ* коп. Адресъ: въ Черниговъ, въ редакцію Епархіальныхъ Извѣстій. Не принадлежащіе вѣдомству черниговскаго епархіальнаго начальства не могутъ выписывать неофициальную часть отдельно безъ официальной по цѣнѣ 3 руб. сер.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ будутъ выходить въ 1866 году по прежнему два раза въ мѣсяцъ. Цѣна *пять* руб. съ пересылкою. Адресъ: въ Полтаву, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ТУЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. Два выпуска въ мѣсяцъ. Программа изданія въ 1866 году прежняя. Цѣна *пять* руб. Адресоваться въ Тулу, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ВЛАДИМИРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ и въ 1866 году будутъ выходить два раза въ мѣсяцъ по прежней программѣ. Цѣна съ пересылкою *пять* руб. сер. Адресъ: во Владимиръ, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА политическая и литературная будетъ издаваться и въ 1866 году. Выходитъ *ежедневно*. Цѣна съ пересылкою *семь* руб. Адресъ: въ редакцію «Вечерней Газеты» въ С. Петербургѣ.

Вышла и раздается подлинникамъ 1-я книжка *Вѣстника Западной Россіи* за 18⁶⁵/₆₆ годъ. Цѣна «Вѣстнику» за годъ *восемь* руб. съ пересылкою. Адресъ: въ редакцію журнала «Вѣстникъ Западной Россіи» въ Вильну.

ФЕОДОРЪ ТАРСОВІЙ,
АРХІЕПИСКОПЪ КАНТЕРБУРІЙСКІЙ ВЪ АНГЛІИ (VII ВЪКА),
ПІТОМЕЦЪ ГРЕКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ августъ 1862 года явилось въ Англіи сочиненіе д-ра Гука, декана Чичестерскаго, подъ заглавіемъ — „Жизнеописаніе кантербурійскихъ архіепископовъ“ (Lives of the Archbishops of Canterbury. By Walter Farquhar Hook, D. D. Dean of Chichister).

Сочиненіе это замѣчательно и потому уже, что доселѣ не имѣлось никакихъ послѣдовательныхъ историческихъ сказаній о введеніи христіанства въ Англіи, за исключеніемъ опыта въ этомъ родѣ Іереми Кольера (Collier). Съ другой же стороны и не могло быть иначе: доселѣ всѣ историческіе церковные документы, для изыскателей древности, почти совершенно были закрыты; во всякомъ случаѣ доступъ къ нимъ былъ чрезвычайно труденъ. Въ недавнее только время, и то повелѣніемъ королевы, изданы въ свѣтъ „Monumenta Historica Britannica“, т. е. сочиненія или записки Гильды, Неннія, Беды, англосаксонская хроника, Алара, Флорентія Ворчестерскаго, Самсона Дургамскаго, Генриха Гунтингдонскаго, Гаймара и Annalis Cambriae.

При пособіи этихъ только документовъ сочиненіе д-ра Гукъ могло получить настоящую свою значимость.

Оно заключается въ двухъ томахъ. Первый изъ нихъ посвящается англо-саксонскому періоду, начало котораго открывается миссіей Августина, а конецъ заключается нормандскимъ завоеваніемъ. Второй заключаетъ въ себѣ англо-нормандскій періодъ, начинающійся завоеваніемъ норманновъ, и оканчивающійся первенствомъ Стефана Лангтона, въ царствованіе Генриха III. До-историческаго существованія англійской церкви д-ръ Гукъ почти не касается, и, быть можетъ, дѣлаетъ хорошо: ибо мракъ его едва ли и можно чѣмъ освѣтить. Въ лѣтописяхъ англо-саксонской церкви всѣ главныя событія ея обозначаются, какъ-бы какими-то созвѣздіями, слѣдующими тремя именами: Теодоръ (668), Алфредъ (872) и Дунстахъ (959).

О первомъ изъ нихъ самыя строгіе критики говорятъ такъ: „то было особеннымъ счастіемъ для церкви англійской, что тотчасъ же послѣ того, какъ въ ней явилось нѣкоторое систематическое благоустройство, каведру кантербурійскаго архіепископа занялъ человѣкъ, столь замѣчательный, каковъ Теодоръ Тарскій, замѣчательный и по своей великой учености, и по своимъ административнымъ способностямъ, и по своему ясному взгляду на потребности своего времени. Онъ былъ воспитанъ (продолжаетъ *North English Review*, за августъ 1862 г.) въ высшей утонченнѣйшей антиохійской богословской школѣ: и однакожь, среди всѣхъ жаркихъ выходокъ моноелитской ереси, умѣлъ остаться православнымъ. По настоянію римскаго епископа Виталиана, которому поручено было назначеніе, онъ принялъ предложенный ему престоль кантербурійскій, съ единствен-

нымъ желаніемъ исполнить только свой долгъ; и его-то неослабной ревности, мудрости и благоразумію церковь англійская обязана не только своей парохіальной организаціей, но и началомъ того высшаго воспитанія, которое Алфредъ, а потомъ епископъ Вильямъ Викамскій и король Генрихъ VI утвердили на положенныхъ имъ широкихъ и прочныхъ основаніяхъ“, и которое, мы можемъ теперь присовокупить, доселѣ продолжается въ оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ.

Вотъ почему полагаемъ, что біографія Θεодора, изложенная на основаніи упомянутыхъ документовъ, какъ человѣка, воспитаннаго въ нѣдрахъ греко-восточной Церкви, подъ вліяніемъ великихъ вселенскихъ ея учителей, и озарившаго въ свое время свѣтомъ востока западную мглу Англій, для православнаго читателя должны имѣть хотя нѣкоторую занимательность. Мы представляемъ ее теперь, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, въ томъ самомъ видѣ, какой она имѣетъ у д-ра Гука.

Прот. Е. Поповъ.

Лондонъ.

Когда намъ говорятъ, что Θεодоръ родомъ изъ Тарса въ Киликіи, то это одно извѣстіе уже пробуждаетъ въ насъ вниманіе къ его біографіи. Въ тѣхъ самыхъ школахъ, гдѣ болѣе шести сотъ лѣтъ назадъ учился греческому языку св. Павелъ, бывшій тогда еще юношей, получилъ свое воспитаніе и тотъ, который первый ввелъ въ Англій изученіе греческаго языка, и прославился какъ духовною, такъ и свѣтскою ученостію. Замѣтимъ при семъ, что британцы (Britons) обращены

были греками, хотя, вѣроятно, при посредствѣ переводчиковъ. Тарсъ и во время Θεодора оставался еще греческимъ городомъ, и именно находился въ центрѣ народонаселенія; которое въ глазахъ гражданъ казалось массою варваровъ. Хотя греческій языкъ, какъ языкъ цивилизаціи, и былъ тамъ въ общемъ употребленіи; тѣмъ не менѣе его изучали, какъ языкъ классическій, подобно тому, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, шотландскіе ученые, боясь провинциализмовъ, изучали англійскій языкъ въ Единбургѣ, и за то—скажемъ кстати—писали въ свое время самымъ правильнымъ англійскимъ языкомъ. Рѣка Сиднѣ имѣла въ то время еще прежнее свое теченіе, и тотъ каналъ, которымъ нѣкогда проходили суда, переносившія св. Павла изъ школъ языческаго Тарса къ берегамъ святой земли, еще не былъ заваленъ. На мѣстѣ тѣхъ древнихъ доковъ, которые, по словамъ Василія Великаго, постоянно наполнены были купеческими кораблями со всѣхъ странъ свѣта, еще не видно было вредоносныхъ лагунъ; Тарсъ продолжалъ быть для восточныхъ предѣловъ моря Средиземнаго тѣмъ же, чѣмъ нынѣ Марсель служитъ для западныхъ его частей. Здѣсь-то Θεодоръ, конечно, ознакомился съ миссіонерскими трудами, потому что граждане-христіане часто занимались обращеніемъ сосѣднихъ, языческихъ селеній, и здѣсь-то, по всей вѣроятности, отъ матросовъ, жившихъ въ докахъ, онъ нерѣдко слыхалъ о тѣхъ саксонскихъ пиратахъ, которые дѣлали столь опасною торговлю, съ незапамятныхъ временъ производившуюся на берегахъ моря Средиземнаго и Касситеридовъ. Думалъ ли юный Θεодоръ, что ему на старости лѣтъ придется жить на отдаленномъ островѣ, главнымъ образомъ извѣстномъ по своимъ сношеніямъ съ островами

Силли (Scilly), которые были покорены этими саксонцами? Думалъ ли онъ и о томъ, что его дѣятельный умъ будетъ находить себѣ отдохновеніе, представляя себѣ и описывая новообращеннымъ къ христіанству тѣ роскошныя равнины, которыя съ одной стороны простираются до моря, а съ другой граничатъ съ Тавромъ, и на которыя онъ любилъ смотрѣть съ высотъ своего роднаго города?

Восточная Церковь, въ средніе годы Θεодора, сильно потрясена была монофелитскимъ препирательствомъ. Препирательство это жестоко волновало страсти и императоровъ и епископовъ, и цѣлые города наполняло ужасами кровопролитія. Оно возникло въ началѣ столѣтія, вслѣдствіе желанія императора Ираклія примирить съ Церковію монофизитовъ, и главнымъ совѣтникомъ государя былъ Сергій, патріархъ константинопольскій. Виновникомъ ереси былъ Θεодоръ Фаранскій, аравійскій епископъ, защитникомъ же ея—Онорій, папа римскій, тотъ самый, который на шестомъ вселенскомъ соборѣ былъ отлученъ отъ Церкви. По внушенію патріарха Сергія, императоръ обнародовалъ, такъ называемое, *ἐκθεσις τῆς πίστεως*, или лучше объяснительный едиктъ, который при всемъ мнимомъ притязаніи на безпристрастіе, въ самой вещи служить выраженіемъ партіи. Имъ воспрещалось всякое дальнейшее разбирательство вопросовъ между Церковію и монофизитами, — одно или два естества въ воплощенномъ Сынѣ Божіемъ, — и положительно объявлялось, что во Единомъ Господѣ одна можетъ быть воля, и слѣдовательно, въ силу *restitutio principii*, предполагалось, что ученіе противоположной партіи по необходимости ведетъ къ мысли о двухъ воляхъ, какъ будто бы непримиримыхъ между собою.

Противъ этой ереси возсталъ Софроній, патріархъ іерусалимскій, и созвалъ соборъ, на которомъ новое ученіе монофелитовъ объявлено еретическимъ, на томъ основаніи, что признаніе одной воли въ двухъ естествахъ заключаетъ уже и въ самыхъ выраженіяхъ противорѣчія. Римская церковь, при Іоаннѣ IV, возвратилась къ православію, и на соборѣ, созванномъ въ этомъ городѣ, императорскій едиктъ былъ отвергнутъ. Но вліяніе римской церкви было незначительно на востокѣ и потому препирательство продолжалось съ прежнимъ ожесточеніемъ, за изданіе императоромъ Констанціемъ II другаго едикта, извѣстнаго подъ именемъ „образъ Вѣры — *τύπος τῆς πίστεως*“. Новый едиктъ, въ видахъ миротворенія, не имѣлъ того догматическаго тона, какой имѣло „Изложеніе вѣры“: имъ просто, подъ тяжкою казнію, налагалось молчаніе на всякаго, кто желалъ бы говорить объ единой волѣ и единомъ дѣйствіи въ естествѣ нашего Господа.

Возможно ли предположить, чтобы Θεодоръ не имѣлъ никакого участія въ этихъ препирательствахъ? Наконецъ мы знаемъ, что Виталій, по случаю предполагаемаго избранія Θεодора на престолъ кантербурійскій, подозрѣвалъ его въ неправославіи;—что Агафонъ, желая защитить его отъ такого нареканія, требовалъ, чтобы ему дано было присутствовать на Константинопольскомъ соборѣ, и что будущій архіепископъ являлся въ Римъ, въ то самое время, когда Констанцій, въ сопровожденіи множества грековъ, посѣщалъ императорскій городъ: и это заставляетъ насъ думать, что Θεодоръ философъ, какъ его тогда называли, въ извѣстный періодъ времени, ради мира, готовъ былъ принять *τύπος τῆς πίστεως*, и что въ первый разъ онъ былъ въ

Римъ, по видимому, какъ одинъ изъ свиты царской. Какъ-бы однакожь ни было, въ то время, когда Адрианъ поручалъ его Виталиану, относительно его православія не было и тѣни сомнѣнія.

И такъ Θεодоръ былъ рукоположенъ, безъ всякаго пререканія. Напротивъ лучшаго выбора и не могло быть. Цѣлю этого новаго назначенія было примирить кельтскихъ епископовъ, и такъ какъ эти епископы начали христіанства въ ихъ областяхъ усвоили проповѣди восточныхъ миссіонеровъ, и къ тому еще празднованіе Пасхи совершали одновременно съ восточными церквами: кто-жь лучше посему могъ достигнуть цѣли, какъ не Θεодоръ, какъ не членъ греческой церкви, ознакомившійся съ обрядами латинской церкви? Онъ не особенно желалъ возвратиться въ Грецію, а съ другой стороны ничто особенно не привязывало его и къ Риму. Онъ оставилъ царскій городъ въ мартѣ 668 года, и не только въ сопровожденіи Адріана, но еще Венедикта епископа, который, хотя и былъ родомъ британецъ и воспитанъ въ кельтской церкви, тѣмъ не менѣе привязанъ былъ къ итальянскимъ обычаямъ и ко всему, что имѣло отношеніе къ Риму. Венедиктъ и по ученью едва-ли отставалъ отъ Θεодора и Адріана. Всѣ они трое были очень замѣчательныя, даже знаменитыя личности, и у каждаго изъ нихъ была своя не малочисленная свита. Таковы были однакожь опасности въ путешествіяхъ тѣхъ время, что Θεодоръ прибылъ въ Англію только въ маѣ 669 года. Онъ отправился моремъ въ Марсель, а оттуда пріѣхалъ въ Арль (Arles), гдѣ дворцовымъ меромъ Еброинномъ приказано было ему ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Задержка произошла въ слѣдствіе какихъ-то дѣйствительныхъ или мнимыхъ политическихъ интригъ.

Когда пришло наконецъ позволеніе нашимъ путешественникамъ оставить Арль, они отправились уже разными путями, подѣ тѣмъ предлогомъ, что имъ вмѣстѣ трудно бы было находить въ достаточномъ количествѣ припасы для ихъ сопутниковъ. Тогда какъ Адрианъ сначала поѣхалъ къ епископу Sens'a, а потомъ къ епископу г. Меаух, Θεодоръ отправился въ направленіи къ Парижу; онъ желалъ побывать въ этомъ городѣ особенно для того, чтобы побесѣдовать тамъ съ епископомъ его, Агальбертомъ, который нѣкогда занималъ дорчестерскую кафедру въ Англіи, и отъ котораго, потому, Θεодоръ надѣялся получить разныя свѣдѣнія, полезныя для него на новомъ мѣстѣ служенія. Когда о прибытіи Θεодора въ Парижъ узналъ король Кента, Эгбертъ, то отправилъ посольство подѣ начальствомъ старѣйшины Raedforth'a, для переговоровъ съ Эброиномъ, о томъ, чтобы ускорить отправленіе архіепископа и Адриана. Адрианъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, былъ удержанъ во Франціи на два года, а архіепископъ получилъ свой паспортъ, равно какъ, по видимому, и Венедиктъ Bissor. Тѣмъ не менѣе разныя бѣды и напасти продолжали преслѣдовать Θεодора; такъ напр. онъ снова какимъ-то тяжкимъ недугомъ былъ задержанъ въ Estaples, отъ котораго, однакожъ, скоро и совершенно оправился.

27 мая 669 года, среди великой, общей радости, Θεодоръ возсѣлъ на кафедру Августина въ Кантебури; и, со всѣмъ жаромъ юности, этотъ благолѣпный старецъ, имѣвшій тогда шестьдесятъ шесть лѣтъ отъ роду, началъ свое историческое поприще и принялъ на себя обязанности своего высокаго служенія. Разсмотримъ же теперь жизнь его, во первыхъ, какъ архіепископа; во вторыхъ, какъ покровителя просвѣщенія, и, наконецъ, какъ писателя.

1) Немедленно по вступленіи на свою кафедру, онъ осмотрѣлъ всю свою епархію, и, какъ уже народъ приготовленъ былъ къ принятію его, вездѣ былъ признанъ митрополитомъ и приматомъ Англіи. Обзоръ-ніе это (*visitatio*) совершилось гораздо легче, чѣмъ онъ могъ бы предполагать. Старыя римскія дороги еще вездѣ сохранялись, и народъ былъ приученъ съ дальнихъ мѣстъ собираться для принятія христіанскихъ миссіонеровъ. Князья, прелаты и поселяне толпами съѣзжались и сходились, чтобы увидать и послушать давно ожидаемаго своего архіепископа. Феодоръ тщательно развѣдывалъ о поведеніи духовенства, настаивалъ на единообразномъ празднованіи Пасхи, и, увѣщавая народъ уклоняться отъ идолопоклонства, избѣгать суевѣрій и не впадать въ прежніе грѣхи, въ которыхъ они покаялись, онъ проповѣдывалъ имъ простыя истины Евангелія, и дѣлалъ всякаго рода распоряженія, чтобы отцы, такъ или иначе, учили дѣтей своимъ символу вѣры и молитвѣ Господней на природномъ ихъ языкѣ.

По окончаніи визитаціи, Феодоръ предпринялъ сдѣлать два дѣла: завести парохіальную систему и увеличить число епископовъ.

Доселѣ церкви въ Англіи, не исключая и кельтскихъ церквей и тѣхъ, которыя находились въ связи съ кантербурійской миссіей, были просто большимъ станомъ (*statio*) для миссіонерскихъ предпріятій. Беда дѣлаетъ очень занимательныя описанія подвиговъ кельтскихъ миссіонеровъ. Иногда, по описанію его, верхомъ, а чаще пѣшкомъ, миссіонеры эти отправлялись изъ своего монастыря въ разные города, и народъ, зная о томъ предварительно, стекался туда толпами, — и всѣ слушали тамъ слово спасенія и принимали св. таинст-

ва. Въ другія времена миссіонеры отлучались на цѣлыя недѣли, взбирались на самыя утесистыя горы, проникали въ сокровенныя логовища разбойниковъ и отверженныхъ воѣми, и тамъ, силою своей проповѣди и своею кротостію и любовію, пытались этихъ дикообразныхъ людей приводить на путь спасенія. И, дѣйствительно, при ихъ безкорыстномъ поведеніи, по которому они не позволяли себѣ принимать ни даровъ, ни даже приношеній въ монастыри, безъ разрѣшенія свѣтскихъ властей, при той христіанской любви, съ которою они обращались съ больными, впечатлѣніе, производимое этими добрыми и ревностными кельтскими миссіонерами, было таково, что они по всюду были принимаемы своими соотечественниками, которые искали и просили ихъ благословенія. Въ мѣстѣ миссіонерской резиденціи епископа Кольмана соблюдалась такая умѣренность, описаніе которой не мало объясняетъ намъ обычаи тогдашняго вѣка. Кромѣ церкви, миссіонеры занимали обыкновенно нѣсколько домовъ, если не домиковъ; и вотъ, когда въ этихъ домахъ становилось тѣсно отъ неожиданно какъ либо возвратившихся миссіонеровъ, что они дѣлали? Они постилали въ церкви солому, и на ней покоились. Не рѣдко ихъ навѣщали и люди богатые; но и для нихъ у нихъ не дѣлалось особенной трапезы, и вообще ничего особеннаго; еслижъ „сильные земли“, на прощанье, дѣлали имъ денежныя приношенія, то онѣ обыкновенно поступали въ пользу бѣдныхъ. Когдажъ приходилъ царь, какъ бывало иногда, то онъ намѣренно приходилъ съ пятью или шестью служителями, — не больше; и, кончивъ свое богомолье въ церкви, обыкновенно возвращался домой; еслижъ и оставался для подкрѣпленія себя пищею, то долженъ былъ довольство-

ваться каждодневною трапезою братій, которыхъ обязанностию было питать душу, а не тѣло. (Bede, III. 26; IV. 27).

Но не все духовенство было занимаемо миссіонерскими трудами. Многіе изъ духовныхъ, для совершенія священнослуженія, должны были находиться при владѣтельныхъ особахъ, тѣмъ болѣе, что мѣстопробываніе ихъ часто въ тѣ времена перемѣнялось; примѣру князей слѣдовали и ихъ бароны, и также выбирали себѣ извѣстныхъ духовныхъ лица. На этомъ то основаніи Θεодоръ и воздвигъ свою парохіальную систему. Онъ ясно видѣлъ, что для вкорененія и утвержденія христіанства въ той землѣ требовались не одно повременное проповѣданіе слова Божія и не одно повременное совершеніе таинствъ Церкви: онъ ясно созналъ необходимость такого положенія, каково положеніе пастыря, который собиралъ бы овецъ своихъ въ одно стадо. Въ греко-восточной церкви онъ знакомъ былъ съ парохіальной системой; и онъ рѣшился образовать приходы, и воздвигнуть приходскія церкви, на тѣхъ же началахъ, которыя положены были императоромъ Іустиніаномъ въ 541 и 543 годахъ, и согласно съ которыми право патронатства усвоилось основателямъ церквей и ихъ наслѣдникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы церковь имѣла особенные доходы или средства для содержанія служителей церкви. Θεодоръ убѣдилъ бароновъ и землевладѣльцевъ дать ихъ прежнимъ капелланамъ независимое положеніе, и, устроивъ церковь въ центрѣ своихъ владѣній, открыть постоянныя и правильныя сношенія между служителемъ ея, жителями замка и рабами. Обезпеченіе вѣроятно заключалось въ извѣстномъ надѣлѣ землею или положенными поборами съ лицъ и собствен-

ности; о десятинахъ же вовсе не упоминается у Беды, хотя люди богатые издавна имѣли обычай посвящать десятины своихъ доходовъ для благотворительныхъ и богоугодныхъ цѣлей (1).

При посѣщеніи Нортумбріи, архіепископъ нашель нужнымъ показать опытъ своей архіепископской власти, низложеніемъ Сеадда или Чада (Chad), и возведеніемъ на мѣсто его Вилфорида. То далеко было не дѣло милосердія, но оно объясняется тѣмъ правиломъ, которое несправедливо поставилъ себѣ Θεодоръ, а именно— снова рукополагать всѣхъ, принявшихъ рукоположеніе отъ шотландскихъ или британскихъ епископовъ, не сообразовавшихся съ кантербурійскою церковію въ дѣлѣ празднованія Пасхи и стриженія волосъ—*tonsura* (2). Чадъ былъ добрый человекъ, хотя фанатикъ; и, вмѣсто того, чтобы воспротивиться незаконному съ нимъ обращенію, съ совершенною покорностію отрекся отъ званія, для котораго онъ чувствовалъ себя неспособнымъ, и такимъ образомъ уступилъ мѣсто Вилфориду. Θεодоръ, при всей строгости и упругости характера, показалъ тутъ однакоже, что у него сердце было нѣжное; онъ до того тронутъ былъ кротостію Чада, что вскорѣ послѣ того отъ короля Мерси, (Wulfhere), исходатайствовалъ ему назначеніе на каеэдру личфильдскую.

Въ планъ Θεодора входило — ввести въ церковь соборный образъ управленія. Онъ желалъ и предполагалъ каждый годъ открывать по два собора. Въ этомъ предпріятіи, однакожь, онъ, повидимому, не успѣлъ. Но во время его архіепископства дѣйствительно были два собора. Первый, на который мы имѣемъ обратитъ

(1) Elmham, 285, 286.

(2) См. *Capitula et Fragmenta Theodori*, Thorpe, 307.

теперь вниманіе, состоялся въ 673 году, 24-го сентября, въ Гертфордѣ. На немъ присутствовали всѣ главные епископы; за епископа же нортумбрійцевъ, Вилфрида, заседали здѣсь его легаты. Къ счастью, до насъ сохранились записки самаго архіепископа объ этомъ собраніи. „Когда мы собрались, пишетъ онъ, и каждый занялъ свое мѣсто, я сказалъ тогда: „возлюбленные братія! Ради страха и любви къ Искупителю нашему, я предлагаю вамъ разсудить теперь вмѣстѣ о томъ, что нужно для поспѣшенія нашей общей вѣрѣ, такъ, чтобы намъ можно было ненарушимо соблюдать то, что положено и опредѣлено было святыми и досточтимыми *отцами Церкви*“. Еще больше я сказалъ относительно христіанской любви и единенія; и за тѣмъ cadaго изъ нихъ порознь спросилъ, готовы ли они держаться того, что *канонически и издревле было опредѣлено отцами*. Мои братія-епископы отвѣчали мнѣ утвердительно; и тогда я взялъ *книгу канонов* (1), и показалъ имъ тѣ десять главъ, которыя я отмѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ какъ наиболѣе важныя для насъ, именно:

„1) Что мы всѣ должны праздновать Пасху въ воскресенье, слѣдующее за четырнадцатымъ днемъ перваго мѣсяца; 2) ни одинъ епископъ не долженъ вторгаться въ епархію другаго; 3) ни одинъ епископъ не долженъ возмущать монастыри, или овладѣвать ихъ собственностію; 4) монахи не должны переходить изъ одного монастыря въ другой, безъ благословенія (*beneficentia*) отъ своихъ настоятелей; 5) ни одинъ служитель Церкви не долженъ оставлять своего епископа, или

(1) „Eundem librum canonum“, ту самую книгу, о которой онъ упоминалъ своему корреспонденту въ началѣ своего письма.

быть принимаемъ въ епархію другаго безъ особенной на то грамоты, подъ опасеніемъ отлученія, которому будетъ подлежать равно и епископъ, если, по востребованіи отъ него, онъ не выдастъ принятаго имъ клирика; 6) епископы и прочіе духовные, во время своихъ путешествій, должны довольствоваться тѣмъ только гостепріимствомъ, которое имъ предлагаютъ, и—къ тому еще—никакъ не должны служить безъ позволенія того епископа, въ епархіи котораго случится имъ быть; 7) предложеніе сдѣлано было, чтобъ имѣть по два собора каждый годъ; но столько открылось разныхъ трудностей, что это предложеніе наконецъ было устранено; все же единогласно согласились собираться разъ въ годъ, 1-го августа, въ Clolfeshoch; 8) никакой епископъ не долженъ, изъ видовъ честолюбія, домогаться первенства передъ своимъ собратомъ; но каждый изъ нихъ долженъ соблюдать время и порядокъ посвященія; 9) о девятомъ канонѣ было состязаніе, а въ заключеніе было постановлено, что, такъ какъ число вѣрныхъ увеличивается, то и число епископовъ должно быть увеличено; 10) десятая глава касалась браковъ, именно, что тѣ только браки должны считаться законными, которые совершены законно; что не должно разрѣшать кровосмѣсительныхъ браковъ, ни допускать разводовъ, за исключеніемъ, какъ учить Евангеліе, любодѣянія; что если кто отпуститъ свою жену, съ которой былъ законно повѣнчанъ, тому не должно позволять вступать въ бракъ съ другою; въ этомъ случаѣ онъ долженъ или остаться безъ супружества или примириться съ своею женою.

„Къ этимъ главамъ, и вообще и въ частности разсмотрѣннымъ, положено было каждому изъ насъ под-

писаться собственною рукою, для того, чтобы не вышло какого либо соблазна отъ новыхъ споровъ и препирательствъ, и чтобы не родилось какое либо недоразумѣніе при ихъ обнаруженіи. Такое окончательное опредѣленіе я повелѣлъ, какъ слѣдуетъ, записать Титиллу, нашему нотаріусу. Посему, кто сталъ бы противорѣчить этому каноническому рѣшенію, скрѣпленному общимъ собраніемъ, и общею подписью, то долженъ заранѣе знать, что его ожидаетъ низложеніе и отлученіе. Да сохранить насъ Господь Своєю благодатию въ союзѣ мира и въ единеніи Церкви“! (1)

Приводя этотъ документъ, мы не можемъ не замѣтить контраста въ поведеніи Θεодора и Августина. И тотъ и другой имѣли одинаковую цѣль—содѣйствовать умиротворенію англійской церкви, въ духъ ея единенія; и тотъ и другой имѣли дѣло съ епископами, ревновавшими о сохраненіи своихъ правъ; но, тогда какъ Августинъ думалъ о себѣ, Θεодоръ думалъ только объ общемъ дѣлѣ; и хотя, послѣ разсужденій о седьмой главѣ, и, вѣроятно, о девятой, на сторонѣ его было меньшинство, онъ не вышелъ изъ себя, не взволновался, но, вслушавшись въ голосъ общей мысли и потребности, благодушно уступилъ мнѣнію другихъ.

Θеодоръ не позволилъ девятой главѣ остаться мертвою буквой; но тотчасъ же занялся раздѣленіемъ увеличившихся епархій Мерси и Нортумбріи. Еще прежде имъ посвященъ Елсвеерій въ епископа вест-саксовъ, а въ 167 г., оказывается, онъ посвятилъ Бадвина въ Elmham, и *Essi* въ Dunwich; за тѣмъ вскорѣ открылъ кааедры въ Герсфордъ и Ворчестеръ; на первую пере-

(1) Bede, IV, 5.

велъ *Putta*, а на вторую посвятилъ Воеля; около 686 г. *Cuthwin*'а назначилъ на епархію лейчестерскую, а въ *Lindsey*, въ 678 г., *Eadhed*'а. Въ Нортумбріи, (въ 681 г.) въ *Whitheru* онъ посвятилъ Трумвина, въ *Hexham—Eata* (678), а въ *Lindisfarne* (въ 685 г.)—Кудберта.

Всѣ эти распоряженія приведены въ исполненіе не безъ сопротивленія и не безъ затрудненій. Вилфридъ, котораго Θεодоръ посвятилъ на личфильдскую кафедру, въ 672 г., былъ низложенъ въ 675 г., вслѣдствіе, какъ предполагають, того, что онъ воспротивился перемѣнамъ, сдѣланнымъ въ его епархіи; объ немъ мы больше и не слышимъ. Но въ Нортумбріи сопротивленіе Вилфрида имѣло другой характеръ, и Θεодоръ не остался бы побѣдителемъ, еслибъ не нашелъ себѣ опоры въ гражданской власти, противъ которой Вилфридъ возсталъ съ обычною ему неразумностію. Уже было замѣчено, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ Θεодора, по прибытіи его въ Англію, было возстановить Вилфрида на кафедру іоркскую. Вилфридъ тотчасъ же началъ дѣйствовать съ свойственною ему небережливостію, чтобъ не сказать — расточительностію, съ увлеченіемъ предаваясь движеніямъ своего тщеславія и тѣмъ не выгоднымъ привычкамъ, которыя у него образовались въ Италіи и Франціи и которыя онъ желалъ теперь привить къ своей родной землѣ. Онъ нашелъ свою кафедральную церковь въ состояніи распаденія, и возстановилъ еѣ. Соломенную крышу ея онъ замѣнилъ свинцовой, а въ окна, доселѣ открытыя для вѣтра, вставилъ стекла, и такія еще стекла, говоритъ Еддіи (*Ed-dius*, 16), сквозь которыя ясно свѣтило солнце. Григоріанское пѣніе, введенное Іаковомъ діакономъ, хормъ Вилфрида было доведено до совершенства. Равно

и другія церковныя здація онъ или воздвигнулъ, или возстановилъ, или урасилъ. Все это онъ могъ сдѣлать, при помощи усердія нортумбрійскихъ аббатовъ, аббатиссъ и бароновъ; сундуки его были переполнены. Въ пользу его открылся какой-то общій энтузіазмъ; старики дѣлали его своимъ наслѣдникомъ, а родители ввѣряли ему своихъ дѣтей для воспитанія. Вслѣдствіе его расточительности и популярности вліяніе его постоянно возрастало. Свита его была не хуже княжеской и по числу и по убранству; онъ поставилъ себя наконецъ въ какое-то царское положеніе. За тѣмъ началась реакція; стали думать, что разныя богатыя приношенія для разныхъ богоугодныхъ цѣлей могли бы быть лучше употреблены, безъ этой расточительности. Король жаловался, что вслѣдствіе завѣщаній, которыми обогащался Вилфридъ, бѣднѣла корона; ибо собственность, оставляемая Церкви, поступала въ нее, безъ обычныхъ королевскихъ пошлинъ; извѣстныя суммы денегъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, слѣдовавшія королю по смерти его старшинъ или бароновъ, не вычитались болѣе, когда онъ поступали въ вѣдѣніе Вилфрида. Пышность Вилфрида, его большое и широкое хозяйство, его монастыри, подобно дворцамъ, возвышавшіяся, его огромная свита, — все это не осталось незамѣченнымъ королевою Ирминбургою, которая только того и желала, чтобы раздуть пламень гнѣва на Вилфрида, и безъ того уже возгаравшійся въ сердцѣ ея мужа.

Esgrîd, король Нортумбріи, первую жеюю своего имѣлъ Етельдреду, фанатизмъ которой походилъ иногда на безуміе. Вопреки св. Писанію, вопреки приличію и здравому смыслу, она отеклась отъ обѣтовъ брака и, подстрекаемая къ тому неразуміемъ Вилфрида, рѣ-

Ч. II. 41

шила оставитъ своего супруга и сдѣлаться инокиней. Esgfrid, мнѣніе котораго раздѣлялъ и архіепископъ Кантербурійскій, смотрѣлъ на дѣло, какъ на разводъ, и снова женился. По той или по другой причинѣ, Вилфридъ воспротивился этому второму браку, и тѣмъ усилилъ нерасположеніе къ себѣ и королевы и двора.

При такомъ-то положеніи дѣлъ, архіепископъ предложилъ раздѣлить епархію нортумбрійскую на церковныхъ каноническихъ основаніяхъ. Вилфридъ ничего не могъ сказать вопреки этого предложенія; напротивъ, долженъ былъ допустить, что съ духовной точки зрѣнія подобное раздѣленіе было очень благопотребно. Но епископъ юрксій не могъ найти въ себѣ довольно рѣшимости, такъ или иначе, уменьшить свою пышность, и, подобно большей части людей въ подобныхъ обстоятельствахъ, не могъ отказаться отъ привычнаго ему вліянія и власти, такъ какъ суровому и непреклонному архіепископу и въ голову не приходило подумать о внѣшнихъ выгодахъ. Вилфридъ воспротивился архіепископу, — и Феодоръ, поддерживаемый Дворомъ, произвелъ надъ нимъ приговоръ низложенія, и въ 678 г. посвятилъ епископомъ Юрксимъ Боу. (Eddius 24).

Вилфридъ въ негодованіи отправился на материкъ Европы, и явился въ Римъ съ апелляціей. Этотъ поступокъ былъ открытымъ, прямымъ нарушеніемъ началъ церковныхъ того времени; ибо римскій патріархъ имѣлъ власть свою только тамъ, гдѣ та и другая партія, съ взаимнаго согласія, обращалась къ нему по тому или другому дѣлу. Апелляціи на англійскій народный соборъ, — на англійскаго короля и англійскаго митрополита — не могъ вынести духъ свободы и независимости, проникшія тогда во всю Англію, и вслѣдствіе того, когда Вилфридъ возвратился съ папскимъ рѣшеніемъ, даннымъ

въ его пользу, и, въ силу его, потребовалъ возстановленія своихъ правъ на епархію, король собралъ соборъ изъ бояръ и духовенства; и на семь-то соборъ, съ общаго согласія, положено эту аппелляцію считать все-народнымъ оскорбленіемъ, а папскія грамоты оскорбленіемъ короля и народа. Вилфридъ кромѣ того осужденъ былъ на девятимѣсячное заключеніе, по окончаніи котораго онъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, былъ бездомнымъ и безкровнымъ скитальцемъ.

Папское *mandatum* равно было оставлено безъ вниманія и архіепискомъ кантербурійскимъ, хотя въ опредѣленіи относительно возстановленія Вилфрида прямо объявлялось, что „всякой, кто бы то ни былъ, за покушеніе нарушить это опредѣленіе, будетъ пораженъ вѣчною анаеміею“ (Eddius, 31). Грозная эта анаемиа, однакожь, не послѣдовала; явное дѣло, что римскій епископъ не могъ отважиться испытать свои силы въ отдаленной провинціи, — тѣмъ болѣе, что покушенія римскаго Двора — утвердить духовное главенство папы на западѣ — далеко не были одобряемы въ это время византійскимъ правительствомъ. Противъ подобнаго покушенія римскаго епископа оказывать свою власть въ незаконныхъ предѣлахъ, возставалъ нѣкто Лавръ, епископъ Равенны, еще въ то время, когда Θεодоръ былъ въ Римѣ и когда Виталианъ поразилъ его своимъ отлученіемъ. Мавръ отвѣтилъ ему самъ такимъ же отлученіемъ (Milman, Latin Christianity, liv. IV. c. VI).

Посему-то Θεодоръ съ совершеннымъ равнодушіемъ принялъ эту угрозу, и въ томъ же духѣ выслушалъ желаніе папы, чтобы онъ присутствовалъ, какъ одинъ изъ его представителей, на соборѣ константинопольскомъ (Mansi, XI. 286). Можно указать на разныя при-

чды, почему архіепископъ не могъ или не долженъ былъ оставить свою епархію и провинцію, и на старости лѣтъ предпринять такое путешествіе, которое могло быть послѣднимъ въ его жизни. Но на сей разъ довольно привести и то одно обстоятельство, что на соборѣ имѣла быть осуждена моноелитская ересь, и слѣд., *impliciter* ἐκθεσις и τύπος τῆς πίσταως; очевидно, что въ такомъ случаѣ и одно отсутствіе его на соборѣ могло служить ему огражденіемъ отъ всякихъ сомнѣній въ его православіи.

Здѣсь-то и открывается объясненіе того, что съ перваго взгляда кажется необъяснимымъ, а именно, почему архіепископъ кантербурійскій напелъ нужнымъ созвать соборъ въ Англіи, и открыто показать православіе англійской церкви по дѣлу, которое такъ мало, въ собственномъ смыслѣ, имѣло отношенія къ ея потребностямъ и вопросамъ. Теодоръ съ особенною тщательностію предалъ письменно все то, что было опредѣлено на этомъ соборѣ, зная напередъ, что въ вслѣдствіе его обращенія съ Вилеридомъ и отказа его присутствовать на константинопольскомъ соборѣ, все будетъ донесено къ-мъ-либо въ Римъ. Дѣйствительно, такъ и было: въ Англію пріѣхалъ нѣкто Іоаннъ, пѣвецъ и учитель пѣнія въ церкви св. Петра, по приглашенію Бенедикта, который ввелъ въ своемъ монастырѣ римскую литургію, вмѣсто галликанской, доселѣ еще преобладавшей на сѣверѣ Англіи, и нуждался слѣд. въ человѣкѣ, знакомомъ съ образомъ совершенія ея въ самомъ Римѣ. Такъ или иначе, только подъ этимъ предлогомъ, Іоаннъ пѣвецъ и учитель пѣнія долженъ былъ слѣдить не столько за пѣніемъ, сколько за духовнымъ настроеніемъ англійской церкви.

Такъ какъ дѣянія этого собора преданы письмени по повелѣнію самаго архіепископа, именно въ 680 г., то документъ, въ которомъ онѣ записаны, и который переписанъ Бедой, для насъ имѣетъ теперь особенную важность. Онъ показываетъ, что въ то время считали существеннымъ въ дѣлѣ христіанской вѣры, и потому-то мы передаемъ его читателю.

«Во имя Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, въ десятое лѣто царствованія нашего благочестивѣшаго государя, Esgfrid'a, короля нортумбрійцевъ, въ пятнадцатый день октябрьскихъ календъ (17 сентября), въ осьмый нидиктъ; и въ шестое лѣто царствованія Aedilred'a, короля Мерсievъ; въ семнадцатое лѣто царствованія Alðnulf'a, короля восточныхъ Англовъ; — Ѳеодоръ, милостію Божіею, архіепископъ острова Британніи и города Кантербури, и другіе достопочтенные епископы острова Британніи, заседавшіе со мною вмѣстѣ, называемомъ по саксонски *Haethfelth*, предъ лицомъ святаго евангелія, предлежавшаго намъ, мы совѣщались между собою, и истолковывали истинную и православную вѣру, какъ Господь нашъ Іисусъ во плоти предалъ ее своимъ ученикамъ, которые видѣли Его тѣлесно и слышали Его слова, и какъ она предана въ символъ вѣры святыхъ отцевъ, всѣми святыми и вселенскими соборами, и согласіемъ всѣхъ доброхвальныхъ учителей вселенской Церкви; и, благоговѣнно и православно слѣдуя имъ, и, согласно съ ними, принимая ихъ богодухновенное ученіе, вѣруемъ и, вмѣстѣ съ святыми отцами, твердо исповѣдуемъ, въ собственномъ и истинномъ смыслѣ, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу Единосущную въ Единствѣ, и Единицу въ Троицѣ, то есть, единого Бога въ трехъ единосущныхъ Лицахъ, равной славы и почести“.

„И еще, послѣ многихъ другихъ выраженій, относящихся къ исповѣданію истинной Вѣры, нащъ соборъ прибавилъ слѣдующее: — Мы приняли пять святыхъ и вселенскихъ соборовъ богоугодныхъ нашихъ отцевъ, то есть, соборъ 318 епископовъ, которые собирались въ Никеѣ, противъ нечестивѣйшаго Арія и его ученія; соборъ въ Константинополѣ 150 епископовъ, которые собирались противъ безумныхъ Македонія и Евдоксія и ихъ ученія; соборъ 200 епископовъ въ Ефесѣ, которые собирались противъ злочестивѣйшаго Несторія и его ученія; соборъ 630 епископовъ въ Халкидонѣ, которые собирались противъ Евтихія и Несторія и ихъ ученія, и пятый соборъ опять въ Константинополѣ, въ царствованіе Юстиніана Младшаго, противу Θεодора и сочиненій Θεодорита и Ивы на Кирилла.“ (Bede, IV. 17).

II. Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію другаго великаго дѣла, совершеннаго Θεодоромъ, каково—основаніе имъ въ Англіи разныхъ училищъ. На этотъ пунктъ онъ обратилъ свое вниманіе тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Англію. Взявши во владѣніе монастырь Августина, онъ обратилъ его въ тоже время въ извѣстнаго рода училище. Адрианъ цѣлые два года задержанъ былъ во Франціи; и такъ, чтобы не произошло замедленія въ распространеніи ученія, архіепископъ убѣдилъ Венидикта Бископа отложить его путешествіе на сѣверъ, и взять *ad interim* начальство надъ этимъ новымъ университетомъ.

Въ Адрианѣ Θεодоръ нашелъ себѣ умнаго и дѣятельнаго помощника. У Вильяма Малмесбурійскаго онъ называется „источникомъ *litterarum* и рѣкою *artium*“ (Biedt. Brit. Lit. i. 31). Оба эти великіе человека поняли хорошо, какъ важно образовать ученое духо-

венство; они смотрѣли на цивилизацію, какъ на рабство христіанства, и ученіе считали сѣменемъ цивилизаціи. Въ англійскомъ народѣ они нашли полную готовность учиться и пріобрѣтать разныя свѣдѣнія. И такъ они собрали вокругъ себя толпу учениковъ, и, какъ говоритъ Беда, каждый день проливались отъ нихъ потоки свѣдѣній въ сердца ихъ слушателей. При ихъ вліяніи, всѣ наиболѣе пространныя и наиболѣе замѣчательныя монастыри были обращаемы въ школы для ученья, въ которыхъ и свѣтскіе и духовные впитывали въ себя уваженіе къ литературѣ, а во многихъ случаяхъ и любовь къ ней. Даже женскіе монастыри были обращаемы въ разсадники ученья, такъ что, въ слѣдующемъ за тѣмъ поколѣніи, аббатисса Гильделида и ея инокини въ состояніи были отличать грецизмы Алдгельма въ его латинскомъ трактатѣ, „De Laudibus Virginitatis“, написанномъ нарочито для нихъ, и въ ихъ назиданіе. Во время Беды, какъ самъ историкъ говоритъ о томъ, были такіе ученики у Θεодора и Адриана, которые знали также хорошо греческій и латинскій языки, какъ свой собственный (Bede, IV. 2). Тогда какъ литература почти угасла, или угасала во Франціи, Алкуинъ могъ хвалиться и учеными и библіотеками Англій. Переписчики въ этихъ англійскихъ школахъ такъ были неутомимы, что самъ Карлъ просилъ себѣ ихъ содѣйствія, когда рѣшился возстановить литературу въ Галліи. (Alc. op. i. 52, 53).

О библіотекѣ кантербурійской, принадлежащей монастырю Августина, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія (см. History of S. Augustine's monastery, by Thomas of Elmham).

„Одна изъ наиболѣе важныхъ книгъ въ библіотекѣ—

Григоріева біблія въ двухъ томахъ, на первомъ изъ которыхъ, на заглавномъ листѣ, значится слѣдующая рубрика: „De Capitulis Libri Geneseos“; второй томъ начинается прологомъ, или, какъ тамъ сказано, „Prologus beati Ieronimi super Ezaiam prophetam“. Въ началѣ этихъ томовъ вставлены разные листы,—иные пурпуроваго цвѣта, другіе розоваго; а нѣкоторые изъ нихъ, при свѣтѣ, дѣлають дивное отраженіе.

Въ той же бібліотекѣ есть „Псалтырь Августина“, присланная ему Григоріемъ, въ началѣ которой помѣщены благоговѣйныя „meditationes“, съ примѣчаніями на четырехъ листахъ; слѣдующій же пятый начинается такъ: „Omnis Scriptura divinitus inspirata“; на другой сторонѣ его помѣщены—Апостольскій символъ вѣры, молитва Господня, Слава въ вышнихъ Богу, и Святъ, святъ, святъ, и пр. Шестымъ листомъ начинается Псалтырь и оканчивается Гимнами на день и ночь. За этими гимнами слѣдуютъ еще и другіе, а именно—на дни Св. Четырдесятницы, на Воскресные дни, на день Рождества Христова, на день св. Пасхи, на день св. Апостола Петра и Павла, и на день Св. Евангелиста Іоанна.

„Въ ризницѣ есть еще текстъ евангельскій, въ началѣ котораго помѣщены десять каноновъ. Онъ также называется текстомъ св. Милдредъ, потому что кто-то изъ жившихъ на островѣ *Thanet* (1) должно повялся предъ симъ Евангелиемъ и, говоря, потарялъ вожорѣ послѣ того зрѣніе.

— „Есть еще другая псалтырь, лежащая на престолѣ, на внѣшней сторонѣ которой находится изображеніе Спасителя, съ четырьмя Евангелистами. Первый листъ

(1) Тамъ называлась приморская часть графства Кентскаго.

этой псалтыри начинается словами — „всякое Писаніе Богодуховенно“; третій начинается „Посланиемъ Папы Дамаза къ Иерониму,“ оканчивающимся стихами Дамаза, — и посланиемъ Иеронима къ Дамазу; на четвертомъ листѣ говорится о происхожденіи псалмовъ; за тѣмъ слѣдуетъ самая псалтырь, раздѣленная на пять книгъ. На пятомъ листѣ псалтыри помѣщены объясненія слова Аллилуія, согласно съ толкованіемъ евреевъ, халдеевъ, сиріанъ и латинянъ; и слова „Слава“, и толкованіе 119-го псалма. На шестомъ листѣ обозначенъ „порядокъ псалмовъ“, по Иерониму, по латинскому алфавиту, а на 7-мъ по алфавиту еврейскому. 8-й, 9-й и 10-й листы заняты „толкованіемъ псалмовъ“; на 11-мъ начинается „текстъ псалмовъ“, съ изображеніемъ Самуила, а въ концѣ псалтыри помѣщены гимны вечерніе и утренніе, совершенно въ томъ же видѣ, какъ и въ другой вышеприведенной псалтыри.

„Въ библиотекѣ есть еще другой текстъ евангелій, въ которомъ въ началѣ приложены десять каноновъ, съ прологомъ, начинающимся такъ: „Прологъ каноновъ.“ На престоѣ же хранится книга съ серебрянымъ изображеніемъ Христа, благословляющаго правою рукою; кроме того въ ней имѣются изображенія апостоловъ Петра и Павла въ торжествѣ ихъ надъ Симономъ волхвомъ и ихъ страданій; изображеніе страданій Св. Андрея Апостола; Св. Іудова, Св. Фомы Апостола, Св. Варфоломея Апостола, св. Матвея Апостола и Евангелиста, Апостоловъ св. Симона и св. Іуды, и жизнь Св. Іоанна, Апостола и Евангелиста.

„Такъ же томъ же алтарѣ есть другая книга, съ изображеніемъ лучей Божія величія, въ серебряномъ — позолоченомъ перендетѣ, съ престолами и бериллами

по бокамъ; въ ней заключается „Исторія страданій святыхъ“, начинающаяся съ св. Аполлинарія и оканчивающаяся страданіемъ св. мучениковъ Симплиція, Фастина и Беатрисы.

„На томъ же алтарѣ хранится далѣе книга, на покрышиѣ которой, и именно въ срединахъ, виднѣется большой бериллъ, съ кристаллами со всѣхъ сторонъ; въ ней заключается толкованіе Посланій и Евангелій, читаемыхъ въ четвертое воскресенье послѣ октавъ пасхальныхъ до четвертаго воскресенья послѣ октавъ пятидесятницы. Таковы начатки книгъ всей англиканской Церкви.“ (Hist Monasterii S. Augustini Cant. p. 36).

Всѣ эти манускрипты давно уже утратились, за исключеніемъ двухъ. Это два рукописныя Евангелія: ихъ доселѣ показываютъ въ Кембриджѣ, въ коллегіи *Congregatio Christi*, и въ Бодлеянской библиотекѣ, въ Оксфордѣ.

III. Теодору, какъ писателю, также должно дать высшее мѣсто. Его *Penitentiale* есть дивное твореніе. Не вѣрно то, какъ нѣкоторые утверждали, будто это первое сочиненіе въ этомъ родѣ; ибо онъ не могъ не знать подобнаго сочиненія Іоанна Пестника, противника Григоріева. Но вѣрно то, что его сочиненіе, какъ первое въ этомъ родѣ, было издано съ разрѣшенія Западной Церкви; „Теодоръ такъ хорошо написалъ его, что оно сдѣлалось основаніемъ, на которомъ держались и всѣ другія „*libelli poenitentiales*“, въ родѣ тѣхъ напр., которые были изданы Безою и Егбертомъ. Система, усвоенная Теодоромъ въ этомъ сочиненіи, въ слѣдствіе личнаго его вліянія, долго оставалась въ Англіи, не будучи извѣстною въ другихъ частяхъ Европы.

Отсутствіе въ тѣ времена являлось столь же ча-

сто, какъ и внезапно; за нимъ точно также слѣдовало и раскаяніе: за раскаяніемъ—новое обращеніе, и обращеніе не рѣдко энтузіастическое. Когда люди воспитывались, какъ то было съ язычниками тѣхъ времянь, безъ всякаго нравственнаго стѣсненія, безъ сопротивленія поддаваясь всякой страсти, иногда романтической, а иногда жестокой, дѣйствительно, должно быть—необыкновенно трудно было покорять ихъ уставамъ Вѣры и приучать ихъ къ разумному и послѣдовательному соблюденію великихъ началъ Евангелія. Тутъ происходила постоянная смѣна грѣха и покаянія, покаянія и грѣха. Что же было дѣлать? Ужели грѣшнику отказать въ прощениіи навсегда? Ужели кающагося навсегда отвергнуть? Если же нѣтъ, то какъ позволить ему оставаться въ этомъ постоянномъ противорѣчьи самому себѣ, и постоянно причинять соблазнъ исповѣдуемой имъ христіанской вѣрѣ? Таковы были практическіе вопросы, которые представлялись правителямъ церкви, долженствовавшимъ бдѣть за душами ввѣренной имъ паствы; и эту—то трудность Феодоръ рѣшился побѣдить или облегчить, согласно съ требованіями своего вѣка, своею книгою о покаяніи. Въ гражданскихъ дѣлахъ человѣкъ не за всякое преступленіе отрѣшался отъ общества; тѣмъ не менѣе, однакожь, за всякое преступленіе долженъ былъ нести то или другое наказаніе. И это-то начало, уже введенное въ государство, Феодоръ ввелъ и въ свою систему со всею возможною строгостію, въ своемъ сочиненіи.

Легко понять, почему и какъ эта система могла быть извращена, и могла послужить поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ.

Ктою еще, въ судебномъ отношеніи, саксоны бы-

ли причены къ разнымъ денежнымъ штрафамъ, такъ что уплатою известной суммы денегъ тому лицу; которое пострадало отъ обмана или злодѣйства, или родственникамъ того лица, которое напр. лишено было жизни, воръ или убійца могли спастись отъ наказанія. Саксонскіе законы чуть ли не всѣ держатся на этомъ основаніи. Въ нихъ можно найти законную оцѣнку всякаго человѣка, сообразно съ его положеніемъ въ жизни. Эту-то систему Теодоръ, къ несчастію, приложилъ къ дѣламъ духовнымъ, — и, въ слѣдствіе крайней строгости его кодекса, она тотчасъ же приводима была въ исполненіе. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ неровнаго Дракона. За лжесвидѣтельство опредѣлялось пятилѣтнее покаяніе; за принятіе украденныхъ вещей, или лучше (какъ этотъ родъ кражи всего чаще встрѣчался) за принятіе украденнаго мяса опредѣлялось двухлѣтнее воздержаніе отъ мясной пищи; завистливый человѣкъ осуждался на трехлѣтнее покаяніе, на хлѣбъ и водѣ.

Смягченіе этихъ наказаній скоро оказалось дѣломъ необходимости; и, такъ какъ денежные штрафы были допущены, замѣна покаянія денежнымъ штрафомъ, вмѣсто исключенія, сдѣлалась правиломъ. Сначала дѣло шло хорошо. Казуисты, основываясь на текстѣ Дан. IV: 24, „грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ“, позволяли покупать облегченіе отъ наказаній, слѣдующихъ за преступленія, милостынями и разными благотворительными и богоугодными пожертвованіями. Такъ обр. этими суммами облегчалось положеніе вдовъ и сиротъ, и вообще положеніе бѣдныхъ; исправлялись дороги, строились мосты; искупались отъ неволи рабы; устраивались жилища; ба-

ни и постели для больныхъ, обогащались церкви и учреждались Богоугодныя дома. Но скоро за то открылось и злоупотребленіе этой системы, основанной на невѣрномъ началѣ: скоро открылись повсюду всякаго рода поблажки и послабленія.

Съ другой же стороны какъ и ожидать, чтобы человѣкъ могъ предвидѣть всѣ пагубныя слѣдствія той или другой мѣры, того или другаго врачевства, которое онъ придумаетъ для устраненія существующаго зла? Ужели винить врача за то, что больной его, котораго онъ, въ минуту кризиса его болѣзни, спасъ отъ смерти извѣстнымъ приѣмомъ лавдана, по выздоровленіи своемъ пристрастится къ употребленію опиума? Всего лучше намъ надо помнить то, что въ свою череду повсюду открывающеся нынѣ пренебреженіе церковной дисциплины можетъ имѣть еще болѣе пагубныя слѣдствія, можетъ кончиться пренебреженіемъ всякаго закона; и слѣд. еще разъ можетъ повергнуть общество въ состояніе дикаго беззачалія. Во всякомъ случаѣ не будемъ строго судить нашихъ предковъ, чтобы самимъ не подвергнуться суду и осужденію потомства. Въ дѣтвѣ же судомъ и насъ тогда будутъ судить.

Помрище осьмидесятилѣтняго старца приходило въ концу, и большая часть преднамѣреній и предприятий Θεодора приходили, на его главахъ, въ исполненіе. Власть кантербурійскаго архіепископа повсюду признана; епархія, не въ мѣру увеличившіяся, раздѣлены; приходы устроены; парохіальныя церкви обнесены; нравственная дисциплина утверждена; и для ученыхъ положены широкія основанія. Беда, почти современникъ, такъ описываетъ тогдашнее состояніе страны: „Болѣе счастливыхъ временъ не бывало съ тѣхъ поръ;

какъ англы пришли въ Британію; ибо короли ихъ были храбрые люди и добрые христіане; и, тогда какъ, отъ страха оружія, варвары не смѣли болѣе являться, въ предѣлахъ государства народъ болѣе и болѣе располагался къ радостямъ царства небеснаго, которое только что открыто было для его вѣрующей души; всякой, кто только желалъ поучаться во святомъ Писаніи, безъ труда находилъ себѣ учителей“. (Bede, IV, 2).

До смерти своей, Θεодоръ пожелалъ примириться съ Вилфридомъ. Партизаны Вилфрида не знали мѣры своимъ укорианамъ, которыми они осыпали архіепископа. Они говорили о немъ, какъ о схизматикѣ. Они сравнивали его съ Валаамомъ, намекая тѣмъ, что, какъ Валаамъ принялъ дары отъ Валака, такъ и Θεодоръ былъ подкупленъ Екгоридомъ для низложенія епископа Вилфрида (Edduis, 24). Были и другія стольже обидныя выраженія въ ходу; но какъ Θεодора никагія угрозы не могли отклонить отъ прямого пути долга, такъ и никагія обиды не могли подавить въ немъ христіанской любви, которою двигалось его сердце. Вилфридъ, подъ гнетомъ вѣщней скорби и лишеній, въ болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ продолжалъ свою обычную дѣятельность. По низложеніи своемъ и по изгнаніи изъ Нортумбріи, онъ всю дѣятельность свою обратилъ на просвѣщеніе свѣтомъ христіанства Суссекса, единственнаго королевства изъ всей гептархіи, которое держалось еще своего язычества. Графство это, равнины котораго служатъ теперь роскошными пастбищами, а поляны красуются хлѣбомъ, во дни Θεодора было почти неприсутственною страдою; но что было препятствіемъ для другихъ, то въ Вилфридѣ вызывало только новую ревность къ труду. Онъ успѣлъ не только обратить, но и

отчасти образовать своих новообращенныхъ, и такъ обр. онъ самъ собою, въ изгнаніи своемъ, сдѣлался архипастыремъ ново-соединенной имъ паствы.

Такой человекъ не могъ на заслужить уваженія архіепископа, каковы ни были прежде его ошибки и неправильности въ поведеніи: наконецъ, при посредствѣ Ерксивильда, лондонскаго епископа, устроено было свиданіе между этими двумя епископами.

Сторонники Вилфрида, которымъ однакожь нельзя много вѣрить, утверждали, будто архіепископъ имѣлъ въ виду, при этомъ свиданіи, повиниться въ своемъ прежнемъ обращеніи съ Вилфридомъ, и испросить у него прощеніе, которое, судя по ихъ словамъ, будто бы съ трудомъ было получено. Но если бы такова была дѣйствительно цѣль архіепископа, то надежало бы заключить, что онъ, будучи теперь почти девяноста лѣтъ, выжилъ, по просту говоря, изъ ума, ибо на самомъ дѣлѣ ему не въ чемъ было раскаиваться. Что онъ сдѣлалъ, то онъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, долженъ бы былъ опять сдѣлать; въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы тѣмъ твердымъ и праведнымъ правителемъ Церкви, какимъ онъ былъ, если судить о немъ по всѣмъ его прежнимъ дѣйствіямъ. Партизаны эти также говорятъ, будто другою цѣлю архіепископа было убѣдить Вилфрида сдѣлаться его преемникомъ на кантербурійской кафедрѣ; но этому предположенію противорѣчить тотъ простой фактъ, что Вилфридъ не сдѣлался кантербурійскимъ архіепископомъ (Edduis, 42).

Феодоръ былъ епископомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ Августинъ, и, имѣя передъ собою примѣръ Августина, безъ сомнѣнія избралъ бы Вилфрида своимъ преемникомъ, и тотчасъ же назначилъ бы его своимъ сотруд-

никомъ, если бы онъ думалъ, что Вилфридъ благопо-
требенъ былъ для того поста, для котораго требова-
лась не только энергія Вилфридова, но еще больше
здоровое разсужденіе, котораго такъ явно недоставало
ему. Желаніе Θεодора было бы закономъ для короля.
Слѣдствіемъ этого свиданія, на самомъ дѣлѣ, было
возстановленіе Вилфрида на престолѣ Іоркскій, и мы
имѣемъ причину думать, то было сдѣлано по ходатай-
ству Θεодора. Вовсе не имѣя ни малѣйшаго раскаянія
въ своемъ мудрошъ и твердошъ поведеніи, въ ту пору,
когда Вилфридъ упорствовалъ и, по упорству своему,
обращался съ аппелляціей въ чужому двору на рѣшеніе
англійскаго собора, Θεодоръ могъ думать, что нака-
заніе, (хотя заслуженное), человека, который, среди
всѣхъ лишеній, продолжалъ свою дѣятельность такъ
благородно и съ такими самопожертвованіями, безъ на-
рушенія справедливости, можетъ быть отъбѣнено и смѣ-
нено милостію, и что слѣд. епископъ сельсейскій, какъ
называлась тогда эта область, заслуживалъ быть воз-
становленымъ въ званіе епископа іоркскаго.

Θеодоръ умеръ 19-го сентября 690 года, и погребенъ
подлѣ своихъ предшественниковъ въ притворѣ церкви
Августина.

Саксонская хроника относитъ кончину его къ 690
году, съ слѣд. краткимъ замѣчаніемъ: „Доселѣ епис-
копы были римлянами; съ сего же времени они были
англійскими епископами;“ другими словами: этотъ ве-
ликій мужъ то, что было доселѣ миссіонерскою станціей
(station), обратилъ въ благо учрежденную церковь.

С. Уніятскій чинъ служенія Божественной литур- гїи чтемоу.

Мы попросимъ своихъ читателей перенестись на вре-
мя въ уніятскую церковь. Представимъ себѣ эту цер-
ковь безъ иконостаса, наполненную скамьями, съ пре-
столомъ у стѣнъ (1); на которомъ уніятскій священникъ
совершаетъ шепотомъ литургію, только что изложен-
ную нами въ предъидущей статьѣ. Эти сложенія и раз-
ложенія рукъ, эти козѣнопреклоненія, сложенія паль-
цевъ, причащеніе на престолѣ съ разнаго рода подло-
женіемъ дискаса и т. п., все это по необходимости на-
помнимъ вамъ римско-католическую обѣдню. А на пер-
выхъ порахъ, пожалуй вы и не различите, что это слу-
жить, литургію ли православную или миссу латинскую?
Но для уніятвъ казалось недостаточнo служить тай-
ную обѣдню по тѣмъ правиламъ, какія положили они
для своей обѣдни гласной или *спѣвальной*, какъ сами они
ее называютъ. Тамъ многого еще нельзя было вставить
изъ миссала латинскаго. Потому они остановили свое
вниманіе на литургіи чтемоу (*сісћа мѕза*) и подѣ влія-

(1) Какъ и въ настоящее время устроются уніятскія церкви не толь-
ко за границей, но и у насъ въ царствѣ польскомъ.

ніемъ своихъ наставниковъ іезуитовъ окончательно перетворили ее на ладъ католическій,—перенесли сюда изъ послѣдней все, чего нельзя было внести на литургіи гласной, до самыхъ мельчайшихъ подробностей миссала латинскаго.

Очень интересны тѣ возрѣнія, какія имѣютъ уніаты на эту литургію особенно въ своихъ катихизисахъ. Въ Народовѣщаніи (глава 7-я, поученіе о пресвятой литургіи), есть вопросъ: „что разумѣти о литургіи спѣванной и чтемой“—и на этотъ вопросъ Народовѣщаніе отвѣчаетъ: „многими лѣти по Христовомъ Вознесеніи, на востоцѣ и западѣ, всегда спѣвана тождо бывающа литургія, но понеже вѣщии отъ *вельможъ* стужаху и до конца литургіи не терпяще отхождаху безъ благословенія, тѣхъ убо ради попусти Св. Мати Церковь литургіямъ читанымъ бывати (Сиде Св. Августинъ у Барон, на дѣто Христово 518)“ (1). Также точно объясняется въ этомъ случаѣ и словъ *Carituly Chelmskiau*.—Предоставляемъ самымъ читателямъ судить о той чадонѣоудолливости, въ силу которой мати церковь римская, а вслѣдъ за нею и уніаты ввели у себя литургію читаную. „Но читана литургія,“ опять спрашиваемъ словами уніатскихъ катихизисовъ, „чи тава есть важна какъ и спѣвана?“ „Що до самой жертвы, говоритъ Народовѣщаніе, одинаково важная и читаная, тилько хіба (развѣ) ради большой працы (труда) и дожжайшаго часу на хвалѣ Божой дануреннаго усугубити можетъ заслугу спѣвана. Прочее же составляющихъ свой разумъ и глаголющихъ всячески богугодиѣ праваемой паче, неже чтемой, бивати литургіи, довлѣеть вопросити: не суть ли изыщ-

(1) Народ. стран. 314.

нѣйша и дѣйствительнѣйша къ приношенію жертвы та, яже отъ самаго іерея въ тай чтутся, паче поемыхъ отъ діакона, отъ него же ничтоже болѣе слышати есть, развѣ повелѣнія, да предстоящіи прилежнѣе молятся о различныхъ вещахъ же и потребахъ, которая повелѣнія не могутъ ни чѣмъ быти іереемъ во услышаніе всѣмъ: Егда ли Богъ нашъ Ваалъ есть, емуже бы жрущихъ подущати требѣ словеса Іліи пророка: *Зовите масамъ великимъ, яко не праздноство есть богу вашему, и нели что ино строить, или спитъ.* 3 Царствъ глава 51. стихъ 27. (1).⁴

Это уже верхъ уніятской казуистики, которую стоить только прочитати, чтобы понять ея несостоятельность! Но еще оригинальнѣе объясняется въ этомъ случаѣ извѣстный Кассіанъ Саковичъ въ своей перспективѣ. Мы воспользуемся нѣсколькими отрывками изъ Лиѳоса, изъ которыхъ узнаемъ и воззрѣнія Саковича, и тѣ опроверженія, какія на нихъ дѣлаетъ авторъ Лиѳоса, какъ мы уже сказали, Петръ Могила.

„Ты говоришь, пишетъ Могила, что это благочестивый обычай совершать литургію читанную. Отвѣчаю. Что мнѣ за благочестіе, для распутныхъ нѣженоекъ и италіанскихъ волокитъ (*piewiescinczow*), — божественную службу, которая должна быть совершаема съ великимъ уваженіемъ, сокращать, и такъ сказать, стоя на одной ногѣ, совершать.“

„Говоришь, что во время гоненій трудно было совершать гласную обѣдню.—А я говорю, что то, что совершалось во время гоненій, совершалось по необходимости, ибо иначе трудно было; а теперъ, когда по милости Божіей

(1) Народовѣд. стр. 114, 115.

преслѣдованій никакихъ не существуетъ, зачѣмъ это совершать такъ? Въ заключеніяхъ страждущіе святыя священники совершали божественную службу вмѣсто престола и на собственныхъ персяхъ, какъ читаемъ о св. Лукіанѣ, но если бы теперь ты захотѣлъ, милый Бартошу (ироническое выраженіе) такъ служить, вѣрно бы тебя сочли или за сумасшедшаго, или за ругателя таинъ Господнихъ и палкою изъ церкви выгналибъ.“

„Говоришь, что и Господь Иисусъ Спаситель нашъ и Апостолы таковую читанную службу совершали. Отвѣчаю.—Въ Евангеліи нѣтъ описанія всего способа службы Господней, которую Господь совершалъ на Тайной Своей Вечери, кромѣ одного освященія, раздаванія и потребленія. Но и эта Вечеря Господня не безъ пѣнія кончилась; какъ говоритъ святой евангелистъ Маркъ въ главѣ XIV своего Евангелія,—что подавши Апостоламъ чашу и сказавши: сіе есть тѣло Мое, и гимнь или пѣснь запѣвши, пошли на гору Елеонскую. Видишь ты, который любишь новости, что при божественной службѣ было не только чтеніе, но и пѣніе, а потому не прежде читанная, но гласная началась служба Божія.— Къ тому же, если Апостолы, будучи въ заключеніи, не боялись совершать молитвы съ пѣніемъ, какъ это дѣлали Павелъ и Силла, молясь отъ полуночи и пѣснями восхваляя Бога,—то тѣмъ болѣе совершая божественную службу. Читай порядокъ и обычаи Апостольскаго совершенія божественной службы, описанные св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, — въ его книгахъ о церковной іерархіи гл. III, стр. 288. Тамъ найдешь, что при божественной службѣ не только читали, но и пѣли.“

„Говоришь, что лучше совершать читанную, нежели гласную обѣдню, указывая въ доказательство на како-

го—то священника, у котораго понадея пѣда вмѣсто дьячка. — Отвѣчаю. — Камъ не основательна повѣсть, такъ и доказательство на ней основанное, — но если гдѣ такъ и было, по нуждѣ и недостатку, то безъ сомнѣнія должно быть у какаго нибудь бѣднаго священника. “

„Говоришь также на стр. 33, что когда св. отецъ патріархъ іерусалимскій Теофанъ рукополагалъ въ Кіевѣ, въ брѣтской церкви, епископовъ и митрополита, то совершалъ литургію не только читанную, но и шептанную (шопотомъ). Отвѣчаю. Это не правда, ибо хотя окна и были забиты для того, дабы народъ, увидѣвши освѣщеніе, не давился въ церковь, однако одинъ изъ пѣвчихъ патріарха, по имени Гавріилъ—іеромонахъ того гдѣль по греческому обычаю.“ (1)

Начинается читанная уніятская литургія, какъ и мисса латинская, тѣмъ (2), что „іерей, по совершеніи просвомодія обычной, возьмъ сосуды, благоговѣнно покрытые, предидущу ему министрѣ си есть служителю съ служебникомъ, идетъ къ олтарю, глаголя втай пс. 50: *Помилуй мя Боже* и проч. Ставъ же предъ олтаремъ, чинно поклонься и приступль ближе къ святой трапезѣ, простираетъ идитонъ посредь олтаря, также поставляетъ на немъ сосуды и покрываетъ я честно. Посемъ поклонься мало, идетъ къ служебнику на десную страну и обрѣтше службу совершится имущую, совокупивъ руцѣ, ставъ посредь св. трапезы, и паки поклонъ сотворше, отходитъ нѣчто отъ олтаря, правымъ бокомъ обращаяся, ставъ же на низшомъ мѣстцу (мѣстѣ) или

(1) Мисс. стр. 89—91.

(2) Заимствуемъ изложеніе этой литургіи изъ особеннаго устава, который въ нѣкоторыхъ уніятскихъ служебникахъ излагается въ концѣ подъ заглавіемъ: „чинъ служенія божественной литургіи чтемой.“

степенн, (1) знаменается глагола втайтъ: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь*. Известно, что этии словами начинается латинская мисса, *Таже: Благословенъ Богъ нашъ всегда нмыль и присно и во вьки аьковъ*. Сопокупивше же руцъ при перьбъхъ глаголетъ: *Царю Небесный Утѣшителю* и проч. Пали же знаменаются глаголетъ: *Слава есъ вышннхъ Богу и на землн мнрѣ, въ небаднхъхъ блаволеннхъ дванды и приступахъ къ самому олтарю* (2) цѣлуеть св. трапезу, глагола: *Господи, устннь мои отсрзени, и уста моя возсѣстятъ гдасу*. Прищедъ же къ десной странѣ, паки знаменаяся, глаголетъ: *Блаюсловено царство Отца и Сына и Св. Духа нмыль и всегда и во вьки...* и держаще при перьбъхъ руцъ совокушени, чететь эктению: *Миромъ Господу помолимся* и проч. ⁴ накъ и на гласной обѣдни до *Единородный Сыне*.

„По прочтенн второй эктени иерей становится посредѣ олтаря, и знаменаяся глаголетъ, совокушени руцъ имѣяе: *Слава и нмыль Единородный Сыне и Слово Божье*“ ⁴ поклонъ при словахъ: „воцдохися отъ Святыя Богородицы.“ По семъ прищедъ паки на правую страну, совокушнвъ руцъ, глаголетъ эктению малую: *Пали и паки и проч.* и по возгласъ молитву Антифона третьяго. *Служащнй* — Антифонъ третій праздника или днени. Сему же чедьому глаголетъ иерей молитву входа. Прилагаеть же въ

(1) Т. е. на низшей ступени ведущей къ престолу, — на каковой обыкновенно начинаютъ свою миссу католическн священники, ad infimum gradum altaris; — разуметься здѣсь, конечно, обыкновенный престолъ, а не золотосый.

(2) Замѣтнвъ выраженн: *олтарь*, которое, какъ буквальный переводъ латинскаго: Altare, тоже значить здѣсь, что и престолъ. У насъ алтаремъ называется то отдѣленн храма, гдѣ находится престолъ и жертвенникъ. Улнати наименованнхъ престола алтаремъ такимъ образомъ совершенно уничтожаютъ это понятн и прямо указываютъ на алтарь латинскн, т. е. престолъ, утверждаемый у стѣны.

разъ (вздѣтъ): *Благодарены еси оуди святыхъ Твоихъ, всагда, и днѣ и присно и во вѣки, аминь...* Промудрость прости, отвѣщающу же служащему: *Придите поклонимся*, и проч. глаголетъ тоже іерей; *придите поклонимся*, По семь чтетъ тропарь и кондакъ съ богородичнымъ праздни- бу, или двои. Также молитву трирчатого пѣнія и проч. Старе же посредь олтаря, глаголетъ двогдасъ: „*Иже селѣ еси, Боже наша*“ и знаменаетъ народъ, кады и на обѣдн гласной: „*обращаяся правымъ бокомъ людемъ рущѣ, распростирая плечелетъ; нмь и всагда и во вѣки аминь, колъ*“. Отвѣщающу же служащему: *Аминь* и глаголющу: *Святый Боже, Сильный, Крѣпкій* и проч. Также іерей об- рацца къ олтарю, стоя посреди олтаря знаменующесе глаголетъ: *Святый Боже, Св. Крѣпкій*... Также отхо- дя ко десной, странѣ глаголетъ: „*Благодарены прудыи еси имя Господне, благодарены еси на престоль славы...*“ Та- жь: *Возмездъ, миръ есьмъ, премудрость возмездъ*, отвѣ- щавшу же служителю: *и со Духомъ твоимъ*, глаголетъ іерей проиментъ празднику или двои, служащій двоиже де, итеть то же проиментъ трижды; по семь іерей гдасъ: *премудрость отъ имя река чтаніе* и: чтетъ Апостолъ на- стоящему, празднику или двои, По скончани же апосто- ла, глаголетъ іерей: *Миръ ти премудрость возмездъ* и от- вѣщающу служащему: *Аминь* трижды, глаголетъ іе- рей стихъ, по апостолъ томъ приличней. Старе же посре- ди олтаря, и преклонъ главу, рущѣ совокупленны по- ложни на край олтаря, глаголетъ втай молитву; предъ Евангелиемъ: *васильи въ сердцахъ нашихъ и проч.* Служа- щій же въ то время переноситъ служебникъ на лѣвую сторону олтаря.

„Тогда пришедъ Іерей къ лѣвой странѣ, знаменаяся глаголетъ: *премудрость прости*... И отвѣщающу, слу-

машину: *Глагола тебѣ, Господи, Терей* совокупль руцѣ чтець Евангеліе настоящему празднику или днви. По скончаніи Евангелія, цѣловать е, совокуплены и муще руцѣ при перовѣ, глаголетъ эктвнїа послѣдующїя по Евангеліи,⁴ какъ и на гласной обѣдни:

Такимъ образомъ здѣсь уже все католическое, начинающае отъ равнаго рода переходенїи съ одной стороны престола къ другой, до чтенїа апостола самимъ священникомъ и т. п. Но особенно тутъ обращаетъ на себя вниманіе чтеніе Апостола и Евангелїа на разныхъ концахъ престола; чего мы не видали на литургїи гласной. Это букввальное подраженіе католикамъ, у которыхъ дѣйствительно апостольское чтеніе (epistolae) совершается самими ксендами и притомъ на правой сторонѣ престола, или, какъ выражаются они въ миссалахъ: *in cognu epistolae*: т. е. на сторонѣ посланїи: *Qua dicitur*, продолжаютъ латинскїе служебники, *celebrans si privatim celebrat ipsemet, seu minister portat librum missalis ad alteram* (т. е. на правую) *partem altaris in cognu Evangelii*;—т. е. по прочтенїи посланїа служанды, если служить приватно, самъ, или служитель переноситъ книгу служебника на другую сторону престола т. е. на сторону Евангелїа...⁴ Этого чинъ, какъ мы видали, полагается у унїатовъ на тайной обѣдни.

Глаголющу же служителю, продолжаетъ чинъ литургїи чтешой; Херувимскую пѣнь, іерей ставше по средѣ алтари, руцѣ распростеръ со всеимъ вниманїемъ чтець молитву пѣнїа Херувимскаго: *никтоже достоинъ отъ святцаватися* и проч. Скончавше молитву, знаменався, пакы руцѣ распростеръ, глаголетъ: *иже херувимы тайно образующе* все до конца триады, по послѣднему же: *иже херувимы*, цѣлуеть свитую трапезу гла-

голя: *Возже милостива буди мнѣ истинному; и снмаа аеръ и воздушни маши и звѣду аще будетъ отлага-еть на сторону глаголи: съ мартъ седседмито руки са-ша и проч. Дискосъ же съ Агнецъ иблосъ на чашу подноситъ мале надъ алтарель, правю руюю чину поддерживаю лѣвою руюю глаголетъ: *Святѣйшии ас-ленскоа архіерей и проч. Да поминитъ Господь! Вои во царствѣи своѣи асда и аши...* и знаменашъ октаръ чашею, поставивашъ на кантонъ, и снмаа дискосъ на-лагаешъ на лѣвой странѣ чашн, аще будетъ звѣду, поставитъ ю надъ дискосомъ, также окрываетъ на-дъше воздухомъ чашу, аеръ же полагаешъ на поставлен-ные дары глаголи: *Влагодобразный Исидъ и проч. По-семъ рудъ совокуплены положивши на край члтари глаголетъ: *ублажи Господа и проч.* хашъ и на глас-ной обѣди. (1) По скончаніи символа, Іерей воздви-гая аеръ 3-ды глаголетъ: *Святый! Возже и окрываетъ его, словесный отлагаетъ на сторону. По семъ ошній рудъ сконжены при перебѣ глаголетъ: *снмаа добра и пр. и необращаюа въ людемъ глаголетъ: *Влагодати Господа наашо... таже вознесъ висери рудъ и асдъ акупъ же и мыслъ, глаголетъ: *зрѣ шллама сердца и т. д.* весь канонъ до конца надъ на обѣди глас-ной. Только здѣсь подробнѣе означаютъ некоторые приемы, какіе долженъ соблюдать священникъ при чте-ніи той или другой молитвы. Такъ объ освященіи тѣ-ла Христова дѣлается замѣчаніе: *вакото нѣтъ молитва-ной обѣди, что священникъ при произнесеніи словъ******

(1) За снмъ слѣдуетъ призываніе. „Зри Іереху да не дерзнешъ во время сидѣваго приношенія на чтемой Литургіи обращатися къ людемъ чашею. Также разумѣти имаша егда случится поемой быти Литургіи на единомъ комъ алтарю безъ жертвенника и переносу.

Христовыхъ: примите, ядите... дощечъ, какъ и католическій священникъ, держать дощечку съ аглицкимъ въ лѣвой рукѣ (1). Такимъ же точно образомъ полагая, опредѣляется образъ поклоненія, какой долженъ совершать священникъ предъ освященными дарами. „Отъидавшу же слушати, — по произнесеніи словъ Христовыхъ: *амма*. Церквей поклоняе дощечку на своемъ мѣстѣ: низко подклоняетъ Са. Тѣлу Христову, придерживаясь обѣими руками: старая, десною же другою ничто: колѣно преклоняюще,“ какъ это всегда дѣлаютъ католическіе священники, когда поклоняются тайнамъ Святымъ. У насъ чаще и дощечку поставляютъ на престолѣ рядомъ. Чинъ Литургій, чтеной велитъ поставять „чашу визще; (лице); дощечку же напередъ (спереди) чаша,“ какъ это дѣлаютъ католики на своей обѣднѣ съ гостіей послѣ освященія (2) и вообще на цѣлой обѣднѣ съ гостіями, приготовляемыми для причастниковъ. Кроме этого въ нѣкоторыхъ своихъ, букваряхъ поманские базиліане на войдѣ предлагаютъ небольшую статью: подъ заглавіемъ „служеніа до службы: Божіа, иномы дѣтемъ младымъ благотребнымъ.“ Въ этомъ, какъ называютъ уніятъ, „ручаша“, излагаются нѣкоторыя приемы, какіе должны наблюдать у уніятъ лица сослужащія священнику при тайной обѣднѣ, которые, какъ и у католиковъ, обыкновенно забираются изъ дѣтей. Нового здѣсь, кромѣ положеннаго въ излагаемой нами чинѣ, служенія литургій, чтеной, ничего нѣтъ. Только во время канона, на произнесеніи словъ: *побѣднито еванге поуще...* дѣлается замѣчаніе: „Здѣ приими двонокъ (колокольчикъ) и егда

(1) Держа обѣими руками гостію между большими и указательными пальцами.

(2) О Богослуженіи Зап. Церквей, Статя. 4 стр. 97.

будетъ глаголати іерей, *поблдию*, ты давои трижды и глаголи: *Святъ, Святъ, Святъ* и т. д. и тогда іерей благословитъ хлѣбъ, положенный на паникалъ (дискосъ) ты давои одинъ разъ... Иногда іерей благословитъ чашку, ты давои такожде разъ и т. д. даже, — постановленія, которыя буквально взяты какъ иносказовъ: латиници, и безъ сомнѣнія введены для совершенія чинаго уцелобленія уніатской литургіи; мисѣ.

Томе самое надобно сказать и о слѣдующей за чинъ чавки читанной уніатской литургіи: мисѣ: канона. По прианесеніи *во верыза поминъ*, — при словахъ: *и да будутъ милости великіи Божіи и Спаси...* уніатскій священникъ, совершающій эту литургію, до самой молитвы: *Господней* не обращается уже ниразу къ людямъ, потому что такого обращенія до молитвы: *Господней* не полагается поелъ канона у: *набожнень*, — и тако ничтоже отступая отъ предъ олтаря, рупъ: *кряса* собою кушени, глаголетъ: *вненикоуося салрия поминувше*.

Точно такимъ же образомъ, для большаго соответствія католикамъ при произнесеніи словъ: *Валтаа Салриамъ*, на чинѣ обидни, вмѣсто: *обычнаго* у насъ небольшого поднятія св. Агнца, уніаты полагаютъ вознесеніе: онаго „надъ свитую чашу“ и тако вознеса св. Агнецъ іерей, по чину: *служенія* литургіи: чинной, *вмемасель* имъ чашу: *врестобразно*, глаголя: *Святая Салриамъ*, какъ это дѣлають ксендзы по освященіи дарога: *предъ* молитвою: *Господнею*: *За тѣмъ* слѣдуетъ: *раздробляне* Агнца, который, какъ мы видѣли, онъ у: *уніатовъ*, она: *гласной* обидни, *паль* и: *у насъ*, *раздробляется* на: *четыре* части. Напротивъ того, по уставу Литургіи чинной, его надобно раздѣлять только на три части, совершая: *какъ это дѣлають* ксендзы съ гостіей.“ И раз-

дробляя св. Агнецъ первѣе на двѣ части; отъ нихъ же одну полагаетъ на дискосъ; таже раздробляетъ другую такожде на двѣ части, глаголюще: *раздробляется и раздѣляется*, и проч. и полагаетъ одну часть на дискосъ, а другую отъ нихъ творитъ крестъ верку съ чашни; глаголи: *исполнитъ зры и проч.* и тако звучитъ отъ зръ св. чашну: „За снѣгъ, какъ и на гласной обѣднѣ, заповѣдуется сложеніе перстевъ. „Тако имѣя персты сложены, терей покрываетъ св. чашну малыми воздухомъ, низко поклоняется, по семь воздвигся, руцѣ имѣя сложены, приложитъ главу, учинивъ *мълчто трипостепеннѣ* къ принятію *Вещественныхъ Тѣлствъ*, таже пани поклоня и воздвигся приеждетъ лѣвою рукою свѣтлый дискосъ, не раздѣляя персты; приложитъ же съ надъ алтаремъ, молитоя со всякимъ благоуміемъ и вниманіемъ, зря на св. тайны, глаголи: *злрую Господи и сподобудю и проч.* какъ и на обѣднѣ гласной. Впрочемъ и тутъ есть своего рода новости латинскія. Такъ о причащеніи изъ чашни въ чашѣ литургіи чтемою зазвучаетъ ся, что священникъ прежде, нежели станетъ принимать кровь Христову, долженъ „нѣчто знаменатися чашею.“ Это переводъ изъ латинскаго служебника, который о причащеніи изъ чашни говоритъ: по очищеніи дискоса, соединивши большіе и указательные пальцы, беретъ правою рукою чашу за рукоятъ, а лѣвою дискосъ, говоря: чашу спасенія... и знамелая себя крестообразно чашею, говоритъ: кровь Господа нашего... и лѣвою рукою подложивши дискосъ подъ чашну, оставши прямо потребляетъ всю кровь съ частицею коловенною въ чашни.

Въ такомъ же духѣ слѣдуетъ за тѣмъ и остальная часть чтемою литургіи до конца. По причащеніи, изъ

чашы (мало какъ замѣчаетъ чинъ) священникъ „покло-
нившись предъ нею (т. е. чашею), воздвигнется, прие-
метъ св. чашу десною рукою, поддерживающею дѣвою,
обращается къ людямъ правымъ бокомъ, глаголетъ: *ко
стражемъ Божиимъ и пр.*... Также благословляя людей
св. чашею глаголетъ: *спаси Боже люди сая и благодати*
и пр. и возвратися цаки къ св. трапезѣ, поставяетъ
чашу на илиторѣ и низко поклонясь глаголетъ: *взнеси
на небеса Боже и по всей земли слава Твоя, трижды*. Та-
же взоидя, снемъ воздушою, приеметъ св. чашу, по
предреченному образу, глаголя: *Благословенъ Богъ нашъ*.
Обращеся къ людямъ благословяетъ ихъ, цаки гла-
голя: *всегда мысл и проч.*...“ Къ этому въ скобкахъ при-
соединяется: „сія благословенія да будутъ не отступающе
ничтоже оу олгара,“ какъ это всегда дѣлается у католи-
ковъ въ это время. (1) „И возвращася цаки до св. трапезѣ,
поставляетъ св. чашу на илиторѣ, и поклоняется низко,
воздвигнется, приеметъ десною рукою св. чашу, под-
лагая дискось, якоже первѣе потребляетъ св. тайны и
преклонъ главу надъ св. олгаремъ, домышляетъ мысло
о тайнахъ Божественныхъ; также подаетъ ничтоже, не
отступаяся, правою рукою чашу къ служащему, о еже
взяти ему вина на очищеніе чаши, и тако приеъмъ къ
себѣ со всакимъ опаствомъ, дабы наименьшая частица
не осталася при чашѣ, поддерживающе дискось по пред-
реченному испиваетъ очищеніе, Посемъ положище дис-
кось, четыре же персты обоею руку положище верху
на чаши или въ чашу, кругими же персты туужде ча-
щу ваяща, приступаетъ къ служащему, и тако виною
и водою надъ св. чашею, предреченныя персты омытъ,

(1) См. о Богослуж. Запади. Церкви Серединск. статья 4, стр. 108—109.

и тѣнѣемъ малымъ отерь, ставъ паки посреди огни
ри, подложивъ малый сорбѣнный илтонецъ подъ ча-
шу, прочее именованъ отъ чаши испиваетъ. Отеръ же
своя уста и чашу со дискомъ тѣмъ же тѣнѣемъ, чиню
по и сохранитъ оставше сосуды мало на страну, со-
гибаетъ первѣе илтонъ великій, тамъ на немъ поста-
вляетъ чашу верху же дискою со свѣздой, покрыва-
етъ и со всѣмъ благоушѣемъ, глаголю въ себѣ тимо:
да исполнятся уста наша хвалети твоею и проч. какъ
это видѣли мы уже при обзорѣни унѣтской литургіи
гласной.

За симъ опять нововведенія латинскія. Когда священ-
никъ читаетъ: *да исполнятся уста наша...* въ то
время, говорить чинъ литургіи чтемой, служителъ пере-
носитъ служебникъ на правую сторону, іерей же сло-
живъ рудъ и поклонясь посреди св. трапезы, идетъ на
правую страну, и держаще рудъ совокунлетъ при
перевѣхъ, глаголетъ: *проста пріемис...* тамъ молитву:
благодаримъ Тя и проч. со возгласомъ. По семъ: *съ мѣ-*
рима изыдема... и молитву заамвонную: "Тѣже самыя
дѣйствія полагаются послѣ причащенія на обѣдни ла-
тинской. По произнесеніи причастнаго антифона ксендзь,
соединивши руки предъ грудью идетъ къ срединѣ пре-
стола и облобызавши его, обращается къ народу "отъ
лѣвой стороны къ правой и говоритъ: *Dominus vobis-*
civit (1), и тѣмъ же путемъ идетъ къ книгѣ, читаетъ
молитву послѣ причащенія, закрываетъ служебникъ, и
произнесши: *ite, missa est*, (2) еще разъ обращается
къ народу, благословляетъ его правою рукою, и со-
вершивши кругъ, обращается къ сторонѣ Евангелія,

(1) Господь съ вами.

(2) Идите, — кончена т. е. литургія.

читаетъ Евангеліе отъ Іоанна, беретъ чашу, взоходитъ на низшую ступень престола и поклонившись, идетъ въ амбонистію, читая въ это время псалмъ трѣхъ ороковъ и антифонъ *благословите*...

Этими же обрядами заканчивается и уніятская литургія читанная. По произнесеніи, говоритъ чинъ этой литургіи, *буди мня Господне* трижды, іерей ставъ на мѣстѣ посреди олтара, руцѣ сложены держа на край св. трапезы, глаголетъ втай: *исполненіе закона* и проч. Посемъ цѣловавъ св. трапезу, обращая въ людемъ и поклонивъ архіереви, аще будетъ въ церкви, благословляетъ людемъ десницею, глаголя: *благословеніе Господне на васъ* и проч. и обращая окрестъ къ олтарию, глаголетъ обычныи отпустъ: *вѣрность, слава Ты Христе упованіе наше* и проч. И тако приемъ сосуды, чинно покровенныи, отступль мало отъ олтара, поклоняется низко и отходитъ во закрестіи (ценомарна и ризница), благодаря Бога, глаголя въ себѣ: *нынѣ отпущаши раба Своего* и проч.

D) Уніятская литургія преждеосвященныхъ даровъ.

Главныя черты, которыми эта литургія отличается отъ нашей литургіи преждеосвященныхъ даровъ, суть слѣдующія:

1. Уніаты не напаяютъ кровію агнцевъ, приготовляемыхъ у нихъ для литургіи преждеосвященной. Обычай же древній, говорятъ уніятскіе служебники, агнцы напаяти кровію Христовою отъ св. чаши, для литур-

лии предсвятенныхъ, да останется (1).“ Въ основаніе такого своего постановленія уніаты полагають чистое—натолическое ученіе, являемое обыкновенно въ ихъ служебникахъ въ особомъ указѣ о закланіи св. агнца, ниже священнодѣйствуется литургія предсвятенная: „твердо и несумнительно, подѣ видами хлѣба, быти вещью живаго Христа, съ тѣломъ, кровію и душею, купно же и божествомъ.“ „Се же, по наученію богослѣвскому, продолжаютъ уніатскіе служебники, глаголется быти, спослѣдовательнѣ, еже разумѣется соединеніе, и совокупленіе, или союзъ тѣла съ кровію, душею, и божествомъ, неразлучный и нераздѣльный, и не сопротивъ: Крове съ Тѣломъ, душею и божествомъ, также соединеніе и совокупленіе, или союзъ неразлучный вѣчнѣ, и никакоже раздѣльный (2).“ Предоставляемъ богословамъ судить о догматической достовѣрности этого ученія. Мы будемъ разсматривать его со стороны исторической, и на этотъ разъ скажемъ слова Гоара, что „если Церковь Восточная постановила напать кровію св. агнца, то она имѣла на это свои основанія, и во первыхъ то самое, въ которомъ сознаются и уніаты, что „обрядъ напоенія агнцевъ кровію не есть новорожденное постановленіе грековъ, а обычай принятый отъ Отцевъ, вѣка нашего (т. е. время Гоара XVII в.) гораздо старѣйшихъ (3);“ во вторыхъ „почему,“—продолжаетъ Гоаръ, „православные священники не могутъ для утѣшенія души и исполненія обряда

(1) Указъ о закланіи святаго агнца, ниже священнодѣйствуется литургія предсвятенная.

(2) Тамъ же.

(3) Мы видѣли, что отъ этого не отказываются и уніаты, когда обычай агнцы кровію напоенія называютъ обычаемъ древнимъ.

(у православныхъ) приниманія Евхаристіи подъ обоими видами, обходиться съ священными *видами крови* съ такою же осторожностію, съ какою обходились нѣкогда съ ними первосвященники (римскіе) для осужденія епископовъ погруженныхъ въ мглу ереси?—Вѣдь извѣстно, что папа Теодоръ, подписывая осужденіе монофелита Пирра, смѣшивалъ чернила съ кровію Христовою, и, какъ замѣчаетъ Діаконіусъ въ его жизнеописаніи, подобный примѣръ осужденія противниковъ вѣры помянутый папа или заимствовалъ отъ предшественниковъ или оставилъ преемникамъ.⁴ Но, самое главное, на что уніаты забыли обратить вниманіе, это то, что, по замѣчанію Гоара, „обычай напоенія св. агнецъ кровію никогда не былъ отвергаемъ верховнымъ *главою церкви* до схизмы (т. е. до раздѣленія церквей) ни послѣ нея не былъ осужденъ на соборѣ флорентинскомъ, на которомъ были подвергаемы обсужденію вещи гораздо меньшей важности (1).“ Объ немъ говоритъ и римскій Евхологіонъ 1754 года (2). Замѣчательно также, что постановленіе о ненапоеніи агнецъ кровію для литургіи преждеосвященной не читается въ узаконеніяхъ собора замойскаго. Такъ въ слѣпной ревности рабскаго подражанія католицизму уніаты съумѣли перенести въ свой чинъ даже то, чего не требовали отъ нихъ римско-католики,—вопреки всякой критикѣ исторической и догматической истинѣ.

(1) *Еухологусъ* Goar, стр. 176—177.

(2) «Возьми св. лициу въ правую руку, омокаешь ее въ святой крови, лѣвою же рукою держишь каждый хлѣбъ, и подносишь святому лициу, смоченную въ св. кровь и касается ею крестообразно къ св. агнебу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вырѣзанъ крестъ на проскомидіи и полагаешь его въ хлѣбососицу. Потомъ берешь другіе и дѣлаешь тоже самое съ каждымъ изъ нихъ и полагаешь всѣхъ ихъ въ хлѣбососицу. *Еухологусъ* в Рѣмл стр. 97—98.

2. Во время стихословія у насъ на литургіи прежде освященіи совершается перенесеніе даровъ изъ дарохранительницы на жертвенникъ, гдѣ священникъ полагаетъ св. агнецъ на дискосъ, вливаетъ вино и воду въ чашу, однимъ словомъ, предварительно уготовляетъ св. дары для перенесенія ихъ на престолъ во время великаго входа. — У уніатовъ этотъ чинъ, хотя опять они не отказываютъ ему въ наименованіи древняго устава (1), совершенно оставляется. Въмѣсто этого, по новому уставу уніатскому, излагаемому обыкновенно въ служебникахъ въ особенномъ указѣ „о входѣ великомъ, на литургіи преждеосвященной, и о положеніи святаго агнца преждеосвященнаго, на дискосъ,“ полагается „первое творити великій входъ, а потомъ уже положеніе агнца на дискосъ на престолъ, а не на жертвеннику.“ Основаніемъ такого постановленія уніаты въ томъ же помянутомъ указѣ полагаютъ ту мысль, что предварительное положеніе агнца на дискосъ на жертвеннику, — „іерееви священнодѣйствующиу на престолѣ въ благоговѣніи распорзаніе творитъ: паче же смущеніе, печаль, и великую болюзнь вводитъ, яко да не привлочится святой тѣлѣ Тѣла Христова на дискосъ лежащей оныхъ бесчестіе: изряднѣе же, да не будетъ доскиснеть отъ нѣкоего животна.“ Во вторыхъ, говорятъ уніаты, перенесеніе агнца съ жертвенника совмѣстно съ чашею, не имѣющею въ себѣ крове освященнаго, „нѣкимъ про-

(1) Древній есть уставъ, говоритъ уніатскій служебникъ указъ о великомъ входѣ, на преждеосвященной литургіи священникъ сосудъ на жертвеннику, якоже на престоли располагати, и на дискосѣ святаго агнца преждеосвященнаго въ началѣ литургіи полагати и соудъ купно съ чашею: не имущей въ себѣ крове Христова освященнаго, на великомъ входѣ, якоже и на литургіи Златоустовой, или Василиевой, оныя не посвященныя дары приносить.

стымъ людямъ и невѣжамъ съгнѣшіе преткновеніе: иже мнѣтъ быти кровь въ чашѣ Христову освященную: и сего ради достоудожную честь и положеііе воздають чашѣ, иноже и Тайна Тѣла Христова преждеосвященнѣй на святомъ дискосѣ лежащей. “ Но это тольііо хитрая іезуитская уловка, никогда не приходившая въ голову никому изъ православныхъ, не смотря на вѣковое совершеніе литургіи преждеосвященныхъ на востокѣ и у насъ въ Россіи, — говоримъ уловка, за которую кромѣ етъя одно постоянное, неизмѣнное стремленіе уніатовъ подражать во всемъ римско-католикамъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Это мы увидимъ сейчасъ при изложеніи того чина, по какому уніаты заповѣдуютъ совершать великій входъ и положеніе агнца на своей преждеосвященной литургіи взамѣнъ нашего.

„Начеишимъ пѣвцемъ пѣти: *Имь силы небесныя*, говорить уніатскій указъ о входѣ великомъ на литургіи преждеосвященной, диавонъ вземъ отъ іерея благословеніе, кадитъ св. трапезу, отъ четырехъ странъ, и на церковь къ людямъ. Аще же нѣсть діакона, самъ іерей кадитъ. И ставше вкучѣ предъ св. трапезою, глаголютъ втай: *Имь силы небесныя*. Звѣды и поклонитесь, абіе отходятъ ко скиніи, и дѣше животъ съ святыми дары преждеосвященными хранится: и диавонъ убо поклонся, отверзаетъ скинію, іерей же приклонъ тамо колѣнѣмъ, помолвися нѣяго, кадитъ трижды св. животъ. “

„Таже вставъ и поклоняся низко, пріемлетъ его въ рудѣ съ благоговѣніемъ и творитъ великій входъ, съ верною страхою исхода, ичесоше глаголя, тоиже вт утѣ своенъ молвися со умиланіемъ и вниманіемъ: предъ идущимъ ему свѣщеносцемъ со свѣщами въ звонцы маліи: бряцающе, и диавону: единому или двоимъ съ ка

дильницами, часто обращающаеся, кадящимъ, идуще нѣ-что отъ страны, и хранящеса, да не плещма обратятся къ св. кивоту, всѣмъ людемъ падшимъ на колѣна и молящимся. Вшедше же въ алтарь царскими дверми, іерей свя-тый кивоть поставляетъ на трапезѣ на распростертномъ илитоѣ, и паки приклонъ колѣнѣ, кадитъ святой кивоть якоже и прежде. Посемъ отдавъ кадилаицу, отверзаетъ св. кивоть, и поклоня низко съ благоговѣніемъ, изи-маетъ св. агнецъ лжицею отъ кивота, и полагаетъ его на дискосѣ, ничесоже глаголя. Аще же по случаю нѣ-кому прикоснется пѣрстома святому агнцу, да опло-четъ я въ нѣкоемъ сосудцѣ, и сіе оплоканіе въ очище-ніи св. чаши да испіеть. Таже вливаетъ въ св. чашу діакопъ, или самъ іерей вино и воду по обычаю, ни-чесоже глаголя, ниже благословляя, и поставляетъ ю на обычномъ мѣстѣ, на святой трапезѣ, и покрываетъ малымъ воздушномъ тоцію. И приѣмъ кадилаицу, низ-ко прежде поклоня, кадитъ предложенная преждеосвя-щенныя дары трижды, по коемждо кажденіи низко кла-ниая преждеосвященнымъ даромъ. Таже ектепія. Ис-полнимъ вечернюю молитву: и прочая.“

Въ этомъ указѣ главное вниманіе оставаливаютъ на себя 1) кажденіе агнца священникомъ стоящимъ на ко-лѣннхъ; 2) перенесеніе его на великомъ входѣ вмѣсто чаши въ дарохранительницѣ съ звонцами; 3) вліаніе ви-на и воды въ чашу и положеніе агнца на дискосѣ вмѣ-сто жертвенника на престолѣ. Если мы захочемъ срав-нить все это съ тѣмъ чиномъ, по которому преждеосвя-щенная литургія совершается у римско-католиковъ въ ве-ликую пятницу, то увидимъ, что все указаннаго ново-введенія буквально взяты изъ этого чина. Такъ именно по уставу латискихъ служебниковъ, священникъ въ

великую пятницу, отправившись къ престолу, гдѣ кра-
вилась запасная гостія,—прежде всего кадитъ ее стоя
на колѣнахъ: sacerdos genuflectit ante sacramentum et
genuflexus incensat hostiam. Потомъ переноситъ ее на
главный престолъ въ томъ самомъ сосудѣ, въ которомъ
она лежала доселѣ въ хранительницѣ (capsula), снова
колѣнопреклоняется, кадитъ, и наконецъ, какъ и у уніа-
товъ, кладетъ гостію на дискосѣ, вливаетъ вино и воду
въ чашу, покрываетъ священныя сосуды и т. д. Здѣсь
то именно вся суть, ради которой уніаты осмѣлились
измѣнить древнему православному чину и ввести у се-
бя новый никогда не бывалый и никому неизвѣстный.

Нечего далѣе и распространяться о томъ, что, из-
мѣнивъ древнему чину напоенія святыхъ агнцевъ кровію,
уніаты должны были измѣнить и древній обычай при-
общенія на литургіи преждеосвященныхъ. Въ то время,
когда у насъ священникъ, приобщаясь, ясно произно-
ситъ въ молитвѣ, что онъ приобщается вмѣстѣ „честна-
го и пресвятаго тѣла и крове Господа и Бога и Спаси-
теля нашего Иисуса Христа,“ уніатскій священникъ самъ предъ
собою сознается, что онъ „причащается только одного
честнаго и пресвятаго тѣла;“ отъ чаши же егда прича-
щается, по уставу уніатскому, онъ ничто же глаголетъ,
или какъ выражаются латинскіе миссалы: *omissis omnibus,
quae dici solent ante sumptionem calicis* (1), какъ и слѣдуетъ,
по справедливому замѣчанію, что „тамо простое есть ви-
но, а не Владычня кровь.“ Последнее приобщеніе, какъ
и на обыкновенной литургіи у уніатовъ, полагается
при словахъ: „да исполнятся.“

(1) т. е. опускавши все, что надобно говорить предъ причащеніемъ
изъ чаши.

Какъ хитро, умѣли католики завладѣть уніятами и перевернуть ихъ на своей ладъ! — Папство, лишившее своихъ мірянъ чаши, дозволяетъ ее уніатамъ, — но ему тяжело видѣть, какъ эти новые сыны его наслаждаются такимъ благодѣніемъ. И вотъ, подъ вліяніемъ иезуитской хитрости, оно останавливаетъ свои взоры на литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Кстати уніаты по обычаю православной церкви привыкли говѣть и причащаться только въ великій постъ... Оставалось значить уничтожить древній обычай напоить кровію агнцы для литургіи преждеосвященныхъ даровъ, — и всѣ, кто будетъ говѣть въ великій постъ и причащаться на преждеосвященной литургіи, уже, значить, не будутъ розниться отъ р. католиковъ, потому, что какъ и послѣдніе, они будутъ причащаться по католически — подъ однимъ видомъ тѣла Христова. При этомъ нельзя не подивиться въ этомъ случаѣ несообразности и рабскому униженію уніятаго духовенства. Середивскій въ своемъ сочиненіи „Обогаженіи западной церкви“ замѣчаетъ, что для католическихъ священниковъ великая пятница есть единственный день, когда они нисходятъ въ рядъ обыкновенныхъ мірянъ, т. е. причащаются однимъ только тѣломъ Христовымъ (1). А для уніатскаго духовенства такими днями надо считать весь великій постъ, когда по уставу нашей церкви совершается литургія преждеосвященныхъ. Такъ сами не замѣтно для себя уніатскіе архіереи и священники роютъ себя въ глазахъ соборной и православной церкви, ради одного рабскаго желанія угодить р. католикамъ (2). Въ этомъ отношеніи.

(1) О богослуженіи западной церкви ст. 2-я, стр. 36.

(2) Въ изъ описаніи къ этому нововведенію уніатовъ, Петръ Могила въ своемъ служебникѣ полагаетъ священнику причащаться отъ чаши

мы съ удовольствіемъ одобряемъ просьбу Антиохійскаго патріарха Грегѣ мелкита (т. е. уніята), который, какъ говоритъ народовѣщаніе, обращался къ папѣ Венедикту XIV, съ просьбою, чтобы тотъ дозволилъ подвѣдомымъ ему священникамъ служить въ великій постъ; вмѣсто преждеосвященной литургіи, литургію совершенную; потому, что вѣтмъ оны отставалъ для своихъ единовѣрцевъ чашу Христову въ великій постъ на литургіи преждеосвященной, хотя папа нашелъ нужнымъ, разумѣется ради причинъ выше нами изложенныхъ, отказать въ этомъ прошеніи. „Албаномъ же и прочимъ, новоправленнымъ календарь уже приемшимъ, тойже Венедиктъ въ конституціи *etsi pastorales*, аще въ благословія есть въ седмицныя четьдесятницы дни совершати литургію, не оставляюще обаче, ни же преминующе въ парохіальныхъ (приходскихъ) церквахъ преждеосвященныя,“ (1) т. е. именно тамъ, гдѣ народъ говѣлъ и говѣеть въ великій постъ.

Заключимъ свое обозрѣніе уніятскихъ служебниковъ и уніятской литургіи выпискою одної статейки изъ уніятскаго календаря — „Нравоучительная богословія“ которая довершилась предъ нами общую картину уніятской практики въ этой области, такъ важной и священной; а въ тоже время какъ нельзя болѣе познакомиться насъ съ тѣми взглядами; какіе имѣють на эту практику сами уніаты, ее соблюдающіе.

На вопросъ: „чи повиненъ (долженъ ли) Іерей отпра-вляти службу Божию въ ты церемоніи захваты (исполненія) явъ въ служебникахъ суть описанныи?“

такъ же, какъ и на совершенной обѣднѣ, т. е. съ словами: „честныя и пресвятая крове Господа нашего“ и проч.

(1) Народовѣщаніе: стр. 98—99.

Богословія правоучительная отвѣчаетъ: „повиненъ, и который бы оныхъ не заховать грѣшилъ бы. Се же: ина-
 паче Іерей уважати (наблюдать) повиненъ, абм, гдѣ тре-
 ба руцѣ тримати (держати) совокуняенны, оныхъ не
 простиратъ: а гдѣ простерти, оныхъ не совонуцятъ. Та-
 кожде и тое вѣдати маеть (имѣеть), гдѣ повиненъ козѣно-
 преклоненіе творити, а гдѣ не повиненъ. Суть бо нѣко-
 торіи, сего невѣдущіи, и на козѣно прикликають тамъ,
 гдѣ не годится. Альбо вѣтъ (ибо) козѣнопреклоненіе ток-
 мо маеть бывати тамъ, гдѣ суть святіи Тайны: ибо та-
 ковый поклонъ есть повинный самому Богу въ святыхъ
 Тайнахъ сущому, а гдѣ немасть (нѣтъ) святыхъ Тайнъ,
 тамъ на едно козѣно поклонъ творити не годится; опрочъ
 (развѣ) подѣ часъ Единородный и вѣрую въ единого
 Бога, на тое слово: вочеловѣчивыися. Найбезпечнѣйше
 зась и наилучше заховати всѣ церемонїи, которіи суть
 написанныи и положенныи на каждомъ мѣстцу самой
 литургіи, а на тыхъ не обезпечатися, которіи при кон-
 цѣ служебника видружованы; бо тамъ нѣтъ: противно
 вышереченнымъ обрядомъ положено.“

Въ выносѣхъ подѣ строкою къ этому прилагается:
 „суть нѣкоторіи капланы (священники) русскіи, иже,
 начинаючи читати святое Евангелїе, чинять: крестини
 перстомъ правымъ: на Евангелїи †, на челѣ †, на устакъ †
 и на персехъ †. Тамъже: знаменають Пятиною и Килѣ-
 хомъ, знаменають Килѣхомъ; но толь кратъ, Месу или
 Олтарь, предѣ благословенїемъ людей чинять перстомъ
 крестикъ † на Месѣ. По благословенїи, на лѣвой ступлѣ
 Олтаря мовять (говорять) отпустъ, альбо иже Евангелїе
 читають. Тыи сами не вѣдаютъ, якого типива держатся.
 Добрый то и побожный звичай, или церемонїа: але
 церкви западныя, и каплановъ Латинскихъ, Римскихъ,

бо певныи, отъ давня, на тое мають уставы, въ своихъ латинскихъ Миссалахъ, въразе на каждомъ мѣстцу положеныи и приказаныи. Въ жадномъ заетъ рускомъ, зъ греческого діалекту и уставу, найвѣрнѣйше виткумачономъ (переведениомъ) служебнику, нѣкто никогдаже таковыхъ не читалъ обрядовъ и церемоній. По то убо чуужилъ, до ныхъ не належашихъ, уживаютъ церемоній; нѣсть у нихъ отвѣта. Вѣдають пресвитери Римскіи, же благословеніе хлѣбовъ, Пшеницы, Вина, и Елеа, Благословеніе хлѣба предъ литургією, или проскомидіа, переносъ, зъ жертвенника на Олтарь, зъ килѣхомъ предъ уготованнаго Агнца, Оборотъ зъ Килѣхомъ со святѣйшими Тайнами къ людямъ, и благословеніе тымижъ людей: вѣдають, глаголю, каплани римскіи, же тыи всѣ церемоніи, отъ каплановъ греческихъ и русскихъ чиненныи, суть добрыи, побожныи, а еднакъ того не чинятъ: анѣ мируются и мированія не дають, (т. е. не помазываютъ елеємъ на всеночномъ бдѣніи) анѣ проскомидіи не отправляютъ, анѣ зъ килѣхомъ и со святѣйшими Тайнами, подъ часъ Мши (литургіи), къ людямъ не обертаются, и прочая. А понеже каноны и святіи Отцы давнѣйше, и потомъ соборы Енеральныи или повшехныи, постановили, и святая столица Апостольская, чрезъ многія Будли, отъ рожиныхъ намѣстниковъ Христовыхъ Папѣзовъ Римскихъ виданыи, утверждала, и завше утверждаетъ сіе, абы, въ справованію Святѣйшихъ Таинъ, или сакраментовъ, а особливо знову, въ отправованію службы Божой, жаденъ Ритуаль, неважился нѣчого уймавати, анѣ придавати: и сунодъ Вимойскій отъ святѣйшаго патріарха римскаго подтвержденный, повелѣваетъ абы: во всѣхъ набоженствѣхъ, и справованію (совершенію) службы Божой (апротъ вли-

НАУЧНЫЯ ГЕНЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ТЕОРИЯ ДАРВИНА.

(Окончаніе)

Если мы взглянемъ на теорію Дарвина испытующимъ взоромъ, то прежде всего и немедленно бросится намъ, въ глаза ея крайняя поверхностность, ея неспособность проникнуть дальше варужности внѣшнихъ явленій. Она отнимаетъ у природы ея идеальное основаніе и провозглашаетъ слѣпой случай строителемъ органическаго міра. Ея задача—объяснить происхожденіе видовъ; ея стремленіе—разрушить объективную реальность видоваго понятія. Вотъ въ чемъ сущность вопроса; здѣсь центръ тяжести Дарвиновой теоріи; здѣсь же и документальное доказательство ея водвѣйшей неспособности заглянуть въ природу глубже ея поверхности.

Въ самомъ дѣлѣ,—что такое видъ? Разсматривая совокупность живыхъ формъ, насъ окружающихъ, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ формъ всегда и вездѣ встрѣчаются намъ съ одними и тѣми же признаками. Отвлекая эти признаки и мысленно соединяя ихъ, мы составляемъ себѣ изъ ихъ совокупности понятіе о видѣ. То, что мы называемъ розой, является намъ по всюду съ одними и тѣми же признаками, и гдѣ бы мы не встрѣчали кустъ съ листьями и цвѣтами и вообще

формой розы, мы называемъ его розой, и изъ совокупности входящихъ въ него признаковъ составляемъ себѣ понятіе о видѣ розы. Теперь представляется вопросъ: существуетъ-ли это понятіе о видѣ только въ мысли наблюдающаго, или имѣетъ свою объективную реальность независимо отъ мысли человѣка и внѣ ея? Этотъ вопросъ касается самой сущности предмета, въ немъ его пульсъ, проходящій по всей области естествознанія.

На первый взглядъ можетъ показаться, что понятіе о видѣ принадлежитъ только естествоиспытанію и имѣетъ научный интересъ. На самомъ же дѣлѣ здѣсь замѣчается пунктъ, на которомъ соприкасаются вѣра съ наукой. Последняя вполне сознаетъ это и вотъ доказательства: „допущеніе неизмѣняемости въ царствѣ растений и животныхъ,“ читаемъ мы въ одной книгѣ по естествознанію, „неизбѣжно ведетъ къ старинной, совершенно чуждой естествознанію вѣрѣ въ чудеса.“ Здѣсь естествознаніе сознаетъ, что до тѣхъ поръ оно не можетъ отдѣлаться отъ вѣры въ чудеса, пока не будетъ отвергнута объективная реальность видового понятія. Отсюда прямое заключеніе, что до тѣхъ поръ, пока держится это понятіе, наука не можетъ отдѣлаться отъ вѣры въ чудеса.

„Пока неизмѣняемость видовъ признается только въ ограниченныя размѣрахъ, читаемъ въ другой подобной книгѣ, мы, необходимо, должны упоминать о твореніи, хотя въ тоже время должны прямо замѣтить, что это признаніе личной дѣятельности Творца противорѣчитъ остальнымъ дѣятельнымъ въ природѣ.“ Здѣсь заключаются два пункта: во 1-хъ—желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ идеи живаго Бога, и во 2-хъ—сознаніе, что

до тѣхъ поръ не удастся этого сдѣлать, пока видъ будетъ сохранять свою устойчивость.

Серьезное естествоиспытаніе, не желающее вращаться на поверхности внѣшнихъ явленій, по необходимости должно допустить объективную реальность видovýchъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ то, что вырастаетъ изъ пшеничнаго зерна, развѣ не необходимо принимаетъ форму пшеничнаго растенія? Правда, силы природы пробуждаютъ жизнь въ этомъ зернѣ; подъ ихъ вліяніемъ оно даетъ ростокъ, производитъ стволъ, строитъ одну ячейку за другой, но произрастаніемъ его отъ начала до конца управляетъ незримая форма, по которой растеніе строитъ свои ячейки, идеальный образъ, который, будучи невидимъ самъ по себѣ, облекается въ видимую форму въ произрастающемъ растеніи. Этотъ идеальный образъ такъ мало зависитъ отъ нашего представленія, что всякое отдѣльное растеніе, произрастающее на томъ, или другомъ мѣстѣ, только потому и на столько есть это именно растеніе (этого, а не другаго вида), на сколько матеріалъ, изъ котораго оно состоитъ, принялъ форму идеальнаго образа, служащаго типомъ для растеній этого вида и сдѣлался видимымъ его отображеніемъ. Совершенно справедливо мы можемъ назвать его *творческимъ первообразомъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова, первообразомъ, который, будучи не матеріальнымъ и незримымъ въ своей сущности, служитъ образовательнымъ началомъ для всякаго отдѣльнаго растенія; дѣлается видимымъ и осязательнымъ въ этомъ растеніи и всякое растеніе, произрастающее въ томъ, или другомъ мѣстѣ, есть лишь переходящее проявленіе чего-то невидимаго и постояннаго по своей сущности. И какъ одинъ и тотъ же солнечный

лучь преломляется въ безчисленномъ множествѣ капель росы, такъ точно и идеальный первообразъ отражается въ безчисленномъ множествѣ видовыхъ индивидуумовъ. Этотъ первообразъ, лежащій въ основѣ видимыхъ явленій, похожъ на идеаль въ душѣ художника; не матеріальный и не зримый самъ въ себѣ, и нуждающійся въ краскахъ и кисти для того, чтобы проявиться въ видимой картинѣ; и картина на полотнѣ есть ничто иное, какъ облеченное въ извѣстныя очертанія воспроизведеніе идеала, находящагося въ душѣ художника. Но въ этой видимой картинѣ мы узнаемъ то, что невидимо скрывается за нею въ душѣ художника. Такъ же точно и все, что мы видимъ плотскимъ глазомъ въ природѣ, есть лишь отпечатокъ идеальнаго въ матеріальномъ. Сама природа возводитъ мысль челоуѣка отъ матеріальнаго и видимаго во внѣшнихъ явленіяхъ, къ не матеріальному и идеальному, котораго проявленіемъ служить первое; она сама указываетъ на идеальное основаніе, на которомъ она покоится. Изъ этой объективной реальности видоваго понятія само собою открывается, какъ безусловно идеальный видовой типъ долженъ царить надъ формою индивидуумовъ. И такъ этотъ типъ служить дѣйствующимъ и образовательнымъ началомъ для внѣшнихъ явленій, и всякое отдѣльное растеніе на столько бываетъ этимъ именно растеніемъ, а не другимъ, на сколько входяще въ составъ его элементы, благодаря образовательной силѣ видоваго понятія, приняли извѣстную форму; и хотя въ предѣлахъ типа возможно разнообразіе оттѣнковъ въ формахъ; такъ какъ органическая жизнь во всякомъ случаѣ не закована въ мертвый механизмъ, но въ типѣ же положены и границы, которыхъ индивидуумъ

никоимъ образомъ перейти не можетъ. Никакое произведение никогда не выходитъ изъ границъ, начертанныхъ въ природѣ производителя, и отображеніе тако же мало можетъ уклоняться отъ первообраза, какъ картина на полотнѣ отъ идеала въ душѣ художника.

Серьезное естествоиспытаніе не можетъ отдѣлаться отъ реальности идеальнаго видоваго типа. Оно говоритъ о нематеріальныхъ потенціяхъ, дѣйствующихъ въ природѣ, о модели, формирующей индивидуумы, о пластическихъ идеяхъ, о морфологическихъ принципахъ, безъ познанія которыхъ наука есть ничто иное, какъ мертвый агрегатъ. Но какъ бы все это ни называли, во всѣхъ этихъ названіяхъ высказывается необходимость идеальнаго, изъ основъ котораго возникаютъ матеріальныя индивидуумы. Вѣра дѣлаетъ шагъ впередъ и называетъ эти пластическія идеи (такъ какъ онѣ не съоблаковъ же упали) творческими мыслями живаго Бога, и ту же мысль находитъ въ той Божественной книгѣ, въ которой, на первой же страницѣ десять разъ сказано, что Богъ сотворилъ все и именно—каждое твореніе отдѣльно *по виду своему*. И самъ материалистъ въ лицѣ одного изъ своихъ откровенныхъ представителей донуснаетъ, что отъ этихъ идей нельзя избавиться иначе, какъ допустивши, что міръ со всѣми своими живыми формами не имѣетъ начала, а отъ вѣчности существуетъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы теперь его видимъ; но это значитъ—предоставить каждому рѣшать этотъ вопросъ по своему произволу.

И такъ Дарвинъ хочетъ лишить природу всякаго идеальнаго содержанія. Онъ отрицаетъ объективную реальность видоваго типа и обосновываетъ всю архитектонику органическаго міра на слѣпой случайности, обуслови-

ваемой полезными уклонениями. Такимъ образомъ воздвигается космогонія организмовъ, которые являются на свѣтъ безъ всякихъ пластическихъ идей, безъ всякаго морфологическаго принципа, безъ нематеріальныхъ потенцій. Такъ какъ Дарвинова теорія есть первая, серьезно задуманная попытка—лишить природу ея идеальнаго, духовнаго содержанія, то нельзя отрицать въ ней особеннаго прогресса въ матеріалистическомъ міросозерцаніи. Но и въ ней полнѣйшее отсутствіе способности понять естественныя явленія въ ихъ духовномъ основаніи и близорукая эмпірія поражаетъ насъ на каждомъ шагѣ. Это все равно, какъ если бы кто нибудь задумалъ объяснить намъ постройку дома и ври этомъ прошелъ бы молчаніемъ глубокія и сложныя вычисленія строителя, предшествовавшія построенію и сопровождавшія его отъ перваго камня до послѣдняго, а вмѣсто того усиливался бы доказатъ, что иногда игра случая владеть камень на камень.

Дарвинъ имѣетъ дѣло только съ фактами. Послѣдуютъ за нимъ въ его экспериментахъ. Приводимые имъ факты неоспоримы. Арсеналъ, изъ котораго Дарвинъ заимствуетъ свои оружія, представляютъ огородныя, садовыя и полевныя растенія и домашнія животныя. Мы не думаемъ подвергать сомнѣнію ни одного изъ приведенныхъ имъ фактовъ. Мы вѣримъ на слово упоминаемому у Дарвина охотнику до голубей, который беретъ производя перо (голубиное) изъѣтъ изъ дѣтъ и вормы въ три года и голову по данному рисунку въ шесть лѣтъ. Мы вѣримъ и тому, что природа можетъ произвести отъ тонкихъ волокъ тонкихъ. Мы принимаемъ также безъ малѣйшаго ограниченія всѣ, разсказываемые имъ факты за достоверныя. Но они достигаютъ

только то, чего никто отрицать не думалъ, — именно разнообразіе индивидуальных оттѣнковъ въ очертаніяхъ внутри границъ, опредѣляемыхъ видовымъ типомъ. Но на томъ основаніи, что какой-то голубинный охотникъ можетъ произвести голову, или клювъ (голубя) по напередъ составленному рисунку, было бы слишкомъ смѣло требовать отъ насъ, чтобы мы повѣрили, будто голубь можетъ превратиться въ коршуна; и если природа изъ волчьего зародыша можетъ произвести волка съ болѣе или менѣе легкими очертаніями, то было бы слишкомъ смѣло заключать, что она можетъ сдѣлать изъ медвѣдя кита, или изъ драквы страуса. Но вся эта путаница выступить передъ нами еще рельефнѣе, если мы переложимъ ее въ форму общаго положенія. Вотъ оно: такъ какъ индивидуумы, принадлежащіе къ извѣстному виду, измѣняются, то отсюда слѣдуетъ, что и самыя виды могутъ переходить изъ одного въ другой. Дарвинъ очень хорошо знаетъ, что факты не оправдываютъ этого заключенія; не отрицаетъ онъ и того, что опытъ даже противорѣчитъ этому заключенію. Съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя человѣческій родъ, изъ пшеничнаго зерна никогда и ничего не выросло, кромѣ пшеничнаго растенія; на изображеніяхъ, находящихся на древнихъ египетскихъ памятникахъ, мы видимъ тѣ же формы животныхъ и растеній, какія окружаютъ насъ въ настоящее время. Такимъ образомъ опытъ, на который наша наука хочетъ опереться, противорѣчитъ ей заключеніямъ. Чтобы избѣжать этого противорѣчія и сообщить своимъ безсвязнымъ фактамъ должную доказательность, теорія Дарвина прибѣгаетъ къ гипотезѣ неисчислимаго множества вѣковъ, въ теченіе которыхъ естественный подборъ постепенно накопляетъ все боль-

пше и большее количество полезных уложеній. Но, не говоря уже о томъ, что гипотеза безчисленнаго множенства видовъ, которые будто бы прожили мїръ, ни на чемъ не основана, приписываемыя этимъ видамъ дѣйствія ни чѣмъ не доказаны и представляются не больше, какъ игрою воображенія. Если бы кто, нибудь подумалъ, что морозъ, превращающій воду въ ледъ, могъ бы превратить ледъ въ желѣзо, если бы продлить дольше его дѣйствіе на этотъ ледъ, то это было бы суевѣріе, противъ котораго странно было бы вести серьезный споръ. Мечты воображенія, можетъ быть, думѣсны гдѣ нибудь, только не въ области серьезныхъ изслѣдованій. Трескучія фразы не могутъ замѣнить доказательства. Если скажутъ, что начало естественнаго подбора служитъ для англійскаго фермера „волшебнымъ железомъ, съ помощью котораго онъ можетъ вызвать къ жизни такую угодно форму“; то эта фраза, въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочеть ее употребить въ свою задачу Дарвинъ, будетъ ни больше, ни меньше, какъ смѣшной странностію, которая должна въ этомъ отношеніи раздѣлить одну участь съ другими подобными нелѣпостями. Вотъ методъ, которому слѣдуетъ Дарвинова теорія въ своихъ ансерціяхъ надъ фактами. Она выходитъ изъ безсвязныхъ фактовъ, которыхъ отрицать нельзя, но которые ничего не говорятъ и въ ея пользу; за тѣмъ, хочеть сообщить, этимъ фактамъ доказательность при помощи ничего не доказывающей фантастической гипотезы. Недостатокъ серьезности и ненаучность этой гипотезы можетъ сравниться разве съ тѣмъ самодовольствомъ, съ которымъ ее выдвигаютъ впередъ. И при помощи этой смѣшной, ничтожной гипотезы хотеть уложить въ гробъ все идеальное содержаніе при-

роды, на которое сама природа постоянно и настоятельно наводит всякую серьезную мысль. Если где, то здесь именно умственно слово Гумбольдта о „притязаниях эмпирии, которая хочет доказать фактами, гораздо больше, чѣмъ сколько дозволяетъ опытъ“.

На сколько шатка теорія Дарвина со своей отрицательной стороны, на столько бессильна она и въ положительномъ разрѣшеніи своей задачи. Она хочет представить намъ въ осмыслительно-ясномъ свѣтѣ построение органическаго міра, а вмѣсто того мы получаемъ неразрѣшимую загадку, не получая отвѣта на самыя серьезныя возраженія.

Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ, самыя совершенныя органическія формы, произошли изъ клѣтчатки, или консерва эмбрионически не совершенной первобытной формы, по тѣмъ же силамъ и законамъ, которые теперь ежедневно и ежечасно дѣйствуютъ, то какъ объяснить то обстоятельство, что безмѣрное множество низшихъ организмовъ до сихъ поръ еще существуетъ? Если естественный подборъ занимался цѣлые милліоны лѣтъ усовершенствованіемъ всѣхъ органическихъ существъ вообще и каждаго изъ нихъ въ частности, то почему всѣ поросли не сдѣлались пальмами и всѣ инфузорія обезьянами?

И какимъ образомъ при существованіи этой образовательной силы такое огромное количество порослей такъ упорно противится постояннымъ и настойчивымъ попыткамъ естественнаго подбора? И если по началамъ Дарвинова ученія всякій организмъ, которому не удалось добиться ни одного полезнаго уклоненія въ безконечномъ ряду своихъ родичей, рано или поздно долженъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе, то какимъ обра-

♦♦

зомъ ухитрились эти поросли, не смотря на свое несовершенство, удержаться противъ напора своихъ быстро распространяющихся родичей? Эти вопросы можно было бы разрѣшить только при помощи гипотезы постоянного возникновенія новыхъ формъ. Эта только гипотеза могли бы выручить Дарвинову теорію изъ указанныхъ нами затрудненій. Но наша наука плохо зарекомендовала бы себя, если бы обратилась за помощью къ тому, что сама же признала пока негоднымъ.

Но если бы Дарвинова мечта оказалась правдою, въ какомъ видѣ предсталъ бы предъ нами органическій міръ? Одинъ видъ отдѣляется отъ другаго такъ замѣтно, что обыкновенно нѣтъ ничего легче, какъ отличить ихъ. Различіе между орлами и совами, фалками и буквицами бросается прямо въ глаза всякому. Скажемъ болѣе, разные виды представляютъ ряды индивидуумовъ, которые чѣмъ дальше уходятъ въ своемъ развитіи, тѣмъ богаче ихъ организація. Отсюда возникаетъ большая или меньшая близость или отдаленность, большее или меньшее сродство видовъ. Органическій міръ представляетъ собою пропорціонально развѣтвленное дерево; но въ то же время родственные виды въ немъ рѣзко обозначены, равно какъ и различные типы организацій. Всякая гипотеза можетъ претендовать на вѣроятность только въ такой мѣрѣ, въ какой объясняетъ данный фактъ. Какъ относится Дарвинова гипотеза къ тому факту, что каждый видъ такъ ясно и отчетливо отличается отъ другаго? Чтобы не заходить далеко, будемъ держаться предполагаемой первобытной формы, изъ которой возникли орлы и совы, голуби и утки. Уклоненіе, которому теперешніе орлы обязаны своей организаціей, сначала было микроскопически ничтожнымъ и развѣ только въ деся-

той генерации сдѣлалось въ самой малой степени замѣтно. Тотъ же случай повторился и съ тѣми уклоненіями, изъ которыхъ возникли совы, голуби и утки. Такимъ образомъ въ теченіе пятидесяти или ста генераций образовалось четыре линіи, которыя отличались одна отъ другой не больше, какъ бабочка отъ бабочки. Теперь, такъ какъ природа ни одной изъ этихъ четырехъ линій не отказала въ способности самой развиваться дальше, независимо отъ другихъ, то чрезъ комбинацію этихъ четырехъ линій должны возникнуть новыя среднія формы и не только въ размѣрахъ арифметической комбинаціи четырехъ формъ, а и въ гораздо большей полнотѣ, такъ какъ *каждый* особый индивидуальный признакъ могъ становиться въ связь со всякимъ другимъ. Отсюда вокругъ четырехъ линій образовалась бы ткань формъ, въ которой все было бы переплетено одно съ другимъ. Между тѣмъ естественно должны возникать новыя уклоненія, которыя должны комбинироваться съ существующими уже, и такъ какъ тоже самое могло случиться на всѣхъ рядахъ естественнаго подбора, потому что прогрессія не можетъ быть положено границъ, то образование особыхъ видовъ вообще сдѣлалось бы невозможностью и органическій міръ превратился бы въ настоящую паутину, въ путаницу формъ, въ которой ничего нельзя было бы разобрать. Такимъ образомъ Дарвинова теорія думаетъ вознестись зданіе органическаго міра, между тѣмъ оно разсыпается у ней въ дребезги.

Гдѣ теперь всѣ эти среднія формы? Онѣ должны возникнуть даже независимо отъ указанныхъ нами комбинацій. Ибо, по ученію Дарвина, каждый видъ возникъ изъ предшествовавшаго ему, чрезъ постепенное унго-

новіе и самостоятельный переходъ. Будутъ ли двѣдаться эти самостоятельныя переходныя формы? Погибли ли безусловно въ борьбѣ за существованіе? Но возможно ли допустить это? Возьмемъ наудачу какой-нибудь примѣръ, чтобы яснѣе видѣть, действительно ли это такъ? Для сущности дѣла все равно, какой бы примѣръ мы ни взяли. Положимъ, что изъ лисицы чрезъ посредство естественнаго подбора образовался волкъ. Такъ какъ постепенное уклоненіе бываетъ всегда не больше, какъ индивидуальнымъ и случайнымъ, такъ что на каждой ступени должно оставаться значительное количество индивидуумовъ, которыхъ это уклоненіе не должно касаться, то мы и теперь должны были бы находить постепенныя переходныя формы, все равно, будутъ ли волкъ выродившаяся лисица, или оба вмѣстѣ волкъ и лисица — будутъ имѣть третью, общаго обобщающаго родоначальника. Тризна предположить, чтобы всѣ эти среднія формы погибли въ борьбѣ за существованіе. Допустимъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ боронись другъ съ другомъ за средства къ существованію и что въ этой борьбѣ слабѣйшія погибли: все же остается неразрѣшимой загадкой, какимъ образомъ безусловно пропалъ средній между волкомъ и лисицей формы, которыя также могли прогрессировать въ накопленіи полезныхъ уклоненій, между тѣмъ, какъ слабѣйшая форма въ лицѣ теперешней лисицы побѣдительно вышла изъ борьбѣ за существованіе. Что эта борьба всего ошесточеннѣе между самыми родственными формами, этимъ загадка не разрѣшается. Если и теперь продолжаютъ существовать другъ подле друга гунны и коши, волки, совершенно непонятно, какимъ образомъ могутъ исчезнуть съ лица земли среднія между волкомъ и лисицей формы, которая съ

одной стороны могла ловить половецъ шипшей таниа точно, какъ нынѣшняя лисица, и пускаться на лонца, какъ нынѣшній волкъ, следовательно была обезопасена отъ возможности исчезновенія съ двухъ сторонъ.

Во всей пустотѣ своей встаетъ передъ нами эта пресловутая теорія, если мы обратимся къ ней съ неизбѣжнымъ, въ данномъ случаѣ, вопросомъ, — именно: въ чемъ собственно заключается то, что она называетъ *полезное* уклоненіе, т. е. то начало, которое переводитъ одинъ видъ въ другой? Общее положеніе монеты было признано справедливымъ только въ такомъ случаѣ, если оно легко принимается къ конкретному явленію. И вѣдь то пустота Дарвиновой теоріи восходитъ до смѣшнаго. Легко понять, что цѣпкій хвостъ для нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ составляетъ *полезное* уклоненіе. Но для другихъ видовъ тѣхъ же обезьянъ *недоукомплектованіе* этого уклоненія столь же *полезно*, такъ что онѣ равно ничего не теряютъ въ сравненіи съ своими цѣпко-хвостными родичами. Если образующая онаи монета уклоненій ибепщрика разноцвѣтными пятнами шкуру тигра, то и одноцвѣтная шерсть льва не мнѣе *полезна* ему; чѣмъ нарядная пестрота тигру. Изъ какой борьбы за существованіе *опака* вышла голубой, а роза красной? Вслѣдствіе какого *полезнаго* уклоненія возникло чувство — этотъ первый штрихъ въ образованіи животнаго? Подождемъ, что смѣшномъ критическимъ требовать ясныхъ доказательствъ на каждый отдѣльный случай; но и уклоненіе отъ всякаго отвѣта тоже не резонно. Предлагать, что будто бы можно объяснить удивительное стреніе органическаго мира — *полезно*, которая при первомъ своемъ возникновеніи всегда бываетъ не больше, какъ случайностью, значитъ жестоко заблужд

даться. Чѣмъ глубже идетъ плановый порядокъ въ устройствѣ всякаго органическаго существа, чѣмъ сильнѣе сквозитъ гармоническая пропорціональность въ его составныхъ частяхъ—что дѣлаетъ каждый организмъ совершеннымъ въ своемъ родѣ,—чѣмъ могущественнѣе овладѣваетъ нашимъ взоромъ рославленное адаміе органическаго міра, тѣмъ смѣшнѣе дѣлается претензія выдавать полезную случайность за строителя этого міра. Отъ простаго, безпристрастнаго смысла низшимъ искусствомъ не скроешь здѣсь знаменій организирующей, творческой мысли. Какъ чувствуетъ себя Дарвинова теорія передъ этой телеологіей, господствующей во всей природѣ, передъ этой повсюду пробивающейся, образовательно-сильной, которая направлена на будущее, навидимое? Если сѣмя одуванчика выработываетъ себя красную пыточную головку, то эта головка, оставаясь совершенно равнодушною къ судьбѣ растенія-матери, рассчитываетъ на *будущее* дуновение вѣтерка, которое должно разыграть роль сѣятеля для создающихся въ этой головкѣ сѣмянъ. Не видимъ ли мы и здѣсь тоже же самое стремленіе, которое заставляетъ перелетныхъ птицъ распускать свои крылья по направленію вѣтра и летѣть въ дальнюю невидимую страну, тогда какъ вокругъ себя, на своей родинѣ, онѣ находятъ довольно вѣкало пропитанія? Повсюду въ органическомъ мірѣ мы видимъ такіа образовательныя стремленія, которыя вовсе не рассчитаны на пользу для настоящаго, а выполняютъ свою задачу въ будущемъ; неумирающія и возмужающія надъ бытіемъ и возрастаніемъ органическаго существа. Глупо выводить эту, очевидно, предшествующую всему, что живетъ и развивается, и проливающую всю мысль изъ полезной случайности, думая

живающейся къ настоящимъ условіямъ жизни. Проводитъ изъ заколдованнаго ящера это расцветающее на будущее, невѣдимое, движенье природы, прелесть чуднаго весенняго дня, пѣніе соловья, архитеконику пчелы, гармонию въ расчленѣніи органическаго существа, проповодитъ все это изъ камага-то заколдованнаго ящера, надъ которымъ стоимъ, се своимъ милымъ чародѣйнымъ жезломъ, естественное стремленіе, значить владать въ суевѣріе, до котораго не доходила старинная вѣра въ колдуновъ.

Мѣнь же объяснить тотъ незаслуженный энтузіазмъ, съ которымъ было встрѣчено Дарвиново ученіе? Что оно не имѣетъ за себя научнаго основанія, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Объясненіе этого явленія мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ одного плодовитаго естествоиспытателя: „Дарвинова теорія, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, отстраняетъ личнаго Творца и твореніе видовъ, потому что для дѣйствія такого существа она не оставляетъ никакого мѣста. Какъ скоро однажды данъ начальный пунктъ, первый организмъ, то все остальное твореніе будетъ развиваться изъ него послѣдовательнымъ порядкомъ чрезъ естественный подборъ, по простымъ законамъ преемства. Равнымъ образомъ и человекъ не будетъ тогда фигурировать въ качествѣ творенія, созданнаго по особенному способу, отличнаго отъ прочихъ животныхъ, съ особой душой и дыханіемъ жизни, вдуваемымъ въ него Творцомъ; онъ будетъ тогда лишь высшимъ продуктомъ развитія, до котораго могъ дойти естественный подборъ въ царствѣ животныхъ, продуктомъ, развившимся изъ ближайшей къ человеку породы обезьянъ.“ Отрицаніе Бога и униженіе (Enttätenschiebung) человека, какъ прямое слѣдствіе перваго, всегда было

принципиальность материалистического естествоиспытания. На
если при этом хотѣли объяснить существование органи-
ческого міра, то принуждены были ограничиваться
ничего не говорящими фразами въ родѣ того, что органи-
змы возникли послѣ того, какъ образовалось доста-
точно большое количество основной органической матеріи: —
известн, кремнезема, азотныхъ соединений. На вопросы
о томъ, какъ они возникли, отвѣчали фантазмагоріями.
Сознавали, что „недостаетъ положительныхъ воспріятій
для составленія сколько нибудь сноснаго образа перво-
ваго органическаго творенія, и что фантазія художника,
который хотѣлъ бы начертать этотъ образъ, оставалось
всегда обширное поле“. Если Дамаркъ желая объяснить
происхожденіе видовъ, говорилъ о „моллюскахъ“, кото-
рымъ чувствуютъ неодолимое стремленіе „ощупывать“ все
вокругъ себя, и чрезъ то дѣятельность нервной и сосу-
дистой системы направляютъ такъ, чтобы у нихъ нара-
стаютъ щупальцы, то подобныя построенія исторіи твое-
ренія, во всякомъ случаѣ, были лишь игрою фантазіи,
не имѣвшей никакого значенія. Дарвинъ сдѣлалъ на-
вѣру серьезную попытку исполнить этотъ недостатокъ
и подставить водѣ эти мечты прочее фактическое осно-
ваніе. Но его теорія не сколько удовлетворила желаніе
материалистовъ. По крайней мѣрѣ въ первомъ ея изданіи
была высказана нужда въ Творцѣ, ягобы „Они
вдохнули жизнь въ первоначальную анимешную форму,
и послѣ этого вторымъ свиданіемъ объ этой нуждѣ „умащен-
нается, что все же и не отрицаютъ ея совершеніемъ.
Таковы образцы Дарвинъ хотя въ ничтожныхъ размѣ-
рахъ, но все же допускалъ дѣятельность Творца. Не
это ли и побудило тѣмъ же самымъ переводчикамъ разливаться
въ жалобахъ на то, что „новая теорія допускаетъ Твор-

человѣкъ относительно первоначальной односторонности; таковы и члвкъ становится въ странное противорѣчье сама съ собою¹⁾. При всемъ томъ, во что бы ни шло, она готова принять все со всеми ея странностями. Такимъ образомъ возникаетъ ли на теорію Дарвина со стороны ея научной несостоятельности, или со стороны побужденій къ ея принятію, мы приходимъ къ одному и тому же неизбежному заключенію, что вытѣсненіе Творца къ творенію вовсе не есть никакая вынужденная научная необходимость, а свободный актъ человеческого духа, благаго отъ живаго Бога и добровольное стремленіе во имя

Высшій доводъ къ предъидущему сужденію, конечно еще одной изъ новейшихъ антропологій, ради ея особенной оригинальности. Эта антропология съ одной стороны тоже охватываетъ общія выхренія въ которыхъ кружится все современныя теоріи постепеннаго развитія вышнихъ родовъ изъ нижнихъ, одной стороны изъ другой; съ другой стороны пытается сохранить челоуѣку его специфическое отличие отъ всѣхъ другихъ существъ, и такимъ образомъ—благодаря сочетанію этихъ двухъ противоположныхъ принциповъ, предъстаетъ намъ очень замѣчательное явленіе.

Мы говоримъ о „Твореніи челоуѣка“ соч. Карла Снелли, профессора Іенскаго университета.⁽¹⁾ Въ началѣ этой книги, токъ въ токъ какъ у Дарвина; красноречивая первобытная форма, слушающая (будто бы) общими исходнымъ пунктомъ всего живаго. Все, живущее теперь на землѣ, включая сюда и челоуѣка, есть лишь

(1) Schöpfung des Menschen von Karl Snell, professor an der Universität Jena. 1885.

дальнейшее развитие этой первобытной формы; въ настоящій свой видъ все это пришло чрезъ ряды последовательныхъ метаморфозъ въ теченіе вѣковъ и поколѣній. Но доказательство происхожденія, по этому геологическому изслѣдованію, не ведетъ за собой необходимо единство сущности. Хотя все живое имѣетъ общаго прародителя въ этой первобытной формѣ, тѣмъ не менѣе различіе между человѣкомъ и животнымъ заключается не въ степеня развитія, а въ сущности. Человѣка возвышаетъ надъ всеми живущими на землѣ, и составляетъ его специфическое отличие—его разумъ—дѣятельность всеобщаго въ его мысли и возможность безусловнаго въ его нравственной волѣ“. Разума не есть только дальнѣйшее развитіе (Potenzierung) животнаго инстинкта; инстинктъ слишкомъ узокъ и ограниченъ для того, чтобы могъ изъ него возникнуть разумъ. Необходимо предположить отъ вѣчности существующую разумную основу; изъ которой могъ произойти самосознательно-дѣятельный разумъ. Это разумное зерно должно восходить ко времени перваго изданія всеобщей жизни въ индивидуальную. Оно есть первоначальное изъ всего, что живетъ и дышитъ. Разумная человеческая природа могла образоваться только отъ такого прародителя, который самъ носилъ уже въ себѣ непрерывное разумное начало. Отъ такого прародителя произошло два ряда существъ, изъ которыхъ одни сдѣлались рабами и вѣчными условій, управляющихъ развитіемъ всякаго чувственно; проявляющагося бытія, другія въ постепенно развивавшейся мирретной формѣ сдѣлались сосудами и живыми органами безконечнаго. Въ первомъ ряду развивается міръ животныхъ, во второмъ человѣкъ. Отношеніе человѣка къ животному міру и вмѣстѣ съ

нимъ въ общему прародителю отчасти можетъ быть вы-
ражено примѣромъ майората. Отъ перваго майоратнаго
владѣльца идетъ рядъ первенцевъ, которые вступаютъ
въ обладаніе его имущества и его права и все
стоятъ на одной и той же ступени въ жизни. Но млад-
шіе сыновья перваго майоратнаго владѣльца, равно какъ
и слѣдующія поколѣнія образуютъ другое потомство,
отличное отъ поколѣнія первенцевъ по богатству и по-
ложенію въ жизни. Изъ этого потомства многие члены
часто ниспадають на высшія ступени жизненной лѣс-
ницы. Люди составляютъ рядъ первенцевъ; и въ перво-
бытный праотецъ передалъ въ наслѣдство майоратъ ра-
зума. Въ мірѣ животномъ окружаютъ насъ тѣ члены
семьи, которые произошли отъ одного общаго съ
нами корня, но которые, будучи лишены предоставлен-
наго первенцамъ майората разума, опустились и упали
до теперешняго своего животнаго состоянія.

Такъ какъ и люди—первенцы и животныя—младшіе
члены семьи одинаково заключались въ одномъ и
томъ же прародителѣ, такъ что въ немъ не существовало
рѣзкихъ границъ между человѣкомъ и животнымъ, то
отсюда слѣдуетъ, что существо, отъ котораго прои-
зошли и люди и животныя, не могло быть вполнѣ по-
хоже ни на человѣка въ его настоящемъ, вполнѣ сфор-
мировавшемся видѣ, ни на животное. Оно должно было
удержать основныя черты того и другаго уклада, — за-
нимать бредину между ними. Нынешняя форма чело-
вѣка не есть „даръ природы или божества“, а наслѣд-
ство, доставшееся ему послѣ вѣковаго развитія безъ
всякаго содѣйствія съ его стороны. Въ настоящее время
тщету усиливались бы мы воспроизвести путемъ орната
образъ первобытнаго предка, въ котораго терялось

различіе между челоѣкомъ и животнымъ, равно какъ и ближайшихъ къ нему по времени первоисточъ; однажды навсегда мы должны отнаться отъ надежды воспроизвести ихъ образъ. „Земля скрываетъ въ своихъ недрахъ иды останки и если мы найдемъ ихъ, то не узнаемъ“.

Вотъ ядро этой новой генеалогіи. Во всякомъ случаѣ она обращаетъ на себя вниманіе своею новизной и ей нельзя отнаться въ оригинальности. Доселѣ естествоиспытатели материалисты производили разумнаго изъ неразумнаго, видѣли въ разумъ дальнѣйшее развитіе инстинкта, а эта новая генеалогія поступаетъ совершенно на оборотъ—производитъ неразумное изъ разумнаго.

Дальнѣйшіе результаты, въ которыхъ приходится это „твореніе челоѣка“ въ своихъ умозаключеніяхъ относительно праотца, не менѣе интересны и потому мы думаемъ на нихъ остановиться. Хотя авторъ сознается, что путемъ опыта нельзя возстановить образа первобытнаго предка, тѣмъ не менѣе стараетсяъ забросать въ сколько чертъ, по которымъ можно составить себѣ по крайней мѣрѣ общій очеркъ его наружности.

„Въ первый, великій періодъ органическаго творенія, въ такъ называемый палеозоическій періодъ, когда еще было еще обитаемыхъ странъ и вся жизнь заключалась въ текущихъ элементахъ, находимъ уже основныя черты позвоночныхъ животныхъ, къ которымъ относится и современный намъ челоѣкъ по своей организаціи. Обыкновенно называютъ позвоночныхъ животныхъ палеозоическаго періода всѣмъ янурядъ рыбами, впрочемъ, потому только, что они жили въ водѣ. Съ теперешними несудачными рыбами они не имѣютъ ничего общаго. Впрочемъ, въ загадочныхъ странахъ

формах. Ихъ мы не должны считать фигурами первого майоратнаго владѣльца. Эти формы представляли въ себѣ нѣчто достаточно уже установившееся; въ нихъ очень замѣтно выступали уже черты животнаго уклада, такъ что по нимъ можно было гадать о будущимъ младшимъ членахъ фамили. Замѣчательно, что въ глубочайшихъ и древнѣйшихъ слояхъ первого періода мы не находимъ никакихъ остатковъ позвоночныхъ животныхъ. Очень возможно и даже весьма вѣроятно, что тѣ творенія, которымъ предназначено было совершить свое дальнѣйшее развитіе на сушѣ, во время своей жизни въ водѣ не развились до установившихся и твердыхъ формъ, а жили въ ней какъ слабые головоастики, и только по мѣрѣ выхода на воздухъ и на сушу формировались ихъ кости и члены, точь въ точь какъ въ наше время это дѣлается съ лягушкою. Такимъ образомъ эти первые позвоночныя животныя могли исчезнуть и вымереть безъ малѣйшаго вреда для дальнѣйшихъ генеалогическихъ рядовъ позвоночныхъ животныхъ. Само собою разумеется, что творенія съ задатками вышатаго развитія должны были трудиться дольше надъ своей внутренней обработкой, пока не выработали себѣ прочныхъ формъ. Вотъ тѣ начальные пункты, отъ которыхъ авторъ ведетъ насъ въ заключительному результату, состоящему въ томъ, что основныя черты для составленія образа первобытнаго прародителя можно заимствовать только съ головоастика, въ формѣ котораго „первозданнѣй майоратный владѣлецъ, этотъ носитель непрерывной разумной основы“, нырялъ въ первобытныхъ водахъ.

Заботливо утѣшая насъ, это генеалогическое начало

дованіе допускаеть, что намъ нѣтъ основанія относиться презрительно къ первоначальной формѣ существа, отъ котораго ведетъ свой корень человѣчскій родъ. И въ настоящее время самый лучший микроскопъ и тончайшій анализъ не въ состояніи открыть различія между эмбриональными зародышами волка, лошади и человѣка! „Только тотъ могъ бы открыть въ этихъ зародышахъ то различіе, какое существуетъ между волкомъ, лошадью и человѣкомъ, кто могъ бы своими глазами заглянуть за предѣлы чувственного міра и въ глубочайшія основы сущаго, кто пророческимъ взоромъ могъ бы созерцать будущность этихъ еще не развернувшихся организацій“. Нашъ прародитель могъ быть чѣмъ угодно по своей формѣ и виду, но „навѣрное предки человѣка достаточно отличались отъ предковъ животныхъ внутреннимъ тонкимъ выраженіемъ на своей физиономіи; и какъ изъ глазъ дитяти часто смотритъ на насъ съ удивительнымъ и трогательнымъ глубокомысліемъ его зарождающаяся душа, такъ и замкнутая молчаливая тайна человѣческой души могла выдать себя во взглядѣ и выраженіи этого существа—палеозоическаго головостика—чѣмъ нибудь понятнымъ, выразительнымъ, глубокимъ. И если бы духъ, проникающій глубину сущности, могъ глазами этихъ твореній заглянуть въ основу ихъ дунгъ и провидѣть печальное искалѣченіе и аномаліи, которымъ подверглась въ послѣдствіи человѣческая природа во многихъ расахъ, кто знаетъ, не разразился-ли бы онъ словами:

Wie gross war diese Welt gestaltet,

So lang'die Knospe sie noch barg;

Wie wenig, ach! hat sie entfaltet,
Dies wenige, wie klein und karg (1)4.

Авторъ развиваетъ свою генеалогію изящнымъ раз-
машистымъ языкомъ, съ серьезной миной. На заглав-
номъ листѣ сдѣлано примѣчаніе: „Право перевода ав-
торъ удерживаетъ за собою“.

И. Троицкій.

Миръ, какъ громадь, былъ этотъ миръ, пока хранилъ въ своихъ
пещерахъ свою почку, и увы! какъ мало онъ развилъ ее, и это малое
какъ жалко и скудно.

(1) „Какъ громадь былъ этотъ миръ, пока хранилъ въ своихъ
пещерахъ свою почку, и увы! какъ мало онъ развилъ ее, и это малое
какъ жалко и скудно.“

ИНОСТРАННЫЯ ЦЕРКОВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Консервативная и либеральная партія во французскомъ протестантствѣ на парижской конференціи пасторовъ. Въ томъ же духѣ, какъ и нѣмецкій протестантскій союзъ (1), но гораздо прямѣе и яснѣе высказала свои отношенія къ положительному христіанству либеральная партія во французскомъ протестантствѣ на годичной конференціи пасторовъ, имѣвшей свои засѣданія въ Парижѣ съ 25 по 28 апрѣля истекающаго года. Эти отношенія отъ имени своей партіи высказалъ Кокерель младшій, по поводу положенія „о несомнѣнности духовной должности съ отрицаніемъ сверхъестественнаго“, положенія, формулированнаго предводителемъ консервативной партіи Гизо. Кокерель прежде всего находить, что положеніе Гизо не точно выражено; потому что въ немъ нѣтъ ничего о троичности лицъ въ Богѣ, о первородномъ грѣхѣ и искупленіи кровію Христовою. Затѣмъ, такъ опредѣляетъ отношеніе своей партіи къ вопросу о сверхъестественномъ и къ консервативной партіи. Говорятъ, насъ раздѣляетъ (съ консервативной партіей) вопросъ о сверхъестественномъ: это слишкомъ неточная фраза! Пропасть между нами гораздо шире. На сколько сверхъестественное обозна-

(1) См. предъид. книжку Христ. Читанія. стр. 549.

часть дѣйствіе личнаго, живаго Бога, я въ него вѣрую. Различіе между нами скорѣе состоитъ въ радикально-противоположныхъ взглядахъ на христіанство. Для васъ ортодоксаловъ, христіанство есть догматъ, по своей сущности; для насъ оно больше, чѣмъ догматъ, для насъ оно *рядъ чистыхъ формъ*, которыя *исходили* пунктомъ своимъ имѣютъ христіанскую жизнь (sic!). Иисусъ *во-все не былъ догматистомъ; Онъ былъ любовью, Онъ ис-точалъ изъ Себя любовь потоками.* И если Онъ вло-жилъ въ сердце человѣка потребность вѣровать по сво-ему, а не такъ, какъ другіе, между тѣмъ вы говорите намъ: „вы можете спастись *только нашей вѣрой*“, то вы впадаете въ безвѣрное заблужденіе. Мы жалуемъ на васъ Иисусу, жалуемъ этой жизни, которою будетъ обновленъ міръ долго спустя послѣ того, какъ послѣд-ній ортодоксалъ сдѣлается либераломъ: *Ad tuum tribu-nal, domine Iesu, appello* (къ Твоему судилищу *апел-лирую, Господи Иисусе!*)“ Въ рѣчахъ другихъ орато-ровъ либеральной партіи, взглядъ Коккереля младшаго былъ значительно раскрытъ и дополненъ особенно Коккерелемъ старшимъ (отцомъ младшаго). Все они дру-жно напали на Божественное происхожденіе и авторитетъ Библии и въ доказательство противнаго приводили между прочимъ то, что яйцо отнесено тамъ къ жи-вотнымъ жуящимъ жвачку, что Иисусъ Навиѣ пове-лѣлъ остановиться солнцу и пр. Сверхъестественное рожденіе Иисуса Христа они объявили тоже сомнитель-нымъ и — во всякомъ случаѣ — не имѣющимъ никакой важности, такъ какъ самъ Христосъ и большая часть апостоловъ не упоминаютъ объ этомъ. Безусловно от-вергали сверхъестественное въ смыслѣ дѣйствія Божія внѣ законовъ природы. По ихъ мнѣнію, тѣ времена;

когда больше всего дорожили догматами и символами, были самыми бѣдными для христіанской жизни. Допуская, что Библия слушаетъ во всякомъ случаѣ источникъ христіанской вѣры, они находили однакожь, что допускать какой бы то ни было авторитетъ между библіею и ея читателями, значило бы перестать быть протестантомъ, а превратиться въ католика. Всякой протестантъ имѣеть право толковать для себя Библию. Отдѣльныя повѣствованія и прежде всего нравственное ученіе Библии мы принимаемъ, какъ истинно Божественное, а другое, и особенно чудеса, мы отвергаемъ. Чудеса для христіанской вѣры существенной важности не представляютъ. Мы живемъ въ такое время, которое отвергаетъ всякой авторитетъ въ религиозныхъ дѣлахъ. Римскій папа потерялъ почву подъ своими ногами, и неужели протестантская церковь, церковь свободы, должна имѣть своего протестантскаго папу? Только свобода можетъ возстановить миръ въ церкви. Гдѣ духъ Христовъ, тамъ свобода.“

Мы опускаемъ возраженія и соображенія, которыя высказали противъ изложенныхъ нами воззрѣній либераловъ представители консервативной партіи, а остановимся только на рѣчи Гизо, тѣмъ болѣе, что въ ней сгруппировано все, что было сказано особенно удачнаго другими. Объявивъ прежде всего, что онъ хочетъ устранить изъ вопроса всякія личности, ораторъ начинаетъ: „мы должны различать здѣсь два вопроса—одинъ о фактахъ, другой о принципахъ. Наше объясненіе вызвано важными фактами. Мы вынуждены высказать наши убѣжденія, благодаря ожесточеннымъ нападкама на насъ. Нельзя отрицать, что эти нападки направлены на основныя истины христіанства. Мы будемъ отвѣчать

на нихъ. Но мы будемъ имѣть въ виду только тѣ пункты, которые затронуты здѣсь. Троичность лицъ въ Богѣ не принадлежитъ къ этимъ пунктамъ, у насъ идетъ рѣчь о сверхъестественномъ, т. е. о сверхъестественной дѣятельности Божіей въ мірѣ. Что такое христіанство? Такое же созданіе Божіе, какъ міръ, или только развитіе человѣческаго сознанія? Вотъ пунктъ, который мы хотѣли бы защищать.

За тѣмъ должны коснуться и другихъ членовъ вѣры, напримѣръ божественнаго происхожденія св. Писанія. Понятно, само собою, что Богъ въ Своёмъ откровеніи хотѣлъ учить насъ не геологій, зоологій, астрономіи, или другой какой нибудь наукѣ. Мое убѣжденіе, основанное на изслѣдованіяхъ, состоитъ въ томъ, что Богъ бралъ людей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, со всѣми ихъ нравственными и научными недостатками. Если напримѣръ сказано въ Библии, что Иисусъ Навинъ остановилъ солнце, то, конечно, тутъ не имѣлась въ виду система Коперника. Боговдохновенность св. Писанія касается только отношеній Бога къ человѣку и человѣка къ Богу. Поэтому оно и служитъ основаніемъ для нашей вѣры.

„Многіе пытались распространить свое ученіе въ мірѣ. Они основывали школы, но не въ состояніи были овладѣть вдругъ различными народами и протянуть свое владычество на цѣлыя вѣка. Это чудо совершила одна только Библия. Ея особенность состоитъ въ томъ, что въ ней Богъ говоритъ человѣку. Вотъ что значитъ наша фраза: „боговдохновенность и авторитетъ Библии въ дѣлахъ вѣры.“

Что же касается сверхъестественнаго, то мы его не опредѣляемъ, потому что его значеніе заключается въ

духъ идеи. Мы разумѣемъ подъ этимъ чудо, т. е. дѣятельность Божественной свободы внѣ обычныхъ законовъ природы. Сверхъестественное, понимаемое такимъ образомъ, составляетъ отличительную особенность христіанства, и мы держимся за него.

Переходимъ къ центральному пункту вопроса. Намъ хотѣлось бы уяснить себѣ, что такое мы и что такое вы. Васъ мы считаемъ на столько легкомысленными и жалкими, на сколько это свойственно вообще людямъ. Но въ отношеніи къ извѣстнымъ вопросамъ, всё мы легкомысленны и всё жалки. При всемъ томъ, когда дѣло идетъ объ этихъ вопросахъ, мы ни больше, ни меньше, наравно на столько же жалки, на сколько и всё другіе.

Насъ обвиняютъ въ догматизмѣ. Да, если бы догматизмъ исключала теплоту сердечную и жизнь, то это обвиненіе привело бы меня въ смущеніе. Но въ счастію я этому не вѣрю. Теплота сердца и жизнь прирождены христіанской вѣрѣ. И эта вѣра твердо держится за основныя факты, которые Евангеліе рассказываетъ намъ о происхожденіи христіанства. Христіанскій догматъ есть самъ Христосъ, чудеснымъ образомъ родившійся, Чудотворецъ, чудесно воскресшій изъ мертвыхъ. Вотъ—Христосъ историческій. Чтобы обрѣсти источникъ христіанской жизни, нужно во всякомъ случаѣ вѣрить въ сверхъестественное. Вѣра имѣетъ дѣло только съ Богомъ. Можно быть ученикомъ человѣка, но вѣровать въ него нельзя....

Итакъ мы христіане—догматисты, но только потому, что твердо держимся фактовъ. А какъ предметъ вѣры есть самъ Христосъ, то защищать ее значитъ защищать Христа. Родъ человѣческій не осужденъ на одно

бесплодное исцеленіе. Онъ нуждается въ положительныхъ убѣжденіяхъ. Для того, чтобы нитать его душою, не достаточно философіи. Чтобы утолить душевную жажду, нуженъ Божественный источникъ. Вотъ почему мы — догматисты.

Изъ этого обстоятельства дѣлаютъ упрекъ намъ. На самомъ же дѣлѣ мы — не больше, какъ христіане, и притомъ самые снисходительные, отличающиеся самою широкою терпимостью къ другимъ. Пренія времена отличались меньшею терпимостью. Мы сдѣлали большой прогрессъ въ этомъ отношеніи. Будущему суждено, можетъ быть, видѣть еще больший. Но въ настоящее время истинные либералы, это — мы.

Новая книга Штрауса. Штраусъ издалъ недавно новую книгу подъ заглавіемъ: *Die Halben und die Ganzen*, (Половинчатые и цѣльные). Эта книга написана противъ Шенкеля и Генстенберга по поводу критическихъ замѣтокъ на его *Leben Jesu*, помѣщенныхъ первымъ въ своемъ *Allgemeine Kirchl. Zeitschrift* (Общая церковная газета), вторымъ въ своемъ *Evangelische Kirchen-Zeitung* (Евангелическая церковная газета), и имѣетъ значеніе антикритики. По отношенію къ Генстенбергу эта антикритика ничего интереснаго не представляетъ; — въ ней дѣло идетъ о давнишнихъ спорныхъ вопросахъ — именно воскресеніи Лазаря, Квириніусъ и пр. Притомъ Штраусъ ничего не говоритъ здѣсь новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже нѣсколько разъ имъ было высказано раньше, въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. По нашему мнѣнію доводы Штрауса нисколько не ослабляютъ возраженій, дѣлаемыхъ ему Генстенбергомъ. Что же касается Шенкеля, то новая книга Штрауса имѣетъ въ виду доказать, что Шенкель остановился на полдорогѣ,

въ своихъ взглядахъ и лицъ Иисуса Христа и ека-
рakterъ Христианства! Но настоящий интерес этого по-
литическаго сочиненія Штрауса состоитъ не въ научной
постановкѣ вопросовъ, а въ характерѣ политическаго
приемовъ. Оставляя въ сторонѣ старые вопросы, авторъ
собираетъ разные неблагоприятные для своего содер-
жанія слухи о его служебныхъ отношеніяхъ къ бывшему
обслуживающему Юрно Фишеру и чести названіемъ жен-
скаго мальчишки (и другія не менѣ выразительныя)
своего сличенія съ пятидесятилѣтняго противника.

Новая книга Шенкеля Шенкель также издалъ но-
вую книгу подъ заглавіемъ: Die protestantische Freiheit
in ihrem gegenwärtigen Kampfe mit der kirchlichen Rea-
ction. Wiesbaden 1865 г. (Протестантская свобода и ея
свременная борьба съ церковной реакціей. Висбаденъ,
1865 г.) Книга эта выведена многочисленными проте-
стантами, которыми Ваденские пасторы (къ которымъ въ
послѣдствіи присоединились берлинскіе и многіе другіе)
встрѣтили его «Charakterbild Jesu» (характеристика И-
суса) и нѣхъ требованіями, чтобы авторъ оставилъ за-
главье и въ мѣсто директора протестантской семи-
наріи въ Ваденѣ, книгу не совѣстное съ его рещиоз-
ными убѣжденіями. На этихъ двухъ пунктахъ Шенкель
старается въ своей книгѣ разбить соперниковъ. Прежде
всего онъ старается связать вызванное его книгою дви-
женіе въ Ваденскомъ духовенствѣ съ реакціоннымъ дви-
женіемъ въезитской римско-католической партіи и дока-
зываетъ что тенденціи и цѣли въ томъ и другомъ движе-
ніи оди и тѣже—преобладаніе іерархіи (католической и
протестантской безразлично) надъ разумомъ и совѣстью
народовъ и соединенный съ ними обскурантизмъ. Стра-
нныя книги, на которыя авторъ ссылается въ этомъ

предметъ, изображены ерами въ родъ слѣдующихъ: „при-
крытое маскою благочестія, эгоистическое фарисейство,
занозливый ортодоксальный фанатизмъ, церковная реак-
ція, своей сущію все тѣснѣе и тѣснѣе стѣсывающая сво-
боду народовъ, іерархія, рабствомъ буквѣ и формамъ
убивающая волюю-свѣжую, духовную жизнь»,... и пр.
Авторъ убежденъ также, какъ его товарищи на эвзе-
визскомъ собраніи, что «теология символическихъ книгъ
и ортодоксальная догматика не можетъ уже быть боль-
ше питательнымъ хлѣбомъ и освежающей водой для
нашего времени, что Евангеліе должно быть возвращаемо
людямъ нашего времени на новомъ языкѣ... Духовенство,
которое, вмѣсто того, чтобы шириться съ идеями време-
ни, объявляетъ имъ войну, не понимаетъ своего вре-
мени». Шенкель хочетъ, чтобы «Церковь была пере-
строена подобно съ людьми настоящаго времени». Изъ
догматики этой новой церкви должно быть совершенно
уотрачено ученіе о Богородице и св. Писанія,
какъ теорія римско-католическая. Эта догматика должна
развиваться въ гармоніи съ сознаніемъ нашего времени
и стоять въ уровень съ современнымъ образованіемъ.
Именно, — образъ Христа долженъ быть очищенъ отъ
традиционныхъ противорѣчій и обращенъ въ образъ
чисто человеческой личности. Наше время нуждается
въ такомъ образѣ Христа, который пересталъ бы быть
сенсусовой загадкой, мимо которой оно проходило бы
холодно и безчувственно. Ключъ къ пониманію этой
таинственной личности имѣетъ наше время, можетъ въ своемъ
собственномъ нравственномъ и научномъ гегѣ (11)»...
«Можетъ такій образъ книги Шенкеля сама дѣлается
сенсусовой загадкой. Онъ имѣетъ въ виду доказать не-
справедливости дѣлаемыхъ ему упрековъ въ отращаніи

Божественности Иисуса Христа и между тѣмъ представлять такое докзательство противъ себя, какого только могутъ дождать его противники.

Предлагаемое новое издание гексаглъ Оригена. Лондонскій Atheneum извѣщаетъ, что Англійскій ученый Фильдъ предпринялъ сдѣлать новое издание всѣхъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, отрывковъ изъ араменитыа гексаглъ Оригена. Нужда въ этомъ изданіи давно чувствуется въ ученомъ богословскомъ мѣрѣ. Со времени знаменитаго Монфорона (1713) и Барда (1769), единственныхъ до сихъ поръ собирателей огромнаго труда Оригенова, открыто значительное количество новыхъ отрывковъ, которыхъ еще никто не попробовалъ собрать въ одно цѣлое, и Фильдъ своимъ предпріятіемъ озащетъ не маловажную услугу богословской наукѣ и главнымъ образомъ патристикѣ и библейской критикѣ. За достаточность его научной подготовки для этого предпріятія говорятъ изданныя имъ недавно книги: *Optimæ Norwicense, sive Testamenti de Reliquiis Aquilon, Symmachi, Theodotionis, e lingua Syriaca for publishing by Subscription, Drusium et Montefalconium (Norwich, 1865)*. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, указаны два главныхъ источника, изъ которыхъ позаимствованы новыя многочисленныя отрывки гексаглъ; — именно: 1) недавно изданный Сирскій переводъ библіи — гексаглъ Павла епископа Теллы, извлеченный изъ рукописей миланской, парижской и лондонской библіотекъ; и 2) Оксфордское издание перевода 70, сдѣланное подъ наблюденіемъ Гольмеса и Персона и заключающее въ себѣ драгоценный сборникъ многочисленныхъ отрывковъ гексаглъ, заимствованныхъ изъ разныхъ древнихъ библейскихъ не изданныхъ рукописей, отрывковъ, отню-

сидящихъ къ тексту Псалтири и Пророковъ: Исайи, Иеремии и Иезекииля, тексту, въ которомъ до сихъ поръ всего болѣе было пробѣловъ. По утвержденію Аѳанасіемъ первая тетрадь сборника должна явиться въ печати въ непродолжительномъ времени.

Ученныя и литературныя чтенія въ Сорбоннѣ.
Въ концѣ прошедшаго года члены Сорбонны и Французскаго института (Institut de la France) читали ученые и литературныя лекціи предъ многочисленными слушателями. Замѣчательно, что почти воъ эти лекціи, читанныя знаменитѣйшими французскими учеными, рѣшительно возстають противъ отрицательнаго направленія, которое старается ввести въ науку критико-материалистическая школа. Такъ Катроахъ и Гратіель (недавно умершій) опровергали теорію Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животныхъ и растений, и въ частности о происхожденіи человека отъ обезьяны, теорію, усвоенную не только коноводами такъ называемаго либеральнаго направленія въ наукѣ, но и представителями такого же направленія во французской реформатской церкви, напр. Ревилемъ. Знаменитый Мильтъ Эдвардсъ заключилъ свою лекцію торжественнымъ завѣреніемъ, что его научныя изслѣдованія все болѣе и болѣе укрѣпляютъ въ немъ вѣру въ настоящую промышленительную дѣятельность въ мірѣ живаго Бога.

На собраніи 24 марта Голларъ, профессоръ въ Пуатье, разсматривалъ вопросъ о единствѣ человѣческаго рода. Огромная зала Сорбонны была вполне набита слушателями. Онъ началъ очень искусной группировкой различныхъ расъ. Фотографическіе снимки каждой изъ нихъ, производимые въ увеличительныхъ рамыбрахъ электрическимъ свѣтомъ, на крѣпко натянутомъ полотнѣ,

давали слушателям возможность наглядно следить за характернейшими разностями въ каждой расѣ. Загнѣвъ предло- живши вопросъ: составляютъ ли такія разности, какъ крѣпость, черты лица, форма черепа, случайныя, или необходимыя принадлежности известной расы, и можно ли отъ нихъ заключить къ разности народа, профессоръ привелъ множество поразительныхъ фактовъ съ подтвержденіемъ того, что всѣ эти разности только отно- сительныя и ничего не говорятъ противъ единства чело- вѣческаго рода и происхожденія его отъ одной четы. Публика привѣтствовала шумными рукоплесканими спра- ведливое сужденіе, которое произнесъ Голларъ надъ тенденціями полигенетической американской школы, защи- щающей полиганизмъ съ цѣлію оправдать невольниче- ство, равно какъ краснорѣчивое заключеніе его лекціи, въ которомъ онъ провозгласилъ единство чловѣческаго рода твердо основаннымъ въ безпристрастной наукѣ фактомъ. Эта лекція служитъ новымъ доказательст- вомъ того, что если поверхностная ученость отчуждаетъ отъ реалии, то глубокая и основательная возвращаетъ къ ней, и что христіанская вѣра можетъ быть въ гар- моніи съ самыми дѣльными фактами антропологіи и съ благороднѣйшими интересами чловѣчества.

..Американское библейское общество и ея типо- графія. Типографія американскаго библейскаго обще- ства принадлежитъ къ великолѣпнѣйшимъ зданіямъ сто- лицы Соединенныхъ Штатовъ. Она выстроена въ 1852 г. на свободной подпискѣ и стоила 400.000 р. с. Въ этой громадной типографіи ежедневно работаетъ 400 чел. Въ каждый годъ она выпускаетъ миллионъ библій на всѣхъ языкахъ Америки и Океаніи. Недавно она окончила и издала въ свѣтъ библію для слѣпыхъ; она

стоитъ 26 р. сер. Одинъ богатъ пожертвовалъ 4,200 р. съ условіемъ, чтобы на эти деньги было напечатано 25 великобланныхъ экземпляровъ св. Писанія и разослано значительнѣйшимъ государямъ Европы. Наполеонъ III на этотъ подарокъ отвѣтилъ очень любезнымъ письмомъ.

Доходы римско-католической пропаганды на май текущего года. Въ лѣтописяхъ Propagatione della fide за мѣсяць май помѣщенъ слѣдующій интересный отчетъ о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ пользу пропаганды изъ разныхъ странъ свѣта. Изъ Франціи получено 3.479.290 франковъ 32 сантим., изъ Италіи 428.491 фр. 24 сант., изъ Бельгіи 301.028 фр. 73 сант., изъ Германіи 254.185 фр. 8 сант., изъ Англій 169.754 фр. 5 сант., изъ Нидерландовъ 91.714 фр. 54 сант., изъ Швейцаріи 46.257 фр. 21 сант., изъ Португаліи 31.061 фр. 40 сант., изъ Леванта 23.598 фр. 48 сант., изъ Испаніи 7.995 фр. (?), изъ Россіи и Польши 904 фр., изъ Сѣверной Америки 167.316 фр. 3 сант., изъ Южной Америки 39.055 фр. 11 сант., изъ Африки 37.861 фр. 52 сант., изъ Азій 6.680 фр., изъ Австраліи 4.842 фр. 95 сант., всего 5.089.996 фр.

Годовые доходы главнѣйшихъ библейскихъ обществъ въ Сѣверной Америкѣ за 186¹/₂ и 186³/₄ г. Четыре главнѣйшія библейскія общества въ Сѣверной Америкѣ получили за означенное время слѣдующее количество добровольныхъ пожертвованій и обязательныхъ годичныхъ взносовъ со стороны членовъ:

	1861—2	1862—3	1863—4
Американское бюро (Board) для иностр. миссіи	333,080	397,079	551,988
Американское библейское общество	192,146	183,976	254,592
Американское общество трактатовъ	78,707	91,722	116,158
Американское общество для миссіи между язычниками.	163,852	164,884	195,537

Статистика евангелической церкви въ Германіи за 1862 годъ. Въ 1862 г. насчитывалось въ Германіи 22,577,328 жителей, принадлежащихъ къ евангелическому исповѣданію; молитвенныхъ зданій (храмовъ, капеллъ, молитвенныхъ залъ) 21,196; духовныхъ лицъ 15,000; смѣшенныхъ браковъ было 9,006; объединилось къ евангелической церкви 2,996 чел., перешло отъ нея къ другимъ церквамъ 2,704 чел., коммуникантовъ 13,335,770 человекъ.

Статистика протестантскаго народонаселенія Австріи за текущій годъ. Всѣхъ протестантовъ въ Австріи считается въ настоящее время 3,324,000; изъ нихъ 1,274,000 держащихся аугсбургскаго исповѣданія и 2,050,000 гельветическаго.

Религіозныя секты и православная Церковь въ Сиріи. Не много можно указать на земномъ шарѣ уголковъ, которые заключали бы въ себѣ такъ много сектъ, при сравнительно маломъ народонаселеніи и пространствѣ, какъ Сирія. Тутъ вы найдете и арабовъ, и друзовъ, и метавилловъ, и нусари, бедуиновъ и новаровъ, маронитовъ (православныхъ и католиковъ), грекоунитовъ, армянъ, армяно-католиковъ, яковитовъ и іудеевъ. Тамъ есть и христіане и язычники, іудеи и магометане. Всѣ эти общины, различающіяся одна отъ другой то религіей, то происхожденіемъ, то тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, равно какъ нѣкоторыя другія менѣе значительныя, вообще называются арабами, потому что говорятъ арабскимъ языкомъ. Арабскій языкъ служитъ общимъ языкомъ страны, хотя нѣкоторыя отдѣльныя племена имѣютъ кромѣ того свой собственный діалектъ, на которомъ говорятъ между собою.

Арабы въ тѣсномъ смыслѣ слова суть кочевые жите-

ли страны; ихъ обыкновенно называютъ бедуинами. Они раздѣляются на нѣсколько племенъ и придерживаются суннитскаго толка. Курды, живущіе между ними, также считаютъ себя правоверными мусульманами. Тѣ и другіе ведутъ кочевую жизнь, занимаются грабежемъ и постоянно враждуютъ другъ съ другомъ.

Новары, это—настоящіе цыгане; они кромѣ арабскаго языка говорятъ между собою на своемъ особенномъ діалектѣ, очень еродномъ съ санскритскимъ, или современными индійскими діалектами. Они разсыяны по всей странѣ и ведутъ кочевую жизнь.

Метавили—мугаммедане шиитской секты, потомки Али. Они первоначально вышли изъ Персіи и теперь встрѣчаются въ Тирѣ и Сидонѣ и на горахъ лежащихъ въ этой мѣстности, также въ Анкарѣ, на востокѣ отъ Триполи. Постепенно они распространились также чрезъ Ливанъ по Антиливану и по мѣстности вокругъ Баальбека.

Друзы, пріобрѣвшіе себѣ въ послѣднее время такую печальную извѣстность своей варварской ризней, произведенной надъ христіанами, представляютъ собою еретическую секту въ Исламѣ. Это—храброе, воинственное племя, перемѣшанное съ всеми другими сектами и живущее въ деревняхъ, разбросанныхъ по южному Анти-ливану, Ермоу, въ Гавранѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ округахъ.

Нузари населяютъ горы, лежащія на сѣверъ отъ Триполи противъ Антиохіи. Они тянутся къ заливу Александреттѣ по древней Киликии, и составляютъ значительную часть народонаселенія Антиохіи. Но всего больше встрѣчается ихъ въ округѣ Лаодикийскомъ. Это—варварское племя язычниковъ, которые содержатъ свою

религію вѣдѣтъ. Впрочемъ, кажется, по своимъ нравамъ и обычаямъ они сближаются съ древнѣйшими жителями страны. Подробности ихъ вѣрованій знаютъ только по священныя. Посвященіе въ ихъ религіозныя мистеріи совершается въ присутствіи шейха и бываетъ обыкновенно тогда, когда молодой человекъ достигнетъ семнадцатилѣтняго возраста. При этомъ посвящаемый закликаетъ себя страшными клятвами, что онъ будетъ хранить вѣрность ему тайны подъ страхомъ смерти. Они почитаютъ солнце и луну и вѣрують въ переселеніе душъ. На ихъ взглядъ всѣ—христиане, іудеи и магометане по смерти переселяются въ животныхъ (ословъ, свиней, обезьянъ), между тѣмъ, какъ нузари, воспаряютъ къ млечному пути и превращаются въ звѣзды.

Мы можемъ уволить себя отъ описанія магометанскаго населенія страны, такъ какъ въ религіозномъ отношеніи оно не отличается ничѣмъ отъ другихъ магометанъ; а вмѣсто того постараемся войти въ нѣкоторыя подробности относительно различныхъ христіанскихъ сектъ. Важнѣйшія изъ нихъ марониты, якобиты и армяне.

Марониты издавна приняли римско-католичество и сдѣлались ревностными католиками, но удерживаютъ кое-что и изъ своихъ прежнихъ вѣрованій. Главнымъ мѣстомъ ихъ жительства служитъ сѣверная сторона Ливана, но они встрѣчаются въ значительномъ числѣ и въ другихъ областяхъ и почти во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ городахъ Сиріи. Они—настоящіе сирійцы, такъ что сирскій языкъ до сихъ поръ употребляется при Богослуженіи въ нѣкоторыхъ принадлежащихъ имъ церквахъ.

Якобиты принадлежать къ собственно таеъ намы-

всегой, сирской церкви. Они по преимуществу обитают въ Сададѣ и въ соседнихъ деревняхъ и насчитываютъ у себя не больше 20,000 душъ. Значительная часть ихъ мало по малу перешла въ латинскую церковь.

Армяне встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ северной части Сиріи и въ Іерусалимѣ. Они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратій; живущихъ въ малой Азіи и другихъ частяхъ Турецкой имперіи, кромѣ языка; здѣсь они говорятъ по арабски. Значительная часть армянъ, присоединившихся къ латинской церкви, живётъ въ Алеппо и въ деревняхъ, принадлежащихъ въ тому пашалыку.

Для полноты нашего очерка не лишне будетъ сказать нѣсколько словъ и объ іудеяхъ. Природные іудеи говорятъ по арабски и живутъ въ Іерусалимѣ, Гебронтѣ, Тиверіадѣ, Сиддѣ, Дамаскѣ и Алеппо. Встрѣчаются также небольшія общины ихъ въ главныхъ приморскихъ городахъ. Ихъ насчитывается всего отъ 25 до 30,000 душъ.

Такими сектами и племенами окружена православная Церковь въ Сиріи. Она состоитъ главнымъ образомъ изъ грековъ. Но эти греки не чисто эллинскаго происхожденія. Они образовались изъ остатковъ древняго греческаго населенія страны, перемѣшавшихся съ остатками же сирскихъ племенъ еще во время владычества римлянъ, и такимъ образомъ составляютъ своеобразную, смѣшенную національность. Относительно вѣрованій и обрядовъ православные въ Сиріи ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ грековъ, живущихъ въ Греціи и Турціи и вмѣстѣ съ ними отъ православныхъ славянъ. Богослужебныя книги у нихъ тѣ же самыя, какія приняты и употребляются во всей право-

славной Церкви. Последователи православной Церкви в Сиріи живутъ по всей странѣ и говорятъ арабскимъ языкомъ, который, за немногими исключеніями, служатъ также и богослужебнымъ языкомъ.

Греко-униты, составляющіе, незначительную часть между православными, встрѣчаются въ большихъ городахъ и въ деревняхъ на Ливанѣ.

Universal News о лицахъ протестантскаго исповѣданія въ Англіи, перешедшихъ въ римско-католичество. Англійскій католическій журналъ „Universal News“ сообщаетъ въ послѣднихъ своихъ спискахъ лицъ, перешедшихъ изъ протестантскаго исповѣданія въ римско-католическое, въ послѣднія двадцать лѣтъ. Число ихъ простирается до 867. Впереди всѣхъ стоитъ умершая герцогиня кентская, мать королевы Викторіи. Затѣмъ слѣдуютъ герцоги, графы, бароны и другія высшія лица страны, и въ числѣ ихъ первый министръ Канады Набъ, и губернаторъ острова, Цейлона, Анстей. Въ числѣ женщинъ находятся доцены епископовъ норвичскаго и рочестерскаго. Вообще лицъ протестантскаго духовенства довольно въ этомъ спискѣ, число ихъ простирается до 213.

И. Троица.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1865 ГОДЪ.

I.

Учено-богословскія изслѣдованія.

Религія въ ея историческомъ ходѣ и психологическихъ основаніяхъ	97—127.
О свободѣ совѣсти	427—458. 459—502.
Особенность въ ученіи поморцевъ касательно крещенія .	181—188.
Характеръ протестантства и его историческое развитіе .	241—258.
Разборъ основаній, на которыхъ раскольники безпопцы утверждаютъ свой обычай перекрещивать православныхъ при переходѣ въ расколъ	154—180.
Особенность въ ученіи поморцевъ касательно крещенія	181—188.
Обозрѣніе уніатскихъ Богослужебныхъ книгъ 329—333.	591—616.
Феодоръ Тарскій, архіепископъ кантербурійскій въ Англіи (VII. 6.)	559—590.

II.

Современное обозрѣніе церковныхъ дѣлъ и богословской литературы.

Соединенные американскіе штаты въ религіозно-церковномъ отношеніи	3—33. 189—240.
Путевыя замѣтки изъ Германіи	34—56.
Церковныя иностранныя извѣстія . 57—91. 521—556.	640—656.
Православная сербская церковь	128—153.
Попытки въ англійской церкви къ соединенію съ православною въ XVIII столѣтіи	259—279. 384—407.
Объясненіе	280—326.
Научныя генеалогіи современнаго естествознанія и преимущественно теорія Дарвина	408—426. 617—639.

Всего в библиотеке имеется книг 10000

- 101-120 100-120 100-120 100-120 100-120 100-120 100-120 100-120 100-120 100-120
- 121-140 121-140 121-140 121-140 121-140 121-140 121-140 121-140 121-140 121-140
- 141-160 141-160 141-160 141-160 141-160 141-160 141-160 141-160 141-160 141-160
- 161-180 161-180 161-180 161-180 161-180 161-180 161-180 161-180 161-180 161-180
- 181-200 181-200 181-200 181-200 181-200 181-200 181-200 181-200 181-200 181-200
- 201-220 201-220 201-220 201-220 201-220 201-220 201-220 201-220 201-220 201-220
- 221-240 221-240 221-240 221-240 221-240 221-240 221-240 221-240 221-240 221-240
- 241-260 241-260 241-260 241-260 241-260 241-260 241-260 241-260 241-260 241-260
- 261-280 261-280 261-280 261-280 261-280 261-280 261-280 261-280 261-280 261-280
- 281-300 281-300 281-300 281-300 281-300 281-300 281-300 281-300 281-300 281-300

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WISCONSIN
BOOK DEPT
AUG 1 1951
722591

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>